

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАЗАНСКИЙ (ПОВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. МАРДЖАНИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Материалы II Международного конгресса
средневековой археологии Евразийских степей
(Барнаул, сентябрь 2012 г.)

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2012

УДК 902(4/5)(082)
ББК 63.48(051)я431
И 907

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**;
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
кандидат исторических наук **А.Г. Ситдиков**;
доктор исторических наук **А.А. Тишкин** (отв. ред.);
доктор исторических наук **Р.С. Хакимов**;
доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**;
кандидат исторических наук **Е.В. Шелепова**

И 907 История и культура средневековых народов степной Евразии : материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 248 с.

ISBN 978-5-7904-1234-9

В настоящем издании представлены материалы докладов II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей, который состоялся в сентябре 2012 г. в Барнауле в ходе реализации программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 годы «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири».

Статьи сгруппированы в семи разделах, демонстрирующих основные тематические направления конгресса: «Степные цивилизации и кочевые империи: методологические и методические аспекты изучения», «Формирование культурных общностей Евразийских степей в предтюркское и тюркское время», «Этнокультурное взаимодействие в Евразийских степях в эпоху средневековья», «Военное дело в степной Евразии в раннем и развитом средневековье», «Городская культура, торговля и торговые пути степной Евразии в X–XIII вв.», «Степные народы Евразии в контексте мировой культуры», «Особенности степных социумов: антропология и культура». Они размещены согласно алфавитному порядку фамилий авторов и отражают результаты современных исследований в археологии, истории, антропологии и других областях знаний.

Сборник научных трудов предназначен для специалистов, занимающихся изучением истории и культуры средневековых народов степной Евразии.

УДК 902(4/5)(082)
ББК 63.48(051)я431

*Сборник научных трудов подготовлен при финансовой поддержке РГНФ
(проект №12-11-22500-г(р) «II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей»)*

ISBN 978-5-7904-1234-9

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2012

СТЕПНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

ПОЗДНИЕ НОМАДЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРИИ

Б.Д. Борисов

Великотырновский университет «Св. Кирилл и Мефодий», Велико Тырново, Болгария

История и культура болгарских земель в XI–XII вв. неразрывно связана с поздними номадами. Из письменных источников известно, что почти весь XI в. земли к югу от Дуная подвергались нашествиям со стороны степных народов – печенегов, узов и куман. Кроме сведений о нашествиях, находим и данные о заселении отдельных племен на территории нынешней Болгарии, которые, несомненно, оставили некоторые следы своей материальной культуры.

К сожалению, исследование истории и культуры поздних номадов в Болгарии имеет еще совсем короткую историю. В первую очередь, следует указать исследования В. Златарского (1972. С. 88–119), В. Тъпковой-Заимовой (1976), И. Божилова (1973. С. 37–62) по истории печенегов, а также В. Стоянова (2000; 2006), П. Павлова (1990. С. 16–26; 1991) о куманах. Вместе с тем в болгарской археологической литературе появился ряд работ, посвященных отдельным категориям предметов, которые связаны с поздними номадами, – керамике, амулетам, печатям. Важное место в изучении печенежского военного искусства и вооружения занимают и исследования В. Йотова (2000а. С. 242–246; 2000б. С. 209–212; 2004). Не на последнем месте следует отметить и монографию Л. Дончевой-Петковой (2005). В ней подробно изложены результаты исследований печенежских погребений около с. Одырци, в районе Добрича. В этот список можно включить и большое число статей и сообщений об отдельных или единичных памятниках, ассоциировавшихся в основном с печенежской культурой. Все исследования затрагивают материалы главным образом с территории Северной Болгарии. В последнее время появились, хотя и единичные, памятники и находки с территории Южной Болгарии, которая, без сомнения, была подвергнута прямо или косвенно нашествиям поздних номадов (Борисов, Шейлева, 2000. С. 247–251).

К огромному сожалению, к настоящему времени в болгарской научной литературе все еще отсутствует целостное обобщающее исследование их истории и материальной культуры. Руководимый этим соображением, представляю научной общественности настоящий доклад, который отнюдь не имеет претензии продемонстрировать полную картину истории и культуры поздних номадов на территории Болгарии. В нем я ограничусь только изложением главных событий, оказавших влияние на болгарское население, и их последствий и укажу основные места находок и сами находки, связанные с их материальной культурой.

История

После «золотого века» Симеона болгарское государство постиг тяжелый кризис, который закончился попаданием под византийскую власть. Во время войн и более всего походов русско-варяжского князя Святослава в 968–969 гг. был нанесен тяжелый удар развитию поселенческой сети на территории Северной Болгарии, Добруджи, когда большинство поселений и крепостей пострадали, а многие из них были покинуты населением навсегда.

Полвека позднее начались губительные печенежские нашествия, которые с некоторыми перерывами продолжались более столетия. Уже на следующий год после смерти воистинного Василия II (1026 г.) печенеги вторглись в западные болгарские земли и, как свидетельствуют Скилица и Зонара, «полонили много народу» (Skylitzae, 1965. С. 198–340; Zonaras, 1968. С. 150–208).

При втором печенежском нападении в 1032 г. была опустошена вся Мизия. Двумя годами позже печенеги снова перешли Дунай и еще раз опустошили Мизию, достигнув аж Салоник. В 1033 г., воспользовавшись тем, что Дунай покрылся льдом, они опять опустошили Мизию, Фракию и Македонию. Скилица и Зонара отмечают еще три нашествия печенегов в 1036 г., которые сопровождались большими жестокостями.

Самое крупное печенежское нашествие началось в 1048 г. По словам Й. Скилицы, между 13 печенежскими родами начались внутренние распри. Один из вождей, Кеген, ушел с двумя племенами, спустился к Доростолу, вступил в переговоры с правителем Паристриона – Михаилом – и попросил причислить себя к «друзьям и союзникам» (Тъпкова, 1976. С. 75). Будучи верным давнишнему свое-

му принципу в политике «разделяй и властвуй», византийское правительство разрешило Кегену и подвластным ему печенегам поселиться на Дунае, предоставив им много земель с тремя крепостями. Печенеги крестились, а их вождь получил сан патриция, приняв на себя обязанность защищать границу от оставшихся к северу от реки печенегов во главе с Тирахом. Однако уже зимой, Тирах, воспользовавшись тем, что река замерзла, вместе с печенегами опустошил не только Мизию, но и Фракию и Македонию, а отдельные отряды достигли даже столицы Константинополя. С огромными усилиями и не без помощи Кегена византийской армии удалось разгромить Тираха, воспользовавшись эпидемией, вспыхнувшей среди его соплеменников. Попавшие в плен печенеги (во главе с Тирахом) крестились и поселились в районе Средеца, Ниша и Овче поле.

Спустя некоторое время после этих событий вспыхнул бунт печенегов, которые должны были в качестве стратиотов отбить нашествие сельджукских турков. Не в силах справиться с печенегами, византийская власть заключила в 1053 г. 30-летний мирный договор, согласно которому им предоставлялась земля для заселения в Паристрионе, а печенеги со своей стороны обязывались не переходить горы Стара планина.

Последствия

В борьбе между Византией и печенегами у болгарского народа было много жертв, а их земли сильно пострадали от продолжительных нашествий и военных действий. Это привело к исключительно серьезным демографическим переменам. В ходе этих событий множество поселений и крепостей нашли свою погибель, о чем свидетельствуют данные археологических исследований. В результате печенежских нашествий был нанесен очень сильный удар развитию сети поселений в Парадунавоне. Это вызвало миграцию болгарского населения с севера на юг от Балкан, где зарегистрирован новый этап в его развитии.

После этой даты жизнь продолжалась лишь в некоторых крепостях по Дунаю и на Черном море – Ветрен, Дрыстыр, Тутракан, Пакуйул луй Соаре, Диногечия, Нуфыру, Хырсово, Исакча, Калиакра, Варна и др. В то время навсегда исчезли поселения возле сел Попина, Цар Асен, Гарван и Малък Преславец (в районе Силистры), Одырци и Кладенци (в районе Добрича), Хырсово (в районе Шумена), Кривина (в районе Русе), Гиген (в районе Плевена), а также и крепости возле Мездры, Скала и Руйно, Кладенци, Хума (в районе Разграда), Врѣв, Старо село и Лиляче (в районе Врацы) и еще много других. (Атанасов, 2001. С. 191). Во время печенежских нашествий погибли шесть крепостей возле г. Испериха, обитаемых еще во времена Первого болгарского царств. В районе Тутракана из 16 поселений уцелело лишь одно (Стефанов, 1997. С. 151). Та же участь постигла и окрестности первой столицы – Плиски, где из 56 поселений уцелели только три (Станев, 2004. С. 42–43). Аналогичная картина фиксируется и в Добричской области, где из 121 поселения уцелели только 11; в Русенской области из 41 поселения и двух земляных укреплений – только четыре; в Силистренской области – из 72 поселений и восьми земляных укреплений – только три. Не отличалась и судьба поселений на территории Северо-Западной Болгарии. В долине рек Цибрица и Огоста из 10 поселений жизнь продолжалась только в одном (Борисов, 2006. С. 396).

Опустошительные печенежские нападения вынудили уцелевших жителей этих областей искать спасение на юге, что вызвало массовую миграционную волну. Одна часть населения поселилась в природно-защищенных предгорных и горных районах, где как раз в то время был восстановлен ряд крепостей, покинутых в конце VI или начале VII в. Другая часть населения нашла спасение на равнинах к югу от Балкан, где наблюдался настоящий «бум» в развитии поселенческой сети. Еще одна часть поселений возникла вновь, на необитаемых ранее в средневековые местах, – на месте фракийского города Севтополис (возле с. Ковачево), в районе Пазарджика (возле сел Дядово и Езеро), в районе Нова Загора (с. Гылыбово, Св. Кирилово, Мыдрец, Златна Ливада), в районе Чирпана (с. Любимец) и др. Некоторые из них подробно исследованы в ходе археологических раскопок. Во 2-й половине XI в. были восстановлены и вновь заселены многие покинутые в VI–VII вв. крепости – возле с. Крын, Ветрен, Николаево Мыглиж, Енина – в районе Казанлыка, Твырдица и мн. др. Существовал ряд поселений, обитаемых в XI–XII вв., которые возникли еще во 2-й половине IX в. К этой группе относятся средневековая Констанция, крепость возле с. Искрица (в районе Гылыбово) и поселения возле с. Караново (в районе Нова Загора), Раднево (ЦРБ), Гледачево-3, Знаменосец и Полски Градец (в районе Раднево), поселения у античной путевой станции Карасура (в районе Чирпана) и др. (Борисов, 2006. С. 398).

С другой стороны, во время печенежских нашествий пострадал и ряд поселений на территории нынешней Южной Болгарии. В то время исчезают крепость «Хисаря» (в районе Хасково) и поселение возле с. Сыдиево (в районе Нова Загора). Город Хисарлыка в Сливене был взят печенегами и некоторое

время оставался в их владении, а болгарское население покинуло его. Во время печенежских нашествий пострадало и поселение над Карасурой, а также и ряд крепостей и поселений в Восточно-Родопской области (Борисов, 2006. С. 399).

О возникновении поселений в конце 1-й половины XI в. свидетельствует и нумизматический материал. В поселениях возле Дядово и Знаменосец самые ранние монеты относятся к классам А-2 и А-3, которые чеканились в период 976–1028 гг. (Borisov, 1989. С. 369–370; Борисов, 1991. С. 245–247). В поселении над Севтополисом – самые ранние фолисы класса В (1030–1042), времени Михаила IV (1034–1041) (Чангова, 1972. С. 138; Пенчев, 1984. С. 137).

Археология

Данные археологических исследований на территории нынешней Болгарии находят полное подтверждение в письменных исторических источниках.

Бесспорно на первом месте следует указать два целостно изученных печенежских некрополя возле с. Одырци (в районе Добрича), на которых зарегистрированы разнообразные погребальные сооружения, различные позиции скелетов, трепанация черепов, ориентация, языческие и христианские элементы и специфичный погребальный инвентарь. Очевидно, некрополи принадлежат уже оседающему степному населению, которое хоронило усопших без коней или шкур лошадей, но использовало аппликации от конной амуниции в качестве украшений для женщин и детей. По всей вероятности, с печенегами следует связывать и некрополи из Плиски и у церкви Мостича в Преславе, где зарегистрированы абсолютно аналогичные погребальные обычаи и погребальный инвентарь (Дончева-Петкова, 2005. С. 175).

Наряду с указанными некрополями во время археологических раскопок ряда городов и поселений на территории Северной Болгарии обнаружено и огромное число находок, которые, вне сомнения, имеют печенежское происхождение, а также наиболее близкие параллели в степных местах обитания поздних номадов. Здесь на первом месте следует указать известные «конные» аппликации листовидной формы (Йотов, 2000. С. 242).

Отдельные находки и данные о поздненомадском населении зарегистрированы и на территории Южной Болгарии. Доказательством о номадском присутствии к югу от Балкан являются некоторые погребальные комплексы. Без сомнения, с поздними номадами следует связать открытые в курганах возле сел Ковачево и Медникарово (в районе комплекса «Марица-изток») вторичные погребения, в которых скелеты расположены на спине, с руками навывтяжку вдоль тела и с ориентацией по линии ЮВ–СЗ. В них найдены железные сабли и стремена. В погребениях открыты и части скелетов лошадей (Борисов, 2000. С. 248–249). Комплексы имеют параллели в печенежских погребениях из Плиски, из местности «Под зыбуите» возле Преслава, Кривина (Въжарова, 1981. С. 31), Нови Пазар и среди узо-печенежских памятников Киевской области (Кирпичников, 1966. С. 50–51. Табл. XV–7). По всей вероятности, указанные два погребения принадлежат куманам, которые хоронили своих мертвых языческим способом, с ориентацией на восток (в нашем случае – на юго-восток).

С поздними номадами, возможно, следует связать и открытые в средневековых Пернике, Хасково и Дядово стремена, которые, согласно авторам, принадлежат печенегам.

Видимо, доказательством о печенежском присутствии к югу от Балкан являются и керамические материалы из Хисарлыка в Сливене, где обнаружены целые и фрагментированные котлы с внутренними ушками и кастрюли (Борисов, Шейлева, 2000. С. 247–250).

Вероятнее всего, с поздними номадами следует связать и открытые в регулярных некрополях некоторых поселений (Дядово, Ковачево и др.) погребения, в которых захоронение проведено вразрез с нормами христианского погребального обряда – в скорченной (хокерной) позе, со скорченными ногами и на спине, в круглых ямах, с ориентацией по линии З–В. Что касается этнической принадлежности похороненных в этих погребениях, если довериться П. Коледарову, то это были куманы, которые, по его мнению, являлись единственными язычниками в конце XII в. в Болгарии. Местонахождение этих, хотя и единичных, языческих погребений на территории христианских некрополей категорично доказывает о мирном сосуществовании местного населения с отдельными представителями «чужого» – поздненомадского населения, вероятно, по линии смешанных браков, что свидетельствует о постепенной ассимиляции поздних номадов в XII в.

К находкам, которые, вероятно, связаны с поздними номадами, относится и кистень, который был найден в средневековом поселении возле с. Знаменосец (Борисов, Шейлева, 2000. С. 50).

Некоторые из перечисленных находок, возможно, не являются вполне достоверным свидетельством о заселении чужого, вероятно, поздненомадского населения к югу от Балкан, но, во всяком случае, они по меньшей мере маркируют его передвижение на эту территорию в XI в.

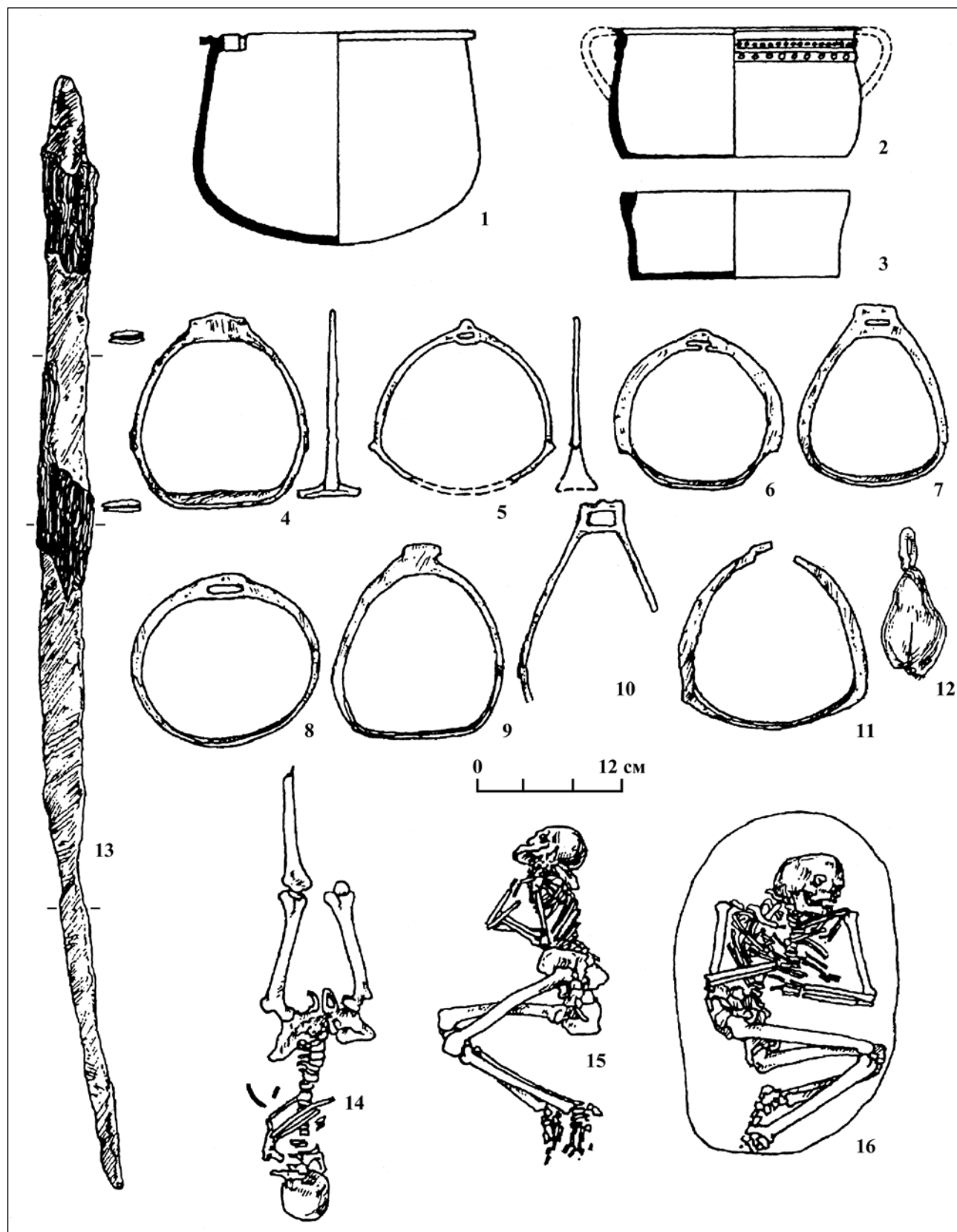

Рис. 1. Археологические находки и погребения поздних кочевников из Юго-Восточной Болгарии

Библиографический список

- Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурни промени в Добруджа през Средновековието // Изследвания в чест на чл. кор. Професор Страшимир Димитров, София, 2001.
 Божилков И. България и печенегите (896–1018) // ИПр. 2. 1973.

- Борисов Б.* Средновековно селище и некрополи край с. Знаменосец // Марица-изток. Археологически проучвания. 1. София, 1991.
- Борисов Б.* Демографските промени през XI – XII век в днешните български земи (Археологически свидетелства) // Тангра. Сборник в чест на акад. Васил Гюзелев. София, 2006.
- Борисов Б., Шейлева Г.* Археологически данни за късни номади на юг от Балкана // Плиска-Преслав. 8. Шумен, 2000.
- Въжарова Ж.* Славяни и номади на територията на днешните български земи от края на VI–XI в. // Плиска-Преслав. 3. София, 1981.
- Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи от XI век. 2. София, 2005.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове. 2. София, 1972.
- Йотов В.* Листовидни ажурни амулети от XI в. // Плиска-Преслав. 8. Шумен, 2000а.
- Йотов В.* О материальной культуре печенегов к югу от Дуная – листовидные ажурные амулеты XI в. // Stratum plus. 5. 2000б.
- Йотов В.* Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Варна, 2004.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. 1. М.; Л., 1966 (САИ; вып. Е1-36).
- Павлов П.* Куманите в общественно-политическите отношения на средновековна България (1186 – началото на XIV в.) // ИПр. 7. 1990.
- Павлов П.* България, Византия и куманите (70-те години на XI – началото на XIV в.). В. Търново, 1991 (автор. дис.).
- Станев К.* Миграция на българи през 30-те г. на XI в. от Северна България към западните български земи. Нов поглед към предисторията на въстанието на Петър Делян // Минало. 3. 2004.
- Стефанов Й.* Археологически паметници и история на проучванията в Исперихски район. София, 1997.
- Стоянов В.* Кумано-печенежки антропоними в България през XV век. София, 2000.
- Стоянов В.* Куманология. София, 2006.
- Тъпкова-Заимова В.* Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. София, 1976.
- Boriso B.* Djadovo 1. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th–12th Century). Tokai University Press. Tokyo, 1989.
- Skylitzae I.* Historia // ГИБИ. VI. София, 1965.
- Zonaras I.* Epitome Historiarum // ГИБИ. VII. София, 1968.

ВЛИЯНИЕ СПАДОВ И ПОДЪЕМОВ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЧЕВОГО МИРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при поддержке РГНФ – МинОКН Монголия
(проект №11-21-03001-а(м) «История киданьской империи Ляо»)

Одно из ключевых мест в современных исследованиях кочевых обществ Центральной Азии занимает вопрос о влиянии динамики исторического развития Китая на процессы политической интеграции и дезинтеграции у кочевых обществ данного региона. В последние десятилетия, пожалуй, наиболее активно обсуждалась концепция американского антрополога Т. Барфилда о «биполярном мире объединенного Китая и объединенной степи» как генеральной циклической схеме развития Центральной (Внутренней) Азии с конца III в. до н.э. и до середины XVIII в. (подробно см.: Barfield, 1989; Барфилд, 2002, 2008, 2009). Согласно этой теории в случае упадка централизации в Китае, его погружения в политическую анархию, экономическую депрессию и междоусобицы, то же случалось и с объединенными степными политиями, которые процветали благодаря вымогательству (либо кочевники захватывали северные китайские территории). Когда же Китай «был централизованным и мощным, такими же были кочевые империи», создававшие имперские конфедерации (Барфилд, 2008. С. 15; 2009. С. 20–21). В одной из наших статей уже было рассмотрено несоответствие схемы Т. Барфилда историческим процессам в период существования Тюркских каганатов (Васютин, 2011б). Несколько наглядных примеров. Очевидно, что Тюркский каганат возник в середине VI в. не как «ответ» на успехи централизации в Поднебесной, так как вплоть до 581 г. территория Китая была разделена на несколько царств. И, наоборот, как только в Среднем государстве возникала единая династия, что сопровождалось экономическим и военно-политическим подъемом, прекращались выплаты шелком, в элитной среде кочевых обществ начинались противоречия и междоусобицы, часть аристократии переходила под патронаж китайцев и т.д. Усиление

Тан в конце 620-х – 660-х гг. вместо возникновения суперимперии в степи привело не только к разгрому Восточного и Западного каганата, но и к установлению формальной зависимости кочевников Монголии от Китая. Только во времена Второго Тюркского каганата (особенно при Капаган-кагане) можно говорить о «биполярности» отношений Поднебесной и степи, и кратковременном периоде доминирования «зеркальной» (или «теневой») кочевой империи. Но в целом устойчивой системы противостояния и взаимодействия Китая с центрально-азиатскими номадами, о которой пишет американский исследователь, в середине VI – 1-й половине VIII в. не было.

Столь же неоднозначны оценки Т. Барфилда в отношении воздействия Китая на динамику интеграционных процессов в Уйгурском каганате и империи Ляо. Именно эти вопросы в центре нашего внимания.

Уйгурский каганат, становление которого пришлось на середину – 3-ю четверть VIII в., также плохо вписывается в схему Т. Барфилда. Китай явно не переживал в то время подъема. Специалисты определенно пишут об упадке и даже кризисе Танской империи (Dalby, 1979. Р. 561–567; Peterson, 1979. Р. 469–483; Малявин, 2000. С. 85; Бокщанин 2002. С. 161; и др.). К тому же Китай, длительное время контролировавший стратегически важный для торговли и китайского влияния в Средней Азии Восточный Туркестан, уступил там военно-политическую инициативу Тибету, а в 751 г. потерпел поражение от арабов. В довершение ко всему экономический спад и недовольство политикой имперской администрации вызвали в Срединном государстве мощный мятеж во главе с Ань Лушанем. Т. Барфилд (2002. С. 81; 2009. С. 24, 125) интерпретирует участие уйгуров в подавлении восстания Ань Лушаня как стремление кочевников продлить жизнь Танскому государству с тем, чтобы эксплуатировать ресурсы централизованного Китая. Эту версию нельзя исключать априори, но и для раннего средневековья мы хорошо знаем примеры, когда при расколе Китая на несколько царств в степь поступали щедрые дары-дани (тюрки и северокитайские государства в 670-е гг.; кидани и династии Поздняя Тан, Поздняя Цзинь и т.д.). Здесь очевидно, что получение даней не зависело напрямую от того, был ли централизован или раздроблен Китай.

Уйгуры откровенно воспользовались военно-политическим ослаблением Китая и формальным приглашением к участию в подавлении мятежа Ань Лушаня (заметим, что уйгуры сами предложили свою помощь китайскому императору) для грабежей, захвата имущества и людей, увода оппозиционеров в степь. Еще Л.Н. Гумилев (1967. С. 391, 392–393, 395) отмечал, что грабежи, насилия, убийства, поборы были истиной целью «избавителей», а «уничтожение имперской полевой армии (прежде всего, имеются в виду пограничные мобильные войска Тан. – прим. С.В.) сулило Уйгурскому ханству полную независимость», но для этого «нужно было спасти танскую династию и подавить восстание». Также условием выступления уйгуров против Ань Лушаня было заключение договора о мире и родстве, династические браки и фактическое признание равноправного статуса Уйгурского каганата. Полагаю, именно эти политические и экономические задачи в совокупности составляли стратегию внешнеполитического возвышения уйгуров в 756–762 гг. (степные территории Центральной Азии к этому моменту были уже под их контролем).

В результате рядом со слабеющим Китаем выросла не просто кочевая империя, а имперская территория с городами, государственным управлением, системой обслуживания транзитных торговых путей. При этом никакого давления Китай на уйгуров практически не оказывал. Не было ни одного похода в степь, а поставки шелка только возрастали. Тем самым второй «полюс» биполярной системы осуществлял явно пассивную политику в отношении уйгуров. Кроме того, вопреки традиционному взаимодействию Китая и степи, шелк и деньги уйгуры получали без набегов, угроз. Есть все основания считать, что основной объем шелка и китайских товаров поступал к уйгурам в результате торговли. Транзитное положение территории каганата (Лубо-Лесниченко, 1988. С. 380) в азиатской торговле обеспечивало большой приток товаров китайского производства в города Уйгурии. Падение Уйгурского каганата, как известно, также мало было связано с экономическим и политическим состоянием Китая. Судя по данным китайских хроник (Малявкин, 1974. С. 26, 27, 32 и др.), вторжение кыргызов и разгром Орду-Балыка стали полной неожиданностью для танской администрации.

Еще более показателен пример киданьской империи Ляо. Ее провозглашение в 916 г. последовало за продолжительным кризисом Танской империи в конце IX – начале X в. и распадом Срединного государства на многочисленные княжества («эпоха пяти династий и десяти царств»). Отмечу, что это не спровоцировало хаос в степи, а дало возможность установить свою гегемонию киданям, чьи армии завоевали не только Восточную и Центральную Монголию, но и Северо-Восточный Китай, основав тем самым поликультурную империю. Немаловажно, что до тех пор, пока происходило противоборство между китайскими государствами, сила и территория Ляо росли. Но как только обозначилось домини-

рование Сун (Южной Сун) в середине – 2-й половине X в. китайцы смогли отвоевать часть провинций, а последовавшие в конце X – начале XI в. новые успехи киданей были куда скромнее. В определенном смысле можно сказать, что «биполярность» возродилась к XI в., когда большая часть китайских провинций была разделена между Ляо и Сун (т.е. биполярная граница проходила по внутренним провинциям Поднебесной), и даже этот пример нельзя признать полностью репрезентативным, поскольку Ляо не выступала как сугубо степная империя. При этом установление более или менее стабильной границы между Ляо и Сун, регулярные выплаты сунской стороной киданям серебром и шелком по Шаньюаньскому договору (1004 г.) привели к развитию имперских структур не в южном направлении, а в периферийных землях Монголии, где кидани возводили города и крепости (Крадин и др., 2011. С. 12–13). Тем самым укреплялась кочевая составляющая киданьской державы. Кризис и уничтожение Ляо в конце XI – 1-й четверти XII в. нельзя рассматривать как успех политики Сун. Последующие события показывают, что китайцы вряд ли были заинтересованы в замене более или менее стабильных отношений с Ляо на длительную борьбу с Цзинь с угрозой полного уничтожения Сун (Бокщанин, 2002. С. 303).

Подводя итоги, необходимо отметить ряд принципиально важных моментов.

Во-первых, в динамике развития кочевых империй влияние Китая выступало только как один из системных факторов. Наряду с этим были и внутренние механизмы утраты номадной элиты солидарности, ее «перепроизводства», к энтропии власти, что вело к междоусобной борьбе, расколу и краху имперских институтов номадов (Крадин, 2000. С. 332–334). Пожалуй, именно утрата ассабийи выступала как устойчивый механизм разрушения единства правящего клана, роста частных интересов отдельных группировок аристократии (Васютин, 2011а. С. 326–328) и замену объединительной внешней политики на коллаборационизм либо изоляцию от Китая. Стоит признать, что Т. Барфилду (2009. С. 112–113) удалось весьма аргументированно показать, как и почему переход власти к каждому новому поколению кочевых правителей создавал угрозу целостности кочевых империй. Такие процессы нередко сопровождались внутренними мятежами, переворотами и вторжениями соседних кочевых племен. Выступления подчиненных племен и объединений (иногда с поддержкой Китая, иногда нет) против доминирующей этнической группы можно рассматривать как ключевую причину децентрализации имперского пространства и как постоянную угрозу или вызов имперской элите.

Во-вторых, в самом процессе создания кочевых империй ведущее значение имело покорение одними номадами других кочевников. Это особенно отмечали Л.Н. Гумилев (1967. С. 27, 28–41) и Н. Ди Космо (2008. С. 195–202). Причем в раннесредневековый период номадные державы возникали и набирали силу в периоды ослабления Китая или существования на его территории нескольких царств. Лишь потом для создания устойчивости уже сложившейся имперской системы на первый план выступали набеги на Китай, получение регулярных даней, заключение договоров о мире и родстве с предоставлением кочевникам даров и послаблений в пограничной торговле, престижная экономика – т.е. именно то, что многие ученые (А.М. Хазанов, Т. Барфилд, Н.Н. Крадин и др.) считают главными инструментами имперской централизации в степи.

В-третьих, в динамике взаимодействия Китая и степи огромное значение играли не только и не столько подъемы и спады Поднебесной, а доступ номадов к китайским товарам и возможность непосредственной или дистанционной эксплуатации китайских ресурсов. При этом сохраняло ли Срединное государство единство либо было расколото на отдельные государства – значение не имело. Товары все равно поступали в степь. Но централизация и расцвет Китая всегда давали повод отказать номадам в выплате дани и тем самым ослабить позиции степного правителя, спровоцировать внутренние конфликты. Единый сильный Китай не только мог более или менее успешно оборонять границу, но и осуществлять агрессию в степь вплоть до уничтожения имперских политий номадов.

Необходимо также учесть, что не все политии номадов разрастались в империи. Сеяньто, так называемый Первый Уйгурский каганат, объединение киданей в VII–IX вв., существуя рядом с централизованной китайской державой эпохи Суй и Тан, так и оставались локальными образованиями неимперского типа и не смогли трансформироваться в имперские державы. Поэтому центростремительные импульсы, исходившие из Поднебесной, не всегда вызывали ответную реакцию в степи.

В целом необходимо сказать, что создание кочевых империй чаще всего было результатом военно-политического усиления отдельных племенных объединений, подчинивших население монгольских степей, Саяно-Алтая, Забайкалья, предгорий в Манчжурии. Исторические реалии создания Великого Тюркского и Уйгурского каганатов показывают, что влияние Китая на этот процесс было минимально. Это не исключает союз либо дипломатические отношения претендентов на власть в степи с Китаем или отдельными царствами, но сам процесс завоевания и покорения совершенно не зависел от китайско-

го «полюса». А вот падение кочевых объединений (Восточнотюркский и Западнотюркский каганаты, Сеяньто) во многих случаях было следствием целенаправленной политики Китая. В то же время имеются и другие примеры, когда распад крупных номадных политий происходил по внутренним причинам, а не из-за «политической анархии» в Поднебесной. Так, падение Второго Восточнотюркского каганата в 1-й половине 740-х гг., вопреки мнению Т. Барфилда, было асинхронно ослаблению Китая. Наоборот, Китай в тот момент при императоре Сюань-цзун еще переживал подъем (Малявин, 2000. С. 84), а в степи развернулась междоусобная борьба. Пример с разгромом уйгуров кыргызами уже анализировался выше. Очевидно, что если и можно проследить какую-либо зависимость упадков и подъемов в степи и Китае, то определенно можно говорить только о том, что централизация и усиление Китая ведут к ликвидации кочевых имперских структур.

Библиографический список

- Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
- Барфилд Т. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.
- Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / пер. с англ. Д.В. Рухляева, Б.В. Кузнецова. СПб., 2009. URL: <http://barfield.narod.ru/>
- Бокицанин А.А. Китай в конце VI – начале X в. (Империи Суй и Тан) // История Востока: в 6 т. Т. 2: Восток в средние века. М., 2002.
- Бокицанин А.А. Китай в X–XIII вв. (Империя Сун. Государство Ляо и Цзинь) // История Востока: в 6 т. Т. 2: Восток в средние века. М., 2002.
- Васютин С.А. Антропология верховной власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011а. Вып. 72 (1–2).
- Васютин С.А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Т. 10. Вып. 1: История. Новосибирск, 2011б.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.
- Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М., 2011.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М., 1988.
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
- Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы, 2000.
- Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, 1989.
- Dalby M.T. Court politics late T'ang times // The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T'ang China, 589–906 AD. P. 1. Cambridge University Press, 1979.
- Peterson S.A. Couet and province in mid- and late T'ang // The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T'ang China, 589–906 AD. P. 1. Cambridge University Press, 1979.

ВОСТОЧНОТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И КИТАЙ В 620–630 гг.

Р.Т. Ганиев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Работа выполнена по государственному контракту №16.120.11.96-МК в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (шифр МК-96.2011.6)

В результате политического переворота в начале VII в. к власти в Китае пришла династия Тан. Союзниками Ли Юаня, первого императора династии Тан, в осуществлении этих планов выступили восточные тюрки, во главе которых стоял Шиби каган. Однако оценить в полной мере результаты этого союза с Китаем Шиби кагану не удалось из-за преждевременной смерти в 619 г. Продолжить политику Шиби кагана суждено было его преемнику Чуло, но он также не оправдал надежды тюркского общества и скоропостижно скончался от болезни в 620 г. Место последнего на троне занял Сели каган (годы правления 620–630 гг.). В истории Восточнотюркского каганата имя Сели кагана прочно ассоциируется с разгромом восточных тюрков и их окончательным поражением от войск танского императора Тай-цзуна в 630 г.

Сели был третьим сыном Циминь кагана, правившего в 599–609 гг. Это был относительно спокойный и стабильный период в отношениях тюрков с Китаем, но исследователи по-разному оценивают личность кагана и его время. Л.Н. Гумилев (1993. С. 100) называет Циминь кагана «предателем и ничтожным правителем», перешедшим на сторону Китая. Однако именно Циминь каган сумел объединить под своей властью раздробленный и ослабленный междоусобицами некогда могущественный Восточнотюркский каганат.

В самом начале своей политической карьеры, во время правления Шиби кагана, Сели выступал на стороне молодой династии Тан и помогал им утвердиться у власти. Уже в 621 г., будучи правителем каганата, Сели проводит ряд военных нападений на северные районы Китая, которые продолжались вплоть до 626 г. Одной из возможных причин резкого изменения внешнеполитического курса Сели источники называют «богатое наследие отца и старшего брата; его военная мощь была сильна, и он подумывал угрожать Срединной империи» (Liu Mau-Tsai, 1958. S. 135). Другой причиной хроника Тан шу называет сильное влияние на Сели его жены – принцессы И-чэн. По обычаю левирата у тюрков, Сели взял в жены свою мачеху – принцессу И-чэн, которая к тому времени пережила двух супругов (Циминь и Шиби кагана), обладала огромным опытом и являлась ценным советником в вопросах взаимоотношений тюрков и китайцев.

Первая половина правления Сели кагана (620–626 гг.) характеризуется переменными отношениями между тюрками и китайцами, вполне традиционными для истории тюрко-китайских взаимоотношений. Каганат представлял собой военную угрозу для Китая, был сильным в экономическом и военном отношении и Китай предпочитал договариваться с тюрками дипломатическими средствами, а не военными. Несколько раз Сели предпринимал военные походы против Тан, объединялся с предводителями сепаратистских центров (Лю Хэй-да), но каждое военное столкновение между тюрками и китайцами во время правления Сели заканчивалось мирным соглашением, что позволяет охарактеризовать 620–626 гг. периодом мирного сосуществования в отношениях между Китаем и тюрками. Официальный Китай объяснял свои действия неготовностью вести крупномасштабные военные действия и сложным политическим и экономическим положением в стране. Тюрки, по сведениям источников, вступали в перемирие лишь ради передышки для новых грабительских походов, что подлежит сомнению и не может являться реальной причиной проводимой политики.

Таким образом, тюрки и китайцы конфликтовали между собой в этот период, но военные столкновения между ними носили регулирующий характер, реальные причины которых в китайских источниках не называются. Выявление действительных причин взаимоотношений между тюрками и китайцами по их внешним проявлениям (военные столкновения) со страниц китайских источников является трудной задачей для исследователей. Возможно, военные конфликты 620–626 гг. были связаны с защитой экономических интересов тюрков на границе с Китаем. В источниках сообщается, что Сели, в промежутках между военными походами, «посылал гонцов в Бэй-лоу-гуань, чтобы заняться с китайцами торговлей. Император не мог отказать» (Liu Mau-Tsai, 1958. S. 189).

В начале своего правления Сели обладал всеми необходимыми ресурсами для проведения активной внешней политики Восточнотюркского каганата, но, к сожалению, не отличался политической прозорливостью. Сели избрал тактику частых военных набегов, отказался от курса на установление долгосрочных мирных отношений с Китаем, и это привело его в будущем к политической изоляции.

Последующие события кардинальным образом изменили военно-политическую ситуацию не в пользу Сели кагана, который не смог взять под контроль обстановку внутри каганата, а лишь только усугубил ее своими действиями.

Китайские источники и поздняя историография преувеличивает роль императора Тай-цзуна в складывании катастрофического положения в Восточнотюркском каганате в 627–630 гг., закончившегося в 630 г. поражением тюрков от Китая. Однако важную роль в этом сыграли внешние условия, а не военные успехи китайцев.

В 627–630 гг. на территории каганата отмечались природные катаклизмы. Каждый год случались обильные снегопады, в результате чего образовывался глубокий снежный покров. От голода и холода в большом количестве умирали овцы, лошади и люди.

Тан шу сообщает: «Несмотря на разгар лета, у Туцзюэ царят заморозки; 5 солнц взошли одновременно, и также светят 3 луны одновременно; красный туман покрывает их пастбища. То, что Се-ли перед лицом этой природной катастрофы не сделал добрых дел, показывает, что он не имеет страха перед небом. То, что своих умерших, которых по их обычаю сжигали, теперь хоронят и могилы сооружают, показывает, что они нарушают предписания своих предков и оскорбляют богов и духов» (Liu Mau-Tsai, 1958. S. 142).

Масштабное похолодание на территории Евразии в 627–630 гг., отмеченное в древесных кольцах на Ямале, в Северной Америке, на севере Средней и Восточной Сибири, современные ученые связывают с крупным извержением вулкана, а паргелий, туман и красные закаты, описываемые в источниках, являются известными индикаторами вулканических извержений. Из европейских летописей известно, что начиная с октября 626 г. сухой туман в течение 8–9 месяцев покрывал обширную территорию, по крайней мере, Ирландию и восточное Средиземноморье. В самом Китае (империи Тан) также отмечен заморозок в конце лета 627 г., уничтоживший урожай в нескольких провинциях. Такие же события в Китае отмечены и в 628–629 гг. (Хантемиров, Горланова, Сурков и др., 2011. С. 89–102).

Именно климатические экстремумы этого периода стали главным фактором ослабления Восточнотюркского каганата. Подобную точку зрения поддерживают и китайские исследователи, занимающиеся вопросами изучения последствий извержения вулкана 626 г. (Fei, Zhou, Hou, 2007. P. 469–475). По их мнению, похолодание коснулось всей территории Центральной Азии, в том числе и северных провинций Китая, но наиболее пострадавшей стороной оказался Восточнотюркский каганат, кочевая экономика которого не выдержала резких и продолжительных холодов.

В условиях экономической катастрофы, которая поставила тюрков на грань выживания, обнажились все внутренние противоречия тюркского общества, а также внутри самого Восточнотюркского каганата, одновременно росло недовольство и недоверие к политике Сели кагана. Обстановка в каганате усложнялась и тем, что Сели, в условиях резкого сокращения податного населения, увеличил налоги для оставшегося населения и собирал их, вероятно, с использованием репрессивных мер, поэтому многие сторонники Сели перешли на сторону императора Тай-цзуна. К началу боевых действий с Китаем, Сели располагал всего 10000 всадниками.

Официальная причина начала военных действий императора Тай-цзуна против Сели – его тесные отношения с Лян Ши-ду, сепаратистом, контролирующим территорию Ордоса и выступающим против династии Тан.

Вторая половина правления Сели кагана (627–630 гг.) закончилась катастрофическими последствиями для Восточнотюркского каганата. Основными причинами ухудшения положения внутри тюркского общества явились внешние факторы – природные катаклизмы. Частые и продолжительные снегопады, массовая гибель скота и людей от обморожения, а также нехватка продуктов питания способствовали росту внутренних противоречий в тюркском обществе. Обнажились внутренние проблемы, которые на протяжении многих лет беспокоили рядовых тюрков (увеличение влияния иноземцев в правящих кругах каганата, рост налогов, репрессивные методы управления). Все это непременно сказалось на снижении дисциплины в государстве, и многие сторонники Сели перешли на сторону китайцев.

К 629 г. Сели каган был уже непопулярным правителем в Восточнотюркском каганате. Своими действиями он дискредитировал себя. Он не находил поддержки среди населения каганата и своих ближайших сановников, поэтому поражение армии Сели в начале 630 г. от китайских войск стало лишь оформлением сложившейся ситуации.

О том, что Сели каган не представлял собой какой-либо серьезной военной опасности, может свидетельствовать крайне снисходительное отношение императора Тай-цзуна к пленному Сели кагану. На протяжении многих лет, согласно сведениям китайских источников, Сели причинял беды и хлопоты своими вторжениями в северные провинции и должен был иметь статус одного из злейших врагов для Китая. Однако в поведении между императором Тай-цзуном и Сели каганом мы не видим торжество победителя и тяжелую участь проигравшего. Нет быстрой расправы, видимой агрессии к кагану тюрков, а также предъявляемых к нему требований, что является характерным по отношению к врагам государства. Вместо этого – сочувствие и понимание ситуации политической изоляции императором Тай-цзуном, в которой оказался Сели каган.

После пленения Сели кагана Тай-цзун практически встал во главе Восточнотюркского каганата, так как ближайшие сановники и возможные преемники (Тули) Сели также перешли на сторону китайского императора. Перед Тай-цзуном стояли задачи по восстановлению экономики кочевого государства, в чем, в первую очередь, были заинтересованы сами китайцы. Кроме того, сторонники Сели кагана, по мнению императора Тай-цзуна, могли дестабилизировать северные районы Китая, поэтому важной задачей был вопрос организации тюрков в приграничных территориях. После долгих размышлений Тай-цзун взял курс на создание нового объединения на базе китайской государственности с элементами кочевой традиции. В будущем это позволило династии Тан расширить свое влияние в Центральной Азии, заложить основы процветания китайской и тюркской культур и явиться образцом успешного сочетания двух различных культурно-исторических типов во взаимоотношениях Китая с кочевниками Центральной Азии.

Библиографический список

- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
Хантемиров Р.М., Горланова Л.А., Сурков А.Ю., Шиятов С.Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. №2.
Fei J., Zhou J., Hou Y.J., Circa A.D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // Climatic Change. 2007. Vol. 81. №3–4.
Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen. Wiesbaden, 1958. Band 10.

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ: ПРИЗНАКИ КОЧЕВНИЧЕСТВА И ОСЕДЛОСТИ ПО ДАННЫМ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Т.М. Калинина

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

По современным представлениям, хазары входили в состав Западнотюркского каганата и отделились от него в VII в. (Golden, 1980. Р. 50–51; Артамонов, 2001. С. 220, 221, 240; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 92–97). В арабо-персидских источниках нет ярких сведений о кочевничестве хазар. Косвенные сведения о хазарах как номадах сохранились в других иноязычных памятниках: у (Псевдо)Захария Ритора, Мовсеса Каланкатуаци и др. (Пигулевская, 2000. С. 283–287; Артамонов, 2001. С. 213–220; Новосельцев, 1990. С. 113).

Ранние упоминания хазар в арабских сочинениях связаны с завоеваниями на Кавказе, где в VII в. они появились, надеясь на захват территорий, но стали участниками раздоров между Ираном, Византией и Арабским халифатом.

Весьма подробно повествовал о войнах арабов с хазарами на Кавказе Ибн А'сам ал-Куфи (X в.), хотя его истории не могут считаться целиком достоверными. Современники ал-Куфи и более поздние арабские писатели (Халифа ибн Хаййат, ат-Табари, Ибн ал-Асир) относились к его данным с осторожностью по причине «чрезмерного увлечения легендарными сведениями» (Гараева, 2002. С. 443). Тем не менее многие детали рассказов ал-Куфи о хазарском хакане, его подданных, его быте достаточно достоверны.

В рассказе о вторжении арабского полководца ал-Джарраха в Азербайджан ал-Куфи показал типично кочевнический способ обороны Баланджара, использованный хазарами: когда войско ал-Джарраха в 722–23 г. подошло к городу, хазары тесно расставили вокруг него более 300 повозок, связав их одна с другой, хотя этот метод не помог им удержать город (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи, 1991. С. 236).

В «Рассказе о выступлении Масламы ибн 'Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его войне с ними» содержатся сведения о походах, предпринятых в течение 731–739 гг. несколькими арабскими полководцами, хотя автор объединил известия о них в одну историю (Гараева, 2002. С. 464. Прим. 429). Ал-Куфи, как ему свойственно, красочно описал битву между Масламой и хазарами, когда хакан разгневался на слабость своих воинов, подъехал на коне и пристыдил их. Битва между конными отрядами хазар, возглавлявшимися тарханами, и арабами продолжалась, но хазары были разбиты. В это время хакан находился в повозке, которая была устлана коврами, над ней возвышался шатер из парчи или шелка (слово *дибадж* означает и то, и другое), а над ним был золотой набалдашник (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи, 1991. Т. VIII. С. 257–258). Арабский военачальник Субайт ударил мечом по шатру так, что рассек его. Хакан в испуге прыгнул на коня, привязанного к повозке, и умчался прочь (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи, 1991. С. 258).

Описанию шатра тюрков есть параллели: Менандр Протектор (VI в.) рассказывал о приеме византийского посла Земарха властителем Тюркского каганата Дизавулом в 569 г. Тот восседал на золотом ложе в шатре, сделанном из шелковых разноцветных тканей, искусно испещренных разными красками (Менандр Византиец, 376–379).

Известно о золотом шатре уйгурского кагана, по данным И. Бичурина. И. Бичурин (1950. С. 355–356) называл шатер «золотая орду»; уйгурские ханы сидели в «золотой палатке».

В книге Ибн Хордадбега (1895. Р. 31) упомянут золотой шатер (*хайма*) владыки токузогузов, расположенный выше замка и вмещавший до 100 человек. Эта информация восходит к рассказу Тамима ибн Бахра о путешествии к токузогузам (уйгурам). Наиболее подробно она изложена в Мешхедской рукописи книги Ибн ал-Факиха. Шатер, по словам Тамима ибн Бахра, был так велик, что под ним уме-

щалось 100 человек. Повторяющий эти данные, Йакут (XIII в.) говорил, что под ним было даже 900 человек. Шатер как символ ханского достоинства кочевников был поставлен на самом высоком месте цитадели, на плоской крыше замка хакана, так что видно было его за пять фарсахов от города (Minog-sky, 1953. Р. 275–305; Асадов, 1993. С. 23, 64. Прим. 62).

В X в. ал-Истахри писал, что трон и золотой шатер ставятся только для хакана хазар (ал-Истахри, 225). Ибн Хаукал отмечал, что трон внутри золотого шатра ставят только для хакана при его появлении (Ибн Хаукал, 396); или их устанавливали при выступлении в поход (Большаков, 2006. С. 750). Следовательно, обычаи быта хазарского хакана, свойственные дворам владык центральноазиатских кочевых «империй», сохранялись как в период первого появления хазар на Кавказе, так и позднее.

О сохранении традиций центральноазиатских кочевых государств свидетельствуют и титулы властвующих лиц: *хакан* – главнокомандующий во время арабо-хазарских войн VII в., по данным ал-Йа'куби, ал-Балазури, ат-Табари, Халифы ибн Хаййата, Ибн ал-Асира. Такими же традиционными были титулы подчиненных хакану лиц: *шад*, *бек*, *эльтебер*, *тарханы* (Голден, 1993. С. 216–218; Новосельцев, 1990. С. 239–240; Калинина, 2005. С. 43).

Таким образом, упоминания письменных памятников о хазарах свидетельствуют о сохранении обычаев кочевничества по крайней мере у правящей верхушки: конь, золотой шатер и трон для хакана, конница как главная сила хазарской армии, повозки для хакана и войск; система обороны лагеря.

Свидетельствами оседлости хазар можно считать сведения арабских географов об их образе жизни. Эти данные содержатся в источниках IX–X вв. Несколько десятилетий назад на основе исследования материальной культуры была выдвинута теория, по которой пришлые кочевники проходили разные стадии кочевания, постепенно переходя к оседлости под влиянием местного населения (Плетнева, 1967; 2003). Однако в последнее время археологические признаки кочевничества или оседлости населения на территории Хазарского каганата подвергаются сомнению (Флеров, 2011). Арабо-персидские авторы же говорят о хазарах как о населении известного им Хазарского государства, не имея представления о существовавшей на его территории полиэтничности. Есть известие о разделении хазар на «черных» и «белых» (ал-Истахри, 223; Ибн Хаукал, 394); исследователи видят в этой информации признаки социального (Артамонов, 2000. С. 543) или этнического (Новосельцев, 1990. С. 112) различия.

Хазария была обширным государством с разным климатом и качеством земель. Есть сведения о земледелии, когда с весны по осень жители столицы уходили ухаживать за посевами, а к зиме с урожаем возвращались обратно (Ибн Русте, 140; Гардизи, 36, 57; ал-Истахри, 220; Ибн Хаукал, 392); горожане Итилы отправлялись в поля весной, примерно в апреле-мае (месяце Нисан) (Коковцов, 1932. С. 85–86). Из письма царя Иосифа также известно, что в Хазарии существовали сады с фруктовыми деревьями, виноградники и пашни (Коковцов, 1932. С. 87, 103). Восточные источники тоже упоминали сады и пашни (Гардизи, 36, 57; ал-Истахри, 221; Ибн Хаукал, 393), а также многочисленные стада, овец и рогатый скот у хазар (Гардизи, 36, 57; ал-Истахри, 221; Ибн Хаукал, 393; Hudud, 161), есть даже известие о том, что хазарская овца настолько плодородна, что ягнится два раза в год (ал-Бакри, 446).

Арабские авторы по отношению к занятиям населения Хазарии применяли обычную аграрную терминологию: «поля», «урожай», «пахать» (Заходер, 1962. С. 140). Основной пищей хазар в X в. называли рис (хотя археологические работы не подтверждают таких находок) и рыбу (ал-Истахри, 221; Ибн Хаукал, 392; ал-Мукаддаси, 361), что также свидетельствует об оседлости и земледельческом характере части населения. Ал-Мукаддаси писал, что в Итиле нет фруктов, но имеется очень хороший хлеб; население обитает в палатках из дерева и войлока и каркасных палатках (в переводе Н.А. Караулова, «в шатрах»), часть жилищ была сделана из глины. В Самандаре люди жили в каркасных палатках и жилищах из плетеных веток или камыша (ал-Истахри, 222; Ибн Хаукал, 394; ал-Мукаддаси, 361).

Если судить по указанным, довольно-таки отрывочным, сведениям источников, население Хазарии занималось разными отраслями хозяйства, что было обусловлено спецификой районов, входивших в состав Хазарии. Например, ал-Мукаддаси описывал обширный округ хазар как очень грязный и отличающийся обилием овец и меда; о столице Итиль писал как о месте, хоть и с наличием деревьев, но сухом, суровом, неприятном, с отсутствием фруктов, зато с хорошим хлебом, а о Самандаре – как о городе, где много садов и виноградников (ал-Мукаддаси, 355, 360–361, 362).

Отношения скотоводческого и земледельческого населения на протяжении существования Хазарии были неоднородны. В процессе завоевания хазарами степей Восточной Европы жившие там кочевники («протоболгары») лишались скота и пастбищ и, по предположению ряда историков (Науменко, 2004. С. 64–70; Тортика, 2006. С. 35–36, 83–101), переходили к оседлому или полuosедлому

образу жизни. Такое положение дел рассматривалось как закономерное поступательное движение от таборного кочевания к полуоседлости, а затем и полной оседлости населения (Плетнева, 1982. С. 17–20). При этом само хозяйство кочевников включало в себя и земледельческие, и торговые, и ремесленные элементы, на разных стадиях мог превалировать тот или иной тип хозяйства (Марков, 2010. С. 9–10). Есть мнение, что у кочевников образ жизни и способы ведения хозяйства воспроизводятся на протяжении веков, хотя народы в степях бывают различны (Тортика, 2006. С. 102–104). О хозяйстве населения Хазарии этого сказать нельзя, во всяком случае – по письменным источникам. В них нет прямых свидетельств о кочевании хазарского населения или подвластных народов – за исключением печенегов, которые подчинялись хазарам, видимо, очень недолгое время и отнюдь не составляли большинства населения.

Тем не менее письменные источники свидетельствуют как о традициях кочевничества, так и об оседлости населения Хазарии.

Библиографический список

- ал-Бакри* – Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu Ubaid al-Bakri / Edition critique avec introduction et indices A.P. Van Leeuwen et A. Ferre. Tunis, 1992. T. I.
- Ал-Истахри* – Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhrí / M. de Goeje. Leiden, 1870.
- Ал-Мукаддаси* – Descriptio Imperii Moslemici auctore... Schamso'd-dîn Abû 'Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn Abi Bekr al-Bannâ' al-Bashschâri al-Mokaddasî / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
- Артамонов М.И. История хазар (2-е изд.). СПб., 2001.
- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.
- Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоевания. Бейрут, 1991. Т. VIII.
- Бичурин Н.Я. (Пакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.
- Большаков О.Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Гараева Н.Г. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642–643 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
- Гардизи – Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. VIII.
- Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- Ибн Русте* – Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
- Ибн Хаукаль*. Opus geographicum auctore Ibn Haukal... / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- Ибн Хордадбех* – Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdbeh... / de Goeje M.J. Lugduni Batavorum, 1889.
- Калинина Т.М. Знать хазар в арабо-персидской средневековой литературе // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2005. Вып. 4.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации (2-е изд., испр.). М., 2010.
- Менандр Византиец. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Науменко В.Е. К вопросу об образовании Хазарского каганата // Хазарский альманах. Харьков, 2004. Т. 2.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиск исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. VI–XIII вв. Воронеж, 2003.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, 2006.
- Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.
- Golden P. Khazar Studies. An historic-philological inquiry into the origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. I.
- Hudud al-'Alam. "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.
- Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Cambridge, 1948. Vol. XII. Pt. 2.

**ВКЛАД АРХЕОЛОГОВ АЛТАЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Ю.Ф. Кирюшин, В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье современность)» (шифр №2012-1.1-12-000-3001-017)

С открытием в 1973 г. в Барнауле Алтайского государственного университета на территории Западной Сибири стал складываться новый центр археологических исследований. Важной вехой на этом пути было создание в АлтГУ внебюджетной Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая, которая стимулировала развитие научных исследований и явилась ядром формирования коллектива сотрудников. С 1978 г. началось выполнение нескольких хоздоговоров. Первые выпускники университета (В.Н. Владимиров, С.В. Неверов, С.В. Цыб, А.Б. Шамшин) стали работать по ним до поступления в аспирантуру.

Хоздоговорные археологические экспедиции и отряды осуществляли свою деятельность по нескольким направлениям: обследование слабо изученных районов Алтайского края и проведение стационарных раскопок на выявленных объектах. За первое десятилетие работы сотрудники лаборатории открыли много новых могильников и поселений, исследовались также и ранее известные памятники.

На этом начальном этапе, наряду с изучением различных археологических эпох, целенаправленно стала изучаться и эпоха средневековья. Уже в 1974–1976 гг. сотрудники АлтГУ совместно с Институтом археологии АН СССР, Московским государственным университетом и Барнаульским государственным педагогическим институтом раскопали четыре курганные группы у д. Грязново Тюменцевского района, датированные IX–X вв. н.э. (период раннего средневековья) и отнесенные к сrostкинской культуре (Могильников, Неверов, Уманский и др., 1980). Погребальные комплексы этой культуры были выявлены в 1978 г. в урочище Борковские Елбаны, раскопаны в 1979 г. у с. Шадринцево, в 1982 г. – у с. Дмитротитово, в 1983 г. – у с. Быково, в 1984–1985 гг. – у с. Новофирсово и Ивановка, в 1985 г. – у с. Рогозиха, в 1986–1987 гг. – у с. Точильное (Абдулганеев, Шамшин, 1990; Неверов, 1990; Кирюшин Ю.Ф., Неверов, 1991; Бородаев, Горбунов, 1995; Неверов, Горбунов, 1996; Алехин, 1996; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов, Алехин, 1999).

На начало 1980-х гг. приходится доисследование и раскопки серии могил на памятнике Усть-Алейка-Клуб и одиночного захоронения из пункта Усть-Алейка-5 в одноименном селе Калманского района Алтайского края, которые отнесены к следующему хронологическому периоду – развитому средневековью (монгольское время) и датированы XIII–XIV вв. н.э. (Бородаев, 1987; Кунгуров, 1991; Тишкин, 2001). Могила того же времени раскопана на памятнике Малый Гоньбинский Кордон-1/1 (Кунгуров, 1993). В 1981–1982 гг. археологи АлтГУ при обследовании разрушающихся объектов известного урочища Ближние Елбаны раскопали одно погребение сrostкинской культуры в пункте БЕ-VII и две могилы монгольского времени в пункте БЕ-VI (Кирюшин Ю.Ф., Неверов, 1991; Бородаев, Ефремов, Тишкин, 2000).

Наряду с изучением средневековых могильников, в лесостепных районах Алтайского края начинают накапливаться и поселенческие материалы по той же эпохе. Первые находки средневековой поселенческой керамики были получены в результате обследования нижнего течения Чумыша в 1978 г. (Шамшин, 1980; Шамшин, Горбунов, 1993). Более массовый керамический материал, по различным периодам средневековья, дали масштабные раскопки памятников на оз. Большой Иткуль в 1978–1981 гг. и у с. Комарово в 1983–1987 гг. (Абдулганеев, 1990; Кирюшин Ю.Ф., Казаков, 1997).

Помимо лесостепных районов Алтайского края, археологи АлтГУ приступают к обследованию и раскопкам средневековых памятников на территории Горного Алтая. Так, в 1980 г. исследуются поминальные комплексы тюркской культуры на памятнике Белый Бом-II, в 1984–1986 гг. – на памятнике Булан-Кобы-IV в Онгудайском районе (Мамадаков, 1994; Владимиров, Мамадаков, Шелепова, 2011). Курганные могильники раннего средневековья, также относящиеся к тюркской культуре, раскопаны в 1983, 1984 и 1986 гг. у сел Кырлык, Катанда и Шибе (Бородаев, Мамадаков, 1985; Мамадаков, Цыб, 1993; Мамадаков, Горбунов, 1997).

Результаты исследований средневековых памятников публиковались в археологических открытиях, материалах конференций и научных сборниках. Эти возможности значительно расширились с 1980 г., когда в АлтГУ стали печататься собственные археологические издания.

Определенным итогом рассмотренного этапа можно считать кандидатскую диссертацию С.В. Неверова (1988) «История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н.э.». В ней были собраны сведения

по всем, известным на тот момент, памятникам, разработана типология основных категорий инвентаря, создана более подробная периодизация и определены компоненты сросткинской культуры. Это была первая в АлтГУ обобщающая работа, выполненная в рамках специальной научной темы по средневековью.

Качественно новый этап изучения археологии Алтая связан с открытием в АлтГУ в 1988 г. кафедры археологии, этнографии и источниковедения. Это выразилось как в росте числа археологических кадров, так и в сложении научной школы. Развитию способствовало и создание на базе АлтГУ в 1994 г. диссертационного совета, в котором стали активно защищаться диссертации по специальности «Археология».

Начало следующего этапа ознаменовалось масштабными раскопками в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС, что отразилось и на количестве исследованных памятников средневековья. В 1988–1991 гг. хозяйственными экспедициями АлтГУ там были изучены погребальные и поминальные комплексы тюркской культуры: Верх-Еланда-I, Бойтыгем-II, IV, Тогусхан-IV, Тыткескень-VI; предмонгольского времени: Верх-Еланда-I, Элекманар-II; получены поселенческие материалы преимущественно раннего средневековья: Малый Дуган, Узнезя-1 (Кирюшин Ю.Ф., Неверов, Степанова, 1990; Неверов, Степанова, 1990; Степанова, Горбунов, 1994; Неверов, Горбунов, 1995; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов, Степанова и др., 1998).

В лесостепной части Алтайского края археологи АлтГУ активизировали свои исследования средневековых поселений. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в зоне Иткульских озер проводятся раскопки целой серии однослойных памятников, датирующихся IV–VIII вв. н.э. и относящихся к одинцовской культуре (Абдулганеев, Казаков, 1990; Казаков, 1998). Комплекс одинцовских поселений МГК-2 был детально обследован в 1991 г. и частично раскопан в 1993 г. (Кирюшин Ю.Ф., Казаков, 1996). Раскопки грунтового могильника одинцовской культуры Троицкий Елбан-1 проводились в 1992–1993 гг. (Горбунов, 1993; 1995). Экспедиции АлтГУ в 1993–1994 гг. продолжили раскопки средневековых памятников в урочище Ближние Елбаны, где были исследованы одинцовские погребения в пункте БЕ-XVI (Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995). Результатом обобщения этих материалов стала защита А.А. Казаковым (1996) кандидатской диссертации по теме «Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья». Большой могильник одинцовской культуры Горный-10 (74 погребения) раскапывался в 2000–2003 гг. (Абдулганеев, 2007).

На данном этапе продолжают исследоваться памятники сросткинской культуры – это курганные могильники Займище (1989 г.), Белый Камень, Екатериновка-3, Кучук-1 (1990 г.), Шелаболиха-3, Щепчиха-1 (1991 г.), Хлебоборный Елбан-1 (1992 г.), БЕ-VI, IX (1993–1994 гг.); грунтовые погребения Усть-Шамониha-I (1990 г.); Восход-I (1991 г.) и поселения Троицк-3 (1992–1993 гг.), Серебренниково-3 (1995 г.) и ряд других (Горбунов, 1992; Шамшин, Лузин, Неверов и др., 1992; Казаков, Горбунов, 1993; Тишкин, 1993а; 1993б; Абдулганеев, Егоров, 1995; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995; Горбунов, Бородаев, 1995; Горбунов, 1996; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов, 1998).

С 1989 по 2000 г. экспедициями АлтГУ были продолжены раскопки курганного могильника Иня-1, который исследовался в 1951 и 1959 гг. А.П. Уманским. Всего там вскрыто 29 курганов. Они датируются 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. н.э. и отражают процесс формирования сросткинской культуры на юге Западной Сибири (Горбунов, 2000; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001). На сегодняшний день этот могильник, один из самых больших по числу исследованных объектов, является базовым для изучения сросткинской культуры.

В 1997–2004 гг. в рамках реализации различных грантов и программ археологами АлтГУ проводились целенаправленные раскопки могильников сросткинской культуры на Приобском плато: Боровиково-IV–V, Грань, Поповская Дача, Прудской, Успенковка-II, Филин-I, Яровское-III, V (Тишкин, Горбунов, 1998, 2000, 2002; Горбунов, Тишкин, 1999, 2001; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; и др.). Среди них особо выделяются крупные (от 30 м в диаметре) «элитные» курганы, маркирующие политический центр сросткинского объединения.

Значительные успехи на втором этапе были достигнуты в изучении памятников Лесостепного Алтая монгольского времени. С 1993 по 1998 гг. полностью раскопаны курганы могильника Телеутский Взвоз-I, в 2005 г. получены новые материалы на памятнике Усть-Алейка-Клуб, более 10 лет ведутся исследования на археологическом комплексе Кармацкий (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Тишкин, 2009). Это позволило выделить для периода XIII–XIV вв. н.э. кармацкую археологическую культуру (Тишкин, 2000, 2009).

С 1997 г. возобновляются работы на территории Горного Алтая. Интересные результаты дали исследования курганного могильника Усть-Бийке-III, где были раскопаны ранние объекты тюркской культуры и курганы монгольского времени (Тишкин, Горбунов, 2005). В 2003 и 2008 гг. тюркские поминальные комплексы изучены на памятниках Яломан-II, IV–VIII (Горбунов, Тишкин, 2007). В 2007 г. тюркский курган и оградки исследованы на памятниках Бике-IV и Чобурак-I (Семибратов, Матренин,

2008). Серия курганов тюркского времени и оградка с изваянием раскопаны в 2005–2009 гг. в северной части Горного Алтая, на территории туркомплеса «Бирюзовая Катунь», а на р. Усть-Уба открыта руническая надпись (Кирюшин К.Ю., Кондрашов, Семибратов и др., 2005; Кирюшин К.Ю., Горбунов, Даньшин, 2007; Кирюшин К.Ю., Горбунов, Волков, 2009; Кирюшин К.Ю., Матренин, 2009; Кирюшин К.Ю., Горбунов, Тишкин и др., 2009).

На могильниках Коргон-I (1999 г.) и Чинета-II (2002–2004 гг.) раскопаны редкие для Алтая курганы кыргызов (Дашковский, 2001; Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, 2005). Причем на памятнике Чинета-II они обнаружены по соседству с одновременными курганами сrostкинско-го населения, что позволило более аргументированно интерпретировать этнокультурную ситуацию в Северо-Западном Алтае периода «кыргызского великодержавия» (Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005).

Помимо работ на российской территории Алтая, изучение средневековых памятников было предпринято в пределах Восточного Казахстана (1999–2000 гг.), а также в Монгольском Алтае (2006–2012 гг.) (Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007; Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; Тишкин, Горбунов, Эрдэнэбаатар и др., 2010; и др.).

Полевые исследования средневековых памятников сопровождались их аналитическим изучением. Это выражалось в обосновании датировки и этнокультурной принадлежности накопленного материала. Введению в научный оборот полученных результатов способствовали различные издания: материалы конференций, журналы, тематические сборники. Среди последних можно отметить «Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье» (1998), «Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья» (2001), «Древние и средневековые кочевники Центральной Азии» (2008), изданные в АлтГУ. Помимо этого, в 2000-х гг. стали издаваться монографии с результатами изучения конкретных средневековых памятников и различных аспектов жизнедеятельности средневекового населения Алтая (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Горбунов, 2003; 2006; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2009; и др.). С 2000 по 2012 г. сотрудники АлтГУ защитили шесть кандидатских и две докторских диссертации, охватывающие разные периоды эпохи средневековья.

К настоящему времени археологами АлтГУ проведена большая работа по систематизации средневековых материалов. Разработана классификация и типология комплексов вооружения, снаряжения верхового коня, костюма (Неверов, 1992, 1998; Горбунов, 2003, 2006, 2009; Усова, 2012; и др.). На этой основе созданы периодизационные схемы развития этнокультурных общностей Алтая в раннем и развитом средневековье, соотнесенные с известными историческими событиями (Неверов, Горбунов, 2001; Тишкин, Горбунов, 2002; Тишкин, 2007; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011). Систематизация данных о погребальном и поминальном обрядах позволила выйти на уровень реконструкции социальной организации населения сrostкинской и тюркской культуры и ритуальной практики тюрков (Кондрашов, 2004; Шелепова, 2009; Серегин, 2011). Для изучения средневековых изделий сейчас успешно применяются естественно-научные методы (Горбунов, Тишкин, Хаврин, 2008; Тишкин, Серегин, 2011; и др.). Заложенные основы позволяют обозначить следующий этап в изучении средневековой археологии Алтая и сопредельных территорий.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи железа из раскопок у с. Комарово // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.
- Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI.
- Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.
- Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II.
- Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
- Абдулганеев М.Т., Шамишин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
- Алехин Ю.П. Курьинский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Бородаев В.Б. Разведочные работы на Северном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.
- Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II.
- Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А. Захоронения первой половины II тыс. в пункте Ближние Елбаны-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5.

Бородаев В.Б., Мамадаков М.Т. Могильники Кырлык-1 и Кырлык-2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985.

Владимиров В.Н., Мамадаков М.Т., Шелепова Е.В. Тюркские оградки памятника Белый Бом-II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6.

Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. н.э. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II.

Горбунов В.В. Курганы сrostкинской культуры у с. Шелаболиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. Вып. VII.

Горбунов В.В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года. М., 2000.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.

Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5.

Горбунов В.В., Бородаев В.Б. Средневековое поселение Троицк-3 на левобережье Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II.

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М., 2001.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. (Труды САИПИ, вып. 3).

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Изучение тюркских поясов по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3.

Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул, 2007.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996.

Казаков А.А. Городище Сошниково-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.

Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлебобобный Елбан-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV, ч. II.

Киришин К.Ю., Горбунов В.В., Волков П.В. Тюркское изваяние с Бирюзовой Катунь // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 4.

Киришин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2007. Вып. 3.

Киришин К.Ю., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Исследование тюркского кургана на территории «Бирюзовой Катунь» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XV.

Киришин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катунь в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I.

Киришин К.Ю., Матренин С.С. Бирюзовая Катунь-3 – новое погребение тюркской культуры на левобережье Нижней Катунь // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 4.

Киришин Ю.Ф., Горбунов В.В. Погребение сrostкинской культуры на могильнике Восход-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX.

- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Алехин Ю.П. Курган сrostкинской культуры могильника Быково-IV // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескен-VI // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии). Горно-Алтайск, 1998. №3.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Керамика первой половины II тыс. н.э. с археологических памятников озера Большой Иткуль // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990.
- Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
- Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск, 1991.
- Кунгуров А.Л. Два погребения с могильника 1 МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV, ч. II.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2.
- Мамадаков М.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV, ч. II.
- Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.
- Неверов С.В. История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Неверов С.В. Курганы племени I тыс. н.э. могильника Рогозиха-1 на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
- Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–X вв. // снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катунь // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катунь // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
- Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4.
- Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI в. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011.
- Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994.
- Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993а.
- Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993б.
- Тишкин А.А. Проблемы изучения культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I: Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000.
- Тишкин А.А. Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002а. Т. VIII.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002б. №9.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Мөнхбаяр Ч. Буянт голын сав дахь турэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа // Туухийн товчоон. 2010. Т. V (на монг. яз.).

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011.

Усова И.А. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012.

Шамишин А.Б. К археологической карте Причумышья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.

Шамишин А.Б., Горбунов В.В. Аварийные археологические работы в с. Зайцево Тальменского района // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV, ч. II.

Шамишин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л. Раскопки курганного могильника Кучук-I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009.

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Н.Н. Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и ДВО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» 2012–2014 гг. (проект №12-I-П33-03 «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых кочевых империй Центральной Азии»)

Один из важных и постоянно обсуждаемых вопросов в кочевниковедении – это проблема исторической динамики и преемственности древних и средневековых кочевых империй. В советский период в большинстве работ этот вопрос рассматривался с марксистских позиций. Предполагалось, что древние кочевники были первобытными или раннерабовладельческими (в трактовке ряда исследователей довоенного времени) обществами, тогда как средневековые номады относились к числу феодальных обществ. При этом нередко возникала достаточно курьезная ситуация: крупные империи кочевников (кидани, монголы и др.) интерпретировались как «раннефеодальные» общества, тогда как номады периода Нового времени (казахи, киргизы, туркмены) рассматривались как общества развитого феодализма. Важное значение для критики данных упрощенных схем истории номадизма имели концепции «предклассового» (Марков, 1976) и «раннеклассового» (Хазанов, 1975) общества у кочевников. Данные подходы акцентировали внимание на цикличность социальных процессов в обществах кочевников, подчеркивали важные структурные отличия обществ номадов от оседло-земледельческих цивилизаций. Впоследствии эти идеи были развиты в концепциях «кочевой цивилизации» (Масанов, 1995) и особого пути социальной эволюции кочевых империй (Крадин, 1992; и др.).

Вместе с тем было бы неправильно отрицать определенную, подчас принципиально важную динамику кочевых обществ. Одни стороны жизнедеятельности обществ кочевников претерпели глубокие изменения с эпохи древности, другие остались почти неизменными. Задача этой работы – показать характер динамики различных экономических, социальных и культурных процессов и институтов в древних и средневековых кочевых империях Центральной Азии. Хронологические рамки – время существования кочевых империй. К сожалению, объем публикации не позволяет затронуть все аспекты рассматриваемой темы. Поэтому я остановлюсь только на некоторых, наиболее показательных моментах.

Основа экономики кочевых обществ – скотоводство – мало изменилась с момента формирования кочевничества. Если сравнить по археологическим данным и сообщениям летописцев и путешественников (от Сыма Цяня до В.В. Радлова), то видовой состав стад и процентное соотношение различных видов, протяженность и маршруты перекочевок остались почти неизменными с древности. Кочевники также занимались охотой и собирательством, имели зачатки земледелия. Особенно важное значение придавалось облавной охоте, которая являлась хорошим способом выработки военных навыков. Земледелие было известно еще с времен хунну. Оно в той или иной степени существовало у более поздних кочевников. Как правило, в периоды существования больших империй предпринимались попытки переселения в аридные зоны земледельцев с целью обеспечения кочевников необходимыми продуктами. Что касается насильственной седентеризации кочевников, то подобная политика обычно оказывалась неэффективной, в то время как основные факторы, вызывающие кочевничество, остаются с течением времени неизменными. Любая радикальная политика интенсификации земледельческой экономики в среде кочевников будет результативной только до тех пор, пока эта система будет поддерживаться властью.

Ремесло у кочевников, начиная еще с глубокой древности, имело домашний характер. Это подтверждается многочисленными сведениями письменных источников, начиная с хунну и ухуаней до нового времени. При этом было бы неправильно отрицать развитие технологий. Если сравнить предметы быта кочевника хуннского времени с позднесредневековым временем, то наличие динамики налицо (вытеснение керамики металлическими котлами, появление жесткого седла, совершенствование упряжи и др.). Однако это не только результат развития собственного кочевого ремесла, но и следствие общей диффузии технологических инноваций.

Большие массы ремесленников концентрировались в кочевых империях в специальных поселениях и городах. Можно проследить постепенное кумулятивное увеличение количества оседлых поселений и городищ на территории Монголии начиная с эпохи древности (Крадин, 2008, 2011). Первые поселения и городища на территории Монголии были созданы в период существования Хуннской державы. Согласно летописям, жужане имели столичный город. Тюрки проповедовали доктрину антиурбанизма. Для уйгуро-киданьского времени характерен кумулятивный рост градостроительства на территории Монголии. Отличие урбанизационных процессов в киданьском обществе было обусловлено тем, что большую часть населения империи Ляо составляли завоеванные земледельцы. Эти тенденции получают свое развитие в период существования Монгольской империи. Каракорум становится настоящим мегаполисом – городом, где происходило соединение различных культурных традиций Востока и Запада. Однако расцвет строительства городов и монастырей приходится на время, когда монголы были подчинены империи Цин.

Наибольшие изменения в степной среде были связаны с вооружением и военным делом. Появление деревянного седла в конце периода поздней древности и стремян (IV–V вв., Северная Корея) способствовало изменению роли кавалерии. Раньше основная тактика кочевников состояла в маневренности и обстреле противника на расстоянии. В армиях аграрных обществ кавалерия имела фактически вспомогательное значение. Жужане-авары принесли стремяна и сабельное вооружение в Европу, и это дало им преимущество перед местными народами. В период Первого Тюркского каганата у кочевников появилось новое тактическое оружие – тяжелая кавалерия, вооруженная длинными копьями. Сельджуки в IX–X вв. достигли совершенства во владении саблями. Наконец, монгольский лук был самым мощным луком эпохи средневековья (Нефедов, 2008).

Позднее монголы в совершенстве освоили осадное дело. Они переняли самые передовые военные технологии – строительство осадных башен, в том числе с катапультами, а также различных метательных орудий, стреляющих стрелами, камнями и пороховыми зарядами, стали проводить крупномасштабную артподготовку перед штурмом, осуществлять возведение плотин для затопления вражеского города и рытье подкопов под вражеские стены и т.д. Для этих целей ими были привлечены специалисты из завоеванных земледельческих стран.

История знакомства с письменностью кочевников Центральной Азии прошла несколько этапов. Древние кочевники (хунну и др.) не имели своей письменности. Для ведения дипломатической переписки они пользовались услугами китайских грамотеев. Тюрки первыми внедрили руническую письменность.

В основном известны мемориальные надписи, в которых отражены различные стороны жизни кочевников, а также их идеологические представления. В уйгурское время, помимо рунической, также использовалась согдийская письменность. Однако дипломатическая переписка с Китаем по-прежнему велась на китайском языке людьми, владевшими иероглификой. Кидани, завоевав Северный Китай, столкнулись с иной практикой. Для управления покоренными территориями они использовали китайский язык. Кроме этого, было создано собственное письмо (малое и большое), известное в основном по эпитафиям.

В период, предшествующий империи Чингисхана, элита некоторых монгольских вожеств была знакома с уйгурской письменностью. После разгрома найманов Чингис повелел научить своих детей уйгурскому письму. Затем монголы стали применять уйгурский алфавит для записей текстов на монгольском языке, а потом создали на этой основе свое письмо. Захватив большие территории Северного Китая, монголы уделяли большое внимание подготовке квалифицированных переводчиков для управления подчиненными территориями. В 1269 г. при Хубилае тибетским ламой Паг-ба было создано так называемое квадратное письмо. Оно не имело длительной истории, и по возвращении монголов в степь, после падения Юаньской династии, кочевники опять вернулись к уйгурскому письму. Это письмо использовалось также в Золотой Орде, где монгольская элита выдавала ярлыки, написанные на монгольском языке буквами уйгурского алфавита. В XVI–XVII несколько раз предпринимались попытки унификации старомонгольского письма.

Важное место занимает вопрос о сходстве и преемственности социально-политической организации кочевых империй. Эта проблема наиболее обстоятельно была интерпретирована в работах В.В. Трепавлова (1987, 1993), однако в силу непопулярности в то время диффузионистских идей она не получила дальнейшего развития. Только несколько лет назад Д. Роджерсом (2009) вновь было привлечено внимание к данному фактору. Касательно динамики социальной и политической организации можно сказать, что в своей основе она мало изменилась с хуннского времени. Для всех кочевых империй были характерны следующие черты: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии, чаще всего по «десятичному» принципу», которая параллельно сосуществовала с племенной структурой; 4) ямская служба как специфический способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); 6) особый характер отношений с земледельческим миром (Крадин, 1992, 2001).

Тем не менее существовала определенная вариативность каждого из выделенных признаков. Так, например, триадная структура была характерна для хунну в период ее создания, позднее она трансформировалась в крыльевую структуру. Есть сведения о существовании системы почтовой «правительственной» связи даже у хунну, однако наивысшего расцвета она достигла в Монгольской империи. В последнее время развернулись дискуссии о правомерности использования понятий «родовая организация», «племя» и «вождество» в отношении древних и средневековых кочевников, поскольку в новое время социально-политическая организация монголов, по мнению Д. Снита, была основана на иных структурных принципах (Sneath, 2007; Kradin, Skrynnikova, 2009).

Интересная динамика прослеживается касательно восприятия кочевниками мировых религий. Древние и средневековые кочевники Центральной Азии в основном были шаманистами и поклонялись культу Вечного Неба (Тэнгри). Это подтверждается сведениями письменных источников и руническими надписями древних тюрков. Тем не менее имеются следы проникновения в степь различных религий. Так, уйгурская элита приняла манихейство. Позднее в степи известно несторианство. Монголы поощряли религиозное многообразие. С течением времени на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Золотой Орде монголы приняли ислам – религию воинов и торговцев. В Монголии с конца XVI в. распространился буддизм. Он стал важным фактором примирения кочевников – решения извечной для китайцев степной проблемы.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что, с одной стороны, определенные стороны жизнедеятельности кочевников были детерминированы экологическими условиями (например, скотоводство, социальная организация), с другой – налицо определенная динамика в других компонентах культуры степных обществ (средства и технологии передвижения, вооружение и военное дело, урбанизация, письменность и т.д.), обусловленная различными внешними и внутренними факторами. Наконец, многие культурные импульсы были восприняты из земледельческого мира посредством диффузии или заимствования (ряд технологий, мировые религии и др.).

Библиографический список

- Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.
Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. №5.
Крадин Н.Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.
Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. 2011. Вып. 72, №1–2.
Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы; М., 1995.
Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.
Роджерс Д. Причины формирования государств в Восточной Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.
Трепавлов В.В. Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.
Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
Kradin N.N., Skrynnikova T.D. «Stateless Head»: Notes on Revisionism in the Studies of Nomadic Societies // Ab Imperio. 2009. №4.
Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, & Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2007.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БАШКОРТОСТАН – СТРАНА ГОРОДОВ

Н.А. Мажитов

Академия наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Башкортостан – историческая родина формирования и развития башкирского народа и полностью вписывается в горно-лесные районы Южного Урала с обширными прилегающими степями с юга, востока, запада. Для этого региона тема о древних и средневековых городах – новая и малоизученная, что объясняется сравнительно поздним началом систематических полевых археологических исследований (с конца 50-х гг. XX в.). Примечательно, что средневековые арабские авторы IX–XII вв. оставили ценные сведения о нахождении в стране башкир таких крупных городов, как Намджан, Гурхан, Карукийя, Кастр, Мастр, и активных торгово-экономических связях жителей этих городов с народами Средней Азии. В частности, там говорится, что более тысячи жителей города Намджан разрабатывают расположенные вблизи медные рудники, а выплавленную медь вывозят в земли Хорезма, Чаш. В источниках жители города Гурхан характеризуются как мастера высочайшего класса по изготовлению таких «великолепных и совершенных» седел и оружия, «какие не делают ни в одной другой стране тюрок» (Коновалова, 2006. С. 122–124, 128). Такие сведения не оставляют сомнения в том, что эти названные башкирские города были крупными торгово-ремесленными и культурно-политическими центрами.

Серьезной проблемой для археологии Башкортостана является отыскание археологических следов средневековых городов, подробно описанных в письменных источниках. Здесь для нас имеются обнадеживающие факторы. Например, в результате проведенных за последние 60–70 лет сплошных разведочных работ обнаружены более тысячи городищ-крепостей эпохи раннего железа и средневековья, среди которых есть величественные по размерам объекты с мощными культурными отложениями. Среди археологов региона сложилось обоснованное мнение о том, что многие эти городища в древности и, особенно, в средневековье существовали в ранге городов. Такую перспективу решения данного важного для науки вопроса обнадеживает пример с городом Башкерти (Башкорт), расположенным в центре Уфы – современной столицы Башкортостана. Этот башкирский город впервые упоминается Ибн-Халдуном (XIV в.) (Золотая Орда в источниках..., 2003. С. 169) и нашел свое отражение в картографических работах западноевропейских авторов XIV–XVI вв., среди которых самой точной является карта Меркатора 1554 г., где город Башкерти (Башкорт) нанесен в устье Уфы, т.е. на территории современного города Уфы (Псянчин, 2007. С. 17–23).

Археологами Башкортостана Башкорт отождествляется комплекс одновременных средневековых памятников (6 городищ, более 10 аулов и крупных некрополей), сосредоточенных вокруг самого крупного и долговременного городища Уфа-II. Этот памятник уже шесть лет числится объектом масштабных археологических раскопок, в результате которых выявлены такие объекты монументальной архитектуры, как мощная крепостная стена, наземные жилища, возведенные путем широкого приме-

ния растворов жидкой глины в опалубках и сырцовых кирпичей. Оригинальны взаимно пересекающиеся уличные деревянные настилы шириной 2–2,5 м, длиной более 60 м, большая ювелирная мастерская по изготовлению украшений из золота и мн. др. Ранняя дата городища Уфа-II датируется золотой византийской монетой V в., а существование его в XV–XVI вв. четко зафиксировано, кроме названных карт, русскими письменными источниками (Мажитов, Султанова, Сунгатов, 2008. С. 64–70; 2007. С. 24–34; Мажитов, Султанова, 2010. С. 174–189; и др.).

Сенсационные результаты раскопок на городище Уфа-II были критически оценены официально приглашенным экспертным советом Института археологии РАН (Москва), в составе которого были авторитетные специалисты по изучению городов Китая, Киргизии, Узбекистана, Сирии, Ирака, Российской Федерации. Эксперты пришли к выводу, что городище Уфа-II и расположенные вокруг него одновременные памятники представляли поселенческий комплекс городского типа, являвшийся важным торгово-ремесленным и культурно-политическим центром на юге Урало-Поволжья. По нашему мнению, городище Уфа-II было цитаделью (Кремлем) г. Башкорт.

Важно подчеркнуть, что особенности происходящих на Южном Урале этнокультурных процессов в средневековье трудно понять без учета сложившихся еще в глубокой древности активных этнокультурных и торгово-экономических связей с народами Казахстана, Средней Азии и особенно Южного Приаралья (Хорезмийский оазис). Археологические, письменные, топонимические и фольклорные источники указывают, что в скифо-сакское время Южный Урал был регионом активного культурно-политического влияния Хорезма. Они же дают знать, что здесь тогда оседали пришлые, примерно, из Южного Приаралья кочевые племена, среди которых самую многочисленную группу составили даи (даик), сыгравшие важную роль в сложении древнего ядра башкирского этногенеза. Именно они – основные создатели башкирского героического эпоса «Урал-батыр», в содержании которого четко прослеживается влияние зороастрийской религиозно-философской литературы.

В заключение подчеркнем, что выдающемуся востоковеду XX в. А.З. Валиди Тогану – сыну башкирского народа принадлежит мысль, что в формировании башкирского народа важную роль сыграли собственно башкирские племена с самоназванием «башкорт», которые до VII–VIII вв. проживали на юге Средней Азии и оставили там яркие следы в топонимике региона в виде таких названий, как «Башкурдские горы», местность «Башкурт», город «Вашгирд». Вслед за ним мы полагаем, что племена «башкорт» из юга Средней Азии могли переселиться около V–VIII вв. Видимо, по их инициативе в центре нынешнего города Уфы был основан город Башкорт, что нашло свое отражение в исторических источниках XIV–XVI вв. Этнокультурные связи ранних уральских башкир с народами юга Средней Азии только этим не исчерпываются. Они ярко представлены в таких массовых, привезенных с юга материалах, как согдийские шелковые ткани, ювелирные изделия, керамика, а также в строительном деле городов и др.

Библиографический список

- Золотая Орда в источниках. Т. I: Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.
Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010.
Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. О средневековом этапе истории г. Уфы – столицы Башкортостана // Архивы Башкортостана. Уфа, 2007. №1.
Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Сокровища древней Уфы. Уфа, 2008.
Псянчин А.В. Mons et URBIS: Уральские горы и город Уфа в европейской средневековой картографической традиции // Архивы Башкортостана. Уфа, 2007. №1.

О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВЬЯХ В ПРИАЗОВЬЕ И НА НИЖНЕМ ДОНУ. К МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.С. Флеров

Институт археологии РАН, Москва, Россия

В многочисленных упоминаниях проблемы кочевничества и оседания в Хазарском каганате непременно представлены теоретические разработки трех авторов С.А. Плетневой, А.М. Хазанова и Г.Е. Маркова, хотя последние два прямого отношения к хазарской тематике не имели. Из заметных работ недавнего времени отмечу раздел в книге историка А.А. Тортики (2006. С. 111–129), рассмотревшего историографию проблемы и предложившего собственные реконструкции с частичным использованием археологических данных.

В критических замечаниях, появляющихся сегодня в отечественных и зарубежных публикациях в адрес «эволюционной теории» С.А. Плетневой, не учитывается, что по существу она построила свои выводы преимущественно на полевых обследованиях тех памятников, которые, по ее мнению, могут быть связаны с кочеванием населения накануне возникновения каганата и первых десятилетий его существования. Как правило, критики обращают внимание на теоретические разработки С.А. Плетневой, я же хочу обратить внимание на ее полевой опыт, методически очень ценный. Ценный даже при том, что в ее публикациях оценки памятников VII–IX вв. требуют корректировок, касающихся предложенных ею реконструкций стадий кочевания и общественных отношений. В данных тезисах я обращаю внимание только на некоторые вопросы сложной проблемы кочевничества в Хазарском каганате.

С.А. Плетнева первой показала, что без полевых разведок, без картографирования весьма неприятных местонахождений, состоящих всего лишь из нескольких фрагментов керамики, определение доли кочевий среди поселений Хазарского каганата невозможно. При том, что самой С.А. Плетневой удалось проводить только выборочные, хотя и протяженные, разведки, она опять же первой поставила вопрос о сплошных тотальных разведках больших территорий. Подчеркну, что протяженность маршрутов разведок С.А. Плетневой (1967. С. 9. Карта) в бассейне Дона громадная и сегодня никто не осуществляет их столь целенаправленно. Но подчеркну и другое – ее разведки проходили в слишком быстром темпе, причина чего не в недобросовестности исследовательницы, а более прозаична – мизерность финансирования, при котором она пыталась пройти максимально длинные маршруты. Это не могло не сказаться на последующих ее выводах, в которых неполнота полевых наблюдений «дополнялась» теоретическими построениями.

Приазовье в ее разведках занимает особое место. Это территория Старой Великой Болгарии, где вероятность открытия поселенческих памятников ранних болгар уже в 70-х гг. прошлого века была подтверждена открытием там погребальных комплексов (из последних публикаций: Чхаидзе, 2011). Принимая полностью всю конкретику описаний С.А. Плетневой осмотренных ею памятников, я с осторожностью отношусь к ее заключениям о делении стойбищ-кочевий на типы, а также на летники и зимники. В еще большей степени преждевременными, на мой взгляд, были построения о ранней куренной форме кочеваний и поздней айильной на основе только подъемных материалов (Плетнева, 1967. С. 18, 19).

Далеко не все ясно и в оценке конкретных местонахождений. Например, можно ли квалифицировать местонахождения протяженностью до 1,5 км как стойбище (типа I) при обнаружении нескольких черепков? Или это что-то иное? Еще больше сомнений вызывает суммарная оценка толщины культурного слоя кочевий в 20 см, что значительно даже для стационарных поселений. Сомнение вызывает реконструкция развалов камней на местонахождении у с. Натальевка на северном берегу Таганрогского залива в качестве глинобитных домиков на каменных цоколях (Плетнева, 1967. С. 16, 18). Дело не в том, что каменное строительство раннего средневековья в Северо-Восточном Приазовье остается под вопросом. Мои более поздние походы по маршрутам С.А. Плетневой, а также по впадающим в залив маленьким речкам Мокрой и Сухой Еланчики показали, что здесь жилища с каменными основаниями могут относиться к эпохе поздней бронзы, над развалами которых встречаются фрагменты керамики салтово-маяцкого облика и амфор.

Сегодня не описаны памятники, которые могли бы стать эталонными для так называемых первой, второй и третьей стадий кочевания. Говоря попросту, они не раскапывались. Потому нельзя археологически подтвердить, что «переход к третьей стадии знаменовался резким сокращением территории активного заселения – оседлые поселки сосредоточивались только в низовьях рек, в верховьях же находились, видимо, летние выгоны, которые археологически не улавливаются» (Плетнева, 1982. С. 53). Это, как и многие другие выводы (с непременным «видимо») навеяны этнографическими наблюдениями, нежели археологической конкретикой Северо-Восточного Приазовья. По моим наблюдениям, на Мокром и Сухом Еланчиках, а также на р. Сарматке, притоке Миуса, оседлые поселки сосредоточивались не в низовьях, а в средних течениях степных рек, впадающих с севера в Таганрогский залив.

В целом же весьма сложно среди местонахождений установить какую-либо стадиальность, что осложняется неразработанностью хронологии керамики, в частности, лепной. Хронологическими реперами для нее могли бы стать лепные сосуды из погребений (Флеров, 2010), с которыми для начала можно сравнить комплекс лепной керамики из местонахождения у станицы Заплавской (у Новочеркасска Ростовской обл.). Этот памятник, расположенный в низовьях Дона, исследовался в 1962 г. Александром Вильямовичем Гадло и был определен им как кочевье. С учетом того, что подобные памятники не исследовались и позже, вскрытую площадь признаем значительной – 220 кв. м. В слое толщиной 10–30 см не были обнаружены следы наземных жилищ, а лишь «кострища», интерпретируе-

мые исследователем как очажки неуглубленных юрт. В кострищах – обожженные обломки сосудов, как правило лепных, и расколотые кости животных. Очень показателен состав керамики: лепные сосуды разных форм – 366 фрагментов (81,2% – !), гончарные рифленые горшки – 15 (3,3%), гончарные салтовские сероглиняные сосуды, в том числе с лощением – 6 (1,3%), красноглиняные амфоры – 64 фрагмента (14,2%). Соотношение впечатляет абсолютным преобладанием лепной посуды: горшки с пальцевыми вдавлениями на венчиках, котлы с внутренними ушками, сковородки, миски. Казалось бы, преобладание лепной керамики позволяет отнести памятник у ст. Заплавской к числу ранних салтово-маяцких, но амфоры датированы А.В. Гадлом серединой IX – серединой X в. Можно, конечно, усомниться в датировании с точностью до середины IX в. Такая точность и сегодня вряд ли достижима. Примем как самую раннюю дату весь IX век. Но и при этом памятник у ст. Заплавской к ранним не отнесешь. Показателен и состав стад, в котором преобладает «оседлое» домашнее животное корова – 62,2% определимых костей. На долю же мелкого рогатого скота пришлось менее 15%. Материалы местонахождения у ст. Заплавской заставляют задуматься. Во всяком случае, они подтверждают наблюдение С.А. Плетневой о хронологической «многослойности» памятников Северо-Восточного Приазовья. Показательно, что она многократно и в разных изданиях результатов своих разведок упоминает находки на кочевьях не только любимого ею IX, но VI–VII вв. (Плетнева, 1964а; 1967. С. 19). Это приводит к важному выводу о том, что в истории населения Северо-Восточного Приазовья, а вероятно, и всей зоны степей в границах каганата кочевание – не этап, а один из постоянно существовавших укладов. Какое место он занимал в экономике каганата, предстоит еще долго устанавливать.

Есть еще одна проблема, которая требует внимания. Среди тех местонахождений побережья Таганрогского залива, которые С.А. Плетнева называла «стойбищами», а ряд нынешних археологов подобные вновь открытые именуют «кочевьями», большинство которых может быть и следами оседлого населения: перемещений пастухов, мест дойки, временных ограждений для крупного рогатого скота и лошадей, овчарен, мест постоянных водопоев, передвижения военных отрядов и т.д. Разбитую посуду и остатки трапез оставляли у полей и огородов земледельцы (почему это не учитывается?). В ходе археологических разведок следы перечисленного могут быть приняты за «кочевья». Они и внешне, без раскопок, неотличимы от действительных кочевий. С другой стороны, на однодневной стоянке воинского отряда в 50–100 человек, а особенно на многодневной, могло остаться достаточное количество битой посуды, выброшенной тары (амфор) и костей, потому она и воспринималась при внешнем осмотре как стационарное поселение, а места кострищ могут быть приняты за следы плохо сохранившихся очагов или зольники. Без раскопок с установлением всех признаков памятника отделить настоящие кочевья любого времени от перемещений оседлого населения сложно. Среди признаков важнейшим, если не решающим, будет состав керамики, а датирующими сегодня могут выступать только амфоры и лишь в перспективе лепная керамика. Сама по себе лепная керамика – показатель неоднозначный, ввиду консервативности технологии изготовления и форм.

Есть конкретные спорные определения. Так, десятки юртообразных жилищ С.А. Плетнева определила как «аил» на месте будущей Правобережной Цимлянской крепости (ср.: Плетнева, 1996. С. 143; Флеров, 1996), а А.А. Тортика (2006. С. 119) соотнес крепость с «зимником», но все-таки отметил, что «существование подобных зимовок и наличие на них стационарных жилищ... не обязательно свидетельствуют о процессе оседания...»

Складывается впечатление, что в истории Хазарского каганата не было как такового отдельного исторического этапа кочевничества, а говорить надо о *переселении* и быстром освоении новой территории с последующим сооружением укреплений в форме валов-рвов, а затем белокаменных и кирпичных крепостей. Этот период освоения, ознакомления с природными условиями, географией, наконец, оставшимся местным населением мы, возможно, и принимаем за стадию кочевания. Заимствуя термин из истории венгров, я бы назвал это появление болгар и хазар в Юго-Восточной Европе «обретением родины». Поиск прежней старой родины болгар и хазар не завершен. Новую родину обрели и праболгары Аспаруха (Ис-периха) на Нижнем Дунае, где они, не без влияния славян, быстро перешли к оседлости.

Вопрос о кочевничестве и его месте в каганате требует коренного пересмотра. Решить его можно одним путем – в ходе тщательных и неспешных археологических исследований. Один пример. В 1965 г. С.А. Плетнева (1967. С. 14. Карта) проводила разведку около Семикаракорского городища и далее выше по течению Сала. Никаких памятников в окрестностях городища обнаружено не было. В последние годы вокруг городища в низовьях Сала, притока Нижнего Дона, С.Ф. Токаренко в результате упорных пеших разведок выявил более 20 поселений. Как далеко сеть поселений простирается выше по течению степной реки, предстоит еще выяснять.

Сложнее обстоит дело с Великой Болгарией в Приазовье и на Нижнем Дону. Поселенческие праболгарские памятники, будь то кочевья или стационарные поселения дохазарского времени, практически не изучены. Кроме того, надо иметь в виду, что праболгары застали на месте старое позднесарматское оседлое население, которое далеко не все было втянуто в «Великое переселение народов». В целом же археология Старой Великой Болгарии – тема, требующая отдельного рассмотрения.

Однако более важными на сегодня являются практические выводы по методике разведок. Местонахождение может быть отнесено к тому или иному типу только при условии множественности шурфов для исследования культурного слоя и его границ, а при необходимости и раскопок, хотя бы в объеме проведенных у ст. Заплавской. Только хорошо поставленные полевые исследования (с процедурами типологизации керамики, датирования) позволят установить, в какой степени и на каком историческом этапе местонахождения типа «кочевье» занимали сколь-либо заметное место среди поселений оседлого населения от VI до X в. Метод полевых разведок, сводящихся исключительно к сбору оказавшихся на современной поверхности артефактов, устарел. В крайнем случае, его можно рассматривать как рекогносцировку для определения объема предстоящих работ. Не более. На смену продолжающихся десятилетиями рассуждений о кочевой стадии у болгар и хазар, с использованием исключительно погребальных памятников и незавершенных полевых наблюдений С.А. Плетневой и археологов следующего поколения, выдвигается задача должного изучения первичных археологических источников, длительная черновая работа, включая десятки шурфов на «неинтересных», «неперспективных» местонахождениях и классификацию «невывраченных» кусочков лепных сосудов (Флеров, 2010).

Трудно представить, что в почвоведении, геологии, строительстве можно ограничиться внешними осмотрами для получения решающих заключений. От практики только внешней оценки памятника следует отказаться и в полевой археологии, тем более, если за ними исследователь намерен предлагать исторические выводы. А выводы предлагаются сплошь и рядом.

Поиск в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону стационарных поселений VII–VIII вв. чрезвычайно перспективен. Это подтверждает открытие в дельте Дона рядом с руинами античного Танаиса, поселения с жилищами из камня (из развалин Танаиса) с печами и очагами, разнообразной лепной керамикой, в том числе котлами с внутренними ушками. Поселение датируется амфорами VII – 1-й половиной VIII в. (Нидзелинская, Ильяшенко, 2007). Находка же столь ранних котлов позволяет вернуться к вопросу об их принадлежности одной из групп праболгар.

Библиографический список

- Нидзелинская Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона. М., 2007.
- Плетнева С.А. Номадски поселища през VII–IX в. в Приазовието и басейна на река Дон // Археология. София, 1964. Год VI, кн. 4.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982.
- Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, 2006.
- Чхаидзе В.Н. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2012. Вып. 12.
- Флеров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // Советская археология. №1. М., 1996.
- Флеров В.С. Лепные горшки, котлы и другие виды керамики как индикаторы салтово-маяцкой культуры // Диалог городской степной культуры на евразийском пространстве. Азов, 2010. Вып. 10. Сер.: Донские древности.

ГОСУДАРСТВО ХАЗАРСКОГО ТИПА У ВЕНГРОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

И. Фодор

Венгерский Национальный музей, Будапешт, Венгрия

Древневенгерский этнос, по всей вероятности, проживал на территории Магна Хунгарии (между Уралом и Волгой) примерно до середины VIII в. н.э. В то время по неизвестным нам пока причинам он распался на две части. Одна часть осталась на прежней территории, а вторая мигрировала в область Северского Донца. Переселившиеся оказались соседями или подданными Хазарского каганата (вероятно, до начала 860-х гг.), а затем они переместились в Этелкузу. Время, проведенное в Хазарском каганате, имело большое значение с точки зрения развития хозяйства, культуры и общества средневековых венгров.

В 38-й главе своего знаменитого сочинения Константин Багрянородный рассказывает о том, что венгры жили вместе с хазарами и совместно вели каждый год войну против печенегов. У венгров, по его словам, были равноправные воеводы, но первый из них был Лебедия. Ему и предложил хазарский каган стать архонтом своего народа. Но Лебедия отказался и предложил вместо себя Алмуша или его сына Арпада. Венгры обсудили этот вопрос и избрали архонтом Арпада. Этот рассказ передает важный момент изменения структуры венгерского общества: возникновения под хазарским влиянием верховной власти над племенами и племенными вождями.

Этот же процесс зафиксирован и арабскими авторами. Ибн Руста и Гардизи (по произведению Джайхани) сообщают о том, что у венгров главный «начальник» называется *кунду* (венг. *кенде*), однако действительной верховной властью располагал не он, а его заместитель *джила* (венг. *дюла*), который являлся и военным начальником. Такое же «двоевластие» описывают авторы и у хазар, где главный каган является как бы небесным правителем, а управлением государства и армии занимается его заместитель. Многие исследователи считают, что хазарский каган был сакральным правителем. Во всяком случае, верховная (государственная) власть у хазар и у венгров весьма похожа. При этом особенно заслуживает внимание, что название венгерского «архонта» (*кунду*) мы находим и в иерархии хазарских правителей: по ибн Фадлану он был третий по иерархии. Значит, нет сомнения в том, что этот тип кочевого или полукочевого государства был учрежден у венгров хазарами.

Когда делегация императора Льва Мудрого в 894 г. у дельты Дуная заключила союз с венграми о нападении на Болгарию, греки вели переговоры с двумя венгерскими «королями». Нам известны и имена этих правителей. Один из них был сам Арпад, под руководством которого венгерские войска овладели Карпатской котловиной, а второй был Курсан, которого в 904 г. убили немцы. В венгерской историографии нет единого мнения, кто из них был главным (*кунду*) и кто полководцем (*дюла*). Автор убежден, что верховная власть принадлежала Арпаду, основателю знаменитой династии, и «двоевластие» не пережило 904 г. Это подтверждает, что первое венгерское государство восточного, кочевого типа хоть и было похоже на хазарское, но, в то же время, и отличалось от него. У венгров видимо не было сакральной верховной власти. Но, тем не менее, это было первое государство венгров, и после середины IX в. мы уже не можем говорить о «союзе племен» у венгров.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ВРЕМЯ СООРУЖЕНИЯ КРЕПОСТИ ПОР-БАЖЫН В ТУВЕ

Чжан Цзяньлинь

Институт археологии провинции Шэньси, Сиань, КНР

Введение

Руины крепости Пор-Бажын находятся в Туве, которая расположена на юге Сибири, в верховьях Енисея. Республика Тыва РФ граничит на юге и юго-востоке с Монголией, на северо-востоке – с Иркутской областью, на востоке – с Республикой Бурятия, на севере – с Республикой Хакасия и Красноярским краем, на западе – с Республикой Алтай.

Указанный археологический памятник находится в горной котловине. К северу от него проходит Западно-Саянский хребет, на юге – горы Монголии. Руины расположены на маленьком острове оз. Тере-Холь (рис. 1), местные жители называют их «Пор-Бажын» (в переводе это означает – «глиняный дом»). Вокруг озера есть степи и залесенные горы.

Еще в 1950-е гг. были начаты археологические исследования руин Пор-Бажына. С 1957 по 1963 г. археологи бывшего СССР совершили несколько экспедиций и частично произвели раскопки строений внутри крепости. В 2007–2008 гг. археологическая экспедиция под руководством доктора Тиграна Константиновича Мкртычева из Государственного музея Востока (Москва) осуществила изучение руин и произвела археологические раскопки на огромной площади. Я имел счастье принимать участие в научной конференции на Пор-Бажыне в августе 2008 г. После этого по щедрому разрешению доктора Т.К. Мкртычева я, опираясь на материалы российских археологов, сделал анализ времени, вида и способа возведения крепости, а также влияния архитектурной традиции Китая эпохи Тан на севере.

Археологические раскопки Пор-Бажына

По результатам обследований российских археологов стало известно, что руины Пор-Бажына относительно хорошо сохранились. Планиграфия объекта и его структура цела (рис. 2). Крепостная глинобитная стена постройки имеет вид прямоугольника. Его длина с востока на запад составляет 215 м, а

Рис. 1. Руины Пор-Бажын на острове оз. Тере-Холь
(по: <http://www.tuva.asia>)

Рис. 2. Планиграфия и структура крепости Пор-Бажын
(по: <http://www.tuva.asia>)

с севера на юг – 162 м. В южной и северной частях стены выступают по две башни. На западной стене имеется одна башня, а на северо-западном и юго-западном углах – еще по одной башне. В середине восточной стены были ворота с превратными башнями, на которые с внутренних сторон поднимаются параллельно стенам въездные пандусы. Несмотря на прошедшее время, сильные воздействия ветра и дождей, сохранившаяся высота стены составляет 8,4 м, а ширина основания – 8,5 м. Российские ученые считают, что на самом деле ширина основания стены могла достигать 12 м.

Планировка внутри крепости ясная и четкая (рис. 2). Ворота крепости находятся на центральной осевой линии З–В. В центре крепости находятся внешний и внутренний дворы, а также группа больших зданий. Слева и справа симметрично расположены 26 дворов, в центре которых было по одному жилищу.

После двухлетних раскопок стало ясно, что центральными сооружениями являются парадный дворец и два задних здания, в середине к тому же есть галерея. С двух сторон переднего здания к востоку расположены боковые строения, ориентированные с запада на восток. Боковая галерея соединяет их. На обеих сторонах заднего здания расположено по одному небольшому сооружению. Размеры центрального дворца крупные и достигают в среднем около 20 м. Здание было построено на фундаменте в виде платформы из утрамбованной глины и земли, облицованной обожженным кирпичом. Вокруг него имеются кирпичные отмостки, а на фасадной (восточной стороне) стилобата расположены два кирпичных крыльца. Внутри главное здание разделено на 10 комнат глинобитными стенами с деревянным каркасом. В середине был большой зал. Перед этим зданием возможно была галерея (?).

Внутри крепости на юге, севере и западе симметрично по форме «U» расположены 18 небольших дворов. В северо-западном и юго-западном углах, а также внутри северного и южного двора имеются восемь небольших дворики. В центре каждого двора сохранился квадратный фундамент дома. Дворы между собой связаны воротами. Стены были глинобитными. Обнаруженные дома были двух видов: однокомнатные и двухкомнатные. Большинство дверей здания выходили на юг.

Конструкция всей крепости демонстрирует деревянно-глинобитное строительство. Большие сооружения имеют стилобаты с отмостками из квадратных кирпичей. Согласно размерам в главных зданиях и домах отмечено неодинаковое количество деревянных столбов. Под внутренними столбами главных зданий и дополнительных столбов у основания были положены квадратные камни (базы). При раскопках зафиксированы остатки деревянных конструкции и фрески. Можно обнаружить различные архитектурные конструкции (типа «Гун», «Доу» и др.). Среди кирпичей зафиксированы изделия квадратной формы, а также с изображениями животных. Найдена плоская черепица, полукруглая кровельная и круглая. На ней зафиксированы изображения*.

Время сооружения Пор-Бажины

Так как при раскопках Пор-Бажины не обнаружено никаких письменных свидетельств и датируемого комплекса археологических находок, время сооружения памятника может определяться по строительным остаткам. Среди найденных строительных материалов главными являются кирпичи, а также черепица и деревянные детали. Все эти материалы использовались при сооружении архитектурных зданий в районе центральной равнины Китая в период существования династии Тан. Особенно следует отметить кирпичи и черепицы, а также круглую черепицу и кирпичи с изображением животных, которые имеют особенности, характерные для указанной эпохи. Их можно сопоставить и идентифицировать с подобны-

* Данные материалы представлены доктором Т. Мкртычевым.

ми объектами из Китая. Сначала рассмотрим обнаруженные на Пор-Бажыне образцы круглой черепицы с изображениями лотоса. Диаметр этих черепиц составляет 13–14 см. Их можно разделить на два типа. Центром черепиц типа I являются тычинки и пестик цветка лотоса в виде восьми выпуклостей вокруг восьми круглых лепестков лотоса. Между ними есть треугольник, а на внешнем круге – изящные узоры из 28 выпуклостей. Обода черепиц сравнительно широкие. Центром черепиц типа II являются тычинки и пестик цветка лотоса из пяти выпуклостей, вокруг которых имеются четыре овальных лепестка лотоса. Между ними также изображен треугольник, а на внешнем круге обода имеются изящные узоры из 28 выпуклостей. Круглые черепицы с такими изображениями характерны для строительной практики в период династии Тан. Так, подобные многочисленные образцы черепицы обнаружены на руинах зданий династии Тан в г. Лоян и на разрушенных мавзолеях императоров династии Тан. Так как время строительства мавзолея династии Тан хорошо известно, то, используя эти данные, можно их рассматривать в качестве датирующего материала. Полученная при раскопках могил династии Тан круглая черепица с изображениями лотосов, датированная VII в., является двухлепестковой или однолепестковой. Лепестки лотоса выделены, ободки черепицы узкие, поверхность иссиня-черная, изделия изящные. При раскопках могилы Чжаолин (Юнлин) императора Тайцзуна династии Тан, построенной в 637–650 гг., а также в могиле Цяньлин (могила императора Тан Гаоцзун и императрицы Уцзэтянь), построенной в 684–706 гг., была найдена такая же круглая черепица. В середине VIII в. и позже изображения на черепице полностью стали однолепестными, обод стал шире, а производство сравнительно грубое. Черепица двух указанных типов, обнаруженная на Пор-Пажыне, очень похожа на черепицу, обнаруженную при раскопках могилы Цзяньлин (императора Тан Суцзуна, построенной в 762 г.), в могиле Тайлин (императора Тан Сюаньцзуна, построенной в 763 г.) и в могиле Чунлин (императора Тан Дэцзуна, построенной в 805 г.). Их лепестки не такие полные, а обод черепицы широкий. Черепица с изображениями лотоса характерна для строений города Лоян, датируемых VIII в. Они имеют аналогичные характеристики*.

Кирпичи из Пор-Бажына имеют форму прямоугольника: высота – 23 см, ширина – 20 см. На поверхности кирпичей вылеплены синкретичные образы зверей, у которых изображены стоящие уши, круглые глаза, широкие носы и большие рты. Кирпичи с такими изображениями чаще всего являются элементами, украшавшими края крыши дома. Подобные кирпичи обнаружены в большом количестве при раскопках дворцов и могил династии Тан. Кирпичи с изображениями животных, датируемые VII в., имеют мелкий рельеф, сделаны с помощью матрицы. Они трапецевидной формы, иногда имеют изящные узоры. А в середине VIII в. и попозже кирпичи становятся прямоугольными и более грубоватыми. На их поверхностях животные изображены высоким рельефом, изготовлены они по матрицам и вылеплены руками. Аналогии кирпичам из Пор-Бажына можно обнаружить среди материалов раскопок могил Цзяньлин и Чунлин династии Тан, датируемых соответственно серединой VIII в. и началом IX в. (материалы археологических раскопок Института археологии провинции Шэньси).

Зафиксированные на Пор-Бажыне имитации деревянных конструкций тоже могут быть образцами сопоставления. Такие остатки должны были находиться под крышей и являлись имитацией архитектурных элементов, в частности, «наклонный Гун» являлся популярным элементом на сооружениях времени династии Суй и Тан. Его можно обнаружить на нарисованных фресках в могилах династии Тан в конце VII в. Однако в начале VIII в. данный элемент изменился и стал выполнять декоративную функцию. В могиле наложницы У Хуйфэй (построенной в 737 г. и расположенной в уезде Чаньань провинции Шэньси) были зафиксированы похожие конструкции (материалы археологических раскопок Института археологии провинции Шэньси), аналогии которым найдены на руинах Пор-Бажына.

Представленный сопоставительный анализ позволяет сделать заключение о том, что строителями крепости Пор-Бажын могли быть мастера из центральной равнины Китая, а время ее строительства может приходиться на период середины династии Тан (с середины VIII в. до середины IX в.).

О назначении Пор-Бажына

Российские археологи выдвинули четыре предположения, касающиеся назначения исследуемой крепости: 1) тюркский мемориальный комплекс или жертвенный архитектурный ансамбль; 2) летний дворец уйгурского хана; 3) буддийский храм уйгуров; 4) уйгурский манихейский храм.

Так как раскопки руин полностью не завершены и не обнаружено никаких письменных свидетельств, то до конца трудно точно определить их предназначение. Однако, основываясь на результатах современных археологических раскопок, можно исключить первое, третье и четвертое предположения. Сделав вывод, что строительство крепости приходилось на середину VIII в. – середину IX в., то становится совершенно ясно, что это не должно быть тюркским мемориальным или жертвенным архитек-

* Институт археологии провинции Шэньси: Краткая сводка об археологических раскопках могилы Тайлин (императора Тан Сюаньцзун) // Археология и памятники культуры. 2011. №4.

турным ансамблем. В то время II Восточнотюркский каганат уже был уничтожен. Территория Южной Сибири находилась под властью Уйгурского каганата. Внутри разрушенной крепости не обнаружено никаких буддийских или манихейских фресок, скульптур и строительных конструкций. К тому же там не зафиксированы признаки религиозного использования. Поэтому нет оснований считать, что это буддийский или манихейский храм. По конструкции и географическому положению можно предположить, что здесь был расположен летний дворец уйгурских ханов. Основания состоят в нижеследующем:

1. *Географическое положение и обстановка.* Крепость Пор-Бажын расположена в котловине гор, на высоте 1300 м над уровнем моря, примерно в 500 км к северо-западу от известной уйгурской столицы Хара Балгас (Орду-Балык). Горы вокруг покрыты лесами, в котловине имеются густые кормовые травы и достаточно много воды. Зимой здесь холодно, а летом прохладно. Поэтому в данном месте благоприятнее жить летом. Одновременно здесь могли быть летние пастбища, которые чаще всего располагаются на сравнительно высоких местах над уровнем моря в отличие от зимних.

2. *Планиграфия крепости.* Руины Пор-Бажын представляют собой прямоугольную форму. Вокруг была построена высокая крепостная стена. Ворота являются осью, на обеих боковых сторонах была симметричная планировка, на осевой линии спереди и сзади расположены большие сооружения, на обеих сторонах находятся дворы. Их расстановка заметно имитирует императорский город династии Тан. По схеме дворца Тайцзигун города Чанъань династии Тан, сохранившейся на разбитой каменной стеле династии Сун, реконструированный план дворца Тайцзигун демонстрирует прямоугольник и симметрию: на осевой линии спереди и сзади расположены две группы больших зданий, спереди павильон Тайцзи Дянь, сзади Лян И (инь и ян) Дянь, на обоих боках расположен восточный дворец, дворец Етингун, центральные министерства, двора Шэжэнь (придворный чин с различными функциями в разные эпохи), музей Хунвэньгуань и т.д. Форма дворцового города Дамингун столицы Чанъань династии Тан похожа на трапецию, на осевой линии с юга на север построен павильон Ханьюань Дянь, Сюаньжэнь Дянь и Цычэнь Дянь. Перед зданием Ханьюань Дянь на обоих боках построен восточный и западный двор, к северу от павильона Цычэнь Дянь на обоих боках построен Цинсы Дянь, Линьдэ Дянь и другие здания. Расстановка императорского города восточной столицы Лояна тоже похожа на Тайцзигун и Дамингун. Руины Пор-Бажын отражают старые традиции уйгуров, которые предпочитали строить дома входом к востоку, однако планировка и расстановка целой крепости были имитацией императорских дворцов двух столиц династии Тан.

3. *Исторический фон.* Согласно записям «Цзю-Таншу» (Старая история династии Тан) и «Синь Таншу» (Новая история династии Тан) в третьем году Тяньбао династии Тан (744 г.) вождь уйгурского племени Гулипэйло создал могущественное уйгурское ханство на севере пустыни (Гоби), центром которого был город Орду-Балык (Хара Балагас) в верхнем течении реки Орхон (Монголия). Во время полного расцвета Уйгурский каганат на востоке граничил с племенами Си и Кидани, на севере с племенем по имени Ху, на западе с кыргызами, а на юге с царством династии Тан. Он почти занимал прежние владения Восточнотюркской державы. Уйгурский каганат составил политический союз с царством династии Тан и направил свои войска помочь Царству династии Тан в умиротворении «мятежа Ань Лушаня», охранять Бэйтин и Аньси. Царство Тан по очереди отдавало принцесс Нинго, Сяньань и Тайхэ замуж за уйгурских ханов. С Гулипэйло уйгурские ханы всех поколений принимали титулы династии Тан.

В 40-е гг. IX в. на территории уйгурского ханства произошла страшная засуха, и настроения народа стали нестабильными, каждый беспокоился. Воспользовавшись случаем, кыргызы напали на уйгуров, и уйгуры потерпели поражение. Часть уйгурского народа осталась на своем месте, остальные переехали на другие территории, разделившись на четыре части.

Уйгуры были кочевниками, по традиции они жили без постоянного места жительства. Но с VIII в. они уничтожили Восточнотюркский каганат и создали уйгурское ханство со столицей Хара Балагас, который стал резиденцией хана и политическим центром уйгурской власти. В исторических записях династии Тан было записано о строительстве уйгурами дворцов и теремов.

«Во вставном месяце октябре второго года Чанъин (822) Главный полководец столичного воеводы Ху Чжэн, помощник Гуанлу (почетный титул 1-го класса, отвечающий за питание и вино императорского двора) Ли Сянь, Директор кортежного управления по свадебным обрядам дворца Ли Жуй, помощник начальника приказа по делам императорской родни Ли Цыхун, Судья-Ланчжун министерства работ Чжан Минь, Тайчан доктор Инь Ю проводили принцессу Тайхэ до местонахождения уйгуров». «Доехав до дворца уйгурского ханства, выбрали счастливую дату, возвели принцессу в ранг ханши. Хан первым поднялся на башню и сидел лицом к востоку. У подножия башни устроили палатку для принцессы. При этом приказали знатым уйгурским дамам научить принцессу уйгурским традициям

и обычаям. Сняв танскую одежду и переодевшись в уйгурскую одежду, под ухаживанием одной пожилой женщины принцесса прошла перед башней и поклонилась к западу. Хан, сидя на башне, смотрел. После второго поклонения принцесса вернулась в палатку, переоделась в пурпурную одежду ханши, передний и задний подолы верхней одежды соединились, на голове была золотая корона как рога, вытянутые вперед. Потом подобно прежнему вышла к башне и поклонилась Хану»*.

«Тан Дайцзун усмирил внутренний мятеж, Е Ху (уйгурский вождь) возглавил свои войска и стал охранять императора. Одновременно войска разных национальностей помогали сражаться. После усмирения мятежа Е Ху был специально назначен на пост Сыкун (министр общественных работ). Каждый год его награждали шелком в двадцать тысяч штук. После этого отдавали дочерей царского рода династии Тан замуж за уйгурских ханов, и построили дворцы для проживания»**.

В июне первого года (780 г.) управления Цзяньчжун «...в самом начале у уйгуров были честные и правдивые обычаи и нравы, классовые различия между правителем и своими подчиненными были небольшими, поэтому они в единстве стали всепобеждающими. Они совершили подвиги для династии Тан (здесь имеется в виду содействие в усмирении мятежа Ань Лушаня). После этого и получили богатые награждения от династии Тан. И Дэньли Хан начал важничать, построил дворцы для проживания, женщины начали краситься и наводить красоту, модно одеваться. На это потратили огромные средства династии Тан, и бывшие честные и правдивые уйгурские обычаи стали хуже».

Из архивной информации можем узнать, что уйгуры когда-то построили императорские дворцы и терема. Это предоставило нам некоторые основания для предположения о назначении Пор-Бажына.

Выводы

Из всего вышесказанного, на основе анализа строительных деталей, раскопанных на памятнике Пор-Бажын, можем сделать вывод, что крепость была построена в период с середины VIII в. до середины IX в., а анализ планиграфии и строительных сооружений доказывает, что здесь, вероятнее всего, был летний дворец уйгурского кагана. Общая конструкция крепости является имитацией проекта императорской столицы династии Тан. По своей функции крепость удовлетворяла разные требования императорского города. Более того, сделаем вывод, что строительство императорского города и терема не было в компетенции уйгуров, поэтому в процессе строительства крепости с большой вероятностью приняли участие мастера из срединной равнины Китая.

Перевод статьи с китайского языка предоставлен автором

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии в XIX – начале XX в.» (проект №12-31-01222a/2)

В отечественной и зарубежной науке проявляется высокий интерес к истории и культуре Монголии. Дело в том, что в последние полтора столетия были сделаны важные открытия в разных частях страны. Например, в Северной Монголии изучались курганы хуннуской знати, средневековая руническая письменность и др. Освоенность западных районов «археологического Эльдорадо» гораздо скромнее. Но в последнее время и эта лакуна стала заполняться благодаря тому, что в 1990 и 2000-х гг. там проводят систематические исследования международные экспедиции.

Одним из необходимых этапов осуществляемых работ является обращение к истории открытия и изучения памятников. Оказалось, что нередко такие сведения относятся к дореволюционному периоду, когда на территории Центральной Азии развернулась деятельность комплексных экспедиций, организованных Русским Географическим обществом (РГО) и другими научными учреждениями.

Интенсивность исследований существенно возросла после того, как в середине XIX в. цинские власти открыли монгольско-русскую границу. Кроме того, в последней трети XIX в. в связи с находками в Северной и Центральной Монголии наблюдался всплеск интереса к тюркским древностям. Императорской Академией наук принимается решение начать обследования в других районах Мон-

* «Цюань Танвэнь, 710 том».

** «Всеобщее обозрение событий, управлению помогающее; Цзы чжи тун цзянь, 226 том».

голии на предмет нахождения там средневековых объектов и особенно памятников рунической письменности. В ходе реализации намеченных мероприятий было зафиксировано большое количество разновременных объектов.

Сейчас в ряде капитальных трудов освещена история изучения средневековых ритуальных комплексов на территории Северной и Центральной Монголии (Войтов, 1996; Кляшторный, 2006; и др.). Знакомство с археологическим наследием Западной Монголии в XIX и начале XX в. проиллюстрировано в других сочинениях (Батмөнх, 2008; Урантугс, 2007; и др.).

Мое обращение к теме (Шелепова, 2006, 2011б) показало наличие в ней существенных пробелов, связанных с современным поиском и фиксацией древностей, обнаруженных в дореволюционный период. Неверно указанные координаты, иная метрическая система, неполные описания и другие нюансы полевых археологических исследований XIX в. повлияли на то, что в последующем некоторые памятники оказались открыты «повторно» (Ожередов, 2009. С. 112).

Необходимо также отметить, что в задачи монгольских экспедиций раскопки выявленных объектов не входили. Осуществлялся только визуальный осмотр. В связи с этим из открытых древностей к эпохе средневековья уверенно можно отнести только тюркские оградки и изваяния, а также некоторые памятники изобразительного искусства (петроглифы).

Одним из первых средневековые сооружения Западной Монголии описал В.В. Радлов (1896. С. 6) в ходе путешествия 1865–1866 гг. К западу от г. Ховда он зафиксировал тюркские оградки с установленными внутри стелами. В ходе последующих изысканий у В.В. Радлова (1892) появилась возможность осмыслить полученные в разное время материалы. Его находки в Монголии, связанные с открытием рунических текстов и их дешифровкой, и раскопки на Алтае в 1860-х гг. поставили вопрос о выделении тюркской культуры эпохи средневековья, а также наметили формирование отдельной отрасли исследований – тюркологии (Кляшторный, 2006. С. 43). Обозначенная перспектива нашла реализацию в предложенной В.В. Радловым схеме разделения всех памятников на «доисторические», «памятники династии Ту-кюэ», уйгурской и монгольской династий. К тюркским исследователь причислил объекты, «на которых находятся рунообразные письмена». Оградки без изваяний В.В. Радлов (1892. Табл. I–IV) включил в группу «доисторических» памятников. Он считал подобные сооружения «жертвенниками» либо местом совершения какого-то религиозного обряда (Радлов, 1896. С. 2–3). А вот комплексы с реалистичными изваяниями попали во вторую группу и были названы «тукюэскими могилами» (Радлов, 1892. Табл. V–XXVI).

Значимые открытия в Монголии сделаны Г.Н. Потаниным. Его работы можно считать началом археологического изучения региона (Батмөнх, 2008. С. 131). Первая поездка Г.Н. Потанина в Западную Монголию относится к 1876 г. Продолжалась она до 1878 г. Маршрут экспедиции пролегал по Котловине Великих Озер, охватил горную цепь Монгольского Алтая. Были обследованы древности в окрестностях Ховда и Улангома, Барнуля, Улясутая, оз. Убс, Хара-ус. Г.Н. Потанин (1881. С. 65–66) обращал внимание на особенности конструкции и расположения тюркских ритуальных комплексов: подчетыреугольные оградки, составленные из плит, устроены рядами, а с восточной стороны установлено изваяние. Ученый даже представил свою классификацию вертикально установленных камней, согласно которой тюркские изваяния, а также «оленные» камни отнесены к «отесанным» монументам (со следами обработки).

Оградки с изваянием были открыты к востоку от Ховда «...на пути от Барлыка к р. Эбчу» (Потанин, 1881. С. 65). На примере данного памятника Г.Н. Потанин верно отметил, что изваяние установлено лицом на восток преднамеренно. Группы тюркских оградок обследованы также на левом берегу Буянта, выше переправы; в долинах Дэлзуна, Саксая (приток Кобдо) (Потанин, 1881. С. 65). Исходя из описаний Г.Н. Потанина, можно предполагать, что отдельные экземпляры выявленных изваяний – «переоформленные» «оленные» камни. Подобные случаи не являются редкостью и встречаются на территории распространения тюркской культуры (Шелепова, 2011а). Одну из таких скульптур Г.Н. Потанин (1881. С. 72. Фиг. 31) нашел на левом берегу Кандагатая, недалеко от впадения его в Кран.

Еще один тип сооружений – оградки с установленными внутри стелами – отмечен в долине между реками Буянт и Кобдо, у ключа Больджин-булык (Потанин, 1881. С. 66). Скульптурно исполненное изваяние (скорее всего, установленное возле оградки?) зафиксировано в версте (примерно 1,06 км. – Е.Ш.) к югу от Ховда. Еще одну одиночную тюркскую скульптуру Г.Н. Потанин нашел на правом берегу Крана.

Во время поездки 1876–1877 гг. открыт ритуальный комплекс из двух оградок с изваяниями к западу от озера Хара-ус между реками Буянт и Кобдо, возле гранитной гряды Торхула (Торх-Улан). Данный памятник повторно исследован в 2008 г. Ю.И. Ожередовым (2009). Оказалось, что, несмотря на некоторые неточности в описании изваяний, Г.Н. Потанин достоверно представил его оформление. Изваяния

данного местонахождения выполнены в нетипичной для тюркской традиции манере (сосуд показан в двух руках) (Потанин, 1881. Фиг. 26). Среди исследователей бытуют разные точки зрения насчет появления подобного рода скульптур. Отмечается влияние уйгурской культурной традиции, реминисценция таштыкского наследия и др. (Кляшторный, Савинов, 1994. С. 132–133). Однако проблема до сих пор остается открытой и требует более полного изучения соответствующих археологических материалов.

Другой хорошо известный комплекс из двух оградок, у одной из которых установлена стела, а у другой – реалистичное изваяние, Г.Н. Потанин (1881. С. 72. Фиг. 34) встретил на юго-западном берегу озера Даян-нуур. «К востоку от южного озера группы Даин-гул» исследователь обнаружил тюркское изваяние (Потанин, 1881. Фиг. 33). В 1990-е гг. его обследовал В.Д. Кубарев (2004. С. 111–112), который выявил ряд интересных моментов в современном состоянии каменной скульптуры, а также не замеченные Г.Н. Потаниным особенности ее иконографии.

Судя по представленному материалу, Г.Н. Потанин (1885. С. 54) не идентифицировал известные нам по конструкции памятники как тюркские и принимал оградки за могильники. В установлении местонахождения открытых исследователем комплексов могут помочь их описания и «привязки» к другим объектам, например, херексурам (Потанин, 1881. С. 65).

Вторая экспедиция Г.Н. Потанина в Западную Монголию продолжалась в течение 1879–1880 гг. Она стартовала из Кош-Агача; через хребет Сайлюгем прошла до Улангома, побывала в Ховде, а затем направилась на юг Монгольского Алтая. В работе отряда принимал участие известный исследователь А.В. Адрианов, занимавшийся дневниковой фиксацией памятников, их фотографированием и зарисовкой (Потанин, 1885. С. 53). К сожалению, материалы археологических наблюдений, полученные в ходе поездки, за исключением черновых карандашных набросков, оказались уничтожены, так как в томской квартире А.В. Адрианова произошел пожар. Для статьи, посвященной результатам работ, выполненных в 1879 г., Г.Н. Потанин (1885) использовал сохранившиеся рисунки.

Довольно любопытна применявшаяся в исследованиях методика. Оказывается, с изваяний делались фотографии на эмульсированную бумагу по способу Л.В. Варнерке, который впервые в России наладил производство сухих броможелатиновых пластинок и пленок высокого качества. В последней трети XIX в. технические решения изобретателя стали использоваться в отечественной фотографии (Длужневская, 2008. С. 9). Однако в Монголии, по замечанию Г.Н. Потанина (1885. С. 53), способ Л.В. Варнерке оказался непригодным, поэтому на месте, в полевых условиях, производились многочисленные карандашные наброски, которые затем переносились в специальную тетрадку. Еще в первой поездке такую работу выполнял ученый сам, а также его жена, А.В. Потанина.

Во время указанной экспедиции Г.Н. Потанин зафиксировал разные древности, среди которых великолепные комплексы из оградок с реалистичными изваяниями недалеко от монастыря в Улангоме, в долине р. Харкира. Даже по уцелевшим материалам Г.Н. Потанину удалось сделать обстоятельные описания всех находок. К тому же полученный после первой поездки в Монголию полевой опыт позволил анализировать информацию на новом уровне (Потанин, 1885. С. 56). Например, на основе сходства в иконографии изваяний, известных сейчас как тюркские, сделан вывод об их принадлежности к одной культуре.

В 1876 г. (в составе первой экспедиции Г.Н. Потанина) и 1892–1893 гг. (по инициативе Министерства иностранных дел) в Монголии побывал А.М. Позднеев. Академия наук в свете громких открытий на Орхоне поручила ему отдельное задание по регистрации всех встреченных памятников древности (Радлов, 1892). В маршрут обследований в Западной Монголии были включены Ховд, Улясутай, Улангом.

А.М. Позднеев не был профессионально подготовленным специалистом в области археологии, однако оставленные им наблюдения и замечания весьма ценны. Академик В.В. Радлов (1892) в предисловии к первому выпуску «Атласа древностей Монголии» отмечал, что его коллега изучил метод эстампажа, а также взял в поездку «хороший фотографический аппарат». Сам А.М. Позднеев (1896. С. XXVIII–XXIX) писал, что все фотографические работы исполнялись нанятым в Кяхте г. Федоровым.

Остановимся на открытых в Западной Монголии раннесредневековых объектах. Судя по нечеткой фотографии со страницы 225 первого тома обобщающего труда А.М. Позднеева «Монголия и монголы», они зафиксированы при слиянии Буянты и Шара-усу, в местности под названием «улцзур». На снимке, скорее всего, запечатлен комплекс из оградок с изваяниями.

В районе Хангайской горной гряды (граница Западной и Центральной Монголии) на перевале Дулан после выхода из долины Цзамыйн-худаг А.М. Позднеев обнаружил скопление из четырех тюркских оградок, две из которых – с изваяниями. Были сделаны необходимые измерения и описания отдельных

объектов, а также фотографии всего комплекса (Позднеев, 1896. С. 360–361). Данный памятник не идентифицирован ученым как тюркский. А вот еще несколько сооружений в пади Цзагасутайн-даба, которые, скорее всего, относятся к эпохе бронзы, А.М. Позднеев (1896. С. 368) назвал скоплением тюркских могил. Ко времени его путешествий в науку уже сложилось определенное представление о тюркских ритуальных сооружениях. Однако А.М. Позднеев, как и другие исследователи, оградки из поставленных на ребро плит с изваяниями и балбалами к их числу не относил.

В 1890-е гг. в Западной Монголии побывал выдающийся исследователь Д.А. Клеменц. Ему принадлежит заслуга открытия ряда великолепных памятников тюркской и уйгурской письменности. В 1891 г. он работал в составе Орхонской экспедиции В.В. Радлова, организованной Императорской Академией наук и вместе со специальным отрядом был направлен для изучения древностей в Западную Монголию (от левого притока Орхона на северо-северо-запад). Крайней западной точкой пройденного пути являлась р. Тэс. Результаты этой рекогносцировочной поездки представлены в письме на имя академика В.В. Радлова от 7 октября 1891 г. (Клеменц, 1892).

Реализуя задачи Академии наук по дальнейшему поиску рунической письменности, Д.А. Клеменц в 1894–1895 гг. совершил очередное путешествие по Западной, Центральной и Восточной Монголии. Некоторые итоги изложены во втором выпуске «Атласа древностей Монголии» (Радлов, 1893), а также в отдельной заметке, опубликованной в Известиях Императорской Академии наук (Клеменц, 1895). В районе Хангая и далее к западу Д.А. Клеменц обнаружил разнообразные памятники, среди которых «тукюэские могилы» и изваяния. Но в целом ученый отмечал, что в этой части Монголии археологических объектов намного меньше, нежели к востоку от Хангая (Клеменц, 1895. С. 267).

В те годы Д.А. Клеменц открыл известную Хэнтэйскую руническую надпись тюркского времени. После этого в 1897 г. жена исследователя, Е.А. Клеменц, выявила памятник Тоньюкуку (Кляшторный, 1998. С. 143). В 1898 г. стартовала следующая (Турфанская) экспедиция. Ее маршрут начался в Кош-Агаче в направлении Ховда.

Знакомство с достопримечательностями Орхона и собственные наблюдения позволили Д.А. Клеменцу довольно аргументированно рассуждать о вариантах происхождения и исторических судьбах тюркской культуры. Ее зарождение предлагалось искать на севере Сибири, где-то «между истоками Черного Иртыша и системою Енисея» (Клеменц, 1895. С. 272). С учетом современных представлений о генезисе указанной общности выводы известного ученого не «устарели». Отмечается, что сделанные им открытия Ихэ-Ханын-норской надписи, изучение развалин Хара-Балгасуна и других городищ Северной Монголии пролили свет на многие сюжеты средневековой истории центральноазиатских кочевников (Кляшторный, 1998. С. 141; 2006. С. 43).

Д.А. Клеменц (1892. С. 17, 20; 1895. С. 272) имел представление о методах археологических исследований, например, владел техникой эстампажа, которую предлагал усовершенствовать новыми приемами и инструментами, соответствующими условиям Монголии и других местностей; производил маршрутно-глазомерную съемку «в 10-верстном масштабе». Использовался фотоаппарат. Правда, во время поездки 1894 г. кассета для съемки на пленку в дороге испортилась, поэтому материалов осталось немного.

В настоящее время сделанные Д.А. Клеменцем в ходе экспедиций 1891–1897 гг. фотографии памятников, в том числе средневековых объектов Западной Монголии, хранятся в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург).

Отдельный вклад в изучение средневековых культур Западной Монголии внесли финские исследователи. Они работали в Монголии и на территории Алтае-Саянского нагорья на протяжении всей последней трети XIX и начала XX в. Их интерес к столь удаленным областям в основном был вызван известиями о находках рунической письменности и необходимостью поиска прародины финского народа.

Одному из представителей Финно-угорского общества (Хельсинки) И.Г. Гранэ в ходе поездок 1906, 1907 и 1909 гг. удалось осуществить сплошное обследование Западной Монголии и прилегающих территорий (Gräno, 1910a. Kartenbeilage 1). Из открытых объектов к периоду раннего средневековья прежде всего принадлежат тюркские оградки и изваяния, а также отдельные наскальные изображения. И.Г. Гранэ активно использовал фотографию, благодаря чему памятники должным образом задокументированы. Были составлены карты Западной Монголии, на которых впервые обозначены пункты нахождения разных древностей (Steppengräber, Grabhügel, Steinsetzungen и др.). Все материалы фотосъемок и зарисовок аккумулированы в специальном альбоме (Gräno, 1910a). Хотя основная цель поездки заключалась в обследовании Западной Монголии, финский ученый открыл неизвестные ранее объекты и в других районах страны.

Кратко проиллюстрируем результаты его деятельности. На территории Алтая, а именно на плато Укок, в долине Калгуты И.Г. Гранэ зафиксировал скопления тюркских оградок (Gräno, 1910a. Taf. VI. Fig. 2; VIII. Fig. 2, 4). Данный сюжет в истории исследований этой высокогорной местности обычно не фигурирует. Оградки финский ученый встречал в долинах рек Цагаан-гол и Кобдо (Gräno, 1910a. Taf. VI. Fig. 4–5; VII. Fig. 1–2), а также между городами Ховд и Улясутай, южнее Ховдских озер (Gräno, 1910a. Taf. IX. Fig. 3).

Довольно интересный комплекс обнаружен в долине Цагаан-гола. Это смежные оградки со стелами в центре, на которых, якобы, находятся тамгообразные знаки (Gräno, 1910a. Taf. XI. Fig. 1; X. Fig. 4–6). Возможно, именно этот памятник исследован повторно В.Д. Кубаревым (2009. С. 34–35). Также в долине Цагаан-гола обнаружены скопления петроглифов (Gräno, 1910a. P. 21–22. Taf. XI. Fig. 2). Вероятно, их можно идентифицировать с известным святилищем с наскальными рисунками вокруг горы Шивээт-Хайрхан (Кубарев, 2009).

В долине Кобдо, в 15 км южнее устья Цагаан-гола, путешественник выявил две прекрасно исполненные тюркские скульптуры, одна из которых была установлена с северной стороны оградки (Gräno, 1910a. Taf. XIII. Fig. 1, 3–4). Изваяние описано. И.Г. Гранэ увидел на нем изображение шапочки, сосуда и кинжала, который был принят за «огниво». Также он указал, что данный комплекс был ранее открыт А.И. Казнаковым, участником экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг.

В долине между Буянтом и одним из его притоков Хату-улиастай И.Г. Гранэ нашел своеобразные оградки со стелами в центре и «кольцами» к востоку (Gräno, 1910a. Taf. VII. Fig. 4). В данном случае он также указал на обнаружение этого памятника А.И. Казнаковым (Gräno, 1910a. P. 30).

Редкое изваяние с сосудом в двух руках найдено в устье р. Соргалай (Gräno, 1910a. Taf. XIV. Fig. 1).

Между Сагсаем и Хара-гоби обнаружено две оградки с балбалами (Gräno, 1910a. Taf. VII. Fig. 3). В стенках одного из сооружений находились плиты с надписями. К сожалению, зарисовки или фотографии комплекса в альбоме отсутствуют.

В работе, посвященной анализу древностей Западной Монголии под названием «Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei», финский ученый поместил классификацию памятников. Тюркские оградки И.Г. Гранэ рассматривал как могильные сооружения, а изваяния («бабы») были отделены от остальных вертикально установленных камней и попали в группу под названием «иллюстрации» (Gräno, 1910b. P. 48–50).

В целом И.Г. Гранэ удалось охватить исследованиями территории современных Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Западной Монголии. Составленные карты, описания, зарисовки и фотографии древностей могут служить надежным ориентиром в современном поиске зафиксированных объектов и их дальнейшем изучении.

В заключение стоит подчеркнуть, что в дореволюционный период был выполнен значительный объем работ по фиксации и описанию древних и средневековых объектов Западной Монголии. Сделаны попытки научного осмысления полученной информации. На современном этапе возобновляется изучение культурного наследия страны. Например, Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция под руководством А.А. Тишкина и Д. Эрдэнэбаатара ведет целенаправленный поиск средневековых ритуальных сооружений в долине Буянта и других областях Монгольского Алтая. Получены интересные результаты при раскопках тюркских оградок (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; и др.). Кроме этого, обсуждается создание археологической карты Ховдского аймака. В этом плане имеется положительный опыт, продемонстрированный в подготовленном своде археологических памятников Баян-Ульгийского аймака (Төрбат, Баяр и др., 2009). В данном процессе с учетом немногочисленности раскопанных в Западной Монголии памятников тюркской культуры и других объектов эпохи средневековья действительно актуальной становится информация, полученная в дореволюционный период.

Библиографический список

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4.

Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук): автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2008.

Клеменц Д.А. Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 г. // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. III.

Клеменц Д.А. Письмо на имя академика В.В. Радлова // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1892. Вып. I.

- Кляшторный С.Г. Д.А. Клеменц и открытие памятников древнетюркской письменности // Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб., 1998.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кубарев В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: из полевого дневника археолога. Новосибирск, 2004.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2009.
- Ожередов Ю.И. Новая находка Г.Н. Потанина на «монгольской тропе» // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2009. Вып. III.
- Позднеев А.В. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., 1896. Т. I.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского географического общества): в 3-х вып. СПб., 1881. Вып. II.
- Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии // Древности. М., 1885. Т. X.
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892. Вып. I.
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1893. Вып. II.
- Шелепова Е.В. История изучения тюркских поминальных комплексов на территории Монголии // Эколого-географические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул, 2006.
- Шелепова Е.В. «Переиспользование» и «переоформление» «оленных» камней в памятниках древних и средневековых кочевников Центральной и Северной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011а. Т. 2.
- Шелепова Е.В. Хроника археологического изучения Западной Монголии до 1920-х гг. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2011б. Т. II.
- Урантугс С. Историко-археологическое изучение Западной Монголии: эпоха бронзы–скифское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
- Gräno J.G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXVIII. Helsinki, 1910a.
- Gräno J.G. Nordwestmongolei. Formen der Altertümer. Helsingfors, 1910б.
- Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны Төв хэсгийн археологийн дурсгалууд (Ховд аймаг). Улаанбаатар, 2008.
- Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд-I: Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар, 2009.

К ВОПРОСУ О ЗОЛООРДЫНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СИБИРИ

А.П. Ярков

Тюменский государственный университет, Тюмень;
Тобольская комплексная научная станция УРО РАН, Тобольск, Россия

По А.Дж. Тойнби, цивилизация – это культура, достигшая пределов самоидентификации. Рассматривая процессы на территории Западной Сибири в цивилизационном измерении, можно согласиться с мнением, что на этой территории соприкасаются и взаимопроникают две различные цивилизации, обладающие глубокими историческими корнями: одна – «биогенная», выработавшая свои основные жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; другая – «техногенная», сравнительно молодая, быстро развивающаяся, создавшая новые орудия труда, инструменты передвижения, способы общения и проникновения в сущность явлений (Рянская, 2008. С. 153).

Признавая историческую незавершенность процессов, происходивших в Западной Сибири, заметим, что их не следует рассматривать в рамках концепции тюрко-исламской/золотоордынской цивилизации (Стенографический отчет..., 2008. С. 154–173), которая конструируется рядом ученых с «поволжско-центристских» позиций.

Между тем, как для нашего региона, в сравнении с Поволжьем и Крымом, характерны следующие факторы:

– мифологическая система, которая вплоть до конца XVIII в. поддерживала четкое представление о том, что Сибирь – это «край света», где в абсолютной изоляции живут полулюди-полузвери, которые не обладают социальной организацией, культурой и чувством истории, а также не склонны ни к европейскому, ни к китайскому, ни к мусульманскому типам цивилизации;

– географическая отдаленность и суровый климат, огромные масштабы и малая заселенность региона, разнообразие исторических судеб, ментальностей и форм хозяйственного уклада населения, а так-

же отсутствие постоянных этнокультурных связей и безопасных торговых путей, что в совокупности не благоприятствовало включению региона в общие процессы миграции, политической консолидации и феодализации, проистекавшие в Золотой Орде;

- династийная система, заимствованная у монголов, которая функционировала не постоянно, а эпизодически, что способствовало укреплению политических, военных, культурных и религиозных связей с другими улусами, где правили Чингисиды, хотя подчас номинально;

- отсутствие «трех цивилизационных кругов», издавна включавших азиатскую Сибирь в свою орбиту, наравне с Поволжьем, ибо европейское понимание «цивилизации» не учитывает местной специфики организации и функционирования социума со слабой, но самодостаточной экономикой, властью, которая часто органично объединяла кочевых и оседлых жителей вокруг городков, являвшихся кочевыми ставками правителей – самозванных, назначаемых или избираемых по принципу народного представительства (прообраза демократии, но не его аналога);

- отсутствие синхронности с этническими, социальными, политическими и культурными процессами в других, порой весьма отдаленных регионах, где проживало тюркоязычное и мусульманское население, притом, что контакты имели место и до периода Золотой Орды;

- невозможность полной принадлежности к «общетюркской цивилизации», обусловленная тем, что тюркский субстрат в регионе антропологически, этнически, лингвистически и социально «размывался» уграми, монголами, самодийцами и др.;

- отсутствие «высокой» городской культуры: сибирские городки на далекой периферии «арабо-исламской цивилизации» не имели и не могли выполнить такую задачу, поскольку поздно и в большей степени не добровольно обратились к исламу и достижениям «Арабского Ренессанса»;

- ограниченная или полноценная государственность, которая не имела «полноценно-золотоордынских» механизмов управления, а также военного, дипломатического и финансового обеспечения, но при этом подразумевала наличие полиэтноконфессионального состава населения, поскольку идеолого-правовое обеспечение не допускало подавления инакомыслия и притеснения «язычников»;

- феномен сибирского ислама, который в странах мусульманского мира до сих пор нередко воспринимается как «полужызыческий», но для сибиряков стал своим: синкретичный по своему характеру, он сформировался на основе предыдущего вероисповедного опыта благодаря растянувшейся на несколько столетий исламизации.

Определения «тюрко-исламской» и «золотоордынской» цивилизации, «золотоордынской цивилизационной зоны» и евразийской идеи динамичны и нестабильны, поскольку зависят от множества континентальных и региональных факторов. Фактически они остаются лишь концептами, в контексте которых появилось множество «сценариев» развития социумов, а также самоценного наполнения и реализации их культурного арсенала. Находясь под воздействием различных цивилизаций, сибиряки лишь опосредованно испытывали влияние Золотой Орды, существовали на дальней, но своей, орбите этой культуры и, по всей видимости, не ощущали себя «варварами». Таким образом, через диалог с другими культурами в Сибири развились свои культурные институты и ценности, укрепившие базу для сотрудничества, взаимодополнения и толерантности.

На трансформацию культуры оказало влияние множество внешнеполитических факторов. Так, войдя в подчинение Золотой Орде, часть населения лесостепной зоны Сибири оказалась вовлеченной в континентальные процессы гораздо глубже, нежели в предшествующие столетия. Большая часть населения приобщилась к новой политике пассивно, в виде потребления духовного и материального продукта. Активную позицию поддерживало меньшинство, занятое в сфере управления, которое местная знать осуществляла от имени политического объединения, унаследовав и институт тарханства (Стенографический отчет..., 1973. С. 26). Помимо этого, малая часть населения была занята в функционировании и обслуживании коммуникаций Великого шелкового пути в районе Алтая, где через него проходил путь торговых караванов, дипломатов и миссионеров из Европы и Центральной Азии, продвигавшихся дальше на восток. Возможно, косвенным подтверждением этому является алтайская легенда о богатыре Сартыкпае – устройтеле дорог, переправ и русел рек, в чьем имени угадывается среднеазиатское наименование – сарт (Потапов, 1993. С. 23). Дорога имела не только значение пути, но обозначала и административно-территориальное деление в Улусе Джучи. Эти коммуникации использовали не только русские купцы и промышленники: сами сибиряки имели торговые отношения с Европой, Китаем, Монголией, Хорезмом, Бухарой, и через многоступенчатый обмен сибирская пушнина уже в XII–XIII вв. доходила до Китая, Тибета, Кореи, Японии, Индии.

Повышение качества коммуникативных связей, учитывая большие пространства, дисперсность расселения, экологическую емкость территорий и т.д., стало важнейшим фактором жизнеобеспечения населения. В свою очередь, это вызвало потребность в организации обслуживающих и почтовых станций, а так называемые ямы/джамы сохранились в Сибири и после присоединения к Русскому государству (Архив АН СССР..., Л. 15, 15 об.). Существует мнение о том, что происхождение топонима *Тюмень* связано с почтовой станцией для расстояния в 10000 условных единиц (Тимиров, 2007. С. 269–271). На месте переправ через реки возникли населенные пункты, и не все из них были крепостями. Этим определяется «лицо» некоторых поселений с тюрко- и угрозязычным населением, появившихся именно в Средние века, хотя исследователи утверждают, что некоторые города Золотой Орды не имели оборонительных укреплений (Кульпин, 2004. С. 167–186) вплоть до середины XIV в.

Следует отметить значимость городков (юрт, тура/тора/тара, кала) как сложных социальных организмов, которые отвечали потребностям общества в самоорганизации и имели различную типологию и локальные модификации согласно естественно-географическим особенностям (Миллер, 1937. С. 196–197). Кроме Искера и Чимги-Туры, в летописях указано более 15 городков. Они располагались при устьях рек, впадающих в Иртыш и Тобол: Кызыл-Тура – при впадении Ишима в Иртыш, Княжев городок – на Иртыше, Тон-Тура – на Оми, «заставный Кучумов городок» – выше устья Тавды, городок Бегиша – на Иртыше, Агитский городок – на Вагае. Кроме того, летописи называют Явлу-Тура, Тархан-кала, Бицик-Тура, Карачин городок, происхождение которых «теряется в веках». Более того, Г.Ф. Миллер замечал, что деление сибиряков на кочевых и оседлых условно. В средневековье среди местных тюрков часто бытовало расширенное понятие Иске юрт (*сиб.-татар.*), что означало старый народ/улус, а также часть деревни и первородная почва. Лишь по мере формирования оседлого населения, которое происходило достаточно поздно по сравнению с Поволжьем и Бухарой, земля и поселения на ней обретали иное мифологическое содержание, иногда заимствованное и труднообъяснимое. Так, неофициальное название основанных в 1685 г. ю. Чечкинских – Тархан-Кала (от араб. قلعة / *qal'a* – крепость, крепостная стена) (Алишина, 1999. С. 51, 128–129), хотя стен у поселения никогда не было.

Возникает вопрос: были ли в Сибири города до появления русских, так как, согласно городovým летописям, освоение Сибири началось даже не с похода Ермака, а с основания первых русских городов (Резун, 1982. С. 96). И если да, то способствовал ли ислам урбанизации, как это происходило в Центральной Азии, Крыму и Волжской Булгарии? Возможно ли рассматривать «историю возникновения и развития поселений как целостный однолинейный процесс» (Балюк, 2003. С. 185) выхода к «цивилизации»?

Можно полагать, что условия возникновения подобных поселений на Руси, в Западной Сибири или Центральной Азии имели различную историю: для одних было характерно наличие более развитого ядра (центра) и тесно связанной с ним периферии, которая выполняла защитную функцию; другим была присуща иерархическая система оседлых поселений как главных центров сбора податей, а третьим – инновационная для своего времени структура, ставшая важным импульсом формирования нового типа социокультурных отношений, но не цивилизации, и на пространстве края.

Библиографический список

- Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале сибирских татар). Тюмень, 1999. Ч. 1. Архив АН СССР. Ф. 21. Оп. 4. №8.
- Балюк Н.А. Формирование селитебной системы Приобья по материалам Самарова городка // Угры: мат. VI сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
- Кульпин Э.С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I.
- Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / подгот. текста, вступ. ст. М.П. Лукичева, Н.М. Рогожина. М., 1984.
- Потапов Л.П. Сибирский шаманизм. Л., 1993.
- Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982.
- Рянская Э.М., Рянский Ф.Н. Этнокультурное взаимодействие в Среднеобском регионе // «Aus Sibirien»: науч.-информ. сб. Тюмень, 2008.
- Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008. Вып. 1.
- Тимиров Р.Р. О топониме «Тюмень» // Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Карачаевск, 2007.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ПРЕДТЮРКСКОЕ И ТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ

ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Е.В. Ковычев

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Хуннуско-сяньбийское время в истории Восточного Забайкалья занимает более 600 лет: с конца III в. до н.э. — до начала V в. н.э. Оно включает в себя периоды подъема и упадка двух крупных этно-политических объединений — хунну и сяньби, чьи судьбы оказались тесно связанными друг с другом. В течение этих периодов сменилось не одно поколение людей; произошли важные политические события, приведшие к многочисленным перемещениям племен и к существенным трансформациям их материальных и духовных культур. При этом в истории каждого региона, где проживали указанные племена, объективно выделяются свои хронологические этапы и фиксируются свои культурно-исторические особенности, характеризующие общий уровень хозяйственной, политической и духовной жизни населения регионов. Эти этапы и особенности выделяются на основе местных археологических материалов, дополненных данными точных наук и письменных источников.

На территории Восточного Забайкалья сегодня известно более двух десятков памятников хуннуско-сяньбийского времени. Основная масса их представлена одиночными разновременными погребениями, отстоящими друг от друга на значительном расстоянии и имеющими различия в погребальной обрядности. Поэтому анализ материалов из них помогает исследователям освещать лишь отдельные аспекты решаемых проблем, но не дает возможности характеризовать ситуацию в целом. Гораздо большее значение имеют материалы могильных и поселенческих комплексов. Однако ни одно известное на сегодняшний день поселение или местонахождение, где присутствуют материалы хуннуско-сяньбийского времени, должным образом не изучено; культурные горизонты этой эпохи не выделены, а полученные разными путями материалы с них — проанализированы в самой общей форме. Обычно они представлены либо в полевых отчетах исследователей, либо в статьях информационного типа (Гришин, 1962. С. 75–110).

Несколько лучше обстоит дело с материалами могильников, но их на территории края известно только семь. К ним относятся могильники Кия-13, Чиндант-1 (местечко «Пески»), Копчил-1, Дурой-1, Дурой-2, Большая Канга-1 и Зоргол-1. При этом четыре могильника: Дурой-1, Дурой-2, Большая Канга-1 и Зоргол-1 расположены в среднем течении Аргуни; могильник Копчил-1 — в верховьях р. Урулунгуй, левобережного притока Аргуни; могильник Чиндант-1 — в среднем течении Онона, а Кия-13 — в нижнем течении Кии, левого притока Шилки. За исключением могильников Дурой-1, Дурой-2 и Большая Канга-1, которые находятся в ближайшем соседстве друг с другом, остальные могильники расположены на значительном удалении от дуройской группы.

По степени изученности, хронологии, количеству входивших в них погребений, а также по месту расположения, могильники существенно отличаются друг от друга. Можно отметить, что практически всегда в их составе присутствуют погребения других типов и других эпох. Причем точное число погребений в некрополях посчитать невозможно: каменные выкладки их часто скрыты в земле или разрушены природой и человеком. Особенно пострадал могильник Чиндант-1, нижняя часть которого была уничтожена береговым обрывом Онона, полевой дорогой и глубокими оврагами, а верхняя часть занесена песками. Разрушения имелись и на могильниках Дурой-1, Зоргол-1 и Большая Канга-1, причем к разрушениям, оставленным оврагами и дорогами, здесь добавились разрушения, возникшие в ходе строительства пограничных инженерных сооружений и окопов. Отметим также, что могильники Дурой-1, Дурой-2, Чиндант-1 и Зоргол-1 занимали открытые для взгляда береговые террасы Аргуни и Онона; могильник Большая Канга-1 располагался на небольшом и закрытом мысу крутого склона горы Большая Канга, выходившего в сторону р. Аргунь; могильник Кия-13 был «спрятан» в глубоком, каменистом ущелье р. Кия и занимал широкую береговую площадку; а могильник Копчил-1 примыкал к скальным выходам каменного останца распада Копчил. По особенностям расположения на местнос-

ти он больше всего напоминал могильники бурхотуйской культуры (V–IX вв. н.э.), обычно замаскированные под скальные выходы. Данное обстоятельство не является случайным, и по тому, где и как располагались могильники забайкальских номадов, почти безошибочно можно судить о силе народа, оставившего эти специфические памятники, и о политической ситуации в регионе на том или ином этапе исторического развития. На эту особенность расположения могильников в крае исследователи обратили внимание, изучая более ранние памятники культуры плиточных могил (VIII–III вв. до н.э.), и эта особенность сохранялась здесь вплоть до монгольского времени (XII–XIV вв.). Некрополи на открытых площадках возникали тогда, когда политическая ситуация в регионе была стабильной, а когда она ухудшалась – их прятали от посторонних глаз в глубоких распадах и маскировали под скальные выходы (Ковычев, 2004. С. 44, 59).

Выделяя памятники только хуннуско-сяньбийского времени, отметим, что в могильнике Кия-13 было раскопано девять погребений и один жертвенник; в могильниках Дурой-1, Большая Канга-1 и Зоргол-1 – 35, 43 и 74 погребения соответственно. В остальных могильниках раскопано от 2 (Копчил-1, Дурой-2) до 4 (Чиндант-1) погребений. Первые материалы из разрушенных погребений зоргольского могильника были представлены нам еще в начале 70-х гг. XX в. студенткой пединститута Т.К. Стрельниковой. Однако точное местонахождение могильника было установлено только в 1994 г. И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым, после чего проводились его раскопки. В 1991–2000 гг. были открыты и исследованы также могильники Дурой-1, Дурой-2, Большая Канга-1 и Копчил-1. Материалы указанных могильников легли в основу двух археологических культур Приаргунья: зоргольской и дуройской. В зоргольскую культуру вошли могильники Зоргол-1 и Дурой-2; в дуройскую – три остальных. При этом памятники зоргольской культуры были соотнесены с известными по китайским письменным источникам племенами тоба и датированы концом I в. до н.э. – II в. н.э., а дуройские памятники – с более поздними, северо-западными группами племен сяньби, оставшимися в Забайкалье после крушения державы Таньшихуа и ухода на юг племен тоба (конец II – IV в.) (Ковычев, 2006. С. 249–257). Радиоуглеродные даты – в том числе полученные в последнее время, в основном подтверждают предложенную хронологию зоргольских и дуройских памятников.

Для погребений зоргольской культуры характерны небольшие каменные выкладки овальной формы и глубокие могильные ямы (до 2–3 м), ориентированные по северному сектору. Умершие лежат в деревянных гробах часто очень сложной конструкции или на берестяных подстилках. Погребальные сооружения иногда спрятаны в боковые подбои, перекрытые загородками из жердей и бересты. В инвентаре обязательными атрибутами являются глиняные сосуды разных форм, стоящие на круглых берестяных подставках, берестяные туески, украшенные многочисленными рисунками-граффити, предметы быта, вооружения, конского снаряжения, украшения и разбросанные по могилам фаланги животных, их симазоиды и другие кости. Имеется также единственный череп козы, с нижней челюстью и атлантом. По определениям П.А. Косинцева (Институт экологии растений и животных УрО РАН), обнаруженные в погребениях кости в основном принадлежали лошади, затем крупному и мелкому рогатому скоту, что, безусловно, указывает на род занятий проживавших здесь племен и состав их стада, в котором явно преобладала лошадь. Найдены фрагменты зеркала ханьского времени, бронзовый котел и остатки сложносоставного пояса с бронзовыми бляхами, украшенными фигурками драконов и змей. По основным показателям, материалы указанных могильников близки материалам сяньбийских памятников, исследованных китайскими археологами в пределах бассейна Аргуня, что объединяет их в единую группу. Некоторые отличия наблюдаются только в отдельных типах инвентаря (включая берестяные туески с рисунками-граффити) и подбоев в стенках могильных ям.

Погребения дуройской культуры также имеют сверху небольшие каменные выкладки вытянуто-овальной формы, но отличаются от зоргольских меньшей глубиной могильных ям (от 50 до 100 см) и отсутствием подбоев в их стенках. Скелеты лежат непосредственно на грунте, без дополнительных деревянных конструкций, в вытянутом положении, головой на запад. В изголовье располагаются глиняные сосуды (реже берестяные туески) и черепа животных, уложенные на специальных приступках. По определениям П.А. Косинцева, главное место среди них занимают комолые черепа крупного рогатого скота. Далее, определены несколько черепов овец, и только единичные экземпляры черепов и костей лошади. Это явно свидетельствует о том, что в стаде «дуройцев» преобладал крупный рогатый скот, в противовес лошади. Налицо еще одно отличие «дуройских» сяньби от «зоргольских». Обнаружены фрагменты речных раковин, предметы быта, вооружения, конского снаряжения и украшений. Многие предметы аналогичны зоргольским, однако часть их относится к более поздним типам, а некоторые впервые появляются только в памятниках данной культуры. Это касается отдельных типов

наконечников стрел, керамики, специфичных по форме колчанных крюков с поперечной планкой на конце, нагрудных блях-гривен, некоторых видов украшений и т.д. Аналогии многим вещам можно найти в инвентаре памятников бурхотуйской культуры V–IX вв., которую исследователи связывают с западной группой племен шивэй (или «отуз-татар» – по тюркским руническим надписям) (Ковычев, 2006. С. 255).

В хуннскую группу входят два могильника: Чинданти-1 и Кия-13. Помимо них, имеется большое число одиночных погребений, вариативных по формам надмогильных и внутримогильных сооружений, по возрасту и полу погребенных в них людей, а также по составу инвентаря. Они свидетельствуют об участии в генезисе хуннской культуры разных групп местного населения. В пределах края хуннская группа по численности погребений уступает сяньбийской примерно в семь раз, но по охвату территории оказывается намного больше. В настоящее время хуннские погребения известны в пределах онон-агинской степи, шилкинской и ингодинской лесостепи. В Приаргунье к числу хуннских памятников можно отнести погребение №40, раскопанное в составе могильника Большая-Канга-1, и два погребения, исследованных на прибрежной террасе горы Средняя Канга. Погребение №40 интересно еще и тем, что в каменную насыпь его были встроены три других погребения, одно из которых, по-видимому, принадлежало к дуройской культуре, а два – к дарасунской (VI–IX вв.). Все они были врезаны в верхнюю половину могильной ямы, которая уходила на глубину 210 см. Данное обстоятельство подтверждало древность основного захоронения и свидетельствовало в пользу того, что Приаргунье когда-то входило в зону влияния хуннских племен. Не случайно поэтому рядом с погребением №40, под большой каменной плитой были найдены два объемных глиняных сосуда хуннского типа, изготовленных на ручном гончарном круге и украшенных по плечикам зигзагообразным орнаментом. На днищах их имелись квадратные отпечатки шипов круга. А в погребении №43 этого же могильника была найдена бронзовая поделка, относящаяся к хуннскому звериному стилю и изображающая стилизованную голову лошади с оскаленной мордой и приподнятой кверху челкой.

Первые погребения в могильнике Чинданти-1 были раскопаны в 1965 г. А.П. Окладниковым и И.И. Кирилловым. Особый интерес среди них представляло погребение, располагавшееся на краю береговой террасы, рядом с неолитическим поселением Чинданти (местечко «Пески»). Мощная каменная выкладка его оползла по склону оврага, но вокруг костяка сохранилась оградка размерами 3,5х4,5 м, составленная вертикально поставленными плитами песчаника. Она была перекрыта сверху другими плитами размерами 50х80 см. За пределами ее были найдены звенья железных удилов с большими кольцами, а при дальнейшей расчистке выявлены кости человека: верхняя часть черепа, нижняя челюсть и кости голени, позволившие судить об ориентации умершего головой на северо-запад. Среди костей голени был обнаружен костяной наконечник стрелы с округлыми жальцами и выемкой в основании, а за черепом – костяное кольцо и обломки железного предмета. Там же были найдены фрагменты черного глиняного сосуда вазовидной формы, с плоским дном и отогнутым наружу округленным венчиком. Поверхность его была покрыта вертикальными расчесами, а по плечикам проходил орнамент в виде врезной ломаной линии (Ковычев, 2004. С. 50. Рис. 9.-14).

По соседству с ним в 2003 г. нами было раскопано другое погребение, возможно, прямо свидетельствующее о времени появления хунну на территории Восточного Забайкалья. Погребение также было разрушено обрывом береговой террасы, но в песчаных осыпях ее сохранились остатки однослойной каменной выкладки, происходившей, видимо, от внутримогильного перекрытия. Выкладка располагалась непосредственно над костяком, у которого отсутствовали только ступни и голени ног, стащенные вниз обрывом. Умерший был похоронен на спине, в вытянутом положении, головой на северо-северо-запад. Он лежал на тонком войлоке, устилавшем дно могильной ямы. Выше головы погребенного, но также на войлоке, лежали черепа двух молодых баранов, а к западу от них находился раздавленный глиняный сосуд черного цвета, баночной формы, ручной лепки. Он имел одутловатое тулово, открытую широкую горловину, со слегка отогнутым наружу венчиком и небольшое плоское дно. На плечиках сосуда с двух сторон были подлеплены небольшие скобообразные валики-«ушки», имитирующие, видимо, ручки бронзовых котлов хунну. Под сосудом лежал берестяной кружок-подставка, а ниже второго черепа барана сохранились фрагменты тонких прутьев – возможно, остатки специальной подстилки под черепа животных. Выше тазовых костей погребенного были найдены пять бронзовых и четыре костяных наконечника стрел с остатками древков. Бронзовые наконечники – трехлопастные, втульчатые, с округлым вырезом в нижней части и с кольцевидной втулкой. Профиль пера у них треугольный или вытянуто-ромбический; концы перьев опущены ниже втулки. Костяные наконечники – втульчатые, пулевидной формы, ромбические или округлые в сечении, с подрезами в верхней или нижней части, отчего здесь выделялись короткие

лопасти. На тазовых костях погребенного сохранились фрагменты железных пластин от наборного пояса и часть полой костяной втулки с отверстиями (Ковычев, 2004. С. 246. Рис. 2.-1–13).

Отметим, что типы бронзовых и костяных наконечников стрел, обнаруженных в погребении, были распространены в этом районе в эпоху культуры плиточных могил. Однако, наряду с ними, найдены предметы, типичные для хуннских памятников. В погребальном обряде также фиксируются хуннские черты. И такое сочетание элементов двух культур позволяет предполагать, что в данном погребении нашли отражение те аккультуративные и ассимиляционные процессы, которые происходили на завоеванных хунну северных территориях. Известно, что с 209 по 201 г. до н.э. хуннский шаньюй Модэ, проводя активную внешнюю политику, сумел покорить на севере все кочевые племена и «сделался равным Срединному двору». В зависимость от хунну попали в то время, видимо, и местные племена, воспринявшие культуру завоевателей в том ее виде, в котором она фиксируется по многим забайкальским памятникам. Как и везде, такие памятники входят в группу «неклассических» хуннских объектов, характерных в основном для окраинных районов хуннского государства. Восточное Забайкалье было одним из таких районов, но, характеризуя ситуацию здесь, мы можем, видимо, говорить не только о внешнем воздействии хуннской культуры на культуру местного населения, но и о непосредственном проживании на территории края отдельных групп хунну, что подтверждается раскопками целого ряда «классических» хуннских погребений и даже могильников.

Один такой могильник – Кия-13, был раскопан нами в 1987 г. в местечке «Ущелье», на левом берегу Кии, левостороннего притока Шилки. Внешне погребения были выражены кольцевидными каменными выкладками диаметром от 4 до 8,6 м. Центральная часть их была свободна от камней и имела характерные западины над могильными ямами. Сами ямы постепенно сужались книзу и достигали глубины 3–6 м. В их заполнении встречались фрагменты керамики, бабки лошадей, трубчатые кости животных и отдельные камни, оставшиеся от внутримогильных конструкций и очагов. Погребальные сооружения представляли собой вытянуто-прямоугольные гробовища (рамы), составленные из состыкованных друг с другом досок, скрепленных шипами. Сверху некоторые гробовища были перекрыты крышками, но чаще всего для этой цели использовался тонкий войлок, украшенный аппликацией и подкрашенный в красный и черный цвета. Таким же войлоком выстилалось дно гробовищ, а в нескольких погребениях деревянные рамы были обставлены по бокам каменными плитками, образующими дополнительные ящики. Умершие были захоронены на спине, в вытянутом положении, головой на север и северо-запад. Погребальный инвентарь включал в себя обломки ханьских бронзовых зеркал с надписями на ободках, кусочки лаковых изделий (чашечек), бронзовые наконечники и кольца от сбруйных ремней, фрагменты железного копья и трехлопастных наконечников стрел с черешками и остатками древков, железные ножи, бусы из стекла и камня, а также остатки широких железных пластин, украшенных по краю желобками и шишечками-заклепками. Имеются пластины, покрытые сверху тонким золотым листом, расчлененным на мелкие чешуйки, которые были вчеканены в железо при помощи кернов. Сохранились также обломки деревянных поясных блях, украшенных сложным орнаментом в виде завитков, две литые бронзовые накладки, покрытые золотым листом, с изображением стоящих козлов и толстостенные глиняные сосуды горшковидной формы. По совокупности погребального обряда и инвентаря могильник датирован нами концом II – I в. до н.э. – временем политического господства хунну в этом регионе. Материалы его свидетельствуют о том, что в нем были похоронены представители хуннской родоплеменной знати. Появление таких специфических (а точнее, «знатных») некрополей относится к определенному этапу развития хуннского общества и является свидетельством далеко зашедшего процесса имущественной и социальной дифференциации.

В заключение можно отметить, что по хуннско-сяньбийскому времени в истории Восточного Забайкалья сегодня накоплено большое количество важного и информативно-насыщенного материала. Появились новые радиоуглеродные даты по ряду хуннских и сяньбийских памятников, проведено научное определение костного и антропологического материала и уточнены археологические объекты указанной эпохи. Все это позволяет надеяться на более взвешенное решение целого ряда проблем хуннско-сяньбийской археологии.

Библиографический список

- Гришин Ю.С. Древние памятники среднего течения Онона // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Ковычев Е.В. Далекое прошлое Поононья // История и география Оловянинского района. Чита, 2004.
- Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В I тыс. н.э.

Н.А. Константинов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки РФ

Охота, по мнению большинства исследователей, – важное хозяйственное занятие древнего и средневекового населения Алтая. Отмечалось также большое значение охотничьей деятельности в военной сфере. Однако специального комплексного изучения этого вида занятий не производилось. Одной из задач предстоящих исследований является характеристика круга источников по охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н.э. Выделяется несколько групп источников.

Археозоологические (остеологические) данные. Проблема изучения экономического развития древнего и средневекового населения Горного Алтая заключается в том, что археология региона изначально сложилась как курганная и остается таковой. Реконструкция системы жизнеобеспечения древнего населения по погребениям выглядит, как минимум, неполно, поскольку «погребальный предметный комплекс не отражает всего многообразия древней материальной культуры» (Кубарев Г.В., 1998. С. 154).

Большинство поселений, исследованных на территории Горного Алтая, многослойные, и зачастую выделить хронологические пласты остеологической коллекции довольно сложно. На сегодняшний день имеются определения остеологических материалов с поселений, основные материалы которых датируются 1-й половиной I тыс. н.э. – Майма-1, Чепош-2, Нижний Чепош-3 и 4 (Северный Алтай), Кастахта-III (Западный Алтай) и др. (Абдулганеев, 1991, 1998; Гальченко, Шульга, 1992; Онищенко, Соенов, 2011; Онищенко, 2011). Имеются определения остеологических материалов из средневековых слоев поселений Тыткескен-3 и Партизанская Катушка (Северный Алтай) (Кунгуров, 1994. Табл. 1; Шульга, 1998. Табл. 2).

Остеологические материалы только в определенной степени освещают хозяйственную деятельность. Во-первых, сохраняется незначительный процент костных остатков, а для большей части фрагментов костей невозможно определить видовую принадлежность. Во-вторых, данные напрямую отражают уровень мясного потребления. В-третьих, некоторые кости попадают в культурный слой естественным путем, а часть костных остатков животных могут иметь отношение к ритуальным действиям (Антипина, 2007).

Изобразительные источники. Сцены охоты были весьма распространены в I тыс. н.э. на предметах материальной культуры и наскальных рисунках Алтая и соседних территорий. К этому кругу относятся изображения на костяных накладках седла из могилы-9 памятника Кудыргэ (Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965. Табл. XV.-12; XVI.-1); на петроглифах Кургака (Кубарев В.Д., 2001. Рис. 3), Жалгыз-Тобе (Cheremisin, 2002. Fig. 6.-3.7; Кубарев Г.В., 2004. С. 76–77. Рис. 4), долины р. Чаган (Окладникова, 1988. С. 150. Рис. 3.-3.1; Черемисин, 2004. Рис. 3.-7–9), Калбак-Таша-I и II (Kubarev V.D., Jakobson, 1996. Fig. 409, 414, 598; Кубарев В.Д., 2007. С. 285–286. Рис. 1–5), Бичикту-Бомы (Мартынов, 1995; Мартынов, Елин, Еркинова, 2006; Ямаева, 2009), Туэжты (Миклашевич, 2006. Рис. 5), Усть-Кана (Елин, Некрасов, 1994) и др.

Чаще всего изображалась охота на тех животных, которых было трудно добыть в силу их проворности либо в силу опасности для человека. Это такие животные, как медведь, кабан, кошачий хищник, крупные копытные, птицы и др. (Грязнов, 1950. С. 53). Будет верным назвать виды охоты, изображенные на скалах и предметах материальной культуры, «престижными» для древнего и средневекового населения Алтая. Сцены охоты стоят в одном ряду с батальными сюжетами и были связаны с героическим эпосом (Грязнов, 1979. С. 145). В мировоззрении населения тех эпох, видимо, между этими двумя видами деятельности, образно выражаясь, стоял знак равенства.

Исходя из вышесказанного заметим, что петроглифы дают далеко не полное представление о способах ведения охоты, как считалось ранее (Евтюхова, 1948. С. 89). На этих сценах изображались только эпические сюжеты или какие-то легендарные истории, в которых охота, в первую очередь, выступала как иллюстрация мифологических действий и проявления богатырской удали, а не как направление хозяйственной деятельности. Поэтому изобразительные источники передают только те приемы ведения охоты, которые связаны с «престижными» видами охоты и мифологическими сюжетами.

Выделение всего пласта петроглифов 1-й половины I тыс. н.э. остается важной задачей исследований (Кубарев В.Д., 1999. С. 189–190), хотя и существуют отдельные работы, посвященные этому воп-

росу (Окладникова, 1988. С. 148; Соенов, 2003; Кубарев Г.В., 2004. С. 77; Миклашевич, 2006. С. 222). Разграничение петроглифов Саяно-Алтая «гунно-сарматского» и тюркского времени также остается дискуссионным вопросом (Кубарев В.Д., 1999. С. 190; Мухарева, 2011. С. 73).

Вещественные источники, которые можно назвать собственно археологическими, представлены находками из поселений и погребений, которые могут быть связаны с охотничьей деятельностью. К этому виду источников относятся изделия из кости и рога диких животных и орудия охоты.

Некоторые вещи, обнаруживаемые при исследовании памятников I тыс. н.э., изготавливались из рога, который добывался на охоте. Но стоит учитывать, что значительная часть рогового сырья могла добываться при собирании сброшенных рогов (Бородовский, 1997. С. 118). Что касается изделий из зубов и когтей диких животных, то они, скорее всего, являются продуктами охотничьей деятельности. Использование зубов и когтей определенных видов животных в качестве украшений наталкивает на мысль о важном месте этих зверей в мировоззрении населения исследуемого периода.

Вещественные источники важны для определения орудийного набора охотников исследуемого периода. Из археологических памятников «гунно-сарматского» и тюркского времени происходит значительное количество наконечников стрел, которые могли использоваться на охоте. Костяные наконечники стрел, по мнению некоторых исследователей, «создавались для охоты» и относятся к комплексу орудий труда (Горбунов, 1996. С. 162). Некоторые костяные наконечники найдены в таком контексте, что их использование в военных целях неоспоримо (Кубарев В.Д., Кочеев, 1983. С. 94; Кызласов, 1979. С. 171; Соенов, 2011. С. 49; и др.). Костяные наконечники стрел обычно находятся в одном комплекте с железными. На наш взгляд, эти наконечники могли использоваться как на охоте, так и при ведении боевых действий. К специализированным охотничьим наконечникам относятся «тупые» костяные и деревянные наконечники стрел, предназначенные для охоты на пушных зверьков (Руденко, 1962. С. 26; Кызласов, 1979. С. 107; Суразаков, 2001. С. 198; Молодин, Ефремова, 2010. С. 108; и др.).

Возможно, некоторые типы стрел, наконечники которых были снабжены свистунками, использовались на охоте. Этнографически зафиксировано, что такие наконечники применялись алтайцами на охоте для вспугивания белки, а также свист этой стрелы останавливал на мгновение марала, чем пользовались охотники (Потапов, 2001. С. 62). Известно предание об использовании стрелы со свистункой будущим хуннским шаньюем Моде на охоте (Бичурин, 1950. С. 47). Из курганов «гунно-сарматского» времени Верхней Катуни происходят находки, интерпретированные как наконечники стрел для самострела (Гаврилова, 1965. С. 54; Соенов, 2005. С. 53).

Этнографические источники. Глубокие корни охотничьих традиций алтайцев отмечал этнограф Л.П. Потапов. Он считал, что «охотничий промысел [*алтайцев*] хранит черты, восходящие к древнетюркской охоте» (Потапов, 2001. С. 9).

Благодаря этнографическим источникам можно определить назначение некоторых видов наконечников стрел и их названия. Затупленная стрела, судя по фольклору, применявшаяся при охоте на пушных зверьков, у тубаларов называлась *томор*. Свистящая стрела, о которой говорилось выше, у алтайцев называлась *коркудар-ок* (Потапов, 2001. С. 59–62). Кроме прочего, Л.П. Потапов приводит сведения из русских документов XVIII в., позволяющие представить стоимость лука. В документах говорится, что цена зайсанского лука (3 руб. 60 коп.) определена выше цены кобылицы (3 руб.) (Потапов, 2001. С. 63).

Отсутствие в слоях поселений костных остатков пушных зверей может объясняться тем, что их мясо употреблялось в пищу во время промысла или утилизировалось определенным способом (Потапов, 2001. С. 102–103). Это может касаться и других видов животных. Например, алтайцы во время охоты после разделки туши убитого марала производили отделение мяса от костей, а крупные кости бросали в костер, с целью приготовить костный мозг (Фролова, 2009. С. 233).

Вероятно, некоторые способы и приемы охоты, зафиксированные у алтайцев (Вербицкий, 1893. С. 33–38; Сатлаев, 1974. С. 53–63; Потапов, 2001; Кандаракова, 2007), сформировались и использовались еще в I тыс. н.э.

Письменные источники. Памятники Южной Сибири, в том числе и Горного Алтая, «находятся как бы «в тени» письменной истории раннесредневековых этнополитических образований» (Савинов, 2011. С. 14). Тем более это касается периодов, предшествующих средневековью. Для изучения охоты населения Горного Алтая в I тыс. н.э. китайские и арабские источники являются косвенными, поскольку напрямую не касаются изучаемой территории.

Только в одной алтайской рунической надписи упоминается охота. Надпись, получившая наименование Бичикту-Бом-IV (A8), была прочитана Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской и М. Эрдалом. Она имеет пло-

хую сохранность (Памятники...). В енисейских рунических эпитафиях, в отличие от алтайских текстов, содержатся сведения об охоте. В них она описывается как любимое занятие усопшего, которому посвящен текст (Кормушин, 2008. С. 310).

Лингвистические источники. В эту группу мы включили горноалтайскую топонимику, связанную с охотничьей деятельностью, и охотничью терминологию современного алтайского языка.

В топонимах часто подчеркиваются особенности данной местности (Соенов, 2002. С. 26). Многие топонимы связаны с охотничьей деятельностью или с названиями зверей и птиц. Информация о топонимах отражена в словаре, составленном О.Т. Молчановой (1979. С. 119–354).

Подавляющая часть «охотничьих» топонимов связана с местом обитания зверей и птиц: *Айу-Көл* – медвежье озеро; *Анг-Көл* – звериное озеро; *Ангырлу* – с утками; *Булан-Кобы* – лосиный лог; *Киштү* – с соболями; *Тарбаанду* – с сурками; *Текелү* – с козлами; *Түлкүлү* – лисий лог; *Чайлу-Таш* – сопка или гора с глухарями; *Черенду* – с косулями; *Чочко-Туу* – свиная гора; *Чунгмак-Орой* – вершина горного козла и мн. др.

Имеются топонимы, дублирующие названия диких животных и птиц: *Кочкор*, *Кошкор*, *Кочкорок* – баран, маленький дикий баран; *Куран* – самец косули; *Кушкулу* – колонок; *Сарас-Кыр* – колонок-гора или колонковая гора; *Сарыкту* – дикий козел-двухлесток; *Тарбаан* – сурок; *Улары* (*Улару*) – куропатка.

Известны топонимы, связанные с поведением зверей и птиц: *Яан-Айу-Кечер* – большая медвежья переправа; (*Орыкту-Ой*) – впадина с тропой диких зверей; *Тийү-Келди* – белка пришла; *Уйалу* – лог с логовом, берлогой; *Чай-Ойын* – глухарина игра (ток).

Наиболее интересны для нас топонимы, связанные с охотничьей деятельностью человека: *Айа-Тарткан* – самострел натянул; *Айу-Манаг* – медвежья охота; *Горо-Суу* – охотничья река; *Каан-Кујурт* – ханский солонец; *Манакай* – засада; *Тес-Каиш* – засека для ловли зверей (маралов, косуль, оленей); *Тузак* – силос, петля для ловли птиц, зверьков; *Чергей* – ловушка на мелких пушных зверьках; *Элик-Манар* – огораживать косуль и мн. др.

Глубокие корни охотничьих традиций алтайцев подтверждает и довольно развитая охотничья терминология в алтайском языке. Это различные названия наконечников стрел, капканов, других охотничьих принадлежностей и пр. (Потапов, 2001. С. 59–74). Имеются возрастные и половые различия в названиях объектов охоты особей одного вида (например: *элик* – косуля (вид); *куран* – самец косули, *керекишин* – самка косули, *чаап* – детеныш косули и др.) (Русско-алтайский словарь, 1964).

Значительная часть современных топонимов и охотничьей терминологии могла сформироваться многие столетия назад. Использование данных топонимики и лингвистики значительно расширяет круг источников по изучению охоты населения I тыс. н.э.

Таким образом, основной круг источников показывает перспективность исследований охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н.э. Эти источники говорят о большом значении охоты в экономической, военной, социальной и религиозной сфере населения того времени.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках поселения Майма-I летом 1991 года // Архив НМРА им. А.В. Анохина. 1991.
- Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
- Антипина Е.Е. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада // Матеріали та дослідження з археології східної України: від неоліту до киммерійців: збірник наукових праць. 2007. №7. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Mtdza/2007_7/a_ntipina.pdf.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- Вербницкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

- Кандаракова Е.П. Традиционные формы охоты на зверей и птиц у кумандинцев и челканцев. Горно-Алтайск, 2007.
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии: грамматика, текстология. М., 2008.
- Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. №4.
- Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. 2001. Вып. 4.
- Кубарев В.Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007.
- Кубарев В.Д., Кочев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования на Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983.
- Кубарев Г.В. О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2.
- Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2.
- Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.
- Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2006.
- Миклашевский Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, 2010.
- Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- Мухарева А.Н. Изобразительные традиции первой половины I тыс. н.э. в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Труды III (XIX) Археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II.
- Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. (Сборник МАЭ. Т. XLII). Л., 1988.
- Онищенко С.С. Анализ остеологических материалов памятников Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 // Чепошские городища. Горно-Алтайск, 2011.
- Онищенко С.С., Соенов В.И. Особенности зооархеологических комплексов городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 и их предварительная интерпретация // Известия АлтГУ. 2011. №4.
- Памятники рунического письма Горного Алтая. http://altay.gasu.ru/RUNIKA_1.HTML.
- Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб., 2001.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2.
- Русско-алтайский словарь. М., 1964.
- Савинов Д.Г. Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Труды II (XVIII) Археологического съезда. М., 2011. Т. IV.
- Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск, 1974.
- Соенов В.И. Собирательство растительной пищи на Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9.
- Соенов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10.
- Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катунь в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году // Архив Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ. 2011.
- Суразаков А.С. Древнетюркское время // История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002. Т. I.
- Фролова И.Д. Экологическое поведение алтайцев при использовании пищевых ресурсов дикой природы // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/3(64).
- Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российской Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №1 (17).
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
- Ямаева Е.Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск. №4.
- Cheremisin D. The study of the Djalgyss-tobe petroglyphs // INORA. 2002. №32.
- Kubarev V.D., Jacobson E. Repertoire de petroglyphes d'Asie Centrale. Fask. 3: Sibirie du Sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Paris, 1996.

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКИХ ЗЕРКАЛАХ ИЗ СИБИРИ ПЕРИОДА ЧЖАНЬГО (V–III вв. до н.э.)

Масумото Тэцу

Комитет образования администрации префектуры, Осака, Япония

Среди китайских зеркал, найденных в Сибири, стоит обратить особенное внимание на зеркала доханьской эпохи, тем более что они более или менее всегда связаны с датировкой археологических комплексов ранних кочевников. В 1949 г., в самый последний год раскопок памятника Пазырык, в одном из трех маленьких курганов – №6, было найдено китайское зеркало, которое стало одним из оснований датировки данного объекта. Известно, что японский ученый Умэхара Суэдзи (梅原末治) имел доказательства датировки этого зеркала. Изделие принадлежит к типу, сгруппированному как серия «зеркал Чжаньго (戰国鏡)». Более того, у зеркал из этой серии есть общепринятое название – «зеркало с узором иероглифа «Шан (山)»». Кстати, в докладе С.И. Руденко оно описано как «зеркало Цинь (秦)», которое Умэхара употреблял в свое время, но в современной научной литературе этот термин почти не используется. Умэхар опубликовал книгу к шестидесятилетию английского ученого по скифоведению Ellis H. Minns (автор книги «Scythian and Greeks in Southern Russia», Cambridge, 1913) (Умэхара Суэдзи, 1938). В то время, интересуясь не только Китаем, Кореей, но и археологией ранних кочевников Евразии, Умэхара был в дружеских отношениях с А.М. Тальгреном, С.Ф. Орденбургом, В.М. Алексеевым, С.А. Теплоуховым, М.П. Грязновым и другими и, посещая Россию, Восточную и Северную Европу, добывал сведения об оригинальных материалах прямо через них. В своих работах он давно познакомил японских исследователей с достижениями российских археологов, проводивших раскопки памятников Ноин Ула, Пазырык, Оглахты и др., подчеркивая важность и необходимость изучать культуры евразийских ранних кочевников с точки зрения восточно-азиатской археологии (Умэхара Суэдзи, 1960). В том же году он издал другую книгу, в которую включил 22 своих статьи. В одной из них («Доханьские зеркала») он в первый раз выяснил группировку зеркал периодов Чуньцю (春秋) (722–481 гг. до н.э.) и Чжаньго (戰国) (403–221 гг. до н.э.) и заметил процесс изменения в традиции их орнаментации (Умэхара Суэдзи, 1938). Многие исследователи в Японии и Китае даже сейчас строят свои гипотезы, фундаментально следуя теории Умэхара и подразделяя его группировку. Кроме того, необходимо не забыть, что его учитель Томиока Кэндзо (富岡謙蔵) до него указал на то, что существовал специальный стиль зеркал даже в период Чжаньго (Томиока Кэндзо, 1920). Унаследовали его научную традицию, кроме Умэхары, и китайский ученый Лян Шанчунь (梁上椿) (Лян Шанчунь 巖窟藏鏡, 1989), шведский китаевед В. Karlgren. Они установили типологию китайских зеркал и метод их датировки.

Таким образом, изучение китайских бронзовых зеркал до Второй мировой войны в основном уже достигло определенного уровня. Но нельзя отрицать, что многие зеркала, которые они использовали для изучения, были получены не в результате научных раскопок. После войны, в особенности после начала политики реформ в Китае во 2-й половине 70-х гг. прошлого века, в результате продвижения научных раскопок умножались достоверные материалы, благодаря чему стало возможным получить надежную основу для датировки могил, о чем публиковалось много докладов. При таких условиях появилось много книг, излагающих хронологию зеркал в общих чертах, но бывает, что идея о датировке просто следует мнениям, изложенным в оригинальных материалах раскопок. Из-за этого как бы признавалась несостоятельность собственной гипотезы. В конце прошлого века появилась новая перспектива в изучении китайских зеркал периода Чжаньго. Автор считает, что в этой тенденции представительная работа принадлежит японскому исследователю по китайским зеркалам Миямото Кадзуо (宮本一夫), который очень детально разработал научные итоги о развитии зеркал того времени с новой точки зрения (Миямото Кадзуо, 1990). Нельзя игнорировать, что в методологическом смысле в основе его манеры лежат и предшествующие достижения, полученные археологами Танака Мигаку (田中琢) (1983), Окамура Хидэнори (岡村秀典) (1984) и др., которые создали оригинальные концепции по древним японским и китайским ханьским зеркалам. Можно отметить, что сейчас в основном его теория распространена и на других исследователей. Автор этой статьи считает, что даже ход его мышления должен служить полезным примером в дальнейшем изучении такого рода изделий.

По мнению Миямото Кадзуо, бронзовые зеркала – это комплекс из таких атрибутов, как бортик, шишка-петля, основание для шишки, узоры и т.д. Что касается узоров, то фоновые узоры лежат один за другим вместе с главными узорами, т.е. бывает, что узорные атрибуты сочетаются друг с другом.

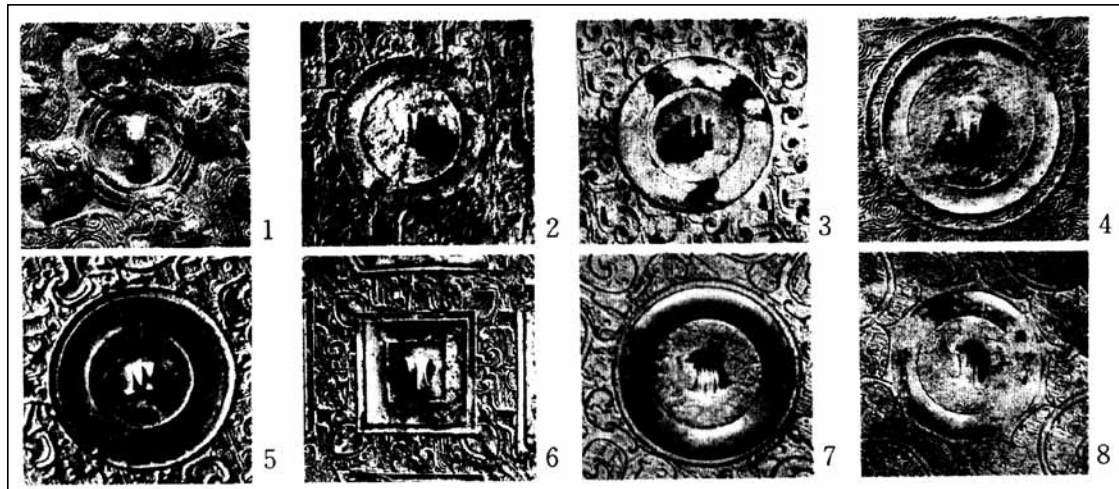

Рис. 1. Шишки-петли и основания для них (Миямото, 1990-1. Рис. 1)

Поэтому, если единство таких атрибутов составляет одно зеркало, можно строить хронологию зеркал, анализируя изменение и сочетание таких атрибутов. У зеркал периода Чжаньго шишка-петля оформлена в виде ручки, напоминающей форму мосточка, которая отличается от формы шишки-петли у ханьских зеркал. У этой «ручки» верхняя часть составляет реброобразный выступ. В зависимости от числа выступа можно различать шишку-петлю с одним, двумя, тремя и четырьмя выступами (выступ 1–4). Основание с шишкой-петлей образует в основном круглую и квадратную рамки. В зависимости от числа линий, ограничивающих эти рамки, расположенные между шишкой-петлей и внутренним полем орнамента, соответственно можно назвать основание круглой (круг 1–3) и квадратной рамки (квадрат 1–3) (рис. 1). У некоторых из них есть добавочный узор в виде продолжающихся арок. Если говорить о фоновых узорах зеркал периода Чжаньго, то сочетание отдельных единиц узора составляет разные варианты. Если накладывать главные узоры на эти фоновые узоры, то получаются еще более сложные. Следовательно, в соответствии с сочетанием узорных единиц можно перечислять следующие узоры: зерновидный (穀粒文 кокурю-мон), перовой с зверовидными символиками (羽狀獸文 удзёдзю-мон), тонкопрочерченный (細地文 сайдзи-мон), узор с облаками и молниями (雲雷文 унрай-мон) и с завитками (渦文 удзу-мон) (рис. 2). Главные узоры – это тематика, выраженная в определенном месте на поле фоновых узоров. Они показаны в

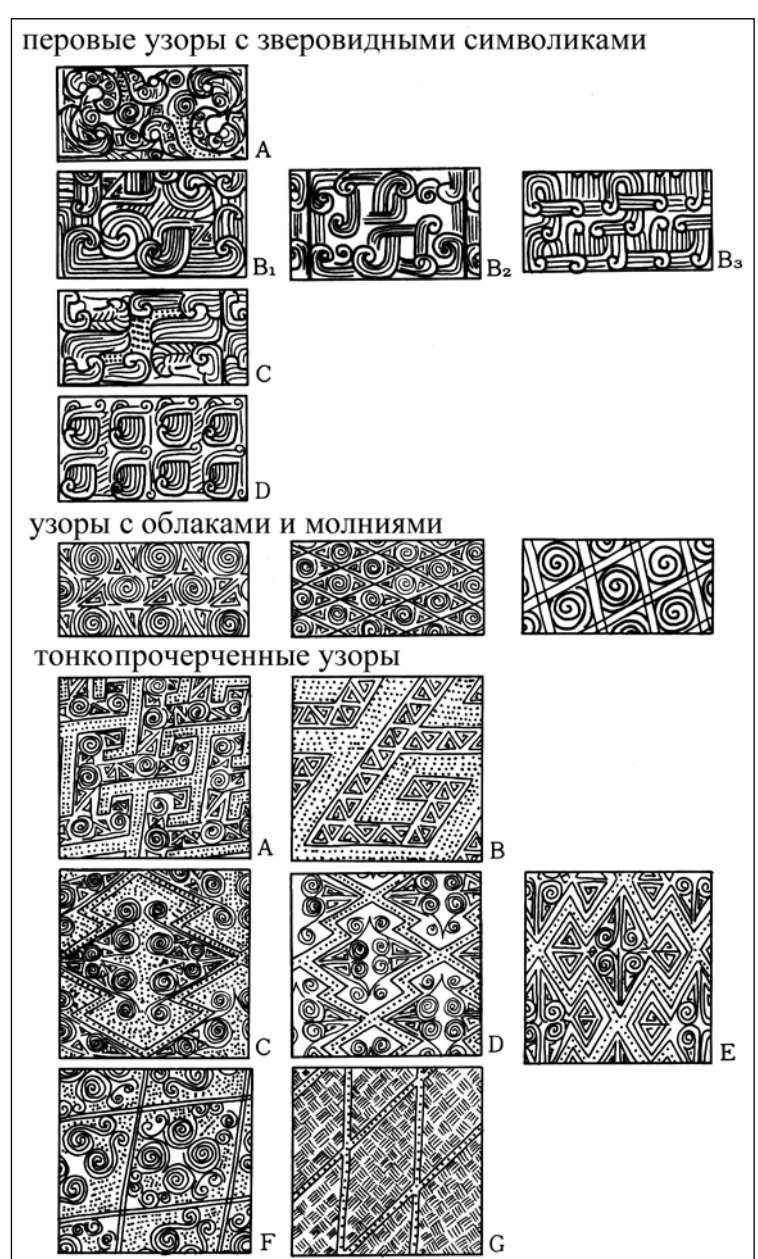

Рис. 2. Вариант фоновых узоров (Миямото, 1990-1. Рис. 2)

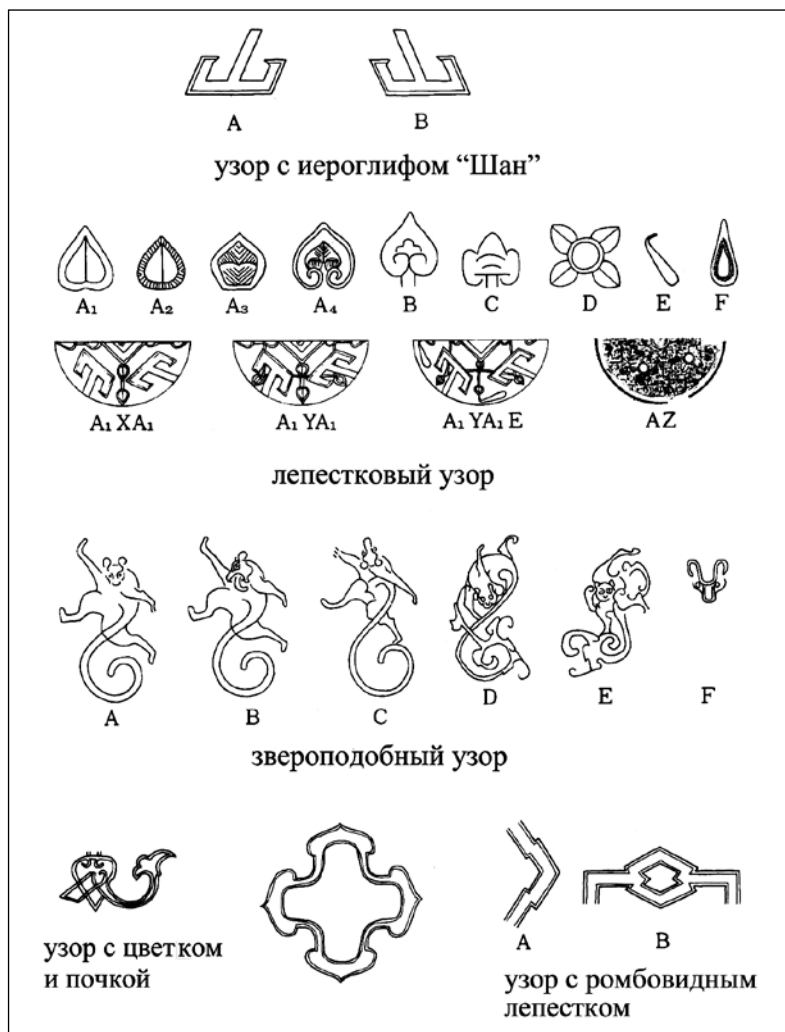

Рис. 3. Главные узоры (Миямото, 1990-1. Рис. 3)

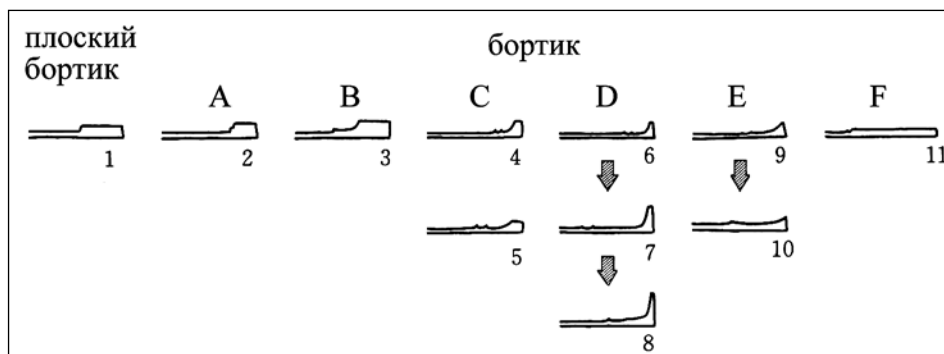

Рис. 4. Формы бортиков (Миямото, 1990-1. Рис. 5)

виде вогнутого узора (弦文 гэн-мон), узора с продолжающимися арками (連弧文 рэнко-мон), узора в виде расставленных раковин (貝文 кай-мон), узора с переплетающимися веревками (繩索文 дзёсаку-мон), узора со свертывающимися драконами (蟠螭文 банчи-мон), узора с змеем и драконом (虺龍文 кiryю-мон), узора с звериным лицом (饕餮文 тоутэцу-мон), лепесткового узора (葉文 ё-мон), узора с ромбовидным лепестком (花菱文 карё-мон), звероподобного узора (獸形文 дзюкэй-мон), узора с цветами и почками (花蕾文 карай-мон) и др. Некоторые из них традиционно использованы в священных сосудах и предметах из керамики и бронзы уже до периода Чжаньго (рис. 3). Бортики по разрезу в основном разделены на семь типов в зависимости от степени градации форм, с некоторыми подтипами включительно (рис. 4). Но в реальности мало известно о форме бортика, потому что во многих публикациях рисунки с точным разрезом почти не представлены.

В данной статье имеется таблица, в которой вышеуказанные атрибуты связываются друг с другом в отношениях между формами бортиков и фоновыми узорами или между формами бортиков и главными узорами и т.д. (рис. 5). Туда еще добавлены хронологические данные, полученные при раскопках в Китае. Таким образом, установлены шесть этапов в процессе изменения зеркал того времени, что позволяет нам узнать, когда и какие типы зеркал появились, исчезли или оказали влияние на зеркала следующего периода Хань (рис. 6). Хотя еще

подробнее нужно объяснять содержание каждого атрибута, но здесь ограничимся только фундаментальными азами для изучения зеркал, потому что, к сожалению, размер статьи не позволяет автору остановиться на всех аспектах.

Имея в виду вышеуказанный анализ атрибутов, автор ставит одно из зеркал периода Чжаньго, найденное в Южной Сибири, на рассмотрение (рис. 7). Хочется оговориться, что автор сам мог наблюдать его благодаря заботе сотрудника музея в Минусинске Н.В. Леонтьева. Других доханьских зеркалах здесь невозможно прямо касаться, потому что остается неясной информация в опубликованных рисунках. Рассмотренные два фрагмента №5112 и 5113 из Минусинской котловины являются частью целого

форма бортика: A B C D E (F)					
первый узор	A	—			
	B ₁	—		—	
	B ₂	—	—	—	
	B ₃		—	—	
	C	—	—	—	
тонкопрочерченный узор	D			—	
	A		—	—	
	B		—	—	
	C		—		
	D		—	—	
	E		—	—	
	F		—	—	
узор с облаками и молниями					
узор с завитками					

форма бортика: A B C D E (F)					
узор с звериными лицами					
узор с змеями и драконами					
лестничный узор	A ₁		—	—	
	A ₂		—	—	
	A ₃		—	—	
	A ₄			—	
	B			—	—
	C			—	
	D		—	—	—
	E		—	—	
	F		—		
	AXA		—	—	
узор с иероглифом «Шан»	AYA		—	—	
	AYAE		—	—	
	AZ		—		
	A		—	—	
узор с ромбовидными лепестками	A ₃		—		
	A ₅		—	—	
	B		—	—	—
	B ₅		—	—	
	B ₆		—		
	A		—	—	
звероподобный узор	B		—	—	
	C		—	—	
	D		—	—	
	E		—	—	
	F		—	—	
узор с цветами и почками					
зубчатый узор					

Рис. 5. 1 – отношение между формой бортика и фоновым узором (Миямото, 1990-2. Табл. 3);
2 – отношение между формой бортика и главным узором (Миямото, 1990-2. Табл. 4)

зеркала. Его восстановленный диаметр – 11,5–11,6 см. По сравнению с другими зеркалами этого типа из памятников периода Чжаньго, у него не только неясно орнаментальное поле, но и даже линия дуги внутри бортика частично раздавлена при отливке. Из-за этого нельзя признать его оригиналом. Оригинал не может быть в таком состоянии, вполне возможно, что это имитация.

Хотя шишка-петля плохо сохранена из-за поломки, но, судя по ее остальной форме, можно считать, что она принадлежит к форме шишки с одним выступом. Основание для шишки-петли имеет квадратную рамку с двумя окружающими линиями. Фоновый узор состоит из перового узора с зверовидными символами группы C в симметрической композиции, среди которого встречен и зерновидный узор. Группа эта очень популярна в серии подобных узоров и со временем, как известно, изменилась, деградируя от группы A к группе D. Узор группы B изображен как будто в виде переплетения свертывающихся драконов. Если у группы B₁ линия толстая, то у группы B₂ – более тонкая, и в конце концов у группы B₃ изображение становится более деградированным и более упрощенным. Только группа A существует до появления зеркала с узором иероглифа «Шан», а группа D, последняя, связана с созданием, например, узора с молниями, встречающегося у зеркал в следующий ханьский период.

Главный узор, разумеется, – это узор с иероглифом «Шан», который часто встречается в типичных для периода Чжаньго зеркалах. Здесь иероглиф имеет уклон в левую сторону, поэтому главный узор называется «Шан» В. Обычно распространено зеркало с четырьмя иероглифами «Шан», но, кроме этого,

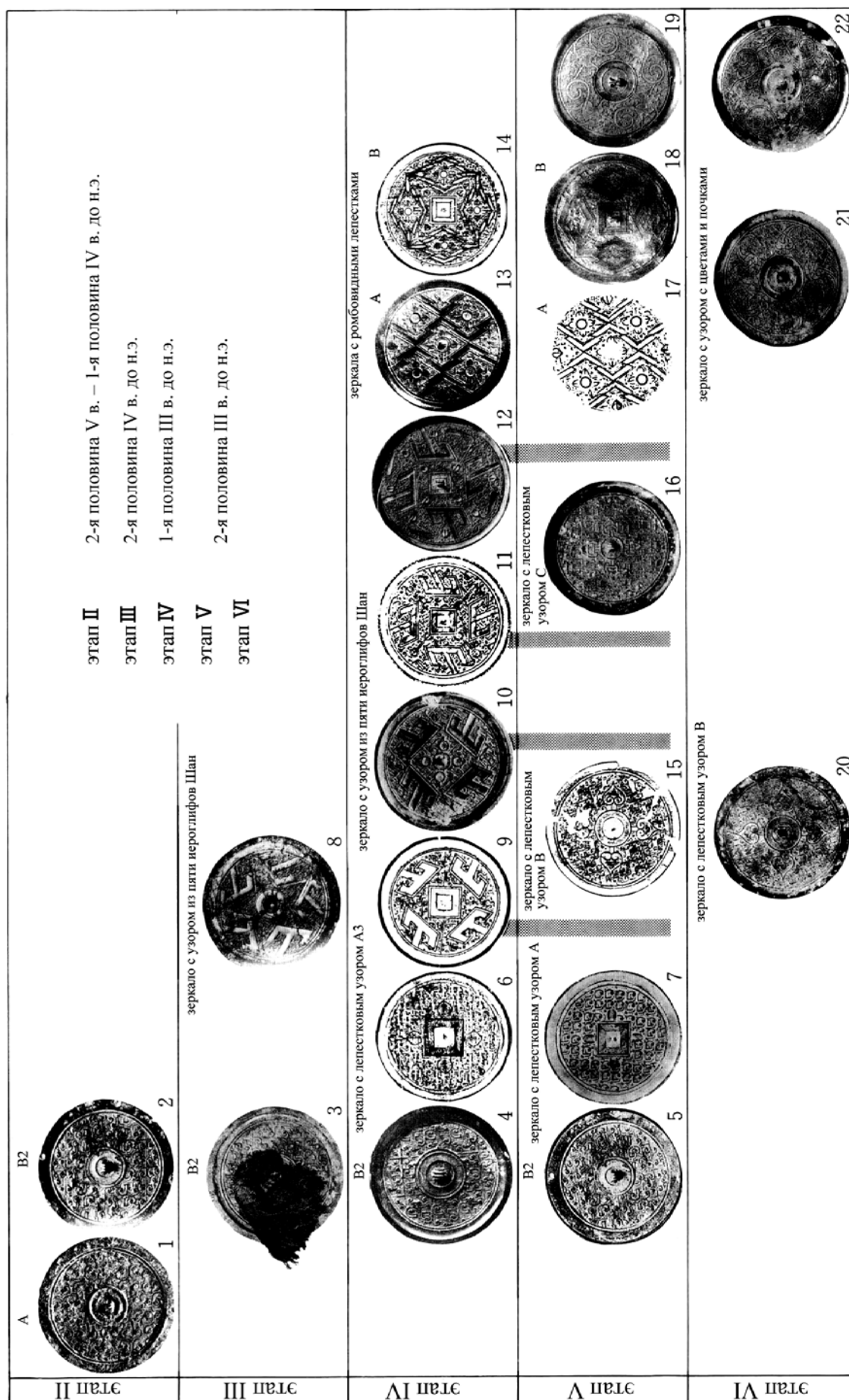

Рис. 6. Схема процесса изменения зеркал с перовым узором с зверовидными символами (Миямото, 1990-2. Рис. 7)

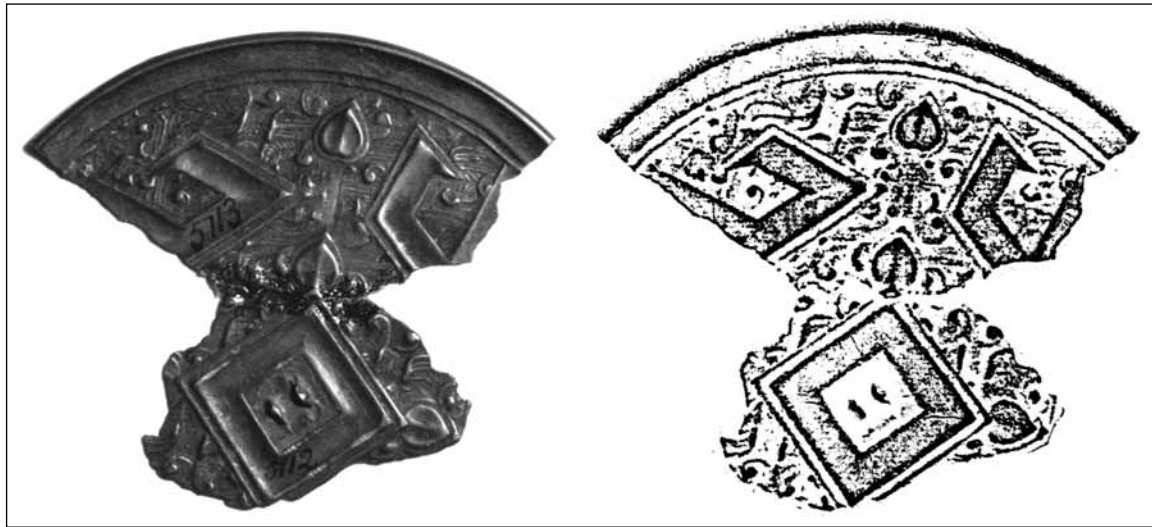

Рис. 7. Зеркало с узором в виде иероглифа «Шан» (фрагменты №5112 и 5113 зеркала из Минусинского краеведческого музея)

есть зеркала с тремя, пятью и шестью иероглифами. Лепестковый узор распределен на шесть вариантов. Группа А имеет узор с сердцевидным лепестком, который распределен на четыре подтипа в зависимости от формы окружающего края и внутреннего орнамента (А1~А4). У рассмотренного здесь зеркала узор такого типа принадлежит группе А1, в которой узор окружен двойной линией. А сочетание узора этой группы А с основанием для шишки-петли имеет четыре варианта: в первом варианте от каждого угла основания отходят радиально две лепестка, соединенные линией (АХА), во втором – также с лепестком еще прибавочно соединена горизонтальная линия (АУА), в третьем соединен узорчик в виде кисточки (АУАЕ), четвертый – редкий, имеет ключевое соединение прибавочно к узорам с лепестками (АЗ). Следовательно, данный узор у рассмотренного зеркала принадлежит первому варианту (А1ХА1).

Следующие атрибуты, показанные в рисунке главных узоров, относятся к другим типам зеркал периода Чжаньго, о которых здесь мы не будем говорить. Как указал В. Karlgren, произошел процесс изменения бортика от плоской до впалой поверхности по разрезу. Миямото Кадзуо в своей статье еще конкретнее распределяет форму бортика на семь вариантов, т.е. чисто плоский борт и бортики А~F, каждая доля которых распределена горизонтальной длиной между наружным концом и краем внутреннего поля орнамента: А – больше $3/4$, В – $3/4 \sim 1/2$, С – $1/2 \sim$ больше $1/4$, D – меньше $1/4$. А у бортика Е поверхность совершенно впалая, только осталась неглубокая круглая линия очертания. Бортик F встречается только у зеркала с узором в виде продолжающихся арок. Так, у рассмотренного здесь зеркала атрибут бортика принадлежит бортику D.

Хронологическая таблица стадийного изменения чжаньгоских зеркал только с перовым узором и зверовидными символами сделана Миямото Кадзуо, который основывался на анализе около 500 зеркал, обнаруженных в могилах и датированных по надписям и другим данным. Судя по этой хронологической схеме, оказывается, что на этапе IV появляются зеркала с узором иероглифа «Шан», у которых имеются атрибуты АХА, АУА и АУАЕ. Несколько деградированный перовой узор с зверовидными символами группы С, как, например, у рассмотренного здесь зеркала, можно найти даже у бронзовой вазы 1-й половины III в. до н.э., хранящейся в Музее Идэмицу в Токио.

Зеркала этапа IV и V найдены в могилах второй половины периода Чжаньго, т.е. в III в. до н.э. Одним словом, большинство зеркал с узором иероглифа «Шан» было отлито во 2-й половине периода Чжаньго. Группа зеркал с перовым узором (как фоновый узор зеркала с узором иероглифа «Шан») получила распространение не только во всем Китае, особенно на юге, но и с севера Корейского острова до Алтая.

В Краеведческом музее Минусинска есть еще один фрагмент зеркала с тем же узором (№5225). Он сплошь покрыт окислами, поэтому иероглиф едва можно заметить. Восстановленный диаметр – 11,5 см. Иероглиф имеет уклон в левую сторону, поэтому главный узор называется «Шан» В. А низкий борт по форме распределен на борт Е. Хотя другие атрибуты совсем неясны, но можно считать, что он принадлежит к хронологическому этапу IV.

Известно, что недавно на Алтае были обнаружены зеркала доханьского и ханьского периодов. Это зеркала из Яломана-II, Фирсово-XIV, Усть-Эдигана и др. Только по опубликованным рисункам трудно

определить, какие атрибуты есть у этих зеркал, чтобы подробно исследовать их. Сведений о зеркале из кургана №6 на памятнике Пазырык (имеется одна фотография и один рисунок) не хватает, чтобы углубить исследования в дальнейшем. Но анализ не кончается публикацией, а наоборот, это просто старт. Реликты, найденные давно, всегда ждут рассмотрения с разных точек зрения.

Библиографический список

- Лян Шанчунь 嚴窟藏鏡 Яньку цаньцзин. Пекин, 1940 (японский перевод. Токио, 1989).
Миямото Кадзую 戦国鏡の編年 Сэнгоку кё но хэнъэн. дзё, гэ // Кодай бунка. 1990, 42 кан, 4, 6 го (Хронология чжаньговских зеркал. 1, 2) // Cultura Antiqua. 1990. Т. 42, №4, 6.
Окамура Хидэнори 前漢鏡の編年と様式 Дзэнкан кё но хэнъэн то ёсики // Сирин, 67 кан, 5 го. (Хронология и стиль раннего ханьского периода) // Лес истории. 1984. Т. 67, №5.
Танака Мигаку 方格規矩四神系倭鏡分類試論 Хокаку кики сисинкэй вакё бунруй сирон // Бункадай ронсо. Киото, 1983. (Опыт группировки японских бронзовых зеркал с серией узора TLV // Сборник по культурной ценности).
Томиока Кэндзо 古鏡の研究 Кокё но кэнкю (Изучение древних бронзовых зеркал). Киото, 1920.
Умэхара Суэдзи 古代北方文系文物の研究 Кодай хоппо бунбуцу но кэнкю (Изучение предметов древней цивилизации из северной территории). Киото, 1938.
Умэхара Суэдзи 支那考古学論攷 Сина кокогаку ронко (Сборник китайской археологии). Токио, 1938.
Умэхара Суэдзи 蒙古ノイン・ウラ発見の遺物 Моко Ноин Ула хакэн но йбуцу (Реликты из гор Ноин-Ула на Северной Монголии). Токио, 1960.

ЛАМЕЛЛЯРНЫЙ ПАНЦИРЬ IV–V вв. н.э. ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЯЛОМАН-II НА АЛТАЕ

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековые современность)» (шифр №2012-1.1-12-000-3001-017)

В 2008 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов данной публикации при раскопках памятника Яломан-II в Онгудайском районе Республики Алтай зафиксирована редкая находка древнего оборонительного вооружения. Целый панцирь обнаружен в кургане №29 – крайнем объекте в группе пристроенных друг к другу каменных надмогильных конструкций, занимавших центральное положение на своеобразном некрополе. Там ранее уже были исследованы курганы №30–33, которые дали значительное количество материалов, в том числе относящихся к комплексу вооружения (Тишкин, Горбунов, 2007. С. 166). Все указанные погребальные сооружения Яломана-II датируются 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2003. С. 493; Тишкин, 2007. С. 179–181, 264, 268–270, 275–276). По особенностям погребального обряда и облику инвентаря они относятся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской археологической культуры Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 161). Данный период соотносится со временем существования Жужанского каганата в Центральной Азии.

Курган №29 представлял собой округлую насыпь диаметром около 4,5 м и высотой до 0,9 м от уровня древней поверхности. По периметру хорошо фиксировалась стенка-крепида из плит, уложенных друг на друга плашмя до семи слоев. Внутреннее пространство кольцевой выкладки было засыпано скальными обломками и галькой. Под насыпью находилась могильная яма глубиной более 3 м. На дне ее располагался каменный ящик подтрапециевидной формы из плит. Над этой погребальной камерой зафиксировано захоронение одной целой лошади, а также части другой особи. Внутри каменного ящика вытянуто на спине лежал умерший человек, головой на северо-северо-восток. Справа от погребенного мужчины 30–35 лет (определения С.С. Тур), вдоль длинной стенки погребальной камеры, находилось скопление предметов вооружения: сложенный в «гармошку» панцирь, меч в ножнах и колчан со стрелами (рис. 1).

Панцирь, изъятый из могилы монолитом (размерами 90x23 см), был доставлен в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ для расчистки в стационарных условиях. Работа по реставрации и консервации этого вида доспеха еще продолжается, поэтому в данной публикации представлены лишь предварительные результаты изучения. Основа панциря набрана из отдельных железных пластин, соединенных ламеллярным способом, т.е. непосредственно между собой через систему отверстий.

Рис. 1. Яломан-П. Курган №29. Колчан со стрелами, меч в ножнах и панцирь в могиле

Пластины имеют прямоугольную форму со скругленными углами. У некоторых экземпляров верхний край закруглен более сильно, что приближает их к овально-прямоугольной форме. Длина пластин варьирует от 7,5 до 10,2 см. Ширина изделий – от 2,5 до 3,4 см, но чаще всего она составляет 2,8–3 см. Толщина пластин без учета коррозии – 1,2–1,5 мм. Диаметр сквозных отверстий составляет 4 мм, но у большинства экземпляров данный показатель определить сложно из-за коррозии или наличия крепежных элементов. Судя по поперечному сечению, все пластины слегка выгнуты, а по продольному сечению они выглядят более вариабельно: прямые, выгнутые, вогнутые, выгнуто-вогнутые.

В каждой пластине пробито по 11 отверстий: четыре боковых, три срединных и четыре окантовочных. Они расположены следующим образом. Боковые пробиты по одной паре в центре у каждого длинного края. Они предназначены для формирования пластин в полосы. Срединные отверстия (одна пара в центре верхней части пластины и одиночное отверстие посередине центральной части) использовались для соединения скомплектованных полос. Окантовочные (одна пара вдоль верхнего и одна пара вдоль нижнего края пластины) были необходимы для крепления канта. У четырех пластин (все они крайние в полосах, три слева и одна справа) есть дополнительное отверстие посередине нижней части.

Неплохая сохранность органических материалов позволяет полностью проследить крепежную систему панциря. Пластины, длинными сторонами направленные по вертикали, набирались в горизонтальные полосы путем наложения одна на другую и слева направо. При этом боковые пары отверстий соседних краев совмещались, и каждая левая пластина перекрывала правую на треть ее ширины (в среднем на 1 см). Соединение в такую полосу производилось длинным кожаным ремешком шириной 8 мм, толщиной 2 мм. Заходя в отверстие, ремешок сворачивался до полутрубки, а выходя, снова расширялся. Вязка начиналась с нижнего бокового отверстия крайней пластины на тыльной стороне. Затем ремешок продевался в верхнее боковое отверстие, проходя по ее лицевой стороне. Потом он снова шел с тыла наискосок к нижнему отверстию в противоположащей паре. Далее проходил через два совмещенных отверстия соседних пластин и снова по лицевой стороне к двум верхним отверстиям. В очередной фазе вязки ремешок направлялся по тылу к нижнему отверстию этой же пары, еще раз продевался с лицевой стороны, удваиваясь, и, наконец, по тыльной стороне следовал к нижнему отверстию следующей противоположащей пары. С изнанки полосы такая вязка выглядит как чередование коротких вертикальных и длинных диагональных ремешков, а с лицевой стороны – лишь как короткий вертикальный, но при этом двойной ремешок (рис. 2).

После связывания пластин при помощи боковых отверстий готовая полоса по всему периметру снабжалась кожаным кантом. Для этого использовалась более широкая полоска кожи, которая перегибалась через торцы пластин. Сверху и снизу она крепилась ремешками (такими же, как для боковых отверс-

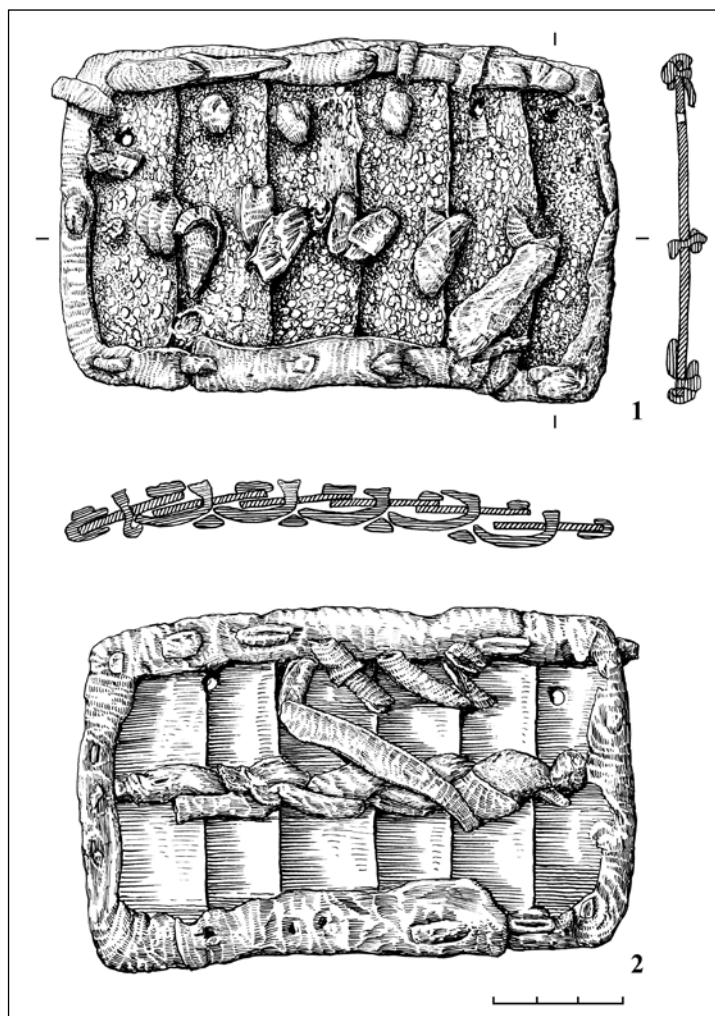

Рис. 2. Полоса из шести панцирных пластин

для канта не хватило на весь периметр. Минимальная ширина окантовки полос составляет 8 мм, максимальная приближается к 2 см. По меньшей мере на двух фрагментах полос кант отсутствует. В их окантовочные отверстия просто продеты ремешки согласно стандартной схеме. Применение окантовки способствовало дополнительному скреплению пластин в полосе и выполняло задачу предохранения поддоспешной одежды воина.

Соединение между полосами производилось длинным ремешком, аналогичным по параметрам боковым. При этом две смежные полосы располагались таким образом, что нижняя должна была налегать на верхнюю. Перекрытие составляло 1–1,5 см. Сначала ремешок продевался с изнанки в срединное центральное отверстие крайней пластины верхней полосы. После чего он шел по лицевой стороне, заходя под пластину нижней полосы, и продевался в пару ее срединных верхних отверстий, образуя короткий вертикальный стежок. Затем ремешок возвращался обратно к центральному отверстию верхней полосы и, войдя в него, направлялся к центральному отверстию следующей пластины. В результате с тыла получался длинный горизонтальный стежок. Далее схема повторялась, и каждая пластина верхней полосы удерживала пластину нижней полосы удвоенным ремешком. Поскольку данный такой ремешок был достаточно длинным, это обеспечивало подвижность полос и позволяло им наслаиваться друг на друга в составе панциря при движении (особенно при сгибании корпуса бойца). В снятом виде панцирь складывался в «гармошку», как он и был найден в могиле (рис. 1).

Покрой панциря можно восстановить пока в общих чертах. Это одночастная «кираса», основу конструкции которой составляют пять горизонтальных длинных полос. Они целиком охватывали торс воина от подмышек до начала бедер и связывались между своими торцами на груди либо на одном из боков. Общая высота этой части панциря составляет около 40 см. Ширина первой (нижней) полосы – 8 см, второй – 9 см, третьей – 9 см, четвертой – 8 см, пятой – 10,5 см. Особо выделяется вторая полоса, пластины которой сильно вогнуты. Этот признак характерен для полосы, идущей вокруг талии. Он по-

тий). Понизу ремешки продевались в пары окантовочных отверстий, образуя горизонтальные чередующиеся стежки. С лицевой стороны стежок шел через пару отверстий каждой пластины, с тыльной стороны – через два соседних отверстия смежных пластин. Крепление верхнего края канта было сложнее. Здесь ремешок сначала продевался в крайнее окантовочное отверстие правой пластины, а затем шел по лицевой стороне в ближнее отверстие следующей пластины. Потом с тыла он возвращался ко второму отверстию предыдущей пластины и, пройдя в него, выходил на лицевую сторону, пронизывая себя через прорезанное или проколотое отверстие, и направлялся к ближайшему отверстию третьей пластины, далее следуя по такой же схеме (рис. 2). Этим достигалось более плотное прилегание канта к полосе. На крайних в полосе пластинах кант закреплялся ремешком, связывающим боковые отверстия. Для этого ремешок должен был выниматься из крайней пары боковых отверстий, а затем снова в нее продеваться, пронизывая окантовку. Свободные края ремешка после этого по обеим сторонам полосы завязывались на узелки. У некоторых полос ремешки идут от окантовочных отверстий к боковым, дополнительно прижимая кант с торцов. На большинстве полос кант выглядит сплошным, но есть полоса, где имеется вставка, когда длины заготовки

Рис. 3. Полоса из 19 пластин (вид с двух сторон)

лучил распространение в сянббийском, корейском и японском доспехе в IV–VI вв. н.э. (Горелик, 1993. С. 151. Рис. 1.-10, 21; Горбунов, 2005. С. 209. Рис. 1.-9). Выше уровня подмышек панцирь состоял из более коротких полос, освобождавших руки. Из них полностью реставрированы четыре полосы. Две включают по 19 пластин каждая (рис. 3). Они соединены между собой. Верхняя полоса имеет длину 42 см и ширину 9 см, нижняя – соответственно 43х9 см. Эти полосы являлись завершением наспинной части панциря. Еще одна полоса состоит из восьми пластин (ее размеры – 18,5х8,5 см; рис. 4), а другая – из шести пластин, размерами 13х8 см (рис. 2). Они должны относиться к верху нагрудной части панциря. Оставшиеся фрагменты позволяют предполагать, что панцирь имел также наплечные полосы, соединявшие нагрудную часть с наспинной, и, возможно, небольшие оплечья.

В поздней группе могильника Яломан-II это вторая находка доспеха. Первая в виде полосы из 14 пластин была сделана ранее в кургане №31 из той же группы объектов (Тишкин, Горбунов, 2003. С. 491). Ее сближает с публикуемым панцирем наличие сплошной окантовки полосы, прямоугольная форма большей части пластин и их пропорции (Горбунов, 2003. Рис. 8–11). Различаются системы расположения отверстий. Пластины из кургана №31 имеют только боковые и срединные (верхние и центральное) отверстия, а из кургана №29 – боковые, срединные (верхние и центральное) и окантовочные (верхние и нижние) отверстия. По данному признаку последним аналогична значительная серия пластин из других могильников позднего этапа булан-кобинской культуры (Чендек и Кок-Паш), а также пластины из памятника 2-й половины IV – V в. н.э. одинцовской культуры Татарские Могилки (Горбунов, 2003. С. 36–37), где также был найден целый панцирь покроя «кираса», но двухчастной конструкции из нагрудника и наспинника (Горбунов, 2002).

Рис. 4. Полоса из восьми панцирных пластин

В заключение следует отметить, что находка целого булан-кобинского панциря значительно расширяет наши знания как о защитном вооружении данной культурной общности, так и о доспехе эпохи «великого переселения народов» в целом. Особенно это актуально для изучения покрова панцирей и способов их сборки. Оформление пластин яломанского панциря еще раз подтверждает, что на территории Алтая в IV–V вв. н.э. существовала особая традиция изготовления элементов бронепокрывтия, наиболее совершенная с точки зрения функциональной специализации отверстий (Горбунов, 2003. С. 51, 53). Ее оригинальность заключалась в использовании разнообразных отверстий для крепления канта: верхних, нижних, боковых, что оказало определенное влияние на развитие защитных пластин в соседних регионах Сибири и Центральной Азии.

Библиографический список

- Горбунов В.В.* Панцирь из Татарских могил (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
- Горбунов В.В.* Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Горелик М.В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Тишкин А.А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.

БОЕВЫЕ НОЖИ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ЭПОХИ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ» (по материалам могильника Степушка-I)

А.А. Тишкин, С.С. Матренин, А.В. Шмидт

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022)

Боевые ножи представляют собой отдельную категорию коротко-клинкового оружия и предназначены для ведения ближнего боя. В отличие от кинжалов они имеют только по одному лезвию. К боевым ножам принято относить экземпляры, гарантирующие надежность смертельного поражения или нанесение глубокой раны врагу (Соловьев, 1987. С. 85–87; Худяков, 1997а. С. 130; Горелик, 2003. С. 11; Горбунов, 2006. С. 75–76). Для этого они должны были обладать определенными параметрами.

В погребальных комплексах Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени уже обнаружено не менее 80 экз. боевых ножей. Существенная выборка такого оружия, происходящая из могильника Булан-Кобы-IV, проанализирована Ю.Т. Мамадаковым (1990). Сравнительные описания боевых ножей из отдельных памятников Алтая II–V вв. н.э. содержатся в работах В.И. Соенова и А.В. Эбеля (1992), Ю.В. Тетерина (2004), Ю.С. Худякова (2004), В.В. Боброва, А.С. и С.А. Васютиных (2003). Попытка целостного представления коротко-клинкового оружия булан-кобинской культуры обозначена в диссертации А.В. Эбеля (1998). Результаты типологического исследования рассматриваемой категории находок из погребений Алтая III–V вв. н.э. изложены в монографии В.В. Горбунова (2006). Сложность изучения боевых ножей кочевников Северной и Центральной Азии I тыс. н.э. в основном обусловлена плохой сохранностью таких изделий и ножен. Поэтому обнаружение археологически «целых» предметов на территории Алтая имеет важное значение для специалистов.

После проведения аварийных раскопок курганного могильника булан-кобинской культуры Степушка-I на правом берегу Урсула в Онгудайском районе Республики Алтай (Кирюшин, Шмидт, Тишкин и др., 2011; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011) в 2010 г. была получена коллекция из семи боевых ножей. Представляемая серия позволяет дополнить имевшиеся ранее сведения.

Курган №4. Боевой нож найден в погребении пожилого мужчины, умершего в возрасте около 50 лет*. Обнаруженный экземпляр зафиксирован на правой бедренной кости. Острие оказалось обломано. В таком виде длина находки составляет 15,3 см, из которых 11,6 см приходится на поражающую часть. Форма сечения клинка демонстрирует собой фигуру, напоминающую вытянутый треугольник. Переход лезвия в прямой черен оформлен в виде покато плечика. Максимальная ширина клинка составляет 1,7 см, толщина обуха – 0,5 см (рис. 1.-1). Данный боевой нож имел деревянную рукоять. Следы ножен не зафиксированы.

Курган №5. Боевой нож хорошей сохранности был обнаружен на грудной клетке взрослого обезглавленного мужчины средних лет. Длина изделия достигает 38,7 см, из которых 32,6 см приходится на поражающую часть (рис. 1.-2). Нож имеет остроугольное острие, выгнутую («горбатую») спинку (обух), ровное лезвие и выраженное плечико при переходе его в наклонный черен. Клинок массивный: максимальная ширина составляет 3,8 см, толщина обуха (с учетом коррозии) – 1,9 см. Форма его сечения имеет вид треугольника, у которого боковые стороны выпуклые. На разных участках клинка прослеживался тлен от деревянных ножен. Рядом с плечиком расчищено сильно корродированное металлическое крепление ножен, представленное фрагментами железной окантовки устья в виде обоймы (шириной около 5В см) и бортиком из двух пластин-накладок со стороны лезвия. Последние были вытянуто-прямоугольной формы (размерами 6х1 см) и соединялись между собой с помощью трех вставных шпенок с полусферическими шляпками. Они зажимали боковой край окантовки устья. Центральный шпенок бортика фиксировал хомут в виде полуобоймы, к которой подводилась железная цепочка, состоявшая из витого восьмерковидного звена длиной 3,5 см. Через свободное отверстие в цепочке, по всей видимости, пропускался узкий подвесной портупейный ремешок. Он соединялся с кольцевым блоком железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Окончание ножен могло быть скреплено кожаной петлей, которая не сохранилась. На нижней трети клинка *in situ* зафиксирована железная пряжка Т-образной формы с подвижным язычком на вертлюге и длинным пластинчатым щитком. Изделие лежало перпендикулярно боевому ножу. Пряжка служила для застегивания свисавшего вниз портупейного ремешка, который фиксировался к основному поясу посредством кольцевого блока железной бляхи-полуобоймы. Данные особенности крепления ножен обеспечивали регулируемое ношение оружия.

Курган №7. Боевой нож хорошей сохранности обнаружен в погребении юноши 17 лет. Он располагался на поясе. Установлены следующие морфологические характеристики найденного изделия: острое окончание, слегка выгнутая спинка, практически прямое лезвие, одно покато плечико со стороны режущего края, «треугольная» (ближе к килевидной) форма поперечного сечения клинка, прямая рукоять без перекрестия и навершия (рис. 1.-3). Общая длина описываемого экземпляра составляет 20 см, из которых 15,6 см приходится на клинок. Максимальная ширина клинка – 2,5 см, толщина обуха – 0,9 см. На клинке имелись остатки деревянного каркаса ножен и фиксировались отпечатки кожаной окантовки в области устья ножен. Основа рукояти боевого ножа была выполнена из дерева. Крепление ножен к поясу, по всей видимости, осуществлялось с помощью кожаных ремней.

Курган №13. Боевой нож найден в погребении мужчины, умершего в возрасте 50 лет. Он располагался на поясе. Длина сохранившейся части клинка составляет 13,3 см, длина черена – 4,2 см (рис. 1.-4). Толщина обуха корродированного изделия – 1,2 см. Максимальная ширина поражающей части – 2,3 см. Форма сечения клинка – треугольная. Выявлены следующие особенности конструкции ножен. Деревянная основа футляра (из двух половинок с соответствующими пазами для клинка с кожаным покрытием сверху) имела одностороннюю железную окантовку устья в виде накладки «П-образной» формы с приостренными концами (длиной 9,4 см, шириной 6,3 см). Она фиксировалась с помощью четырех вставных шпенок. С обеих сторон боевого ножа находилась пара железных портупейных колец с пластинами-полуобоймами и без них. Со стороны лезвия зафиксировано два железных витых восьмерковидных звена длиной 9,8 и 4,5 см от цепочки для подвешивания ножен к основному поясу.

Курган №17. Боевой нож обнаружен в погребении юноши 15–16 лет. Он располагался в районе пояса. Этот экземпляр длиной 16,1 см оказался хорошей сохранности. Он имеет острое окончание, выгнутый («горбатый») обух, прямое лезвие, треугольную форму поперечного сечения клинка, одно плечико со сто-

* Информация о половозрастных характеристиках погребенных на могильнике Степушка-I предоставлена заведующей Кабинетом антропологии АлтГУ, канд. ист. наук С.С. Тур.

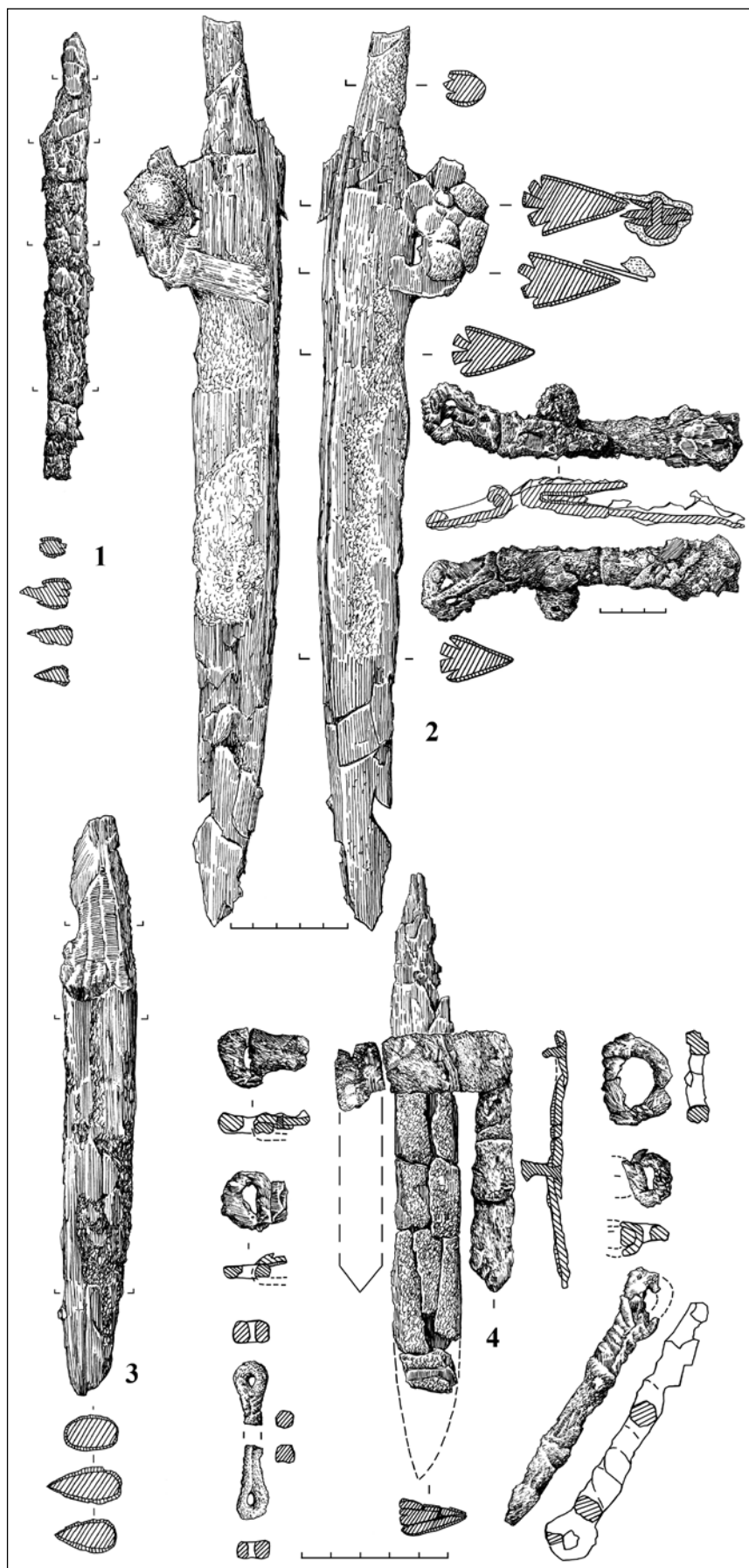

Рис. 1. Боевые ножи и остатки ножен из курганного могильника Степушка-I: 1 – курган №4; 2 – курган №5; 3 – курган №7; 4 – курган №13

роны режущего края, прямую рукоять без перекрестия и навершия (рис. 2.-1). Длина поражающей части составляет 11,8 см, длина черешкового насада – 4,3 см. Максимальная ширина клинка – 2,1 см, толщина спинки – 0,6–1 см. Вместе с ножом зафиксированы железные детали ножен. Среди них находился длинный бортик со стороны лезвия, образованный двумя парами пластин вытянуто-прямоугольной формы (шириной 0,9 см, длиной 5,2 и 6,8 см соответственно), которые накладывались друг на друга и соединялись между собой вставными шпеньками с выпуклыми шляпками. Бортик полностью обрамлял боковую сторону ножен, выполненных из дерева и кожи. Сами ножны подвешивались к поясу с помощью железной цепочки, состоящей из витого восьмерковидного звена длиной до 3,5 см. Один конец цепочки крепился к бортику металлическим хомутиком с помощью шпенька, а другой завершался пластиной-полуобоймой со шпеньком, присоединившейся к портупейному ремешку. Последний, по-видимому, вертикально свисал с кольцевого блока железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Окончание ножен имело регулируемое соединение с поясом за счет портупейного ремешка, застегиваемого в пряжке с подвижным язычком на вертикальном (рис. 2.-1).

Курган №19 содержал погребение взрослого мужчины 35 лет. У правого крыла таза острием в направлении головы человека расчищен массивный нож общей длиной 36,7 см. Он имеет острое окончание, треугольную форму сечения клинка, почти прямой обух, покатые плечики, наклонную в сторону лезвия рукоять без перекрестия и навершия (рис. 2.-2). Описываемый экземпляр характеризуется следующими пара-

метрами: длина клинка – 32 см, его наибольшая ширина – 3,4 см, толщина спинки – 1–1,3 см, длина обломанного черена – 4,7 см. Основа ножен – деревянная, покрытая сверху кожей. Устье ножен окантовано железной обоймой прямоугольной в плане формы (размерами 4х2,1 см) с парой симметрично расположенных отверстий по бокам, в которые вставлялись железные шпеньки-заклепки. Со стороны лезвия к ней примыкал бортик из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы шириной 1 см, длиной не менее 6 см, которые соединялись между собой тремя вставными шпеньками с полусферическими шляпками. Бортик зажимал боковой край устьевой окантовки. Примерно в средней части длины ножны охватывала еще одна железная обойма, сохранившаяся в виде нескольких небольших фрагментов. Лицевая сторона окончания ножен была снабжена железной накладкой листовидной формы с максимальными размерами 4,6х3,2см, фиксировавшейся к деревянной основе шпеньками-заклепками.

Ножны подвешивались к основному поясу с помощью железной цепочки, состоявшей из одного витого восьмерковидного звена длиной 3,5 см, фиксирующегося к бортику с помощью хомутика-петли. Другой конец цепочки крепился к портупейному ремешку посредством железной полуобоймы со шпенком, пропущенной в отверстие звена. К окончанию ножен был подведен еще один портупейный ремешок, застегивающийся на железную пряжку с подвижным язычком. Оба портупейных ремня подвешивались к кольцевым блокам железных блях-полуобойм основного пояса. Завершая рассмотрение данного боевого ножа, стоит подчеркнуть, что в погребении он был ориентирован острием к голове человека, а основной пояс лежал в перевернутом виде.

Курган №21. Боевой нож найден в погребении ребенка 5–6 лет у пояса. Он имел острое окончание, треугольную форму сечения клинка, выгнутую спинку, прямое лезвие, покатые плечики, наклонную в сторону лезвия рукоять без перекрестия и наверхия (рис. 2.-3). Общая длина изделия – 25,6 см: клинок – 19 см, черен рукояти – 6,6 см. Толщина обуха достигает 0,8 см, максимальная ширина поражающей части – 3,1 см. Нож был помещен в ножны, состоявшие из двух деревянных планок, покрытых сверху полированной кожей. Устье ножен скрепляла железная обойма прямоугольной формы шириной 4 см. Еще одна похожая обойма шириной 3 см окантовывала участок ниже. Бортик ножен размещался со стороны лезвия и состоял из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы размерами 5,7х1,3 см, соединявшихся между собой тремя шпеньками с полусферическими шляпками. Бортик зажимал боковой край окантовки устья ножен со стороны лезвия. Центральный шпенок фиксировал хомут в виде пластины-полуобоймы, к которому крепилась железная цепочка, сделанная из трех витых восьмерковидных звеньев разной длины. Хомут пропусклся в отверстие крайнего звена. Аналогичным образом осуществлялось крепление противоположного конца цепочки с железной накладкой основного пояса, представляющей собой прямую пластину (размерами 4,6х2 см) со шпеньками. Возможно, что к окончанию ножен подводился портупейный ремешок, вертикально свисавший с основного пояса.

Обнаруженные на могильнике Степушка-I боевые ножи могут быть разделены на два типа: 1) экземпляры с прямым череном (курганы №4, 7, 13, 17); 2) образцы с череном, наклоненным к лезвию (курганы №5, 19, 21). В памятниках булан-кобинской культуры Алтая ножи с прямым и наклонным захватом рукояти встречаются одинаково часто. Практика оружейно-этических исследований показывает, что такие боевые ножи имеют широкое распространение. Изделия с рассмотренными морфологическими характеристиками впервые появляются на Алтае во II в. н.э., возможно, под влиянием позднехуннской военной традиции (Коновалов, 1976. Табл. XVI.-5, 8; Цэвэндорж, 2000. Рис. 6.-3; 10.-1; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003. С. 183. Рис. 19). Верхняя хронологическая граница бытования их в снаряжении кочевников региона доводится до XIV в. (Горбунов, 2006. С. 77). Местным прототипом боевых ножей с наклонным череном могли быть кинжалы без дополнительных деталей на рукояти, известные в ранних булан-кобинских погребениях на могильнике Усть-Эдиган (Худяков, 1997б. Рис. 3). Определенно стоит говорить, что боевые ножи с таким оформлением захвата пользовались большой популярностью у населения Алтая со II по V в. н.э. и редко встречаются в раннем средневековье. Подобные боевые ножи известны в Туве в материалах кокзельской культуры (III–V вв. н.э.) и на Среднем Енисее в памятниках таштыкской общности (Кызласов, 1960. Рис. 30.-8; 51.-7; Дьяконова, 1970. Табл. X.-22, 33; Памятники..., 2011. С. 44).

Достаточно информативными в плане относительной хронологии являются ножны, имевшие деревянную основу с одной или двумя железными обоймами и бортиком из двух железных пластин-накладок, подвешивавшихся к основному поясу с помощью цепочки из одного или нескольких восьмерковидных звеньев. Аналогии им зафиксированы в погребениях булан-кобинской культуры, исследованных на могильниках Пазырык, Кок-Паш, Булан-Кобы-IV и Яломан-II (Гаврилова, 1965. Рис. 3.-5–7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003. Рис. 35.-7–9; Тишкин, Горбунов, 2007. Рис. 1. С. 172). Важно отме-

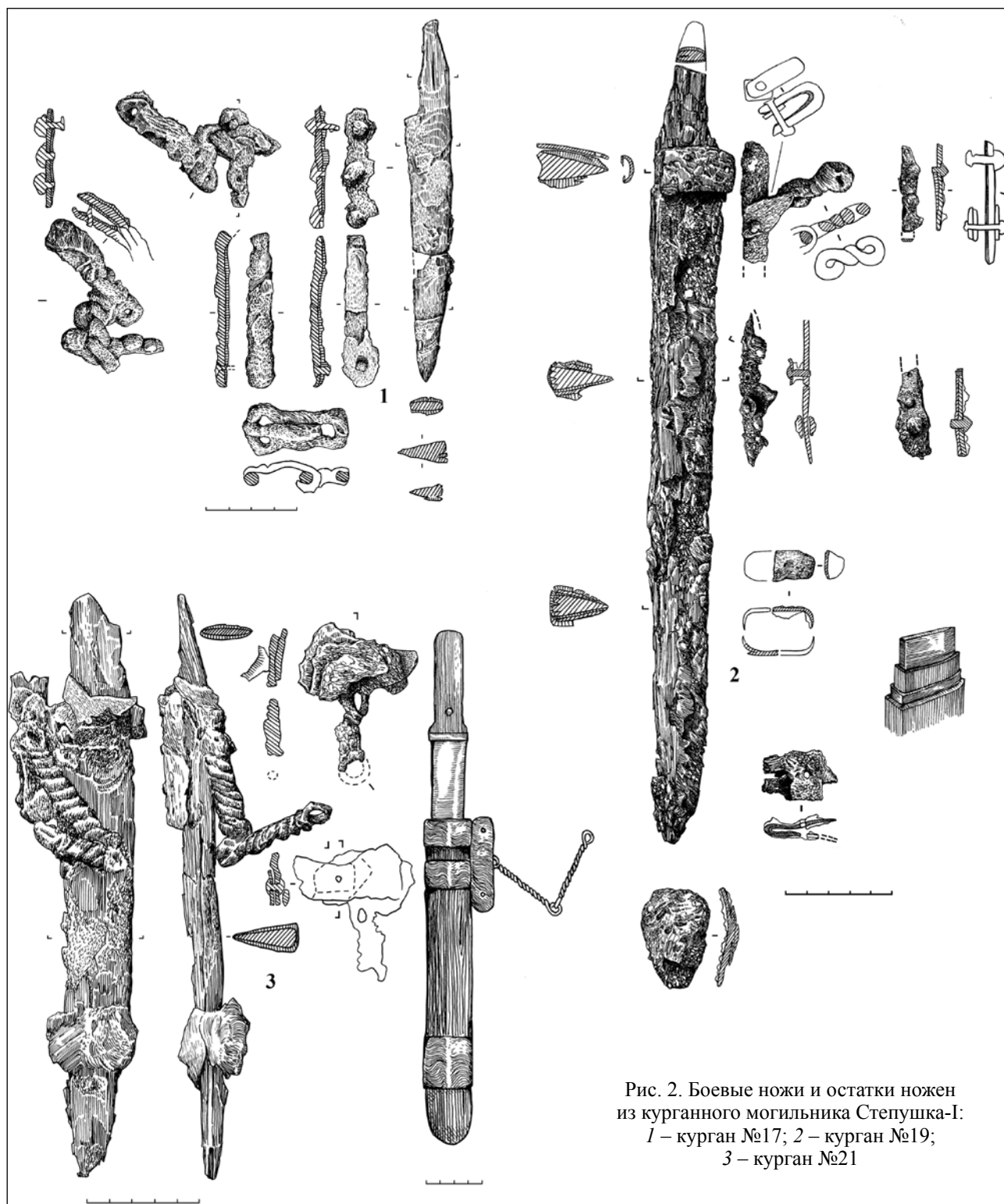

Рис. 2. Боевые ножи и остатки ножен
из курганного могильника Степушка-I:
1 – курган №17; 2 – курган №19;
3 – курган №21

тить, что на Алтае найдено больше всего хорошо сохранившихся и археологически реконструируемых изделий. В Туве железные цепочки встречаются в комплексах кокзельской культуры, датирующихся не ранее конца III в. н.э. Однако в исключительно редких случаях они присоединялись к ножам, имевшим железные обоймы (Николаев, 2000. Рис. 3.-1, 2). Еще один регион применения ножен с железными цепочками связан с ареалом распространения ранних памятников (2-я половина IV – V в. н.э.) одицовой культуры в Верхнем Приобье, куда они попадают, скорее всего, от кочевников Алтая (Грязнов, 1956. Табл. XXXII.-22; XLI.-10). Похожие по конструкции ножны (иногда с цепочками) известны в лесных культурах Приобья в V–VI вв. н.э. (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 2.-1; 5.-5; 8.-2; 14.-4; 53.-7, 8; Соловьев, 1987. Рис. 20.-7–8).

Все боевые ножи в могильнике Степушка-I происходят из погребений лиц мужского пола разного возраста. Несмотря на это, выявлена тенденция более частого присутствия данного вида оружия в захоронениях с «богатым» инвентарем (Матренин, 2005. С. 19). Обнаружение боевого ножа в могиле ребенка 5–6 лет (курган №21) определенно указывает на его высокое социальное положение, обусловленное происхождением. Похожая ситуация нахождения боевого ножа в погребении ребенка малого возраста зафиксирована при раскопках некрополя Белый-Бом-II (Глоба, 1983. С. 120).

Изучение взаимной встречаемости ножен с железными цепочками в закрытых комплексах булан-кобинской культуры с другими датирующимися категориями инвентаря показывает факт предпочтительного появления их на Алтае в IV в. н.э. с верхней хронологической границей бытования в данном регионе в рамках V в. н.э. Аналогичные наблюдения в отношении курганный группы Степушка-I подтверждаются полученными показателями радиоуглеродного датирования (Ле-9433–9438; ИМКЭС-14С94–95).

В заключение данной публикации стоит подчеркнуть, что коллекция боевых ножей из могильника Степушка-I расширяет наши представления о коротко-клиновом оружии населения булан-кобинской культуры и дает возможность внести уточнения в реконструкцию частично сохранившихся ножен из памятников Алтая и сопредельных территорий. Обнаруженные ножны с цепочками выступают хроноиндикатором комплексов IV–V вв. н.э. и одним из маркеров поздней фазы бело-бомского этапа булан-кобинской культуры.

Библиографический список

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. (МИА, №48).
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л., 1970.
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «Великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул, 2011. Вып. 7.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
- Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. Памятники кокельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб., 2010.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи Великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3.
- Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух-I в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997а.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997б. Вып. 2.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998.

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар, 2003 (на монг. яз.).

Цэвээндорж Д. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хүннү булш // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2000. Т. XX. Fasc. 1–11 (на монг. яз.).

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ I тыс. н.э.

А.В. Харинский, Н.О. Кожевников, С.В. Снопков

*Иркутский государственный технический университет, Иркутск;
Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск;
Центр детско-юношеского туризма и краеведения, Иркутск, Россия*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №10-05-00263
«Исследование памятников древней металлургии железа в Приольхонье методами археогеофизики»)

С конца I тыс. до н.э. предметы из железа становятся преобладающими в составе орудийного комплекса жителей западного побережья оз. Байкал. Из него делали оружие, элементы конской упряжи, орудия труда, детали одежды и т.д. Изделия из других металлов (медь, олово, серебро и т.д.) в то время продолжают использоваться преимущественно для украшений (Харинский, 2005; Харинский, Коростелев, 2011). Возросшая потребность в железе способствовала увеличению его производства, что привело к развитию металлургической базы региона. Ее основы были заложены в начале елгинского этапа благодаря созданию металлургических центров, два из которых – Барун-Хал-III и Курминское озеро-I, к настоящему времени частично исследованы (Кожевников и др., 2000; Kozhevnikov et al., 2001; Харинский, Снопков, 2004). В I тыс. н.э. площадь металлургических центров увеличивается. Новые сыродутные печи или вплотную примыкают к более ранним конструкциям, или сооружаются недалеко от них. Как и в конце I тыс. до н.э., в то время на западном побережье Байкала сооружались только ямные горны. Они исследованы на двух металлургических центрах Приольхонья – Барун-Хал-III и Курминское озеро-I.

Металлургический центр Барун-Хал-III располагается в одноименной пади, на левом берегу Кучулга, в 800 м к северо-западу от пос. Черноруд, на высоте 30 м от уреза реки. В 1998–2000 гг. на территории, прилегающей к памятнику, проведена комплексная археогеофизическая съемка, результаты которой использовались для оптимизации раскопочных работ и оценки археометаллургического потенциала территории (Кожевников и др., 1998; Агафонов, Кожевников, 1999). В результате магнитной съемки выявлены магнитные аномалии разной формы и амплитуды. В пределах одной из аномалий для выяснения ее структуры и определения оптимальных мест для раскопок в 2001 г. была проведена детальная магнитная съемка по сети 1х2 м (Кожевников, Харинский, 2005). Аномалия состоит из двух пересекающихся S-образных ветвей. Большая из них – длиной 35 м ориентирована по линии ЮВ–СЗ, а меньшая – протяженностью 25 м – направлена по линии Ю–С.

В 2001 г. в северо-западной части большой S-образной аномалии заложен разведочный шурф размером 1х2 м. Им вскрыт участок искусственной траншеи, ориентированной по линии с азимутом 340°. В разрезе траншея имела трапецевидную форму. Ширина ее верхней части – 0,9–1,1 м, нижней части – 0,5–0,6 м. Глубина траншеи около 0,5 м. Она заложена из основания слоя темно-серой гумусированной супеси, с глубины 0,4 м от современной поверхности земли.

Стенки траншеи подверглись пирогенному воздействию, вследствие чего приобрели оранжево-красный цвет. Заполнение траншеи представлено угленасыщенной темно-серой гумусированной супесью с дресвяно-щебневым материалом, включающим железные шлаки разных размеров (следы железоделательного производства) и фрагменты глиняной обмазки. По древесному углю, собранному в траншее на глубине около 40 см от поверхности земли, получена радиоуглеродная дата – 1110±80 л.н. (СОАН-4595).

В 2002 г. в юго-восточной части большой S-образной аномалии заложен раскоп размером 3х4 м, длинными стенками ориентированный по линии Ю–С (Кожевников, Харинский, 2003). В 2003–2004 гг. он был расширен. Общая площадь раскопа составила 28 кв. м. В результате вскрыт участок траншеи и два сыродутных горна. Северный конец траншеи уходит за пределы раскопа, а юго-восточный соединяется с горном №2. В средней и северной части раскопа траншея ориентирована по линии с азимутом

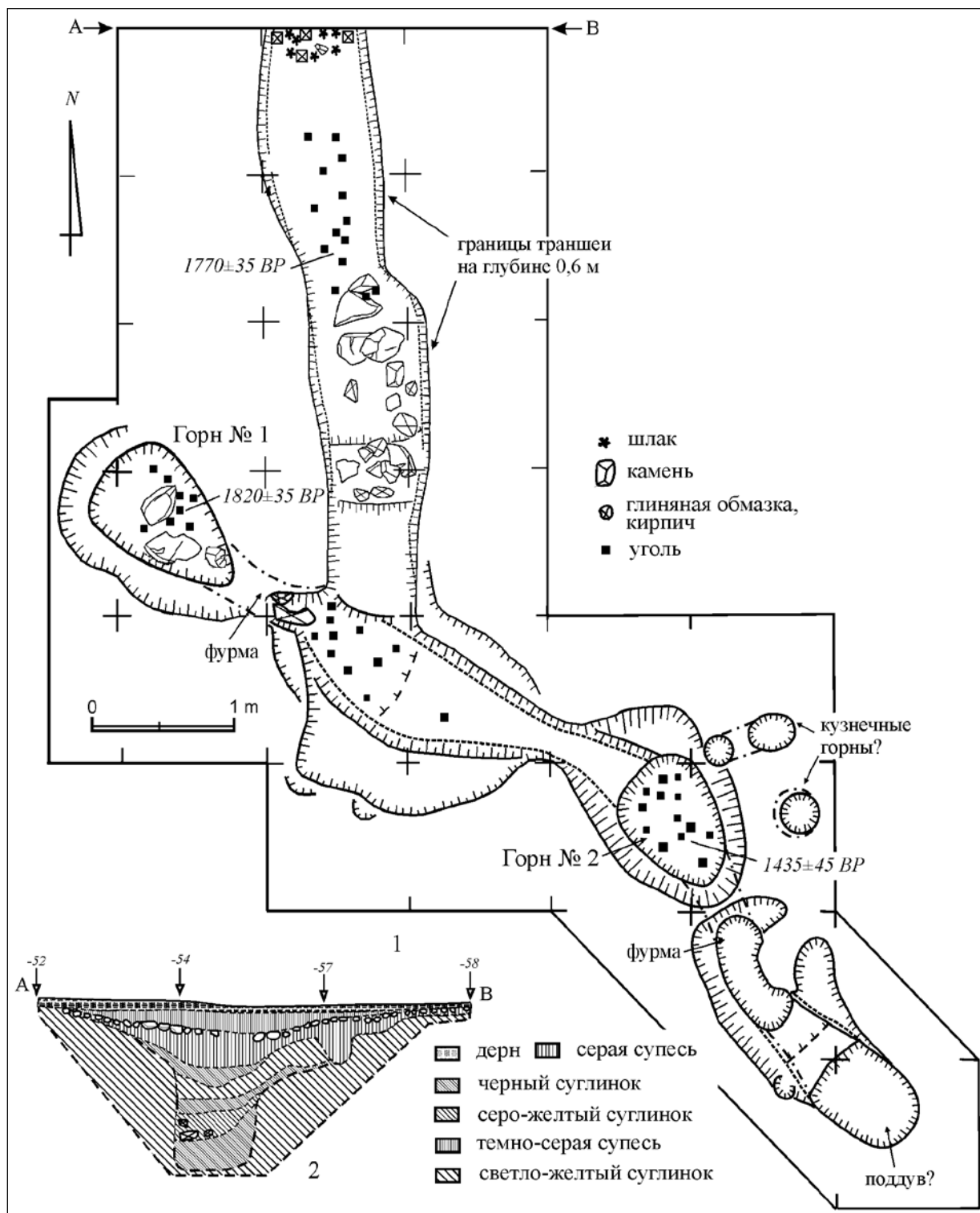

Рис. 1. Барун-Хал-III: 1 – план юго-восточной части комплекса №1; 2 – разрез пригорновой траншеи

355°. В южной части раскопа она поворачивает на юго-восток, следуя по азимуту 115°. В районе изгиба (колена) траншея посредством фурмы соединяется с горном №1. В метре к северу от места соединения с горном поперек траншеи сооружена перемычка из камней шириной 0,4 м и высотой 0,5 м. На стенках траншеи зафиксированы следы прокала, окрасившего их в оранжевый цвет. По углю, собранному на дне траншеи, получена радиоуглеродная дата 1770 ± 35 л.н. (СОАН-4883).

В северной части раскопа глубина траншеи около 1 м. Вверху ее ширина составляла 2,2 м, стенки располагались наклонно к центру, как бы образуя воронку. На глубине 0,5 м стенки становятся вертикальными. Ширина траншеи достигает 0,5 м. Она вырыта в плотном желтом суглинке. Плотная струк-

тура суглинка с трудом подвергалась разрушению, поэтому вырытые в нем углубления долго сохраняли свои первоначальные пропорции. Для укрепления стенки траншеи подвергали обжигу, отчего они спекались и становились еще более прочными.

В юго-западной части раскопа вскрыт сыродутный горн №1, имеющий в плане треугольную форму. Длинной осью он ориентирован по линии с азимутом 312°. Ширина загрузочного отверстия горна в северо-западной части – 0,7 м, длина – 1,15 м. Горн вырыт в плотном желтом суглинке. Он заложен из основания серой супеси с глубины 0,35–0,39 м от поверхности земли. На стенках горна фиксируются следы глиняной обмазки, подвергнутой сильному обжигу. Сверху горн перекрывало несколько беспорядочно расположенных камней. Заполнение горна представлено черным рыхлым суглинком с углями, глиняной обмазкой и железными шлаками. Глубина рабочей камеры горна 1,1 м. Ее дно понижается в юго-восточном направлении, переходя в фурму, которая соединяется с траншеей. В поперечном сечении фурма имеет форму ориентированного по вертикали овала высотой 0,5 м. Ее ширина у юго-восточного конца 0,5 м, а в средней части – 0,3 м. По углю из горна получена радиоуглеродная дата 1820±35 л.н. (СОАН-4882).

Юго-восточный край траншеи упирается в горн №2, имеющий загрузочное отверстие яйцевидной формы. Длинной осью он ориентирован по линии с азимутом 338°. Ширина загрузочного отверстия горна – 0,65 м, длина – 0,92 м. Горн вырыт в плотном желтом суглинке. Верхняя часть рабочей камеры заполнена темно-серой супесью со шлаками и фрагментами глиняной обмазки. Ниже располагается черный суглинок с углем, включающий мелкие камни, шлаки и фрагменты обмазки. Высота рабочей камеры горна 0,75 м. Ее дно понижается в юго-восточном направлении, переходя в фурму. Внешний конец фурмы соединяется с пригорновым углублением овальной формы, выходящим на древнюю поверхность. В поперечном сечении фурма имеет форму арки высотой 0,45 м и шириной 0,4 м. Подземным каналом, возможно поддувом, фурма соединяется с еще одним отверстием, выходящим на поверхности земли. Отверстие для поддува арочной формы размерами 0,55х0,73 м. Выгнутая часть отверстия обращена в сторону, противоположную горну. По углю из горна получена радиоуглеродная дата 1435±45 л.н. (СОАН-5282).

К востоку от горна №2 обнаружены две ямки с обожженными стенками. Одна из них круглой формы диаметром 60 см. Другая, расположенная в 0,7 м к северу от первой, овальной формы размерами 50х70 см. От второй ямы отходит подземный канал, ориентированный по линии с азимутом 255°, который соединяется другим концом с круглой ямой диаметром 45 см. Малые формы ям свидетельствуют о небольших объемах обрабатываемого в них металла. Возможно, они являлись кузнечными горнами.

В результате земляных работ, проведенных в разных частях большой S-образной аномалии, установлено, что на ее месте находится траншея, с расположенными возле нее железовосстановительными горнами. Сконцентрированным в этом месте металлургическим сооружениям дано название комплекс №1. Форма аномалии повторяет пропорции траншеи.

Семь горнов I тыс. н. э. (№1, 4–9) и два горна I тыс. до н.э. (№2–3) исследованы на металлургическом центре Курминское озеро-I, который располагается в 2 км к северо-северо-востоку от с. Курма, на юго-западном склоне отдельно стоящего холма. Металлургический центр обнаружен в результате геофизических работ. На исследованном участке выявлены три аномалии магнитного поля. Размеры самой крупной S-видной аномалии (№1), ориентированной по линии ЮВ–СЗ – 5х12 м. В 1,5 м к северо-востоку от аномалии №1 зафиксирована округлая аномалия размерами 6,5х7,0 м. Аномалия №3 находится в 6 м к юго-западу от аномалии №1. Она овальной формы, размерами 2,5х4,5 м. На месте аномалии №1 заложен раскоп. В ходе земляных работ выявлено, что пропорции аномалии совпадают с очертаниями металлургических сооружений – горнов, пригорновой ямы и траншеи. Вместе они образуют комплекс №1, центром которого являются пригорновая яма и отходящая на юго-восток от нее траншея.

Все горны были вырыты в слое плотного желтого суглинка. Рабочие камеры горнов №1–5 воронкообразной формы. Подземными каналами – фурмами – они соединялись с пригорновыми ямами. Высота рабочих камер 1,2–1,4 м. Загрузочные отверстия треугольной формы, размерами 0,55–0,90х0,75–1,10 м. В вертикальной проекции задняя и передняя стенки горнов практически прямые. Наклон задних стенок 133–145°, передних – 170–175° (наклон 0° – направление вертикально вверх). Длина фурм 0,2–0,7 м. Ширина внешнего края фурм (обращенного к пригорновой яме) 0,45–0,50 м, высота 0,55–1,00 м. В разрезе фурмы напоминали вертикально вытянутый овал. Ширина внутреннего края фурм 0,40–0,45 м, высота 0,55–0,65 м.

Горны №6–9 располагались цепочкой вдоль пригорновой траншеи. Горны №6–8 находились к северо-востоку от нее, горн №9 – к юго-западу. Внутренний край фурмы этих горнов располагался ниже внешнего края, выходящего к пригорновому углублению. Загрузочные отверстия горнов тре-

угольной формы и обращены приостренной частью к пригорновому углублению. Длина отверстий 0,65–0,80 м, ширина 0,48–0,56 м. Высота рабочих камер горнов 0,24–0,45 м. Наклон задних стенок 136–180°. Наклон передних стенок 170–175°. Форма рабочих камер напоминала вытянутый цилиндр или сегмент, в сечении они соответствовали четырехугольнику. Длина фурм 0,12–0,36 м. Высота внутреннего края фурм 0,18–0,34 м, ширина 0,16–0,34 м. В сечении они имели вид арки. Высота внешнего края 0,28–0,34 м, ширина 0,18–0,35 м. Пригорновые углубления трапецевидной, арочной, овальной или четырехугольной форм. Их узкий край обращен в сторону горна.

По металлургическому центру Курминское озеро-I получены три радиоуглеродные даты: горн №2 – 2240±30 л.н. (СОАН-4105), горн №5 – 1680±40 л.н. (СОАН-4331), горн №4 – 1635±55 л.н. (СОАН-4329). Судя по ним, а также по планиграфии и стратиграфии, первоначально сооружения комплекса №1 ограничивались круглой пригорновой ямой, к которой выходили фурмы горнов №2 и 3. В последующее время к востоку от пригорновой ямы была вырыта траншея. Около нее заложен горн №1, затем горны №5 и 4. После окончания работы горн №1 был законсервирован. У внешнего края его фурмы пригорновая траншея была завалена кирпичами, камнями и обломками обмазки. Время работы горна №5 можно соотнести с III–V вв., горна №4 – с III–VI вв. Затем оба горна тоже были засыпаны. В пригорновой траншее у внешнего края фурмы горна №4 сохранилась обкладка из кирпичей и камней.

После того как была сооружена пригорновая траншея, началось строительство горнов №6–9. Их расположение и ориентировка соотносились с пропорциями траншеи. Поэтому время существования этих горнов может соответствовать середине – концу I тыс. н.э.

Исследованные на Барун-Хале-III и Курминском озере-I металлургические сооружения демонстрируют последовательно изменявшиеся представления о технологии получения железа. До II в. н.э. горны располагались вокруг ямы, с которой они соединялись посредством фурмы. Конструкция горна напоминала воронку, горловина которой (фурма) выходила в пригорновую яму. В начале I тыс. вмести ям начинают сооружаться траншеи, вокруг которых также располагались воронкообразные горны. Конструкция горнов в это время не претерпела значительных изменений. Лишь в середине I тыс. появляются горны, у которых фиксируется горизонтальное дно, как у горна №4 с Курминского озера-I (Харинский, Снопков, 2004). К числу наиболее ранних воронкообразных горнов, соединяющихся фурмой с траншеей, относится горн №1 с Барун-Хала-III, использовавшийся в пределах II–III вв. н.э. Одна из траншей связала горн №1 с горном №2, функционировавшим в VI–VII вв. н.э. Его конструкция существенно отличается от воронкообразного горна. Внешняя часть фурмы горна не спускается вниз к яме или траншее, а поднимается вверх, образуя пригорновое углубление. В продольном сечении горн напоминал дугу, один из концов которой образует рабочая камера, а другой – пригорновое углубление. Средняя часть горна представлена фурмой. Горны подобной конструкции появляются в середине I тыс. н.э. и знаменуют новые тенденции в развитии металлургии железа. Дугообразные горны меньших размеров, такие как №6–9 на Курминском озере-I, могли использоваться для кузнечных работ.

Библиографический список

- Агафонов Ю.А., Кожевников Н.О. Геофизические исследования при изучении археологического памятника железного века на Чернорудском участке (Приольхонье) // Геофизика на пороге третьего тысячелетия: труды первой Байкальской молодежной школы-семинара. Иркутск, 1999.
- Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Харинский А.В. Как поиски решения геофизической проблемы привели к открытию археологического памятника // Геофизика. 1998. №6.
- Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Никифоров С.П., Снопков С.В., Харинский А.В. Древний центр металлургии железа в пади Барун-Хал // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 2.
- Кожевников Н.О., Харинский А.В. Памятник древней металлургии железа Барун-Хал III // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003.
- Кожевников Н.О., Харинский А.В. Магнитное поле в пади Барун-Хал и его связь с объектами древней металлургической деятельности // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2005. Вып. 3.
- Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2005. Вып. 3.
- Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2004. Вып. 2.
- Харинский А.В., Коростелев А.М. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.
- Kozhevnikov N.O., Kozhevnikov O.K., Kharinsky A.B. An accidental geophysical discovery of an Iron Age archaeological site on the western shore of Lake Baikal // Journal of Applied Geophysics. 2001. №47.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 2-Й ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э.

И.В. Аськеев*, Д.Н. Галимова*, К.А. Руденко**

**Институт проблем экологии и недропользования АН РТ;*

***Государственный университет культуры и искусств, Казань, Россия*

Одно из ключевых событий в середине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье – формирование нового населения, своим происхождением не связанного с предшествующим. Археологическим его выражением стала именьковская культура. Ее генезис сложен, однозначно не определены и ее этнокультурные доминанты. До сих пор нет ясности в развитии именьковской культуры, ее начало и финал.

Можно согласиться с мнением Д.А. Сташенкова (2010. С. 111, 116), что ранний период именьковской культуры (до VI в. н.э.) характеризуется разнообразием в культурном (и, вероятно, этническом) плане, более эклектичен по сравнению с последующим. Поздний период (VI–VII вв.) наиболее ярко представлен материалами с археологических памятников на территории Татарстана, из которых выделяется II Коминтерновский могильник, исследованный Е.П. Казаковым (2011. С. 101), и изученное в последние годы II Тетюшское городище (Руденко, 2010, 2011).

Существует несколько гипотез о финале именьковской культуры. Не останавливаясь на этой теме, требующей специального освещения, отметим, что по материалам археологических памятников именьковской культуры Казанского Поволжья прекращение функционирования некоторых из них связано с какими-то катастрофическими событиями. Е.П. Казаков (2012. С. 118) пишет, что «...на ряде именьковских памятников отмечены следы гибели и разрушения. Так, на селище Девичий городок в низовьях р. Камы выявлено покинутое жилище, в котором стояла нетронутая посуда, хозяйственные ямы, забитые пережженным зерном, ямы, куда были брошены остатки человеческих скелетов». Датируются им эти события последней третью VII в. н.э. (т.е. приблизительно 670-е гг. н.э.).

Указанный исследователь считает, что причиной этого стало проникновение с востока на территорию именьковской культуры групп угорского населения (кушнаренковская культура). Заметим, что человеческие останки имеются и в заполнении ям и сооружений II Тетюшского городища (Руденко, 2010. С. 39, 47, 49; Аськеев И.В., Галимова, Аськеев О.В., 2012. С. 15). На костях отсутствуют следы огня, хотя, несомненно, в этот период поселение сильно пострадало от пожара, т.е. они не были его жертвами. Датируются эти сооружения (по стратиграфии и находкам) VII в. К этому времени относятся и находки семи железных топоров, брошенных около жилой постройки.

Стоит отметить еще один момент: обнаружены костные остатки черной крысы на II Тетюшском городище (Аськеев И.В., Галимова, Аськеев О.В., 2012. Табл. 3), датированные также VII в. Этот факт представляется весьма важным в рассмотрении проблем финальной истории именьковской культуры.

Конец IV в. н.э. в Европе отмечился резким похолоданием, пик которого пришелся на следующее, пятое, столетие. В целом же влияние похолодания ощущалось вплоть до VIII в. падением урожайности и подтоплением отдельных регионов Северной и Северо-Западной Европы (Борисенко, Пасецкий, 1988). Похолодание привело к резкому снижению урожая и повсеместному голоду, что стало причиной значительных миграций населения и войн (Than, 2009. Р. 9). В связи с этим население территорий с континентальным климатом устремилось в районы с более мягким климатом. Однако особое место в структуре климатических изменений занимает природный катаклизм, произошедший в первой трети VI столетия. Об этом событии говорят как о «катастрофе 535–536 гг.», «дымном покрове», «времени помраченного солнца» и «годах без лета». Похолодание 535–536 гг. – самое резкое понижение среднегодовой температуры во всем Северном полушарии за последние 2000 лет (Briffa et al., 1992. Р. 111–119; Abbott et al., 2008; Хантемиров, 2009). Предполагаемая причина похолодания – резкое снижение прозрачности атмосферы в результате нескольких крупных извержений вулканов (Larsen, et al., 2008; Философов, 2011. С. 66) в тропиках или в результате столкновения с крупным метеоритом (Than, 2009. Р. 9).

Все эти проявления крайне неблагоприятной природной обстановки и значительные миграции народов и вместе с тем расселение черной крысы (*Rattus rattus* L.) в Европе привели к появлению и развитию первой мировой пандемии чумы (McCormick, 2003. Р. 1–25). Впервые зарегистрированная в Восточной Римской империи во время правления византийского императора Юстиниана I и поэтому названная Юстиниановской чумой. С разной силой эта пандемия проявлялась на протяжении двух веков (540(541) – 750 гг. н.э.). Считается, что первый источник чумы появился в Эфиопии или Египте, после чего по торговым каналам (Средиземноморье) болезнь достигла Константинополя, далее из этого центра распространилась на северные, южные и восточные части Византии, затем перекинулась и на соседние страны, а к концу 654 г. эпидемия прошла по Северной Африке, всей Европе, Центральной и Южной Азии и Аравии, не было ее только в Восточной Азии (Plague and the End of Antiquity..., 2007).

Считается, что главным носителем чумной инфекции в период первой пандемии была блоха (*Xenopsylla cheopis* Rothschild, 1903), паразитирующая на грызунах, в том числе на черной крысе. Черная крыса являлась одним из главных переносчиков бубонной чумы в средневековой Европе. Немногочисленность находок костей черной крысы в археологических памятниках позднего периода античности и раннего средневековья в материковой части Европы заставляет некоторых исследователей сомневаться, что пандемия была вызвана чумной инфекцией (Armitage, 1994. Р. 231–240; Audoin-Rouzeau & Vigne, 1994. Р. 125–145; Ruffino & Vidal, 2010. Р. 2389–2394). Однако анализ костей и зубов человека на предмет наличия следов ДНК возбудителя смог дать однозначный ответ на вопрос, какая инфекция вызвала пандемию в раннем средневековье Европы: это бубонная чума, вызванная возбудителем (*Yersinia pestis* (Lehmann & Neumann, 1896) van Loghem, 1944)) (Wiechmann & Grupe, 2005. Р. 48–55; Antoine, 2008. Р. 101–114). Также выяснено, что все пандемии чумы в средневековой Европе были вызваны возбудителем *Yersinia pestis* восточного генотипа (Drancourt et al., 2004. Р. 1585–1592). Возможно, в течение первой пандемии чумы возникла цикличность проявления эпидемии в 8–12 лет. Что из опыта исследования влияния природных явлений эпохи «великого переселения народов» на процессы жизни человека для Западной Европы и Передней Азии можно перенести на территорию крайнего востока Европы? Это могут быть следующие сюжеты.

1. Глобальные климатические изменения, приводившие к крайне нестабильным проявлениям климата (резким и долговременным похолоданиям, многолетним засухам), охватившие все пространство Северной Евразии на протяжении конца 1-й половины и всей 2-й половины I тыс. н.э.

2. Находки костных остатков черной крысы в археологических памятниках (II Тетюшское городище, именковская культура), потенциально демонстрирующие возможность существования и резервуара для переноса чумной инфекции и возникновения очага бубонной чумы. Кроме того, находки костных остатков данного вида наглядно показывают тесные торговые связи с южными и юго-западными районами Восточной Европы, а также высокий миграционный потенциал населения носителей именковской культуры.

3. Предлагается гипотеза, что следы пожаров на памятниках VI–VII вв., после которых поселение либо прекращало существование, либо возрождалось, были частично связаны с периодически возникавшими и циклическими эпидемиями, в том числе чумы и натуральной оспы. Относительно большой процент находок костных останков человека (II Тетюшское городище, именковская культура) в культурном слое и объектах, принадлежащих детям в возрасте до 6 лет, может также говорить о высокой детской смертности. Подобная картина наблюдалась на ряде средневековых археологических памятников с территории Британии, Венгрии, где была определена прямая связь высокой смертности детей от чумной и оспинной инфекций (Lewis, 2007).

Библиографический список

- Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Археозоологические исследования Тетюшского II городища (раскопки 2009 и 2010 гг.) // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012.
- Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
- Казаков Е.П. О сармато-аланском компоненте в культуре ранней Волжской Болгарии и его происхождение // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Казань, 2011.
- Казаков Е.П. Раннеболгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012.
- Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань, 2010.
- Руденко К.А. Древние Тетюши: археологическое исследование. Казань, 2011.
- Сташенков Д.А. О ранней дате именковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. XV.

- Философов И.Ю. Климатическая катастрофа 535–536 годов, «возвращение герулов» и миф о Рагнарёке // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Т. 11: Международные отношения. 2011. Вып. 1.
- Хантемиров Р.М. Динамика древесной растительности и изменения климата на севере Западной Сибири в голоцене: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Екатеринбург, 2009.
- Abbott D.H., Biscaye P., Cole-Dai J., Breger D. Magnetite and Silicate Spherules from the GISP2 Core at the 536 A.D. Horizon. American Geophysical Union, V. 89, Fall Meeting, Abstract, PP41B-1454, 2008.
- Antoine D. The Archaeology of «Plague», Medical History Suppl. 2008 (27).
- Armitage P.L. Unwelcome Companions: Ancient Rats Reviewed. Antiquity, 1994. Vol. 68.
- Audoin-Rouzeau F. and Vigne J.D. La Colonisation de l'Europe par le Rat Noir (*Rattus rattus*). Rev. Paleobiol., 1994. Vol. 13.
- Briffa K.R., Jones P.D., Bartholin T.S., Eckstein D., Karlen F.H., Zetterberg P., Eronen M. Fennoscandian summers from AD 500: temperature changes on short and long timescales. Climate Dynamics. 1992. 7.
- Drancourt M., Roux V., La Vu Dang, Lam Tran-Hung, Castex D., Chenal-Francisque V., Ogata H., Fournier P-E., Crube'zy E., Raoult D. Genotyping, Orientalis-like *Yersinia pestis*, and plague pandemics, Emerg. Infect. Dis., 2004. 10 (9).
- Larsen L.B., Vinther B.M., Briffa K.R., et al. New ice core evidence for a volcanic cause of the A.D. 536 dust veil. Geophysical. Research. Letters, 35, L04708, doi:10.1029/2007GL032450, 2008.
- Lewis M.E. The Bioarchaeology of Children. Perspectives from Biological and Forensic Anthropology. Cambridge, 2007.
- McCormick M. Rats, communications, and plague: towards an ecological history. J. interdiscip. Hist, 2003. 34.
- Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750. Edited by L.K. Little, Cambridge University Press, 2007.
- Ruffino L. & Vidal E. Early colonization of the Mediterranean Basin by the ship rat *Rattus rattus*: a review of zooarcheological data // Biological Invasions. 2010. 12.
- Than K. Slam dunks from space led to hazy shade of winter. New Scientist, 2009. №43.
- Wiechmann I. & Grupe G. Detection of *Yersinia pestis* DNA in two early medieval skeletal finds from Aschheim (Upper Bavaria, 6th century A.D.) // American Journal Physical Anthropology, 2005. 126.

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ ПЕРИОДА ЗАПАДНОТЮРКСКОГО КАГАНАТА

С.Г. Боталов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия

Период, относящийся к гуннскому времени (время Ругилы, Бледы и Атиллы) и к эпохе Западнотюркского каганата в урало-казахстанских степях, представлен весьма скромно. Накопление материала из числа традиционных погребальных комплексов V–VII вв. с обрядом ингумации с необъятных территорий Южного Урала, Западного и Центрального Казахстана происходит крайне медленно. На сегодняшний день известно чуть более десятка комплексов этого времени, расположенных на границе лесостепи и степи, от Заволжья до Западной Сибири, а также в пределах северной части степей Казахстана (Шипово, курганы №2, 3; Новоселки; Верхне Погромное; Энгельс (Покровск), курган №36, погр. 2; Ленинск; Авилов; Бережновка-I, курган №111, погр. 1; Бородаевка; Переполовенка; Каменный Амбар, курганы №5, 6; погр. Аркаим; Городищенское-IX, курган №5; Ераска; Сопка-2, погр. 688; Усть-Суерка; Кызыл-Адыр, Боровое, Канаттас, Кара-Агач, Каратобе-II). Ярким исключением в этой ситуации являются многочисленные комплексы, которые демонстрируют два наиболее крупных историко-культурных очага, расположенных в пределах лесостепей Урала и полупустынь Южного Казахстана. Речь идет о погребально-поселенческих памятниках турбаслинской и джетыясарской культуры, которые охватывают исторический период с V по VIII в. При этом просматривается очевидная культурная взаимосвязь, в рамках которой существовали эти культурные эпицентры Урала и Арала. Поддерживалась она сезонной перекочевкой отдельных групп населения или эта связь сохранялась как система торгово-обменных контактов между двумя разноландшафтными хозяйственными зонами, сказать трудно. Думается, основа этого коммуникационного ареала лежала в этнокультурном единстве населения его северной и южной провинций, которое возникло с первых веков н.э. и существовало до VIII в. Это единство подтверждается не только наличием отдельных типов керамики, сходных с джетыясарской посудой в турбаслинских и бахмутинских памятниках Южного Приуралья, но и, что весьма важно, находками схожих оригинальных предметов культового назначения. Речь идет о зооморфной пластике на ритуальных керамических сосудах и антропоморфных изображениях в металле. Особенно поражает схожесть металлических мужских фаллистических фигурок, обнаруженных в Алтынасарских, Бирском и Кушнаренковском могильниках (Левина, 1996. Рис. 169; Генинг, 1977. С. 106. Рис. 11.-1).

Вопрос историко-культурной атрибуции этих центров находится сегодня в стадии разработки, основные его черты определены в процессе исследований наиболее грандиозного памятника в числе турбаслинских – городище Уфа-II. Здесь в рамках турбаслинского и кушнаренковского горизонтов выявлена так называемая сетчатая лощеная керамика. По своему внешнему облику этот материал авторами исследований вполне справедливо соотносится с раннеболгарским культурным влиянием на территории Приуралья (Мажитов, Сунгатов, Султанова и др., 2009. С. 125. Рис. 240). Следует заметить, что керамика этого облика встречена в раннесалтовских погребальных комплексах юга Восточной Европы и Западного Казахстана (Каратобе-II, курган №1).

Основные черты погребальной обрядности позволяют говорить, что приведенные памятники в большинстве своем входят в единый горизонт, который характеризуют постгуннские традиции: узкие прямоугольные ямы, ямы с подбоем, погребения с северной ориентировкой, частая деформация черепа. Существенной инновацией является помещение, как правило, в ногах, а также сбоку на приступке жертвенников чаще всего в виде черепа и костей конечностей (шкура?) крупного и мелкого рогатого скота или верблюда, реже – скелетов коней. В первом случае эта черта сближает данные комплексы с некоторыми лесостепными и лесными памятниками Поволжья (именьковская культура: Коминтерновский-II, Ташкирменский могильники) и Приуралья (турбаслинская культура: Кушнаренковский, погр. 2, 27, а также погребение 1, 8, 22 Манянского, Новобикинский и Лагереvский, курган №10 могильников) (Боталов, 2009. С. 308–319, 517). Во втором случае традиция совершения цельных костяков лошади в дальнейшем получила свое развитие в раннетюркских (болгаро-хазарских, аварских) памятниках Причерноморского ареала и Карпатского бассейна (Боталов, 2009. С. 464–518). Традиция положения костей черепа и конечностей (шкуры) лошади на приступ сбоку от погребенного получает свое распространение в лесостепной полосе Южного Урала, Западной Сибири и Восточного Казахстана в комплексах с широтной ориентировкой, появляющихся в VII–VIII вв. (Манянский, Лагереvский, Бобровский, Ближние Елбаны-XIV, Черноозерье, Жарлы, Чиликты, Егиз Койтас) и, возможно, отражает динамику становления другого историко-культурного комплекса (мадьярского, кыпчакского (?)).

В целом приведенные погребальные комплексы позволяют выделить в V–VI вв. в пределах урало-казахстанских степей наличие некоторого переходного этапа, который условно можно назвать как раннеболгарский. По всей видимости, в этот момент происходит кардинальная смена основных векторов культурогенеза (гуннского и тюркского). Как нам представляется, это отразилось и на антропологическом облике населения региона. Реконструкции из курганов №5, 6 могильника Каменный Амбар демонстрируют в расовом облике женщины

Рис. 1а. Облик населения раннетюркского времени:
1, 2, 3 – могильник Каменный Амбар, курган №5;
4, 5, 6 – могильник Каменный Амбар, курган №6 (раскопки В.П. Костюкова).
Антропологическая реконструкция А.И. Нечвалоды

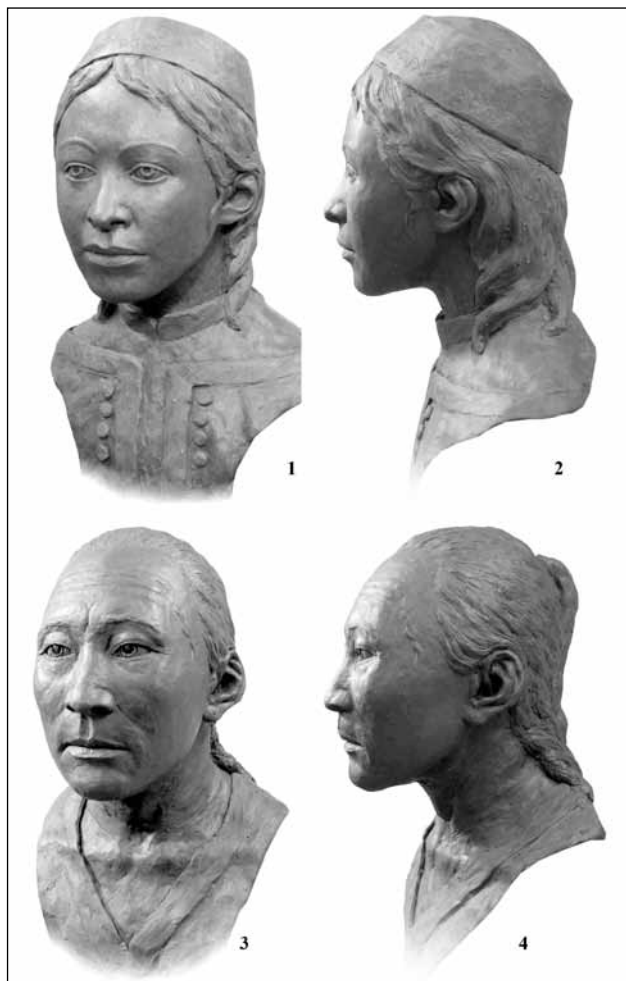

Рис. 16. 1–2 – могильник Каменный Амбар, курган №5; 3–4 – могильник Каменный Амбар, курган №6 (раскопки В.П. Костюкова). Антропологическая реконструкция А.И. Нечвалоды

уральский смешанный тип, мужчины – яркие черты центральноазиатской монголоидности (рис. 1.–а–б).

Раннетюркский период наиболее массово представлен степными памятниками. Это хорошо известные специалистам комплексы курганов с «усами» или памятников селенташского типа, которые сегодня сосредоточиваются в четырех основных микрорайонах: сары-аркинский (Центральный Казахстан, Западное Поиртышье), улутауский, мугоджарский, зауральский. На сегодняшний день известно более 300 комплексов этого типа (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006). По нашему мнению, эти памятники представляют собой культово-погребальные комплексы, с трупосожжением на стороне, на или над ритуальной площадкой, с последующим помещением погребальных остатков на открытом оконтуренном (организованном) пространстве. Нет смысла приводить характеристику и типологические особенности данных памятников. Об этом подробнее было сказано в работах автора и его коллег (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 185–218; Любчанский, 2006. С. 386–408; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Боталов, 2009. С. 260–408). По нашему мнению, принципиально курганы с «усами» имеют два конструктивных типа. С одиночным центральным курганом и двойным, когда центральные насыпи располагаются по линии С–Ю. Иные сочетания (расположения центральных насыпей по линии З–В, наслоение двух или более насыпей) чаще всего демонстрируют двойную планиграфию или стратиграфию комплекса. Сооружения, первоначально выделенные

как комплексы селенташского типа (Боталов, 1996), представляют собой еще один конструктивный тип памятников этого круга. По сути они являются объектами, идентичными по архитектуре и функциональной нагрузке центральным курганам в комплексах курганов с грядами или «усами». Оригинальность им собственно и придает отсутствие последних составляющих элементов. Отсутствие «усов», по нашему убеждению, является либо фактом их разрушения, либо определенным хронологическим маркером. Первое довольно отчетливо подтвердилось в случае с эпонимными комплексами, Селенташскими курганами №4 и 5. Первоначально они были опубликованы как отдельные комплексы селенташского типа. Однако позже при аэродешифрировке данного микрорайона было выявлено, что от курганов №4 и 5, расположенных по линии С–Ю, отходят грунтовые усы в направлении восток-северо-восток. Вероятнее всего, гряды были сnivelированы пашней, ранее расположенной на площадке памятника. Аналогично этому, после полного исследования составляющих частей кургана с «усами» Кызыл-Жар, были реконструированы его гряды (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 200. Рис. 49).

При этом курганы селенташского типа существуют сами по себе. Чаще всего они располагаются либо в непосредственной близости с курганами с «усами» (Кызыл Жар, курган №3; Суходол, курганы №1–4; Городищенский, курганы №3, 4; Ижевский-2, курганы №5, 6), либо в единых с ними долинах (Александровский, курганы №1, 2; Крутой овраг, курганы №1, 3, 4).

Вероятнее всего, своеобразной диффузией традиции ингумации в среду селенташского степного населения можно считать и расположение вблизи комплекса с «усами» могильника Ижевский-2 кургана №3 с погребением с северо-западной ориентировкой и частей животных (КРС) на боковой приступке (Бейсенов, Волошин, 2002. С. 169), а также курган №5 могильника Городищенское-IX, который входил в единый комплекс с курганом с «усами» и курганом селенташского типа (курган №3). В нем располагалось погребение с северной ориентировкой, черепной деформацией и частью скелета (шку-

ры?) верблюда (череп, часть позвоночника, ребра, одна конечность) на приступке. Он датируется по характерной, бесщитковой сегментовидной с прямыми боковыми дужками железной пряжке с выступающим язычком в пределах V–VII вв. (Левина, 1996. Рис. 121.-1–15; 123, 1–18; Засецкая, 1994. Табл. 9.-7, 10; 11.-14; 15.-7; 17.-7; 22-11; 24.-6; 26.-8; 29.-9; 44.-9, 11, 12). И, наконец, наиболее ярким степным комплексом, интегрирующим эти две магистральные традиции, является известный курган №19 комплекса Канатгас, где в центральном кургане комплекса с грядами было совершено групповое погребение с северной ориентировкой с черепами и конечностями крупного и мелкого рогатого скота в юго-восточном углу (Боталов, 2009. С. 376. Рис. 78).

По нашему ранее высказанному мнению, селенташские курганы занимают более позднюю хронологическую позицию, чем курганы с грядами (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006). Последние, вероятнее всего, появляются в урало-казахстанских степях уже в V в., о чем ранее позволял судить инвентарь известного кургана Солончанка-I (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 137–139). Пока трудно сказать, когда возникают «селенташские» (без «усов») комплексы. Однако явная типологическая схожесть ритуальных традиций и вещевого инвентаря (керамики) позволяет говорить об этих группах памятников в едином контексте.

В этой связи мы вынуждены отказаться от высказанной более десятилетия назад рабочей гипотезы о тюхтятской принадлежности этих объектов (Боталов, 1996а). Это связано, прежде всего, с явной хронологической нестыковкой: селенташские, возможно, доживают до конца VIII в., между тем как тюхтятская культура существует в рамках IX–XI вв. Может быть, будущие исследования позволят более оконтурить этот наиболее поздний этап существования селенташских памятников либо выявить иной историко-культурный горизонт, связанный с восточными импульсами времен распада уйгурского каганата. Селенташские комплексы, а возможно, и традиция курганов с «усами», вероятнее всего, доживают (а не появляются) до конца VIII в. (возможно, начало IX в.), о чем позволяет говорить поздний облик материалов из кургана Елантау, курган №4; Крутой Овраг, курган №4 (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 104–106).

На сегодняшний день эти позиции довольно четко подтвердились результатами радиоуглеродного анализа трех курганов с «усами» – Сарбулат, курган №2 (южный) – по керамике, Суходол – по кости, Кайнсай, курган №14 – по керамике и одиночного кургана №2 из группы Суходол, курган №5 – по углю. Насколько можно судить по результатам, наиболее раннюю, фактически синхронную позицию занимают Сарбулат, курган №2 и Суходол, курган №5: при вероятности 68,2% они датируются в пределах начала V – начала VII в. с пиком в середине VI в. Следующую за ними занимает курган №14 Кайнсай, датированный по фрагментам большого сосуда – вазы: при вероятности 68,2% – середина VI – конец VII с пиком: рубеж VI–VII вв. Наиболее поздняя дата получена по углю, взятому с погребенной площадки кургана №2 группы Суходол: с вероятностью 68,2% – конец VII – конец VIII с пиком рубеж VII – середина VIII в. Этот курган входит в группу из четырех курганов селенташского типа, расположенных по периметру комплекса кургана с «усами» Суходол, курган №5. Из этой группы в кургане №4, в углублении, сделанном в погребенной поверхности, был установлен сосуд, характерный для первой типологической группы сосудов из курганов с «усами» и селенташского типа (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 122–123. Рис. 68.-2, 4). Таким образом, в рамках этой группы, входящей в большой микрорайон Каменный Амбар на р. Карагайлы-Аят, с одной стороны, подтверждается более поздняя позиция курганов селенташского типа, а с другой – и первые, и вторые представляют единую линию историко-культурного развития.

Таким образом, полученные даты подтверждают время степного раннетюркского горизонта, по крайней мере, в пределах Южноуральского микрорайона в рамках конца V – VIII в.

В целом селенташские традиции формировались на широком историко-культурном фоне в среде центральноазиатских кочевников, о чем достаточно много говорилось автором (Боталов, 2009. С. 442–462). Однако нахождение в некоторых из них (Селенташ, курган №4, Кайнсай, курган №14) керамики кушнаренковского типа, а также нахождение этого типа керамики на североказахстанском пограничье, в поселении Берауат, позволяет осторожно говорить о некоем протомадьярском присутствии в среде урало-казахстанских кочевников в период существования Западнотюркского каганата. Однако эта тема требует своего особого осмысления.

Приведенный экскурс позволяет сказать, что процессы культурогенеза, имеющие место в пределах урало-казахстанских степей в постгуннское и раннетюркское время (V–VIII вв.), демонстрируют две основные тенденции. На фоне продолжающих свое развитие с позднесарматского времени постгуннских

традиций – небольшие групповые курганы или фигурные (подпрямоугольные) насыпи, узкие прямоугольные, простые и подбойные ямы, северная ориентировка, наличие деформации, соответствующий комплекс категорий вещевого инвентаря для мужских (мечи с дисковидным навершем, трехлопастные ромбические наконечники, узда с кольчатыми удилами и накладки-зажимы, поясные пряжки с подвижным щитком) и женских (колты и диадемы с полихромом, калачиковидные серьги, зеркала, керамика), появляется совершенно новый историко-культурный комплекс – курганы с «усами» и памятники селенташского типа, к числу которых также относятся курганы с кремацией Нижнего Поволжья. В недрах этих магистральных направлений культурогенеза начинают формирование болгарские, мажарские и кыпчакские средневековые этносы.

Библиографический список

- Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009.
Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.
Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмаилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II: материалы раскопок 2008 г. Уфа, 2009. Т. III.
Бейсенов А.З., Волошин В.С. Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Поиртышья. Павлодар, 2002.
Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху IV–VI вв. СПб., 1994.
Любчанский И.Э. Курганы с усами: типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер.: Этногенез уральских народов. Челябинск, 2006.

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ (VII–X вв.)

П. Георгиев

Филиал Института археологии Академии наук Болгарии, Шумен, Болгария

Начало признания азиатской традиции как фактор в формировании материальной и духовной культуры дунайских болгар (=протоболгары) было поставлено венгерским археологом Гезой Фехером / старшим / (1890–1955), который отметил некоторые сходства с культурой средневековых тюрко-монгольских народов (Фехер, 1925. С. 1–9).

25 лет тому назад, ясно осознавая слабости в исследовании древнетюркского наследия у нас, Р. Рашев (1943–2008) уделил специальное внимание этому вопросу. В кратком докладе ученый оценил постановку Фехера и его последователей как *«верную лишь наполовину»* и нуждающуюся *«в уточнении»* (Рашев, 1987. С. 205). В начале 1990-х гг. он поставил на обсуждение вопрос о происхождении болгар (Рашев, 1993. С. 23 и сл.). Тюркские языковые остатки в первоболгарских надписях Р. Рашев с основанием относил к среде аристократии. Язык обыкновенного населения однако остается без данных, и культ Тангры тоже без доказательственного базиса. Археологические и антропологические данные показывают, что большая часть обыкновенного населения в Дунайской Болгарии были ближе к сарматам и угро-финнам. Свой тезис Рашев (2007. С. 25 и сл.) продолжил детализировать в выдержавшем несколько изданий исследовании над археологическими и историческими аспектами в изучении протоболгар V–VII вв. В своей последней работе он резюмирует свои более ранние точки зрения, но доходит до еще более категорических постановок по теме о древнетюркском наследии (Рашев, 2007). После этнокультурной характеристики основных проявлений материальной и духовной культуры Нижнего Дуная исследователь утверждает, что протоболгарские поминальные сооружения отличаются от древнетюркских и генетически связаны с аналогичными сооружениями в Восточно-европейской степи *«сарматского времени»* (Рашев, 2007. С. 326–327). В результате этого он сделал вывод, что это может быть *«прямое свидетельство о нетюркском происхождении аристократии»*. Как дополнение к этой новой оценке Р. Рашев считает, что *«чуждоязыковые культурные формы»*, как 12-летний календарь, военно-административная титулатура и даже личные или родовые имена у дунайских протоболгар нельзя принимать как доказательство об их этническом происхождении.

Это заключение выглядит хорошо обоснованным, но ставит ряд старых и новых вопросов. Несколько лет назад против тезиса о преобладающем или полном ираноязычии и в пользу тюрко-алтайского происхождения протоболгар категорически высказался Ж. Аладжов (2007. С. 41–43). К сожалению, его мнение не было сопровождено новыми доводами.

Здесь у нас нет ни возможности, ни намерения решать столь серьезную проблему. Она требует сбалансированного подхода к наличию данных разных специалистов: языковедов, археологов, историков, культуроведов и др. Мы остановимся только на некоторых сведениях о материальной и духовной жизни болгар Нижнего Дуная, так как считаем, что они дают более обоснованную оценку древнетюркского наследия в Первом болгарском государстве.

1. Наличие аристократических поминальных сооружений типа древнетюркских доказывається данными о подобном ансамбле в Плиске. Он состоит из поминального храма, поминальной юрты и поминальной курганный насыпи (Георгиев, 1989. С. 338 и сл.). Эти три сооружения расположены на оси В–З, между дворцами и производственным центром у маленькой реки. Рассматриваемые в отдельности, они обладают особенностями, которые не позволяют одиночной интерпретации.

Восьмеркообразная, слабо вкопанная юрта имеет особенности, которые показывают, что это символическое сооружение, построенное в духе традиционного номадского дома. Расположенную в 23 метрах перед входом в храм, ее нельзя принять за обыкновенное жилище, так как ни по соседству, ни в каком-нибудь другом месте в Плиске не был обнаружен подобный тип дома. Ее пол сильно наклонен к центру, обгорелый от стихийного огня, оставившего следы и вне ее очертаний, сознательно присыпанные чистой глиной. Со всем этим она соответствует так называемым поминальным юртам, в которых угощали дух покойного, после чего их сжигают, а останки закапывают (Георгиев, 1989. С. 346. Бел. 38–40).

Храм – это солидное здание размерами 37,5x26,5 м и планом из двух вписанных один в другой прямоугольников так, что напоминает храм из Кошо Цайдама. Внутренний прямоугольник имеет основательный фундамент, в то время как у внутреннего он более мелкий. При первых раскопках у строения найдены куски колонн с фрагментированными «триумфальными» надписями. Они представляют собой лаконичные записи имен византийских городов или крепостей, взятых ханом Крумом во время его походов в 812–813 гг., или победоносных для болгар сражений. Их число превышает 25, но так как большинство из них были вторично употреблены при строительстве Большой базилики, они найдены там, но, очевидно, были перенесены с другого места в Плиске. Есть большая вероятность, что они стояли на внешнем фундаменте-стилобате большого храма. Если это так, то его архитектурное оформление в принципе аналогично поминальному храму Кюль-тегину на р. Орхон. О нем китайская хроника «Таншу» пишет, что было предусмотрено украсить его «на всех четырех стенах» «видами сражения» (Георгиев, 1989. С. 344–345. Бел. 33).

Третий элемент в поминальном ансамбле в Плиске – это курган, высотой до 8 м, находящийся западнее храма и отдаленный от него приблизительно в 500 м. Его исследовали частично и полученные данные показывают, что это, скорее всего, поминальное, а не надгробное сооружение. Археологический материал в насыпи и на уровне местности дает основание датировать его начальным десятилетием IX в., что подкрепляет его толкование как элемент поминального ансамбля, посвященного владельцу, по всей вероятности, хану Круму (после 796–814 гг.).

2. О ритуалах в память покойных владельцев 1-й половины IX в., соответствующих подобной практике у восточных тюрков в Центральной Азии, свидетельствует гравированная на каменной плите из Плиски композиция, сопровождаемая грекоязычной «первоболгарской» надписью (Георгиев, 1991. С. 198 и сл. и цит. автора) (рис. 1). В центре представлен молодой всадник верхом на крупном коне, держащий в руках большой щит и очень длинное копье. Перед конем начертаны две неодинаково большие и схематические фигуры. За всадником виден контур коня без всадника и неясные граффити.

Три части композиции сопровождаются надписями. Первая написана более крупными буквами и в переводе с греческого гласит: «*Это Кан*», а во втором ряду более мелким шрифтом написано сочетание ПОΥΜΙΡ. Первая буква, однако, – это «К», так что это не имя собственное, как принималось, а существительное нарицательное «кумир», т.е. «идол», «истукан». Оно относится к статичной фигуре слева, чей необычайный размер и особенности одежды дают основание еще открывателю памятника (Ст. Ваклинову) принять, что она сравнима с так называемыми каменными бабами, т.е. с известными у тюрко-монгольских народов статуарными человеческими изображениями. В подтверждение этому говорит отсутствие ног, представление рук, а также и поза en face, редко встречаемая в рисунках-граффити. Самое категорическое доказательство о характере

этого, а также и подобного, но очень поврежденного более крупного силуэтного изображения – это расшифрованное и прочитанное сочетание, чей порядок слов позволяет осмыслить его как «*Это ханский идол (истукан)*».

Центральная надпись начинается за головой молодого всадника и продолжается до конца поля, но она уничтожена. Ее начало гласит: «*Очень сильный...*» и относится к всаднику, представленному как молодой герой. Сохраненное слово во втором ряду читается как имя собственное, но не отмечается, что это может быть продолжение с первого ряда. Исследователи до нас (Ст. Ваклинов, Д. Овчаров) догадались, что изображенный – это владетель, и вполне закономерно, что здесь стоял его титул KAN. Вопрос тогда сводится к тому, какие буквы были стерты перед этой надписью. «...NEGYN не са стояли буква (и), които да са смислово свързани със запазеното». Имея в виду молодость всадника и его «ханский» титул, мы предложили дополнить сочетание как ENEGUN, т.е. «хан-племянник, потомок», так как тюркское слово *jigün, jagün* и др. под. означает «младший сын», «племянник», «потомок» (Georgiev, 2002. Р. 8–9). Отсутствующие буквы могут быть и больше 4, так что допустимо сочетание реконструировать и как *ini jigün*, и в таком случае всадник, – должно быть, изображение несовершеннолетнего «хана», названного, по типичной для тюркоязычных народов терминологии родства, «младший (более молодой) брат». Письменные источники, домашние и византийские, объясняют, что речь идет о занявшем болгарский престол в несовершеннолетнем возрасте самом младшем сыне хана Омуртага (814–831) «архонте и кана сюбиги» Маламире (831–836).

В результате этого анализа и исторической идентификации мы можем принять изображенную сцену за религиозную церемонию, совершаемую ханом Маламиром в память своих предшественников (по всей вероятности, ханов Крум и Омуртаг) перед их статуарными изображениями типа древнетюркских, определяемых известным до этого только в славяноязычных памятниках тюркоболгарским словом *кумир*.

Примеры, которые свидетельствуют о сохранении тюркоязычных и тюркских традиций в области погребальной и поминальной обрядности, культовых сборищ, религиозных и мифических представлений, кровнородственной терминологии, семантики официальной титулатуры и др., могут умножаться, дополняя и расширяя аргументацию наших предшественников. В связи с этим мы можем сделать вывод, что древнетюркское наследие, хотя и видоизмененное и усложненное другими культурными влияниями, является ведущим фактором в культуре болгарской аристократии конца VIII и 1-й половине IX в. Признавая этот факт, не исключаем применение «тюркской» обрядности и культуры и среди более низших слоев протоболгарского общества самое меньшее по двум причинам. Первое, потому что тюркские традиции в языке, эпосе, религии и др. были сохранены и в той части населения, которая выдвигала соответствующую аристократическую верхушку и имела тюркоязыческое происхождение. И второе, потому что налагаемые управляющими средами общегосударственные или официальные общественные проявления культуры воздействовали на праздничную обрядность и религиозные поклонения по всей стране и в наибольшей степени на нетюркоязычные протоболгарские поколения.

Рис. 1. Каменная плита с рисунками и греческой надписью из Внутреннего города Плиски, 1-я половина IX в.

Изложенное не обязывает сделать вывод, что тюркское языковое, религиозное и другое наследие – это единственный фактор в культурной жизни Дунайской Болгарии. Напротив, ираноязычие и иранские (переднеазиатские) по происхождению культурные традиции имели со своей стороны серьезное место в культуре Дунайской Болгарии. Их носителями были уногундуры-болгары, и они были перенесены ими в конце VII в. с исторически доказанной к середине IV в. прародине в Перед- и Закавказье, а также и в результате своих контактов с сарматским населением в VI–VII вв. в восточноевропейских степях. В пределах Первого болгарского государства однако они стали доминирующими не позднее 2-й половины VIII в.

Библиографический список

- Аладжов Ж.* Тюркоезични или ираноезични са прабългарите? // Изследвания по българска средновековна археология: сборник в чест на проф. Рашо Рашев. В. Търново, 2007.
- Георгиев П.* Големият езически храм в Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. 1. София, 1989.
- Георгиев П.* Прабългарска култова церемония върху рисунки-графити с надписи от Плиска (по времето на хан Маламир (831–836)) // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София, 1991.
- Рашев Р.* Дунавска България и Централна Азия // Втори конгрес по българистика: доклади. 6: Българските земи в древността. България през средновековието. София, 1987.
- Рашев Р.* За произхода на прабългарите // *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. В чест на проф. В. Бешевлиев. В. Търново, 1993.
- Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век. В. Търново, 2007а.
- Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX в. София, 2007б.
- Фехер Г.* Паметниците на прабългарската култура // ИБАИ. 1925.
- Georgiev P.* Une contribution complémentaire à l'inscription-graffiti protobulgare de Plisca // *Bulgarian Historical Review*, 2002.

ЗАПАДНЫЕ ГРАНИЦЫ БОЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья)

Н.Н. Грибов, Ф.А. Ахметгалин

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия*

Локальные районы Среднего Поволжья, разделяющие русские земли и Волжскую Болгарию, в настоящее время являются слабо изученными как в историко-политическом, так и в культурном отношении. Нижнее Посурье – один из них.

Эта буферная пограничная зона, определяющая стык двух средневековых цивилизаций, по большей части археологически слабо исследована. Работы комплексной экспедиции Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского и Института истории им. Ш. Марджани в Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2007–2009 гг. привели к обнаружению здесь, на левобережье Суры, двух ранее неизвестных крупных поселенческих центров, сложившихся во время ордынского владычества – поселений Курмыш-4 и Мурзицы-1.

В настоящее время лучше всего изучена область, связанная с г. Курмышом. Исследования, организованные здесь в последние годы, показали, что в 2,7 км от укрепленной княжеской резиденции, заложенной в 1372 г., одновременно существовало крупное неукрепленное поселение, обозначенное как Курмыш-4. Его площадь составляет 18,6 га – это весьма крупное по размерам поселение для Нижегородского Поволжья. Особенность данного сооружения – уникальный для памятников Нижегородского Поволжья этнокультурный состав.

По составу керамического комплекса, этнокультурному разнообразию вещевого материала, находкам золотоордынских монет, фрагментам, медных и чугунных котлов и многочисленным следам различных металлургических производств поселение Курмыш-4 можно отнести к кругу средневековых поселений, изученных в Горномарийском районе республики Марий Эл, Чувашии и к Торецкому селищу на территории Татарстана.

В 1445 г., после битвы под Суздалем, Улу Мухаммед привозит сюда плененного великого московского князя – Василия Васильевича. События, произошедшие в г. Курмыше в 1445 г., очевидно, имели непосредственную связь с основанием Казанского и Касимовского ханств. Татарский историк Ризаэтдин Фахретдин считал Курмыш одним из возможных мест захоронения Улу Мухаммеда.

Памятник, определяющий еще один заселенный район середины – второй половины XIV в. на левобережье Нижней Суры, выявлен и впервые обследован в 2008 г. в центральной части современного села Мурзицы Сеченовского района Нижегородской области. Его площадь (по размеру области распространения подъемного материала) около 16,5 га.

Из-за того, что памятник располагается в центральной части современного населенного пункта, его археологическое изучение крайне затруднено. Археологические исследования выявили два разновременных горизонта культурных отложений. Формирование верхнего слоя уверенно датируется промежутком XVII–XX вв. Верхний и нижний горизонты культурного слоя разделены прерывистой прослойкой обожженного розоватого суглинистого грунта с включением углей и золы. Нижний горизонт по керамическому материалу может быть датирован XIV–XVI вв. Эта стратиграфическая ситуация, вероятно, характерна для памятника в целом. Керамический комплекс представлен русской гончарной средневековой сероглиняной грубой керамикой посредственного обжига с примесью песка или дресвы, лепной мордовской с примесью шамота и краснолощеной высокого обжига посуды, изготовленной в гончарных мастерских Золотой Орды. При опросе местных жителей выяснилось, что на памятнике неоднократно находили медные монеты с изображением животных – вероятно, медные пулы городов Золотой Орды. Область р. Киши упоминается в русском летописании 2-й половины XIV в. дважды.

Согласно местной устной традиции, современное село Мурзицы берет начало от Грозной крепости, построенной неким Секиз беem. Рогожский летописец 1366 г. упоминает некоего выходца из Орды – Секиз бея. Крепость, вероятно, располагалась на территории нынешнего хлебоприемного пункта в центральной части современного села на берегу Суры. В настоящее время рельеф местности здесь искусственно изменен и остатки каких-либо земляных укреплений себя визуально не обнаруживают. В местном предании говорится о том, что в XVI в. жители крепости, не желая подчиниться власти московского царя, отчаянно сопротивлялись войску Ивана Грозного, совершавшего поход на Казань, и почти все были перебиты. Возможно, с этими трагическими событиями связаны следы обширного пожара, которые были зафиксированы и при исследованиях. Находки позволяют предположительно датировать это событие XVI столетием.

Результаты обследования двух вышеописанных памятников наглядно свидетельствуют о том, что состав населения в целом имел сложный смешанный характер. В местной материальной культуре отчетливо обнаруживаются как русские традиции, так и традиции выходцев из поволжских земель Золотой Орды, представителей местных финноязычных народов. Определяющие эти области поселения, скорее всего, выполняли роль крупных местных ремесленных и торговых центров, основанных на пересечении сухопутных и водного путей, ведущих в Орду. Они обнаруживают ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтнический характер населения, следы разнообразной производственной деятельности, торговли. Близкие по характеру поселения известны в Марий Эл, Чувашии и на русско-ордынском пограничье в районе Среднего и Верхнего Подонья. Материалы, полученные при первичном обследовании региона Нижнего Посурья, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения западного порубежья Болгарского улуса, которое являлось «местом встречи» людей различных религиозных убеждений и традиций. В XV–XVI вв. здесь появляются поселения служилых татар, и юго-восточные районы Нижегородской области становятся областью, где складывается одна из западных татарских групп – сергачские мишари.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИМПОРТЫ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ПРАБОЛГАР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (VII–VIII вв. н.э.)

С.Э. Зубов, А.А. Архипова

*Самарский государственный технический университет;
Самарская академия государственного и муниципального управления, Самара, Россия*

Керамическая посуда в археологической практике является одной из самых массовых категорий вещевого материала, в том числе и в погребальной обрядности. Это объясняется широко распространенной традицией у многих древних народов в качестве сопроводительного погребального инвентаря использовать керамические сосуды, а также прочностью самих керамических изделий, обеспечивающих надежную консервацию и, как следствие, достаточно хорошую сохранность.

Керамика выступает важным археологическим источником, позволяющим решать многие дискуссионные проблемы культурно-исторических процессов в древности. К таковым можно отнести вопро-

сы генезиса, производственно-экономической и духовной сферы, культурно-хронологических и этнокультурных связей, характер и направления торговых операций.

В 20-х гг. прошлого столетия профессор В.В. Гольмстен начала исследования средневековых курганных могильников на территории Самарской Луки у сел Новинки и Рождествено. Позднее, в 1970–1980-е гг. Г.И. Матвеева (1997) выделила так называемый «новинковский» тип памятников и датировала его концом VII – VIII в. н.э. В дальнейшем изучение этих памятников было продолжено Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым, В.Н. Мышкиным, Д.А. Сташенковым, Н.А. Лифановым, О.И. Бражник и другими самарскими исследователями.

На сегодняшний день на территории Самарского и Ульяновского Поволжья исследовано свыше 200 погребальных комплексов раннесредневековых курганных могильников VII–VIII вв. В составе коллекции археологических материалов означенных погребальных комплексов учтено более 70 экземпляров разнообразной керамической посуды целых или реконструируемых форм из Брусянского-II, Выползовского-I, Малорязанского-I, Новинковских-I, II, III, Рождественского-III, Старо-Майнского-I, Уреньского-II, Шиловского курганных могильников, курганно-грунтового могильника Шелехметь-II и Брусянского-II одиночного кургана (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). По последним уточненным данным А.Ф. Кочкиной (2011. С. 61–65), количество данной категории погребального инвентаря составляет 96 экземпляров.

Керамическая посуда делится на гончарную и лепную. Первая обычно встречается в погребениях взрослых, вторая преимущественно сопутствует детским захоронениям.

Гончарная посуда представлена амфорами, кувшинами, мисками, флакончиком и кружкой-кувшином, стилистические и технологические особенности которых позволяют отнести их к импортным изделиям.

Амфоры представлены тремя экземплярами из Уреньского-II (рис. 1.-2, 3) и Брусянского-III (рис. 1.-1) могильников. Амфоры с яйцевидным туловом и закругленным дном, невысоким горлом и ручками, соединяющими горло с плечиками. Цвет ровной заглаженной поверхности светло-коричневый или светло-кирпичный. В формовочной массе – примесь песка. Две амфоры из Уреньского-II могильника с реберчатым рифлением – у одной из них (к. №4, п. 1) рифление располагается по плечу, у другой – по шейке и плечу и слабо заметное рифление по тулову. Следует отметить на примере последней, что подобные изделия сохранялись и использовались даже после нарушения их целостности. На месте древнего слома были проделаны отверстия для скрепления разбившихся частей ремешком или бечевой. На этой же амфоре на нижней части плеча была процарапана П-образная с крестом на вершине тамга (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 40.-3а), на другой – композиция из двух рисунков, один из которых представляет собой зигзагообразную линию, а другой напоминает силуэт рогатого животного (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 40.-1а).

Фрагменты ручек амфор найдены в насыпях курганов Брусянского-II (к. №9) и Брусянского-IV (к. №1) могильников и в ровике кургана №1 Брусянского-III могильника.

Кувшины салтовского типа, изготовленные на гончарном кругу, найдены как в курганах новинковского (Брусяны-II, Малая Рязань-I, Осинковка-III), так и уреньского (Урень-II) типа (рис. 1.-4, 5, 8-10).

Сосуды горнового обжига с хорошо промешанным и отмученным тестом, чаще всего с примесью мелкого песка. Механическая прочность черепка высокая, обжиг ровный и звонкий. Чаще всего цвет кувшинов серый или темно-серый, но есть и ярко-оранжевые и светло-коричневые сосуды.

Среди гончарных кувшинов преобладают низкие приплюснутые формы, с наибольшим расширением тулова в нижней части. Лишь четыре кувшина из могильников Урень-II и Малорязанского-I (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 39.-1, 2, 3, 5) имеют округлую яйцевидную форму. Все кувшины этой группы имеют четко выраженный носик-слив. Для этой посуды характерен ангоб и лощение как прием обработки поверхности сосудов. Нередко кувшины орнаментированы горизонтальными каннелюрообразными бороздками, чаще всего по плечикам и тулову в месте наибольшего расширения. В некоторых случаях зона между каннелюрами орнаментирована в виде косой клетки, выполненной лощением (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 37.-6, 7, 8, 9).

Из всего массива гончарных кувшинов выделяется своей формой сосуд из могильника Урень-II (к. №4, п. 2). Это высокий, с яйцевидным стройным туловом и высоким горлом кувшин на довольно высоком поддоне раструбом (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 39.-5). Цвет обжига красновато-оранжевый. На поддоне, в месте древнего разлома, просверлены отверстия для скрепления отколовшейся части.

Среди коллекции гончарной посуды присутствуют три кувшинообразных сосуда, выбивающиеся из общей массы своей формой. Первый происходит из могильника Урень-II (к. №22, п. 3). По форме

этот сосуд скорее напоминает горшок с ручкой (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 39.-4). Похожие формы керамики из Больше-Тарханского могильника Т.А. Хлебникова (1984. С. 33) предлагала назвать кружками, хотя четко выраженная шейка и отогнутый венчик располагают отнести этот сосуд к типу горшков с ручкой. Тем более, что в этнографических материалах такие горшки были довольно типичным явлением (Милюченков, 1984. С. 107–108, рис. 10.-18).

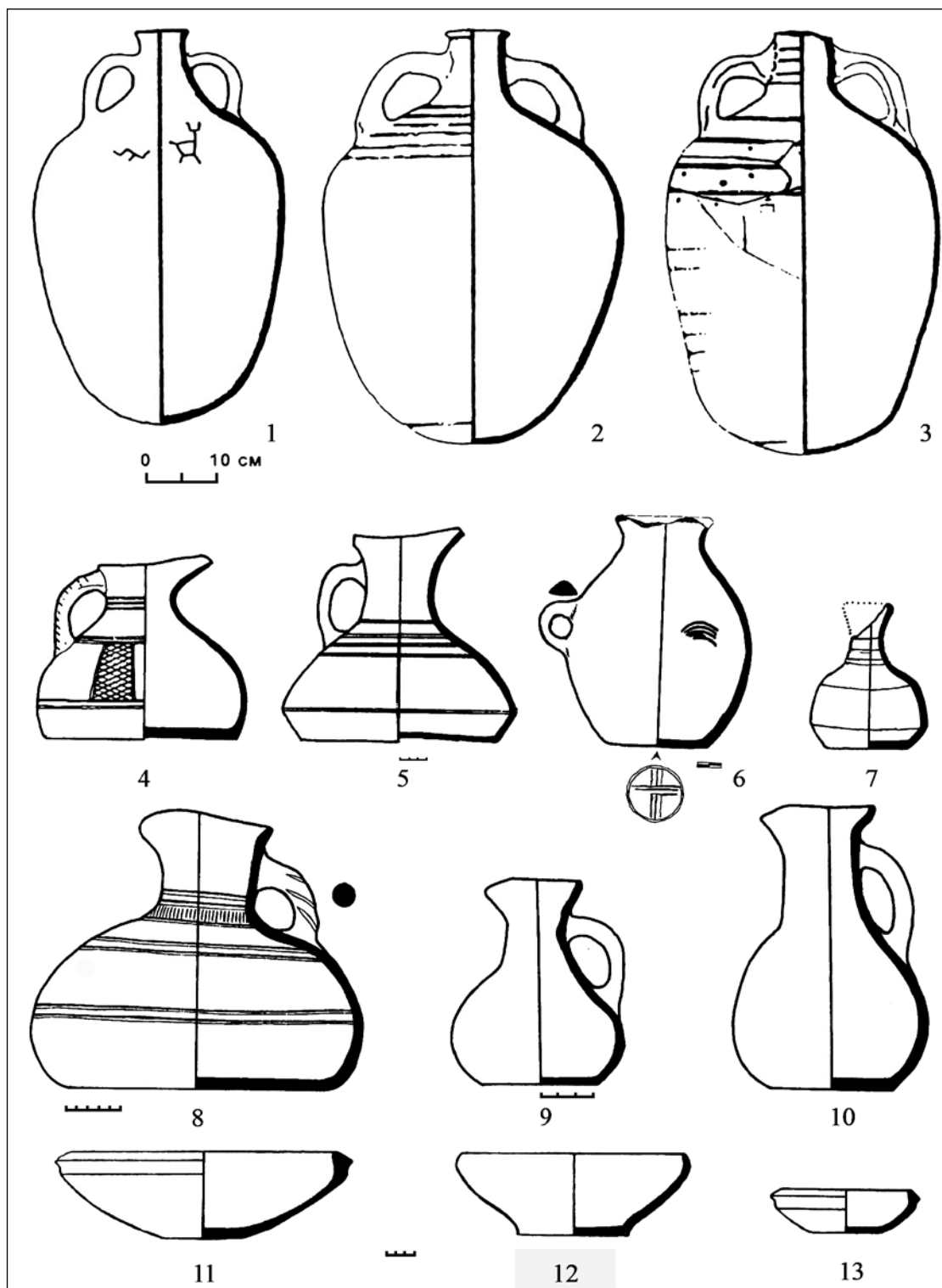

Рис. 1. Керамические импорты в погребальных комплексах праболгар Среднего Поволжья (VII–VIII вв. н.э.): 1 – Брусяны-III, к. №1, погр. 1; 2 – Урень-II, к. №4, погр. 1; 3 – Урень-II, к. №4, погр. 2; 4 – Урень-II, к. №2, погр. 2; 5 – Урень-II, к. №22, погр. 11; 6 – Шиловка, к. №2, погр. 2; 7 – Брусяны-II, к. №23, погр. 4; 8 – Осиновка-III, к. №7, погр. 1; 9, 10 – Брусяны-II, к. №23, погр. 6; 11–13 – Брусяны-II, к. №8, насыпь

Из Шиловского могильника (к. №2, п. 2, рис. 1.-6) происходит гончарный сероглиняный сосуд с раздутым яйцевидным туловом, плоским дном и отогнутым наружу горлом. Чуть выше середины тулова находилась округлая ручка-ушко. На тулове сохранился фрагмент узора в виде дуги из пяти тонких полосок, выполненных лощением. На днище имеется клеймо в виде креста, заключенного в круг. Часть венчика этого сосуда была отколота еще в древности и, очевидно, вследствие этого на горловине был сделан треугольный пропилов для слива.

Кувшинчик-флакон без ручек, с округло-угловатым туловом и высоким, расширяющимся кверху горлом, обнаружен в Брусянском-II могильнике (к. №23, п. 5). Этот небольшой сосуд розоватого цвета был орнаментирован двумя горизонтальными каннелюрами по тулову и четырьмя каннелюрообразными бороздками по шейке. На сохранившейся части загнутого внутрь венчика носик-слив не фиксируется (рис. 1.-7).

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что это керамические материалы, которые присутствуют в средневековых комплексах Самарской Луки и отражают этнокультурные традиции, сложившиеся в конце VII – середине VIII в. на территории Среднего Поволжья.

Следует отметить, что импортные керамические комплексы на памятниках Самарской Луки обозначены крымскими амфорами (рис. 1.-1-3), салтовскими кувшинами (рис. 1.-4, 5, 8-10), сарматскими мисками (рис. 1.-11-13) и иными видами керамической продукции, которые имеют явные признаки юго-западного причерноморского направления. При этом выделяется наличие трех крымских амфор, датирующихся серединой VIII в.

Важным, на наш взгляд, является наличие кувшинов салтовского типа. Интересно отметить, что кувшины данного типа размещаются в мужских захоронениях достаточно высокого ранга. Наличие амфор в погребениях маркирует более высокий социальный уровень погребенных.

В завершение необходимо отметить важность этнокультурных процессов, которые позволяют проследить историю становления государственности Волжской Болгарии.

Библиографический список

- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.
- Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Милоченков С.А. Белорусское народное гончарство. Минск, 1984.
- Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.
- Сташенков Д.А. Археологические исследования у с. Новинки // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. 7.
- Бражник О.И. К проблеме систематизации керамики новинковского типа // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Самара, 1999.
- Кочкина А.Ф. Керамика памятников новинковского типа на Самарской Луке // Керамика Хазарского каганата (VII-X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжья: мат. Междунар. науч. семинара. Симферополь, 2011.

СПОСОБЫ ОФОРМЛЕНИЯ МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ У АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЗОВИЙ р. ТАРА (XVII-XXI вв.): ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА

М.А. Корусенко

Филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

Материалы, полученные из объектов с закрытыми комплексами в археологии, традиционно относят к наиболее надежным источникам. Сказанное в полной мере характерно для древних захоронений, которые, с точки зрения возможных исторических реконструкций, часто являются единственными достоверными свидетельствами некоторых сторон жизни древних обществ.

В области этнографии погребальные комплексы и погребальный обряд также относят к наиболее стабильным элементам культуры, которые используют для поисков реликтов в современной культуре, реконструкций предыдущих состояний традиционной культуры в рамках этногенетических, этноисторических исследований и др.

В этой связи очевидно, что совмещение данных обеих наук, касающихся одной из сфер деятельности общества, когда эти данные охватывают довольно ограниченный временной промежуток (300–

400 лет) и когда они касаются современной группы населения и их возможных исторических предков, должно принести определенные, скорее всего, положительные результаты.

Очевидно также, что «стыковка», что называется в лоб не имеет большого смысла (пусть даже в единичных случаях и возможна) в силу, прежде всего, различия фрагментов действительности, которые изучают археология и этнография, особенностей их научного инструментария и т.д.

Поэтому, как нам представляется, возможности совмещения имеет смысл использовать на уровне взаимосвязанных элементов культуры и их групп, их системных связей, обозначенных нами как традиции. Эти элементы в идеале или в большинстве отобранных для совмещения данных должны взаимодействовать во времени и в пространстве.

Исходя из этих предпосылок нами выбрана для исследования группа элементов традиции, связанной с обустройством могильной ямы. Данные элементы рассматриваются в рамках этнографо-археологического комплекса (ЭАК) тарских татар (XVII – начала XXI в. н.э.).

При этнографическом описании погребального обряда тарских татар упоминания об устройстве могильной ямы встречаются довольно часто, и в то же время, такие описания довольно скудны, в связи с этим фактом, по нашему мнению, оправданно привлечение материалов по другим группам сибирских татар. Из целой серии публикаций и полевых этнографических материалов можно сделать вывод, что в погребальных сооружениях сибирских татар в XIX – начале XXI в. определенно преобладала яма с подбоем-«ляхэт» (Селезнев А.Г., Селезнева И.А., 2004. С. 39; Корусенко, 2003. С. 61, 76, 152; Корусенко, 2002. С. 212–215; Томилов, 1983. С. 108–109; Томилов, Шаргородский, 1990. С. 122–123; и др.).

Обобщая просмотренные материалы и сведения из публикаций, можно понять, что речь идет об углублении в продольной стене могильной ямы, куда, собственно, и помещают умершего. Сделанную нишуподбой перекрывают наклонно поставленными досками или небольшими бревнами. Со стороны могильной ямы конструкцию дополнительно прокладывают изолирующим материалом и засыпают остальное пространство могильной ямы вынутой из нее при сооружении землей. Над могилой возводят небольшую насыпь. Умерший, таким образом, остается в изолированном пространстве за перекрытием. Например, одно из подробных описаний такого способа устройства могильной камеры обнаружено нами в полевом дневнике М.С. Усмановой (1987. Д. 1208. Л. 12), сведения получены в экспедиции к томским татарам.

Есть информация, что количество таких досок, бревен перекрытия подбоя-ляхэт должно быть строго определенным (например, девять). Косвенно, как нам кажется, об этом свидетельствуют и термины «сойло такта», «сойлоу», «сойло агач» (букв. «посчитанные», «посчитанные доски», «посчитанные бревна» – сиб. тат.)*, последний термин зафиксирован нами в тарской группе (1995 г.), а другие – получены среди курдакско-саргатской, тюменской, тарской групп сибирских татар в разное время (Материалы..., 1984. П. 11–3. К. 1026–1028; Материалы..., 1980. П. 7–3. К. 535–536).

В наших полевых сборах (в том числе и при научном описании некрополей тарских и барабинских татар) при знакомстве с этнографическими материалами других авторов** выявлены данные, свидетельствующие, что описанное устройство могильной ямы бытовало повсеместно, но не было единственным. Опрос тарских татар позволил этнографическими методами зафиксировать сведения о целой серии вариантов устройства могильной ямы (Корусенко, 2002. С. 212–213; 2003. С. 76–77, 152), часть сведений нашла аналогии в сборах, сделанных в других группах сибирских татар (например, в ялutorовской) (Материалы..., 1990. П. 60–2. К. 101–104, 112–115). Весьма интересно и показательно то, что сообщения о вариантах устройства могильной ямы очень нечасты, но тем не менее информанты приводят сведения о них уверенно. Рассказы наших собеседников и значительное число сведений из полевых этнографических материалов других авторов указывают на повсеместное использование вышеупомянутого подбойного способа устройства могильной ямы.

Нами было предложена интерпретация данного феномена в виде следов воздействий пришлых элементов на культуру сибирских татар, среди которых были выделены *ранний* среднеазиатский и *поздний* поволжско-приуральский (Корусенко, 2002. С. 214–215). Ключевым моментом в данных взаимодействиях, маркирующим произошедшие изменения в традиционном мировоззрении и обрядовой сфере, в том числе и в погребальном обряде, было появление подбойного способа устройства могильной ямы.

* В опубликованном лексическом фонде сибирских татар нам не удалось найти аналогии этому термину, о правильности его фиксации, конечно, могут возникнуть сомнения, но он встречен в записях, касающихся различных групп сибирских татар, и записан в разное время, самая близкая аналогия нами обнаружена в Древнетюркском словаре в виде *saylıy* в значении «что-либо сосчитанное» (ДТС, 1969. С. 481). В наших материалах есть и другой вариант прочтения этого термина – «прислоненные бревна» (Корусенко, 2003. С. 61). Вероятно, в данном случае необходимы дополнительные сборы.

** Хранятся в Музее археологии и этнографии ОмГУ им Ф.М. Достоевского, Музее народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии, Музее археологии и этнографии народов Сибири Томского государственного университета.

Действительно, археологические материалы XVII–XVIII вв. н.э., происходящие из могильников низовьев р. Тара, не содержат следов такого способа организации внутримогильного пространства. При раскопках могильников Чеплярово-27, Черталы, знакомстве с полевой документацией и публикациями по раскопкам могильников Бергамак-II, Окунево-VII, никаких сведений нами не обнаружено. Следов над- и внутримогильных перекрытий могильной ямы встречено достаточно. Обычно речь идет об 1–3 плахах перекрытия, которые на момент исследований находились в заполнении могильной ямы. При этом можно говорить о том, что в могильных ямах горизонтальные, наклонные перекрытия единичны.

Данные об аналогичном, подбойном у сибирских татар, способе устройств могильной ямы получены В.И. Матюшенко в 1977 г. при разведке в Называевском районе Омской области (Герасимов, 2007. С. 48–50). Судя по публикации, представлен именно подбойный способ погребения, в котором перекрытие возведено вдоль продольной стороны и состоит из 9 (!) бревен. Датировка комплекса не известна в связи с незначительной изученностью региона, предположительно погребение принадлежит историческим предкам казахов степного Прииртышья. Но по планиграфии комплекс (курган 6 м в диаметре, высотой до 0,4 м) вполне может быть помещен в отрезок XVII–XVIII вв. н.э.

Таким образом, для интересующего нас региона и хронологического промежутка сложно представить динамику выбранной группы элементов традиции детально. Пока, как нам представляется, речь может идти о некоей общей схеме процесса. Этнография представляет данные о доминировании подбойного способа устройства могильной ямы, при наличии сведений и об иных способах такого устройства, бытовавших в историческое время. Археология XVII–XVIII вв. н.э. демонстрирует нам устройство могильной ямы как однокамерной, в которой могут быть размещены дополнительные объекты. Например, элементарный объект (элемент) – плаха – перекрытие, конструкции (несколько плах, сопряженных или не сопряженных между собой), сооружения (объекты, состоящие из сопряженных элементов и конструкций – ящики, колоды, подкладки, обертки и т.д.), размещенные вблизи погребенного или на границе могильной ямы и поверхности (Корусенко, Полеводов, 2010. С. 136). Среди таких объектов выявлены и наклонные перекрытия.

Казалось бы, преемственность традиции не прослеживается, разве что за исключением упомянутых наклонных перекрытий, данные о которых получены и в археологических комплексах, и в этнографических материалах.

В таком случае, возможно, перед нами единственный факт, который можно соотнести с археологическими и этнографическими материалами. Такого единичного факта для поиска соответствий между археологическими и этнографическими данными для убедительных, достоверных реконструкций, конечно же, мало.

Вероятно, в таком случае необходима адаптация методических приемов. Например, ситуация меняется, если допустить следующий посыл – в рамках культуры изучаемого населения в интересующий нас хронологический период существовало (сосуществовало?) несколько вариантов традиции, которой соответствовали, в том числе и свои группы взаимосвязанных элементов – таких как, например, способы устройства могильных ям.

Тогда, очевидно, необходимо расширить перечень признаков для анализа. В этот перечень (наряду с фиксацией наличия/отсутствия перекрытий, их формы, типа) нужно добавить для археологических материалов такие параметры, как глубина могильной ямы, стратиграфия насыпи, связь типа погребений и внутренней хронологии погребального памятника. Для этнографических материалов, как нам представляется, необходим такой признак, как глубина могильных ям (ее изменение – маркер определенных изменений в мировоззренческой системе). Для обеих групп материалов нужен учет природных и исторических условий их фиксации.

Вероятно, при использовании такого увеличенного комплекса признаков динамика элементов традиции в обустройстве могильной ямы будет возможной для исследования.

Библиографический список

Герасимов Ю.В. Поздние археологические комплексы в Нововаршавского района Омской области // Казахи Омского Прииртышья: история и современность. Омск, 2007.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Корусенко М.А. Варианты устройства могильной камеры в погребениях тарских татар (XIX–XX вв.) (опыт анализа культурных взаимодействий) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. IX междунар. семинара. Ханты-Мансийск; Омск, 2002.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовий р. Тара в XVII–XX вв. (опыт анализа структуры и содержания) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 7.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. К проблеме динамики погребальных конструкций в могильниках XVII–XX веков в низовьях р. Тары // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010.

Материалы этнографической экспедиции ОмГУ, 1980 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 7–3 (сборы в населенных пунктах тарских татар).

Материалы этнографической экспедиции ОмГУ, 1984 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 11–3 (сборы в деревнях курдакско-саргатской группы сибирских татар).

Материалы этнографической экспедиции ОмГУ, 1990 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 60–2 (сборы в населенных пунктах ялutorовских татар).

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.

Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Погребальный обряд барабинских татар // Обряды народов Западной Сибири). Томск, 1990.

Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск, 1983.

Усманова М.С. Поездка к сибирским татарам пригородных деревень Черная Речка и Барабинка Кафтанчиковского сельсовета Томского района, июль 1987 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. 1208.

ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

К.А. Лавыш

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси, Минск, Беларусь

На территории Беларуси найдено несколько групп изделий, связанных своим происхождением или генезисом с материальной культурой Золотой Орды. Они указывают на определенное присутствие в средневековых городах Беларуси выходцев из Золотой Орды или их ремесленных традиций.

О контактах средневековых городов Беларуси с Золотой Ордой свидетельствует заметная группа керамики, которая появляется здесь в XIII в. На территории Беларуси найдены фрагменты самой распространенной группы золотоордынской керамики – кашинной керамики с рельефной моделировкой поверхности и полихромной подглазурной росписью. Керамика этого типа имела выпуклый подглазурный декор, который в большинстве случаев достигался росписью густым ангобом, имевшим силикатную основу, т.е. фактически жидким кашинном. Для полихромной росписи характерны темно-зеленый, реже темно-синий или темно-коричневый контуры рисунка и синие точки и бирюзовые пятна, разбросанные на светлой поверхности. Довольно часто свободный фон заполнялся штрихами и точками. Наружная сторона чаш почти всегда декорировалась стилизованным изображением лепестков лотоса, с включением синих точек, иногда медальонами с синими точками. Орнаментация внутренней стороны чаш разнообразна. Орнамент располагался чаще всего концентрическими кругами от центрального мотива или небольшого медальона, обозначавшего центр, или радиально. Популярными мотивами были лотос, различные растительные и геометрические розетки, стилизованные ныряющие рыбки. Зооморфные мотивы встречаются реже. Использовался и эпиграфический декор. Фрагменты этого типа керамики выявлены в Новогрудке, Лукомле, Слониме, Друцке, Гродно (Гуревич, 1981. С. 110. Рис. 89.-2; Штыхов, 1969. С. 321, 339. Рис. 15.-6; Коваль, 2005. С. 57–59). Это мелкие фрагменты чаш с орнаментом, выполненным зеленым контуром на светло-сером фоне и дополненным синими точками. На фрагменте из Лукомля прочитывается растительный орнамент, на фрагментах из Новогрудка и Слонима – косая сетка, выполненная синим кобальтом.

К группе золотоордынской поливной посуды примыкают кашинные бусы (6 экз.), найденные на Замковой горе в Мстиславле Л.В. Алексеевым. Эти бусы покрыты бирюзовой поливой и имеют сложную форму, в своей основе бочонкообразную, с валиками вокруг отверстия и пересекающимися косыми насечками, которые образуют решетку или зигзаг. Большое количество кашинных золотоордынских бус происходит из Новгородской земли (Ю.М. Лесманом учтено 384 экз.). Самые ранние образцы происходят из комплексов, синхронных XIV ярусу в Новгороде, который датируется приблизительно 1238–1268 гг., причем более 50% бус могут быть отнесены ко времени функционирования застройки XIV яруса. Находки XIV в. немногочисленны. Ю.М. Лесман (1994. С. 191–193) считает, что такая ранняя датировка массового поступления кашинных бус в Новгородскую землю и их быстрый выход из обращения свидетельствуют об их разовом поступлении практически сразу после монгольского завоевания Руси, и связывает это поступление с торговой операцией купца, прибывшего в Новгород вместе с ордынскими послами в 1257 г. или численниками в 1259 г. Бусы из Мстиславля аналогичны одному из вариантов фигурных бус, найден-

ных в Новгородской земле (Лесман, 1994. Рис. 1.-6).

С золотоордынским кругом связан ряд костяных накладок для украшения колчана, найденных в Турове, Бресте, Мстиславле, Минске, Друцке, Гродно, Новогрудке, Лукомле и Волковыске. Все они объединены сходной формой узких вытянутых пластин, общим характером и приемами орнаментации, где использованы геометрические, растительные и зооморфные мотивы. Они принадлежат к золотоордынскому кругу и находят аналогии среди костяных накладок на колчан XIII–XIV вв., найденных в Поволжье.

Среди них выделяется группа костяных накладок на колчан с мотивом оленя. На накладках из Турова и Бреста орнамент расположен горизонтальными поясами на поверхности вытянутой по вертикали узкой прямоугольной пластины. На брестской находке в нижнем поясе пластины изображен лежащий олень с подогнутыми ногами и большими разветвленными рогами (Лысенко, 1985. С. 279. Рис. 190.-4). Изображение выполнено схематично. Выше расположены поясами геометрические и растительные элементы. Брестская находка по организации орнамента и орнаментальным мотивам очень близка пластинам, украшавшим колчан из позднекочевнического погребения XIII–XIV вв. (курган №14, погребение 1) у с. Сидоры (Михайловский район Волгоградской области) (Малиновская, 1974. С. 154. Табл. VIII.-22). В Бресте обнаружен еще один фрагмент костяной накладки на колчан – нижняя часть пластины с изображением стоящего оленя на фоне, покрытом крестовой штриховкой и пояском геометрического орнамента. В Турове найдено три пластины, на одной из них в нижней части помещено изображение лежащего оленя, компактное по очертаниям, с небольшими рогами (Очерки по археологии Белоруссии, 1972. С. 103. Рис. 38.-1–3). Фон изображения покрыт крестовой штриховкой. В верхней части пластины помещен спиральный растительный элемент, который делит плоскость по вертикали на две части, одна из которых заполнена крестовой штриховкой. Вторая пластина аналогична указанной выше, а третья представляет собой узкую длинную пластину, окаймлявшую боковую пластину основного набора.

Особого внимания заслуживают шесть костяных накладок для колчана из Мстиславля, орнаментированные геометрическими, растительными и зооморфными мотивами (Алексеев, 1962. С. 198. Рис. 1). Основную часть орнаментированной поверхности занимает геометрический орнамент (зигзаг, плетенка, ромбы, косые крестики). Очень примечателен зооморфный мотив нижней части центральной пластины, которая имеет форму лопаточки. Он представляет собой сдвоенных (с общим телом) кошачьих хищников (львов или барсов). Головы их динамично повернуты друг к другу, в пасти они держат две человеческие головы в шапках. Изображение выполнено врезанной неглубокой контурной линией, уве-

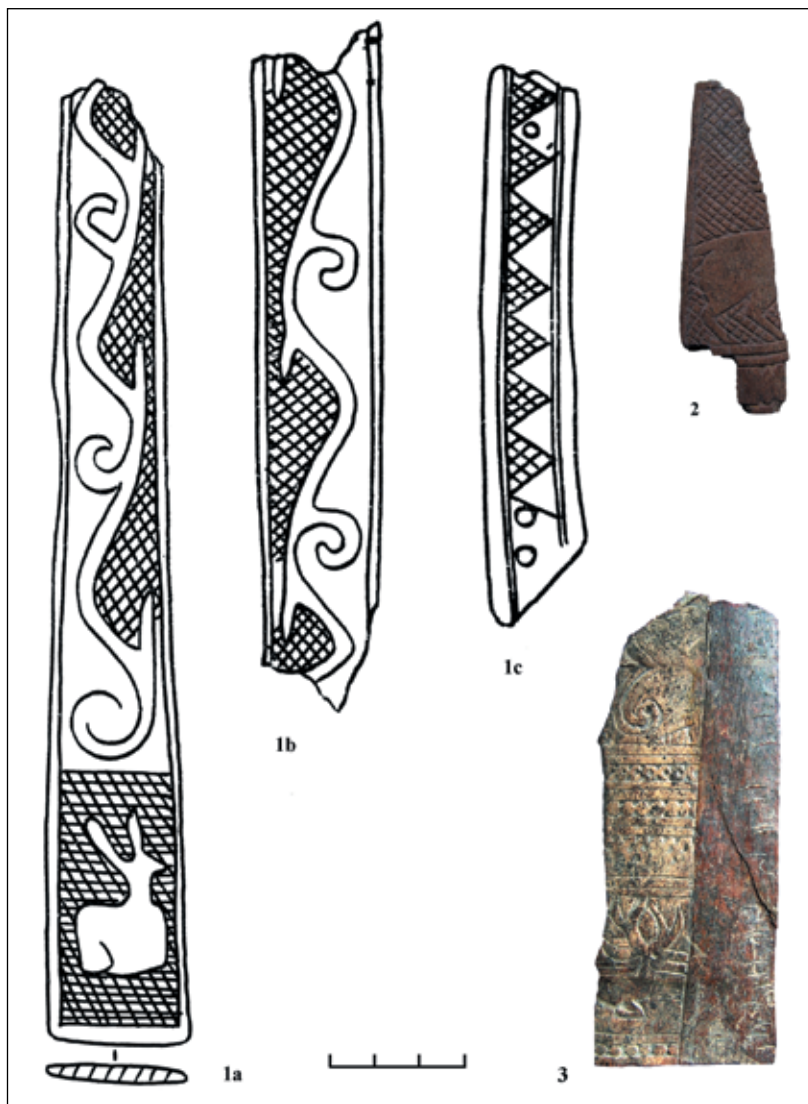

Рис. 1. 1а–с – накладки на колчан (кость, резьба). Золотая Орда. 2-я половина XIII – XIV в. Найденны в Турове (Брестская область). Раскопки П.Ф. Лысенко (по: Штыхов, Поболь, 1972. С. 103. Рис. 38.-1–3); 2–3 – накладки на колчан (кость, резьба). Золотая Орда. 2-я половина XIII – XIV в. Найденны в Бресте. Раскопки П.Ф. Лысенко. Брестский областной краеведческий музей

ренно и выразительно. Скорее всего, эта композиция является каким-то символом, смысл которого пока скрыт от нас. Такой фантастический зооморфный мотив необычен для золотоордынских костяных накладок на колчан, тем не менее его можно соотнести с зооморфными мотивами (в основном кошачьи хищники) накладок из с. Верхнее Погромное (Малиновская, 1974. С. 149–150, 156, 158. Табл. IV).

Выраженные степные кочевнические черты имеет костяная пластина из Минска (Алексеев, 1962. С. 205. Рис. 6.-1). Она узкой вытянутой прямоугольной формы, украшена геометрическим орнаментом и характерным спиралевидным мотивом. Три зоны, орнаментированные поясками из зигзагов, ромбиков и кружков, выполненными выемчатой техникой, чередуются с двумя ажурными участками, один из которых украшен характерной для искусства кочевого мира волутообразной спиралью, а другой – сеткой четырехлепестковых косых крестиков.

При раскопках детинца в Друцке в слое XIII в. были найдены фрагменты двух накладок степного кочевнического облика (Алексеев, 1962. С. 208–209. Рис. 6.-3–4). На одном из них сохранились четыре горизонтальных орнаментальных пояска из геометрических элементов (зигзаги, треугольники и ромбы). В Гродно и Новогрудке найден ряд фрагментов костяных накладок, которые могут быть связаны с украшением колчана и налучья (Гуревич, 1981. С. 102. Илл. 79.-6–7).

Несколько особняком стоят накладки из Волковыска и Лукомля, орнамент на которых скомпонован вдоль длинной стороны пластины (Зверуго, 1975. С. 56. Рис. 18.-9; Пластыка Беларусі, 1983. Ил. 10, 11). Орнаментация известных накладок на колчан построена по противоположному принципу – узкими горизонтальными поясками на поверхности неширокой вертикальной пластины. Возможно, эти накладки украшали какой-либо иной предмет либо являлись местными вариациями на кочевнические темы. С края пластины, найденной в Волковыске, помещен пояс геометрического орнамента с расположенными в шахматном порядке заштрихованными и гладкими клеточками, в следующем поясе изображен стоящий олень, далее – растительные элементы. Фон изображений заполнен косой штриховкой. Эта накладка близка другой накладке из Волковыска, где прорисованы бегущие друг за другом дракон, кошка и олень и такой же шахматный узор из заштрихованных и гладких клеточек. На накладке из Лукомля показаны бегущие друг за другом львы с «процветшими» хвостами, они очень условны и скорее похожи на собак. Тела животных украшены подпругами. Заполненный косой штриховкой фон изображений, плоскостность, условный врезанный контур, мотив дракона и оленя, фризовое расположение животных сближают рассматриваемые накладки с кочевническими накладками для колчана, однако расположение фигур вдоль длинной стороны пластины, отсутствие треугольников, ромбов и зигзагов, выполненных в выемчатой технике, не характерно для золотоордынских образцов.

Отдельную группу образуют накладки на сумку, связанные с золотоордынской традицией. Они имеют круглую форму с шестью лепестками по окружности, в центре помещено изображение кошачьего хищника с повернутой назад головой и поднятым хвостом, голова и хвост почти соприкасаются, и фигура образует кольцо. Такие накладки были найдены в западной части Витебской губернии, Турейске и у д. Вензовщина (Щучинский район Гродненской области) (Квятковская, 1998. С. 129. Рис. 48.-1, 4. Фото 40).

С золотоордынской традицией связаны серьги в виде вопросительного знака, распространенные на Руси в XIV в. Они состояли из проволочного стержня, изогнутого наподобие вопросительного знака, на конец которого надета бусина. На территории Беларуси такие серьги найдены в Гродно, Новогрудке, Волковыске, д. Родзьки (б. Холомерская волость б. Городокского уезда), сельских поселениях Понеманья. Аналогичные серьги известны в древностях Волжской Болгарии и Золотой Орды (Седова, 1981. С. 15–16; Гуревич, 1981. С. 4; Археалогія Беларусі, 2001. С. 290–291; Сементовский, 1890. С. 72; Крамаровский, 2001. С. 232–233, 305–306. Кат. №75–76, 366–369).

К началу XV в. относятся пластины поясного набора из монетно-вещевого клада, найденного в начале 1990-х гг. у д. Литва Молодеченского района Минской области. В комплекс клада входили одиннадцать круглых пластин, пряжка, наконечник, две квадратные накладки, составляющие единый поясной набор, четыре монеты, две из которых были отчеканены Вацлавом IV (1379–1419) на монетном дворе Кутна Гора в Чехии (определение В.Н. Рябцевича). Все одиннадцать пластин пояса, пряжка, наконечник и мелкие накладки выполнены из серебра, большая их часть украшена позолотой и чернью. М.Г. Крамаровский причислил его к кругу памятников малоазийско-латинской группы, выделенной им для восточно-крымской торевтики. Родившийся в Великом княжестве Литовском Хаджи Гирей с помощью великого князя Витовта около 1428 г. подчинил Крым и проводил политику сближения с Великим княжеством Литовским. Возможно, пояс из клада у д. Литва попал на территорию Литовской Руси в числе подарков Витовту или его двору, когда великий князь принимал в Минске татар с южных границ государства (Крамаровский, 1995. С. 42–43).

Возможно, часть рассматриваемых находок (керамика, элементы костяных накладок на колчан, серьги в форме вопросительного знака, накладки на сумку) были связаны с татарами, переселившимися на земли Великого княжества Литовского по приглашению великих князей литовских, которые высоко ценили их как отличных воинов. Первые письменные свидетельства о татарах на землях Великого княжества Литовского относятся к началу XIV в.: в 1316 и 1319 гг. татары принимали участие в битвах Гедимины с Тевтонским орденом (Гришин, 1995. С. 10). Возможно, после окончания походов часть из них осталась на постоянной военной службе в Великом княжестве Литовском. Массовое переселение татар на земли Княжества началось при Витовте (1392–1430). В самой Орде в это время были междоусобные войны между наследниками Чингисхана. Неизвестный автор «Трактата о польских татарах» (1558) писал: «Семьи нашего рода, уставшие от беспокойной жизни, переселились в ту сторону» (Гришин, 1995. С. 13; Muchliński, 1858. S. 250). Появившиеся в Великом княжестве Литовском ордынцы получали из рук великого князя вотчины, за которые несли военную службу. Сначала татары расселялись дисперсно отдельными слободами в районе Вильно, Гродно, Лиды, Новогрудка, Крева. Важно отметить, что значительная часть золотоордынских находок концентрируется именно в этом северо-западном, а также центральном регионе современной Беларуси.

Таким образом, находки, свидетельствующие о контактах средневековых городов Беларуси с Золотой Ордой, достаточно многочисленны и разнообразны. Они представлены изделиями из кости, цветных металлов, керамикой, которые свидетельствуют о присутствии как самих выходцев из Золотой Орды, так и их традиций, воспринятых в местной среде.

Библиографический список

- Алексеев Л.В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии // Советская археология. 1962. №4.
- Археалогія Беларусі. Т. 4: Помнікі XIV–XVIII ст. Минск, 2001.
- Гришин Я.Я. Польско-литовские татары. Наследники Золотой Орды. Kazan, 1995.
- Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Окольный город. Л., 1981.
- Зверуго Я.Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск, 1975.
- Квятковская А.В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII в.). Вильнюс, 1998.
- Коваль В.Ю. Восточная и византийская керамика из коллекции Национального музея истории и культуры Беларуси // Музейны веснік / Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. Минск, 2005.
- Крамаровский М.Г. «Когда кони были потны...» Крым и Литовская Русь по материалам Раковского клада XV в. // Эрмитажные чтения. Памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1995.
- Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Лесман Ю.М. Кашинные бусы в новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1985.
- Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Очерки по археологии Белоруссии / под ред. Г.В. Штыхова, Л.Д. Поболя. Минск, 1972. Ч. 2.
- Пластыка Беларусі XII – XVIII стст.: альбом / аўт. і склад. Н.Ф. Высоцкая. Минск, 1983.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Сементовский А.М. Белорусские древности. СПб., 1890.
- Штыхов Г.В. Раскопки в Лукомле в 1968–1969 гг. // Древности Белоруссии: докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
- Muchliński A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // Teka Wileńska. 1858. Nr 4.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУРАХ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Могильник Устюг-1 на Тоболе является одним из немногих памятников эпохи Великого переселения народов в лесостепном Зауралье. В отличие от известного Козловского могильника (Чернецов, 1957), он имеет несколько лучшую сохранность органики и лучше стратифицирован. Курганы локализуются несколькими цепочками в широтном направлении. Нами исследовано 16 малых насыпей диаметром 6–8 м, высотой 0,3–0,8 м.

Курганы, как правило, содержали по два погребения, из которых одно – центральное, одно – вводное в полу, рвов вокруг них не имелось. В нескольких случаях в низине между двумя соседними насыпями расположено погребение, образующее с подкурганными общий ряд, что указывает на сочетание

традиций грунтовых и курганных захоронений в данном некрополе. Могилы – овальной формы, небольших размеров, глубиной от 0,05 до 0,9 м. Ряд вводных погребений сделан в погребенной почве и не углублен в материк. Около могил имеются следы тризны в виде разбитых или оставленных целых сосудов, костей лошади. Аналогичное размещение курганных и грунтовых погребений в единые ряды с востока на запад нам известно по Козловскому могильнику на Андреевском озере близ Тюмени (Матвеева, Рафикова, Попов, 2009).

Коричневый тлен на дне ям указывает на использование органических подстилок или гробов, например, в погребении 3 кургана №35 на месте предполагаемого расположения скелетов прослежены отпечатки берестяных коробов. Умершие подвергались пеленанию или связыванию. Стереотип размещения в могильной яме представлен одиночными ингумациями на спине, головой на север или северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками, инвентарь и пищу клали в изголовье. Вместе с тем встречены четыре парных захоронения: 2 раза – взрослый + взрослый, двое детей-близнецов, взрослый + ребенок. В курганах №34 и 35 обнаружены два кенотафа, а также одно захоронение с конем, помещенным позднее над засыпанной могильной ямой.

Большинство умерших имели головы башневидной формы, что обусловлено искусственной деформацией, которая производилась с применением круговой повязки вокруг мозгового отдела черепа, без использования плоских подкладок. По определению О.Е. Пошехоновой, у двух погребенных женщин имеются повреждения черепа от удара сверху тупым предметом, у одной взрослой женщины был ниже грудины сломан позвоночник. Многие женщины характеризуются выраженным рельефом на костях конечностей, как у мужчин. У мужчин на суставах зафиксированы дистрофично-дегенеративные проявления. Часть зубов людьми утрачена при жизни, у ряда захороненных зафиксирован абсцесс, коронки некоторых зубов стерты до корней.

Керамика – самых разнообразных форм и декоров. Комплекс сочетает круглодонные бомбовидные горшки с бакальским орнаментом в виде поясков подквадратных небрежных вдавлений или резных линий по плечикам либо с полосой гребенчатого узора на шейке и коническими ямками, нарезками по бортику; банки с плоским бортиком, карымские горшочки и кувшины с фигурно-штампованной орнаментацией; плоскодонные кувшины с ручкой и кушнаренковским узором из валиков, покрытых штампом, и желобков. Никакой группировки могил с определенной керамикой не прослеживается. Вся она использовалась относительно одновременно.

Найдены железные кольчатые удила и псаии, костяные и железные черешковые наконечники стрел в истлевших колчанах, железные черешковые ножи с горбатой спинкой, круглые бронзовые пряжки с подвижным язычком, ременные наконечники, бусы, бисер, подвески плоские круглые из серебра, зооморфные и орнитоморфные изображения, фибула, бронзовые бляшки-пуговицы, калачиковидная серьга.

Округлые бронзовые без щитка пряжки из погребения 1 раскопа 4 имеют утолщенный дрот с передней стороны рамки и в два раза более узкий внутренний, что указывает на использование несохранившихся подвижных язычков. Маленькие бронзовые пряжки с подвижным язычком, без щитка, из погребения 2 кургана №28 отличаются длинными прогнутыми язычками. Такие разновидности характерны для конца IV – начала V в. н.э. (Малашев, 2000. С. 205). Наконечник-подвеска двухчастный с секировидным расширением нижней части подвески относится к типу Н7, по В.Ю. Малашеву (2000. С. 206), который датируется им первой третью IV в., хотя такие могут встречаться и позднее. Аналогии находим в Тарасовском могильнике, в погребении 1785 (Голдина Р.Д., 2003. Табл. 669.-5–2; 677.-3), что подкрепляет более поздний хроноинтервал.

Круглые плоские бляшки из серебра с отверстиями для подвешивания сходны по форме и материалу с привесками, крепившимися за одно отверстие к передней части головных уборов, найденными в подбоях и склепах второго типа городища Алтын-асар (Левина, 1996. Рис. 109.-17, 21). Они есть в Бродовском могильнике, но там к ожерелью были привешены золотые круглые пластинки (Голдина Р.Д., 1986. Табл. 14.-5).

Бусинные наборы состоят из одноцветного и многоцветного стекла. Одноцветные – желтая бочковидная крупная (Голдина Е.В., 2010. Рис. 37.-IB7); такие же мелкие сходны с двухчастными неволинскими бусами VII–IX вв. (Голдина Е.В., 2010. Рис. 37.-IB21). Бусы в прикамских памятниках – из красного стекла и грязно-синие бочковидные средних размеров (Голдина Е.В., 2010. Рис. 35.-IB19), черная бочковидная – датируются концом VII–IX вв. (Голдина Е.В., 2010. Рис. 37.-IA10). Двухчастная бусина золоченая с золотым листком, из трубочки с закраинками, такие известны с позднеримского времени. Бусины темно-синие, удлиненные, 14-гранные известны с первых веков н.э. и позднее, в частности, в Бирском могильнике (Мажитов, 1968. Табл. 4.-37). Там же в погребениях IV в. встречены мелкие бусы

светло-зеленые коротко цилиндрические и грязно-синего цвета (Мажитов, 1968. С. 13. Табл. 4.-19, 20). Красные из бочковидных сегментов трехчастные и удлиненная цилиндрической формы характерны для конца IV – V в. в материалах неволинской культуры (Голдина Е.В., 2010. Рис. 30.-IA37), как и желтые зонные (Голдина Е.В., 2010. Рис. 34.-IA4). Черный цилиндрический бисер известен по неволинским могильникам IV–VIII вв. (Голдина Е.В., 2010. Рис. 34.-IA9). Многоцветные бусы плоской прямоугольной формы из глухого голубого стекла с красными глазками в белых ресничках характерны для раннего средневековья, похожие найдены в кургане №324 Бродовского могильника в составе ожерелья из бус и золотых подвесок (Голдина Р.Д., 1986. Табл. 14.-5). Круглая из темно-синего стекла с оранжевыми глазками бусина и треугольная подвеска из многоцветного черно-сине-желтого стекла, полосы на которой разделены белыми границами, аналогии находят в стекле позднеримского времени из Причерноморья – рубеж эр – II в. н.э. (Алексеева, 1975. Табл. 16.-13; 1978. Табл. 27.-63. С. 43).

Подвески из белой бронзы в виде стилизованного стоящего медведя известны из позднесаргатских памятников – Памятное, Абатский-3, из Козлова Мыса-2, из некрополей Прикамья, например, Тарасовского (Голдина Р.Д., 2003. Табл. 66, 67), птицевидные – в прикамских и приуральских материалах, например, в Бирском, Тарасовском могильниках (Мажитов, 1968. Табл. 7.-9). Выпуклые бронзовые бляшки с петелькой на обороте близки прикамским накладкам на ремешки (Голдина Р.Д., 2003. Табл. 190.-1–1). Лучковая фибула иволистной формы с асимметричным приемником и застежкой в виде улитки, плоская, с декором из сочетаний насечек и выпуклин аналогии находит в Тарасово и мазунинских погребениях III в. Такие фибулы с узкой спинкой характерны для Волго-Уральского региона и являются местным типом конца III – V в. (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 144). Серьга бронзовая калачиковидная плоская литая с углублением посередине и семью гнездами для стеклянных вставок имеет аналогии в гуннских древностях, например, с Маклошеевского городища, но там – с пятью гнездами (Засецкая, 1994. Рис. 11.-1). Как пишут С.Г. Боталов и С.Ю. Гуцалов (2000. С. 133), развитие калачиковидных серег идет от простых форм к сложным гроздевидным со вздутиями, поэтому наш экземпляр может считаться ранним – IV–V вв.

Получается, что захоронения в исследованных курганах следует датировать в интервале IV–VII вв., ближе к концу IV–V вв. Могильник Устюг-1 более всего похож на некрополи эпохи Великого переселения народов Козловский и Усть-Тара-7 в Западной Сибири. Но первый, кажется, существовал раньше его, а второй – позже. В нашем памятнике – ниже доля карымской керамики, меньше грунтовых погребений. То есть наблюдается длительное сосуществование северных мигрантных групп с автохтонами, в ходе которого и складывается местная бакальская культура раннего средневековья. Интересно отметить относительно большое количество следов увечий, болезней и травм на скелетах людей, говорящих о напряженной военной или конфликтной социальной обстановке того времени. Влияние южных культур, вероятно, через ремесленные центры Приаралья также имело место, хотя регулярность и прочность международной торговли по традиционным караванным путям были поколеблены. Однако наборы бус, поясная гарнитура, украшения, поступавшие к населению Зауралья, часть плоскодонной керамики имеют все сходные с приаральскими типы.

Почти все умершие имели прижизненно деформированные головы, не исключено, что это делалось в качестве выравнивающего этнические отличия мероприятия, предпринимавшегося для консолидации социума. Следы увечий и травм на костях скелетов позволяют считать, что погребенные участвовали в войнах или каких-то вооруженных конфликтах и вели образ жизни, ведущий к быстрому износу организма и ранней смерти. В раннесредневековых популяциях Западной Сибири затем этот обычай бинтования головы приобретает гипертрофированные черты, хотя для предшествующего саргатского населения был больше характерен на раннем этапе, а на позднем следы его практически отсутствуют (Багашев, 2000. С. 214). Обычай изменять форму черепа зафиксирован у сарматского населения в широком ареале евразийских степей, а также у части кочевников Средней Азии. Особенно массовым он стал с проникновением и расселением гуннов в Восточном Приаралье, на Тянь-Шане (Ходжайов, 2006. С. 14–15), в Поволжье и Подонье (Батиева, 2006. С. 55). Традиция затем развивалась у средневековых племен лесостепи и подтайги Западной и Южной Сибири (Скандаков, Данченко, 1999. Рис. 12).

В целом могильник Устюг-1 входит в один круг с некрополями Козловским и Ипкуль-15 (Чикуннова, 2011), демонстрирующими сложение бакальской культуры из разнородных компонентов. Публикуемый памятник находится в числе объектов, содержащих разнотипную керамику в синхронных комплексах, он наиболее ярко указывает, как нам уже приходилось отмечать (Матвеева, 2007, 2009), на синтез позднесаргатских, карымских, бакальских, зарождающихся кушнаренковских элементов. Ис-

следователи данной проблематики, например, В.Д. Викторова и В.М. Морозов (1993. С. 184) называли и другие компоненты культурогенеза в лесостепном и лесном Зауралье: туманский (он же фактически карымский), батырский, смешанный кашинско-бакальский, петрогромский, выделенные типологически из наслоений на жертвенных местах и отложений из многократно посещаемых металлургических площадок Горного Урала. Но они не стратифицированы и не датированы, поэтому не имеют доказательного значения в силу слабости источников, а по новым материалам Козловского могильника, Коловского городища и других подтверждается пока участие только кашинского и карымского компонентов (Матвеева, 2011. С. 70).

Библиографический список

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975 (САИ; вып. Г1-12, ч. 1).
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ; вып. Г1-12, ч. 2).
Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000.
Батиева Е.Ф. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века н.э.) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006. Вып. 5.
Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.
Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010.
Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.
Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003–2004. Т. 1–2.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.
Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.
Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов, 2000.
Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // AB ORIGINE. 2007. Вып. 1.
Матвеева Н.П. Поликультурная среда лесостепного Зауралья в середине I тыс. н.э. и формирование ранне-средневековых общностей // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009.
Матвеева Н.П. Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов // Труды III Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород; Старая Русса, 2011. Т. 2.
Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Попов Н.А. Результаты раскопок могильника Козлов Мыс-2 эпохи великого переселения народов в 2007–2009 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Сер. историко-филологическая. Тюмень, 2009. №7.
Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер.: Преемственность. Омск, 1999. Вып. 3.
Ходжайов Т.К. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006. Вып. 5.
Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. М., 1957 (МИА; №58).
Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Труды III Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород; Старая Русса, 2011. Т. 2.

ТЮРКСКИЙ МИР И ВОЛГО-КАМЬЕ В VIII–XIV вв.: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НА ОСНОВЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

К.А. Руденко

Государственный университет культуры и искусств, Казань, Россия

История формирования тюркоязычных этносов Волго-Камья вызывала и вызывает до сих пор научные споры и дискуссии. Очевидна их генетическая связь с историей Волжской Булгарии, а затем Золотой Орды. Ключевым моментом здесь выступала история волжских булгар, происхождение которых и их историческая судьба тесно увязывались с этногенезом большинства народов региона. В истории изучения этой проблемы можно рассматривать три периода. Первый (XVIII – 2-я треть XIX в.) можно охарактеризовать как исторический, когда основная информация о волжских булгарах основывалась на сведениях письменных источников. Второй этап (последняя треть XIX – 1-я половина

XX в.) характеризуется активным развитием лингвистического направления, основанного на изучении языка болгарских эпитафий и «Болгарского именника», подкрепленного в 1920–1930-х гг. языковедческими исследованиями Н.Я. Марра. Третий этап (2-я половина XX в.) базируется на преобладании археологических источников, которые стали основой этногенетических исследований. Отметим, что это деление достаточно условно, поскольку на третьем этапе исследователями активно используются и данные лингвистики и исторические сведения. Более того новое осмысление письменных источников становится в последнее время весьма активным.

Не касаясь всех историографических вопросов, отметим, что с XVIII в. в российской исторической науке господствовала теория об изначальном славянстве населения, известного под именем волжских болгар. В конце этого столетия шведским историком И.Э. Тунманом была высказана и другая гипотеза, по которой волжские болгары являлись «осколком» гуннской орды, проявившейся в Европе в IV в. Говорили они, по его мнению, на тюркско-финском или венгерском языке.

В XIX в. по мере развития научного знания (прежде всего археологии, этнографии), исторического источниковедения и введения в научный оборот новых данных (в основном письменных и эпиграфических источников) славянская автохтонная гипотеза постепенно уступала свои позиции теории миграции, где, кроме переселения славян-болгар на Волгу, набирала силы чувашская гипотеза, сторонники которой считали, что первоначальные болгары говорили на тюркском языке, близком современному чувашскому, и что болгарский язык был тюркским. С этого времени тезис о том, что тюркоязычное население было пришлым на Средней Волге, стал господствующим и связывался с булгарами. Недостаток фактических данных и отсутствие в источниках конкретного указания на то, что после распада приазовской Великой Болгарии Кубрата болгары откочевали на север по Волге, делали неопределенным дату этого события. Ее определяли с VI и до IX в. включительно.

С точки зрения археологического материала концептуально этот сюжет осмыслил в своих трудах 1950 – 1-й половины 1960-х гг. А.П. Смирнов, считавший, что этнокультурные процессы VI–X вв. в Поволжье были связаны с булгарами – потомками ираноязычных сармат и с местными финскими племенами. Тюркизация этого смешанного этноса, по его мнению, произошла только после монгольского нашествия. С иной точкой зрения в 1970-х гг. выступил А.Х. Халиков (1989. С. 76, 78; 2011. С. 179), утверждавший, что еще в добулгарское время (в II–IV вв.) в Волго-Камье проникают тюркские племена, сохранившиеся в Прикамье вплоть до следующей волны тюркоязычных болгарских племен под названием эсегель (эцкель). Е.П. Казаков (1978, 1992) в 1980-х гг. обосновал гипотезу, согласно которой значительную роль в этногенезе болгарской народности сыграл угорский этнос. В.А. Иванов, в какой-то мере продолжив идею Е.П. Казакова, охарактеризовал раннюю Волжскую Булгарию как страну, населенную преимущественно угороязычными народами, где доля тюркского компонента была не очень значительной.

Взаимодействие тюркоязычных и иных этносов в IX–X вв. долгое время рассматривалось исследователями как некий механизм, который собственно и привел к формированию оседлого населения Волжской Болгарии и в конечном итоге послужил толчком к формированию многих современных этносов Среднего Поволжья и Предуралья, в том числе и казанских татар. Тем не менее вопрос о том, как население с непостоянной оседлостью, в письменных источниках обозначенное как болгары, стало полностью оседлым, да еще и земледельческим, оставался не разъясненным.

Этот факт объяснялся и объясняется чаще всего волнами миграций, последние из которых были уже перемещениями оседлого населения. Согласно другой версии болгары-кочевники были правящей элитой, очень быстро утратившей мировоззрение и образ жизни кочевников и смешавшейся с местным финно-угорским населением. Другие исследователи отрицают кочевой характер болгар-пришельцев, наделяя их культуру чертами оседлой, почти земледельческой традиции.

Отметим, что наряду с этим поднимался и вопрос, как происходило взаимодействие кочевников и оседлого населения в период «обретения Родины» булгарами и в последующем, когда Средняя Волга стала их этнической территорией. Так, А.Г. Иванов (1998. С. 107–109) предположил, что в VIII–IX вв. это взаимодействие выражалось в насильственном перемещении булгарами среднекамского населения на болгарские земли, В.В. Напольских (2006. С. 104) считает, что в этот период произошла интеграция оседлого финноязычного населения с тюркоязычными булгарами, причем, не детализируя суть этого процесса. Е.П. Казаков обосновал этапность взаимодействия булгар с окружающими народами, считая, что прямые включения (в результате миграций) в болгарский этнос иноэтничных групп населения происходили в IX–X вв., в дальнейшем (в XI–XIII вв.) этот процесс сводился по большей части к инфильтрации из соседних регионов финского и угорского населения. Другие исследователи делают акцент на торговые и культурные связи, сопровождавшиеся метисацией контактирующего населения на протя-

жении VIII–X вв. Таким образом, существующие в настоящее время гипотезы, касающиеся этой темы, не выходят за рамки вышеозначенных. Опубликованную в конце 1990-х гг. версию, согласно которой болгарское государство было создано «под руководством» шведских викингов (Измайлов, 1999), можно рассматривать как курьез.

Имеющиеся материалы как археологические, так и данные письменных источников показывают, что в VIII–IX вв. болгары на Волге занимались кочевым скотоводством и, чтобы стать государством, это кочевое общество должно было интегрироваться в единую социально-экономическую систему с оседлым (Хазанов, 2008. С. 279–280). Иначе говоря, ключевым вопросом в отношении этно-, социо- и культурогенеза населения Волжской Булгарии является дихотомия кочевого и оседлого мира. Только выделение волжских болгар из единого степного пространства кочевников и восприятие этого пространства как мира иной культуры стало началом их новой истории. Когда это произошло?

Как свидетельствуют исследования Е.П. Казакова, проанализировавшего материал болгарских могильников VIII–X вв. и поселений X в., здесь проявляются две тенденции. Первая из них показывает, что, имеющие отношение к кочевому миру артефакты можно рассматривать как этнический компонент в раннеболгарских некрополях. Вторая связана с материалами селищ X в. Здесь находки, ассоциирующиеся с кочевой средой, немногочисленны (в основном это детали конского снаряжения и вооружения), по большей части широко распространенные среди восточноевропейских кочевников.

Скорее всего, начало этого процесса нужно отнести к началу – 1-й трети IX в. Превращение волжской зоны в постоянное место для кочевания болгар заставило их искать контакты с ближайшим оседлым населением (поломско-чепецким), которое занимало территорию нижнего течения Камы и ее притоков. Причем в это же время часть прикамского населения продвинулись в Закамье, вступив в непосредственный контакт с булгарами. Это была своеобразная колонизация южных территорий, в ходе которой осваивались пустовавшие и весьма удобные для земледелия территории. Причем этот процесс во многом стимулировал развитие социальной жизни в Прикамье.

Булгары быстро адаптировались к этой ситуации, что привело уже в начале IX в. к перемещению большей их части из Предволжья со степными или остепненными территориями в новую экологическую нишу – Западное Закамье, представляющее из себя лесостепь, и форсированному процессу седентаризации, сопровождавшемуся ломкой привычных связей и дезинтеграцией кочевого общества. Закамье стало своего рода контактной зоной, где встретились две достаточно разные культуры: болгарская и прикамская. Это ярко показывают материалы Танкеевского и Тетюшских могильников IX–X вв. В это же время здесь начинают появляться и первые постоянные поселения, где проживало смешанное население, причем ранние болгарские городища и поселения этого времени по топографии во многом напоминали прикамские. Связь болгар с кочевым миром во многом становилась номинальной и элитарной, как дань традиции. Булгарский тип хозяйства в это время можно охарактеризовать как полуоседлое скотоводство, сложившееся вследствие ассимиляционных и аккультурационных процессов. Новая система экономических, культурных и политических связей воспринималась, прежде всего, болгарской элитой, заимствовавшей в первую очередь идеологию, отразившуюся в погребальной атрибутике. Не меньшее значение имело официальное принятие новой религии – ислама. И пока подавляющая часть болгарского населения не стала оседлой, до тех пор ислам не стал повсеместным.

Во 2-й – 3-й четверти X в. соседние булгарам кочевые племена огузов и печенегов превращаются в силу, противостоящую нарождающейся болгарской оседлости, с одной стороны, а с другой – в мощнейший ускоритель этого процесса. Из всех этих признаков последний в конечном итоге оказался решающим. Все эти факторы стали причиной переноса социально-политической активности в X в. из Прикамья на берега Волги и создание в конечном итоге болгарского государства. Фундамент его составила поселенческая структура уже осевших на землю кочевых болгар и очаги земледелия и оседлости. Отметим, что во второй половине X в. на короткий срок развивается болгарское пастушеское скотоводство, которое в начале XI в. исчезло вовсе, будучи замещенным земледелием и оседлым скотоводством.

Совершенно иным было взаимодействие болгар и тюркских государств, а также болгар и тюркоязычных кочевников в XI–XII вв. В первом случае это маркируется находками аскизских предметов и их местных реплик в Волго-Камье. Эта тема достаточно подробно рассмотрена (Руденко, 2001). Во втором случае стоит отметить, что, по данным письменных источников, на протяжении второй половины XII в. отношения болгар с половцами были весьма напряженными. Достаточно часто половцы участвовали в походах русских князей на булгар. В болгарской материальной культуре домонгольского времени находок (кроме предметов конского снаряжения), связанных с кочевниками, очень немного, как собственно и болгарских изделий в кочевнических могильниках.

В ордынскую эпоху многоукладный характер экономики этого государства возродил практику пастушеского скотоводства, что было обусловлено особой этнокультурной ситуацией в Волго-Камье. Этот период был рассмотрен нами в специальной статье (Руденко, 2008).

Библиографический список

- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск, 1998.
- Измайлов И.Л. «Русы» в Среднем Поволжье: (этапы булгаро-скандинавских этносоциальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999.
- Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.
- Напольских В.В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар. Казань, 2006.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: исследование и каталог. Казань, 2001.
- Руденко К.А. Этнокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в Казанском Поволжье в XI–XIV вв. (по археологическим данным) // Finno-Ugrica. 2008. №11.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб., 2008.
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
- Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2011.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

А.Г. Ситдинов

*Казанский (Поволжский) федеральный университет;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия*

Эпоха Казанского ханства ограничена небольшим количеством письменных источников, а археологические памятники имеют незначительную исследованность. Письменные источники дают в большей степени представления о военно-политической истории региона и лишь косвенно затрагивают социально-экономические вопросы. Имеющиеся исторические свидетельства в основном представлены русскими летописями, которые не всегда полно излагают события, связанные с соседними регионами. Сведения о Казанском ханстве, сохранившиеся в описаниях иностранцев, характеризуются фрагментарностью и неточностями.

Частично события этого времени реконструируются по материалам археологических исследований. Имеющиеся данные раскопок памятников этого времени в Среднем Поволжье пока малочисленны и носят разрозненный характер (Фахрутдинов, 2004; Кокорина, 2006; Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдинов, 2009). Исследования последних лет в округе Касимова, Курмыш, Наровчат, Мурзиг, Билярск и др. (Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдинов, 2009), а также материалы предшествующих лет дают возможность проанализировать некоторые проблемы в изучении этого периода.

Первая половина XIV в., предшествующая рассматриваемому периоду, характеризуется подъемом экономики Золотой Орды. Этот процесс напрямую затрагивает и лесостепь Среднего Поволжья, где происходит количественный рост поселений и появление новых поселений в степной зоне. Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований Воронежской, Тульской, Липецкой областей и др. (Цыбин, 2004. С. 317–319). В материальной культуре золотоордынских городов Поволжья отмечается увеличение доли изделий, характерных для жителей лесостепной и лесной зон (Грибов, 2008; Тропин, 2006; Недашковский, 2010). Отмечается и обратное движение, растет ассортимент изделий золотоордынского производства в пограничных поселениях лесной зоны. Усиливается процесс мусульманизации и христианизации финского населения региона. Отмечается приток в пограничные лесостепные районы волжских и пермских финнов, что находит отражение в материалах золотоордынских городов (Болгар, Наровчат, Курмыш, Джукетау, Биляр-Торецкое и др.).

В этот период в Среднем Поволжье и Посурье переживают подъем крупные города (Наровчат, Болгар, Биляр, Джукетау, Нижний Новгород, Казань и др.), появляются новые поселения (Курмыш, Мурзиг, Сундырь и др.) (Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдинов, 2009; Федулов, 2009; Фахрутдинов, 1975; Никитина, 2009).

В южных лесостепных и даже степных районах Рязанской области в середине XIV в. относительно домонгольского времени возрастает число русских поселений, а также увеличивается и количество больших сельских поселений (Тропин, 2006). На этих поселениях фиксируются специфичные для степного населения Золотой Орды чугунные котлы, поливная и красноглиняная керамика ордынского производства (Ситдилов, 2009; Цыбин, 2004). Появление этих предметов иллюстрирует не только присутствие не свойственных для населения лесной полосы изделий, но и показывает изменения его быта, а возможно, и присутствие иного населения, мирно сосуществовавшего на этих поселениях. Данные материалы демонстрируют активное этнокультурное взаимодействие в этот период в регионе.

Ситуация стала меняться во 2-й половине XIV – начале XV в. после эпохи «большой замятни». Происходит рост военных столкновений и отток населения на север в лесную зону. Происходит затухание поселенческой жизни в лесостепной зоне. Вероятно, оседлое население региона покидало ранее освоенные территории степной зоны в поисках более безопасных мест. Об этом свидетельствуют и русские летописания, описывающие не только запустение в степи и лесостепи, но и приход на службу русским князьям служилых татар и заселение ими не традиционной для них лесной зоны. Обстоятельства, вероятно, усугублялись ухудшением положения населения региона с изменениями природно-климатических условий и их гибелью в связи с эпидемиями в южных районах, известных по письменным источникам.

К этому времени относится возникновение предпосылок к появлению в лесной полосе самостоятельных тюрко-татарских государств в пограничной зоне с русскими княжествами. Новые государства, представленные Казанским и Касимовским ханствами, занимают важное место в системе государств Восточной Европы. Они в начальный период наравне с Московским княжеством становятся серьезным претендентом на объединение ордынских земель в лесостепной зоне региона.

Во 2-й половине XX в. планомерным археологическим исследованиям подвергаются некоторые памятники Казанского ханства. В числе изученных такие известные памятники, как Казанский кремль и прилегающие территории, Камаевское городище и Русскоурматское селище.

Имеются публикации, указывающие на существование в этом регионе, кроме известных ханств, самостоятельных удельных татарских княжеств – бейляков. Территория размещения этих образований формирует непрерывную полосу граничащих с друг другом княжеств, расположенных в лесостепной и лесной полосе между Касимовским и Казанским ханствами. К сожалению, остаются не изученными письменные источники, освещающие взаимодействие бейляков, Московского княжества и татарских государств. Перспективным является исследование археологическими методами административных центров (Темников, Кадам, Кузнецк и др.) и их поселенческой округи.

Благодаря исследованиям последнего десятилетия в Волго-Камье удалось получить новые материалы из культурных напластований памятников Казанского ханства: Казань, Лаишево, Свияжск, Алабуга, Арск и др. Удалось установить преемственный характер развития этих поселений с домонгольского времени. Данные наблюдения позволяют говорить о формировании городской культуры ханского времени на основе болгарских традиций и значительном влиянии на его сложение элементов материальной культуры поволжско-финского населения.

Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения, многие болгарские поселения продолжили свое существование. Это свидетельствует об устойчивой социально-экономической структуре и системе расселения, сложившейся еще в домонгольское время. Именно города являлись военно-административными и экономическими центрами государственной власти, а преемственность их размещения указывает на сохранение традиционных форм хозяйственной жизни и управления.

Необходимо также обратиться к Писцовым книгам XVI–XVII вв., где населенные пункты описаны с указанием их принадлежности к административной единице – сотням, учитывая порядок управления в регионе до начала XVIII в. Источниковедческие и этноархеологические исследования поселений позволяют проследить особенности формирования современных селений Волго-Окского региона. Одним из направлений подобных исследований должны стать археологическое выявление и локализация населенных пунктов 2-й половины XV – XVI в.

Самой острой проблемой, выпадавшей из сферы активного изучения казанскими учеными, является вопрос формирования татар Среднего Поволжья региона (Ситдилов, 2009. С. 142–144). Для решения этого вопроса требуются разработка и реализация программ по изучению Касимовского ханства, мест компактного проживания темниковских и нижегородских групп татар. При этом надо учитывать, что тюркизация этих районов начинается с домонгольского времени. Известны десятки болгарских могильников и поселений на данной территории.

В последние годы накоплен новый археологический материал, имеются публикации ранее неизвестных письменных источников, но проблемы, обозначенные вокруг этого вопроса, требуют продолжения целенаправленных изысканий с привлечением широкого круга специалистов. Исследование этнокультурного взаимодействия в зоне лесостепи Волго-Окского региона решает важные вопросы развития материальной культуры значительной части средневекового населения Восточной Европы.

Библиографический список

- Валиулина С.И. Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII–XIV вв. (на примере памятников округа Билярского городища) // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009.
- Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2006. Вып. 10.
- Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат. науч. семинара. М., 2007. Вып. 1.
- Каховский В.Ф. О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980.
- Михеева А.И. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV веков // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2006.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнэр: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола, 2006.
- Очеретин И.А. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II. Муром, 1994.
- Ситдинов А.Г., Ахметгалин Ф.А. Материальная культура населения Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья // Фаизхановские чтения: сб. мат. ежегодной науч.-практ. конф. М.; Нижний Новгород, 2009.
- Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006.
- Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1975.
- Федулов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009.
- Цыбин М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЮЖНОТАЕЖНОМ ПРИТОБОЛЬЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

И.Ю. Чикунова

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия

Проблемы и вопросы этнокультурного взаимодействия, как и связей различного характера между определенными группами населения Европы и Азии, Приуралья и Зауралья, давно волнуют исследователей. И если раньше большее внимание уделялось степени влияния Приуралья и Прикамья на материальную культуру средневекового населения Зауралья (Чернецов, 1957; Могильников, 1987), то в последнее время прослеживается обратная тенденция (Белавин, Крыласова, 2012).

В процессе анализа материалов, полученных при раскопках зауральских средневековых памятников, складывается впечатление о наличии постоянного взаимодействия населения Зауралья как с западными, так и с восточными регионами. Причем наиболее отчетливо это прослеживается на материалах могильников и городищ южнотаежного Притоболья последней четверти – конца I тыс. – начала II тыс. н.э. Особенно это заметно по некоторым категориям бронзовых предметов.

1. Накладки бронзовые, квадратные, с прямоугольной прорезью, плоским щитком и скошенными бортиками. Имеют четыре шпенька с обратной стороны. Щиток украшен углубленным прочерченным растительным орнаментом, схожим с узором на сердцевидных накладках. Достаточно широко распространены в средневековых могильниках Прикамья и Приуралья (Генинг, 1979. С. 100. Вкладка). Серия таких накладок обнаружена в составе погребального инвентаря могильника Менино-II на Кубенском озере (север Древней Руси) (рис. 1.-3) (Археология севернорусской деревни..., 2008. Рис. 76, 81). Подобные накладки в единичном экземпляре найдены на Ликинском могильнике на

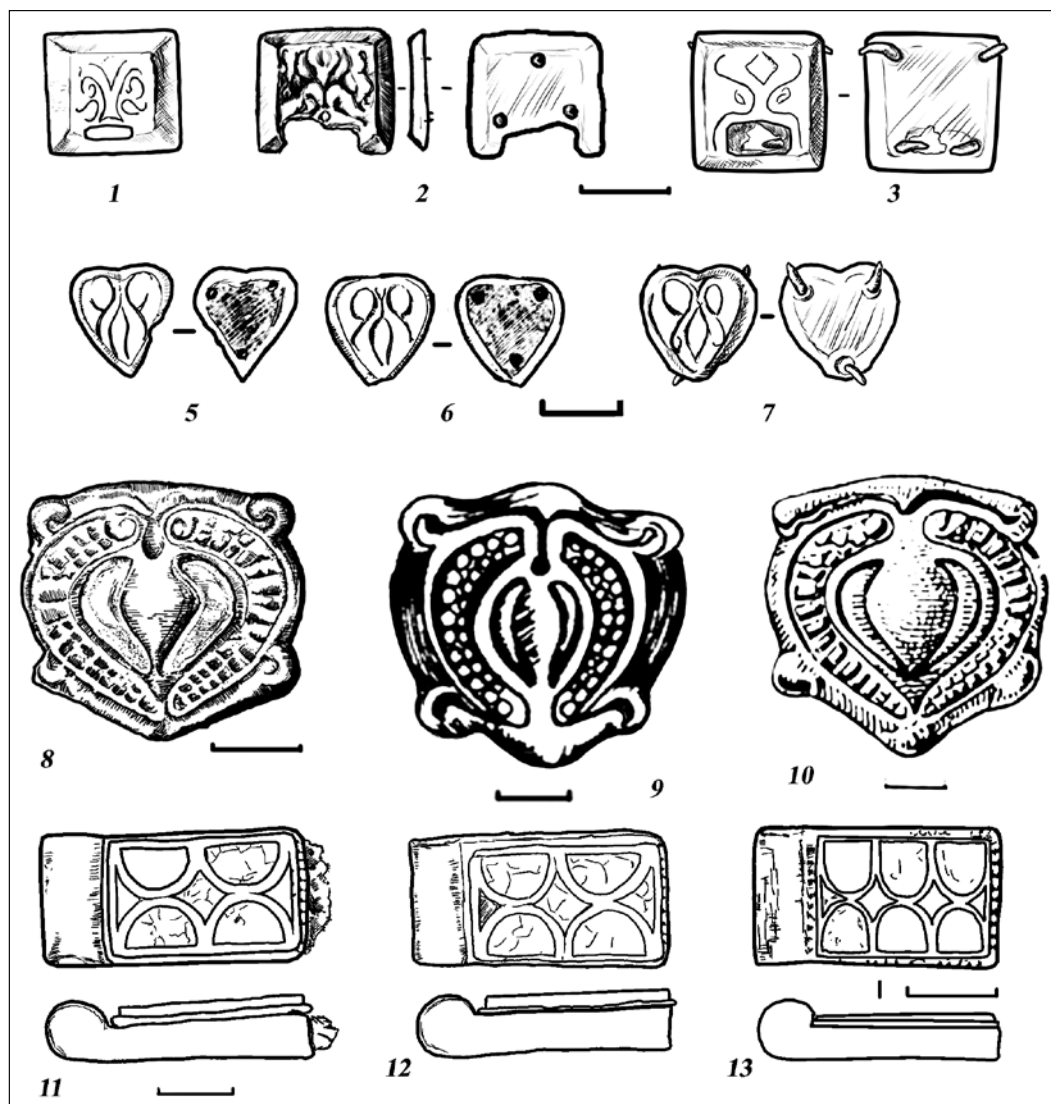

Рис. 1. Квадратные накладки: 1 – Ликинский могильник; 2 – городище Черепаниха-2; 3 – могильник Минио-II. Сердцевидные накладки: 5, 6 – могильник Вак-Кур; 7 – могильник Минио-II. Ажурные накладки: 8 – городище Черепаниха-2; 9 – Рождественский комплекс; 10 – могильник Барсов Городок. Наконечники ремней: 11, 12 – Ипкульский могильник; 13 – Тураевский курганный могильник (1–12 – бронза; 13 – бронза, золото, камень, стекло)

р. Лозьва (рис. 1.-1) (Викторова, 2008. С. 63. Рис. 48.-в) и юдинском городище Черепаниха-2 на р. Тавда (рис. 1.-2) (Чикунова, 2010).

2. Накладки бронзовые, сердцевидные, с плоскими щитками, скошенными бортиками и тремя шпеньками с обратной стороны, с углубленным прочерченным растительным орнаментом. Встречены сериями в составе погребального инвентаря могильника Минио-II на Кубенском озере (север Древней Руси) (рис. 1.-7) (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 90, 94. Рис. 81). Абсолютно аналогичные накладки найдены на грунтовом могильнике Вак-Кур, находящемся буквально в 1600 км к востоку от Минио-II, в Нижнем Притоболье (рис. 1.-5, 6) (Зах, Чикунова, 2010. С. 111, 116. Рис. 5.-1, 2, 9).

3. Ажурная накладка из белой бронзы, сердцевидная, с растительным (?) орнаментом и шпеньками на обороте, найденная на городище Черепаниха-2 (рис. 1.-8) (Чикунова, 2010), имеет полные аналогии в материалах раскопок могильника Барсов Городок (рис. 1.-10) (Могильников, 1987. С. 164–177. С. 339. Табл. ХСІ.-36) и Рождественского некрополя в Прикамье (рис. 1.-9) (Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С. 101–124. Рис. 10.-22).

4. Спиральные пронизки, поясные кольца, различные накладки, разделители и наконечники ремней с ажурным растительным орнаментом или гнездами для инкрустации (рис. 1.-11–13) также распространены на отмеченной обширной территории – от Белозерья до Прииртышья (Генинг, 1979;

Голдина, Водолаго, 1990. С. 118. Табл. 1.1.-27; Голдина, 2004. С. 260. Рис. 130.-10; Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 84. Рис. 71; С. 113. Рис. 102; Голдина, Бернц, 2010. С. 274. Табл. 99.-1, 2; Чикунова, 2012).

5. Особый интерес представляют полые литые зооморфные подвески, изображающие в большинстве случаев медведя. Единичная находка сделана в нижнем слое поселения Минино-I (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 138. Рис. 125.-7. С. 139), а также в материалах неволинской и ломоватовской культур (Голдина, 2004. С. 250). Однако следует отметить, что в западных белозерских и приуральских памятниках такие подвески распространены в X–XII вв., в то время как в зауральских, притобольских, приишимских, прииртышских и приобских материалах пронизки-подвески, изображающие медведей, зайцев, бобров, начинают встречаться несколько раньше – в IV–VI вв. (Матвеева, 1994. С. 137. Рис. 70.-1, 2; Готов, 1989. С. 70. Рис. 1; Чикунова, 2012).

Анализ погребального обряда и инвентаря обозначенных приуральских памятников показывает незначительные расхождения с археологическими материалами Зауралья (Притоболье–Новосибирское Приобье), что в свою очередь позволяет высказать предположение о наличии явления большего, чем просто торгово-обменные отношения. Близость материалов средневековых археологических культур Приуралья, среднетаежного Зауралья и Обь-Иртышья может предположительно свидетельствовать о существовании на этой территории единой историко-культурной общности с близкими, если не идентичными культурными образованиями (Чемякин, Карачаров, 2002. С. 5–74).

Имеющиеся, иногда прямые, аналогии в погребальном инвентаре, а также находки на прикамских памятниках керамики, типичной для Зауралья, орнаментированной уголковым штампом, по мнению коллег, свидетельствуют, что взаимодействие носило не точечный временный характер, а скорее – регулярной «инфильтрации определенных групп населения» и существования нескольких путей такого взаимообратного перемещения (переселения) (Белавин, Крыласова, 2012. С. 84–88). Не исключено, что южнотаежное Притоболье, достаточно свободное от непосредственного влияния тюркоязычного кочевого населения, в эпоху раннего и развитого средневековья играло роль буферной зоны между культурными образованиями западной и восточной части Евразийского континента, концентрируя при этом в материальной культуре местных обществ многие инородные элементы.

Библиографический список

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Связи Приуралья с Западной Сибирью (на примере средневековых памятников Березниковско-Соликамского археологического микрорайона) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2012. Вып. 2.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург, 2008.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2010. Т. 17.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.

Могильников В.А. Культуры лесного Зауралья VII–XIII вв. // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002.

Чикунова И.Ю. Отчет о полевых исследованиях 2009 г. Раскопки городища Черепаниха-2 в Нижнетавдинском районе Тюменской области // Архив ИПОС СО РАН. 2010. №7/13.

Чикунова И.Ю. Отчет о полевых исследованиях в 2010 и 2011 гг. Раскопки Ипкульского курганного могильника в Нижнетавдинском районе Тюменской области // Архив ИПОС СО РАН. 2012. №7/14.

ВОЕННОЕ ДЕЛО В СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ В РАННЕМ И РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАНЦИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ П.К. ФРОЛОВА

Л.Л. Баркова, В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

В Государственном Эрмитаже хранятся археологические предметы, собранные П.К. Фроловым, который в 1817 г. был назначен начальником округа Колывано-Воскресенских заводов на Алтае, а в 1822 г. – стал еще и Томским гражданским губернатором. Многие вещи происходят из разрушенных или раскопанных курганов в предгорьях Алтая. Часть имеющегося собрания введена в научный оборот (Баркова, 2002; Король, Конькова, 2012; и др.). Цель данной работы – опубликовать предметы оборонительного вооружения хорошей сохранности из коллекции П.К. Фролова под №1122. Всего имеется 19 железных панцирных пластин, которые морфологически делятся на две серии: 13 (колл. №1122/48–51) и шесть пластин (колл. №1122/42–47).

Первая серия состоит из пластин ламеллярной структуры бронирования. Они соединяются между собой через систему сквозных отверстий при помощи кожаных ремешков. Длинной стороной пластины направлены по вертикали и набраны в горизонтальные полосы. Представлены фрагменты таких полос из пяти (рис. 1.-1; 3.-1), четырех (рис. 1.-2; 3.-2) и трех пластин (рис. 1.-3; 3.-3)*. Один экземпляр оказался одиночным (рис. 1.-4; 3.-4). Система расположения крепежных отверстий в пластинах одинакова. В каждой из них пробито по девять отверстий: четыре боковых, три срединных и два окантовочных. Они располагаются следующим образом: боковые – по одной паре в центре у каждого длинного края пластины, для соединения пластин в полосы; срединные – одна пара по середине верхней части пластины и одиночное отверстие по середине центральной части пластины, ближе к нижнему краю, для соединения между полосами; окантовочные – одна пара по углам нижнего края пластины, для крепления канта. Диаметр отверстий в пластинах варьирует в пределах 3–4 мм.

Форма указанных пластин овально-прямоугольная. Верхний край пластины закруглен, боковые стороны параллельны, а нижний край прямой. По пропорциям их можно разделить на два варианта. Первый – это изделия длиной 4,2–4,4 см, шириной 2,1–2,3 см (всего пять экземпляров; рис. 1.-1; 3.-1). Второй – изделия длиной 6,1–6,3 см, шириной 2,3–2,5 см (всего восемь экземпляров; рис. 1.-2–4; 3.-2–4). В поперечном и продольном сечении все пластины слегка выгнуты, т.е. профилированы для придания большей прочности. Верхний край пластин загнут слегка сильнее, чем нижний. Их наибольшая толщина в средней части 1,2 мм, ближе к краям – 1 мм.

Вязка пластин ремешками во многих местах сохранилась, что позволяет реконструировать особенности их сборки в составе панциря. Пластины набирались в горизонтальные полосы, путем наложения одну на другую справа налево. Боковые пары отверстий соседних краев совмещались, и каждая правая пластина перекрывала левую на 0,8–1 см. Соединение в полосу производилось длинным кожаным ремешком шириной 5–6 мм, толщиной 2 мм. Заходя в отверстие, ремешок сворачивался до полутрубки, а выходя, немного расширялся. Вязка начиналась с бокового отверстия крайней пластины в полосе на тыльной стороне. Затем ремешок продевался в другое боковое отверстие своей пары, проходя по лицевой стороне пластины и образуя короткий стежок. Потом он шел с тылу, по диагонали, к боковому отверстию в противолежащей паре. Здесь он проходил через два совмещенных отверстия соседних пластин и снова по лицевой стороне к двум совмещенным отверстиям этой пары. Далее он следовал по диагонали с тылу к следующей паре совмещенных отверстий, и принцип повторялся, пока ремешок не достигал последней пластины в полосе. После этого он начинал возвращаться к противоположному краю, удваивая с лицевой стороны короткие стежки, а с тыльной следуя по другой диагонали. С изнанки полосы такая вязка выглядит как чередование пересекающихся диагональных ремешков (Х-образно), а с лицевой стороны – как короткий вертикальный двойной ремешок.

* Все графические рисунки для статьи выполнены А.Л. Кунгуровым, а фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным.

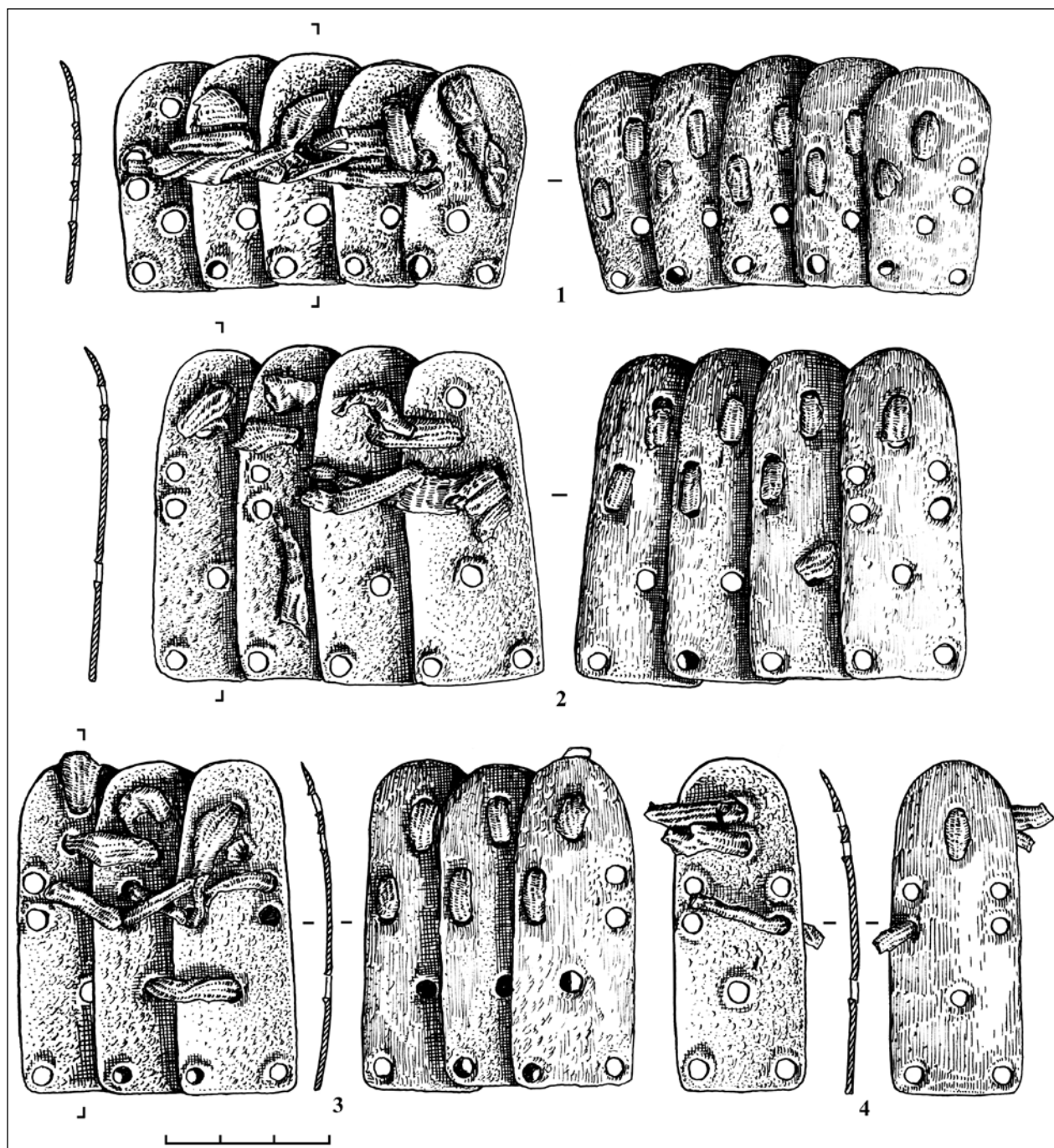

Рис. 1. Железные панцирные пластины первой серии из коллекции П.К. Фролова

Соединение между полосами производилось аналогичным длинным ремешком. При этом нижняя полоса должна была перекрывать верхнюю. В нашем случае такое перекрытие вряд ли превышало 0,7 см, иначе панцирь был бы малоподвижен. Сначала ремешок продевался с изнанки в срединное центральное отверстие крайней пластины верхней полосы. После чего он шел по лицевой стороне, заходя под пластину нижней полосы, и продевался в пару ее срединных верхних отверстий, образуя короткий вертикальный стежок. Затем ремешок шел с тылу к верхней паре соседней пластины и, войдя в нее, направлялся к центральному отверстию следующей пластины в верхней полосе. Из этого отверстия он шел по тыльной стороне к центральному отверстию соседней пластины, а далее вся схема повторялась. В результате с изнанки полос получались длинные горизонтальные стежки с пробелами, а на лицевой стороне – более короткие вертикальные стежки также с разрывами. Вся система вязки обеспечивала подвижность полос и позволяла им наслаиваться друг на друга в составе панциря, правда, лишь на половину своей ширины.

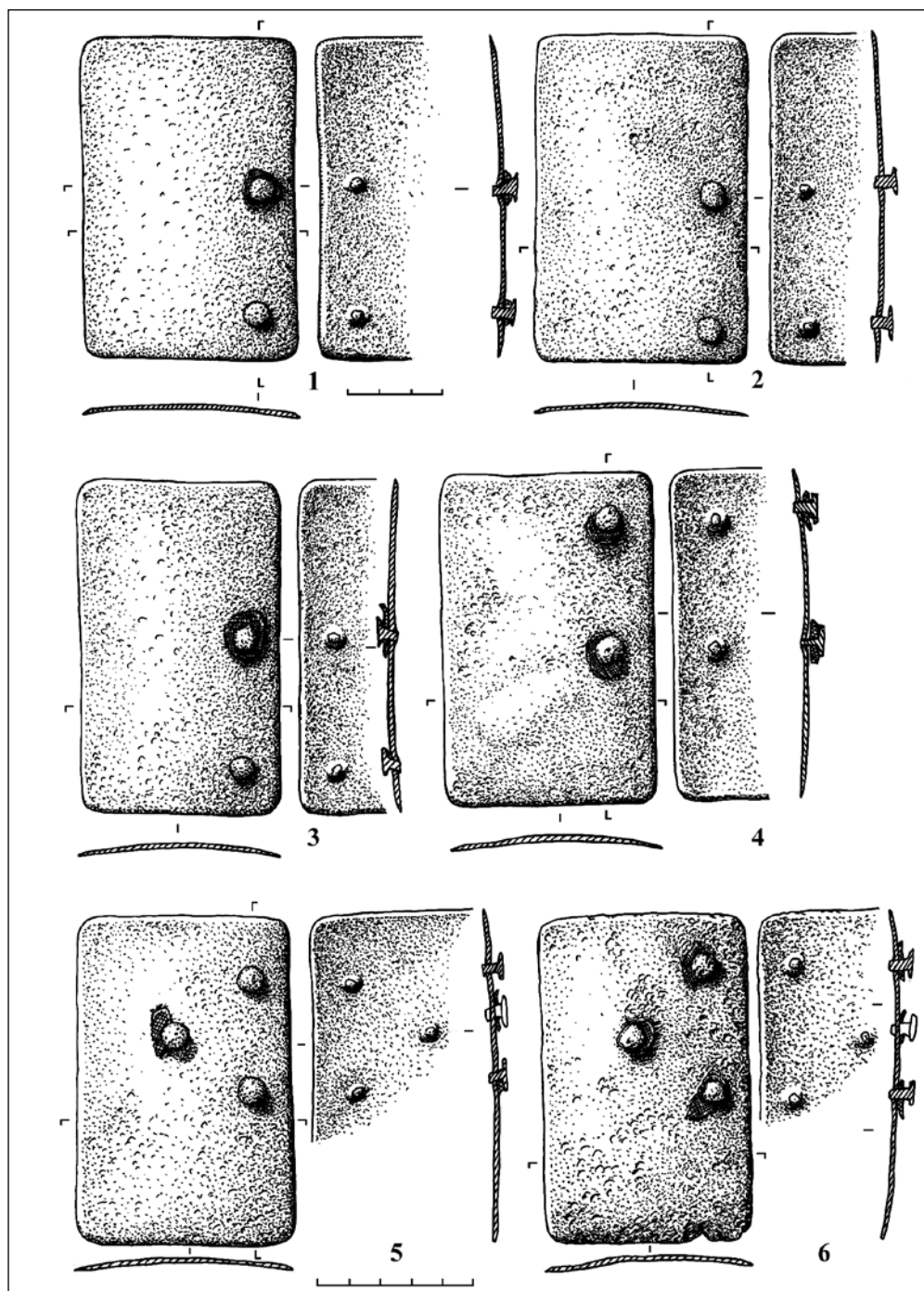

Рис. 2. Железные пластины второй серии из коллекции П.К. Фролова

Окантовка на пластинах отсутствует, но наличие специальных отверстий для нее подразумевает применение канта по нижнему краю таких полос. Впрочем, пластины могли дополнительно крепиться друг к другу вдоль нижней кромки и с помощью кожаного ремешка. В этом случае он пронизывал совмещенные окантовочные отверстия соседних пластин, образуя горизонтальные стежки с лицевой и тыльной сторон.

Панцирные пластины, аналогичные экземплярам первой серии по форме, пропорциям и системе расположения отверстий, бытовали у многих народов Евразии на протяжении IV–XIV вв. н.э. Они сформировались из сочетания двух военных традиций в изготовлении элементов брони: хуннуской – форма и пропорции, и сяньбийской – система отверстий (Горбунов, 2003. С. 46–47). Ограниченно такие пластины продолжали применяться и позднее, например, в составе «тибето-монгольских» панцирей XV–XIX вв. (Бобров, Худяков, 2008. Рис. 105.-6, 10). Однако ближайшие аналогии публикуемым изделиям происходят из курганов кыргызов, раскопанных в северо-западных предгорьях Алтая и датируемых 2-й поло-

Рис. 3. Пластины первой серии

виной IX – 1-й половиной X в. (Горбунов, 2003. С. 47. Рис. 27–28). Пластины из коллекции П.К. Фролова вполне могли быть найдены в кыргызском кургане или на одном из памятников сросткинской культуры этого региона, в которых также встречаются похожие образцы (Горбунов, 2003. Рис. 26.-8–9).

Вторая серия включает шесть экземпляров, относящихся к пластинчато-клепаной структуре бронирования. Они крепились к изнанке мягкой основы, через отверстия с помощью заклепок. Четыре пластины имеют по два отверстия с заклепками, расположенных парами. У трех изделий пара смещена ближе к правому нижнему углу пластины (рис. 2.-1–3; 4.-1–3), а у одного – к правому верхнему углу пластины (рис. 2.-4; 4.-4). Еще две пластины снабжены тремя отверстиями с заклепками, которые группируются у верхнего правого угла, образуя треугольник (рис. 2.-5–6; 4.-5, 6). Диаметр отверстий 4 мм. Заклепки состоят из цилиндрического стерженька длиной 6–8 мм. С тыльной стороны он расклепан незначительно, а с лицевой – в виде округлой шляпки диаметром 7–9 мм. Под десятью шляпками сохранились кусочки шерстяной ткани от основы.

Все пластины прямоугольной формы со слегка скругленными углами. Их длина 10,3–10,6 см, ширина – 6,4–6,8 см, толщина – 1,5–2 мм. В поперечном и продольном сечении пластины выгнуты, наибольшая глубина прогиба 3 мм. В составе панциря такие весьма крупные детали должны были закрывать нагрудную и спинную части. Обычно они крепились горизонтальными рядами, длинной стороной по вертикали. В ряду и между соседними рядами пластины чаще всего перекрывались.

Рис. 4. Пластины второй серии

Панцирные пластины, аналогичные экземплярам второй серии по всему набору признаков, бытовали в Евразии на протяжении XIII–XVIII вв. (Горелик, 1983. Табл. III; Бобров, Худяков, 2008. С. 378–382. Рис. 122–123). Публикуемым изделиям наиболее близки пластины из Абазинского рудника в Минусинской котловине, датируемые XIII–XIV вв. (Сунчугашев, 1979. С. 133. Табл. XXVII.-5, 7; Горелик, 1983. С. 251). Вероятно, и пластины из коллекции П.К. Фролова можно отнести к периоду развитого средневековья, о чем, помимо их гладкой поверхности, говорит отсутствие таких поздних признаков, как бортики, нервюры и заклепки с фигурными шляпками. На Алтае это первая находка деталей панциря пластинчато-клепаной структуры, которая существенно расширяет наши знания о вооружении местного населения в монгольское время.

Библиографический список

- Баркова Л.Л. Предметы звериного стиля из коллекции П.К. Фролова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. II.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
- Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торовтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012. Вып. IX: Труды САИПИ.
- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.

КАЗАХСКИЕ КОПЕЙНЫЕ ЗНАЧКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Л.А. Бобров

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-4281.2012.6)

Вещественные, изобразительные и письменные источники эпохи средневековья и раннего нового времени фиксируют факты применения кочевниками Евразии различных типов значков на боевых копьях. Несмотря на обилие материалов, данная тема ни разу не становилась объектом специально-

го научного исследования, основанного на комплексном анализе источников. Как правило, учеными фиксировался сам факт использования номадами на копьях волосяных бунчуков, бубенчиков, лент и флажков, причем эти элементы рассматривались почти исключительно как декоративные украшения. Однако анализ профильных материалов позволяет утверждать, что определенные типы копейных значков применялись воинами Великой степи отнюдь не бессистемно. В пользу данной версии свидетельствуют многочисленные сообщения современников эпохи позднего средневековья и раннего нового времени. Особый интерес в данной связи представляют копейные значки казахских воинов XVI–XIX вв., военное искусство которых впитало в себя многие элементы военно-культурных традиций тюркских кочевников Центральной Азии более ранних эпох.

К числу казахских копейных значков относятся бунчуки и флажки. Копейный бунчук представлял собой кисть из конского волоса, шерсти яка или узких матерчатых (часто шелковых) лент, которая подвешивалась к наконечнику или древку пики. Следует различать войсковые бунчуки (конские хвосты на древке) и их копейные аналоги. Первые утратили собственно боевую функцию (либо были лишены ее изначально), превратившись в символ власти военачальника или знамя воинского подразделения. Вторые представляли собой элемент оформления длиннодревкового оружия воина-кочевника. В казахских войсках XVII–XIX вв. войсковые и копейные бунчуки применялись параллельно.

До нашего времени дошли десятки изображений и описаний, а также несколько экземпляров подлинных казахских копейных бунчуков, что позволяет выделить особенности их конструкции и оформления.

Предназначенные для изготовления бунчука полосы шелка, сукна или парчи разрезались на узкие длинные ленточки, которые собирались в пучок и фиксировались специальным зажимом. Конский волос и шерсть яка перед тем, как собрать в пучок, иногда окрашивали в красный цвет. Также применялись бунчуки, собранные из хвостов вороных и белых лошадей. Существовало два основных способа подвешивания бунчука к копыю или пике. В первом случае кисть проклеивалась и приматывалась матерчатым или кожаным жгутом непосредственно к древку, часто охватывая его со всех сторон (рис. 1.-1, 3, 4, 6–12, 14–16, 34). Иногда конец кисти срезали под прямым углом, а образовавшийся «купол» из конского волоса или лент крепили непосредственно под втулкой наконечника (рис. 1.-1, 9, 11). Во втором случае кисть стягивалась и фиксировалась специальным металлическим, костяным, деревянным или кожаным зажимом и подвешивалась к древку на более или менее длинном шнурке или ремешке (рис. 1.-2, 5, 13, 30–33). Как правило, весь бунчук оформлялся в одной цветовой гамме. Преобладали кисти из черного конского волоса или черных шелковых лент. Также встречались экземпляры белого или красного цвета. Судя по узбекским материалам, иногда применялись составные двухцветные бунчуки. Верхняя кисть выполнялась из крашеной в красный цвет шерсти яка, а нижняя сохраняла естественный белый цвет (рис. 1.-15, 16). Размер копейных бунчуков существенно варьировался от миниатюрных кисточек («шашак») до целых конских хвостов («байрак»).

Изучение и сопоставление вещественных, изобразительных и письменных источников позволяют сделать вывод, что в отличие от войсковых бунчуков их копейные аналоги не являлись у казахов символом воинского подразделения или знаком власти военачальника. Судя по данным иконографии, их применяли как выдающиеся батыры и представители родоплеменной знати, так и отдельные ополченцы. Можно согласиться с предположением К.С. Ахметжана (2007. С. 113), что «кисть из конского волоса или шелковых шнурков» являлась «отличительным знаком воинов». Однако применяли такую индивидуальную метку далеко не все степные копейщики. В киргизском эпосе «Манас» даже существовал особый термин «тупектуу найза», обозначающий «копье с бунчуком» (Бейбутова, 1995. С. 130). Возможно, что кисть на древко пики мог позволить себе воин, заслуживший почет и уважение со стороны своих соратников. В пользу данной версии говорит тот факт, что самые большие «байрак» на копьях имели заслуженные воители и представители феодальной знати. Вероятно, такой пиетет к большим бунчукам восходит к почитанию знамен чингизидской аристократии, представлявших собой увенчанное трезубцем древко с большим бунчуком из нескольких конских хвостов (рис. 1.-37). Что касается малых копейных кистей («шашак»), то они имели, помимо прочего, и собственно военное назначение. Во время копейного удара кисть отвлекала внимание противника от направления движения наконечника.

Среди любителей военной истории распространено мнение, что копейные бунчуки применялись кочевниками всех эпох, широко и повсеместно. Это не совсем так. В эпоху поздней древности и раннего средневековья волосяные бунчуки у номадов Центральной Азии существенно уступали по численности матерчатым флажкам различных типов (Бобров, Худяков, 2005. С. 170. Рис. 5). Популярность копейных бунчуков у тюркских кочевников возрастала постепенно на протяжении раннего и развитого средневековья. Ее пик пришелся на XVII–XIX вв. Наибольшее число изображений и подлинных копей-

ных бунчуков содержат казахские материалы данного периода. Широкое распространение бунчуки из конского волоса и матерчатых лент имели также у киргизов, узбеков, волжских калмыков и башкир.

Другим интересным элементом оформления казахского длиннодревкового оружия были копейные флажки-вымпелы («жалау»), изготавливавшиеся из цветной материи. Представляется возможным выделить три основных разновидности «жалау», применявшихся казахскими воинами XVII–XIX вв. и различавшихся формой полотнища. В первом случае оно кроилось в виде треугольника, во втором хвост «жалау» разрезался на две части образуя пару узких «языков» («ласточкин хвост»), в третьем случае флажок представлял собой длинную ленту прямоугольной или подтреугольной формы.

Если в период раннего средневековья тюркские кочевники явно предпочитали флажки с вертикальным прямоугольным полотнищем с 1–3 языками, то в XVII–XIX вв. их наследники применяли в основном «жалау» треугольной формы (рис. 1.-17, 21, 24, 38). Численно преобладали флажки красного, оранжевого, белого, синего и зеленого цвета. В отдельных случаях полотнище имело кайму другого цвета. Так, например, встречаются красные, желтые и зеленые «жалау» с синей, красной и желтой окантовкой соответственно. Треугольные флажки на копьях стали активно применяться кочевниками Великой степи в период раннего средневековья. К XVII в. они стали доминирующей разновидностью копейных значков тюркских народов западной части Дашт-и Кипчак (крымских татар, ногайцев, башкир, сибирских татар, казахов, узбеков) (рис. 1.-18, 39). Весьма популярны треугольные копейные флажки были в османской и иранской армии XVI–XVII вв.

Вторая разновидность «жалау» представляла собой вытянутое горизонтальное полотнище с двумя узкими «языками», благодаря чему развернутый флажок напоминал ласточкин хвост (рис. 1.-19). Древнейшие изображения подобных флажков относятся к периоду раннего средневековья (Бобров, Худяков, 2005. С. 170. Рис. 5.-37–39). Однако в степях Центральной и Средней Азии эпохи средневековья и раннего Нового времени они имели ограниченное распространение. Этот тип флажков практически не встречается в киргизских, узбекских и монгольских материалах, но имеет аналоги среди башкирских копейных значков XVIII–XIX вв. (рис. 1.-23). В то же время он был исключительно популярен среди европейских конных копейщиков (польских гусар XVI–XVII вв., европейских улан XVIII–XIX вв. и др.). Возможно, некоторый рост популярности данного варианта «жалау» среди башкир и казахов в XIX в. связан с российским влиянием. В пользу данной версии свидетельствует расцветка некоторых башкирских «жалау» (рис. 1.-23), верхняя часть которых окрашена в красный, а нижняя – в белый цвет. Схожая расцветка фиксируется на вымпелах восточноевропейских улан и гусар XIX в.

Третьей разновидностью казахских «жалау» были матерчатые значки в виде длинных узких лент. Как правило, к древку под наконечником крепилась одинарная заостренная на конце лента (рис. 1.-22), однако применялись и одинарные или парные вымпелы вытянутой прямоугольной формы (рис. 1.-40). Схожие значки, выполненные из тонкой ткани или меха, в период позднего средневековья использовались узбеками (рис. 2.-20), монголами (Бобров, Худяков, 2008. С. 315. Рис. 97.-26, 4) и тибетцами (Бобров, Худяков, 2008. С. 317. Рис. 98.-2, 6).

Комплексный анализ письменных и изобразительных источников позволяет определить назначение флажков «жалау» в комплексе вооружения казахских воинов. По данным К.С. Ахметжана (2007. С. 112): «Цветные флажки на копьях служили опознавательными знаками военных отрядов». Представляется необходимым уточнить эту формулировку. В Польше и Османской империи XVII в., а также в кавалерийских полках Европы XVIII–XIX вв. форма и расцветка значков были унифицированы, так как они являлись символом принадлежности солдата к той или иной воинской части. Однако на изображениях, фиксирующих казахских воинов, мы не встречаем таких унифицированных вымпелов. Как правило, флажки на копьях имеют только отдельные воины, в то время как другие копейщики либо не используют копейных значков вовсе, либо носят на древках бунчуки.

Большинство иностранных наблюдателей сходятся на том, что флажки на пиках носили исключительно предводители казахских отрядов, причем цвет значка гармонировал с большим («родовым») знаменем и совпадал с цветом нарукавных повязок и нашивок рядовых воинов отряда. Так, например, Ж.-Б. Бретон отмечал в начале XIX в.: «Каждый [казахский] *офицер* (курсив наш. – Л.Б.) на конце пика имеет флажок определенного цвета, по которому их различают». Схожую задачу выполняли и флажки на пиках башкирских воинов того же периода: «Башкирские воины вооружены длинной пикой, украшенной флажком, по которому они узнают *офицера* (курсив наш. – Л.Б.)...». При этом копейный значок «офицера» не являлся аналогом родового знамени. Цветной флажок на древке выделял на поле боя командира отряда и служил символом подразделения, но не целого рода. Это четко зафиксировал знаток казахских реалий первой четверти XIX в. А.И. Левшин: «К вооружению киргизов принадлежа-

ли прежде знамена. Каждый род имел свое большое знамя и *каждое отделение – свой значок* (курсив наш. – Л.Б.), которые тщательно сохранялись в мирное время и вывозились только на войну, но не на баранты. Сражавшиеся с одной стороны для отличия союзников от неприятелей не только делали

Рис. 1. Казахские (1–14, 17, 19, 22, 24, 26–28, 30–34, 40, 41), узбекские (15, 16, 18, 20, 21, 25, 29, 30) и башкирские (23, 39) значки на копьях, бунчуки (35–37) и знамена (25–28, 41) XVI – середины XIX в.

Пояснение к рисунку 1

- 1, 2. С рисунка П.М. Кошарова «Два всадника», 1856 г.
- 3, 4. С картины А.Н. Горюновича «Тревога», середина XIX в.
- 5, 6. Петроглифы с мореной глыбы из бассейна р. Чаган (Горный Алтай), конец XVII – 1-я половина XVIII в.
- 7, 9, 24, 28. Петроглифы с погребальных памятников Западного Казахстана, XVIII–XIX вв.
8. С рисунка Д. Каппи «Киргиз (казах)», начало XIX в.
10. С картины А.О. Орловского «Отряд казахских воинов», начало XIX в.
11. С рисунка П.М. Кошарова «Оружие казахов Старшего жуза», XIX в.
12. С рисунка М.С. Знаменского «Оружие казахов», середина XIX в.
13. Казахская пика с волосяным бунчуком из ЦГМРК.
14. Казахская пика с волосяным бунчуком из ОГИКМ.
- 15, 16. С картины В.В. Верещагина «У дверей Тимура (Тамерлана)», 1872–1873 гг.
- 17, 18, 20, 25–27, 37. «Тарих-и Абулхайр-хани» Масуда ибн Усман Кухистани. Самарканд, 1540 г.
- 21, 35. «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йезди. Бухара, 1628 г.
19. С рисунка Дамам-Дэмартрэ «Киргизы» (казахи), 1809 г. Из книги Жана-Батиста Бретона «Россия, или нарвы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи» (Париж, 1813).
22. С рисунка неизвестного автора «Оружие казахских воинов», XIX в.
23. С рисунка «Башкир», 1809 г.
29. С картины А.О. Орловского «Киргизские (казахские) воины», начало XIX в.
- 30–33. С картины Барбиша «Смена жилища (перекочевка)», XVIII в. ГЭ, СПб.
34. С картины Р. Сергеева «Изображение киргизцов (казахов) мужского пола», начало XIX в.
36. «Хамса» Низами. Бухара, 1648 г.
38. С рисунка к книге М.И. Иванова «Описание зимнего похода в Хиву: 1839–1840», СПб., 1874 г.
39. С рисунка Г. Верне «Башкир из авангарда российской армии», XIX в.
40. С рисунка Д. Кэстля «Перекочевка казахов», 30-е гг. XVIII в.
41. С наброска картины А.О. Орловского «Переправа киргизов (казахов) через реку», начало XIX в.

значки одинакового цвета с главным знаменем, но и навязывали себе на руки такового же цвета платки, ленты или нашивали лоскутья какой-нибудь материи».

Большие «родовые» знамена («ту») применялись в казахских войсках параллельно с копейными флажками командиров отрядов («жалау») и личными значками казахских воинов (копейными бунчуками «байрак» и «шашак») (рис. 1.-28, 41). Интересно, что, судя по изображениям, знамена «ту» могли совмещать в себе прямоугольное или треугольное знаменное полотнище с волосяным или матерчатым бунчуком (рис. 1.-26–28). А некоторые типы узбекских позднесредневековых знамен могли нести вместе с полотнищем сразу оба типа бунчука – кисть «шашак» (под наконечником) и длинный «байрак» на специальном шнуре (рис. 1.-25).

Библиографический список

- Ахметжан К. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы, 2007.
- Бейбутова Р.А. К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.

ВОИНСКИЕ ПЛЮМАЖИ КАЗАХОВ XVII – СЕРЕДИНЫ XIX в.

Л.А. Бобров, Н.Е. Белоусова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-4281.2012.6)

Важным элементом воинского костюма кочевников Великой степи эпохи средневековья и раннего нового времени были плюмажи, крепившиеся к наверхиям шлемов и головных уборов. К сожалению, данная тема ни разу не становилась объектом специального исследования, основанного на комплексном анализе источников. Однако даже первичный анализ профильных материалов позволяет утверждать, что достаточно часто плюмажи являлись не только декоративным элементом воинского костюма, но и несли известную смысловую нагрузку, а в ряде случаев являлись своеобразным маркером, фикс-

сирующим принадлежность его носителя к определенному племени, этносу, государству, социальной, воинской, религиозной группе и т.д. (Алексеев, 2006. С. 374; Сычев, 1973. С. 12, 13; Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975. С. 63; Хамарханов, 1988. С. 155; Бакаева, 2008. С. 112; Бобров, Худяков, 2008. С. 473). Данный феномен можно рассмотреть на примере народов Центральной и Восточной Азии эпохи позднего средневековья и раннего нового времени. В настоящей статье проанализируем воинские плюмажи казахских кочевников Дашт-и-Кипчак XVII – середины XIX в.

В отличие от маньчжуров и ойратов у казахов эпохи позднего средневековья и раннего нового времени не существовало единого типа плюмажа, который можно было бы обозначить в качестве «этнического» или «государственного» маркера. Появление унифицированных регламентированных плюмажей в азиатских государствах являлось, как правило, результатом целенаправленной деятельности властей. В условиях перманентного ослабления ханской власти подобная регламентация в Казахстане XVIII–XIX вв. была попросту невозможна. Не удивительно, что казахские плюмажи рассматриваемого периода отличаются значительным разнообразием. Они представлены султанами из конского волоса, кистями из шнуров и матерчатых лент, одинарными или парными кисточками на шнурках, перьевыми султанами, флажками-«яловцами» и др. Тем не менее представляется возможным выделить определенные закономерности в системе плюмажей, применявшихся на головных уборах и шлемах казахских воинов.

Судя по данным изобразительных и вещественных источников, наиболее близко к статусу этнополитического маркера казахских кочевников XVIII–XIX вв. приблизился плюмаж из кисточек красного, черного, синего, белого или зеленого цвета на длинном шнурке. По своим размерам и системе оформления они разительно отличаются как от маньчжурской кисти «чжувэй», так и от ойратской «улан зала». Последние крепились непосредственно к макушке шапки и покрывали значительную часть тульи. Казахская кисточка имела небольшие размеры и плелась из цветных шнуров, нитей или крашеного конского волоса. Готовая кисточка пришивалась к более или менее длинному шнуру, который крепился к верхней части головного убора (рис. 1.-1–4, 9, 10, 12, 21–23, 26, 28). Интересно, что сходное по оформлению плюмажи носили и рядовые казахские воины, и представители знати. На рисунках XVII–XIX вв. они украшают как колпаки простых ополченцев, так и расшитые золотыми нитями и галунами «мураки» и воинские «малакаи» степной аристократии (рис. 1.-1–4, 9, 10, 12). Однако обращает на себя внимание тот факт, что головные уборы знати чаще украшены не одинарными, а парными кисточками. Кисти на шнурке относятся к числу древних, но не слишком популярных типов плюмажей воинов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии. Они встречаются на изображениях шлемов латников сяньбийских государств Северного Китая VI в. (Бобров, Худяков, 2005. С. 180. Рис. 15.-14), монгольских головных уборов, шлемов воинов Юаньской империи конца XIII в., среднеазиатских государств XIV–XVI вв. и др. Пик популярности данного типа плюмажа у казахов пришелся на XVIII–XIX вв. К этому периоду относится большинство подлинных головных уборов с кисточками на шнурках и их изображений. Они нередко упоминаются и в письменных источниках данного периода. Так, например, по замечанию И.-Г. Георги (2005. С. 240) (70-е гг. XVIII в.): «Верхняя шапка [у казахов], как и у башкирцев, кеглею, но не опускается, а делается с ушками, которые загибаются и придают ей вид корабля. Вершина шапки украшается по большей части кистью». Плюмаж в виде кисточки на шнурке благополучно сохранился в составе казахского костюма вплоть до этнографического времени (рис. 1.-22, 26, 28) и нередко встречается даже на казахских головных уборах XX в. Ближайшим аналогом данного типа казахских плюмажей являются кисточки на киргизских колпаках Нового времени (рис. 1.-21, 25, 27). Последние крепились к тулье с помощью шелкового шнура или нитки бисера. Иногда применялся специальный серебряный фиксатор (Антипина, 1962. С. 237). Возможно, с казахским влиянием связано появление некоторых разновидностей кисточек на шнурках на алтайских шапках «борок». Ближайшим «родственником» казахского плюмажа в Западной Азии считаются кисточки на османских колпаках и фесках позднего средневековья и нового времени. За пределами «Тюркского мира» данный вид плюмажа не получил сколько-нибудь широкого распространения.

Значительно меньшее распространение среди казахов XVIII–XIX вв. имели плюмажи из разноцветных лент. Судя по некоторым цинским картинам середины XVIII в., часть казахов Старшего жуза, принявших джунгарское подданство во 2-й половине 30-х гг. XVIII в., носили красные кисти из матерчатых лент, «улан зала», как и другие тюркские, ойратские и монгольские подданные джунгарского хунтайджи. Отдельные схематичные изображения султанов из лент встречаются на рисунках европейских художников XIX в. (рис. 1.-5–7). В некоторых случаях плюмаж из одной или двух широких длинных лент, ниспадающих на спину, прикреплен не к макушке тульи, а к назатыльнику шапки или к полям колпака (рис. 1.-13, 14). Такой способ фиксации ленточного плюмажа часто встречается на головных

уборах монголов XIX – начала XX в. (Кочешков, 1973. С. 136. Рис. 1.-а–в. С. 137. Рис. 2.-б, в. С. 138. Рис. 3.-в). Возможно, данный тип плюмажа является наследником знаменитого «чингисидского» плюмажа из парных матерчатых лент XIII–XIV вв.

Значительный интерес представляют казахские шлемовые плюмажи. Они представлены перьевыми султанами («жыга»), флажками («жалау») и кистями из лент и конского волоса («шашак»).

Иностранные путешественники XVIII в. обратили внимание на тот факт, что отличительной особенностью профессиональных казахских воинов («батыров»), командовавших в ходе военной кампании отдельными воинскими отрядами, были султаны из птичьих перьев («жыга»). Так, например, по данным И.П. Фалька (2-я половина XVIII в.): «Некоторые воины (batyr) выходят в строй в панцирных рубахах. В походе это – обыкновенно – предводители отрядов, их отличает наличие особого крылышка на шапке» (Прошлое Казахстана..., 1936. С. 189). Эти данные в XIX в. подтвердил и Ч.Ч. Валиханов (1984. С. 218): «Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями (курсив наш. – Л.Б.), с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок».

Согласно специальным исследованиям И.В. Ерофеевой, речь в этих и в других аналогичных пассажах идет о султанах из перьев филина (казахск «уқи»), которые выделяли «батыров»-командиров отрядов из общей массы воинов. Популярность султанов из перьев филина была обусловлена тем, что эта птица наделялась казахами особыми магическими свойствами. С ним было связано множество легенд и преданий. По одной из легенд, в филина был превращен неуязвимый батыр-сверхчеловек, который противостоял колдуну-беркуту. По словам казахов, зафиксированные Х. Барданесом (1771 г.) перья филина представляют собой оберег и «спасают от неприятелей, колдунов, пули и стрелы заколдованной» (Ерофеева, 2010. С. 336, 337).

Принимая во внимание данные казахского эпоса, отметим также, что перьевые султаны были широко распространены среди военной элиты Великой степи задолго до XVII–XIX вв. Пик популярности плюмажей из птичьих перьев пришелся на период раннего средневековья. В это время они встречаются на шлемах и головных уборах хунну, сяньбийцев, тюрок, аваров, венгров, енисейских кыргызов, уйгуров и др. (Горелик, 1993. С. 155. Рис. 5.-15. С. 156. Рис. 6.-5. С. 158. Рис. 7.-5, 6, 11, 13, 15, 17, 19; Бобров, Худяков, 2005. С. 185. Рис. 19, 17, 60–65. С. 193. Рис. 25). В «Монгольскую эпоху» шлемовые перьевые султаны были потеснены другими типами плюмажей (парными и одинарными лентами, а также матерчатыми и волосяными кистями различных типов), но продолжали применяться представителями правящей элиты. Так, например, в XIV в. пышные перьевые султаны, воткнутые в наверхия головных уборов, носили представители высшей монгольской знати и их окружение (Горелик, 2011. С. 28–33). Особый интерес для нашей темы представляет тот факт, что плюмажи чингизидской аристократии состояли из перьев цапли и филина (Горелик, 2011. С. 28–33). Причем, судя по количеству изображений, нахождение перьев филина в составе парадных султанов монгольской знати было не случайным и, вероятно, закреплено традицией и придворным регламентом. Во всяком случае, даже через двести лет после крушения монгольских государств в Передней Азии среднеазиатские и индийские художники продолжали изображать хулагуидскую знать в головных уборах, украшенных перьями филина (Абусейтова, Додхудоева, 2010. С. 224–241). В XV–XVI вв. одним из основных типов шлемовых плюмажей в Средней Азии становятся треугольные флажки («яловец», «жалау»), но перьевые султаны применяются параллельно с ними. Причем со временем они возвратили себе лидирующее положение в качестве основного типа шлемового плюмажа в Передней Азии и Мавераннахре. Во 2-й половине XVII – XVIII в. волосяные и перьевые султаны практически совершенно вытесняют флажки-«яловцы» и матерчатые кисти из широкого обихода в Иране, Хорасане, Хиве и Бухаре.

Шлемовые перьевые султаны вставлялись в трубки-втулки на наверхиях или (в случае со шлемами «кула-худ» и их дериватами) на височных частях боевого наголовья (рис. 1.-8, 16–19). Более разнообразными были способы крепления «жыга» на головных уборах. Перьевые фиксаторы могли размещаться на налобной, макушечной, боковой или затылочной части колпаков и малакаев (рис. 1.-15, 20, 24).

В целом собранные материалы позволяют констатировать, что султаны из перьев являлись одним из основных типов плюмажей военной элиты кочевых народов Центральной и Средней Азии VI–XIX вв. Среди аристократии Великой степи XVII–XIX вв. перьевые султаны на шлемах и головных уборах, наряду с казахами, носили ойратские, киргизские, башкирские (рис. 1.-8) и южносибирские феодалы (Бобров, Худяков, 2008. С. 473). Появление перьевых плюмажей на шлемах казахских батыров обусловлено древней традицией, берущей свое начало в эпоху поздней древности и раннего средневековья. Привилегированное положение султанов с перьями филина было зафиксировано в XIV в. после того, как они вошли в состав парадного костюма чингизидской аристократии. В эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени султан из перьев филина получил дополнительную смысловую нагрузку, пре-

вратившись в защитный оберег и своеобразный маркер профессиональных воинов-«батыров», состав-
лявших костяк казахской военной элиты XVII–XVIII вв. Перьевые плюмажи носили и представители
высшей степной аристократии (ханы, султаны), считавшие честью добавить к своему имени титул «ба-

Рис. 1. Казахские, узбекские и башкирские воинские плюмажи XVI–XIX вв.

Пояснение к рисунку 1

- 1–4. Изображения головных уборов казахов с гравюр, набросков и рисунков европейских художников XVIII в.
- 5–7. С гравюры «Казахский военный лагерь», конец XVIII – начало XIX в. Из книги «Russie. Par M. Chopin. Tome deuxieme. Paris». РГО, СПб.
8. С картины Е.Е. Корнеева «Башкирцы», начало XIX в.
9. С картины А.О. Орловского «Бой киргизов (казахов) с уральскими казаками», конец XVIII – начало XIX в. РНБ, СПб.
10. С рисунка «Казахский всадник», XVIII в. Из книги Георги И.Г. «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». СПб, 1799 (Ч. 2: «О народах татарского племени». СПб., 1776).
- 11, 18. «Тарих-и Абулхайр-хани» Масуда ибн Усман Кухистани. Самарканд, 1540 г.
- 12, 23. С гравюры «Казахские всадники», XVIII в. Из книги «Sammlung Russischer Reisen oder Geschichte der neuesten Entdeckungen im Russischen und Persischen Reiche, vornemlich was Natur, Geschichte Kunste, Regierungsgarten und das militair betritt». Bern, 1795.
13. С рисунка «Казахские воины», конец XVIII – начало XIX в. Из книги «Гравюры к жизнеописному путешествию по Азии, составленному на французском языке под руководством Эйрие». М., 1839.
14. С цветного рисунка «Казахский воин», первая половина XIX в. Из книги «Die Volker des Erdballs nach ihrer Ubfammung und Bermanvtfchaft, und ihren Eigenthumlihsiten in Regierungsform, Religion und Eracht. Brussel. Leipzig, 1847. РГО, СПб.
- 15, 19. «Хамса» Низами. Бухара, 1648 г.
16. «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йезди. Бухара, 1628 г.
17. «Довалрани и Хызрхан» Амира Хосрова Дехлеви. Бухара, 1598 г.
20. Прорисовка с фотографии казахского охотника-«беркутчи» в шапке с плюмажом из перьев филина.
- 21, 22. Прорисовка головных уборов казахов с иллюстрации из книги Захаровой И.В., Ходжаевой Р.Д. Казахская национальная одежда XIX – начало XX века. Алма-Ата, 1964.
24. С картины «Пленный степняк». Иран, XVI в.
25. Киргизский войлочный колпак с загнутыми вниз полями и кисточкой на шнурке, конец XIX в. Российский Этнографический музей (РЭМ), СПб.
- 26, 28. Казахские колпаки этнографического времени с кисточкой на шнурке. Из музейных собраний Республики Казахстан.
27. Киргизский войлочный колпак с кисточкой на шнурке, начало XX в. Российский Этнографический музей (РЭМ), СПб.
29. Казахский железный шлем с плюмажом из конского волоса. Акмолинский областной историко-краеведческий музей (Кокшетау, Республика Казахстан).
30. Казахский железный шлем с плюмажом из конского волоса. Центральный государственный музей Республики Казахстана (ЦГМРК) (Алматы, Республика Казахстан).
31. Казахский или ойратский железный шлем с плюмажом из конского волоса. Президентский центр культуры Республики Казахстан (ПЦКРК) (Астана, Республика Казахстан).
32. Казахский железный шлем с плюмажом из перьев филина (втулка и плюмаж – реконструкция). Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (СКОИКМ) (Петропавловск, Республика Казахстан).

тыр». По замечанию К.С. Ахметжана (2007. С. 157), проанализировавшего данные казахского эпоса: «В фольклорных источниках «жыга» – особый отличительный знак знатных батыров, султанов, ханов. Казахские ханы носили на своих головных уборах такие золотые джиги как знак их высокого достоинства. Парадные джиги украшались цветными камнями и золотом». По мере того как уходили в прошлое ожесточенные войны с кочевыми соседями, снижалась и популярность перьевых плюмажей. Однако султан из перьев филина сохранился до Этнографического времени на шапках казахских охотников-«беркутчи».

По данным упомянутого выше казахстанского исследователя К.С. Ахметжана, наряду с перьевыми султанами казахскими батырами применяли волосяные плюмажи. В частности, он отмечает, что: «...со временем кисть-шашак из конского волоса или шелковых нитей стала отличительным знаком профессионального воина-батыра» (Ахметжан, 2007. С. 157). Действительно, плюмажи из конского волоса и волоса яка имели широчайшее распространение среди кочевников эпохи средневековья и нового времени. В XV–XIX вв. их применяли монголы, ойраты, татары, узбеки, киргизы, тибетцы, ряд народов Южной Сибири и др. (Бобров, Худяков, 2008. С. 473). Судя по дошедшим до нашего времени плюмажам из конского волоса и шерсти яка, пучок волос скреплялся нитью или клеем и уже в собранном виде вставлялся во втулку шлема. При надевании чехла на купол шлема плюмаж вынимался из втулки, а во время праздничных и торжественных церемоний мог заменяться на более пышный «парадный» аналог (Бобров, Худяков, 2008. С. 473, 475, 476). Значительное распространение имела практика окрашивания волосяного плюмажа в красный цвет.

Учитывая факты применения султанов из конского волоса и шерсти яка кочевыми соседями казахов, возможность их использования самими казаками XVII–XIX вв. представляется весьма высокой. В пользу данной версии свидетельствуют и вещественные материалы. До нас дошли 12 казахских шлемов, сохранивших трубки-втулки для плюмажа. В пять из них вставлены султаны из конского волоса (рис. 1.-29–31).

К сожалению, в большинстве случаев не представляется возможным достоверно определить, является ли плюмаж аутентичным либо вставлен уже после поступления шлема в музейное собрание. В то же время необходимо отметить, что характерные для казахских шлемов втулки в виде миниатюрных кувшинчиков идеально подходят для крепления волосяных султанов (рис. 1.-29, 31). Нам не удалось обнаружить в письменных и фольклорных источниках прямых указаний на то, что именно такие плюмажи являлись отличительным символом казахских батыров. На первый взгляд, мнение, высказанное К.С. Ахметжаном, противоречит тезису И.В. Ерофеевой о перьевом султани как визуальном маркере данной категории казахских воинов. Однако не стоит исключать тот вариант, что существовала определенная иерархия плюмажей внутри сословия батыров. Возможно, что волосяные кисти были отличительным признаком всех выдающихся казахских воинов, удостоенных титула «батыр», в то время как ношение султанов из перьев филина являлось прерогативой батыров-предводителей отрядов (см. выше).

Еще одной разновидностью шлемовых плюмажей казахских воинов были разноцветные флажки на шпиге, вставлявшиеся во втулку шлемов или крепившиеся непосредственно к навершию. На среднеазиатских миниатюрах XVI – XVII вв. такие флажки-«яловцы» на шлемах носят представители различных древних и средневековых кочевых народов («туранцы», «сельджуки», «монголы», «татары хана Тохтамыша» и др.), которых бухарские художники часто изображали в виде хорошо знакомых им казахских кочевников. В пользу применения кочевниками Средней Азии флажков-«яловцов» свидетельствуют и некоторые типы шлемов, происходящих с территории региона, снабженные характерными шпигевидными навершиями (Бобров, Худяков, 2002. С. 129, 151. Рис. 12.-3). Судя по изображениям, численно абсолютно преобладали «яловцы» треугольной формы, изготовленные из красной материи (рис. 1.-11). Значительно реже встречались флажки оранжевого, белого, желтого, синего и зеленого цвета. Пик популярности «яловцов» и «жалау» в Средней Азии пришелся на XVI в. Во 2-й половине XVII в. они были вытеснены из широкого военного обихода.

Подводя итог обзору плюмажей казахской военной элиты эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени, необходимо отметить следующие моменты.

1. Единого унифицированного «государственного» или «этнического» типа плюмажа (аналогичного маньчжурскому «чжувэй» и ойратскому «улан зала») в Казахстане XVII–XIX вв. не существовало.

2. Основной разновидностью плюмажей на казахских шапках «калпок», «малакай», «мурак» XVIII–XIX вв. были миниатюрные одинарные или парные кисточки на длинном шнурке, крепившиеся к макушке головного убора. Значительно реже в качестве плюмажа применялись большие кисти из матерчатых лент и птичьих перьев.

3. Основными типами шлемовых плюмажей казахских воинов были перьевые султаны («жыга»), волосяные кисти («шашак») и (до 2-й половины XVII в.) треугольные флажки («жалау»). Причем «жыга» из перьев филина служили маркером профессиональных воинов-батыров, являвшихся командирами отдельных воинских отрядов.

Библиографический список

- Абусеитова М.Х., Додхудоева Л.Н. История Казахстана в восточных миниатюрах. Алматы, 2010.
- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006.
- Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
- Ахметжан К. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы, 2007.
- Бакаева Э.П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста, 2008.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.
- Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2005.
- Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Горелик М.В. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV вв. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1.
- Ерофеева И.В. Институт батыров в структуре военной организации казахов-кочевников // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Алматы, 2010.
- Кочешков Н.В. Головные уборы монголов XIX – начала XX в.: по материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсүрэн // Советская этнография. 1973. №3.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. М.; Алма-Ата, 1935.

Сычев Д.В. Из истории калмыцкого костюма: очерк с приложением материалов из документов, дневников и сочинений путешественников, ученых и служилых людей. Элиста, 1973.

Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика и история. Трактровка в литературе и искусстве. М., 1975.

Хамарханов А.З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ, 1988.

СОЛХАТСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ФОРТИФИКАЦИИ КАФФЫ

С.Г. Бочаров

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь, Украина

В статье рассматриваются взаимоотношения двух политических образований – Золотой Орды и коммуны Каффы в 60–80-х гг. XIV в. и как конфликт между ними повлиял на возникновение мощнейших крепостных сооружений на Черном море.

Что же такое Солхатская война? Собственно война – это военный конфликт 1385–1387 гг. между Крымским Улусом Золотой Орды и генуэзским владением на полуострове – городом Каффой. В ходе Солхатской войны решалось, сможет ли Генуя создать новое государство на крымских территориях, ранее принадлежавших Золотой Орде, или золотоордынским властям удастся сохранить целостность своего государства.

Периоду открытой военной конфронтации предшествовала целая цепь противостояний 60–80-х гг. XIV в. Основная причина этого затяжного конфликта – желание генуэзцев расширить свои владения в Крыму за счет ордынских территорий. Отправной точкой стал захват итальянцами в 1365 г. второго по величине крымского порта Судак – Солдаи и 18 селений солдайской сельской округи (Петров, 1886. С. 180; Pistarino, 1988. Р. 214; Basso, 1992. Р. 41), чтобы ликвидировать ближайший к Солхату и главный порт-конкурент. Этот захват в течение двадцати последующих лет осложнит их отношение с золотоордынскими властями Солхата и сделает генуэзцев монополистами крымской морской торговли.

Чтобы понять, как повлияет этот конфликт на городской пейзаж Каффы, необходимо кратко рассмотреть, как выглядел город в начале 60-х гг. XIV в. Он основывается итальянскими купцами в 70-х гг. XIII в. (Balard, 1978. Р. 118). В 1308 г. войска хана Тохту осаждали Каффу и генуэзцы были вынуждены покинуть город (Balard, Veinstein, 1981. Р. 84), который затем был сожжен и разрушен татарами. С 1308 г. Каффа была для генуэзцев временно потеряна. Но после смерти хана Тохты в 1312 г. коммуна Генуи отправляет посольство к его преемнику хану Узбеку и добивается возвращения фактории (Balard, 1989. Р. 110). Из поражения 1308 г. были сделаны надлежащие выводы. Для верховного управления факториями Северного Причерноморья в 1313 г. в Генуе была создана специальная коллегия из восьми человек Оффичия Газарии (Officium Gazarie). 18 марта 1316 г. был принят план восстановления Каффы (Ordo de Caffa). План предусматривал деление города на две зоны: территорию, окруженную крепостными стенами (civitas), и пространство за пределами стен (burg). Территория внутри крепости, в свою очередь, должна была подразделяться на участки, предназначенные для продажи с торгов под застройку, на территории, не обнесенной стенами, все участки земли должны сдаваться в аренду представителям восточных общин и арендная плата за них вносится в казну Каффы (Balard, 1979. Р. 200). В 1340 г. начинается строительство каменной крепости (castrum) (Skrzinska, 1928. Р. 38–39; Balard, Veinstein, 1981. Р. 87). Эта крепость займет всю площадь современного Карантинного холма, а также пространство южнее холма у моря. Общая длина крепостных стен около 1440 м, средняя высота стен – 13 м, средняя высота башен – 20 м. Площадь городской территории, защищенная стенами, – 11,3 га (Бочаров, 1998. Р. 86–89) (рис. 1). Дальнейшие события подтвердили правильность действий колониальной администрации по фортификационному укреплению города. В ходе военного конфликта между Золотой Ордой и Генуей хан Джанибек дважды осаждал Каффу в 1344 и 1346 гг., но взять новую каменную крепость его войскам так и не удалось (Карпов, 1994. С. 123). В сущности, в конфликте хан терпит поражение – изгнать генуэзцев из города (как это было сделано ханом Тохту) и ликвидировать их присутствие в Восточном Крыму ему так и не удалось.

В следующее десятилетие (с 1347 по 1357 г.) в военные конфликты стороны не вступали. Однако уже в 1357 г. при приемниках Джанибека администрация Каффы от обороны переходит к наступлению и наращивает экономическое присутствие в прибрежных крымских городах: Солдае, Чембало и Воспоро. В 1357 г. в Чембало уже находится генуэзский консул Симоне дел Орто, под руководством которого, видимо, начинаются фортификационные работы в городе (Heyd, 1886. Р. 210; Skrzinska, 1928. Р. 129–130; Balard, 1978. Р. 157).

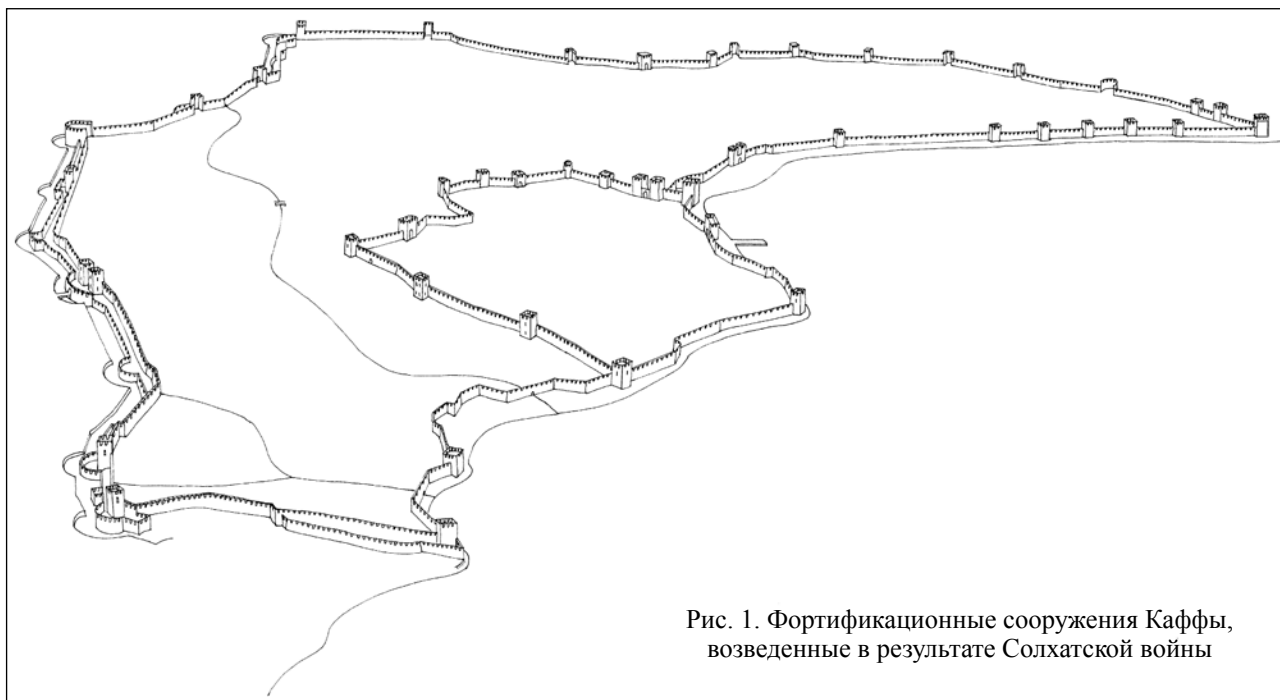

Рис. 1. Фортификационные сооружения Каффы, возведенные в результате Солхатской войны

Сугдея – бывший главный византийский форпост Юго-Восточного Крыма (Balard, 1992. Р. 21), за предшествовавший период татарского господства (около 1330–1365 гг.) (Νίσταζουλου, 1965. Σ. 49) становится основным портом – гаванью Солхата. За право вести здесь торговые операции с генуэзцами боролись венецианцы (Nystazopoulou-Pélékidis, 1973. Р. 553–556). В 1356 г. татарский наместник Солхата и Крыма Рамадан впервые после изгнания итальянцев из Солдайи в середине 40-х гг. XIV в. (Карпов, 1999. С. 228–230) предоставляет венецианцам право устройства торговой гавани в Провато (Provato) (Diplomatarium Veneto-Levantinum, 1899. Р. 25; Григорьев А.П., Григорьев В.П., 1998. С. 155–159; Бочаров, 2011а. С. 139; 2011б. С. 255). После прихода к власти в Орде хана Бердибека (1357–1359 гг.) в 1358 г. венецианцам было подтверждено право пользования портами: Провато, Каллиера (Calitra), Солдайя (Soldadia) (Diplomatarium Veneto-Levantinum, 1899. Р. 51; Григорьев, 1994. С. 30). Чтобы не допустить своих главных торговых конкурентов в Восточный Крым генуэзцы 19 июля 1365 г. захватили Солдайю (Петров, 1886. С. 180). Одновременно с захватом Солдайи в 1365 г. была сделана попытка присоединить к генуэзским владениям и селения Южнобережья (Готии), так уже в 1374 г. чиновниками Каффы проводилась инспекция селений Готии для определения размера налогообложения населения побережья (Balard, 1978. Р. 160).

Сразу после захвата начинается строительство земляной, а затем и каменной генуэзской крепости в Солдае (наиболее ранняя из строительных плит датирована 1371 г.) (Skrzinska, 1928. Р. 107). В 1375 г. эмир Мамай возвращает под татарский протекторат 18 селений дистрики Солдайи (Balard, 1978. Р. 161), но город захватить он не смог, генуэзцы увеличивают крепостной гарнизон Солдайи, который в 1376 г. насчитывает 42 человека (Balard, 1978. Р. 159). 27 ноября 1380 г. был заключен мирный договор с наместником Солхата Яркасом, представителем Конак Бега, одного из соперников Тахтамышы в борьбе за власть в Золотой Орде (Basso, 1991. Р. 11–12). 24 февраля 1381 г. такой же договор был подписан уже с Елиас Беем наместником Тахтамышы, по условиям этого договора хан санкционировал генуэзскую оккупацию Солдайи и 18 селений ее сельской округи и все их территориальные приобретения на Южном берегу Крыма (Basso, 1991. Р. 11).

Несмотря на то, что с татарами был заключен, а затем и ратифицирован мирный договор 1381 г., опасность военного конфликта Каффы с ними оставалась настолько реальной в начале 80-х гг. XIV в., что в 1381–1382 гг. проводятся крупномасштабные ремонтные работы крепостных объектов цитадели. Для безопасности населения разросшегося города этого оказалось не достаточно. В 1383 г. (Basso, 1991. Р. 10) начинаются работы по возведению внешнего оборонительного кольца вокруг города (рис. 1), предпринятые тремя консулами Якопо Спинола (1383 г.), Пьетро Казано (1384 г.), Бенедетто Гримальди (1385 г.) (Balard, 1979. Р. 207). Конфронтация между Коммуной Каффы и татарами достигает пика во время Солхатской войны 1385–1386 гг. В Каффе приняты меры по увеличению запасов продовольствия, и проведены закупки зерна на болгарском побережье. Военная коллегия организовала доставку оружия и военного снаряжения из Генуи и Перы, кроме того, для увеличения арсенала в Каффу были приглашены специалисты по производству различного оружия, в том числе и огнестрельного, это одно из самых ранних свидетельств суще-

ствования артиллерии в Восточной Европе (Basso, 1991. Р. 13). В 1386 г. восстает население Готии (историческое название Южного берега Крыма), для его подавления из Каффы послана галера (Balard, 1978. Р. 161). Колониальная администрация вынуждена увеличить гарнизон Солдайи до 60 человек (Balard, 1978. Р. 159). Конец Солхатской войне положил мирный договор, подписанный 12 августа 1387 г., который подтвердил права Коммуны Генуи на Солдайю и 18 селений округи Солдайи и селения Готии (Vasilev, 1936. Р. 187; Balard, 1978. Р. 161; Basso, 1991. Р. 15). К 1389 г. можно отнести завершение строительства крепостных сооружений внешнего оборонительного кольца, обращенных в сторону суши (Бочаров, 1998. С. 91).

Площадь вновь укрепленной городской территории составила около 82 га, т.е. выросла в восемь раз. Внешнее крепостное кольцо длиной около 5240 м (с учетом 600 м берегового участка цитадели) укрепляло приморскую часть города на протяжении 2070 м и опоясывало город со стороны суши на протяжении 3170 м. Средняя высота крепостных стен – 10 м, средняя высота башен – 17,5 м (Bocharov, 2005. Р. 19–21) (рис. 1).

Строительство новой оборонительной стены значительно изменило внешний облик города. Со времени ее возведения в средневековой Каффе будут три основных градообразующих части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели и называвшиеся цивитас (civitas), городские кварталы, расположенные в пределах внешнего оборонительного кольца – бург (burg) (Бочаров, 2006. С. 112–115) и территория жилой застройки, расположенная за пределами крепостных стен – антибург (antiburg) (Бочаров, 2000. С. 11). Такая схема сложилась к началу 90-х гг. XIV в. и просуществовала вплоть до присоединения Крыма к России, когда в конце XVIII в. российскими архитекторами была предложена новая градостроительная схема для Феодосии.

Солхатская война закончилась полной победой коммуны Каффы. На Крымском побережье Черного моря создается система городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе, которая получила название Генуэзская Газария (Карпов, 2000. С. 12) и охватывала всю береговую черту, включая города Солдайю, Чембало (Балаклаву) и Воспоро (Боспор, Керчь). Золотая Орда и Византийские земли полуострова были отрезаны от морских гаваней и как следствие от получения крупных доходов от морской торговли, которая становится монополией генуэзцев. В ходе Солхатской войны город Каффа получил самую мощную в Черноморском регионе фортификационную систему. В таком виде крепость будет служить генуэзцам, а после захвата в 1475 г. Южного Крыма и османам вплоть до завоевания Каффы в 1774 г. войсками Российской империи.

Библиографический список

- Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV в.) // Причерноморье в средние века. СПб., 1998. Вып. 3.
- Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Бочаров С.Г. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века // Город и степь в контактной Евразийской зоне: мат. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2006.
- Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии (Кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань; Астрахань, 2011а.
- Бочаров С.Г. Отуз и Калиера // Золотоордынское наследие. Казань, 2011б. Вып. 2.
- Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 1994. Вып. 2.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцом в Янгишехре (1356 г.) // Востоковедение. СПб., 1998. Вып. 36.
- Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский Временник. 1994. №55.
- Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.
- Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
- Петров Н.И. Греческое рукописное евангелие XI века // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1886. Т. I.
- Balard M. La Romanie Génoise (XIII – début du XV e siècle). Roma; Genova, 1978. Т. 1.
- Balard M. Les Génois en Crimée aux XII–XV siècles // Αρχαίον Ποντου. Αθήναι, 1979. Vol. X.
- Balard M. Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII–XV siècle) // D'une ville à l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII–XVI siècle). Rome, 1989.
- Balard M. Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // Revue Historique. 1992. T. CCLXXXVIII/1.
- Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génoise et Ottomane // Le Paysage urbain au Moyen Age. Lyon, 1981.
- Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi genuensi. N. S. Genova, 1991. Vol. VIII.
- Basso E. La colonizzazione Genovese nel Mar Nero nel tardo medioevo: aspetti etnici e sociali // I problemi del Mar Nero nel passato e nel presente. Genova, 1992.

Bocharov S. The 1365–1387 Conflict between Genova and the Golden Horde as Reflected in the Genoese Fortification of Crimea // Ethnic Contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea (between the Greek Colonization and the Present). Yassi, 2005.

Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis. 1351–1454. Venetiis, 1899. Pars II.

Heyd W. Historie du Commerce du Levant au Moyen-age. Leipzig, 1886. T. II.

Nystazopoulou Pélékidis M. Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973.

Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988.

Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // Atti della Societa Ligure di Storia Patria. 1928. Vol. LVI.

Vasiliev A.A. The goths in the Crimea. Cambridge; Massachusetts, 1936.

Νισταζοπουλου Μ. Η εν τη Ταυρικη χερσονησω πολις Σουγδαια. Αθηнай, 1965.

СТРЕМЕНА СТЕПЕЙ И СТРЕМЕНА ВИЗАНТИИ (VII–XII вв.)

В. Йотов Василев

Региональный исторический музей, Варна, Болгария

Распространение стремян и седел на Западе западноевропейские авторы связывают с ранним периодом так называемой военной революции (середина XI – середина XIV в.), которая характеризовалась «доминирующей ролью тяжелой конницы» (Rogers, 1993. С. 241–248).

Анализ средневековых источников, археологических свидетельств и историографический обзор показывают, что точку зрения западной историографии в связи с повышением значения средневековой конницы можно скоррелировать, а дату снизить до V–X вв., когда происходят перемены в вооружении и снаряжении всадника, которые изменили тактику и вообще военную организацию.

В литературе о военном деле периода «Великого переселения народов» (IV–XII вв.) есть исследования, посвященные происхождению стремян (Индия, Китай (?); Littauer, 1981. С. 99–105; Köhalmi, 1968. С. 347–358), первым археологическим свидетельствам в Европе (авары, протоболгары; Csallány, 1943. С. 160–197; Айбабин 1974. С. 32–34), теоретическому изучению снаряжения (Снаряжение..., 2005).

Стремена не раз становились объектом исследования специалистов. Были сделаны археологические типологии стремян с территории России (Кирпичников, 1973. С. 43–55), Украины (Крыганов, 1989. С. 108–114), Польши (Nadolski, 1954. С. 89–91), Словакии (Mèchurová, 1983. С. 61–89), Болгарии (Йотов, 2004. С. 139–160) и др. В принципе мало что можно добавить нового. Нужно признать, что не все извест-

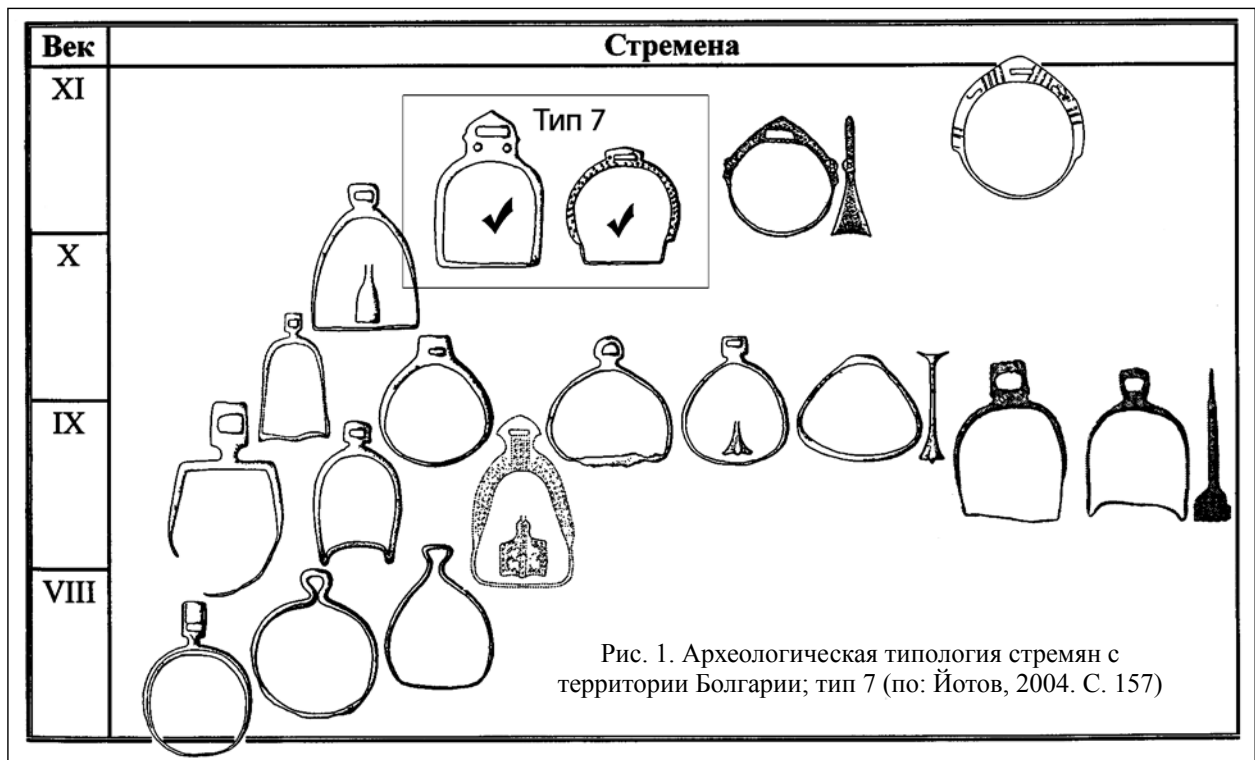

Рис. 1. Археологическая типология стремян с территории Болгарии; тип 7 (по: Йотов, 2004. С. 157)

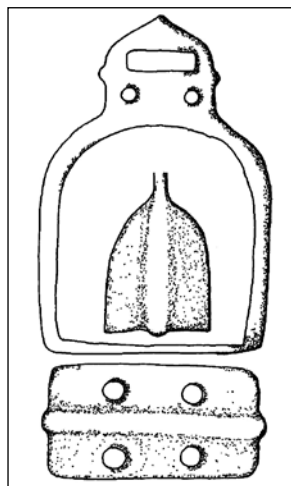

Рис. 2. Стремя из коллективной находки в помещении 32 в первой столице средневековой Болгарии Плиске (середина XI в.)

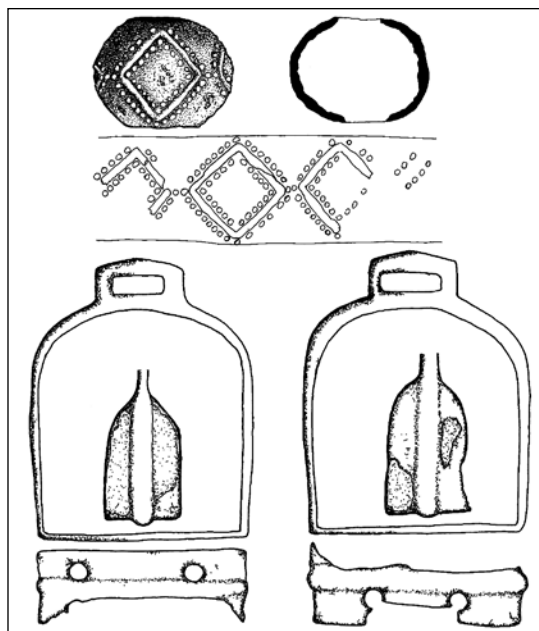

Рис. 3. Стремена и булава найдены в слое пожара конца XII в. в крепости Красен, недалеко от г. Панагюрище

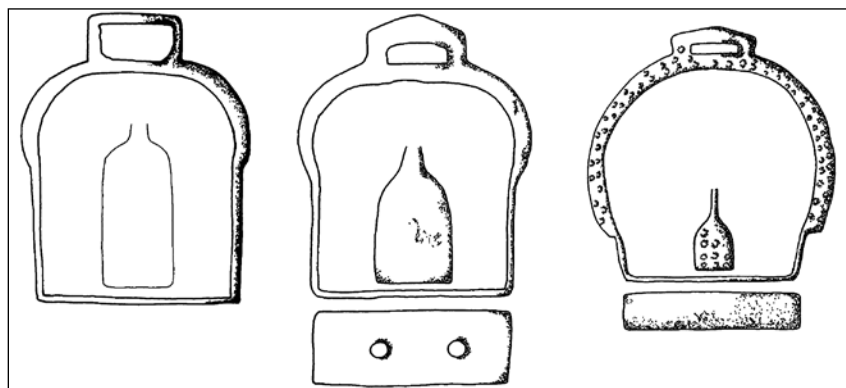

Рис. 4. Стремена из Северо-Восточной Болгарии (2-я половина XI в.)

ные по археологическим раскопкам стремена представлены в типологических рядах, выработка единой классификации – дело будущего.

На основе пересмотра восточноевропейских стремян (конечно, имея в виду и стремена с других территорий) А.Н. Кирпичников (1973. С. 43) и А.В. Крыганов (1989. С. 113) правильно отметили, что «...выделены две основные формы стремян, сложившиеся в раннем средневековье на территории всей Евразии. Одна представлена округлыми стременами кочевого Востока, другая – треугольными («каролингско-викингскими») оседлого Запада».

Странно, но в литературе о стременах Восточной Римской империи – Византии – сказано практически не так много. С одной стороны, это объясняется тем, что конница в империи состояла из наемников/федератов. С другой стороны, если довериться трактату Псевдо-Маврикия, в начале VII в. стремена уже были знакомы византийцам (Маврикий, 1903. С. 17).

Отмечу все-таки, что на территории Балканского полуострова (и на других территориях империи) известно не так много ранних стремян (VIII–IX в.), в основном найденных в Северной Болгарии, исключение – одно стремя найдено в крепости Перник (Йотов, 2004. С. 142. Кат. №754).

В исследовании «Въоръжение и снаряжение от болгарского средневековья, VII–XI в.» я собрал все известные стремена того времени с территории

Болгарии и сделал археологическую типологию. В число стремян, которые определяются как тип 7 (варианты А и Б; рис. 1) были включены: стремена из состава коллективных находок («помещение 32» в Плиске (рис. 2) и из крепости Красен, недалеко от г. Панагюрище (рис. 3) и несколько других (рис. 4), неизвестно где конкретно найденных, но из Северо-Восточной Болгарии. Короткие замечания о типе 7 можно закончить выводом о том, что «...подобные стремена неизвестны в литературе» и датируются X–XI вв. (Йотов, 2004. С. 154). В другом месте в книге в связи с рассмотрением этнических влияний отмечено, что, «наверно, византийское происхождение имеет пара стремян из Красен» (Йотов, 2004. С. 184). Это предположение дополнительно подтверждается тем, что стремена украшены серебром и были найдены с булавой в слое пожара конца XII в. (Григоров, 2010. С. 103).

Первые находки только поставили вопрос о выделении типа (или нескольких типов) собственно византийских стремян. Две коллективные археологические находки дали возможность сделать новые выводы.

1. Первая (хранится в фонде Археологического музея Варны) найдена в районе проходов, недалеко от второй столицы средневековой Болгарии – Великого Преслава, состоит из 13 стремян (рис. 5), которые датируются 2-й половиной XI в.

2. Вторая – южнее города Силистра. Состоит из оружия, инструментов и снаряжения – 19 стремян (рис. 6; в фонде Археологического музея Варны, инв. №5937–5959), которые, кроме особенности формы, отличаются и большим весом.

Вполне возможно, что эти две коллективные находки связаны с поражением в 1087 г. войска

Рис. 5. Массовая находка стремян, обнаруженных в районе проходов, недалеко от второй столицы средневековой Болгарии – Великого Преслава (2-я половина XI в.)

императора Алексия I Комнина южнее Дрыстра (современная Силистра). Столкновения Византии с печенегами до и после битвы известны еще как «византийско-печенежская война 1086–1091 гг.» (Любарский, 1966).

Единственным письменным источником, который подробно рассказывает о поражении 1087 г., является «Алексиада», написанная дочерью императора Алексия I Анной Комниной (1996. С. 210). Она подробно останавливается на бегстве самого императора (по этому поводу есть ироническая песенка: «...от Дрыстра до Голое – хорошее расстояние, Комнине»), о бегстве отдельных военачальников, о брошенных воинских реликвиях: «Все это заставило императора свернуть знамя и спрятать его от людских глаз в кустах чебреца». Печенеги захватили много пленных, в том числе и военачальников, и большую добычу (Комнина, 1996. С. 212. Зам. 768).

Весьма вероятно, что после поражения под Дрыстра были брошены не только воинские реликвии, но и оружие, и снаряжение.

Стремена из помещения 32 в Плиске; крепости Красен; с поля битвы южнее Дрыстра в 1087 г. имеют арковидную форму корпуса и широкую подножку. Самое главное отличие в том, что эти стремена большие по размеру и, вероятно, использовались для тяжелых всадников.

Рис. 6. Массовая находка инструментов и снаряжения (19 стремян – 2-я половина XI в.)

Рис. 7. Византийский катафрактий (конец X – XI в.). Реконструкция на основании «Стратегикона» императора Никифора II Фоки (963–969)

Пока эти стремена, датируемые серединой XI – концом XII в. и встречающиеся только южнее р. Дунай, являются единственными, которые можно связать с византийскими тяжелыми всадниками, с так называемыми катафрактариями (рис. 7), о которых говорится в трактате (Кулаковский, 1908) императора Никифора II Фоки (963–969).

Библиографический список

- Айбабин А. Стремена перещепинского типа // СГЭ. 1974. XXXIX.
- Григорьев В. Крепостта Красен до Панагюрище. София, 2010.
- Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Варна, 2004.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Л., 1973. Е1–36.
- Комнина А. Алексиада (пер. с греч. Я.Н. Любарского). СПб., 1996.
- Крыганов А. Восточноевропейские кочевнические стремена второй половины VII–X вв. // Вестник Харьковского университета. Вып. 23: История. 1989. №343.
- Кулаковский Ю.А. Стратегика императора Никифора // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1908.
- Любарский Я.Н. Византийско-печенежская война 1086–1091 гг. на территории Балкан. I. Славянские исследования. Л., 1966.
- Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903.
- Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.
- Csallány D. Deszk D. számú temető avar sírjai // АЕ. 1943.
- Köhlmi K. Two saddle finds from Western Mongolia // ААН. 1968. 20.
- Littauer M. Early Stirrups // Antiquity. 1981. LV–214.
- Měchurová Z. Trmeny, a jiné součásti sedla z časně středověkého období // Časopis Moravského Muzea. 1983. LXVIII.
- Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź, 1954.
- Rogers C.J. The Military Revolutions of the Hundred Years' War // The Journal of Military History. 1993. 57 (<http://www.deremilitari.org/resources/articles/rogers.htm>).

ОРУЖИЕ ТАРАННОГО УДАРА ТЮРКСКОЙ КОННИЦЫ

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Главным средством поражения в конном бою у тюрков, судя по письменным источникам, являлись копьа. Об этом виде оружия сообщают китайские хроники династий Бэй-Чжоу (557–581 гг.), Суй (581–618 гг.) и Тан (618–906 гг.). Чжоу-шу: «В качестве оружия они имели луки, стрелы, свистящие наконечники стрел, панцири, длинные кавалерийские копьа и мечи». Суй-шу: «Тупое обладают украшенными рогом луками, свистящими стрелами, панцирями, длинными всадническими пиками и мечами». Синь-Тан-шу: «Ли Чэнцян, принц Чаншань ... любил язык и одежду тупое; он выбирал тех, кто выглядел похожим на варваров, и приказывал им носить овчинную шубу и косу; пять человек образовывали орду, и разбивались палатки и устанавливались пять штандартов с волчьими головами; раздавали копьа и образовывали боевые позиции; привязывались флаги и вымпелы» (Лю Маоцай, 2002. С. 19–20, 33).

Весьма высокого мнения о владении тюрков копьем и о самих тюркских копьах арабский автор «Послания Фатху б. Хагану» (написано между 847–861 гг.) ал-Джахиз: «...тюрки сражаются копьами столь же умело, как хариджиты»; «копье тюрков – короткое и полое. А короткие полые копьа пронзают с большей силой и более легки для ношения» (Мандельштам, 1956. С. 230, 233).

Наконец о постоянном применении копий в кавалерийской атаке пишут собственно тюркские источники – эпитафии знаменитым полководцам II Восточнотюркского каганата (682–744 гг.). Памятник Кюль-Тегину: «...сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелою,

двух мужей заколол (копьем) одного после другого» (строки 35–36); «сев верхом на своего белого (коня) героя Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он заколол (копьем) одного за другим» (строка 42); «сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого», «сев на своего бурого азского (коня) и бросившись в атаку, заколол одного мужа» (строка 45); «сев на белого (коня) Азмана, произвел атаку и переколол (нескольких врагов)» (строка 46); «на бурого азского (коня) сев, двух мужей он заколол» (строка 48); «сев на белого Огсиза, заколол девять мужей (и) не отдал орды» (строка 49). Памятник Тоньюкуку: «проложили (путь) копьями» (строка 28). Памятник Кули-Чуру: «пронзил» (строка 10); «на собственную (лошадь) севши, он бросился в атаку, пронзил трех мужей» (строка 15) (Малов, 1951. С. 41–42, 67; 1959. С. 29).

Само тюркское слово «копье» (сюнгюг) имеет общий корень с такими военными терминами, как войско (сю), воевать (сюла), вести в поход (сюлат), военный (сюлюг), война, сражение, сражаться (сюнгюш). Тюркский глагол «побеждать» (санч) буквально значит колоть, пронзать, втыкать. От его корня происходит существительное «пика» (санчак) (Кызласов, 1996. С. 75–78). Таким образом, лексические особенности тюркского языка свидетельствуют о том, что именно копье ассоциировалось у тюрков с ведением военных действий и с достижением победы на поле боя. Воевать значило у них сражаться на копьях, а разгромить врага означало переколоть его пиками (Древнетюркский словарь, 1969. С. 483–484, 516–517).

Вещественное представление о тюркских копьях дают археологические материалы, происходящие с территории Центральной и Средней Азии, где изучены памятники тюркской культуры. К ним мы относим поминальные объекты из оградок, изваяний и балбалов, а также подкурганые погребения человека с конем и кенотафы, сооруженные по определенному канону. Сопроводительный инвентарь этих памятников также составляет устойчивый материальный комплекс, который с наибольшей вероятностью может быть отождествлен с собственно тюрками.

Находки копий исследователи получают в основном в виде их поражающей части – металлических наконечников. Нам удалось учесть 16 наконечников копий из памятников тюркской культуры: 8 экз. из курганов, 4 экз. из оградок, для 4 экз. тип памятника не указан. Интересно отметить, что пока во всех оградках, где найдены наконечники копий, они сочетаются с панцирными пластинами. В захоронениях только один раз копье находилось вместе с панцирем и шлемом, а в остальных случаях это в основном лук и стрелы.

Больше всего, семь, наконечников копий найдено на Алтае: Балык-Соок-I, курганы №11, 23; Барбургазы-I, курган №20; Берел, курган №25; Кызыл-Таш, ог. 2, Уландрык-I, курган №10; Яконур, курган №5 (Соенов, Эбель, 1996. С. 118. Рис. 3.-2; Тишкин, Горбунов, 2003. С. 109. Рис. 3; Кубарев Г.В., 2005. С. 98. Табл. 4.-11, 73.-1, 131.-8, 145.-1; Самашев, 2011. С. 104. Рис. 286).

Пять наконечников копий обнаружено на Тянь-шане и в Семиречье: Беш-Таш-Короо-I, курган №10; Жайсан-1, ог.; Иссык, ог. 5; Сарыколь, ог.; Сары-Булак (Григорьев, Загородний, 1995. С. 176. Рис. 2.-22; Исин, 2004. С. 64–65; Досымбаева, 2006. Рис. 8.-4; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 118. Рис. 60, 95.-3).

Из Монголии происходят четыре наконечника копий: Аргаан-Гол; Баин-Даванэ-ам; Мухдагийн-ам, курган №8; Наймаа-Толгой (Худяков, 1986. С. 157. Рис. 67.-7; Торбат, Амартувшин, Эрдэнбат, 2003. С. 274. Рис. 1).

К этой серии можно отнести еще два случайно найденных наконечника из Горного Алтая, которые типологически сходны с изделиями из тюркских погребений (Худяков, 1986. Рис. 67.-8; Соенов, Трифанова, 2006. Рис. 3.-3).

Два наконечника являются вотивными, т.е. уменьшенными моделями, имеющими длину 7,2 и 6,9 см (рис. 1.-1–2). Если один из них изготовлен специально, то второй, судя по опубликованной фотографии, переделан из панцирной пластины, о чем говорят оставшиеся отверстия (Досымбаева, 2006. Фото 9). Остальные наконечники боевые. У пяти сохранилась в основном втулка, перо сильно разрушено, у одного, наоборот, практически нет втулки (рис. 2.-4), еще два изделия существенно повреждены, но сохранили основные параметры (рис. 1.-5; 2.-5), повреждения восьми экземпляров незначительны. Обобщенные размеры наконечников таковы: длина всего изделия 14,7–29,1 см; длина пера 6–16,5 см, его наибольшая ширина 1,6–2,5 см, наибольшая толщина 0,6–2,2 см; длина втулки 7–14,1 см, ее диаметр в основании 2,6–4,4 см.

Все тюркские наконечники копий изготовлены из железа и имеют втульчатый насад. По соотношению длины втулки и пера их можно разделить на длинновтульчатые, равновеликие и коротковтульчатые (Горбунов, 2006. С. 47–48). По сечению пера они делятся на линзовидные, ромбовидные и округлые, по форме пера – на вытянуто-ромбические, шестиугольные, килевидные и треугольные. Сочетание этих признаков позволяет выделить семь типов тюркских наконечников копий.

Тип 1. С длинной втулкой и линзовидным пером вытянуто-ромбического абриса – 2 экз. (рис. 1.-1) (Худяков, 1986. Рис. 67.-7). Вполне сложившиеся формы таких наконечников известны у сяньби в конце I – III в. н.э., но все они имеют короткие втулки (Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 4.-2, 7–8). Видимо, от

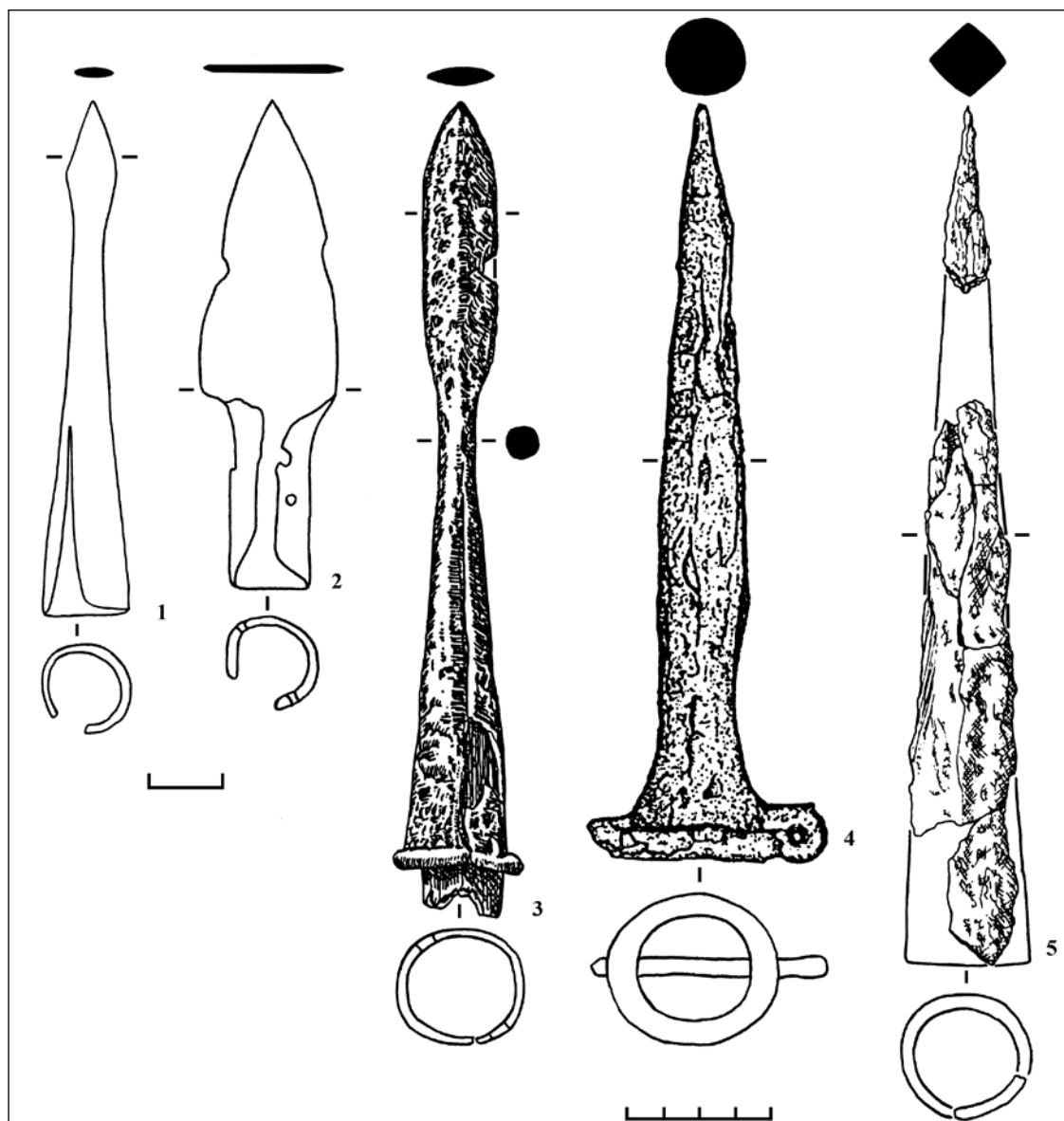

Рис. 1. Железные наконечники тюркских копий: 1 – Кызыл-Таш, оградка №2; 2 – Жайсан-1, оградка; 3 – Яконур, курган №5; 4 – Беш-Таш-Короо-I, курган №10; 5 – Уландрык-I, курган №10

них данная форма пера была заимствована населением Южной Сибири, где оно, но уже с длинной втулкой встречается в памятниках булан-кобинской и кокзельской культур II–V вв. н.э. Применялись такие наконечники и населением юга Западной Сибири на протяжении 2-й половины IV – 1-й половины IX в. н.э., известные в материалах одинцовской и сросткинской культур (Горбунов, 2006. С. 49–50). Оградка, в которой обнаружен вотивный наконечник этого типа, относится к раннему этапу тюркской культуры и датируется 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. (Горбунов, Тишкин, 2002. С. 178–179).

Тип 2. С длинной втулкой и линзовидным пером шестиугольного абриса – 1 экз. (рис. 1.-3). Аналогий ему пока не найдено. Курган, из которого происходит этот наконечник, датируется 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2003. С. 110).

Тип 3. С длинной втулкой и ромбовидным пером килевидного абриса – 2 экз. (рис. 2.-5) (Самашев, 2011. Рис. 286). Ранние экземпляры наконечников с аналогичным сечением и формой пера, но короткой или равновеликой втулкой встречены в сяньбийских памятниках конца I – III в. н.э. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 4.-3–5). Более точные аналогии типу 3 найдены в комплексах сросткинской культуры 2-й половины VIII – 1-й половины X в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 50. Рис. 43.-2–3). Тюркские курганы с наконечниками этого типа можно датировать 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в. н.э.

Тип 4. С равной втулкой и ромбовидным пером килевидного абриса – 5 экз. (рис. 2.-1–3, 6). Ранние аналогии типу 4 есть в памятниках сяньби, булан-кобинской и кокзельской культур II–V вв. н.э. В дальнейшем такие наконечники фиксируются у кыргызов, населения Западной Сибири и Восточной Евро-

пы на протяжении VIII–XIII вв. (Горбунов, 2006. С. 51). Тюркские памятники с этими наконечниками можно отнести ко 2-й половине VI – 1-й половине VIII в. н.э.

Тип 5. С равной втулкой и ромбовидным пером треугольного абриса – 1 экз. (рис. 1.-5). Наиболее точные аналогии этому типу имеются в Согде – конец VII – 1-я половина VIII в. н.э. и Предкавказье – VIII–IX вв. н.э. (Распопова, 1980. С. 74. Рис. 49.-10; Кочкаров, 2008. С. 53. Табл. XXIV.-26). Тюркское погребение с наконечником типа 5 датируется 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. н.э. (Кубарев Г.В., 2005. С. 139).

Тип 6. С короткой втулкой и округлым пером треугольного абриса – 1 экз. (рис. 1.-4). Наконечники копий с аналогичным пером есть уже в памятниках хунну II в. до н.э. – I в. н.э. и у населения кокзельской культуры II–V вв. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 11.-4, 32.-11, 15). Позднее они встречаются у кыргызов и относятся к IX–X вв. н.э. (Худяков, 1980. С. 59. Табл. X.-4). Тюркский курган с наконечником типа 6 можно датировать 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в. н.э.

Тип 7. С короткой втулкой и пером треугольного абриса – 1 экз. (рис. 1.-2). Такой тип можно выделить лишь условно на основании вотивного изделия. Коротковтульчатые боевые наконечники с пером аналогичной формы и не сомкнутой втулкой имеют линзовидное сечение. Они применялись сяньби в конце I – III в. н.э. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 4.-9). Ограду, в которой найдена данная модель, можно отнести ко 2-й половине VI – 1-й половине VII в. н.э.

Эволюция наконечников копий у тюрков шла по линии сокращения длины втулки, перехода от линзовидного пера к ромбовидному и округлому, изменения абриса пера с вытянуто-ромбического и шестиугольного на килевидный и треугольный. Почти все тюркские наконечники отличаются узким компактным пером, рассчитанным на глубокое проникновение, и с этой точки зрения могут быть отнесены к пикам. Наибольшие пробивающие качества должны иметь типы 3–6, а типы 1–2 менее эффективны. Модель, представляющая тип 7, по пропорциям пера напоминает рогаины (Горбунов, 2006. С. 53). Можно сделать вывод, о том, что основное оружие таранного удара у тюркских воинов составляли пики с бронебойными наконечниками.

Помимо вещественных источников, с территории Алтая и Семиречья происходит представительный корпус наскальных рисунков с изображениями воинов-копейщиков, относящихся ко времени тюркских каганатов (Новгородова, Горелик, 1980. Рис. 6–7; Горбунов, 1998. Рис. 2–3; 2006. Рис. 73; Кубарев В.Д., 2002. Рис. 2; Черемисин, 2004. Рис. 6, 12–14; Худяков, Табалдиев, 2009. Рис. 102–103). Они позволяют составить представление о копьях как о цельной конструкции, о способах их применения и сопоставить рисунки с археологическими находками этого оружия.

Длина копий на рисунках, судя по соотношению с человеческими фигурами, составляет от 2 до 4 м. Есть и более длинный экземпляр, но, скорее всего, это результат стилизации изображения (Кубарев В.Д., 2002. Рис. 2.-в). Многие из копий имеют бунчуки в виде кистей и лент, вымпелы, флаги и штандарты, которые служили опознавательными и сигнальными знаками отрядов и командиров (Горбунов, 2006. С. 55).

На части изображений у копий выделены наконечники листовидных и ромбовидно-треугольных очертаний (Горбунов, 1998. Рис. 2.-2, 4, 3.-4; Худяков, Табалдиев, 2009. Рис. 103.-7). Несмотря на схематизм таких рисунков, можно предполагать в них реальные типы наконечников с пером вытянуто-ромбической и шестиугольной формы. Значительная серия рисунков копий не имеет выделенного наконечника (Новгородова, Горелик, 1980. Рис. 6–7; Горбунов, 1998. Рис. 2.-1, 3.-3; 2006. Рис. 73.-6; Кубарев В.Д., 2002. Рис. 2.-в; Черемисин, 2004. Рис. 6, 12–14). Это может быть объяснено наличием у них экземпляров с узким пером килевидной и треугольной формы.

По иконографическим материалам можно выделить несколько способов боевого захвата копий у тюрков:

1. Одной рукой, в нижней позиции, на уровне пояса – груди. Рука отведена назад и согнута в локте. Данный захват используется всадниками для атаки конного и пешего противника (Горбунов, 1998. Рис. 3.-3–4).

2. Двумя руками, в нижней позиции, на уровне пояса – груди. Руки воина широко расставлены, правая (направляющая) отведена назад и согнута в локте, а левая (поддерживающая) вытянута вперед и тоже присогнута в локте параллельно древку. Копье может быть немного опущено наконечником вниз против пехотинца или, наоборот, приподнято вверх против всадника (Горбунов, 1998. Рис. 2.-1; 2006. Рис. 73.-6; Кубарев В.Д., 2002. Рис. 2.-в; Черемисин, 2004. Рис. 6; Худяков, Табалдиев, 2009. Рис. 102.-4).

3. Двумя руками, в верхней позиции, на уровне головы. Руки воина широко расставлены и согнуты в локтях. Этот захват применяется конными воинами для атаки пешех стрелков и известен в поединках между всадниками (Горбунов, 1998. С. 123, Рис. 2.-2, 4; Черемисин, 2004. Рис. 12–14).

4. Одной рукой, в верхней позиции, на уровне головы. Рука выдвинута вперед для удара сверху вниз. Данный прием показан при атаке конного противника (Черемисин, 2004. Рис. 14).

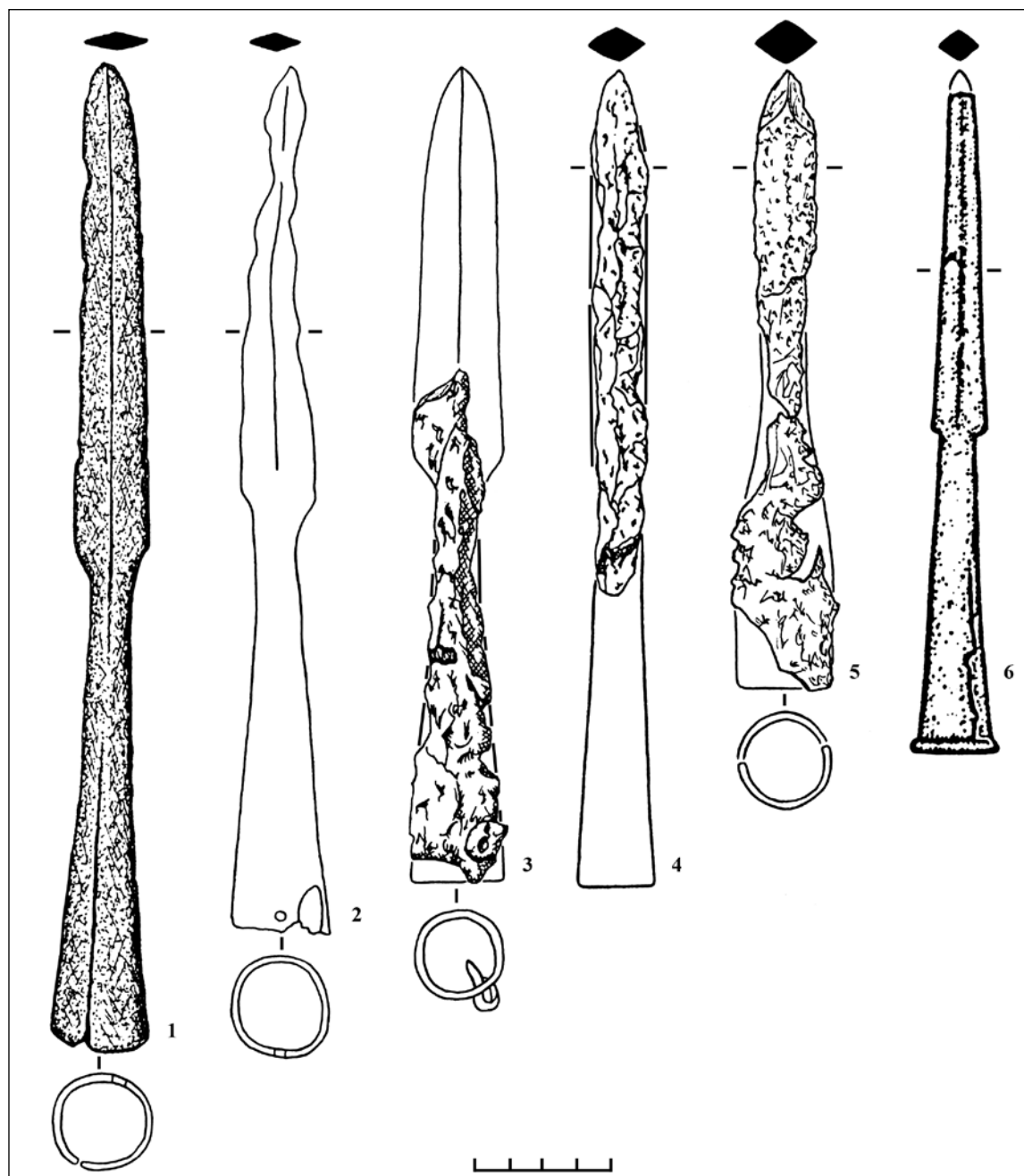

Рис. 2. Железные наконечники тюркских копий:
1 – Верх-Апшуяхта; 2 – Иссык, оградка №5; 3 – Балык-Соок-I, курган №23;
4 – Балык-Соок-I, курган №11; 5 – Барбургазы-I, курган №20; 6 – Горный Алтай

В положении перед боем копьё удерживались одной рукой в наклонно-вертикальной позиции (Новгородова, Горелик, 1980. Рис. 6–7; Худяков, Табалдиев, 2009. Рис. 103.-5–7).

По характеру изображений можно констатировать, что копьё применялись тюрками только как оружие таранного удара, который наносила бронированная конница. В батальных сюжетах именно всадники-копейщики сражаются и с другими конными копейщиками, и с пешими лучниками. Эти факты говорят о ведущей роли копьё, как кавалерийского оружия, среди других видов наступательного вооружения у тюрков.

Небольшое количество вещественных находок наконечников копий из тюркских памятников, в сравнении со стрелковым оружием, не согласуется с частыми изображениями копий на наскальных рисунках и упоминаниями в письменных источниках. Очевидно, что у тюрков не было традиции обязательного сопровождения умершего копьём. Возможно, оно обладало определенным героическим статусом и помещалось в погребальные или поминальные комплексы тех воинов, которые особо отличились на поле боя.

Библиографический список

- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // *Учение Л.Н. Гумилева и современность*. СПб., 2002.
- Григорьев Ф.П., Загородний А.С. Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2.
- Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы, 2006.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Исин А. Шынгыстауский комплекс предметов погребально-поминальной обрядности тюркского времени // *Новые исследования по археологии Казахстана*. Алматы, 2004.
- Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008.
- Кубарев В.Д. Всадники из Хар-Салаа // *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул, 2002.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // *РА*. 1996. №3.
- Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // *Бюллетень Общества востоковедов*. М., 2002.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // *Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР*. Алма-Ата, 1956. Т. 1.
- Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // *Древний Восток и античный мир*. М., 1980.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Самашев З. Берел. Алматы, 2011.
- Соенов В.И., Трифанова С.В. Два котла и наконечник копья с Горного Алтая // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // *Гуманитарные науки в Сибири*. Сер.: Археология и этнография. Новосибирск, 1996. №3.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск, 2003. №10.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // *Древности Алтая*. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5.
- Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. №1.
- Торбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2003.

ПАРАДНЫЕ МОНГОЛЬСКИЕ ШЛЕМЫ XIII–XIV вв.

М.В. Горелик

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Когда каган Великого Монгольского государства Угэдэй в 1230-х гг. диктовал государствоустроительные указы, он, в частности, приказал: «Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища (вероятно, огороженные валами и рвами пространства. – М.Г.) с магазинами (складскими помещениями-пакгаузами. – М.Г.), наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих (комендантов. – М.Г.) – балагачинов и интендантских смотрителей – амучинов» (Сокровенное сказание, параграф 279, пер. С.А. Козина).

Ценность данного пассажа трудно переоценить. Ведь «сеймы князей» – это курултаи, на которые собиралась высшая монгольская элита – царевичи-чингисиды, коих насчитывалось несколько сотен человек, со своими женами и их родственниками, высшая военная и чиновная знать, элита покоренных народов, послы зависимых и суверенных владетелей, заслуженные командиры воинских соединений и чиновники, представленные к наградам. В целом одаряемых могло быть более тысячи. Курултаи были

регулярными, связанными с четырьмя сезонами, новогодние, когда царевичам зачитывались заветы Чингис-хана и всем – накопившиеся за год указы действующего кагана, и чрезвычайные курултай, связанные с погребением умершего кагана и выборами нового, длившиеся иной раз не один год. Курултай сопровождался многодневными пиршествами и раздачей подарков и наград. Так что объем подарков-наград был огромен, что и отражено указом Угэдэй-хана. Причем во всех этих складах, заполнявших охраняемые огороженные площади, хранилось далеко не все, что дарилось. Как видно из текста, там находились предметы «неиндивидуального» (свертки тканей, слитки серебра) или «частично индивидуального» (оружие) характера. В списке нет поясов с драгоценным металлическим убором, пиршественной посуды из драгоценных металлов и готовой одежды, которые также, согласно всем источникам, раздавались на курултаях. Вероятно, эти предметы имели «индивидуальный» характер и изготовлялись в расчете на конкретных одаряемых ближе к дате мероприятия.

Для темы данной нашей работы важно то, что из цитированного текста следует, что оружия, предназначенного для дарения-награждения, были многие сотни и тысячи экземпляров и целых комплектов. Особенно важно то, что все они были парадными образцами, т.е. отличались не только высоким качеством, но и богатством и искусностью отделки.

За последние десятилетия перед глазами научного сообщества и широкой публики предстали блистательные образцы монгольской имперской культуры – прекрасно сохранившиеся целиком одеяния знати империи Чингисидов, сшитые из златотканых узорных шелков, расшитые тончайшими пышными многоцветными узорами и кружевами, удивительной роскоши и тонкости ювелирные изделия – женские украшения, мужские пояса, пиршественная посуда, конский убор. И все эти изделия несут ярко выраженные признаки единого большого стиля, который я назвал «монгольским имперским стилем». В этом стиле на монголо-татарскую основу наложались киданьские, тангутские, чжурчжэньские, сунские, уйгурские, а позже мусульманские – позднесельджукидские, половецкие, болгарские, русские и европейские художественные декоративные мотивы, тщательно отобранные заказчиком – монгольской элитой, и усердно выполняемые разноплеменными мастерами от Желтого моря до Дуная, от Среднего Поволжья до Южного Китая и Индостана. Основным направлением этого стиля было органичное слияние двух основных, излюбленных монголами художественных традиций – «китайской» и «иранской» на основе «степной». Этнокультурное разнообразие контингента исполнителей, работавших на обширнейшей территории, давало многовариантность монгольского имперского стиля, а перемещение целых масс мастеров и соединение их в одном месте поддерживало единство стиля.

Не приходится сомневаться, что и парадное оружие должно было представлять ту же картину, что и парадный костюм, аксессуар, конский убор. К сожалению, монгольское парадное украшенное оружие дошло до нас в несравненно меньшем объеме, нежели драгоценности и даже изделия из текстиля. Сталь сохранилась хуже тонкого ажурного золота и нежного шелка. Это и понятно. Оружие (пусть и парадное) оставалось функциональным, боевым, чему не мешала отделка таушировкой, гравировкой, насечкой, резьбой, позолотой и т.п. А стальной шлем или панцирь разрушается в боях гораздо быстрее, нежели парадный пояс на торжественном приеме или драгоценная чаша на пиру.

К счастью, до нас дошло некоторое количество шлемов, происходящих с территории империи Чингисидов, которые мы вполне можем считать образцами монгольских парадных шлемов.

Самыми яркими образцами, отражающими отмеченную выше тенденцию монгольского имперского стиля соединения в одном предмете элементов «китайской» и «иранской» традиции на «степной» и собственно монгольской основе, являются два шлема из европейских музейных собраний, к которым мы и обратимся. В собрании Королевского арсенала (Royal Armouries) в г. Лидсе (Великобритания) хранится замечательный, прекрасной сохранности шлем, совершенно верно атрибутированный сотрудниками музея как юаньский (т.е. с территории Центрального Улуса – монгольской империи Юань, охватывавшей Китай, Монголию, Южную Сибирь, Маньчжурию, Корею, часть Восточного Туркестана и Тибет, со столицей в Даду (совр. Пекин)). Форма шлема (автору довелось обследовать его в запасниках Тауэра, за что приносит искреннюю благодарность хранителю Восточной коллекции Royal Armouries Т. Ричардсону), выкованная из тонкого листа стали, геометрически точная полусфера, встречающаяся достаточно часто на монгольских боевых наголовьях, восходит к чжурчжэньским образцам XII–XIII вв. Очень широкая граненная трубка навершия характерна для монгольских шлемов XIII в. Козырек, выкованный в налобной части и имеющий здесь объемную форму, – деталь, отличающая именно монгольскую традицию XIII–XIV вв. Вся поверхность шлема сплошь покрыта серебряной насечкой. Узлы декора составляют четыре композиции – на лбу, затылке и над висками, каждая из которых представляет собой фигуру мужчины, сидящего «по-турецки», упершегося, расставив локти, ладонями в бедра, на квадратном седалище, с полукруглым фестончатым ковриком под ним. Он облачен в кафтан с расширяющимися книзу рукавами до локтей и в корону, состоя-

щую из сфероконической тульи и венца с крупными зубцами. В целом головной убор выглядит трезубым венцом с более крупным высоким центральным зубцом. Фигура владыки фланкирована двумя драконами, стоящими на передних лапах, задрав вверх задние лапы и хвосты. Драконы, расположенные по сторонам от фигур владык на лобной и затылочной сторонах, даны на высоту всей фигуры, тогда как драконы, фланкирующие фигуры на височных сторонах, размещены вокруг головы владыки. Все остальное пространство сплошь заполнено орнаментом из стилизованных кустов крупных цветов лотоса и пиона. Этот растительный орнамент и в элементах, и по «ковровому» принципу расположения на предмете восходит к декору китайского фарфора и керамики эпох Ляо (киданьской) и Цзинь (чжурчжэньской). Но фигуры узловых композиций не имеют с искусством Китая ничего общего. Это относится и к изображениям сидящего владыки, и к драконам. Зато они чрезвычайно близки к образцам искусства Ближнего и Среднего мусульманского Востока, выработанным в позднем сельджукидском стиле XII–XIV вв. Об этом говорят такие детали, как полукруглый коврик, известный по книжным миниатюрам Месопотамии 1-й половины XIII в. и росписям иранской керамики того же времени, и морды драконов с «закатанными» губами, характерными для всего позднего сельджукидского искусства Переднего и Среднего Востока. Практически точную аналогию узловой композиции и многих ее деталей мы видим на гравированном декоре серебряной оковки передней луки седла из собрания памятников мусульманского искусства, принадлежащего Давид, Копенгаген. Этот предмет верно определен там как произведение мастеров улуса Хулагу (Иран, Месопотамия, Закавказье) 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. Сама форма передней луки – одна из характернейших для монгольских седел – встречена, например, в погребении-1 могильника Улутуй (Забайкалье, дерево), кургане №3 могильника Туура-Суу (Притяньшанье, Кыргызстан, дерево), погребении-3 кургана №30 у рек Молочной и Чингул (Запорожье, Украина, дерево) и др. Основу декора памятника из собрания Давид составляет композиция из центральной фигуры владыки в трезубой короне и фланкирующих ее драконов. Отличия здесь составляют стилизованные руки, то, что царь сидит не на троне-тахте, а на полу, и то, что драконы также показаны расположенными на земле, лишь приподнявшими шеи с головами. Остальная поверхность – кайма на центральной композиции – заполнена надписью, выполненной арабскими буквами, стилизованными в той же манере, что и детали центральной композиции. Обе композиции – и на юаньском шлеме, и на хулагуидской оковке луки седла – передают один и тот же сюжет из иранского эпоса: царя Забулистана Зоххака, поцелованного в плечи дьяволом, отчего там выросло по змее, мучившей Зоххака, если он не кормил их мозгами юношей и девушек. Оба мастера явно не читали изложение этого сюжета в поэме Фирдоус «Шах-намэ», так как вместо змей на плечах отдельно от царя стоят драконы, но примерную каноническую иконографию смутно знакомого сюжета они оба знали и воспроизвели почти зеркально на концах гигантского пути между Даду и Тебризом.

Совершенной копией фигуры владыки на юаньском шлеме, да еще и выполненной в той же технике – насечкой, выглядит серебряная фигура сидящего посреди цветов персонажа на маленькой латунной вазочке из Лувра, с датой 1330 г. и именем османского султана Орхана Гази. Этот памятник дает надежную дату для шлема.

Второй шлем с теми же характеристиками хранится в Будапеште, в Венгерском Национальном музее. Он найден в водах Дуная и совершенно неверно атрибутирован в музее как половецкий шлем XII в. Форма данного наголовья несколько иная: высокий цилиндрический околыш округло, плавно переходит в коническую тулью. Подобная форма также весьма характерна для монгольских шлемов, тем более, что и здесь в налобной части выкован маленький козырек. Весь шлем по форме практически аналогичен шлему из золотоордынского погребения 2-й половины XIII – начала XIV в. в кургане у с. Ковалевка на р. Ингул (Украина). Гравированный декор шлема уникален, богат и разнообразен. Верх конической тульи окружен широкой каймой, содержащей крупные арабские буквы в стиле цветущего куфи, окруженные закрученными побегами. Подобные мотивы – с псевдонадписями цветущим куфи – были исключительно характерны для золотных шелковых монгольских имперских халатов, ткавшихся в Восточном Туркестане индивидуальными купонами, вероятно, специально для награждения и дарения юаньскими каганами. Околыш окружен каймой более узкой, но с крупными, выступающими на лбу и на затылке «монгольскими» трехлепестковыми пальметтами; кайма и пальметты заполнены плетением побегов в позднесельджукидском стиле, очень близким тому, что мы видели на каймах оковки луки седла и собрания Давид. На боковых же сторонах тульи выгравированы два крупных китайских феникса, заполняющие собой все пространство между пальметтами. Китайские фениксы даже больше, чем драконы, лотосы и лани, обрели популярность в иранском и сирийском искусстве расписной керамики в улусе Хулагу и, как видим, в декоре доспехов.

Опишем кратко другие образцы парадных монгольских шлемов. Разумеется, специально парадные типы не вырабатывались, поскольку украсить можно шлем любого типа – поверхности достаточно. Тем не менее можно полагать, что больше шансов быть парадным было у наиболее сложных в изготовлении, с луч-

шими защитными свойствами шлемов, которыми пользовалась знать, обладавшая лучшими по защитным свойствам доспехами. Разумеется, легкие стальные доспехи, а также кожаные доспехи представителей высшей знати, которой не полагалось лично сражаться в тесной схватке, украшались с максимальной роскошью.

Гравировкой и золотой таушировкой украшены шлемы середины – 3-й четверти XIII в. из Таганчи (Поросье, Украина) и из кургана Хургишца в Ватра Молдовичей на востоке Румынии (все территории входили в XIII в. в Улус Джучи). Таганчинский шлем – цилиндро-конический, увенчан высоким шпилем с колечком на верхушке (яркие монгольские признаки). Спереди приклепана традиционная для Центральной Азии налобная пластина с выкружками бровей, переходящими в наносник. Наголовье склепано из одного листа в один шов, но гравировкой – кантами – изображена граница околыша и тульи, а тулья тем же манером разделена на четыре сектора. Гравировка четырехлопастного подвешья изображает цепь из крупных колец, а на околыше просматриваются арабские буквы, переплетенные с побегами в том же стиле, что на шлеме из Будапешта и оковке седла и собрания Давид. Характерны две круглые мишени над бровями – аналогичные тем, что почти всегда присутствуют на шлемах XIII–XIV вв. Ближнего и Среднего Востока, нарисованных и реальных. Декор мишеней – розетка – излюбленный элемент орнаментации в художественном металле этого региона в XII–XIV вв. Для украшения шлема применены также медная и бронзовая обтяжка яблочка и шпиля, позолота налобника. Шлем из Хургишцы конструктивно отличается от Таганчинского только прикрытием верха лица приклепанными скульптурными «бровями» вместе с «носом», а его составная конструкция не изображена, является реальной, хотя стыки подчеркнуты таушировкой золоченым серебром. Тем же способом на лбу изображены поясные фигуры святых Константина и Елены, сложные крестообразные элементы. Стилистика изображений, вполне византийская, хотя мастер был не первой руки. Шлем из Хургишцы я в свое время отнес к продукции мастерских Даниила Галицкого, перевооружившего дружину в доспехи монгольского образца, но украшенных в местной манере. В качестве варианта можно предположить и бронников Ногая, сотрудничавших с византийским мастером из свиты его византийской жены. Таким образом, оба шлема можно датировать 3-й четвертью XIII в. Мы видим, как на монгольскую форму нанесен «западный» декор – мусульманский и византийский. На этих образцах с западной окраины Империи уже нет китайских мотивов.

Несомненно, парадными были шлемы с тульей яйцевидной формы и системой защиты лица в виде приклепанной скульптурной полумаски «брови–нос»: их лучше сохранившиеся экземпляры – из Чингульского кургана (Запорожье), из Никольского (Орловщина), из Моску (восточная Румыния) – имеют сплошное золочение несколькими слоями фольги, либо золочение поверх серебрения. Исключением на сегодняшний день является декор шлема из Городца на Волге: он обтянут серебром, поверх которого золотыми и черневыми линиями отграничен прямоугольник на лбу, заполненный арабскими буквами, а тулья разделена четырьмя зубцами с «узлами счастья» на остриях. Подобные узлы популярны в китайском и центральноазиатском искусстве, но встречаются и в позднем сельджукидском узоре XII–XIII вв. В той же технике изображено четырехлепестковое подвешье.

Наконец, парадными по определению были шлемы с забралами в виде человеческих личин. Ведь это были, как правило, доспехи военачальников, знати. Поскольку подобные забрала известны в Византии и на Руси, на мусульманском Ближнем и Среднем Востоке с XI в., а также в Китае и у чжурчжэней в XI–XII вв., традиции этих регионов, казалось бы, должны были отразиться на монгольских забралах. Однако более или менее искусно и реалистично выкованные европеоидные личины Византии и Руси (Серенск, Городище) напоминает лишь забрало конца XIII – XIV в. из НМРТ в Казани, а примитивные чжурчжэньские личины, кажется, не нашли продолжения в юаньское время. Похоже, все же с монголами стоит связывать основной иконографический тип – с дуговидными бровями вразлет, миндалевидными глазами с выпуклыми веками, большим горбатым носом, губастым ощеренным ртом и загнутыми вверх длинными усами, иногда и с «бородой» и подвижными бронзовыми ушами (Ковали и Липовец в Поросье, Херсонес в Крыму, Мчецке Жехровице в Чехии, в Прикубанье). Как предложено в давней работе автора, в этом типе унаследована иконография центральноазиатского мужа-героя еще скифского периода, не прерывавшаяся здесь и в средневековье. Более примитивными были забрала без рельефных усов и бровей (Ротмистровка на Черкашине и Тусхарой в горной Чечне). На забралах-личинах видны следы позолоты. Они могли золотиться целиком, но вероятнее, что золотились брови, веки, губы, усы и бороды, причем волосняной покров мог передаваться золотыми полосами таушировки. Да и просто полированные стальные личины выглядели произведениями искусства скульптуры, вселявшими ужас.

Исследовав боевые личины-забрала двух иконографических типов времени династии Юань в Китае из музея Метрополитэн в Нью Йорке и найдя изображение одного из них в китайской стенописи XIV в., Л.А. Бобров показал, что конструктивно эти забрала восходят к чжурчжэньским, носившимся отдельно от наголовий, подобно японским забралам-маскам *мэмпо*. Одна маска, медная и золоченая, с ковано-

резными усами, бровями и веками, напоминает западные монгольские образцы, зато другая выполнена вполне в традициях китайской буддийской храмовой скульптуры с несколько гротескными чертами гневного мужского лица. Если на маске из Метрополитэна в темную медь таушированы линии плачевно выходящих прядей волос бровей, бакенбард, усов и бородки, то на стенописи волосы показаны натуральными, как опять-таки на японских масках, как удачно подметил Л.А. Бобров. Как видим, юаньские маски изготавливались не из железа, как чжурчжэньские, а из меди, а именно этот металл называет в качестве материала для забрала личины китайский автор династии Сун. Автору известны еще три юаньских забрала-личины «буддийского» типа: медная маска, крытая черным лаком, из антикварной галереи в Лондоне, и две медных маски из шаманских комплексов в музеях городов Хух-хото и Хулунбаир во Внутренней Монголии, КНР. Маски из Внутренней Монголии практически идентичны и изображают злобные лики защитников буддийской веры с тремя глазами и ушами. Именно на них мы видим брови, усы и бороды из натуральных волос. Даже если разные элементы комплексов шаманского облачения, в состав которых входят эти маски, разновременные, то сами маски можно считать юаньскими, монгольскими, поскольку юаньскими являются ряд вышитых деталей облачения, живописные аналогии этим маскам, а также тот факт, что дошедшие до нас более поздние шаманские медные маски сделаны гораздо более примитивно, без каких-либо стилистических признаков китайской скульптуры.

Итак, мы можем видеть, что даже дошедшие до нас единичные образцы монгольских парадных шлемов позволяют догадываться о той роскоши декора и многообразии техник, о принципах имперского стилистического единства и локальном многообразии тех тысяч образцов, коих только часть хранилась в пакаузах складских полигонов, описанных в «Сокровенном сказании» – «Тайной истории монголов».

ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-КАМЬЯ

А.М. Губайдуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Военное зодчество – один из важных показателей уровня развития любого народа и государства. На протяжении многих веков фортификационные сооружения находились в постоянном развитии и многообразии. Это связано с социально-экономическим процессом, его темпами, а также с влияющими на него демографическими и природно-географическими условиями, сопутствующими становлению и существованию различных народов.

Фортификационные сооружения Волжской Булгарии и Казанского ханства являлись главными элементами их структуры и служили важным гарантом существования и развития обоих государств. Строго продуманное расположение на местности не только служило целям самообороны городищ, но и содействовало успешному функционированию сельской округи. Именно серьезные оборонительные мероприятия во многом обеспечили то, что Волжская Булгария могла противостоять вторжению извне вплоть до монгольского нашествия осенью 1236 г.

Анализ составляющих элементов болгарской фортификации позволяет сделать вывод о том, что военное зодчество отвечало требованиям своего времени и развивалось на местной основе, используя заимствования, принесенные с Востока, Средней Азии, а также применяя достижения позднеантичной военно-инженерной мысли.

Касаясь планировочных особенностей городищ Волжской Булгарии, можно выделить все четыре типа памятников, зависящих от использования окружающего рельефа местности. Значительное преобладание укрепленных поселений, подчиненных рельефу, говорит о предпочтении к всемерному использованию защитных свойств местности в военно-инженерной науке булгар. Строительство их не требовало больших земляных работ, но создавало максимально эффективную оборону. Существование же на территории Волжской Булгарии городищ правильной конфигурации (неподчиненные рельефу) свидетельствует о некоторых фортификационных правилах, определяющих форму поселения на местности, но не является следствием лишь кочевнических традиций. Довольно значительная по количеству (почти одна треть от общего числа), эта группа памятников датируется, в основном, домонгольским периодом истории Булгарского государства. Возможно, что сокращение в золотоордынское время городищ данного типа говорит о наступивших изменениях в тактике осады и обороны крепостей после монгольского нашествия.

Весьма разнообразны системы укреплений городищ, варьирующие от простейшей схемы – один вал, один ров, до наиболее сложной – четыре вала, четыре рва.

С наименее защищенных сторон поселения укреплялись дополнительными валами и рвами, а также эскарпировались пологие склоны, таким образом, искусственно дополнялись или исправлялись детали рельефа для нужд обороны.

Профилировка рвов и валов, в свою очередь, считалась немаловажным фактором в военно-инженерном деле средневековья. Разнообразие форм и типов рвов, предназначенных не только для пассивной, но и активной обороны, подразумевает их специальный выбор для каждого конкретного поселения, его месторасположения и размеров. В основном типичными профилями рвов являются трапеция или треугольник. Средневековые городища региона имеют как тот или другой тип в отдельности, так и их комбинирование на одном памятнике.

Для замены или дополнения функций крепостных башен по продольной защите, прилегающей к куртинам территории, в средневековье применялись изломы систем укреплений, состоящих из входящих и исходящих углов. Первые представляли собой углы, направленные внутрь площадки городища, а вторые – во внешнюю сторону. Исходящие углы производили двустороннюю фронтальную оборону, а входящие защищали местность перед собой от перекрестной стрельбы.

Изломы укреплений иногда применялись и для защиты въездов на городища. Ввиду того, что ворота в крепостной ограде являлись самым уязвимым местом, их стремились как можно более обезопасить. Для этого использовались не только башни, но и проезды типа периболов, *clavicula*, *titulus* и др. Сами подступающие дороги иногда устраивались не с напольной стороны, а по краям террасы, мыса или дну оврага, что максимально затрудняло доступ непосредственно к воротам.

Здесь имелись в наличии все крепостные конструкции, существовавшие и на территории Древней Руси. Они включают в себя частокол (тын), столбовую конструкцию, городни и тарасы. Зачастую некоторые из них взаимодополняли друг друга на одном памятнике, имеющем больше одной линии обороны, или попеременно чередовались.

Прослеживается эволюция дерево-земляных сооружений по периодам времени. Если для X в., в основном, это применение частокола (тына), то в XI–XII вв. появляются стены в виде столбовой конструкции. Параллельно ей существуют, а также приходят на смену крепостные сооружения типа городней – наиболее мощные в то время. Судя по сведениям, полученным в результате археологических исследований, к XIII в. доминирующее положение начинают занимать городни, а в золотоордынское время появляются тарасы – наиболее передовой тип оборонительных конструкций, который применяется вплоть до Казанского ханства включительно. Вместе с тем довольно простые дерево-земляные сооружения в виде рва, вала и частокола с боевой площадкой продолжают существовать на протяжении всего периода времени как, видимо, наиболее универсальные.

Если для Волжской Булгарии многие проблемы военного зодчества давно уже решаются, то для Казанского ханства тема, касающаяся оборонительных сооружений, еще мало изучена и требует внимательного рассмотрения. Несомненно, что с развитием военной техники, тактики и стратегии осады и обороны крепостных сооружений не могли не происходить и изменения в фортификации. Именно в эпоху Казанского ханства дерево-земляные сооружения достигают пика своего развития.

Своеобразным венцом крепостного строительства того периода времени можно назвать Казань. Не случайно в «Казанской истории» написано: «Поэтому и обрели казанцы немалую силу и ничего не боялись, хотя бы и все окрестные царства, соединившись, поднялись и выступили против них, ибо крепок был их город».

Имеющиеся сведения позволяют прийти к заключению о том, что военно-оборонительное дело Волжской Булгарии и Казанского ханства имело высокий уровень развития. Используя заимствования в фортификации у многих народов, военное зодчество тем не менее развивалось на основе местной школы.

МОНГОЛЬСКИЙ ПОХОД 1223 г. И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНОСТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НАЧАЛА XIII в.

И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Археология, как особая источниковедческая наука, имеет особые тесные связи с историей. Проблема историзма – одна из важнейших в теоретическом арсенале этой науки, поскольку именно локализация тех или иных объектов во времени является основой для придания статичным объектам материальной культуры динамизма. Проблема темпоральности археологии тесно связана с соотношением

артефактов с данными исторических источников. Однако теоретические аспекты подобной контаминации часто определяются ситуативно, без должного теоретического осмысления. Между тем события XIII в. в Среднем Поволжье дают интересные материалы для создания модели описания и концептуального осмысления связи данных археологии и исторических сведений.

Исторические события. В начале XIII в. бурно развивающееся Монгольское государство подчиняло одну территорию за другой. В 1221–1223 гг. после завоевания державы Хорезмшахов в поход на Иран и Восточную Европу были отправлены войска под командованием Субудея и Джебе. С боями они прошли Грузию, разгромили объединенные войска алан и кыпчаков в Предкавказье, а в 1223 г. в сражении на реке Калке нанесли поражение союзным ратям южнорусских князей и кыпчаков. После этой победы монгольские войска вторглись в Булгарию, где, по сведениям современника событий арабского историка Ибн ал-Асира, они попали в засаду и были разгромлены. Только часть их вырвалась и вернулась в ставку Чингиз-хана.

Событие это на значительное время остановило наступление монгольских войск на Восточную Европу. Война Булгарии и кыпчаков (йемеков) с войсками правителя Улуса Джучи Бату растянулась на десятилетие. Походы 1229 и 1232 гг. оказались неудачными. Только грандиозный общемонгольский поход на Запад 1236–1342 гг. привел к завоеванию Поволжья, Руси, Северного Причерноморья и Предкавказья. На этом фоне локальное поражение 1223 г. забылось.

Долгое время историки пытались локализовать место этого сражения, указывая различные точки на карте от Болгара до Самарской Луки. Но все они были не более чем гипотезами.

Археологические памятники. Среди памятников Волжской Булгарии был выявлен куст памятников в Посурье на южной окраине. Среди них выделяется Золотаревское городище. Расположено оно в верховьях р. Суры вдоль оврага, по которому течет небольшая речка Медаевка, у с. Золотаревка. Известно науке оно было еще с конца XIX в., а первые археологические исследования и раскопки на нем проводил в течение 1952–1978 гг. пензенский археолог М.Р. Полесских. Он же довольно четко определил, что городище, судя по обнаруженному материалу, особенно керамическому комплексу, относится к булгарской культуре и датируется XI–XIII вв. Общая укрепленная площадь составляет почти 13 га. Особо следует отметить, что это единственное городище среди всех других булгарских памятников имеет четырехрядную систему валов и рвов. Для средневековой Булгарии оно было довольно значительным военно-административным центром. Слой достигает местами глубины до 30–50 см и насыщен находками керамики, бытовыми предметами, а также человеческими костями и предметами вооружения.

Интерес представляет то, что не только сама площадка городища, но и его окрестности насыщены обломками оружия и конского снаряжения, включающими целый комплекс вооружения, конского и всаднического снаряжения не только булгарского, но и центральноазиатского происхождения. Именно этот материал стал предметом особого изучения и вызвал дискуссию о его характере и особенностях появления на этом археологическом памятнике.

Интерпретация найденных материалов. Первый и наиболее серьезный анализ всему комплексу материала дал исследователь этого памятника Г.Н. Белорыбкин. Подводя итог своей работе, он утверждал, что в Золотаревском комплексе представлен практически весь набор аскизского вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи, а «учитывая стилистически грамотное и сообразное по форме производство, можно отметить, что местные ремесленники и заказчики хорошо были знакомы с культурой кыргызов в Хакасско-Минусинской котловине». Поскольку в датировке данных предметов автор использовал разработки И.Л. Кызласова и К.А. Руденко, то в исторической характеристике сделанного им открытия он фактически следовал их схеме. Он писал: «Обращает на себя внимание и тот факт, что на Золотаревском поселении сосредоточено такое большое по отношению к любому памятнику Восточной Европы количество предметов аскизского типа. Однако если учесть тот факт, что на поверхности поселения обнаружено множество разрозненных останков людей, можно предположить, что во время монгольского нашествия в начале XIII в. здесь произошло сражение, в результате которого погиб конный военный отряд, использовавший аскизоидные украшения и вещи. Вместе с ним погибло и само поселение, о чем свидетельствуют результаты археологических исследований Золотаревакого городища. Судя по тому, что часть предметов относится к домонгольскому времени и была произведена на поселении, можно предположить, что этот военный отряд защищал поселение от монголов, а не находился в составе монгольского войска. К тому же его воины, явно победившие в этом сражении, вряд ли оставили на поле битвы хорошее снаряжение и оружие. Так лишь наконечников стрел XII–XIII вв. насчитывается более 200. Причем одних только наконечников стрел, связываемых с монголами, насчитывается более 60. Вполне возможно, что стоявший здесь военный отряд выполнял охранные функции торгового пути из Булгара в Киев и других торговых магистралей этого региона, а также торговой фак-

тории у Золотаревского городища. Одним из подтверждений этого могут служить находки железных накладок с позолотой как на поселениях Древней Руси, так и Волжской Булгарии, правда в единичных экземплярах, но зато типологически близких к золотаревским изделиям» (Белорыбкин, 2000. С. 138).

Еще дальше двинулся в интерпретации данного комплекса К.А. Руденко, который не только констатировал существование некоего «сурско-аскизского» или «европейско-аскизского (сурского)» комплекса на основе интерпретации материалов из Золотаревского комплекса. По его мнению, вещи из этого памятника «как бы завершают ареал широкого распространения изделий этого типа в Поволжском лесостепном регионе. Причем здесь имеются такие предметы, которые отсутствуют в болгарских и прикамских материалах» (Руденко, 2001. С. 67). Датируя данный комплекс, он считал, что представленный на памятнике материал «относится к нескольким хронологическим периодам, в основном в рамках XI–XII вв., может быть, захватывая первую половину XIII в.» (Руденко, 2001. С. 75). В качестве доказательств подобной датировки он приводит многочисленные предметы, имеющие более широкую дату либо происходящие из комплексов, которые могли бытовать вплоть до середины XIII в.

Между тем все не так просто. Ссылки авторов на датировки археологических материалов из раскопок городов Руси (Медведев, 1959. С. 121–191; Пряхин, Цыбин, 1991. С. 93–106) и Булгарии не совсем точны. Во-первых, хотя в ряде случаев исследователи и датировали эти материалы как домонгольские, но в данный момент метод определения их даты ставится другими исследователями под обоснованное сомнение. Во-вторых, часть этих материалов происходит из разрушенных в ходе монгольского завоевания поселений, что позволяет предполагать, что они или попали в слой в ходе разорения данного поселения, либо в течение какого-то времени после этого. Археологически же этот период часто просто невозможно установить. В целом же можно сказать, что в Восточной Европе из достоверных комплексов до начала XIII в. предметов кыргызского происхождения, т.е. изделий эпохи сууктэр (XI–XII вв.) не обнаружено.

Осознавая все эти трудности, в последних публикациях К.А. Руденко не был столь категоричен. Так, в докторской диссертации он утверждает, что «представляется возможным рассматривать появление... оригинальных бронзовых наборов (речь идет о поясной гарнитуре. – И.И.) как маркер начала новой эпохи монгольских завоеваний и миграции племен на запад. Продолжением этого стало появление сибирских аскизских комплексов (в том числе и на Золотаревском поселении), явившееся тоже следствием монгольских завоеваний, но уже Хакасии» (Руденко, 2004. С. 2). Не станем пенять автору за такую непоследовательность. Заметим только, что, указывая на возможность происхождения предметов так называемого аскизского круга в середине XIII в., автор тем самым опровергает свою же точку зрения о постоянных вплоть до монгольского завоевания контактах болгар с кыргызами, а также о непрерывном совершенствовании ремесленных приемов и формировании круга изделий, сходного и близкого «аскизской культуре». Тем самым он прямо дезавуирует и мнение Г.Н. Белорыбкина, что «местные ремесленники и заказчики хорошо были знакомы с культурой кыргызов в Хакасско-Минусинской котловине». Получается, что данный комплекс сложился вне Золотаревского комплекса и, очевидно, даже вне Восточной Европы. Однако возникает вопрос: сложился ли он в Хакасско-Минусинской котловине или вне ее? Насколько вообще данный комплекс вооружения и воинского снаряжения можно считать этнически и культурно кыргызским?

Комплекс центральноазиатского происхождения. Значительную часть этого комплекса составляют несколько типов наконечников стрел, характерных для средневекового населения Южной Сибири и Центральной Азии. Часть находок сабель и их фурнитуры также имеют прямые аналогии в материалах Южной Сибири.

Наличие доспехов в составе этого комплекса можно только предполагать, так как уникальных элементов доспеха южносибирского воина в исследуемом регионе не найдено. Однако множество универсальных типов пластин с территории Верхнего Посурья можно найти в материалах Южной Сибири. Особый интерес представляет комплекс пластинок, аналогии которым имеются на Дальнем Востоке, а некоторые практически исключительно принадлежали чжурчжэням, как, например, железная пластина в форме полумесяца из Золотаревского поселения, которая является деталью чжурчжэньского доспеха, защищающей область подмышки. Им же, очевидно, принадлежали детали шлемов – части бармиц, козырек и наверхие. Наличие чжурчжэньских элементов доспеха не случайно. По мнению Ю.С. Худякова и Л.А. Боброва, многие элементы вооружения, считавшиеся на протяжении многих лет «типично монгольскими», имеют чжурчжэньские (точнее «цзиньские») корни.

Весьма интересны также находки пальм – своеобразного вида древкового ударного оружия, имеющего трехгранные однолезвийные наконечники с втульчатым насадом. Использовались пальмы для нанесения колющих и рубящих ударов. Подобный вид древкового оружия письменными и изобразительными источниками не зафиксирован. В памятниках I тыс. н.э. образцы однолезвийных втульчатых наконечников встречаются редко. Во II тыс. н.э. они получают некоторое распространение в Прибайка-

лье и Забайкалье, а единичные экземпляры найдены на территории Монголии и Саяно-Алтая. Видимо, их происхождение связано с северной периферией монгольских кочевий. Заимствованные у таежных охотников пальмы были распространены монголоязычными кочевниками в начале II тыс. н.э.

Вышеозначенный комплекс дополняют металлические элементы конского снаряжения и ременной гарнитуры аскизского типа, в большом количестве найденные на Золотаревском поселении. Здесь же открыты поясные накладки, имеющие аналогии на чжурчжэньских памятниках Приморья.

Анализ всего комплекса вооружения позволяет указать, что в Восточной Европе находок оружия подобного типа практически не встречено. В любом случае эти находки из Золотаревки уникальны и являются маркерами иной культурно-хронологической среды, чем просто домонгольские кыргызы. Наиболее выразительны в этом отношении находки в Посурье изделий чжурчжэньского и монгольско-го культурного круга.

Единственный исторический феномен, где мог сложиться подобный синкретичный воинский и всаднический комплекс – это войско Чингиз-хана, а единственное событие, которое привело бы к археологизации такого количества предметов вооружения и конского снаряжения, – это поражение монгольского войска в 1223 г. от булгар. Завоевание Булгарии и разорение этого региона в 1236 г. привело к его запустению. Это объясняет, почему сравнительно большое количество вооружения не было собрано, как это чаще всего происходило на других полях сражений.

Хронология раннеджучидских древностей Евразии. Проблема датировки комплексов монгольской имперской культуры на этапе его формирования чрезвычайно важна, но и довольно основательно запутана. Связано это с тем, что археологические методы датировки, успешно работающие в периоды стабилизации бытовой культуры, если обновление и насыщение новыми элементами идет плавно и последовательно, сталкиваются с серьезным испытанием, когда имеют дело со сменой культур и перемещениями новых культурных явлений. Именно таковым в археологическом плане и было монгольское вторжение в Приуралье, Поволжье и Восточную Европу в целом.

В теоретическом аспекте проблема заключается в том, что археологи используют консервативную методику датировки по аналогии, полагая, что время течет равномерно и не зависит от исторических событий. Тогда как современная релятивистская концепция времени указывает, что длимость и соотношение отрезков времени зависят от взаимодействия объектов и местонахождения наблюдателя. В археологическом аспекте это означает, что нахождение в разных концах Евразии однотипных предметов не означает их одновременности, а зависит от того, с какими артефактами и объектами они взаимодействовали в том или другом случае.

С одной стороны, мы имеем дело с разновременностью культурных изменений: в Центральной Азии, Южной Сибири новые элементы имперской монгольской культуры появились раньше – уже с 1208 г., а в Восточной Европе – позднее на 20–30 лет, примерно начиная с 1223 г. С другой – новые имперские элементы – поясные наборы, оружие, конское снаряжение, драгоценные чаши – функционировали не сами по себе, а в окружении предметного мира предшествующего времени. Причем это сосуществование было, судя по всему, достаточно долгим – до двух поколений, пока постепенно не сформировалась новая монгольская, а в Восточной Европе, Южном Урале и Приаралье – джучидская (золотоордынская) имперская культура. Понятно, что комплексы находок именно этого начального этапа формирования данной культуры труднее всего было распознать и выделить из общей массы древностей Евразии XII–XIII вв.

В самом общем плане следует, очевидно, предположить, что в периоды исторических катаклизмов общевразийского масштаба при анализе материала следует с большой осторожностью подходить к датировке находок методом прямых аналогий и применять для их локализации во времени более сложную методику, но именно она позволит сделать точными и доказательными любые исторические интерпретации.

Библиографический список

- Белорыбкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой Евразии. Казань, 2000.
- Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.; Л., 1959. Т. II (МИА. №65).
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. // Археология славянского юга-востока. Воронеж, 1991.
- Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2004.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: исследование и каталог. Казань, 2001.

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ВООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

Настоящая работа посвящена анализу динамики предметного мира военной культуры у средневекового населения Кузнецкой котловины. Средневековый комплекс вооружения в Кузнецкой котловине представлен средствами ведения дистанционного и ближнего боя, а также средствами защиты. Цель работы – системный анализ изменения культурных форм в микро- (3–4 поколения или 100 лет) и макродинамике (на протяжении отдельных периодов и всей эпохи средневековья) и их фиксация в культурном пространстве Кузнецкой котловины.

К предметам вооружения дистанционного боя и снаряжения относятся луки, стрелы, колчаны и их крепления. Средневековые луки в Кузнецкой котловине представлены фрагментами деревянных кибитей и пластинок-накладок на них из кости и дерева, что позволяет реконструировать эти предметы оружия. Известно пять типов конструкций луков, 1 тип – в раннем средневековье и 4 типа – в развитом средневековье. Наибольшее распространение в развитом средневековье получил тип лука с одной срединной фронтальной накладкой. Наконечники стрел в эпоху средневековья на территории Кузнецкой котловины изготавливались, как правило, из кости (рога) и железа. Костяные наконечники стрел отнесены к 2 отделам, 9 группам и 29 типам (Илюшин, 2009. С. 21–28). Все известные типы костяных наконечников стрел в основном использовались в период раннего средневековья и лишь 10 типов из них – в развитом средневековье. Это свидетельствует о наличии устойчивой культурной традиции применения этих артефактов у средневекового населения Кузнецкой котловины и позволяет предполагать преемственность технологий и форм при их изготовлении и использовании. Однако налицо динамика типологических изменений, что свидетельствует о наличии большого количества инноваций и отсутствии консервативности в материальной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины по изучаемой категории артефактов. Наиболее насыщен для новых форм костяных наконечников стрел VIII в., когда появляются 17 новых типов. Этот факт можно интерпретировать как инновационный всплеск, вероятно, отражающий последствия сильного воздействия извне на материальную культуру населения Кузнецкой котловины. Отсутствие инноваций в развитом средневековье свидетельствует о консервативности традиции в изготовлении этих предметов и, вероятно, связано с появлением большого количества железных наконечников стрел, которые постепенно стали вытеснять костяные. В позднем средневековье костяные наконечники стрел практически перестали использоваться. В целом эволюция этих артефактов свидетельствует о большом их типологическом разнообразии в период раннего средневековья и постепенном уменьшении их типологического ряда в период развитого средневековья. Эта динамика отражает изменения в укладе хозяйственной жизни средневекового населения Кузнецкой котловины, когда охота, где традиционно использовались костяные наконечники стрел, теряет роль ведущей отрасли экономики и появляются новые средства для ее осуществления, а в военном деле более востребованными становятся железные наконечники стрел. Железные наконечники стрел относятся к 1 отделу, 10 группам и 102 типам (Илюшин, 2010. С. 120–133). Из всего количества классифицированных артефактов 2/3 относятся к так называемым небронебойным типам и 1/3 наконечников стрел – к категории бронебойных типов. Железные наконечники стрел использовались в Кузнецкой котловине на протяжении всей эпохи средневековья. Динамика инноваций идет по нарастающей линии. В раннем средневековье появилось 39 новых типов, 10 из них бытовали лишь в раннем средневековье, а 29 – как в период раннего, так и развитого средневековья, т.е. стали традиционными. В развитом средневековье появились и бытовали 63 новых типа наконечников стрел. В целом динамика изменений с V по XIV в. железных наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины отражает факт увеличения их количества и типологического разнообразия, а также возрастание доли бронебойных наконечников стрел от раннего к развитому средневековью. Процесс использования этих артефактов в Кузнецкой котловине начался еще в начале I тыс. и плавно протекал в период раннего средневековья. Массовое появление инноваций в этой категории предметов в конце I тысячелетия н.э. и в период развитого средневековья свидетельствует о взрывном характере спроса местного населения на эти изделия, что указывает на возникшую необходимость милитаризации средневекового общества. Средневековые воины Кузнецкой котловины хранили и носили стрелы в берестяных колчанах двух типов – закрытые с карманом и с горизон-

тально срезанным верхом. Первый тип был в обращении с середины VIII по XIV в., а второй – в XII–XIV вв. (Илюшин, Сулейменов, Гузь и др., 1992. С. 21; Илюшин, 1999. С. 40).

Предметы вооружения ближнего и рукопашного боя встречаются значительно реже, чем дистанционное оружие. Это объясняется его большей ценностью и тактикой ведения боевых действий средневековым населением Кузнецкой котловины. Железные мечи на этой территории были зафиксированы в единичных случаях в XI–XIII вв. в западной части, а в XV–XVII вв. – в восточной части в долине р. Томь. Железные палаши в Кузнецкой котловине известны в долинах рек Иня и Томь. Эти изделия употреблялись со 2-й половины VIII в. и использовались на протяжении средневековья. К числу архетипов можно отнести лишь один тип палаша с ладьевидным перекрестьем, который бытовал с середины VIII по XIII–XIV вв. Период использования других вариаций этого изделия составлял от 100 до 300 лет. Сабли в Кузнецкой котловине появляются в развитом средневековье (XI в.) и бытуют до нового времени. В число редко встречаемых предметов вооружения ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины можно включить стилеты и кинжалы, находки которых концентрируются в западной части Кузнецкой котловины в период развитого средневековья. Факт появления стилета первичной формы в XI–XII вв. (Илюшин, 1993. Рис. 48.-1) свидетельствует о том, что этот регион является одной из тех территорий, где появился этот вид предметов вооружения рукопашного боя против защищенного латами или кольчугой противника. Прямые железные ножи были в широком употреблении у населения Кузнецкой котловины на всем протяжении эпохи средневековья. К категории уникальных артефактов развитого средневековья относится большой нож без перекрестья со слабоизогнутым лезвием, который был найден в долине р. Бачат и, вероятно, представляет собой образец инокультурного влияния. Особую группу составляют коленчатые ножи, отличающиеся прямой линией лезвия и углом наклона рукояти к лезвию, которые относятся к категории ритуальных. Их использовало население западной части Кузнецкой котловины в VIII–X вв. Копья и пики с железными наконечниками в Кузнецкой котловине появились в VIII в. и использовались на всем протяжении эпохи средневековья. Схема эволюции их типов позволяет сделать вывод о ее медленных темпах и большой степени консервативности этого процесса (Илюшин, 2009а. С. 10–15). К аналогичному выводу приводит исследование по эволюции другого вида вооружения ближнего боя – железных боевых топоров, которые были в употреблении в западной части Кузнецкой котловины с середины VIII по XIII в., их конструкция и форма за это время изменились лишь частично (Илюшин, 2009б. С. 96–100; 2010а. С. 88–93). К числу уникальных предметов оружия можно отнести боевой молот, который имел деревянную рукоять и заострение на конце, напоминающее форму клюва (Илюшин, 2010б. Рис. 5.-8). Такое оружие впервые зафиксировано на территории Кузнецкой котловины и малоизвестно в средневековых древностях Центральной и Северной Азии, что позволяет предполагать рождение новой культурной формы. Железные тесла в Кузнецкой котловине появились в VIII в. Их использовали в раннем и развитом средневековье как орудия труда и войны, в зависимости от обстоятельств. Кистень 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. был найден лишь однажды в Кузнецкой котловине в долине р. Иня (Илюшин, Сулейменов, Гузь и др., 1992. С. 22. Рис. 23.-18). Этот предмет вооружения ближнего боя – очень редкая находка в средневековых древностях Западной Сибири. Рукояти плетей на территории Кузнецкой котловины появляются во 2-й половине VIII в. и известны на всем протяжении эпохи средневековья в различных местах Кузнецкой котловины. Они представляют собой составную часть плети или ногойки, которые являлись атрибутом экипировки средневекового воина-всадника.

Комплекс защитного вооружения у населения Кузнецкой котловины в эпоху средневековья состоял из средств защиты пешего воина, всадника и его боевой лошади. У средневековых воинов Кузнецкой котловины защитную функцию выполняла боевая одежда, на которую крепились железные пластины, образуя панцирь для защиты наиболее важных участков тела. По системе крепления выделяются три типа панцирных пластин – нагрудные, чешуйчатые и куяки, предназначенные преимущественно для защиты груди и живота воина. Все эти формы защитного вооружения появились во 2-й половине VIII в. в результате культурного заимствования или вместе с мигрировавшими в этот регион тюркоязычными группами населения и существовали до XII в. В XII–XIII вв. отмечен факт использования нагрудной и голенной защитных пластин, изготовленных из бронзы. В числе единичных находок – железные кольчуги и сфероконический шлем 2-й половины VIII – 1-й половины IX в., а также боевой пояс XI–XII вв., на чью кожаную основу крепились железные пластины, выполнявшие защитную функцию.

В целом анализ динамики культурных форм средств вооружения в эпоху средневековья в Кузнецкой котловине позволил сделать ряд выводов.

Во-первых, комплекс предметов вооружения в Кузнецкой котловине имеет свою локальную специфику, которая заключается в сочетании разных артефактов, бытовавших в различные хронологические периоды в этом культурном пространстве. Военное дело и вооружение играли большую роль в средневековой культуре и отличались значительным преобладанием наступательного оружия над защитным вооружением.

Во-вторых, военное дело и вооружение развивались в пределах двух циклов, датируемых V–X и X–XVII вв. Первый цикл начинает свой путь с медленного подъема в V–VII вв., после чего в VIII в. следуют резкий подъем и достижение пика своего развития в раннем средневековье. Затем начинается поступательный спад в IX–X вв. Точка культурного спада в X в. становится стартовой площадкой для начала второго цикла. Он начинается с резкого подъема в XI в. и продолжается в XII в., достигая своего апогея в развитии военного дела и вооружения. После этого наблюдается резкий спад в XIII–XV вв., а в XVI–XVII вв. темп спада снижается и напоминает поступательное движение к упрощению, связанное с отсутствием инноваций и постепенной утратой традиций.

В-третьих, инновации имеют три цикла развития в V–IX, IX–XIV и XIV–XVII вв. Пики этих циклов приходятся на VIII, XI и XV вв. Особенно высокие темпы подъема и спада инноваций зафиксированы в интервалах VII–VIII–IX и X–XI–XII вв. Как источник динамичного развития военного дела и вооружения, инновации преобладали над традициями и оказывали ведущее значение в V, VIII и XI вв. В V и XI вв. их количество в единичных случаях превышало традиции, а в VIII в. более чем в 3 раза превышало их.

В-четвертых, традиции имеют три цикла развития, которые датируются V–X, X–XV и XV–XVII вв. Пики этих циклов приходятся на IX, XII и XVI вв. Они хронологически, через один век, следуют за пиками инноваций, после того как последние проходят путь от инноваций к традициям и превращаются в них.

В-пятых, на культурную динамику большое воздействие оказывали так называемые исчезающие артефакты, состоящие из числа инноваций, которые в течение века не стали традиционными и вышли из употребления и преимущественно из числа традиционных, чей период бытования завершился. Движение культуры в этой области состояло из двух полных циклов и начала третьего в V–XI, XI–XV и XV–XVII вв. Пики первых двух циклов выявлены в IX и XIII вв. «Исчезающие артефакты» в IX, XII–XIV и XVI–XVII вв. оказывали большее воздействие на динамику культуры, чем инновации.

В-шестых, источниками культурных изменений выступают традиции и инновации, а также «исчезающие артефакты», которые имеют свою логику развития и образуют между собой разнообразные комбинации, что и определяет характер и направление культурной динамики. Традиции на всем протяжении эпохи средневековья доминировали над «исчезающими артефактами» и инновациями, за исключением V, VIII и XI вв., когда инновации возобладали. Это позволяет констатировать, что традиции фактически определяли культурную динамику в военном деле и вооружении в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья.

В-седьмых, облик культурных черт в военном деле и вооружении в Кузнецкой котловине на протяжении эпохи средневековья изменялся. В период раннего средневековья культурные черты можно отождествлять с тюркской культурой Центральной Азии, в развитом средневековье с кыпчакской культурой Центральной Азии, а в позднем средневековье – с татарской культурой Западной Сибири.

Библиографический список

- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993.
- Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999.
- Илюшин А.М. Костяные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Челябинского государственного университета. №32 (170): История. 2009. Вып. 35.
- Илюшин А.М. Средневековые копья в Кузнецкой котловине (к вопросу об истории оружия на северной периферии Саяно-Алтая) // Вестник Челябинского государственного университета. №38 (176): История. 2009а. Вып. 37.
- Илюшин А.М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. 2009б. №4/4.
- Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/1.
- Илюшин А.М. Боевые топоры у средневекового населения Кузнецкой котловины // Археологический журнал. №3–4. Армавир, 2010а.
- Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010б. №1.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992.

РАННЕБУЛГАРСКИЕ СТРЕМЕНА: ТИПОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

П.В. Красильников, И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Стремена, как и другое конское снаряжение, – важнейшая часть комплекса вооружения воина-всадника. Развитие набора конской упряжи и всаднического снаряжения зависело и, в свою очередь, влияло на изменение всего набора вооружения, способствовало переменам в тактике полевого боя и определяло своеобразие тактики боя и применения оружия тем или иным народом. Особенности использования того или иного набора стремян позволяют сделать вывод о характере конского и всаднического снаряжения и развитии всего комплекса вооружения.

Неотъемлемой и важнейшей частью конского снаряжения является седло – приспособление, надеваемое на спину лошади и служащее для верховой езды всадника. Стремя представляет собой часть седла, приспособление для упора ноги всадника при посадке на лошадь и езде верхом. Оно включает несколько составляющих элементов: ушко, дужки и подножку. Ушко – это место крепления стремени к путлищу. Подножка – часть стремени, на которую непосредственно опирается нога всадника. Дужки – формообразующие части стремени. Жесткие седла со стременами были изобретены в Восточной Азии в конце III – начале IV в. н.э. (Тишкин, Горбунова, 2004. С. 39). При этом в данный период времени в Европе стремена еще отсутствовали. Материалы из Среднего Поволжья позволяют установить, что железные стремена, идентичные самым ранним дальневосточным, появляются в Европе в конце V – 1-й половине VI в., видимо, вместе с савирами (Измайлов, 1990. С. 61–70).

Нами было рассмотрено 37 стремян с раннебулгарских памятников: из «новинковских» могильников – 19 экземпляров, Большеитарханского могильника – 12 экз., Большетиганского – 2 экз., и по одному стремени из Танкеевского, Кайбельского, Чишминского-I и погребения на 116 км. Все стремена арочные, только один экземпляр имеет круглую форму.

Все изученные стремена были распространены в VIII–X вв. на территории от Южного Урала до Центральной Европы. Можно сказать, что преобладают стремена «салтовского» типа, имеющие пластинчатые петли с более или менее выраженным перехватом, арочные корпуса, прямые или вогнутые подножки со жгутами, иногда украшенные прорезной орнаментацией. Но на памятниках с преобладанием восточного компонента (Чишминский, Танкеевский) доминируют характерные для памятников Южного Урала стремена с круглой подножкой, имеющие невысокую, почти квадратную петлю (Мажитов, 1981). Аналогии стременам Среднего Поволжья можно встретить в памятниках салтово-маяцкой (Степи Евразии..., 1981), ломоватовской, неволинской культур, в памятниках на территории современной Венгрии, Северного Причерноморья (Армарчук, 2002) и Южной Сибири (Вайнштейн, 1991).

Исследователями выделено две основные формы стремян, сложившиеся в раннем средневековье на территории Евразии. Одна представлена округлыми стременами кочевого Востока, другая – более треугольными оседлого Запада. Существует мнение, что типологически как бы промежуточное положение между ними занимают стремена «салтовского» типа, которые обнаружены в раннеболгарских памятниках Среднего Поволжья. Можно отметить, что стремена с пластинчатым ушком бытовали вместе со стременами с петельчатым ушком, учитывая, что последние были распространены в Восточной Европе на протяжении с VIII и до конца X в. Можно предположить, что более ранними будут стремена с вогнутой подножкой, постепенно обретшей прямую подножку и становившейся округлой. По хронологии раннеболгарских памятников получается, что самые ранние стремена из памятников новинковского типа, относимые исследователями к середине VIII в., «переходными» будут стремена с Большетиганского могильника, датируемые концом VIII – началом IX в. Стремена же с округлой подножкой будут самыми поздними (Танкеевский могильник).

В целом стремена, известные из памятников волжских булгар, в своем развитии демонстрируют такую же основную морфологическую тенденцию, какая прослежена на стременах многих других областей вплоть до Сибири. Не исключено, что подобная культурная ориентация набора стремян ранних булгар указывает на направление их этнокультурных связей с юго-западными и центральноазиатскими племенами, что подтверждается и рядом других историко-археологических данных.

Библиографический список

- Армарчук Е.А.* Конская упряжь из могильников Северного Причерноморья X–XIII вв. М., 2002.
Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной Азии. Новосибирск, 1990.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железного века и средневековья: учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2004.

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В настоящее время на территории Лесостепного и предгорного Алтая зафиксировано 64 городища, т.е. заброшенных, сглаженных руин древних крепостей и городков (Грязнов, 1929. С. 724). Девять наиболее ранних памятников датируются раннескифским временем и относятся к большереченской культуре: Елунинское культовое место (ЕКМ), Строалейка-4, 4а и Елбанка на левобережье Оби; Солонцы-3 на левобережье Бии; Пикет, Королев Лог (Березовка-4) Усть-Иша-2 и 3 на правобережье Катунь (Абдулганеев, 1997, 2000). К скифской эпохе относится только четыре памятника: Усть-Карагуж-1, Усть-Иша-3а, Березовка, Малая Березовка. Все они расположены на правом борту долины Катунь в ее нижнем течении и относятся к быстрянской культуре. Усть-Карагуж-1 и Березовка разрушены в ходе антропогенной деятельности практически полностью. Наибольшее количество городищ относится к периоду поздней древности (кулайская и одинцовская культуры) и началу эпохи средневековья – 45 объектов (по двум из них Енисейскому-5 и Бехтемиру – опубликованных данных крайне мало) (Абдулганеев, Борзунова и др., 1995; Абдулганеев, Кадиков, Кирюшин и др., 2003).

В предгорной зоне этому времени соответствуют четыре памятника майминской культуры 1-й половины I тыс. н.э.: городища Сайлап, Курлап и Канонерская гора на правобережье Бии и Егона-1 на правобережье Катунь. К средневековой срустчинской культуре относятся городища Абакша на Оби около Барнаула и Кокорское на Чумыше напротив Заринска (Скопинцева, 1993; Абдулганеев, 2007).

Раннескифские городища являются полноценными мысовыми и «останцовыми» деревянно-земляными крепостями с функциональными рвами, валами и эскарпом, который модифицирует склоны мыса по периметру укрепления. Ширина рвов может достигать 5–7 м, глубина до 2–2,5 м, что является реальным препятствием для противника. С учетом расположения большереченских крепостей на высоких выступах и мысах коренного берега (от 40 м на Оби до 10–15 м на останцах в устье Иши и на Чарыше) даже земляная фортификация делает их очень труднодоступными. Однако, кроме рвов, валов и эскарпа, укрепления могли иметь и стену: заплот или палисад. **Заплот** – это глухой забор из горизонтальных полубревен, плах или досок, вставленных своими концами в пазы стоек или закрепленных иным способом. **Палисад, или частокол**, – препятствие или стена из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусками. И палисад, и заплот в укреплениях Лесостепного Алтая почти на всех памятниках подпираются изнутри достаточно крупными жилищами, которые выполняли роль **валганга** (в средние века присыпка изнутри стен с целью их усиления). Не исключено то, что их плоские крыши или участки кровель использовались как помост для обороняющихся стрелков, своего рода боевой ход.

Предполье, как первая линия обороны мысовой крепости, не могло не укрепляться обороняющимися. Наиболее оптимальным простым и эффективным средством сдерживания на открытом пространстве являются **рогатки**. Это легкое оборонительное сооружение-конструкция из перекрещенных и скрепленных (связанных) между собою деревянных бруса и кольев (обычно заостренных). В известных тактических приемах применения этих сооружений (Шперк, 1946; Шперк, Борисов, 1952) рекомендуется закреплять рогатки вколотыми в землю кольями для осложнения их разрушения противником. Само собой разумеется, что пересекать предполье с рогатками врагу придется под интенсивным обстрелом защитников крепости. На «останцовых» городищах рогатки могли блокировать подходы к эскарпированным склонам и въезды на обороняемую территорию. В целом можно констатировать высокий уровень «большереченского» фортификационного искусства. По имеющимся археологическим данным ни одно из этих городищ не было взято штурмом. Их, скорее всего, оставляли из-за осадных мероприятий противника и изоляции от необходимых для жизни ресурсов.

Сведений о городищах скифского времени крайне мало. Все они расположены в предгорной зоне на территории распространения быстринской культуры и сохраняют систему защиты территории предшествующей эпохи. Наиболее показательным является городище Усть-Иша-3а, одна из самых мощных и совершенных древних деревянно-земляных крепостей Алтая площадью около 20 тыс. кв. м. Территория с 57 жилищами и хозяйственными постройками защищена фортификационной системой из двух рвов и трех валов, длина которых свыше 500 м (Абдулганеев, 2007. С. 274).

Совершенно иные фортификационные строительные приемы мы видим на ансамблях городищ периода поздней древности и начала средневековья. Их интерпретация исследователями достаточно разнообразна и неоднозначна. Например, А.А. Казаков (1997. С. 186) пришел к выводу о невозможности использования линии вал–ров как фортификационной и предположил ее объяснение в качестве маркера «жилого социального пространства», отделяющего членов социума от адоптов или чужаков, которые селились в посадах. Появление подобного предположения, с одной стороны, связано с расположением городищ периода поздней древности в местах, не имеющих серьезной естественной защиты, а с другой – с характером видимых визуально и исследованных рвов и валов, особенно в случаях расположения вала перед рвом. Эти элементы фортификации имеют очень незначительные параметры. Ров больше всего напоминает неширокую и неглубокую канаву, которая не может сама по себе служить серьезным препятствием, даже в комплексе с валом, редко превышающем высоту в 0,5 м.

В связи с этим необходимо определиться с характером имеющихся памятников: являются ли они укрепленными поселками или это лишь специфика проявления неукрепленных селищ. Во-первых, сразу возникает закономерный вопрос: почему на многих поселениях этого периода времени при прочих равных условиях никаких рвов с валами нет. Во-вторых, для какой цели неукрепленным поселениям необходимы такие трудоемкие сооружения, как эскарпы, присутствующие на 22 объектах? В-третьих, почему поселения с отсутствием рвов и валов имеют линейное построение, а «огороженные» – округлое и овальное. Первый и второй вопросы однозначно подсказывают ответ о фортификационном характере вала, рва и эскарпа, образующих единую систему защиты внутреннего пространства памятника. Ответ на третий вопрос косвенно свидетельствует об этом же. Отчасти его осветил Л.Р. Кызласов (1999. С. 6–12), рассматривая традиционные укрепления «ранних сибирских первогородов» как городища с «жилыми стенами». Он опубликовал сведения о сооружении укреплений такого типа татарами, входившими в войско Кучума в XVI в.: «...а поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смете де изб с полчетверта-десять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевыми большими для крепости...» (Кызласов, 1992. С. 50). Судя по тексту, округлая «жилая стена» татарской крепости была составлена из 35 («полчетверта-десять») вплотную срубленных из бревен жилых изб, окруженных для защиты от внезапного нападения большими телегами. По его мнению, эта система организации защищенного жилого пространства сложилась еще в неолите-энеолите в обществах ранних скотоводов (Кызласов, 1999. С. 11).

Если развивать данную идею дальше, то можно предположить то, что прототипом округлых городищ являлись древние «гуляй-города» или «вагенбурги» – передвижные фортификационные сооружения из сцепленных между собой телег, внутри которых находились люди и перевозимое снаряжение.

Итак, можно с достаточной долей уверенности предполагать фортификационный характер сооружений с жилым пространством, окруженным рвами и валами, защищенным эскарпом и имеющим преимущественно круговое расположение жилищ, прототипом которого мог являться древний «вагенбург». Площадь таких городищ в лесостепной зоне Алтая колеблется от 500–600 до 11 тыс. кв. м. Основное количество памятников имеет площадь от 1,5 до 4–6 тыс. кв. м. Практически все они расположены на краях борových террас, круто обрывающихся к поймам рек, стариц или озер. Привязка сооружений к мысам или иным элементам рельефа, способствующим усилению обороноспособности (лога, овраги, гривы) присутствовала, но не имела обязательного применения. Большая часть городищ располагается или на относительно пологих поверхностях террас или на их высоких (но не узких) участках. Расположение фортификации на краю террас тоже не является обязательным требованием системы обороны. Например, Бийское городище-7, Фоминское городище-1, часть объектов комплекса МГК-2 расположены на удалении от 100 до 200 м от кромки террас (Кунгуров, Казаков, 1993. С. 219–231; Кирюшин, Казаков, 1996. С. 68–72). Другой интересный и важный момент, позволяющий реконструировать функционирование крепостей эпохи поздней древности Алтая, это их расположение на опушке сосновых лесов, как правило, выходящих к обширным пойменным зонам. Зачастую городища в таких местах образуют целые линии, занимающие многокилометровые отрезки берега. На первый взгляд, расположение оборонительного сооружения в лесу делает его защиту уязвимой. Однако это

далеко не так. Грамотное фортификационное использование лесного ландшафта превращает видимый недостаток в существенное преимущество, сделав лесную крепость мощным узлом сопротивления. На мой взгляд, «боровые» городища могли иметь три линии обороны.

Первая линия, расположенная на расстоянии действенного поражения стрелой (не менее 100–150 м) от стены памятника, имеет наименование **засека**. Это заграждение, устраиваемое из деревьев диаметром ствола от 15 см и более, поваленных крест-накрест вершинами в сторону противника. Глубина засеки зависит от наличия сил и времени у обороняющихся, а также от военной обстановки в регионе. Сваленные деревья закреплялись различными способами для препятствия растаскивания их противником. Сучья и толстые ветви «засечных» деревьев, направленных радиально от укрепления, заострялись. Могли иметь место и другие простые, но весьма действенные способы усилить первую линию обороны – от скрытых ям-ловушек до активных капканов и петель различного устройства. При этом в таких линиях имелись секретные проходы, позволявшие защитникам серьезно осложнить их преодоление врагом.

Вторая линия, в отличие от первой, представляла, на мой взгляд, **гласис** – открытое, зачастую полого наклонное пространство, очищенное от любой растительности и деревьев. Часть стволов и сучьев использовалась для усиления засеки, часть – для строительства укрепления (стены, жилища, хозяйственные постройки и т.п.). Немало древесины уходило на сооружение стены – заплота или палисада. Вне всякого сомнения, на расчищенном пространстве гласиса имелись дополнительные препятствия, делавшие сложным его преодоление противником, уже имеющем потери в темпе и живой силе при форсировании засеки, – прежде всего, это рогатки.

Первая и вторая линии обороны соответствуют фортификационному понятию *главная крепостная позиция* (или *главная оборонительная позиция крепости*), под которым понимается наружный пояс крепостных укреплений, удаленный от центральной огады. На этой позиции гарнизон крепости должен был оказывать наиболее упорное сопротивление атакующему противнику. По самому скромному подсчету усредненная главная крепостная позиция городища Лесостепного Алтая имеет окружность 1–1,5 км и площадь около 120–150 тыс. кв. м. Если противник преодолевал эту позицию, он оказывался перед третьей линией обороны.

Третьей линией обороны являлась стена крепости. Как уже отмечалось, это мог быть заплот или палисад. Остатки палисада были зафиксированы при исследовании памятника Городище-3 на оз. Иткуль. Там частокол был устроен по валу, расположенному за рвом, выложенным досками (Абдулганеев, Кадилов, Кирюшин и др., 2003. С. 58). Составным элементом главной крепостной огады ансамбля городища является **эскарп**. Именно эскарпы демонстрируют нам всю серьезность подхода строителей эпохи поздней древности в Лесостепном Алтае к сооружению крепостей. Исследователи не зафиксировали эскарпы на городищах, не примыкавших к кромкам террас, но это не означает, что их там не было. Просто во всех случаях эти кромки разрушены природным или антропогенным воздействием. Скорее всего, при расположении городища в глубине террасы эскарп исполнял роль засеки, не позволяя противнику приблизиться со стороны воды или поймы. При этом надо учитывать имеющиеся материалы по боевому применению эскарпов. Кроме увеличения крутизны склона, они снабжались целым спектром «поражающих элементов» – рогатками, наклонными заостренными палисадами, отдельными кольями и т.п. После преодоления эскарпа противник, потеряв темп движения, попадал на гласис и становился уязвим для стрелков обороняющихся. Как уже отмечалось, эскарпы зафиксированы на 22 городищах Лесостепного Алтая эпохи поздней древности. Несмотря на кажущуюся простоту, это сооружения трудоемкие и требующие соответствующих орудий труда и навыков работы. Высота этих искусственных откосов кромки берега может достигать 3–5 м, длина – от 5–6 до 15 м. После «эскарпирования» склон вместо обычных 40–50 получал уклон 70–80 градусов и становился практически непреодолимым без штурмовых лестниц. В нижней части эскарпа фиксируется узкая продольная ступень, которая, скорее всего, тоже снабжалась защитными элементами типа рогаток. Если штурм укрепления не планировался заранее, противник выбирал другой путь атаки и попадал в засеку, а затем на гласис.

Основная огада крепости также не являлась преградой, которую легко пройти. Планиграфия городищ достаточно сложна и требует отдельного исследования, однако некоторые наблюдения можно сделать уже сейчас. Некоторые памятники снабжены въездами с гласиса на обороняемую территорию (девять случаев, городище Демково на оз. Иткуль имеет два въезда, а Акутиха-1 на Оби – три), и эти разрывы в фортификации часто отдельно защищены. Самая редкая защита въезда фиксируется на «ромашковидном» в плане городище Усть-Лосиха-2. Это «элементарный» **захаб**, фортификационное сооружение, образованное заходом в месте разрыва одного окончания оборонительной линии за другое. Подобное устройство прохода на обороняемую территорию позволяет его достаточно легко блокировать. На одном из самых крупных объектов периода поздней древности региона Бийском городище-3

(площадь около 20 тыс. кв. м, длина фортификационной линии 500 м) в месте въезда находится огромная прямоугольная западина площадью 70 кв. м. Ни одного жилища подобных размеров в эту эпоху на Алтае не известно (всего на 43 городищах их 520). Этот факт позволяет предположить наличие около въезда на территорию Бийского городища-3 привратной непроездной башни. В нескольких случаях встречены разнообразны пристройки, внутренние огороженные сооружения различных форм, сдвоенные линии фортификации и т.п. Все эти элементы городищ эпохи поздней древности Алтая требуют тщательного и внимательного изучения в полевых условиях, выявления последовательности их строительства, одновременности существования, возможного назначения и т.п.

Городища майминской культуры, которые тоже функционировали в 1-й половине I тыс. н.э., сооружались в традициях скифской эпохи, т.е. являлись мысовыми, как и немногочисленные крепости средневековой сrostкинской культуры.

Проведенный анализ позволяет выделить две линии фортификационного крепостного строительства в степной и предгорной зонах Алтая, которые условно можно именовать «степной» и «лесной». Каждая из этих групп памятников имеет как общие, так и специфичные особенности, которые максимально адаптированы к местным условиям и соответствуют достаточно развитым навыкам и умениям древнего и средневекового населения Алтая.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997.
- Абдулганеев М.Т. Археологические памятники у села Березовка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2000. Вып. XI.
- Абдулганеев М.Т., Борзунова В.А., Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф. и др. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища Западной Сибири. Томск, 1995. Кн. 1.
- Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003.
- Грязнов М.П. Городища // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1.
- Казаков А.А. К вопросу о функциональном назначении линии вал-ров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992.
- Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Комплекс городищ около г. Бийска // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993.
- Кызласов Л.Р. Древнейшие крепости Западной Сибири // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.
- Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992.
- Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.
- Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М., 1946.
- Шперк В.Ф., Борисов Ф.В. Долговременная фортификация: в 2-х т. М., 1952. Т. 1.

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров

Областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля;
Филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

В настоящее время на территории бывшего Сибирского ханства выявлено более 150 археологических памятников позднего средневековья. По результатам археологических изысканий были опубликованы работы по фортификации комплексов этого времени, для некоторых из них сделаны графические реконструкции (Зыков, 2010. С. 113; Троицкая, Соболев, 1996. С. 121); разработано несколько классификаций городищ, среди которых наиболее актуальной представляется классификация В.И. Соболева (2008. С. 226). В качестве критериев он избрал местоположение и планиграфию – особенности рельефа, позволявшие обеспечить защиту населения, наличие водных ресурсов, удобство земельных угодий и др. На этом основании он выделил три типа городищ: мысовые (82,5%), возведенные на мысу,

образованном естественными берегами рек и оврагов; равнинные (12,5%), сооруженные на равнинной местности или на гривах, но не имеющие доминирующего положения над окружающей местностью; островные (5%) сосредоточивались на островах Чановского озера.

Классификация В.И. Соболева и приведенная им статистика позволяют представить основные инженерно-фортификационные модели городищ Сибирского ханства. Вместе с тем мы предлагаем рассмотреть городища Сибирского ханства в более широком, историческом контексте, когда учитывается вопрос о месте каждого памятника в границах определенной территории и населения, его военно-политической и социальной роли. В этом случае многообразие городищ можно разделить на четыре категории:

1. Города – центры «провинций» Сибирского ханства («столицы»): Искер, Чинги-Тура, Кизыл-Тура, Тон-Тура.

2. Военно-административные центры и рядовые укрепленные поселения на территории «провинций» (центры родовых подразделений). Например, в Среднем Прииртышье – Большая Пристань-I, Крапивка-II, Екатерининское-V (Ананьинское), Айткулово-XI, Безымянное-II и др.

3. Пограничные городки. В таежном Среднем Прииртышье – Надеждинка-VII, Бергамак-XV, Кошкуль-IV, Ямсыса-XIV. В степной Барабе – Мальково, Новорозино-I, Тюменка, Чиняха, Большой Чуланкуль-I.

4. Укрепленные военные лагеря, например, летописный Черный городок.

Этот подход видится нам более актуальным, поскольку в интересующие нас XV–XVI вв. на первый план в определении места расположения конкретного укрепленного комплекса и уровня его желаемой фортификации вышли определенные политические обстоятельства.

Столица и «центры провинций» – Искер, Чинги-Тура, Кизыл-Тура, Тон-Тура – имели принципиальные отличия от остальных укрепленных поселений ханства. Все они обладали значительными размерами, имели по четыре площадки, разделенные тремя мощными линиями обороны. Например, один из рвов Вознесенского городища был шириной около 19 м, глубиной более 6 м (Соболев, 2008. С. 77). После 1563 г., согласно исследованиям А.П. Зыкова, ров на дне восточного лога г. Искер достигал максимальных размеров – ширина до 12–13 м, глубина до 2,5 м.

Военно-административные центры и рядовые укрепленные поселения на территории «провинций» (центры родовых подразделений) Сибирского ханства отличались более скромными размерами. Они чаще всего ограничивались одной линией оборонительных сооружений, состоящей из рва и вала, на котором обычно стоял частокол. Компенсировать меньшую эффективность оборонительной линии приходилось возведением дополнительных фортификационных комплексов из отдельно стоящих башен (Безымянное-I), выступающих вперед за линию обороны бастионов (Бергамак-V, Айткулово-XI, Екатерининское-V). Количество бастионов зависело от протяженности оборонительной линии, их могло быть два фланговых, как на Бергамак-V, и четыре фронтальных, как на Айткулово-XI. Единственный бастион в северной части линии рва и вала на городище Екатерининское-V (Ананьинское) прикрывал спуск к воде.

Пограничные городки на юге Сибирского ханства располагались, как правило, на небольших возвышенностях и открытой местности. По форме они выделяются строгим геометризмом – все они представляют собой прямоугольник, иногда поделенный на две части (Черноозерье-XII, Александровка-VI, Чиняха, Тюменка, Тентис-II). На одной из частей содержались боевые и предназначенные для пропитания лошади или располагалась хозяйственная часть. На другой части проживал гарнизон. У всех городищ стандартная оборонительная система, состоящая из рва шириной около 5 м и глубиной 2,5 м и вала шириной до 5 м и высотой до 2,5 м. К сожалению, на многих из них не проводились археологические исследования, поэтому мы не можем сказать, имелись ли на валах частоколы или другие деревянные сооружения. Размеры у южных памятников варьируются в пределах 7–10 тыс. кв. м, но есть и большие до 30 тыс. кв. м, как на Тюменке, что объясняется стратегической значимостью этого комплекса.

Северные пограничные городки Сибирского ханства также имели свою специфику. Чаще всего они не были построены на местах расположения более ранних военно-фортификационных комплексов. На городках Кошкуль-IV и Надеждинка-VII было зафиксировано небольшое количество жилищ, на первом – 6, на втором – 4. Численность гарнизонов таких городков составляла 30–40 человек. Площадки некоторых городков (Кошкуль-IV) искусственно подняты на 1–1,5 м над окружающей территорией, что увеличивало их защищенность. До 80–90% периметра северных пограничных городков приходилось на склоны террасы, которые эскарпировались, и подняться по ним было практически невозможно. Наиболее яркий пример – городок Тунус (Надеждинка-VII), который располагался на останце р. Нижняя Тунуска и практически по всему периметру склоны останца были эскарпированы.

Временные укрепленные военные лагеря. Этот тип укреплений в Сибирском ханстве выделил в своей работе Л.Р. Кызласов. На основании описания Г.Ф. Миллером Черного городка, поставленного сыном Кучума Алеем в Прииртышье в 1594 г., он говорил о существовании в Сибирском ханстве кольцевых деревянных крепостей, где оборонительную линию составляли поставленные близко друг к другу несколько десятков срубов жилищ. В каждой из таких изб, по мнению Л.Р. Кызласова, проживало по 4–5 воинов (1999. С. 122).

Особое внимание при строительстве оборонительной линии на городищах Сибирского ханства уделялось входам/въездам на городища, так как это, как правило, самое уязвимое место в оборонительном комплексе. На небольших городищах, особенно на узких мысовых комплексах, таких проходов зачастую просто не делали, так как не было необходимости переброски на ограниченную территорию большого количества грузов. В Среднем Прииртышье значительное количество городищ не имеют визуальных следов проходов через линию обороны: Александровка-VII, Ашеваны-III (Лиственный увал), Айткулово-XI, Айткулово-XIV, Большая пристань-I и др. Переход через ров в городище, вероятнее всего, осуществлялся при помощи навесного или легкого свайного моста.

Однако для больших укрепленных поселений проезд был жизненно необходим, так как по нему доставлялись продовольствие и корм для животных. Причем для татарских городков это должен быть именно проезд.

Интересна система обороны проездов на городище Безымянное-I. Здесь напротив проездов в первой линии укреплений во второй линии были выдвинуты бастионы, и неприятель после взятия ворот попадал под перекрестную стрельбу лучников. На городище Надеждинка-VII (Тунус) у места прохода-подъема на верх останца у его подножья был поставлен небольшой редут, высота стен которого в настоящий момент достигает 2 м, а внутренняя часть стен выложена сырцовым кирпичом.

Въезды на степных пограничных городках вообще не были укреплены. Вероятно, они в буквальном смысле слова были пограничными заставами, т.е. укрепленными лагерями для конных отрядов. Гарнизон городков и не был предназначен для пассивной обороны, поскольку состоял из кавалерии, которая выходила биться в чистое поле. Исключение в ряду пограничных городков представляет комплекс Большой Чуланкуль-I, где у въездов на городище фиксируется подобие бастионов.

Фортификационное искусство в Сибирском ханстве строилось на «трех китах». Во-первых, определенные навыки фортификации сибирские правители переняли у проживавших ранее на этой территории народов. Особенно это касалось выбора мест для создания укрепленных комплексов и использования особенностей природного рельефа для строительства фортификационных сооружений. Во-вторых, строители использовали навыки постройки укреплений, принесенные из Средней Азии. Видимо, на их основе были построены пограничные городки в Барабе. Наконец, еще одной слагаемой фортификационного искусства в Сибирском ханстве стали знания, почерпнутые при знакомстве с укреплениями городов и городков в Казанском ханстве. Наиболее наглядно этих «китов» видно в оборонительной системе Искера, реконструированной А.П. Зыковым, который выявил шесть строительных горизонтов, соответствовавших шести периодам существования крепости – с конца XV в. до 1586 г. Фортификационные системы других крупных городов – Кызыл-Туры и Тон-Туры (Вознесенского городища), вероятно, очень близки второму горизонту Искера.

В настоящий момент трудно оценить эффективность фортификационных сооружений Сибирского ханства. Однако тот факт, что Ермак при штурме даже небольших городков сталкивался с серьезными проблемами, а некоторые городки, как, например, Куллары, он так взять и не смог, говорит о достаточно высоком уровне сибирской фортификации в XVI в. В то же время, анализируя укрепления городищ и городков Сибирского ханства вкупе с описаниями боевых столкновений русских и татарских отрядов и комплекса оружия ханского воина, мы приходим к выводу, что фортификационные сооружения в ханстве играли второстепенную роль. По своей тактике и стратегии армия у хана Кучума была создана по подобию кочевых государственных образований, где почти 100% всех боевых действий осуществляла кавалерия. Показательны в этом плане пограничные городки, которые служили скорее базой для дислокации небольших конных отрядов, чем фортификационными твердынями.

Значительная часть укрепленных поселений служила защитой от внезапного нападения, для того чтобы продержаться до подхода помощи со стороны военно-административных центров. За исключением городов и 4–5 крупных центров провинций (улусов) укрепленные поселения не были в состоянии выдержать длительную осаду. Некоторые городища в силу их расположения вообще являлись укрытиями, где население могло отсидеться в случае военной опасности. В целом же изучение укрепленных комплексов Сибирского ханства позволяет нам говорить о том, что фортификация этого государства развива-

лась в общем контексте развития военного искусства Северной Евразии. Несмотря на имеющиеся в науке классификации городищ Сибирского ханства, до настоящего времени не решен ряд актуальных проблем. Отсутствие абсолютной хронологии этих комплексов не позволяет решить вопрос о культурной и/или этнической атрибуции населения городищ, и соответственно построить общую схему развития городищ для этого исторического этапа и искомой территории (Татауров, 2010. С. 30–31).

Библиографический список

- Зыков А.П. Городище Искер – остатки города Сибирь // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.
Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1999. №3.
Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008.
Татауров С.Ф. История археологических исследований сибирских татар и проблемы этнической интерпретации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010.
Троицкая Т.Н., Соболев В.И. Наш край в древности и средневековье: учеб. пособие. Новосибирск, 1996.

ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАМЕННЫХ ШИБЕ АЛТАЯ

В.И. Соёнов, С.В. Трифанова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В современный геологический период Алтай представляет собой гигантский свод, сложный и разнообразный в орографическом отношении. Характерными для Горного Алтая являются труднопроходимые, а порой и непроходимые высокогорные, среднегорные, низкогорные рельефы, расчлененные эрозионными долинами рек и межгорными котловинами. Конечно же, при такой мощности природных фортификационных потенциалов Горного Алтая не было никакой нужды воздвигать большие искусственные оборонительные сооружения для долговременного укрепления территории. Но и для решения тактических задач обороны местные условия также идеально подходят: любое естественное препятствие (в виде скалы, прижима реки, крутого склона и т.д.) могло играть роль защиты. Этими природными возможностями, по всей вероятности, успешно пользовались местные жители с древнейших времен для обороны от неприятеля.

Нельзя утверждать, что древние и средневековые алтайцы были незнакомы с возведением искусственных оборонительных сооружений. Скорее всего, наряду с использованием естественных возможностей рельефа, они при необходимости применяли деревянные полевые фортификационные сооружения. В Алтае-Саянском регионе, где издревле для аборигенных народов была традиционной деревянная архитектура жилых домов (Кызласов, 2005. С. 11–62), это можно предположить с большой долей вероятности. Сведения о существовании деревянных фортификационных сооружений у алтайцев зафиксированы документально в начале нового времени (Самаев, 1991. С. 68, 147). В силу специфики деревянной архитектуры, на современной поверхности их следов не осталось. Единственный факт обнаружения следов деревянного фортификационного сооружения на Алтае недавно нам стал известен по устному сообщению С.М. Киреева (Соёнов, Трифанова, 2010. С. 66. Прим. 21). О возможном применении древним населением Горного Алтая деревянных и комбинированных фортификационных сооружений косвенно свидетельствуют исследования остатков оборонительных сооружений укрепленных стационарных поселений. По нашему мнению, в системе обороны городищ Яломанское, Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, Манжерокское (Манжерок-3), Барангольское (Барангол-5), Черемшанское (Киреев, 1991. С. 84–88; Шульга, 1996. С. 106–123; Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010. С. 249–253; Бородавский, 2002. С. 45–46; Тишкин, 2002. С. 61–67; Киреев, Акимов, Бородавский и др., 2008. С. 9, 64–65), наряду со рвами и валами, использовались различные деревянные защитные постройки и устройства в виде стен, башен, частоколов и т.д. Следы некоторых из таких объектов, например, зафиксированы нами в ходе раскопок на городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 (Соёнов В.И., Трифанова, Константинов и др., 2011).

Итак, если население Горного Алтая, благодаря высокому естественному фортификационному потенциалу региона, не занималось вопросом долговременного укрепления территории, а задачи обороны конкретного поселения или жилищ решались путем постройки деревянных крепостных сооружений, то закономерно возникают вопросы: когда и почему появились в Горном Алтае каменные фортифика-

ционные сооружения – *шибе* (с алт.: «крепость», «укрепление»)? Ведь каменное строительство, судя по результатам многолетних исследований археологов, для поселков древних и средневековых алтайских жителей было совершенно нехарактерно во все исторические периоды. Каменными на Алтае были только сооружения погребально-поминального, культового и хозяйственного назначения: курганы, ограды, балбалы, мегалитические археоастрономические сооружения, святилища, загоны для скота и т.д.

На настоящий момент на территории Горного Алтая археологически обследованы две каменные крепости: Булухту-Кообы и Уйтту-кая (Чевалков, 2006. С. 173–180; Самаев, 2008. С. 79–80) и пять стен: Бичикту-Кая, Шибе, Курее-Таш, Тоолок, Артал (Дёмин, 1989. С. 65; Соёнов, Трифанова, 2003. С. 224–225; Бородаев, Соёнов, 2004. С. 162–170; Соёнов, 2005. С. 116–121; Самаев, 2008. С. 80; Соёнов, Трифанова, 2010. С. 35–58). Другие изученные нами и коллегами каменные сооружения – Большие Шибеты I–IV; Тьтту I–IV; Санково поле; Таш-Бёк; Онгудай I; Катуту-Дьярык; Кандру; Тура-Хая и т.д. (Кубарев, 1980. С. 73; Кызласов, 2002. С. 7–8; Соёнов, Трифанова, Вдовина, 2003. С. 156–160; Соёнов, 2008. С. 5–17; Соёнов, Трифанова, 2010. С. 22–34; и т.д.) – имеют довольно слабые фортификационные возможности или полностью лишены их. На наш взгляд, такие строения предназначены для хозяйственных и ритуально-культовых целей.

Историю первоначального накопления данных и изучения каменных шибе Горного Алтая можно условно разделить на четыре этапа: военный (середина XVIII – середина XIX в.), легендарный (2-я половина XIX в. – середина XX в.), исследовательский (2-я половина XX в.) и современный (с начала XXI в.). Эти этапы отражают использованные методы исследований, степень интенсивности сбора материала и уровень осмысления данных (Соёнов, Трифанова, 2010. С. 8–34).

География местонахождения каменных фортификационных сооружений различна. Их развалины археологически зафиксированы в разных местах Горного Алтая: в центральной, западной и восточной и юго-восточной частях. Поэтому говорить о локальности и случайности явления невозможно. Главная характерная черта топографии полевых каменных фортификационных шибе Алтая в том, они приурочены к традиционным путям сообщений. Изучавшиеся фортификационные постройки-шибе находятся в местах сужения речных долин (Бичикту-Кая, Шибе, Уйтту-Кая, Булухту-Кообы), на проходах вдоль берега Телецкого озера (Тоолок, Артал) и на высокогорном проходе по гольцам на вершине горы (Курее-Таш). О каких-то других закономерностях расположения объектов утверждать пока рано, так как изученные каменные фортификационные сооружения не являются объектами долговременной обороны для логически продуманного, заблаговременного укрепления территории. Топография объектов долговременной фортификации подчиняется определенной защитной стратегии и военной тактике, выработанным на основе уровня развития вооружения и военного дела соответствующего времени. А данные объекты относятся к полевой фортификации и были построены, скорее всего, ситуативно для решения частных боевых задач. Но тем не менее мы наблюдаем определенные элементы сходства и различия сооружений, которые позволяют провести сравнительный анализ, дать хронологическую и историческую интерпретацию объектов.

Общим для конструкции всех каменных фортификационных сооружений Алтая является то, что они сложены из плит, рваных камней и валунника всухую, т.е. без связующего раствора. Система кладки камня везде разная. Даже в пределах одного памятника имеются значительные отличия. Длина стен укреплений варьирует примерно от 100 до 450 м в зависимости от ландшафтных особенностей местности и фортификационных задач. В их планиграфии напрямую отражена зависимость от рельефа местности, в чём они существенно сходны с другими горными оборонительными сооружениями, например, с хакасскими све (Готлиб, 1999. С. 9).

О профиле алтайских полевых укреплений сложно судить по современным остаткам. Сохранившаяся высота стен до 1,5 м. Можно предположить, что высота стены делалась такой, чтобы не полностью закрыть стоящего человека, а только по грудь. Это было необходимо для стрельбы через такую стену. При большей высоте стены надо было бы строить особое сооружение – банкет. Тогда и стрельба была возможна только одной шеренгой бойцов. При низкой стене и отсутствии банкета стрельба могла одновременно вестись всеми защитниками, находящимися за стеной. Зафиксированная ширина основания стен 1–2 м. Такая толщина стенки могла обеспечивать защиту не только от стрел и пуль, а также от бомб и гранат полевой артиллерии. Ширина современного развала зависит от разных обстоятельств, повлиявших на сохранность. Возможно, некоторые стены, наряду с каменными кладками, имели также деревянные части.

Разная сохранность и неодинаковая изученность конкретных шибе пока не позволяет корректно сравнить все сооружения. Но в зафиксированных конструктивных чертах объектов имеются определенные различия. Итак, основным типом алтайских шибе являлись непрерывные или прерывчатые

укрепленные линии двух начертаний – кремальерно-бастионного и тенального (Шперк, 1957. Рис. 59.-1, 2). К кремальерно-бастионным могут быть отнесены стены Уйтту-Каи и Курее-Таша, которые имеют изломы, формирующие зигзагообразность стен и бастионные выступы для фланкирующего обстрела. Курее-Таш, ко всему прочему, имеет бойницы, оформленные плитами, закрепленными вертикально на вершине стены. К тенальным можно отнести стену Бичикту-Кая. Укрепленные линии остальных памятников (Булхуту-Кообы, Артал, Толок, Шибе) пока невозможно уверенно классифицировать из-за плохой сохранности и слабой изученности. Но можно отметить, что на Артале имеется бастион, изолированный от стены скалой (Самаев, 2008. С. 80), а на Шибе (Соёнов, 2004. С. 116–121) нами зафиксированы изломы, формирующие зигзагообразность.

На наш взгляд, алтайские каменные шибе датируются XVII–XVIII вв. Упомянутые как оборонительные сооружения, в той или иной степени они отражены в алтайских легендах и связываются с событиями XVII–XVIII вв. В.В. Радлов (1989. С. 36–37) про стену Шибе на Чуе писал, что по «...местной легенде, алтайцы некогда были покорены китайцами, а потом бежали от них, и китайцы преследовали их... А здесь, у крепости, произошло якобы сражение алтайцев с китайцами. Камни для стен взяты, очевидно, из большого кургана, расположенного в центре крепости...» В.И. Верещагиным (1908. С. 26–27) опубликована легенда про Бичикту-Кая: «В старину монголы под предводительством Со-нака не раз вторгались въ Алтай... Однажды онъ велъ свои полчища внизъ по долине р. Чуя. Алтайцы приготовились к встрече. Наиболее тесные горные проходы они загромождали горами камней. Одно изъ такихъ заграждений было устроено оболо скаль Бичикту-Кая...» Укрепление Курее-Таш, по местным преданиям, было построено уходящим от преследования отрядом во главе с Амурсаной, чтобы получить кратковременную передышку (Бородаев, Соёнов, 2004. С. 165–166). Крепость Уйтту-Кая, стены Тоолок и Артал тоже были известны современным местным алтайцам из старинных народных преданий, которые связывают их с историческими событиями XVII–XVIII вв. (Самаев, 2008. С. 78–80).

Имеющаяся архивная информация не противоречит фольклорным данным, свидетельствуя об использовании каменных шибе в XVIII в. Одним из первых русских письменных свидетельств о наличии у алтайцев оборонительных каменных сооружений является рапорт прапорщика Ширияева. В 1760 г. он сообщал, что на вершинах гор по рекам Кан и Чарыш алтайцы выкладывали каменные защиты и бойницы для обороны от монголов и казахов, которые они использовали в бою против отряда прапорщика (Потанин, 1866. С. 113; Самаев, 1991. С. 156). По сведениям сборщика ясака из Кузнецкой крепости Алексея Бутримова, побывавшего в марте 1754 г. на Телецком озере, телесцы вместе с «саянскими людьми» построили для защиты от цинских войск две крепости (Международные отношения в Центральной Азии, 1983. С. 21–22; Самаев, 1991. С. 106). По мнению историка Г.П. Самаева (2008. С. 80), это – стена Тоолок и крепость Уйтту-Кая. Информация, имеющаяся в разведданных за 1768 г., полученных шпионами Сибирского корпуса (Ширин [Электронный ресурс]) также свидетельствует о времени функционирования фортификационных сооружений в Горном Алтае в XVIII в.

Несмотря на кажущуюся простоту линейных стен и каменных крепостей, как фортификационных сооружений, они играли важную роль в военном деле (Худяков, 1994). Причина появления каменных оборонительных стен в обозначенный период у алтайцев, для которых традиционно характерна деревянная архитектура, возможно, объясняется распространением в Сибири и Центральной Азии огнестрельного оружия и влиянием традиции строительства каменных фортификационных сооружений джунгарцев, в составе государства которых находились алтайцы. Конструктивные особенности алтайских каменных шибе и стен построенного ханом Аблаем в южных отрогах Калбинского хребта известного ламаистского монастыря-крепости Аблай-Кит (Аблаинкит) с документально зафиксированной датой сооружения – 1654–1656 гг. имеют сходство в технике строительства: из камней, сложенных без применения связующего раствора. Это тоже может, хотя и косвенно, свидетельствовать о времени сооружения и функционирования алтайских каменных шибе.

Появление и усовершенствование огнестрельного оружия в позднем средневековье и начале нового времени намного увеличили огневую мощь войск. В конце XVII в. в джунгарских войсках насчитывалось, по сообщениям современников, 20–30 тыс. стрелков с «огнестрельным боем» (Материалы по истории русско-монгольских отношений..., 1983. С. 335, 338; Худяков, Бобров, 2005. С. 111). В это время повсеместно наблюдается тенденция решать судьбу боя огнем, поражая и расстраивая противника издали, а не непосредственным ударом. Увеличившаяся мощь ружейного огня вызвала стремление максимально использовать местность и полевые укрепления. Последние становятся с этого времени почти необходимым элементом подготовки всякого сражения (Шперк, 1957). Возможно, некоторое влияние на распространение кремальерно-бастионного и тенального видов укрепленных линий в Централь-

ной Азии оказали западноевропейские и русские военные и мастера-оружейники. По крайней мере, в вооруженных силах Джунгарии зафиксировано пребывание пленного шведского артиллериста Юхана Густава Рената с 1716 по 1733 г., а чуть позже, в середине XVIII в., – беглого русского мастерового по прозвищу Билдяга. Не исключено, что, кроме них, у джунгарцев работали другие европейцы и русские, знакомые с военным делом и вооружением Западной Европы и России.

Существует военная аксиома: создание новых средств поражения всегда опережает создание средств защиты. Новые средства защиты не могут возникнуть ранее появления новых средств поражения (Основные черты современной фортификации / [Электронный ресурс]). Вероятно, широкое распространение огнестрельных видов оружия в Центральной Азии и потребовало скорейшего поиска наиболее целесообразных фортификационных форм укрепления местности и организации выполнения фортификационных мероприятий в Джунгарии. В Горном Алтае, где деревянные укрепления вполне справлялась с оборонительными задачами и в новое время, основной причиной сооружения каменных шибе является не сам факт появления огнестрельного оружия, а, скорее, влияние джунгарской оборонительной тактики. Каменные шибе Алтая стали не только противострелковой преградой и защитным средством, но в связи с увеличением значения огневого боя и укрепленной позицией для стрелков, т.е. в полном смысле фортификационным сооружением, сочетающим в себе преграду, защиту и позицию.

Библиографический список

- Бородаев В.Б., Соёнов В.И. Полевое каменное укрепление Курее-Таш в высокогорье близ с. Мендур-Соккон (результаты рекогносцировочного обследования) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12.
- Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9.
- Верецагин В.И. От Барнаула до Монголии (путевые заметки) // Алтайский сборник. Барнаул, 1908. Т. IX.
- Готлиб А.И. Горные сооружения-све Хакасско-Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.
- Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989.
- Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: тез. докл. и сообщ. к конф.). Барнаул, 1991.
- Киреев С.М., Акимов Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980.
- Кызласов И.Л. Отчет о полевых исследованиях на территории Республики Алтай Саяно-Алтайской экспедиции Министерства образования и науки Республики Хакасия в 2001 году // Архив ИА РАН. 2002.
- Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара, 2005.
- Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. М., 1983. Кн. 2.
- Основные черты современной фортификации / [Электронный ресурс]. – (<http://www.udisig.org/library/levykin/030.html>).
- Потанин Г.П. Материалы для истории Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей российских. Рапорт прапорщика Ширияева от 1760 г. Томск, 1866. Кн. 4.
- Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.
- Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
- Самаев Г.П. Укрепления Уйтту-Каи, Тоолока и Артала // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7.
- Соёнов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.
- Соёнов В.И. Фортификационное сооружение Шибе на Чуе // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.
- Соёнов В.И. Горные каменные сооружения шибе южной окраины Чуйской котловины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В. Фортификационное сооружение Бичикту-Кая на Алтае // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В. Полевые каменные фортификационные сооружения Алтая. Горно-Алтайск, 2010.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А. Изучение каменных крепостей в Горном Алтае в полевой сезон 2002 года // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В. Чеповские городища. Горно-Алтайск, 2011.
- Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии. Археология, этнология. Улан-Удэ, 2002.
- Худяков Ю.С. Фортификация в Центральной Азии: метод. указ. к курсу «Основы археологии». Новосибирск, 1994.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2.

Чевалков Л.М. Крепость в долине реки Яломан // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4.

Ширин Ю.В. Китайская крепость / [Электронный ресурс] – (<http://my.mail.ru/community/archeoeurasia/184C5F1E6A30C57E.html>).

Шперк В.Ф. История фортификации / [Электронный ресурс]. М., 1957. – (http://www.vif2.ru/users/fortress/biblio/shperk_f/index.htm).

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996.

Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И. Городища Нижний Чепош-3 и 4 // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2.

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Работа выполнена по проекту IX.81.2.1.

«Западная Сибирь и сопредельные территории в древности и средневековье»

Эпоха развитого средневековья стала важным этапом в развитии военного дела в кочевом мире всего степного пояса Евразии. Определенные изменения произошли в течение этого периода в развитии вооружения и возможностях его применения военными отрядами номадов, значительно изменились масштабы войн, проводимых кочевниками за пределами кочевого мира, что определило направления для последующих монгольских завоеваний.

В начальный период эпохи развитого средневековья ряд значимых изменений произошел в ремесленном производстве предметов вооружения, воинского и конского снаряжения кочевых народов. Наиболее заметными они стали в области производства новой для этого периода формы «монгольских» луков, изготовления железных стрел, защитных доспехов, поясной и сбруйной фурнитуры. На рубеже эпохи развитого средневековья в культурах кочевников Центральной Азии получили широкое распространение новая форма луков с одной срединной фронтальной накладкой и типы стрел с железными наконечниками с плоским в сечении пером, которые вытеснили из повсеместного употребления раннесредневековые луки с концевыми и срединными боковыми накладками и стрелы с трехлопастными наконечниками. Среди бронебойных граненых наконечников наиболее употребительными стали стрелы с трехгранным, четырехгранным и прямоугольным в сечении пером, предназначенные для пробивания панцирной брони и универсального применения против разных видов средств защиты из органических материалов. Значительно возросло количество средств индивидуальной металлической защиты, с помощью которых воины могли успешно противостоять наступательному оружию противника. Это позволило им использовать стрелковое оружие на разных фазах в рамках интенсивного конного боя. Существенным достижением кочевников в эту эпоху являлось освоение осадной техники, что обеспечило возможность взятия фортификационных сооружений оседлых народов и государств.

На рубеже эпохи развитого средневековья эти изменения наиболее отчетливо проявились в военном деле киданей, монголоязычного кочевого народа, в раннем средневековье населявшего юго-восточную окраину Центрально-Азиатского региона. В конце I в. степные районы Центральной Азии пережили крупные военные потрясения, приведшие к смене этнокультурного облика этого региона. В IX в. под ударами енисейских кыргызов был разгромлен Уйгурский каганат. Это привело к массовому бегству телесских племен в разных направлениях на окраины степной зоны. Кыргызы, ввиду небольшой численности своего населения, не смогли удержать завоеванные ими земли и вернуть на прежние места обитания бежавшие из этого региона телесские племена. В начале X в. на арену борьбы за господство над кочевыми народами Центрально-Азиатского региона выступили кидани, военной активности которых кыргызы не смогли оказать значительного сопротивления. Киданьское завоевание открыло возможность для расселения по всей территории Центрально-Азиатского региона монгольских кочевых племен, что в результате привело к кардинальному изменению этнокультурного облика этих районов.

В начальный период развитого средневековья оружие и военное искусство киданей стали определяющими для последующего развития военного дела центральноазиатских nomadов. Согласно сведениям письменных источников, киданские воины имели на вооружении простые и сложносоставные луки. На имеющихся изображениях киданские воины показаны со сложносоставными луками в налучьях (Худяков, 1991. С. 73. Рис. 47). У луков воспроизведены круто загнутые концы и выгнутые плечи, удлиненная прямая середина киби́ти. В археологических памятниках, относящихся к культуре киданей, обнаружен разнообразный набор стрел, предназначенных для поражения противника, не защищенного металлическим доспехом. Киданские воины располагали широким спектром наконечников, предназначенных для поражения легковооруженных вражеских воинов. На вооружении киданских стрелков были стрелы с трехлопастными, двухлопастными и плоскими в сечении наконечниками. Среди них преобладали плоские стрелы с вильчатой и секторной формами пера и томары с тупым острием. Воины использовали для стрельбы по тяжеловооруженным противникам стрелы с гранеными бронебойными четырехгранными и универсальными прямоугольными, линзовидными и ромбическими в сечении наконечниками. Широкое употребление плоских и в меньшей мере двухлопастных стрел было характерно для монгольских nomadов предшествующих периодов поздней древности и раннего средневековья, сяньби и шивэй. Поэтому повсеместное распространение стрел с плоскими наконечниками в эпоху развитого средневековья под влиянием киданей среди центральноазиатских кочевников можно оценить в качестве одного из проявлений развития в киданской среде предшествующей сяньбийской и шивэйской военно-культурной традиции, характерной для древних и ранних средневековых монголоязычных кочевых племен. В отличие от шивэйских стрелков в арсенале киданей значительно возросло количество и разнообразие форм бронебойных наконечников. Однако в качестве основной причины повсеместного использования скорострельных «монгольских» луков и плоских стрел, для которых была характерна высокая скорость полета, необходимо выделить не только военное превосходство киданей в кочевом мире Центральной Азии в начале II тыс. н.э., но и соответствие данного комплекса новому этапу развития военного дела, отвечающему новым требованиям в условиях интенсификации конного боя. Судя по имеющимся сведениям, киданские воины обладали разнообразным набором оружия, предназначенным для ведения в новых условиях не только дистанционного, но и ближнего боя, а также эффективных средств защиты. В составе киданского оружейного комплекса были длинные копья, пальмы, алебарды, мечи, боевые топоры, булавы и кинжалы, сфероконические шлемы, ламеллярные панцири-жилеты с оплечьями и подолом. Панцирные всадники воевали верхом на лошадях, защищенных панцирными попонами (Худяков, 1991. С. 87).

Благодаря возрастанию количества защищенных доспехами воинов в составе киданской армии, панцирные всадники принимали непосредственное участие на разных фазах в атакующих действиях. Произошли определенные изменения и в структуре военной организации киданского государства, в состав которой, наряду с представителями своего этноса и вассальных кочевых монгольских племен, стали привлекаться воины из покоренных народов. Первоначально отборная часть войска – киданская гвардия – ордо формировалась из представителей киданского этноса и правящего рода Елюй.

Однако включение киданями в состав своей военной державы империи Ляо, обширных территорий с оседлым китайским, корейским и бохайским населением повлекло за собой существенные изменения в ремесленном производстве оружия и привело к привлечению на воинскую службу представителей этих народов, что существенным образом изменило саму направленность развития киданской военно-культурной традиции. Киданская армия в течение последнего периода существования империи Ляо представляла собой разнородное войско, разные подразделения которого принадлежали к различным военно-культурным традициям.

В ходе войн на территориях, населенных оседлыми народами, киданские войска применяли «тактику выжженной земли» – уничтожения культурного ландшафта и запугивания населения на театре военных действий. В начале эпохи развитого средневековья произошли определенные изменения в стратегии ведения войн кочевниками Центральной Азии. Впервые со времени образования сяньбийских государств на севере Китая кочевники смогли завоевать и включить их в состав своего государства.

Для удержания в составе своего государства монгольских и тюркских кочевых племен правители империи Ляо соорудили на территории Центральной Азии крепости, в которых разместили военные гарнизоны и поселили подвластное оседлое городское и земледельческое бохайское население. В условиях все возрастающего сопротивления с китайцами и чжурчжэнями кидани были вынуждены вести военные действия на территории своего государства. Им не удалось привлечь в состав своих войск центрально-азиатские монголоязычные кочевые племена. Военные неудачи привели к крушению ки-

даньской государственности. Часть киданьской знати смогла мигрировать в западные районы Центральной Азии, где создало государство кара-киданей. Новые тенденции в развитии военного дела в кочевом мире в начале эпохи развитого средневековья нашли отражение в оружейных комплексах не только монголоязычных, но и тюркских кочевых этносов и этнических групп в Саяно-Алтае. На эти территории из Центральной Азии были вытеснены некоторые остававшиеся в степях тюркоязычные кочевые племена. Прекратила свое существование древнетюркская культура. Существенные изменения произошли в культуре енисейских кыргызов (Савинов, 1984. С. 146). В составе оружия дистанционного боя воинов кыргызских княжеств с начала II тыс. н.э. среди неброневой формы, наряду с трехлопастными, стали в количественном отношении преобладать стрелы с плоскими наконечниками. Правда, в отличие от киданьского комплекса, у кыргызов сохранили свое значение трехлопастные стрелы и значительно более широкое распространение получили плоские наконечники с асимметрично-ромбическим, боеголовковым и овально-крылатым пером. В числе броневой и универсальных стрел кыргызские воины располагали четырехгранными и прямоугольными в сечении наконечниками. В наборе оружия ближнего боя кыргызских воинов представлены копьё с четырехгранными и ромбическими в сечении наконечниками, пальмы с трехгранным пером и палаши с прямыми однолезвийными клинками. В числе защитных средств кыргызские воины применяли ламеллярные и пластинчатые панцири. В составе военных отрядов кыргызских княжеств служили воины-дружинники, которые принимали участие в атакующих действиях на разных фазах интенсивного конного боя (Худяков, 1980. С. 136–138). В памятниках кыргызов, обнаруженных на территории Горного Алтая, были найдены железные наконечники стрел и кинжал «уйбатского типа» с обоюдоострым острием и изогнутым клинком.

Похожие новые типы луков и стрел получили распространение в составе комплекса вооружения зависимых от кыргызов племен кыштымов, входивших в состав кыргызских княжеств в начале периода развитого средневековья. В это время на вооружении у кыштымов появились луки со срединной фронтальной накладкой и стрелы с железными плоскими наконечниками асимметрично-ромбической, вильчатой и боеголовковой форм. Значительно реже кыштымы применяли для стрельбы по незащищенному доспехом противнику стрелы с двухлопастными наконечниками. В наборе стрел представлены броневые и универсальные четырехгранные, ромбические и прямоугольные в сечении наконечники (Худяков, 1997. С. 32–35). Близкие по конструкции луки со срединной фронтальной накладкой и стрелы с плоскими наконечниками асимметрично-ромбической и боеголовковой форм, а также броневые трехгранные и четырехгранные стрелы были обнаружены в составе предметного комплекса центральноазиатских уйгуров эпохи развитого средневековья (Худяков, 1997. С. 81–82). В памятниках предмонгольского времени в Горном Алтае обнаружены железные трехлопастные, плоские и трехгранно-трехлопастные наконечники стрел (Тишкин, 2009. С. 192). В памятниках восточных кыпчаков в северных районах Казахстана, относящихся к предмонгольскому времени, обнаружены железные плоские наконечники стрел асимметрично-ромбического, удлиненно-ромбического и секторного типов, а также линзовидные и четырехгранные в сечении универсальные и броневые наконечники (Худяков, 1997. С. 108–110).

При выделении наиболее значимых особенностей в развитии военного дела в кочевом мире Центральной Азии в начале эпохи развитого средневековья необходимо отметить, что в этот период произошло существенное изменение в самой направленности развития наиболее распространенных видов оружия. Если в течение периодов поздней древности и раннего средневековья изменения происходили в направлении увеличения спектра форм и выработки на их основе наиболее оптимальных вариантов, то новый этап развития характеризуется принципом отбора таких типов оружия, которые в наибольшей степени соответствовали интенсивной тактике конного боя. Характерный для киданей и других монголоязычных кочевых комплексов средств ведения дистанционного боя в наибольшей степени соответствовал новым условиям ведения военных действий. В среде тюркских кочевых этносов эти тенденции получили дальнейшее развитие.

Библиографический список

- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009.
Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.
Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.

ПОГРЕБЕНИЕ ТЮРКСКОГО КОЧЕВНИКА В ПЕЩЕРЕ БАБА В СЕВЕРНОЙ ДОБРУДЖЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИСУТСТВИЯ ПЕЧЕНЕГОВ В РЕГИОНЕ

Б.Ш. Шмони́евский, В.М. Воина

Польская академия наук, научный центр в Париже, Франция;

Институт археологии и этнологии Польской академии наук

(отделение в Кракове), Краков, Польша;

Национальный музей истории и археологии, Констанца, Румыния

Печенеги являлись тюркским народом, который в поздних фазах раннего средневековья занимал обширные степные пространства первоначально в Азии, а потом и в Юго-Восточной Европе. Рост и пик могущества печенегов приходится на X в. Сведения письменных источников указывают на значительное присутствие печенегов на территории раннесредневековой Добруджи. Если в южной части Добруджи археологически прослеживаются следы пребывания печенегов, как, например, могильник Одрцы (Болгария), то в северной ее части печенеги оставили немногочисленные следы. Одним из таких археологических свидетельств являются листовидные подвески, которые находят в той или иной мере в южной и северной Добрудже (Madgearu, 2003. С. 52. Рис. 2). Открытие погребения в пещере Баба стало ощутимым свидетельством проникновения печенегов в северную Добруджу в раннем средневековье.

Пещера Баба находится в цепи известняковых скал высотой более 100 м над уровнем моря, называемой Ключи Добруджи. Она является частью возвышенности Касимча, входящей в состав более крупной географической единицы – возвышенности Добруджа. Пещера Баба находится в известняковом останце, находящемся вблизи небольшого потока Джеленджик, правого притока Касимча.

В середине останца находится камера, по форме близкая к коридору, длиной 13 м, заканчивающаяся полукруглой стеной. Ширина пещеры, измерявшаяся от актуальной поверхности, колеблется от 1,20 до 2,65 м.

Целью работ, проведенных в июле 2008 г., была верификация предшествующих данных, но они принесли новые открытия (Szmoniewski, Petcu, 2008). В статье будет рассмотрено погребение кочевника, открытое в этом сезоне. Оно находилось в небольшой нише в расширяющейся средней части пещеры, в ее северной стене. Фрагменты скелета (верхняя часть черепа) были найдены у верхнего завершения ниши на глубине 50 см от актуальной поверхности. Остальные части скелета, находившиеся в направлении выхода, располагались на глубине около 80 см. Частично сохранившаяся могильная яма имела форму, близкую к овальной, длиной около 135 см и шириной около 80 см. Ее наполнение незначительно отличалось от окружающего ее основания. Форма могильной ямы в юго-восточной части была ограничена большим валуном, местоположение которого вызвало слегка изогнутое положение скелета. По причине значительной денудации внутреннего пространства пещеры череп являлся наивысшей точкой расположения скелета, который был уложен на наклонной поверхности таким образом, что его верхняя часть находилась выше, чем нижняя.

Рядом со скелетом были обнаружены остатки погребального инвентаря. Возле черепа с южной стороны находились частично сохранившиеся удила, а с южной стороны у границы могильной ямы было поврежденное стремя, фрагмент полукруглого железного предмета с выступом, а также железный предмет овальной формы, частично поврежденный. В нижней челюсти найден фрагмент небольшого железного предмета с раздвоенным окончанием. Ниже ребер справа находились два удлиненных прямоугольных железных предмета. Над тазовой костью с левой стороны обнаружена бронзовая пряжка, а под ее правой частью – другая. Внутри тазовых костей, слева, лежала костяная накладка на колчан, а точно такая же находилась с противоположной стороны таза. Рядом с накладкой было железное колечко. Кроме того, на правой верхней части таза найден железный предмет. На головке бедренной кости находился железный нож. В тазовых костях возле костяных накладок, а также на бедренной кости обнаружены остатки бересты, относящихся, скорее всего, к обкладке колчана. Следует обратить внимание также на длинный железный предмет в органической оправе, находившийся возле северного края могильной ямы. Неблагоприятные условия пещеры привели к тому, что предмет подвергся сильной коррозии и сохранился лишь частично. Скорее всего, это была сабля. На основании предварительного анализа инвентаря погребения, характеризующегося небольшим количеством датирующих признаков, что затрудняет точную датировку, возможную хронологию погребения из пещеры Баба можно отнести к периоду между серединой – концом X в. и серединой XI в.

Выбор места, предназначавшегося для захоронения покойника, по мнению Елены Цоль-Адамиковой (Zoll-Adamikowa, 2000. С. 207), следует рассматривать в трех аспектах: а) связей с объектами, представляющими высшие силы; б) в отношении к территории проживания с) в отношении к природной среде. Погребение тюркского кочевника, открытое в пещере Баба, является первым погребением кочевника в пещере, найденным не только на территории Добруджи, но и в юго-восточной Европе. Его локализация в известняковом останце, несмотря на первое впечатление случайности, представляется осознанным намерением. Здесь следует вспомнить о символическом значении пещеры в системе верований тюрков, имея в виду, что печенеги могли быть обособленной группой, происходящей из Западно-тюркского каганата, голубые (синие) тюрки (*kök türk*) – в обычном переводе «голубые» (синие) тюрки (Tryjarski, 1975. С. 494). В пещере, согласно легенде, спрятался от врагов прародитель всех тюрков вместе с волчицей, которая родила ему десять сыновей (Sinor, Klyashtorny, 1996. С. 328; Кляшторный, 2005. С. 76–77). Память об этом событии фиксируется в культе предков, основывающемся на приношении даров и молитв в «пещере предков» (Tryjarski, 1991. С. 32, 260), а также на почитании гор, скал и пещер (Tryjarski, 1991. С. 32). Выбор места погребения у тюрков был вопросом, требующим как основательных раздумий, так и традиционных предписаний. Принимались во внимание также черты окружающей среды, как потенциального места погребения, и индивидуальный характер погребяемого (Tryjarski, 1991. С. 187). При анализе критериев выбора места для погребения у современных тувинцев (исповедующих ламаизм), которые являются глубоко укоренившимися в традиции тюркских племен, останец Баба предстанет в другом свете – как святое место в топографии скал Ключи Добруджи. Согласно предписаниям тувинцев, надлежащее место для погребения должно соответствовать следующим критериям: иметь с северной стороны небольшое возвышение, так же как и с западной стороны, в то время как с южной стороны должно открываться на степь. Важными в этом контексте являются близость воды и удаленность от жилых построек (Tryjarski, 1991. С. 188–189). Останец Баба, внутри которого находится пещера с погребением, с северной стороны имеет небольшие известняковые холмы, так же как и с западной. При этом в восточном направлении открывается пространство долины вместе с потоком Джеленджик, которое постепенно расширяется в направлении лёссовых холмов мягких очертаний. В настоящее время на них находится деревня Кейле (Ключи), но в раннем средневековье эта территория могла иметь степной характер, на что указывают соседние незастроенные территории. Не является ли известняковый останец, называемый на турецком языке Баба, своеобразным *genius loci* скал Ключи Добруджи? По нашему мнению, именно поэтому он был использован в качестве места погребения.

Заканчивая вышеизложенные замечания, которые сводятся только к обозначению проблематики, а не к ее детальной разработке, следует задуматься над вопросом: не следовала ли данная локализация погребения из убеждения, что в случае отсутствия одобрения умершим места захоронения он будет из мести вредить живым (Tryjarski, 1991. С. 188). Погребение в пещере Баба, как указывалось выше, не имеет аналогий в Юго-Восточной Европе. Его принадлежность к цивилизации средневековых кочевников причерноморских степей несомненна. Оно вписывается в карту распространения погребений кочевников между Днестром и Нижним Дунаем, датированных от X до XIV в. (Spinei, 1986–1987. Рис. 1; 1999. Рис. 33; Ionița, 2004; Spinei, 2009), при этом не находит аналогий в инвентаре погребений из могильников XI в. из поселения Одрцы, связанного с печенегами, осевшими в этой части южной Добруджи (Дончева-Петкова, 2005). Трудно однозначно отнести рассматриваемое погребение к какому-либо конкретному племени кочевников. В Добруджу неоднократно проникали различные группы кочевников от праисторических времен до средневековья. Значительное влияние на этот факт имели природные условия добруджанских степей, близкие к естественной среде обитания кочевников. В пользу возможной интерпретации погребения как печенежского свидетельствуют: 1) бедность погребального инвентаря, состоящего прежде всего из элементов конской упряжи, оружия, предметов быта, что характеризует погребальный обряд печенегов (Плетнева, 1958. С. 156–157; Tryjarski, 1991. С. 196); 2) ориентация и положение скелета (Плетнева, 2003. С. 123–124. Рис. 44, 47). Проникновение печенегов на территории Верхнего Дуная происходило с конца IX в. (Diaconu, 1973; 1985. С. 236; Paroń, 2009. С. 451). Предложенная хронология погребения между серединой – концом X в. и серединой XI в. соответствует третьему периоду истории печенегов, выделенному Александром Парониа (2009). Этот период охватывает промежуток от конца IX до середины XI в. и характеризуется наибольшей активностью кочевников, которая проявляется в контроле территорий от Дона до Нижнего Дуная, а также их большим политическим значением. Начиная с X в. в результате геополитических изменений наблюдается постепенный уход печенегов из восточной части причерноморских степей. Концентрация кочевнического населения в западной части степей привела к значительному росту военной активности на Нижнем Дунае (Paroń, 2009. С. 451).

Остается открытым вопрос: кочевник, похороненный в пещере Баба, оказался случайно на склонах скал Ключи Добруджи, где он умер во время перехода на юг, или он был одним из воинов, контролирующих подвластные ему территории этой части Добруджи?

Библиографический список

- Дочева-Петкова Л.* Одрци. Некрополи от XI век. 2. София, 2005.
- Кляшторный С.Г.* Империя тюрских каганов // Кляшторный С.Г., Савинов С.Т. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века: учеб. пособие. Воронеж, 2003.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. I. М.; Л., 1958. (МИА; №62).
- Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas Danube. București, 1973.
- Diaconu P.* The Petchenegs on the Lower Danube, b: Constantinescu M., Pascu Ș., Diaconu P., (ed.) Relation between the autochthonous population and the migratory populations, București, 1985.
- Ionița A.* Morminte de calareti la nordul Dunării de jos în sec. X–XIII. In Cîndea I., Sîrbu V., Neagu M., (ed.) Prinos lui Petre Diaconu la 80 de ani. Brăila, 2004.
- Madgearu A.* The periphery against the center: the case of Paradunqvon, Zbornik Radova Vizantoloskog Instituta 40. Belgrad, 2003.
- Paroń A.* Zjawisko zmiany kulturowej w społecznościach koczowniczych na przykładzie Pieczyngów. In Możdzioch S., (ed.) Stare i nowe w średniowieczu. Pomiedzy innowacją a tradycją. Spotkania Bytomskie. VI. Wrocław, 2009.
- Sinor D., Klyashtorny S.G.* The Türk Empire. In Litvinsky B.A., Zhang Guang-da, Shabani Samhabadi R., (eds.). History of civilisations of Central Asia. III. The Crossroads of civilisations A.D. 250 to 750. Paris, 1996.
- Spinei V.* 1999. Marile migrații din estul și sud-estul Europei în secolele IX–XIII. Iași, 1991.
- Spinei V.* Populațiile nomade turce în regiunile românești în secolele X–XI: aprecieri sintetice // Suceava. Anuarul Muzeului Județan. XIII–XIV, 1986–1987.
- Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden-Boston, 2009.
- Szmoniewski B.Sz., Petcu R.* Preliminary report from the new excavation in Baba Cave, Grădina village, Constanța County, Pontica. 2008.
- Tryjarski E.* Pieczyngowie. In Dąbrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E., Hunowie Europejscy, Proto-bułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.
- Tryjarski E.* Zwyczaje pogrzebowe ludów tureckich na tle ich wierzeń. Warszawa, 1991.
- Zoll-Adamikowa H.* Usytuowanie cmentarzy Słowian w środowisku (doba pogańska i pierwsze wieki po przyjęciu chrześcijaństwa). Spotkania Bytomskie IV. Wrocław, 2000.

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА, ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ В X–XIII вв.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

В.Н. Бахматова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Исследования проведены в рамках проекта «Создание и внедрение новых методов изучения археологических объектов и реконструкции древних артефактов»

К применению аналитических методов в археологических исследованиях неполивной керамики многие исследователи относятся скептически. Керамика является массовым археологическим материалом, поэтому для ее исследования нужны методы, которые можно применить для анализа больших объемов артефактов. Проведенные масштабные археологические исследования на Болгарском городище в 2010 и 2011 гг. выявили огромный массив керамического материала, который требует обработки и осмысления с помощью новейших методов. В настоящее время появилась возможность провести данные исследования с привлечением возможностей естественно-научных методов.

Цели и задачи:

– методические: выявление оптимального комплекса методов для исследования неполивной керамики с помощью независимого эксперимента.

– научно-исследовательские: определение сырьевой базы, уточнение некоторых технико-технологических особенностей, которые вызывают сомнения при визуальном анализе, определение группового стандарта по набору содержащихся минералов и микроэлементов.

На данном этапе основной целью ставилось формирование информационной базы, а также выявление оптимального комплекса естественно-научных методов для изучения неполивной керамики.

Выборка материалов осуществлялась из керамических материалов, полученных на Болгарском городище в результате археологических исследований в 2010 и 2011 гг. Было отобрано 90 образцов наиболее часто встречающихся этнокультурных групп в соответствии с классификацией Т.А. Хлебниковой. Хронологическая выборка охватила период со времени существования на городище Именьковского поселения до XVIII в.*

Работа проводилась в три этапа:

1. Отбор, визуальное описание, фотофиксация образцов.

2. Исследование аналитическими методами: оптико-микроскопическое исследование шлифов методом петрографического анализа, рентгенографический анализ, ДТМА, количественный спектральный анализ**.

3. Обработка и интерпретация полученных результатов.

В процессе работы корректировались задачи и вносились методические замечания. Особое внимание следует здесь уделить именно методу петрографии, так как он один из старейших и доступных для исследователей и в значительной степени зависит от субъективных факторов.

Оптико-микроскопическое описание шлифов (петрографическое описание) применяется, прежде всего, в геологии. Принципы и подходы петрографического анализа неполивной археологической керамики сформированы С.Ю. Внуковым. Суть метода заключается в описании текстуры и структуры шлифа с применением поляризационного микроскопа. Изучение минералов и горных пород с помощью поляризационного микроскопа производится в шлифах. Шлиф представляет собой тонкую пластинку горной породы толщиной около 0,03 мм, вклеенную канадским бальзамом между предметным и покровным стеклами. При качественном исследовании с соблюдением выработанных подходов такое описание дает не только набор минералов, их размерность, но и характер их наличия, т.е. естественным или искусственным отощителем они присутствуют в глинистом веществе, а также конструктивные особенности керамического сосуда (использование при формовке гончарного круга), относительную температуру обжига.

* Для аналитических исследований были отобраны материалы из раскопов В.С. Баранова, А.М. Губайдуллина, Р.Р. Валиева, М.В. Сивицкого.

** Аналитические исследования были проведены сотрудниками Института геологии и нефтегазовых технологий КФУ совместно с ФГУП «ЦНИИГеолнеруд» и аналитической лабораторией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

При интерпретации полученных результатов анализа с учетом опыта предыдущих исследований в данной области нами были сформулированы принципы, ориентируясь на которые можно провести качественную интерпретацию данных оптико-микроскопического анализа шлифов и рентгенографического исследования:

- перед началом исследования четко должны быть сформированы цели и задачи. В соответствии с ними отбираются образцы, изготавливаются шлифы, делается описание;
- исследователь должен четко представлять геологическую историю и природу пороодообразования региона, из которого были взяты образцы;
- знание специальной терминологии;
- нужно учитывать конструктивные особенности образца керамики, из которого сделан шлиф.

Наиболее интересные результаты дал **метод дифференциального термоманитного анализа (ДТМА)** – определение состава парамагнитных минералов в исходных образцах. Методом ДТМА изучается зависимость магнитных характеристик (в нашем случае – индуктивной намагниченности) от температуры. Физический основой метода ДТМА считается наличие у ферромагнитных минералов таких первичных характеристик, как точка Кюри и удельная намагниченность, однозначно и функционально связанных с составом и кристаллической структурой минералов и практически независимых от других факторов. Удельная намагниченность – экстенсивный параметр, он зависит от массы магнитоактивного вещества и возрастает пропорционально массе. Значение точки Кюри определяется только фактом присутствия ферромагнитного минерала и его магнитного состояния. Выявляемые на термоманитной кривой характеристические температурные точки – точки Кюри, точки фазовых переходов, температуры диссоциации и процессы новообразования оксидов железа при двукратном нагреве проб позволяют уверенно диагностировать ферри- и некоторые парамагнитные минералы.

Традиционные методы изучения минералов в применении к ферромагнетикам в маложелезистых породах малоинформативны. Оптическими методами практически диагностируется только магнетит, поскольку большая часть железосодержащих минералов находится в тонкодисперсном состоянии. Кроме того, возникает масса трудностей технического порядка: при изготовлении шлифов первоначальная текстура не всегда сохраняется, зерна высокой твердости выкрашиваются.

Установка для термоманитного анализа была разработана и реализована сотрудниками палеомагнитной лаборатории Казанского государственного университета Б.В. Бутовым и П.Г. Ясоновым.

По результатам этого анализа весь объем исследуемых образцов был подразделен по источникам сырья на семь групп. Термоманитные исследования черепков керамических изделий из раскопов Болгарского городища позволяют говорить о различных источниках сырья для производства керамики, обнаруженной на Болгарском городище.

Предварительная обработка и анализ результатов междисциплинарных исследований уже сейчас определили дальнейшие перспективы исследования по выявлению сырьевой базы с выделением центров производства и реконструкцией гончарного производства средневекового г. Болгара от выбора и подготовки сырья до выхода продукции на рынок. В методическом плане нельзя выделить какого-то одного универсального метода, который может разрешить все возникающие вопросы в области неполливой керамики. При интерпретации результатов по любому методу нужно учитывать собственный опыт визуального исследования образца. Выбор метода или комплекса методов должен зависеть напрямую от того результата, который хочет получить исследователь.

ЗАСТРОЙКА БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ «БОЛЬНИЧНОГО БУГРА» СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Казанский (Поволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ совместно с Марийским государственным университетом, Казанским федеральным университетом, Астраханским государственным объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником и историко-архитектурным музеем-заповедником «Ка-

занский кремль» с 2005 г. проводит археологические исследования на территории Селитренного городища – одного из крупнейших городских центров Золотой Орды. Район осуществления охранных археологических исследований находится в западной части «Больничного бугра» (у подножия), на береговом обрыве р. Ахтуба. Археологической экспедицией за 2006–2009 гг. исследованы участки береговой зоны Селитренного городища площадью около 453 кв. м.

Предыдущими раскопками 1969–2001 гг. в районе «Больничного бугра» были частично изучены мусульманский некрополь конца XIV – начала XV в., а также остатки усадеб с жилыми и хозяйственными постройками XIV в. и т.д. Интересными были итоги работ ПАЭ ИА РАН 1978 г., когда в рассматриваемом районе изучен производственный комплекс. Он увязывается с выжиганием извести в XIV в., о чем свидетельствуют горны из пористого известняка особой конструкции, большое количество хумов и ям, в которых хранились сырье и готовая гашеная известь.

В 2006–2009 гг. продолжилось изучение разрушающегося в результате ветро- и гидроэрозий культурного слоя городища. Дабы изучить пробелы между раскопами №IX (Федоров-Давыдов Г.А., 1977 г.), XXIII (Бурханов А.А., 1999 г.), XXVI (Зеленеев Ю.А., 2002 г.), XXXVI (Пигарёв Е.М., 2004 г.) и объединить их в единую полосу, были заложены два раскопа (XL и XLII). Этими раскопами было закончено проведение спасательных мероприятий на этом участке берегового обрыва.

На раскопе №XL обнаружено 56 объектов различного назначения, которые представлены кирпичным мощением, 6 сооружениями, 44 ямами и 5 столбовыми ямами. Итогом работ на данном раскопе явилось изучение остатков мастерской, по мнению Е.М. Пигарева, связанной с гончарным производством. Частично эта мастерская была исследована в 1977 г. Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. В 2006 г. прирезкой изучена восточная часть отмеченной мастерской.

На территории ремесленного комплекса были обнаружены остатки печей, служивших, возможно, для обжига извести, и хумы для хранения полученного сырья (извести). Комплекс ям и сооружений №5 и 6 представляет собой производственную постройку, являвшуюся, собственно, зданием мастерской, состоящим из трех помещений. Два крайних помещения сложены из целых форм и обломков обожженного кирпича и представляют собой кирпичную кладку зигзагообразной формы, с вертикально оставленными пазами шириной от 6 до 18 см, через интервал 22–62 см. Здесь же находились ямы, куда были впущены красноглиняные сосуды – хумы. Центральное помещение (яма №43) было заглублено в землю и по центру разделено на две комнаты деревянно-сырцовою перегородкой. На уровне дна фиксировались следы натопа.

Находки обломков кашинной посуды и изразцов, подражаний китайскому селадону (псевдоселадон), запасов белой глины и опоки дают основания предположить, что в этой мастерской, вероятно, изготавливали поливную кашинную посуду и архитектурные украшения – изразцы. Небольшие же по размеру печи вряд ли использовались для выжигания извести.

Раскопом №XLII получены важные сведения о характере отложений культурного слоя и топографии в данном районе. Удалось выделить напластования XIV–XV вв., XVIII – начала XIX в. и XIX–XX вв. Отложения и объекты золотоордынского времени значительно разрушены поздними перекопами, связанными с тотальной добычей кирпича и кладоискательством. Данный факт отражен в записках, дневниках и описаниях городища XIX в. и подтверждается в профилях дневными уровнями, выходящими к современной поверхности. Самые ранние из напластований, вероятно, сформировались во второй и начале третьей четверти XIV в. – в период правления ханов Узбека и Джанибека. Этот период характеризуется бурным развитием города и наивысшим расцветом государства, что подтверждается богатым нумизматическим материалом. Все монеты, обнаруженные в отложениях золотоордынского периода и в горизонтах перекопов более позднего времени, укладываются в хронологические рамки: 30-е гг. XIV – 20-е гг. XV в. Слои 2-й половины XIII – начала XIV вв. стратиграфически не выявлены.

В раскопе №XLII выявлено 148 объектов, представленных 5 сооружениями, 107 ямами, 4 погребениями и 32 столбовыми ямами. Первоначально на исследованном участке средневекового города появились небольшие постройки фахверковой конструкции с жилыми и хозяйственными помещениями, возведенными из глины и древесины. Одна из построек (сооружение №70) представляла собой жилой дом с тандыром и обогреваемой суфой. Пережив один пожар, дом был отремонтирован, однако после второго пожара более не восстанавливался.

С жилым домом связаны располагавшиеся рядом производственные постройки (сооружения №50 и 75). Раскопом исследована лишь незначительная часть сооружения №75, однако и этого оказалось достаточным для определения его идентичности с сооружением №50.

Одна из мастерских (сооружение №50) состояла из двух частей: горна (печи) и рабочего помещения, общим размером 545х305 см. Рабочее помещение, скорее всего, имело деревянные стены, которые прослеживались в виде древесного тлена и угля. Горн сложен из красных обожженных кирпичей, скрепленных глинистым раствором, его внутренний диаметр 126 см. Фасад горна (печи) со стороны топки ремонтировался и укреплялся. Следы ремонта фиксируются в виде двух рядов кирпичной кладки на известковом растворе. Вход в постройку находился с севера, с двух сторон которого сохранились столбовые ямки от опорных угловых столбов.

С вышеописанными сооружениями связаны несколько ям, куда были впущены хумы, и скорее всего, предназначавшиеся для хранения сырья.

В середине XIV в. рядом с обветшавшими возводится новая мастерская (сооружение №12), размером 670х470 см. Здание также состояло из двух частей, однако полностью сооружено из обожженного кирпича, скрепленного известковым раствором. Стены рабочего помещения имеют ширину 40–52 см, горна (печи) – 120 см, диаметр горна – около 160 см.

Сооружения №12, 50, 75, скорее всего, являются мастерскими по производству поливных изразцов. Данное предположение подкрепляется следующими фактами: 1) в заполнении рабочего помещения сооружения №50, в прослойке, образовавшейся в период функционирования и разрушения мастерской, обнаружены три керамических тигля, сплошь покрытые с застывшей накипью глазури; 2) в заполнениях сооружений и на остальной площадке усадьбы в большом количестве выявлены различные формы мозаичных изразцов с бирюзовой, темно-синей, желтой поливой, а также поливные изразцы с растительным орнаментом, некоторые с позолотой; 3) на уровне пола рабочих помещений обнаружены стекловидный шлак и фрагменты стеклянных сосудов, вероятно, в сосудах хранились минералы или ингредиенты, добавляемые в состав поливы; 4) на уровне пола внутри помещений и на площадке с внешней стороны построек прослежены прослойки с большим содержанием извести и золы, связанные с функционированием мастерских; 5) в прослойках периода функционирования и разрушения мастерских и непосредственной близости от них в большом количестве обнаружены фрагменты хумов, стенки которых сплошь покрыты известково-золистой коркой, которые, вероятно, служили тарой для хранения сырья.

Во 2-й половине XIV в. на данной территории воздвигается новая наземная постройка, которая являлась жилым домом с хозяйственными помещениями, погребками и тошнау. Стены дома сооружены из бревен, от которых сохранились контуры в виде древесного тлена. Отопительная система представлена двухканальным каном.

Судя по полученным данным и анализу нумизматического материала, данный район золотоордынского города прекратил свое существование к середине XV в.

В XVIII – начале XIX в., в период существования на территории городища селитроваренного завода и русского села, в данном районе функционировало православное кладбище. Раскопом исследованы четыре погребения.

В XIX–XX вв. на исследованном участке располагалась наземная деревянная постройка, от которой сохранились остатки столбов.

Значительное количество вещественного материала: серебряные и медные монеты, фрагменты стеклянных изделий, фрагменты различных предметов из цветного и черного металла (замки и неопределенные предметы), фрагменты чугуна, глиняные тигли, кашинная, красноглиняная, сероглиняная, белоглиняная поливная и неполивная керамика и целые формы сосудов, фрагменты изразцов (в том числе с позолотой) и архитектурных деталей, кирпич с отпечатком следа подошвы обуви, костяные «коньки» и другие поделки из кости и т.д. – иллюстрирует богатую материальную культуру золотоордынского города.

Прибрежная полоса города представляла собой наиболее привлекательный участок, о чем свидетельствуют его плотная застройка и планиграфия.

Таким образом, на этом участке берегового обрыва закончено проведение спасательных мероприятий. Новые сведения позволили пополнить информацию об освоении данного участка городища и по-другому взглянуть на интерпретацию производственного комплекса. По нашему мнению, оно, вероятно, связано с производством поливных изразцов для обеспечения строительных и других нужд города.

УРБАНИЗАЦИЯ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при поддержке РГНФ – МинОКН Монголия
(проект №11-21-03001-а(м) «История киданьской империи Ляо»)

В последнее десятилетие исследования средневековых городов на территории Монголии (Данилов, 2004; Очир и др., 2005; 2008; Mongolian-German Karakorum-Expedition, 2009; Ahrens etc, 2008; Цэвээндорж и др., 2008; Крадин и др., 2011а–б; Васютин, Крадин, Ивлиев, 2011; и др.) вновь актуализируют вопрос о влиянии урбанизации на уровень социально-политического развития кочевых обществ. Необходимо отметить, что градостроительство рассматривается как один из главнейших признаков сложности общества и цивилизации в целом. Г. Чайлд, среди выдвинутых им 10 критериев цивилизации, именно город ставил на первое место (Childe, 1950. Р. 3–17). К. Ренфрю сократил список критериев вдвое, но все равно считал город важнейшим показателем усложнения обществ до уровня цивилизации (Renfrew, 1972. Р. 5–7). Схожей точки зрения придерживались В.М. Массон, Г. Джонсон, Ю.В. Павленко, Ш. Ито, Т. Холл, Д. Уилкинсон и многие другие. При этом учитывался преимущественно опыт изучения земледельческих социумов. К каким же социально-политическим последствиям приводит урбанизация у кочевников? На этот вопрос мы постараемся ответить, обращаясь к истории Уйгурского каганата и киданьской империи Ляо.

Сведения о первом уйгурском городе относятся еще к доимперскому периоду (подробно см.: Васютин, 2011). Но настоящий градостроительный бум начался при первом правителе каганата – Элетмиш Бильге-кагане. Благодаря надписи из Могон Шине-Усу известно, что города возводились согдийцами и китайцами (Малов, 1959. С. 43), которые, вероятнее всего, попали в степь в результате «помощи» уйгуров в подавлении мятежа Ань Лушаня. Сближению кочевых и оседло-земледельческого населения способствовало принятие манихейства. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, добравшийся из Семиречья в Орду-балык, указывал, что последние 20 (либо 25) дней он продвигался среди «плодородных земель» с рынками и «многочисленными деревнями» («поселениями», «большими деревнями»), населенными «полностью или большей частью» тюрками, среди которых были «зиндики – манихеи» (Асадов, 1993. С. 45, 46, 130. Прим. 58).

Урбанистическая инфраструктура Уйгурского каганата включала столицу Орду-балык – степной мегаполис с крепостью, посадом, рынками, садами, деревнями, ирригационными каналами и пр. (Асадов, 1993. С. 45, 46; Киселев, 1957. С. 93–95; Пэрлээ, 1961. С. 49–50; Киселев и др., 1965. С. 14–15, 123; Кляшторный, 1977; Худяков, 1990. С. 84–85; Данилов, 2004. С. 57–58; Цэвээндорж и др., 2008. С. 180–182; Hüttel, Erdenebat 2009; и мн. др.), «областные» и провинциальные города – Бей-балык, Чилим балгас, Цаган Сумийн балгас, Тойтен-Толгой, Тайджин-Чуло, Пор-Бажын и др. (Киселев, 1957. С. 95, 98–99; Кызласов, 1959. С. 73; Вайнштейн, 1964. С. 105–110; Киселев и др., 1965. С. 271, 273; Кляшторный, 1977. С. 65; Худяков, 1990. С. 85–86; Данилов, 2004. С. 58–59; Крадин, 2008. С. 333; 2011. С. 336; Цэвээндорж и др., 2008. С. 183–184; и др.), оборонительную линию, состоявшую из городов (административных центров) и крепостей, в Туве (Кызласов, 1959. С. 66–72; 1979. С. 145–158; 1981. С. 53–54; Васютин, 2011в. С. 30; и др.). В подчинении уйгуров также находились и города Турфана (Гумилев, 1967. С. 370, 375, 410–413; Камалов, 2001. С. 138–140, 142–143, 147 и др.).

В середине VIII – 1-й половине IX в. сложились благоприятные условия для развития торговли в каганате и транзитных торговых операций по территории Монголии. Особенно способствовал этому захват Тибетом в 60–90 гг. VIII в. всего «центрального участка Великого шелкового пути от Ичжоу до Ганьсуского коридора» (Лубо-Лесниченко, 1988. С. 380). Альтернативой стал «Уйгурский путь», который шел из Бешбалыка вдоль оз. Баркуль к Хара-балгасу, а затем дорога через Ордос вела к Танской столице Чанъани (Лубо-Лесниченко, 1988. С. 380). Он связывал торговые пути Западной, Средней и Восточной Азии, что вело к интенсификации торговли в Уйгурской империи. К тому же на степном участке торгового пути из Турфана до Орду-балыка существовала система специальных промежуточных станций и поселений с рынками, которые обеспечивали передвижение купцов с товаром (Асадов, 1993. С. 46). Рядом с крупными городами возникла сеть аграрных и ремесленных поселений. Сельское хозяйство, ремесло и торговля наряду со скотоводством обеспечивали прочную экономическую базу каганата.

Города Уйгурской империи самым фактом своего существования вели к трансформации социально-политических структур каганата. Городами было необходимо управлять, обеспечивать порядок и функционирование торговли, собирать пошлины и налоги. Постепенно традиционная для кочевых империй система управления (каган, левый и правый шады, внутренние и внешние «великие буюруки», тутуки-наместники над племенами – Бичурин, 1950. С. 308, 320; Кляшторный, 1980. С. 93; Камалов, 2001. С. 126–135) сменяется более сложной политической иерархией с широкими управленческими функциями, т.е. формированием государственных структур. Наряду с дарами Китая (шелк и монета), источником пополнения казны стала деятельность оседлого населения – торговля, ремесло, земледельческое производство. Поощряя их развитие, уйгуры собирали налоги и пошлины. Проводниками более рациональной фискальной политики были согдийцы, некоторые из них, если судить по примеру министра Ань Юньхэ, могли занимать довольно значимые посты в каганате. По всей вероятности, развивалось городское управление: возникла иерархия чиновников (глава города, сборщики налогов, судьи). Изменения охватили и провинциальную администрацию. По сведениям «Цзю Таншу», только у си и киданей находились более 800 уйгурских уполномоченных «по надзору и попечению, наблюдавших за поступлением ежегодной дани» и также следивших за китайцами (Малявкин, 1974. С. 35, 113–114. Комм. 164–166). Также стоит упомянуть «служителей» торговых станций (Асадов, 1993. С. 46). Таким образом, во всех областях Уйгурского каганата наряду с племенными органами управления существовала сеть провинциальных и местных чиновников с военными и гражданскими полномочиями (Васютин, 2011б. С. 101–102; 2011в. С. 32).

Социальная трансформация привела к формированию в каганате специфичных социальных групп, не характерных для крупных объединений кочевников в Центральной Азии. В городах осела кочевая знать, крупное согдийское купечество, манихейское духовенство, мелкие купцы, ремесленники и другие жители посадов, маргиналы и т.д. Элита каганата была полукультурной, так как в ее состав, помимо кочевой аристократии, входили выдвиженцы из племен, согдийцы, которые «преумножали свои товары», священники, провинциальные чиновники. Многие представители военно-аристократического окружения кагана одновременно составляли высшую имперскую бюрократию. Для кочевой аристократии из-за особенностей кочевой экологии и экономики всегда было трудно закрепить свой привилегированный статус (богатство кочевников нестабильно). Поэтому сохранение богатства было возможно только в имперских городах. В связи с этим появление городов в Уйгурии – это явление, тесно связанное с формированием особой имперской знати, которая концентрировала свои богатства в городах.

Несмотря на определенные общественные изменения и появление нескольких привилегированных групп, сословно-классовая структура в Уйгурском каганате не сложилась. Прежде всего, это объясняется коротким с точки зрения исторических процессов периодом существования Уйгурской державы. Очевидно, что политическая интеграция в каганате опережала процессы социальной дифференциации.

Отметим, что государственные и элитарные структуры в Уйгурском каганате не были достаточно устойчивыми. Как и для других кочевых империй, для Уйгурского ханства были характерны перепроизводство элиты, утрата среди ее представителей солидарности, междоусобная борьба (особенно в 830-х гг.). Заложить стабильные государственные традиции уйгуры просто не успели, так как намечавшийся политический кризис каганата в конце 830-х гг. совпал с чередой эпизоотий, неурожаев, голода и эпидемий, а также вторжением кыргызов, разгромивших в 840 г. Орду-балык. Запустение городов Уйгурского каганата показывает, что они являлись органичным элементом имперской системы и с падением империи не могли выполнять свои многочисленные функции. Очевидно, что процессы урбанизации и возникновения государственности в степях Центральной Азии были дискретными и неустойчивыми. В то же время Уйгурский каганат, не владевший большими территориями с оседлым населением, продемонстрировал предельный уровень социально-политической сложности в степи.

В X в. киданями была основана самая сложная по своей структуре империя среди кочевых политий Центральной Азии I тыс. н.э. Под власть киданьских правителей оказались Маньчжурия, Бохай, Северо-Восточный Китай, Внутренняя Монголия и значительная часть степного пространства к северу от Гоби. Помимо этого, кидани регулярно угрожали южно-китайскому царству Сун, которое регулярно выплачивало Ляо дани, поборы и контрибуции. Могущество киданей к началу XI в. достигло своего пика.

Еще при Абаоцзи в родовых землях киданей началось строительство городов. Его осуществляли захваченные в плен или перешедшие на сторону киданей китайцы. В «Цидань го чжи» упоминается деятельность китайца Хань Янь-хуэй, научившего киданей «организации официальных учреждений, постройке городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, и созданию торговых местечек для поселения китайцев» (Е Лун-ли, 1979. С. 43). Тем самым с момента создания империи городская

инфраструктура с полиэтничным населением стала неотъемлемой частью киданьских владений. С захватом северокайских земель, провозглашением в 947 г. империи Великое Ляо и созданием дуальной системы управления у киданей происходит развитие государственных институтов. К концу X в., укрепляя свои позиции в Монголии, кидани стали возводить городские центры, военные крепости, другие типы поселений в долинах Толы и Керулена. Вместе с киданьскими военными гарнизонами их населяли различные группы зависимого населения (китайцы, бохайцы, чжурчжени, уйгуры) для обслуживания кочевников. Такие города, как Чинтолгай-балгас, Харбух-балгас, Зуун-хэрэм, Хэрмэн-дэнж, Улан-хэрэм, были крупными военно-административными и экономическими центрами. Их окружали поселки земледельцев, ремесленные мастерские, печи для производства посуды и черепицы, ирригационные каналы и пр. Исследования городища Чинтолгай-балгас (Крадин и др., 2005. С. 264–272; Крадин, 2006. С. 133–135; Очир и др., 2008. С. 143–205; Крадин и др., 2011. С. 65–158) показали, что здесь сложилась синтезная культура, которая отражала процесс формирования в монгольских городах Ляо локальных групп номадно-оседлого общества. Схожие процессы шли и в городах митрополии.

Динамичное развитие городов в империи Ляо способствовало усложнению общественной структуры номадов и политических практик. В столичных и областных городах империи Ляо постепенно оформился постоянно растущий слой имперского чиновничества. Элита, во многом ориентированная на китайские стандарты, добавляла к своему привилегированному положению различные придворные должности, обладание земельными ресурсами, участие в распределении государственных доходов, иную, не связанную с кочевым образом жизни, модель повседневной жизни. Перенесение китайских традиций на управленческую практику северной администрации (создание государственного сектора, налоги, рост числа должностей) способствовало постепенному зарождению сословных границ в киданьской среде, вызвало процессы десоциализации среди кочевников. Тем самым наметился разрыв между ценностями рядовых кочевников и киданьской аристократии (Васютин, 2011а. С. 115).

Положение рядовых номадов в империи Ляо было неоднозначным и противоречивым. С одной стороны, простые кочевники входили в военное ополчение и тем самым составляли основу армии. Поэтому их статус оставался более высоким, чем у рядовых земледельцев. С другой стороны, в кочевой среде имперской митрополии (т.е. северных провинций) шли процессы оседания номадов; государство расширяло госсектор, отнимая племенные земли, сгоняя номадов с пастбищ и родовых территорий, солдат пограничной службы заставляли обрабатывать поля и выращивать зерно и т.д. (Крадин, 2008. С. 184, 186; Дробышев, 2010. С. 113). На этом фоне тенденция к созданию номадно-оседлого общества получила новые импульсы, но в целом этот процесс в империи Ляо не был завершен. Синтез культурных и социальных ценностей рядовых земледельцев и номадов был возможен только в отдельных анклавах империи (города со смешанным населением в родовых землях киданей и в Монголии).

Таким образом, города в империи Ляо стали местом социокультурного синтеза кочевых и номадных традиций, центрами государственной власти и формирования сословной киданьской знати.

Библиографический список

- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.
- Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин // СЭ. 1964. №6.
- Васютин С.А. Киданьские города в Монголии и специфика социально-политического развития империи Ляо // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.
- Васютин С.А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток (Oriens). 2010а. №4.
- Васютин С.А. Киданьское городище Хэрмэн Дэнж и Тогу-Балык кошо-цайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. №4.
- Васютин С.А. Проблемы формирования номадно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского государственного университета. 2011а. Вып. 7.
- Васютин С.А. Трансформация властных институтов уйгуров в период раннего Средневековья: от племенной политики к государству // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2011б. №1.
- Васютин С.А. Уйгурский каганат – цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н.э. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011в. №11.
- Васютин С.А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. Исследование городов киданьской империи Ляо в Монголии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: мат. V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, 2011.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
- Дробышев Ю.И. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). 2009. №3.
- Дробышев Ю.И. Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае: мат. XL науч. конф. (Ученые записки отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2). М., 2010.
- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М., 1979.
- Камалов А.К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. №2.
- Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я., Левашова В.П. Древнемонгольские города. М., 1965.
- Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. №3.
- Кляшторный С.Г. Древние города Монголии // Древние города. Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья: мат. Всес. конф. Л., 1977.
- Крадин Н.Н. Киданское градостроительство на территории Монголии // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Т. II.
- Крадин Н.Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.
- Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72 (1–2).
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследования киданьского городища Чинтолгай-балгас в 2004 г. // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. Иркутск, 2005. Ч. I.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгай-балгас. М., 2011а.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследования вала городища Эмгэнтийн хэрэм // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. Барнаул, 2011б.
- Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959. №3.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М., 1988.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Хаар бух балгас ба туул голын сав дахь хятаны уеийн хот, суурингууд. Улаанбаатар, 2005.
- Очир А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Анхбаяр Б., Батболд Г. Чинтолгай балгасны судалгаа / Археологические исследования на городище Чинтолгай (отчет об археологических исследованиях на городище Чинтолгай 2004–2007 гг.). Улаанбаатар, 2008.
- Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчон. Улаанбаатар, 1961.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.
- Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008.
- Hüttel H.-G., Erdenebat U. Karabalgasun und Karakorum – zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal. Улаанбаатар, 2009.
- Childe V.G. The Urban revolution // Town Planning Review. №21. 1950.
- Mongolian-German Karakorum-Expedition. Vol. 1. Wiesbaden, 2009 (Bonn Contributions to Asian Archeology, Vol. 2).
- Renfrew C. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium BC (Study in Prehistory). London: Methuen Publishing Ltd., 1972.

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА СИ СЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

А.А. Ковалев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В работах по географии государства Си Ся проблема локализации его северной границы и обустройства северных пограничных земель раскрывается в лучшем случае сугубо конспективно, а чаще всего вообще не затрагивается (Тан Кайцзянь, 1988; Ду Цзяньлу, 1993; Лю Цзюйсян, 1999; Си Ся дили яньцзю, 2002. С. 67–68; Лу Жэньюн, 2001; 2003; Ли Чансянь, 2003; Си Ся тун ши, 2005. С. 653–671; Ян

Жуй, 2008. С. 80–108). До сих пор основным источником по этому вопросу является копия карты «Си Ся ди син ту» (XI в.) (Чжан Цзянь, 1995; Кычанов, 2008). Из значимых выводов, сделанных китайскими и западными историками и археологами, можно отметить только лишь следующие. Центры обозначенных на карте «Си ся ди син ту» трех военно-полицейских управлений северных земель находились, скорее всего, в следующих пунктах: Хэйшуй чжэньянь – в Хэйчэнцзы (Хара-Хото, Алашань-юци хошун) (Нэймэнгу вэньу каогу, 1987; Ши Цзиньбо, Вэн Шаньчжэнь, 1996; Sommarström, 1956; У Жансян, 2005. С. 132–170; Нью Дашэн, 2007. С. 121–123; Чжунго вэньу дитуцзи, 2003. Т. 2. С. 641), Байма цянчжэнь – в крепости Гаююфан (городской округ Линьхэ) (см. разл. позиц. Лу Сысянь, Чжэн Лун, 1987; Тан Кайцзянь, 1988. С. 142–144; Ду Юйбин, 1998. С. 374–379; Ли Чансянь, 2003. С. 110), Хэйшань вэйфу – в крепости Сухай (Урат-цяньци хошун) (Ду Юйбин, 1998. С. 374–379; другое мнение Ли Чан-сянь, 2003. С. 110). Крепость Улахай (Волохай, Оуи-га-са), неоднократно упоминаемая нарративными источниками, находилась к северу от излучины Хуанхэ, вероятно, так назывался центр управления Хэйшань вэйфу (Бао Тун, 1994). Государство Си Ся, скорее всего, владело Алашаньской пустыней, однако западнее, в Заалтайской Гоби, установить пределы тангутских земель не удастся (Бао Тун, 1994. С. 65–67; Сюй Цзюнь, 2000. С. 29–30).

Вопрос о прохождении северной границы Си Ся и обустройстве северных пограничных земель оставался совершенно не изученным до тех пор, пока в 2005, 2007 и 2009 гг. автор настоящей статьи совместно с Д. Эрдэнэбаатаром не провел археологические исследования древних укреплений, расположенных на юге Южногобийского аймака Монголии, а также сравнительное изучение спутниковых снимков Google Earth. Результаты этих изысканий, изложенные в ряде статей, изданных в России, Монголии и Китае (Кэвалёфу, Эрдэнэбатаэр, 2008; Ковалев, 2008; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010; Kovalev, Erdenebaatar, 2010; Кэвалёфу, 2011), показывают:

1. Тангутское государство включало в свои пределы южную часть современной Монголии и накануне нашествия Чингисхана построило здесь пограничную линию длиной около 800 км, включающую длинную стену, укрепленные войсковые лагеря, наблюдательные и сигнальные вышки.

2. Северные пограничные земли Си Ся были заселены скотоводами, соорудившими для своей защиты скальные крепости-убежища.

3. Исходя из открытий нашей экспедиции в Монголии, весьма вероятно, что к западу от реки Эдзин-гол северная граница Си Ся проходила по линии древних ханьских укреплений, дополненных в тангутское время конструкциями из дерева и камыша, ошибочно принятыми О. Стейном за ханьские.

Обследованный нашей экспедицией «Вал Чингисхана», проходящий с запада на восток по территориям Ноён, Баяндалай, Хурмэн, Номгон сомонов (Баасан, 2006. С. 32. Рис. 22), далее на китайской территории продолжается в качестве так называемого северного отрезка внешних укреплений (якобы относящихся к ханьскому времени) (Тан Сяофэн, 1977. С. 18–21. Рис. 5; Чжэн Шаоцзун, 1981. Рис. 2; Оу Янь, 1987. С. 13, Чжунго вэньу дитуцзи, 2003. Т. 1. С. 132–133, 268–269, 272–273) и имеет вместе с ним длину около 850 км. Установлена ошибочность позиции китайских ученых (Гэ Шаньлинь, Лу Сы-сянь, 1984; Чжан Цайфан, Ван Чуань, 1995. С. 107; Чжао Хуачэн, 1995. С. 246–247; Ли Юю, 2001. С. 23–26. Рис. 2), предположивших, что «Вал Чингисхана» – продолжение «южного отрезка» ханьских «внешних укреплений». Этот «южный отрезок», как установлено мною, заканчивается не доходя на западе до китайско-монгольской границы.

Обследованные на территории Монголии участки «Вала Чингисхана» представляют собой невысокую земляную (каменную) насыпь, на большом протяжении которой на высоту до 2 м уложены слои из кустов саксаула и земли. Нашей экспедицией были обнаружены шесть расположенных с юга от «вала» городищ, обнесенных земляными стенами: крепости №3, 4, 5, 9, 11, 12; крепости №1, 2, 6–8, 10 (Монголия) и №13–17 (Внутренняя Монголия) были выявлены мной по спутниковым снимкам Google Earth (сооружения отображены на рис. 1 в соответствии с нумерацией в тексте статьи). Крепости находятся в большинстве не далее 500 м от длинной стены; в плане они почти квадратные, около 120 м в поперечнике, ориентированы в большинстве углами по сторонам света, в восточной или южной стене имеется проем для ворот без дополнительного защитного сооружения. Одна из этих крепостей была в 1957 г. осмотрена Х. Пэрлээ, несколько таких сооружений указаны в его работах со слов информаторов (Пэрлээ, 2001. С. 273; Пэрлээ, Майдар, 1970. С. 30–32).

Очевидно, что все вышеописанные крепости составляют одну систему оборонительных сооружений вместе с длинной стеной. В эту же систему входят башни, сторожевые вышки и форты, обнаруженные нами, а кроме того, форт №9, выявленный на территории Китая (Нэймэнгу цзычжицю, 2011. С. 48). Сторожевые или сигнальные вышки представляют собой каменные насыпи либо площадки на

скальных уступах, окруженные стенками, сложенными небрежной каменной кладкой. Форты сложены в основном из квадр аккуратной кладкой всухую и имеют в плане либо овальную (№1, 4, 6, 9), либо квадратную (№8) форму размерами в плане до 20х20 м.

Для радиоуглеродного анализа в ходе экспедиции 2005 г. в Хурмэн сомоне были взяты образцы дерева из отдельных сооружений. Все эти образцы были исследованы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (см. табл., стр. 1–8).

Радиоуглеродные датировки тангутских сооружений в Южной Гоби
(по данным радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	^{14}C возраст, BP	Интервал калиброванного возраста (68,2%), AD	Интервал калиброванного возраста (95,4%), AD
Крепость №3, коновязь(?)	Le-7515	тополь	1135±20	890–905 915–960	880–990
Крепость №3, колышки из стены	Le-7985	тополь	780±30	1220–1270	1210–1285
Форт №4, шурф, нижний слой	Le-7986	дерево	820±30	1185–1265	1050–1080 1150–1280
Длинная стена, в 4 км к западу от форта №4	Le-7984	саксаул	770±16	1225–1235 1240–1275	1220–1275
Длинная стена около крепости №4	Le-7982	саксаул	690±16	1275–1295	1270–1300 1360–1390
Длинная стена около крепости №4	Le-7983	саксаул	610±20	1300–1325 1340–1365 1380–1400	1290–1400
Длинная стена около крепости №5	Le-7981	саксаул	605±25	1305–1330 1335–1365 1380–1400	1290–1410
Длинная стена около крепости №5	Le-7980	саксаул	620±25	1295–1325 1345–1370 1375–1395	1290–1400
Крепость Булаг	Le-8049	тополь	840±35	1160–1225 1230–1240	1050–1080 1150–1270
Крепость Булаг	Le-8050	тополь	810±35	1213–1271	1162–1174 1180–1281
Крепость Шивээтийн шивээ	Le-8788	тополь	940±25	1030–1060 1080–1160	1020–1160
Крепость Шивээтийн шивээ	Le-8789	тополь	960±25	1020–1050 1080–1150	1020–1160
Крепость Чингисийн хар хот	Le-8942	тополь	915±15	1040–1090 1120–1160	1030–1170
Крепость Чингисийн хар хот	Le-8943	тополь	980±30	1010–1050 1090–1120 1130–1150	990–1160

Исходя из этих данных, оборонительные сооружения «Вала Чингисхана» должны быть отнесены к периоду существования государства Си Ся. Поскольку оборонительная линия предназначалась для защиты от нападения с севера, это сооружение не могло быть построено Ван-ханом или Угэдэй-ханом, как предполагали монгольские ученые (Баасан, 2006. С. 39–43). В более позднее, минское, время китайские войска не могли удерживать столь протяженный рубеж в пустыне, которую они лишь иногда проходили (Покотилов, 1893; Francke, 1949; Ковалев, 2008. С. 107–110).

Результаты нашего исследования опровергают теорию китайских ученых (Ли Юю, 2001. С. 23–26), согласно которой «северный» отрезок является частью «внешних укреплений», построенных гуанлу Сюй Чживэем по приказу ханьского императора У-ди в 102 г. до н.э. (Сыма Цянь, 1996. С. 2916; см. Таскин, 1968. С. 60; Бань Гу, 1997. С. 1620). К «внешним укреплениям гуанлу» следует относить лишь «южный» отрезок, с которым планиграфически можно связать ряд крепостей, на одной из которых – Чаолукулунь – в 1975 г. были проведены раскопки, давшие богатый материал западноханьского времени (Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981). С помощью системы Google Earth автору настоящей статьи удалось выявить 24 крепости, построенные непосредственно у этой «южной» стены с южной стороны; некоторые из них учтены в атласе культурного наследия Внутренней Монголии, некоторые

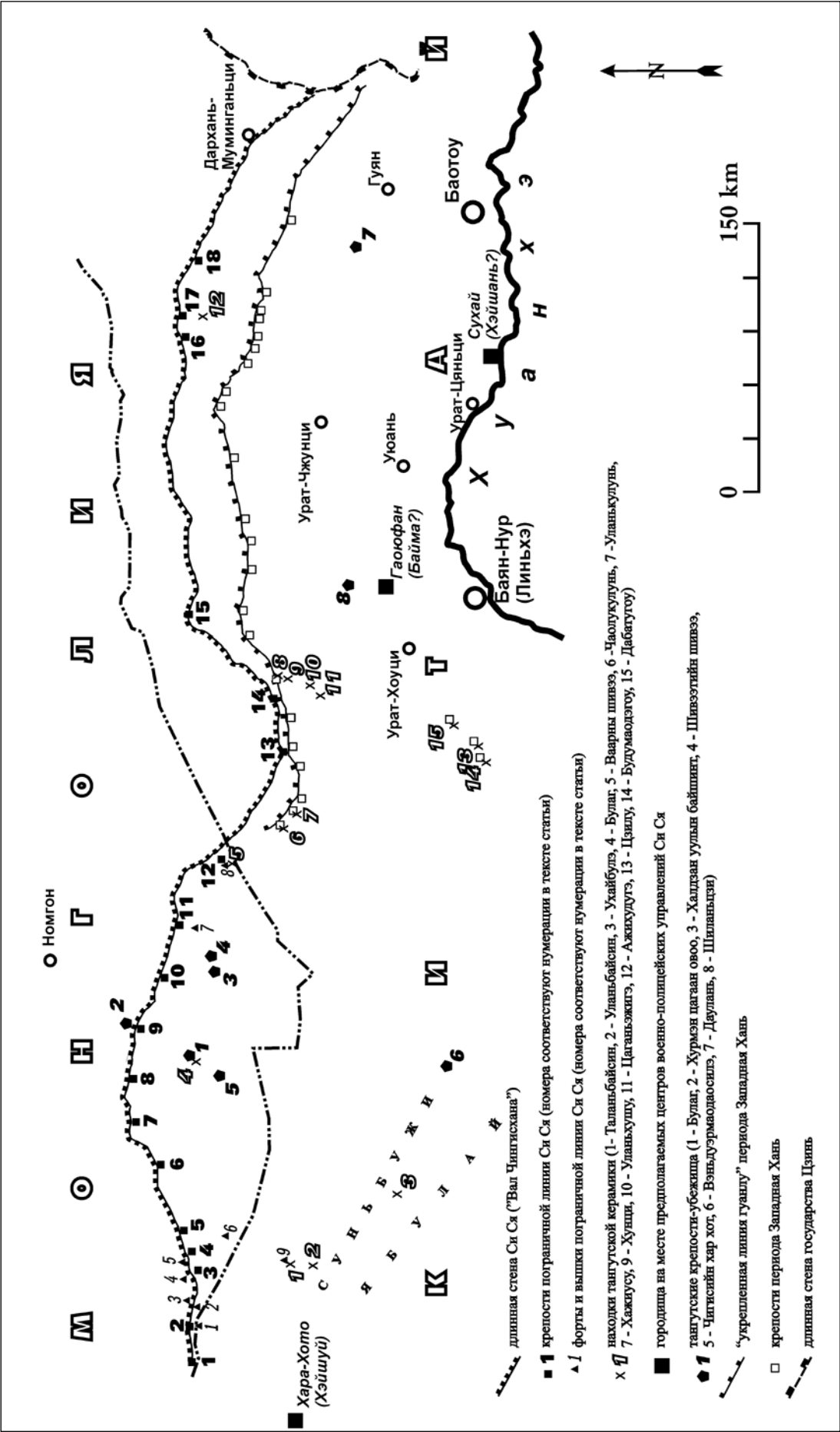

Рис. 1. Карта северных пограничных земель Си Ся

обнаружены впервые (рис. 1). Из этих двадцати четырех крепостей двадцать две (!) построены по единому образцу, подобно крепости Чаолукулунь, однозначно относящейся к ханьской эпохе: они квадратные, имеют размеры в плане около 150х150 м, ориентированы сторонами по сторонам света с отклонением не более 15° и обязательно имеют барбакан («вэнчэн») в форме полукруглой стены, защищающей ворота. Из оставшихся двух одна крепость просто не сохранилась (виден только северо-западный угол). Полукруглый или скобообразный «вэнчэн» имеют многие крепости, относящиеся к ханьской пограничной укрепленной линии на севере и северо-западе (Чжунго гудай цзяньчжу ши, 2003. С. 505; Чжунго каогусюэ, 2010. С. 297). А вот крепостные сооружения, планиграфически связанные с «северным отрезком» («Валом Чингисхана»), никогда не имеют «вэнчэна» и зачастую ориентированы углами по сторонам света. По-иному выглядит и система сигнальных вышек «южно-отрезка».

О присутствии тангутов на «внешних укреплениях» говорят и многочисленные находки тангутской керамики. Фрагменты типичной тангутской керамики с черной глазурью обнаружены нашей экспедицией на крепости-убежище тангутского времени Булак (см. ниже) и в форте №8 (Ваарны шивээ); по сведениям китайских исследователей, такая керамика обнаруживается не только на предположительно тангутских сооружениях, но и на поверхности культурного слоя ханьских укреплений (рис.) (Гэ Шаньлинь, 1995; Чжунго вэньу дитуцзи, 2003, Т. 2. С. 618–619, 626, 634; Ху Яньчунь, Ван Инцзэ, 2007. С. 102–104).

В северной части Алашань-Юци хошуна китайскими исследователями открыты две линии сигнальных вышек: Суньбужи и Ябулай (северная часть), протянувшиеся через пустыню с северо-запада на юго-восток (Чжунго вэньу дитуцзи, 2003, Т. 1. С. 274–275. Т. 2. С. 633). Предлагаемая китайскими исследователями ханьская атрибуция этих вышек выглядит неубедительно. Эти линии расположены вдоль древнего караванного пути от озера Гашун-нур до административного центра Алашаньского аймака. По этому пути, в частности, в 1908 г. проходила экспедиция П.К. Козлова (1948. С. 88–119), направляясь от Хара-Хото к горам Ала-шань (Хэланьшань). На карте «Си Ся ди син ту» показан прямой путь от столицы тангутского государства до административного центра управления Хэйшуй чжэньянь, идущий через горы Хэланьшань и далее через пустыню примерно по линии Ябулай. Восемь географических названий, отмеченных вдоль этого пути, не атрибутированы до сих пор (Си Ся тун ши, 2005. С. 677). Мы вправе предположить, что линии вышек вдоль древнего караванного пути от Хэланьшань до Хара-Хото были сооружены государством Си Ся; эти линии сигнальных вышек могли использоваться для связи с северным рубежом в единой цепи с аналогичными сооружениями, выявленными нами.

О существовании укрепленной северной границы Си Ся свидетельствует в том числе не получившее ранее удовлетворительной интерпретации сообщение цзюани 60 «Юань ши»: «На четвертом году [правления] Тай-цзу [1209 г.] от прохода в заставах, [находящегося] севернее Хэйшуйчэна и западнее Улахая, вторглись в Хэси» (Юань ши, 1976. С. 1452). Учитывая взаиморасположение территории управления Хэйшуй (Хара-Хото) и крепости Улахай (на север от излучины Хуанхэ), только на основании этого сообщения можно было утверждать, что северо-западнее Хара-Хото, в горах на юге современной Монголии, находилась укрепленная пограничная линия тангутского государства, имевшая оборудованные проходы с заставами. Статья 9 главы 4-й тангутских «Новых законов» («Законы года свиньи», 1214–1215 гг.), переведенная Е.И. Кычановым, утверждает, что к этому времени, накануне рокового монгольского нашествия, «на всех границах в глухих отдаленных местах имеются укрепления и сторожевые вышки, а у жителей – старшие и младшие направляющие». Археологические исследования подтвердили достоверность этих записей.

Тангутская атрибуция стен из наваленных кустов саксаула и слоев глины, обследованных нами в Монголии, указывает на необходимость пересмотра казавшейся 100 лет незыблемой ханьской атрибуции деревянных «длинных стен», обследованных в Ганьсу еще Орэлом Стэйном (Stein, 1921. Vol. 2. P. 568–790) и превращенных ныне в объект туристского показа. Эти стены построены по тому же принципу, с использованием связок тростника (уложенных кессонами), целых деревьев (тополя, ивы), слои которых перемежаются с земляными прослойками (У Жэнсян, 2005. С. 48–131). Около этих стен расположены «вышки» или иные сооружения, построенные таким же образом: из земли и древесных слоев (Юэ Банху, Чжун Шэнцзу, 2001. Табл. 15, 19, 20, 27, 30, 31, 37, 42, 43, 46, 47; У Жэн-сян, 2005. С. 47–131. Табл. 28, 29, 41, 51, 55, 61, 74, 77). По моему предположению, подробно обоснованному в последней публикации (Кэвалефу, 2011), все эти постройки созданы тангутами на остатках ханьской укрепленной линии. Оригинальная технология строительства изначально приме-

нялась при постройке дамб, для чего все тангуты, согласно главе «Оросительные каналы» «Кодекса девиза царствования Небесное процветание» (ст. 1128, 1129), должны были сдавать в качестве податей вязанки хвороста и тростника (Измененный и заново утвержденный кодекс, 1987–1989. Кн. 4. С. 91–93).

Наши исследования подтверждают и достоверность сведений «Кодекса девиза царствования Небесное процветание» о заселении пограничных земель Си Ся скотоводческими общинами (Измененный и заново утвержденный кодекс, 1987–1989. Кн. 2. С. 120–121). В ходе работ экспедиции нами были обнаружены и обследованы пять скальных крепостей-убежищ размерами от 120х180 до 250х300 м (рис.), из которых как минимум три были известны информаторам Х. Пэрлээ (Пэрлээ, Майдар, 1970. С. 30–32). Несколько таких крепостей обнаружены на китайской территории. Фотографии и описание крепостей Вэньдзуэрмаодаосилэ (Нэймэнгу цзычжицю, 2011. С. 50) и Даулань (размером 1х1,5 км (!); Гуян Цинь чанчэн, 2007. С. 46–47) опубликованы, они просматриваются на спутниковых снимках Google Earth. Крепость Шиланьцзи размерами в плане 60х80 м, как сообщается (Ху Яньчунь, Ван Инцзэ, 2007. С. 104–105), находится над горным проходом, идущим через горы Ланшань. Каждое из этих сооружений представляет собой сложенную кладкой всухую из плоских камней стену высотой до 2–3 м, идущую по гребню скал, огибающих со всех сторон крупную пологую расселину, ведущую на вершину горы. На краях расселины стена прерывается, образуя вход в укрепление. Стены крепостей с внутренней стороны имеют, как правило, галерею для стрелков, в кладке стен использованы стволы и ветви тополя. С внешней стороны иногда имеются полкруглые пристройки-ячейки.

Около крепостей Хурмэн цагаан обоо и Чингисийн хар хот были выявлены занесенные песком кольцевидные и реже подквадратные каменные выкладки (не менее 18 шт.) диаметром около 4–5 м, сложенные из плитняка и рваного камня в один ряд и один-два слоя с разрывом с юго-восточной стороны, оформленным, как правило, двумя крупными камнями по сторонам. Вероятно, это остатки шатров-палаток скотоводов. На территории крепости Даулань, как сообщается, обнаружены пять выложенных из камня аналогичных стенок. Около десятка таких же структур найдены в пределах крепости Чаолукулунь (Вэй Цзянь, 2007. С. 221. Табл. 9). Учитывая, что верхний культурный слой на этом памятнике относится к тангутскому периоду, можно предполагать, что так же датируются и эти выкладки.

С целью определения дат сооружения каменных крепостей-убежищ для радиоуглеродного анализа были взяты по два образца дерева из кладки стен трех памятников. Все эти образцы исследованы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (см. табл., стр. 9–14).

Даты всех образцов совпадают и относят период сооружения крепостей к XII–XIII вв., что подтверждает предположение об отнесении этих фортификаций к государству Си Ся.

Конструкция вышеописанных каменных укреплений показывает, что они строились как временные убежища для людей и скота в момент вражеского набега. Самостоятельных источников воды и каких-либо стационарных конструкций для ее хранения здесь нет, отсутствует культурный слой, в то же время обширная площадь сооружений и наличие широких пологих входов через расселины говорит о том, что на территорию крепостей предполагалось загонять большое количество скота. Прямых аналогий фортификациям этого типа обнаружить не удалось. Крепости с каменными стенами, идущими по гребню скалы, характерны для Верхнего Тибета; многие из них открыты и описаны в ходе экспедиций Дж. Туччи и Дж.В. Белеццы (Belezza, 2002. Р. 19–44; 2008. Р. 38–56), однако ни одна из них не устроена вокруг расселины, чаще всего стены огибают вершину скалы. Более того, в Тибете не зафиксировано и использование дерева для укрепления каменной кладки.

Кольцевые и квадратные каменные структуры, в поперечнике имеющие размеры около 4 м, выявленные на памятниках Хурмэн цагаан обоо, Чингисийн хар хот, Даулань, Чаолукулунь, можно считать остатками временных жилищ типа шатров либо примитивных юрт на месте стоянок тангутских пастухов. Опыт «срочной археологии» номадов, предпринятый Р. Криббом в отношении современных кочевых племен Западной Азии, показывает, что именно такие конструкции остаются на поверхности земли на месте шатров и палаток кочевников (Cribb, 1991. Р. 85–212). Исследованные в том числе туркменская примитивная палатка-юрта «чатма эв», собранная из прутьев, а также более близкая к классическому образцу юрта «топак эв» с решетками имеют округлую форму и диаметр не более 3–4 м. Как сообщают источники, тангуты могли строить легкие временные хижины либо устанавливать юрты или палатки (Кычанов, 1968. С. 67–68). При этом мы не знаем, какими именно были эти жилища, включая юрты, которые могли быть подобны и туркменским «топак эв».

Библиографический список

- Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание. Издание текста, пер. и прим. Е.И. Кычанова. М., 1987–1989. Кн. 1–4. («Памятники письменности Востока. LXXXI»).
- Ковалев А.А. Великая тангутская стена (к интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Великая стена Чингисхана в Монголии (по материалам экспедиций Музея-института семьи Рерихов 2005 и 2007 годов) // *Nomadic studies*. 2010. Bulletin 17.
- Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 2-е, сокр. изд. М., 1948.
- Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
- Кычанов Е.И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // Е.И. Кычанов. История тангутского государства. СПб., 2008.
- Покотиллов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968.
- Belezza J.V. Antiquities of Upper Tibet. An Inventory of Pre-Buddhist Archaeological Sites on the High Plateau (Findings of the Upper Tibet Circumnavigation Expedition, 2000). Delhi, 2002.
- Belezza J.V. Zhang Zhung. Foundations of Civilization in Tibet. A Historical and Ethnoarchaeological Study of the Monuments, Rock Art, Textes, and Oral Tradition of the Ancient Tibetan Upland. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Denkschriften, 368. Band. Beiträge zur Kultur- und Geistgeschichte Asiens. Nr. 61).
- Cribb R. Nomads in Archaeology. Cambridge, 1991. (New studies in archaeology).
- Francke W. Addenda and Corrigenda // D. Pokotilov. History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty from 1368 to 1634 (Studia Serica. Monographs. Ser. A. No 5. Editors: Wen Yu and W. Francke). T. 1, 2. Chengdu/Peiping, 1949. T. 2.
- Kovalev A.A. Erdenebaatar D. About Chinggis khaan's wall in Mongolia // *Nomadic studies*. 2010. Bulletin 17.
- Sommerström Bo. Archaeological Research in the Edsen-Gol Region Inner Mongolia. Parts I–II. Stockholm, 1956, 1958. (Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under Leadership of Dr. Sven Hedin. VII. Archaeology. 8–9).
- Stein A. Serindia. London, 1921. Vol. 1–4.
- Баасан Т. Чингисийн далан гэж юу вэ? Улаанбаатар, 2006.
- Пэрлээ Х. Өмнөговь, Өвөрхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь (1962 он) // Академич Х.Пэрлээ. Эрдэм шинжилгээний өгүүлэлүүд. Улаанбаатар, 2001. Т. I.
- Пэрлээ Х., Майдар Д. БНМАУ-ын нутаг дэвсгэр дээр байгаа балгас, түүрийн бүдүүвчилсэн зургийн тодой-хойлолт // Монголын хотын гурван зураг / сост. Д. Майдар. Улаанбаатар, 1970.
- Бань Гу. Хань шу (Книга [о династии] Хань) / комм. Янь Шигу. 10-е изд. Пекин, 1997. Т. 1–12.
- Бао Тун. Улахай чэн диван хэ Чэнцзисыкань чжэн Си Ся цзюньши дили си (Локализация крепости Улахай и географический анализ военных кампаний Чингиз-хана против Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1994. №6.
- Вэй Цзянь. Хэтао дицю Чжаньго Цинь Хань сай фан яньцзю (Исследование обороны пограничной линии [периодов] Чжаньго, Цинь, Хань района излучины Хуанхэ) // Бяньцзян каогу яньцзю. Пекин, 2007. Вып. 6.
- Гуян Цинь чанчэн (Длинные стены династии Цинь в Гуяне) / сост. Чжан Хайбинь, Ян Дяньэнь. Хух-Хото, 2007.
- Гэ Шаньлинь. Нэймэнгу си бу дицю Си Ся хэ дансян жэнь дэ вэньу (Древности Си Ся и тангутов в западной части Внутренней Монголии) // Гэ Шаньлинь вэнь цзи (Сборник трудов Гэ Шаньлиня). Харбин, 1995.
- Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь. Чаогэ ци Чаолукулунь Хань дай ши чэн цзи ци фуцзиньдэ чанчэн (Каменная крепость ханьского времени Чаолукулунь в аймаке Чаогэ и длинная стена поблизости от нее) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981.
- Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь. Нэймэнгу цзин нэй Чжаньго Цинь Хань чанчэн ицзи (Руины длинных стен [периодов] Чжаньго, Цинь, Хань в границах Внутренней Монголии) // Нэймэнгу вэньу цзыляо сюйцзи (Публикация серии материалов по культурному наследию Внутренней Монголии). Хух-Хото, 1984.
- Ду Цзяньлу. Си Ся яньбянь баочжай шу лунь (Обзор укрепленных пунктов в пограничной полосе Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1993. №5.
- Ду Юйбин. Си Ся бэй бу бяньфан ю гу чэн (Оборона границ северной части Си Ся и древние крепости) // Шоуцзе Си Ся сюэ гоцзи сюэшу хуйи луньвэнь цзи (Сборник трудов Первой международной научной конференции по изучению Си Ся). Иньчуань, 1998.
- Кэвалёфу А.А. Шифоу ю кэнэн Хань Хэси чанчэн бэй данцзо Си Ся сай цян шиюн (Могла ли ханьская длинная стена в Хэси использоваться в качестве пограничной стены Си Ся) // Сычоу чжи лу шан дэ каогу, цзунцзю ю лиши (Археология, религия и история Шелкового пути). Пекин, 2011. (Книжная серия Института культурного наследия и археологии Нинся. Вып. 19).
- Кэвалёфу А.А., Эрдэнэбаатар Д. Мэнгу го Наньгэби шэн Си Ся чанчэн ю Хань Шоусянчэн югуань вэньти дэ цзай таньгао (Вновь предпринимаемое исследование вопросов, относящихся к длинным стенам Си Ся и ханьской крепости Шоусянчэн в Южногобийском аймаке Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2008. №2.
- Ли Юю. Чжунго бэйфан чанчэн каои (Обзор исследований длинных стен Северного Китая) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. №1.

Ли Чансянь. Си Ся цзянью ю чжэнцзю као шу (Сводное исследование территории и административных районов Си Ся) // Лиши дили (Историческая география). Шанхай, 2003. Вып. 19.

Лу Жэньюн. Си Ся цзяньлаосы као (Исследование военно-полицейских управлений Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 2001. №1.

Лу Жэньюн. Си Ся дэ цзяньюй хэ бяньцзе (Территория и границы Си Ся) // Нинся дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуй кэсюэ бань). (2003 г.). Т. 25, №1.

Лу Сысянь, Чжэн Лун. Нэймэнгу Линьхэ сянь Гаоюфан чуту дэ Си Ся цзинь ци (Золотые предметы [относящиеся к государству] Си Ся, раскопанные в Гаоюфан, уезд Линьхэ, Внутренняя Монголия // Вэньу. 1987. №11.

Лю Цзюйсян. Си Ся цзяньюй яньцзю (Исследование территории Си Ся) // Сун ши яньцзю луньвэнь цзи (Сборник статей по истории [династии] Сун) / ред. Ци Ся, Ван Тяньшунь. Иньчуань, 1999.

Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо, Алашань мэн вэньу гунцзочжань (Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии, Станция охраны культурного наследия Алашань аймака). Нэймэнгу Хэйчэн каогу фацзюэ цзюя (Важнейшие сведения об археологических раскопках крепости Хэйчэн во Внутренней Монголии) // Вэньу. 1987. №7.

Нэймэнгу цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча синь фасянь (Новые открытия в Автономном районе Внутренняя Монголия в ходе третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия) / Нэймэнгу цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча линдао сяоцзю баньгунши бянь (Канцелярия президиума проведения третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Автономном районе Внутренняя Монголия). Пекин, 2011.

Ню Дашэн. Си Ся ицзи (Памятники Си Ся). Пекин, 2007. (20 шицзи Чжунго вэньу каогу фасянь ю яньцзю цуншу (Книжная серия по археологическим раскопкам и исследованиям культурного наследия Китая в XX в.).

Оу Янь. Во го цзао ци дэ чанчэн (Длинные стены раннего периода [существования] нашего государства // Бэйфан вэньу. 1987. №2.

Си Ся дили яньцзю (Исследования по географии Си Ся) / под ред. Ван Тяньшунь. Ланьчжоу, 2002. («Книжная серия по исследованиям Си Ся»).

Си Ся тун ши (Общая история Си Ся) / ред. Ли Фаньвэнь. Иньчуань, 2005.

Сыма Цянь. Ши цзи (Записи историка) / комм. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ. 14-е изд. Пекин, 1996. Т. 1–10.

Сюй Цзюнь. Си Ся жогань чэнсай диван яньцзю шуяо (Очерк исследований по локализации некоторых крепостей и пограничных укреплений Си Ся) // Сибэй ди эр миньцзусюэ юань сюэбао (чжэшэ бань). 2000. №1.

Тан Кайцзянь. Си Ся цзяньлаосы чжусо бяньси (Детальный анализ локализации военно-полицейских управлений Си Ся) // Лиши дили (Историческая география). Шанхай, 1988. Вып. 6.

Тан Сяофэн. Нэймэнгу сибэй бу Цинь Хань чанчэн дяоча цзи (Записи о разведке длинных стен [периодов] Цинь-Хань в северо-западной части Внутренней Монголии // Вэньу. 1977. №5.

У Жэнсян. Хэси Хань сай дяоча ю яньцзю (Обследование и изучение ханьской укрепленной пограничной линии в Хэси). Пекин, 2005.

Ху Яньчунь, Ван Инцзэ. Баяньнаоэр ши Цинь чанчэн дяоча (Обследование циньских длинных стен в городском округе Баян-нур) // Гуян Цинь чанчэн (Длинные стены династии Цинь в Гуяне) / сост. Чжан Хайбинь, Ян Дяньэнь. Хух-Хото, 2007.

Чжан Цайфан, Ван Чуань. Си Хань чанчэн дэ сюшань цзи ци ии (Восстановление западноханьских длинных стен, а также их значение) // Чанчэн гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сборник трудов международной научно-исследовательской конференции по длинным стенам). Чанчунь, 1995.

Чжан Цзянь. Си Ся цзи ши бэнь мо. Ланьчжоу, 1995.

Чжао Хуачэн. Чжунго цзао ци чанчэн дэ каогу дяоча ю яньцзю (Археологические разведки и исследования длинных стен раннего периода [существования] Китая // Чанчэн гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сборник трудов международной научно-исследовательской конференции по длинным стенам). Чанчунь, 1995.

Чжунго вэньу дитущи. Нэймэнгу цзычжи цю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия) / Чжунго вэньу цзюй (Управление культурного наследия Китая). Сиань, 2003. Т. 1–2.

Чжунго гудай цзяньчжу ши (История древней архитектуры Китая) / сост. Лю Сюцзе. Пекин, 2003. Т. 1.

Чжунго каогусюэ. Цинь Хань цзюань / Лю Цинчжу, Бай Юньсян чжубянь; Чжунго шэхуй кэсюэ юань каогу яньцзюсо бяньчжу (Археология Китая. Цинь-Хань / под ред. Лю Цинчжу, Бай Юньсян; Институт археологии Академии общественных наук Китая). Пекин, 2010.

Чжэн Шаоцзун. Хэбэй шэн Чжаньго, Цинь, Хань шици гу чанчэн хэ чэнчжэн ицзи (Руины древних длинных стен и крепостных сооружений периодов Чжаньго, Цинь, Хань в провинции Хэбэй) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981.

Ши Цзиньбо, Вэн Шаньчжэнь. Эцзина ци Лучэн синь цзянь Си Ся вэньу као (Исследование вновь обнаруженных памятников культуры Си Ся в Лучэн, Эдзин хошун) // Вэньу. 1996. №10.

Юань ши (История [династии] Юань) / сост. Сун Лянь и др. Пекин, 1976.

Юэ Банху, Чжун Шэнцзю. Шулэхэ лю Хань чанчэн каооча баогао (Отчет о детальном обследовании ханьских длинных стен по течению реки Шулэхэ) / Ганьсу шэн вэньу цзюй бянь (Бюро культурного наследия провинции Ганьсу). Пекин, 2001.

Ян Жуй. Си Ся дили яньцзю – бяньцзян лиши дили сюэ дэ таньсо (Исследования по географии Си Ся – историко-географические разыскания в отношении пограничных районов). Пекин, 2008.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА ХЭРМЭН-ДЭНЖ
В МОНГОЛИИ В 2010–2011 гг.**

**Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев, А. Очир, С.Е. Саранцева,
С.А. Васютин, Е.В. Ковычев, Л. Эрдэнэболд**

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;
Забайкальский государственный университет, Чита;*

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;

Международный институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Улаанбаатар, Монголия

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Монголия (проект №11-21-03001-а(м))
и совместного гранта СО РАН и ДВО РАН (проект №12-П-СО-11-031)

Городище Хэрмэн-дэнж – наиболее яркое фортификационное сооружение киданей в Монголии. Впечатляющее впечатление производят как стены, башни и рвы городища, так и удивительно точно выбранное место. Город максимально точно вписан в естественный рельеф. С западной и восточной сторон город защищают овраги, а с юга он выходит к реке. По форме городище представляет собой трапецию, ориентированную длинными расширяющимися к югу сторонами по линии ЮЮЗ–ССВ. Как и все киданьские городища, город разделен на северную и южную части. Северная часть имеет четкую планировку. На ее территории выделены разнообразные объекты, а также две улицы – главная, проходящая на линии С–Ю, и восточная, идущая от условного центра, на восток. На городище имеется семь башен, сильно выдвинутых наружу, подобно бастионам. С запада к городу пристроен посад размером примерно 700х700 м, окруженный невысоким валом. Перед восточным валом также расположен открытый посад – различные всхолмления, обвалованные участки.

Исследования на городище и в районе его окрестностей велись на протяжении двух сезонов в 2010–2011 гг. На самом городище были заложены два раскопа и траншея общей площадью 120 кв. м. Первый основной раскоп (№2) был разбит в северной части городища на краю квартала рядом с главной улицей. Через улицу была проложена траншея для изучения стратиграфии. Второй небольшой раскоп (№3) был заложен в южной части городища на краю обвалованной площадки (предположительно здания, покрытого черепицей) для изучения стратиграфии и получения черепичного материала. В результате исследований было получено большое количество артефактов, которые представлены различными категориями: керамикой, фарфоровой и глазурованной посудой, строительными материалами – кирпичом и черепицей, изделиями из камня, железа, бронзы и кости.

Керамика является наиболее массовым материалом. Отметим, что все сосуды сделаны на гончарном круге. В силу большой фрагментированности сосудов пока удается выделить только отдельные их формы. В частности, в материалах раскопок встречены киданьские кухонные горшки с цилиндрическим, слегка расширяющимся кверху туловом, слабо выраженной шейкой и вогнутым дном, сделанные из грубой глины с примесью песка. В раскопе 2, в квадрате d-5 на уровне 5 пласта сектора II был найден миниатюрный сосуд, являющийся моделью киданьского кухонного горшка. Сосуд приземистый и широкий. На венчике есть два слабо выраженных валика. По нижнему валику и по тулову под ним проходит цепочка клиновидных насечек. Высота сосуда 4,4 см, диаметр венчика 5,5 см, дна – 3,3 см. Два целых киданьских кухонных горшка и их фрагменты найдены в хозяйственных ямах №8 и 9 этого же раскопа (рис. 1.-1–2). Их высота от 15,3 до 21 см. Стенки горшков покрыты слоем нагара. Большинство сосудов имеют вариации того же декора, что и на миниатюрном горшке. Так, у одного из горшков не только валики на венчике и тулове, но и верхняя плоскость венчика покрыты клиновидными оттисками штампа в виде зубчатого колесика. Интересен фрагмент верхней части кухонного горшка из ямы №8. Его поверхности и черепок красно-бурые с мелкими частицами белого камня и золотистыми крупными слюды. Венчик утолщен с выступающим внутрь сосуда ребром, скошенной внутрь верхней плоскостью и широким уплощенным валиком снаружи. Под венчиком на стенках нанесены две волнистые линии прочерченного орнамента (рис. 1.-4). Ранее горшки с таким орнаментом были встречены на городище Чинтолгой-балгас. Целый сосуд, близкий к сферическим, найден на уровне 9 пласта в яме №2 этого же раскопа. Он имеет округлое тулово с наибольшим расширением в верхней трети высоты и трубчатый, завернутый внутрь венчик непосредственно на плечиках без шейки. На плечиках и венчике есть горизонтальное лощение. В месте перегиба плечиков и на экваторе тулова есть по ряду треугольных оттисков штампа в виде зубчатого колесика. На нижней части тулова – ряды накатки клиновидных оттисков роликового штампа. Дно вогнутое. Сосуд имеет темно-серый цвет, в глиняном тесте есть час-

тицы белого камня. Высота 17,4 см, диаметр венчика 21,2 см, диаметр тулова 25 см, диаметр дна 15 см (рис. 1.-5). Из других форм различимы вазовидные сосуды с цилиндрической, слегка расширяющейся кверху шейкой, украшенной вертикальными лощеными линиями. Также встречены и вазовидные сосуды с горизонтальными лощеными линиями на тулове и шейке.

Крупные корчаги сделаны с трубчатыми венчиками. На фрагменте таза или чана стенка снаружи имеет горизонтальные лощеные полосы. Ниже – двойной ряд треугольных оттисков, а под ним – полосы клиновидных оттисков роликового штампа. Внутренняя поверхность украшена широкой горизонтальной полосой зигзага из лощеных линий. К чанам близка по форме пароварка, фрагменты которой найдены в яме №2 раскопа 2 на уровне 9 пласта. Сосуд имеет отогнутый горизонтально

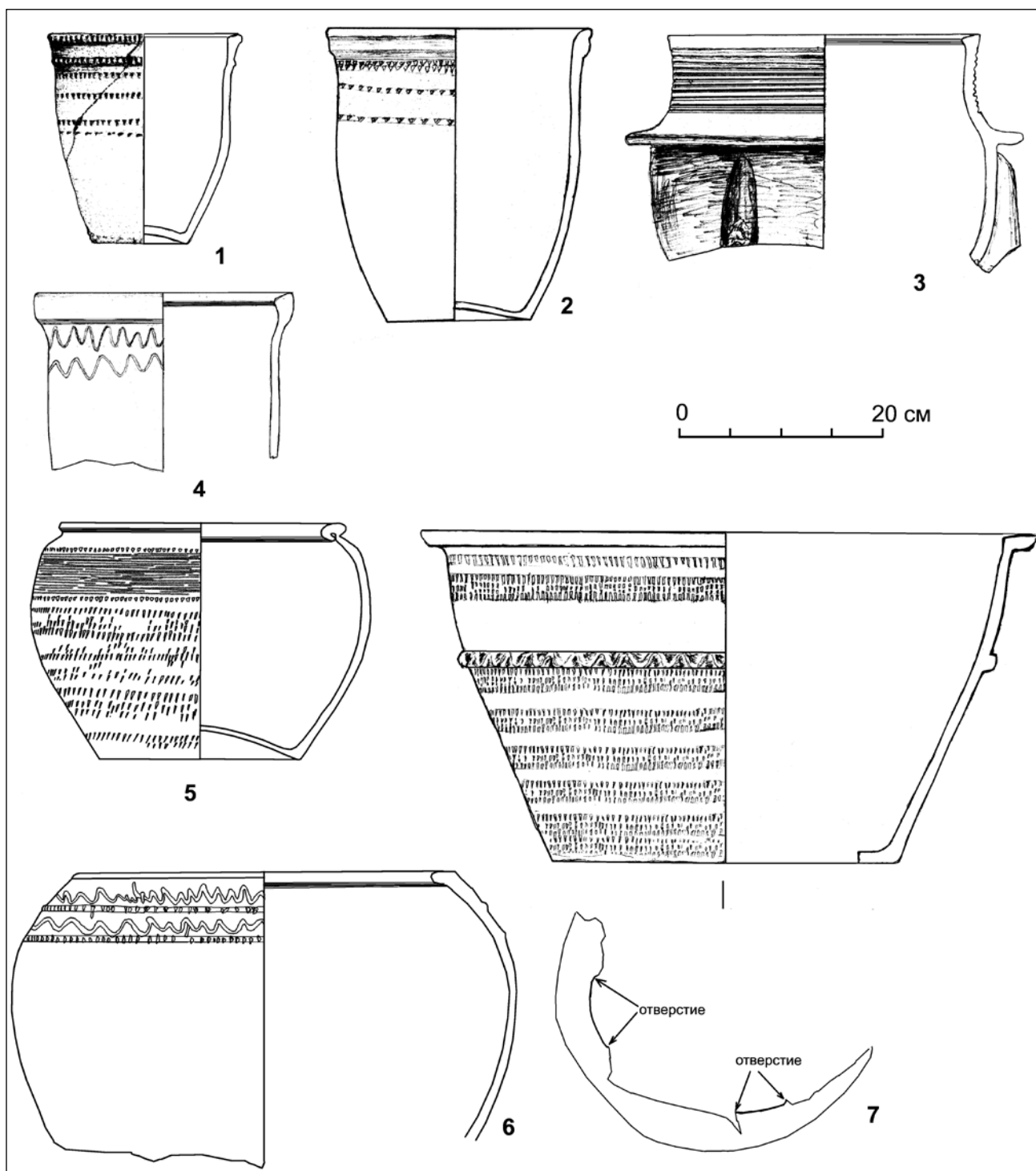

Рис. 1.

наружу венчик. Экватор тулова приходится на последнюю четверть высоты. После экватора стенки тулова становятся почти вертикальными. Под венчиком есть ряд треугольных оттисков штампа в виде зубчатого колесика. Ниже – полоса клиновидных оттисков роликового штампа. Чуть ниже экватора тулова есть валик с пальцевыми защипами. Ниже валика – шесть полос клиновидных оттисков роликового штампа. На дне, вдоль его края, располагались овальные отверстия длиной около 5,5 см. На фрагменте отмечены следы двух таких отверстий. Наружная поверхность пароварки темно-серая со следами нагара. Тесто серое с частицами камня до 3 мм длиной. Диаметр венчика 55,5 см, высота 24,2 см, диаметр дна 25,4 см (рис. 1.-7).

Довольно распространены глиняные котлы, по форме повторяющие котлы из чугуна и бронзы. Встречены фрагменты тулова, венчиков, горизонтальных колец и ножек. Наиболее крупный фрагмент глиняного котла происходит из квадрата g-10 на уровне 3 пласта сектора IV раскопа 2. Котел имел вертикальные стенки сужающегося кверху устья, покрытые снаружи горизонтальными параллельными бороздами, и горизонтальное кольцо на экваторе тулова. По примыкающему сверху к кольцу участку стенки и по верхней плоскости кольца проходит орнамент в виде двух прочерченных волнистых линий. На внутренней поверхности стенки в районе кольца есть идущие через равные промежутки вертикальные продолговатые вдавления – следы крепления тулова с горловиной и горизонтальным кольцом. На венчике и кольце есть густой черный нагар. Диаметр венчика 25,5 см, диаметр кольца – 34 см. Котел с таким орнаментом не единственный – встречены фрагменты другого котла с волнистым орнаментом на кольце. Котел с таким же декором был найден в 2009 г. в ходе раскопок городища Эмгэнтйин-хэрэм, а также декорированный таким же образом котел есть среди материалов раскопок гончарной печи близ городища Чинтолгой-балгас, проводившихся японо-монгольской экспедицией. Котел подобной формы, но без волнистого прочерченного орнамента найден в яме №2 на уровне 9 пласта раскопа 2. Диаметр венчика по внутреннему краю 20 см. Диаметр горизонтального кольца 26,6 см (рис. 1.-3). Большой фрагмент котла без придонной части встречен в кв. j-4 на уровне 5–6 пластов этого же раскопа. Этот сосуд имеет сферическое тулово без горизонтального кольца. Венчик утолщен и обращен своим краем внутрь, к центру устья. На покатых плечиках есть два валика, идущие параллельно и покрытые оттисками зубчатого колеса. Между валиком и венчиком и между двумя валиками есть прочерченный орнамент в виде зигзага или волнистой линии. Диаметр венчика 28,5 см, наибольший диаметр тулова 37,2 см (рис. 1.-6).

Несколько фрагментов относятся к довольно оригинальным сосудам. Один из них – верхняя часть известного по материалам городища Чинтолгой-балгас сосуда-столика. Она представляет собой хорошо залощенную вогнутую поверхность, деленную на зоны вертикальными валиками. Другой фрагмент – вертикальная стенка сосуда с прямоугольными вырезами. Скорее всего, он относится к сосуду-столику либо поддону. Встречено и основание такого поддона, украшенного в нижней части валиком с пальцевыми защипами.

Вся перечисленная керамика вполне соответствует набору посуды с других лясских городищ, в первую очередь, городища Чинтолгой-балгас. Однако в раскопах встречена и не характерная для лясской посуды керамика. Для примера приведем фрагменты из квадратов a-2 и b-2 на уровне 4 пласта в секторе I раскопа 2. Характерные черты этой керамики – наличие орнамента в виде прочерченных гребенкой либо оттиснутых штампом параллельных косых пересекающихся линий, оконтуренных сверху и снизу такими же горизонтальными линиями. При этом на внутренней стенке имеются группы выпуклых точек диаметром 2–3 мм. Именно такая керамика без примеси лясской была собрана на памятниках Хэрмэн-дэнж-2 и Хэрмэн-дэнж-3. Возможно, что к лясской керамике относится и найденный в раскопе 2 сосуд в виде мелкой миски с сильно наклоненными наружу стенками и следами налепа 7 ножек. Диаметр его венчика 40 см.

Фарфоровая посуда представлена семью фрагментами, пять из которых найдены в раскопе. Все они покрыты белой глазурью и имеют фарфоровый черепок разного качества. На фрагменте дна чаши с кольцевым поддоном есть след ножки подставки, использовавшейся при обжиге. Выделяется встреченный на поверхности городища венчик чаши типа *инцин* из печей Южного Китая, имеющий прозрачную глазурь с голубым оттенком и подглазурный растительный орнамент. Обращает на себя внимание ничтожное по сравнению с городищем Чинтолгой-балгас количество фрагментов фарфоровой посуды.

Гораздо больше встречено фрагментов глазурованной посуды, преимущественно бутылей из «корчажного» фарфора – с тонкокаменным черепком, покрытых оливковой разных оттенков глазурью. Сохранившееся дно такой бутылки (пласты 1–3 раскопа 2) имеет диаметр 6,5 см, придонная часть и дно

снаружи не имеют глазурного покрытия. Внутри, наоборот, только дно и примыкающие к нему части стенок покрыты глазурью.

Из строительных материалов в раскопе 2 найдены три целых и несколько фрагментов кирпичей из серой глины с включением частиц камня до 1 см диаметром. Два целых кирпича на одной из широких граней имеют следы уплотнения в виде прямоугольных оттисков, покрытых параллельными бороздами – отпечатками веревки. Размеры их 35х16,2х5,5 и 35,3х16,2–16,4х6,0–6,2 см. Подобные кирпичи встречены на городище в виде подъемного материала. У третьего кирпича одна из его широких поверхностей покрыта слегка дугообразными параллельными оттисками веревки. Создается впечатление, что этот кирпич уплотнялся обмотанным веревкой прижатом к нему сверху валиком. При этом сам кирпич лежал в форме на вращающемся круге. Его размеры 36х16,2х6,4 см. Подобный целый кирпич размерами 34,2х17х6,4 см был подобран на поверхности городища.

Черепица, обнаруженная на городище, представлена, в основном, фрагментарно. Она различных оттенков серого, иногда бледно-коричневого цвета. На поверхностях и в свежих изломах зафиксированы частицы биотита и песка более темного, чем тесто, цвета. Техника производства черепицы находится в русле дальневосточной традиции: она была изготовлена на шаблонах двух видов, покрытых тканью посредством составления и уплотнения глиняных лент. Ткань, покрывавшая шаблоны, – плотная, простого полотняного переплетения, часто имела сильно изношенный вид, была рваной, со следами ремонта и ее подгонки на шаблоне в виде швов. Более подробно черепица будет проанализирована в специальной работе.

Изделия из камня представлены фрагментами жерновов, точильными камнями, камнями с отверстиями – пестами или подпятниками, ступой и украшением – бусиной. Среди железных предметов есть чугунные втулки ступиц тележных колес, ножки котлов и фрагмент плужного лемеха, а также железные наконечники стрел, фрагменты гвоздей, цепочка из двух звеньев. Бронзовые изделия представлены фрагментом пластины и монетами. Найдены две танские монеты Кай-юань тунбао (621 г. – начало Х в.) и северосунская Тянь-си тунбао (1017–1021 гг.). Из костяных изделий найдены игральные альчики. Среди них встречены 2 экземпляра с орнаментом в виде сетки и параллельных коротких насечек, также один альчик имеет вбитый в него железный стержень. В боковых лопастях двух экземпляров просверлены отверстия. Кроме того, найдены пиленый рог и фрагмент рогового псаля с прорезанным продольным отверстием и боковым отверстием со следами пришлифовки от ремня.

Особый интерес вызывает находка костяной щетки, напоминающей современную зубную щетку, в кв. h-1 на уровне 5 пласта раскопа 2. Состоит из овального в сечении стержня-ручки и несколько более широкой рабочей головки. Поверхность головки плоская. Вся поверхность щетки тщательно отполирована. На плоскости головки попарно в два ряда расположены 14 вертикальных отверстий-каналов. С торца головки просверлено глубокое отверстие, соединяющее нижние части вертикальных отверстий. Ручка обломлена. Длина фрагмента 12,8 см. Такие же щетки неоднократно встречались в ходе раскопок городища Чинтолгой-балгас. Пока единственной в своем роде является находка костяного пряслица, вырезанного из эпифиза большой трубчатой кости. Также в раскопе 2 найдены 14 «фишек» – кружочков диаметром 3,6–4,9 см, изготовленных из стенок сосудов (8 шт.) и черепицы (6 шт.). Одна из «фишек» (раскоп 2, сектор II, квадрат а-7, пласт 2) сделана из стенки сосуда с «уйгурским» орнаментом в виде нанесенных штампом вписанных друг в друга ромбов.

В целом полученные в ходе раскопок материалы вполне соответствуют вещевым комплексам с других лясских городищ в Монголии, но при этом также демонстрируют примесь более ранних материалов, очевидно, происходящих из нижних слоев памятника.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ АЗАК И КОЧЕВНИКИ. ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ В ГОРОДСКУЮ ЖИЗНЬ И ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ ГОРОДА

А.Н. Масловский

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов, Россия

Проблема взаимодействия городов и кочевников является одной из ключевых тем в исследованиях по истории Золотой Орды. К сожалению, многое в научных работах на эту тему построено на умозрительных построениях. Ощущается явный недостаток фактической информации. Азак, на территории которого на настоящий момент исследовано свыше 200 раскопов, как раз дает возможность установить

роль кочевников в истории конкретного золотоордынского города. Автор уже обращался к данной теме (Масловский, 2006). К сожалению, статья, написанная для сборника материалов конференции, до сих пор не опубликована.

За последние несколько лет на территории восточных районов Азака, в зоне расселения выходцев из кочевой среды, неоднократно производились раскопки, которые предоставили в наше распоряжение большой массив информации, позволяющей проверить ранее сделанные выводы и существенно их дополнить.

Во-первых, новые данные подтвердили высказанные предположения о проживании выходцев из степей в восточных районах города, возникших во втором десятилетии XIV в. Во-вторых, подтвердилась положительная корреляция между находками онгонов, высоким процентом костей лошади в кухонных остатках и погребениями кочевников в пределах одного раскопа. В-третьих, подтверждается факт чересполосного расселения бывших кочевников и других этнических групп. Вместе с тем по ряду вопросов фактологическая база существенно дополнилась.

Наибольший объем информации был получен при раскопках на ул. Привокзальной, 12Б в 2008 г. Здесь был изучен квартал, по всей видимости, заселенный большей частью бывшими кочевниками и существовавший в 1310–1360-е гг. С учетом данных предыдущих раскопок в нашем распоряжении оказывается весьма полная картина жизни данного района. Вероятно, основным занятием здешних жителей был выжиг древесного угля, для чего использовались небольшие по объему ямные горны, которые использовались неоднократно. Помимо этого, отмечены следы обработки железа и литейного производства. В 1990 г. был найден также жернов от ветряной мельницы. Кроме того, один из жителей, по всей видимости, был виноторговцем. В 1990 г. на соседнем раскопе было обнаружено клеймо для скота с тамгой дома Бату, что позволяет предполагать проживание, хотя бы и временное, в этом квартале представителей улусной администрации. В целом имущественный достаток обитателей данного района был заметно выше, чем в среднем у выходцев из кочевой среды в г. Азаке. В бытовом отношении обитатели квартала мало чем отличались от остальных горожан, но все же отличия имелись.

Было исследовано 10 жилищ, которые относятся к трем строительным периодам. Все исследованные жилища были землянками. Несмотря на экстремальные условия работы во время раскопок, можно уверенно утверждать, что юртообразные жилища отсутствовали даже в начале заселения района. Наиболее ранние – землянки подквадратной формы (3,5х3,5 м) без выделенного тамбура со столбовой конструкцией. Позже обитатели квартала переходят на обычные для Азака типы подпрямоугольных крупных землянок с дощатой обшивкой стен и выделенными входами тамбурами. Однако только в двух жилищах были зафиксированы обычные для горожан Азака тандыры. В остальных жилищах обнаружены только очаги округлой или овальной формы. Это самое яркое проявление кочевнических традиций в быту жителей квартала.

Керамический комплекс, использовавшийся на территории данного квартала, почти не отличается от среднегородского набора. Наиболее заметным отличием является большой процент амфор местного производства, во все время жизни здесь. В других районах города амфоры местного производства бытовали эпизодически. На многих найденных сосудах отмечено граффити в виде несколько упрощенной тамги дома Бату.

Среди предметов, говорящих о принадлежности жителей квартала к числу бывших кочевников, найдены три медных онгона (рис. 1.-14–16), предметы конского снаряжения, в том числе архаичные удила с псалиями, обувные подковки, не характерные для горожан в целом.

Особый интерес представляет одиночное грунтовое погребение кочевника (рис. 1.-1–13). О его принадлежности к миру кочевников говорит наличие разнообразного инвентаря, среди которого обычный для подкурганых степных погребений, набор вещей (стремена, удила, кресало, наконечник стрелы). О его принадлежности к числу горожан говорят два уникальных орнаментированных костяных сосуда ремесленного производства и костяная пуговица, также выточенная на токарном станке.

Суммируя данные, полученные на большом числе участков, следует констатировать, что на долю пришедших в город степняков доставалась по преимуществу наиболее тяжелая и малооплачиваемая работа.

Среди материалов, обнаруженных на других раскопах, отметим еще два онгона. Один из них интересен тем, что это первая находка онгона на территории богатой усадьбы. При этом усадьба принадлежала человеку, переселившемуся в Азак из городов Нижнего Поволжья. Второй онгон найден на участке, где зафиксировано второе по числу останков братское захоронение людей, убитых во время «великой замятни» (рис. 1.-17). Здесь расчищены остатки порядка 40–50 человек. Примерно две тре-

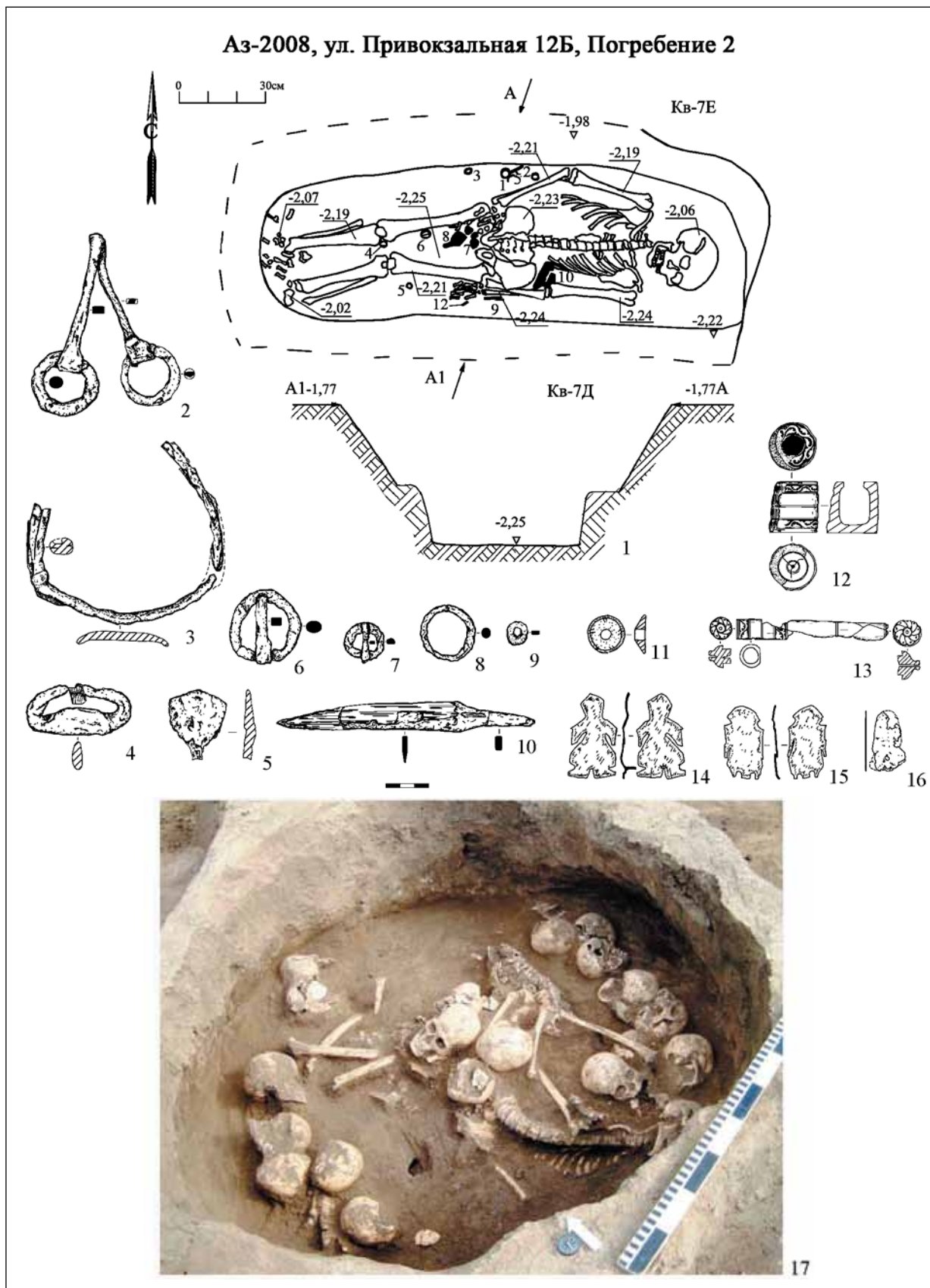

Рис. 1. 1 – погребение 2. План (ул. Привокзальная, 12Б, 2008 г.); 2–13 – инвентарь погребения 2 (2 – железные удила, 3 – железное стремя, 4 – железное кресало, 5 – наконечник стрелы, 6, 7 – железные пряжки, 8, 9 – железные кольца, 10 – железный нож, 11 – костяная пуговица, 12, 13 – костяные сосудики); 14–16 – онгоны (14 – Я-44, 15 – Я-24, 16 – Я-1); 17 – братское захоронение (ул. Ленинградская, 114, 2011 г.)

ти из них дети. Как и в других случаях, значительная часть костяков фрагментирована. Эти комплексы уже становились предметом отдельных исследований (Масловский, 2009; Масловский, Фомичев, 2004). Данное захоронение представляет особый интерес тем, что с ним связан клад из трех дирхемов, младший из которых отчеканен в 770 г. Это подтверждает предложенную ранее датировку наиболее масштабной резни – 1370 г. (Масловский, Фомичев, 2004. С. 500). На настоящий момент большая часть останков из братских захоронений определена антропологами. По информации Е.Ф. Батиевой, среди жертв резни значительно выше процент монголоидности, чем среди обычного городского населения. Большинство из братских захоронений зафиксировано в восточных районах города, где проживали бывшие степняки. Причем погромы здесь не были однократными. Квартал в районе современной улицы Привокзальной был полностью уничтожен еще до 1370 г.

Из этого можно сделать вывод, что именно осевшие в городе кочевники из-за своих клановых связей были основными жертвами погромов. Но, конечно, жертвами становились не только они. Поэтому можно говорить о том, что наличие значительного – количественно – кочевого по происхождению населения в городе стало для Азака очень большим дополнительным фактором риска и, несомненно, усугубило урон от многолетней уособицы.

Библиографический список

Масловский А.Н. Кочевники в золотоордынском Азаке // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: мат. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000 гг.). М., 2006.

Масловский А.Н. Влияние «Великой замятни» 1360–1370-х гг. на судьбу городов Золотой Орды (на примере Азака) // Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации: мат. I междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009.

Масловский А.Н., Фомичев Н.М. О дате побоища в Азаке времени «великой замятни» в Орде // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 2004. Вып. 20.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, СКОТОВОДСТВО И ПРОМЫСЛЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Л.Ф. Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках экспедиционного проекта «Комплексное исследование Багаевского селища» (проект №12-01-18005е)

Традиционно Улус Джучи оценивался историками как кочевое государство со слабо развитым земледелием. В свете новых археологических данных это мнение представляется неверным.

На поселениях Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское-I и Широкий Буерак в Нижнем Поволжье (Саратовский район Саратовской области) в ходе раскопок автора в 2001–2003 гг. впервые на золотоордынских памятниках была проведена флотация культурного слоя и заполнения исследованных сооружений. Анализ был проведен в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН старшим научным сотрудником, кандидатом исторических наук Е.Ю. Лебедевой. На поселении Широкий Буерак было обнаружено 209 определимых зерен культурных растений, на Багаевском селище – 370 зерен, на поселении Колотов Буерак – 20 зерен, на Хмелевском I селище – 15 зерен. На поселениях Широкий Буерак, Багаевское и Хмелевское-I отмечены находки колосовых фрагментов – следов обмолота злаков; таким образом, удалось документировать факт возделывания культурных растений на месте населением исследованных памятников, а значит, и исключить версию об импортном характере зерна, так как необмолоченное зерно не транспортировалось на продажу. Нельзя не учитывать культурно-хронологическое и территориальное единство исследованных нами памятников, поэтому корректно говорить о едином палеозотоботаническом комплексе 2-й половины XIII – XIV в. Зафиксированное абсолютное преобладание в образцах проса (53,4% всех остатков культурных растений), превосходящего рожь (20,1%), пшеницу (19,6%), ячмень (5,9%), овес (0,7%) и горох (0,3%), взятые вместе, не является случайным.

О возделывании проса сообщают средневековые авторы. Еще Плано Карпини и Гильом Рубрук в середине XIII в. указывали на употребление в пищу этой культуры в Монгольской империи, упоминая при этом из других злаков только рис и ячмень, служившие для приготовления напитков (Джиованни, 1957. С. 36, 95, 124, 138, 146, 148, 154). «История Вассафа» повествует о мешке проса, отправленном ханом Токтой хулагуидскому ильхану Газану в 702 г.х. (1302/1303 гг.) как символ многочисленности

ордынского войска (Тизенгаузен, 1941. С. 83). В работе ал-Омари сообщается о земледелии в Золотой Орде: «Посевы у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются и по части произведений земли в нем (заключается главная) еда их» (Тизенгаузен, 1884. С. 230). По словам ал-Омари, пшеница, ячмень, просо и чечевица продавались на базарах Сарая (Тизенгаузен, 1884. С. 242). Иосафат Барбаро (1971. С. 142, 146, 149–150) также упоминает об употреблении ордынцами проса в пищу и для жертвоприношений; кроме проса, он называет только пшеницу и овес, которым кормили лошадей. Итальянские и византийские купцы закупали в Золотой Орде различные виды зерна: пшеницу, просо и ячмень, в порядке значимости по объемам вывоза (Барбаро, 1971. С. 52–53, 57, 66; Волков, 2008. С. 442, 447; Еманов, 1995. С. 100–101, 103–104, 108–116, 118, 146, 149; Карпов, 1989. С. 27–34; 1990. С. 145; 1991. С. 191; 2000. С. 156, 175–176, 183; Pegolotti, 1936. Р. 24, 42, 54–55).

Гильом Рубрук упоминает о виноградниках и вине на Северо-Восточном Кавказе (Джиованни, 1957. С. 186). Ал-Омари приводит данные о фруктах, орехах, овощах и дыне, повествуя о Золотой Орде (Тизенгаузен, 1884. С. 233–234). Ибн Баттута, побывавший в Хорезме, восторженно отзываясь о хорезмских арбузах (Тизенгаузен, 1884. С. 313). О виноградниках, садах, мельницах и земледельцах в окрестностях Судака в Крыму, об амбарных пошлинах, плате за гумно говорится в тарханном ярлыке Тимур-Кутлуга 1398 г. (Радлов, 1889. С. 21, 33).

Судя по археологическим данным, плуг имел железные чересло и тяжелый лемех, симметричный или с правосторонней асимметрией (Краснов, 1987. С. 213–214; Савченкова, 1996. С. 8–10). Соха в золотоордынское время, судя по имеющимся материалам, была двузубой и снабжалась асимметричными сошниками и полицей (Краснов, 1987. С. 211–213; Савченкова, 1996. С. 10–11). Для обработки почвы применялись мотыги; при уборке урожая пользовались серпами и косами-горбушами (Савченкова, 1996. С. 11–12).

Земледельческие орудия в Нижнем Поволжье найдены в округе Увекского (поселения Багаевка, Хмелевка-I, Широкий Буерак, Увекское городище, местонахождение Узморье, курганная группа Скатовка-I), Царевского (Водянское и Царевское городища, курганные группы Заплавное-I и Маляевка-I) и Селитренного (Селитренное) городищ, а также Шареного Бугра (Красный Яр). Вероятно, с земледелием связаны также находки в низовьях Волги дигирных сосудов, служивших для водоподъемных колес: они найдены в округе Царевского (Царевское), Селитренного (Лапас, Селитренное) городищ и Шареного Бугра (поселения Барановка-III, Красный Яр, Татарская Башмаковка, Чертово городище, Шареный Бугор, местонахождение Караозек-II, могильник Маячный Бугор-II).

Наряду с земледелием одной из экономических основ золотоордынского государства являлось скотоводство. Из числа кочевников-скотоводов комплектовалась вся армия Джучидов вплоть до 2-й половины – конца XIV в.

Скотоводство развивалось не только в кочевом хозяйстве, основой которого оно являлось, но и в среде оседлого населения.

В питании населения Нижнего Поволжья, судя по остеологическим данным, преобладали говядина, баранина и конина. Причем в сельской местности потребляли в среднем больше говядины и меньше баранины и конины, чем в городах, куда скот, очевидно, в большей степени поступал от кочевников. Помимо костных остатков коров, быков, волов, овец, коз и лошадей, на золотоордынских поселениях Нижней Волги найдены кости верблюдов, свиней, собак, кошек, домашних кур, гусей и уток. Мелкий рогатый скот забивался в возрасте от 2 месяцев до 8 лет, крупный рогатый скот – от 3 месяцев до 6 лет и старше, лошади – 1–12 лет и старше, свиньи – 1–2 лет и старше.

На памятниках округи Увекского городища мелкий рогатый скот был забит в возрасте 2 лет и старше (6 особей), 1 года (2 особи), 1,5–2 лет (1 особь), 6 месяцев (2 особи), крупный рогатый скот – 1,5 лет (3 особи), до 2 лет (1 особь), 2,5–3 лет (2 особи), старше 3 лет (2 особи), лошади – старше 4 лет (1 особь), 7–8 лет (2 особи), свиньи – 1–1,5 лет (1 особь), старше 2 лет (1 особь). Домашние курицы представлены 2 особями взрослых петухов, 7 особями молодых кур и 13–17 взрослыми курами; домашние гуси – взрослым и гусенком. На Самосдельском городище в золотоордынское время, судя по материалам 2006 г. (Яворская, 2009. С. 505–506), мелкий рогатый скот забивался в возрасте 4–12 месяцев (3 особи), 1–2 лет (6 особей), 2–2,5 лет (9 особей), 2,5–4 лет (12 особей), 4–6 лет (6 особей), крупный рогатый скот – 8–18 месяцев (1 особь), 1,5–2,5 лет (2 особи), 2,5–3 лет (3 особи), 3–4 лет (4 особи), 4–6 лет (2 особи).

Несмотря на немногочисленность приведенных материалов, основываясь на имеющихся методических разработках (Антипина, 2006. С. 340), можно заключить, что на памятниках округи Увекского городища наблюдалась интенсивная мясная эксплуатация крупного рогатого скота с потенциально

неустойчивым его воспроизводством; лошади забивались уже после нескольких лет использования их в хозяйственной деятельности. Судя по выявленным патологиям, крупный рогатый скот испытывал воздействие длительных и тяжелых физических нагрузок на конечности, а следовательно, использовался и в качестве тягловой силы. Мелкий рогатый скот обеспечивал население мясом и шерстью. На Самосдельском городище мелкий рогатый скот забивался преимущественно в полном убойном весе и можно реконструировать его мясную эксплуатацию с устойчивым воспроизводством; на поселении, вероятно, наблюдалась также интенсивная мясная эксплуатация крупного рогатого скота с потенциально неустойчивым его воспроизводством.

Скот разводили с целью получения не только мяса, но и молока, шерсти, кож; значима была и роль навоза – единственного удобрения в земледельческом хозяйстве средневековья. Быки и волы служили для перевозки грузов (для этого также использовались верблюды и лошади) и вспахивания земли (Петренко, 1988. С. 258–259; Цалкин, 1967. С. 117, 129). Золотая Орда в огромных количествах экспортировала скот.

У номадов господствовала меридиональная система перекочевов – параллельно течению крупных рек на золотоордынской территории. Летом кочевники в поисках оптимальных условий двигались вдоль бассейнов рек к северу, а зимой – к югу. Гильом Рубрук писал, что «всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» (Джиованни, 1957. С. 91).

Важной составляющей хозяйства Орды был охотничий промысел. На золотоордынских памятниках были найдены костные остатки диких животных – зайца, перевязки, лисицы, волка, медведя, барсука, кабана, бобра, куницы, суслика, хомяка, лося, благородного оленя, северного оленя, косули, кулана, сайгака, тура (?), нерпы, черепахи, – а также птиц (серый гусь, тетерев, серая куропатка, кряква, серая цапля, дрофа, чайка, грач, сизый голубь, сорока), свидетельствующие, наряду с письменными источниками, о вспомогательной роли охоты в хозяйстве населения. Но доля костей диких млекопитающих на поселениях, если они вообще присутствуют, не является значительной.

О развитии рыболовного промысла на крупных и мелких реках говорят находки рыболовных крючков, лодочных скоб, грузил, а также костные остатки и чешуя рыб, найденные на золотоордынских памятниках. Рыболовные принадлежности обнаружены на девяти поселениях округа Увекского городища (Алексеевское городище, Багаевка, Болдыревка, Квасниковка, «Плотина», Подгорное, Увекское городище, Хмелевка-I, Шумейка), на двух памятниках округа Царевского городища (Водянское и Царевское городища), на двух – округа Селитренного городища (местонахождение Харабали-I, Селитренное городище), а также на пяти памятниках округа Шареного Бугра (поселения Барановка-III, Ильинка, Красный Яр, Маячное-I, местонахождение Иванчуг). На поселениях найдены кости осетров, белуг, севрюг, стерлядей, шук, судаков, сомовых и карповых рыб. На некоторых памятниках доля костей рыб очень значительна (от 0,1 до 54,7% всех костных остатков), можно считать, что рыба играла заметную роль в рационе питания населения. Интересно, что потребление рыбы в городах было в среднем несколько выше, чем на селе.

С заготовкой рыбы связана добыча соли. Наличие этого промысла в Золотой Орде и экспорт соли на Русь подтверждаются сообщениями Барбаро, Контарини (Барбаро, 1971. С. 157, 219) и Рубрука, повествующего о значительных доходах ханской казны от контроля над солеварением (Джиованни, 1957. С. 90–91, 107). На карте космографа Фра-Мауро 1459 г. у р. Урал изображена гора с припиской: «соляная гора» (Il mappamondo, 1956. Р. 56, XXXIII). Имел определенное значение и бортный промысел. Мед и воск экспортировались Улусом Джучи; мед, травы, корни собирались и употреблялись в пищу населением (Барбаро, 1971. С. 51–52, 57, 66, 142, 153, 220; Джиованни, 1957. С. 95; Еманов, 1995. С. 32–33, 79, 84, 95–97, 104, 111, 128–129, 147, 149; Карпов, 1990. С. 131; 1991. С. 195; Тизенгаузен, 1884. С. 234; Pegolotti, 1936. Р. 24, 43, 150). Производился сбор трав и для лечебных целей – так, соцветия цитварной полыни вывозились из Причерноморья и Приазовья в Западную Европу и на Ближний Восток (Барбаро, 1971. С. 147. Прим. 69; Еманов, 1995. С. 84, 119; Pegolotti, 1936. Р. 69, 138, 429–430).

Обобщая вышеизложенное, мы можем заключить, что сельское хозяйство оседлых регионов Золотой Орды было хорошо развитым. Из земледельческих культур преимущественно культивировалось просо, следом за которым в порядке значимости следовали рожь, пшеница, ячмень, овес и горох. Охота, которая велась главным образом с целью получения ценных мехов, имела небольшое значение как источник мяса. Мясная пища населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время в основном была

представлена продукцией хорошо развитого скотоводства (говядиной, бараниной и кониной), экспортировавшего свою продукцию в Европу и на Средний Восток до Индии. Рыболовство было также хорошо развито, его продукция экспортировалась вплоть до Италии. Особенно важным в питании населения Нижней Волги было потребление осетров и белуг. Среди промыслов следует отметить солеварение, бортничество, собирание орехов, трав и корней.

Библиографический список

- Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II.
- Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. ст., подгот. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
- Волков И.В. Ранние монеты чеканки Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Азов, 2008. Вып. 23.
- Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.
- Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.
- Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. М., 1989. Т. 50.
- Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
- Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
- Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар: очерки истории и культуры. М., 1987.
- Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. III.
- Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941.
- Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. М., 1967. Т. LXXII, вып. 1.
- Яворская Л.В. Специфика мясного потребления жителей городища Самосделка в VIII–XIV вв. (по археозоологическим данным) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: мат. IV Междунар. конф., посвящ. памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 г. Азов, 2009.
- Il mappamondo di Fra Mauro. A cura di Tullia Gasparrini Leporace, presentazione di Roberto Almagia. Venice, 1956.
- Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Edited by A. Evans. Cambridge, Massachusetts, 1936.

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЗАПАДНОМ ПОГРАНИЧЬЕ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ XIII–XIV вв. (особенности развития)

Н.Д. Руссев

Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова

Походы Бату 1236–1243 гг. распространили власть наследников Чингисхана на западный край евразийского степного коридора. По утверждению современника, монголы «поделили между собою Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца» (Рубрук, 1957. С. 91). Это событие имеет прямое отношение к истории урбанизма, поскольку в низовьях Дуная издревле существовали города европейского типа, регулярно принимавшие сильные культурные импульсы с Востока.

Арабскому географу ал-Идриси середины XII в. известны здесь города Диристра, Дисина, Барасклафиса, Мирис-Армукастру, Аклиба, причем два первых он представляет как процветающие торговые центры (Коновалова, 1999. С. 152–160). Археологические материалы и, в частности, монетные находки на городищах Силистра, Пэкуял луй Соаре, Исакча, Нуфэру, показывают, что на Нижнем Дунае в домонгольское время развивалась городская цивилизация византийско-болгарских традиций (Йорданов, 1984;

Пенчев, 1987. С. 26–30). Политический статус региона с конца XII в. определялся господством Второго Болгарского царства, на северо-восточной окраине которого полиэтническое население находилось под длительным культурным влиянием Византии. Среди свидетельств этому множество биллоновых монет, чеканенных в подражание византийским типам в Болгарском царстве и Латинской империи.

Вопрос о существовании городской жизни к востоку от дельты Дуная остается открытым. Указание ал-Идриси на безымянную пристань в устье Днестра (Коновалова, 1999. С. 153–158) пока не удастся убедительно связать с Белгородом на Днестре ни по письменным, ни по археологическим источникам (Кравченко, 1986).

Продвижение войск Бату в Европу до Адриатики и обратно стало мощным деструктивным фактором в развитии местных социальных порядков, по сути дела вызвавшим дезурбанизацию края. Рашид ад-Дин сообщает, что при возвращении на восток полководец Кадан *«дорогою после многих битв взял город Улакут, Киркин и Кыле»* (Тизенгаузен, 1941. С. 38). Речь идет об опустошении района между Дунаем и Балканским хребтом, во время которого пали столица болгар Тырново и дунайская Килия (Desei, 1973. Р. 101–121). Трактовка этого не бесспорного события нашла красноречивое подтверждение благодаря данным археологии. Установлен факт гибели в огне страшных пожаров ряда значительных городов, трагедия которых датируется большим числом монетных кладов, сокрытых практически одновременно в Северной Болгарии и Добрудже (Пенчев, 1987. С. 27–28; Павлов, Атанасов, 1994. С. 5–20). Монетное обращение в Подунавье прекратилось (Oberländer-Târnoveanu, Mănușu-Adameșteanu, 1984. Р. 260; Oberländer-Târnoveanu, 1989. Р. 143–144).

Регенерирующие способности городской жизни проявились только спустя полтора десятилетия после монгольских погромов. По-видимому, незадолго до 1261 г. патриарх Никей основал митрополию в дунайской Вичине (БСГК, 1981. С. 225). С конца 50-х гг. XIII в. фиксируется некоторое оживление товарно-денежных связей дунайских центров. Находки монет на Пэкуял луй Соаре и в Исаке показывают восстановление болгарской и византийской составных денежного обмена (Iliescu, 1977. Р. 155, 161; Oberländer-Târnoveanu, 1983. Р. 129–130, 285–296).

Освоение правителями Золотой Орды нижнедунайских земель прямо связано с ростом их интереса к Балканам. По приказу хана Берке в 1265 г. большое монгольское войско переправилось через замерзший Дунай, чтобы, объединившись с армией болгар, нанести удар по Византии (Тизенгаузен, 1941. С. 26). Как раз тогда вблизи дельты появился темник Ногай, сыгравший исключительную роль в истории Золотой Орды последней трети XIII в. (Веселовский, 1922). По сведениям Рукн ад-дина Бейбарса (1245–1325), этот военачальник *«долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами, смещал тех из царей их, кто ему не нравился, и оставил, кого сам выбирал»* (Тизенгаузен, 1884. С. 110–111).

Византийско-болгаро-ордынская война 1265–1273 гг. вновь прервала начавшееся было возрождение городской жизни (Oberländer-Târnoveanu, 1989. Р. 147). Однако последовавшее долгое пребывание в крае Ногай ознаменовалось качественно иным воздействием на региональную урбанизацию самих ордынцев и появлением нового фактора городского развития – итальянского. Тогда же резко ослабела болгарская составная этого процесса, но усилилась греческая. Очевидно, византийцы не преминули воспользоваться сближением императора с Ногаем, которое скрепила женитьба темника на внебрачной дочери Михаила VIII (Веселовский, 1922. С. 40–41).

В изменившейся политической обстановке близ дельты Дуная оформилось небольшое государство (деспотат) с центром в г. Исака. Об этом образовании судят по серебряным и бронзовым монетам нескольких локальных типов, датированных около 1285–1296 гг. Греческие легенды на деньгах свидетельствуют, что чеканились они для православного населения, связанного с традициями византийской государственности. Наличие тамги на аверсах монет всех эмиссий зафиксировало вассальную зависимость деспотата от Ногай, а помещенное на реверсе одного из типов геральдическое изображение двуглавого орла, возможно, указывает на тесные связи правителя Исаки с домом Палеологов (Oberländer-Târnoveanu, 1987. Р. 245–252; 1997. Р. 93–128).

Торговцы Генуи, получившие доступ в Черном море по Нимфейскому договору 1261 г., проникли на Дунай только при Ногае. В их документах Вичина впервые упомянута в 1274 г. (БСГК, 1981. С. 222), а нотариальные акты Перы зафиксировали значительную роль генуэзцев в дельте лишь с 1281 г. (Brătianu, 1935. Р. 148–174). Достоверные данные о генуэзской фактории в Вичине относятся только к 1298 г. (Коновалова, 1989. С. 306). Самые ранние упоминания о Мальвокастро-Белгороде и коммерческой деятельности подданных республики Св. Георгия в городе на Днестре относятся к 1290 и 1294 гг. (Brătianu, 1935. Р. 102). Активную деятельность итальянцев на северо-за-

паде Причерноморья невозможно представить без соглашения с Ногаем. Действительно, в 1292 г. посольство Венеции пыталось достичь договоренности об условиях торговли в подвластных ему землях (Коновалова, 1989. С. 308).

Росла и роль ордынцев в городах, прежде всего «в Сакдже на реке Туна» (Тизенгаузен, 1884. С. 117, 159, 162), которая стала местом расположения двора Ногая и вторым военно-политическим центром Улуса Джучи (Федоров-Давыдов, 1973. С. 72–73). В Сакдже-Исакче с 696 г.х. (1296/1297 г.) взамен гибридных типов чеканили многочисленные дирхемы и пулы. Кроме подражаний крымским эмиссиям Токты (1290–1312), это были оригинальные выпуски Ногая и его сына Чаки. Они стали основанием для утверждения о существовании до 1300/1301 г. особого ханства Ногаидов (Oberländer-Târnoveanu, 1987. Р. 252–254; 1997). О том, что в местном денежном обращении в конце XIII в. ведущее положение заняли монеты ордынского типа, свидетельствуют монетные клады, в том числе огромное Узунбаирское сокровище (Piescu, Simion, 1964. Р. 217–228). По нотариальным записям 1290 г. видно, что купцы Каффы рассчитывались в Вичине и Мальвокастро джучидскими дирхемами (Balard, 1973. Р. 203, 368).

Одновременно византийцев в городах края потеснили итальянцы. С ликвидацией деспотата на Нижнем Дунае и установлением безраздельной политической власти хана Ногая, главенствующее положение в морской торговле перешло к генуэзцам, в отличие от греков, не насаждавшим в Подунавье свою государственность. Вовсе не случайно Вичинская митрополия не только сохранила свое значение, но даже была на какое-то время повышена в ранге (DIRB, 1953. Р. 5, 12). Некоторые обычаи империи восприняли и Ногай с сыном, например, стремясь ввести в своих владениях институт соправителей (Oberländer-Târnoveanu, 1987. Р. 254–255).

С гибелью Ногая и Чаки в регионе происходит упадок и дезинтеграции единства городского развития. Будучи первоначально в ведении царя Болгарии в качестве вассала Золотой Орды, города пережили борьбу болгар с итальянцами. В условиях ослабления ордынского контроля генуэзцы ненадолго наладили чеканку разменной монеты в Исакче (Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1981. Р. 93–95). Однако соперничество ослабило значимость болгарской и генуэзской составных в городской жизни, приблизив их роли к потесненному еще в конце XIII в. греческому фактору. По словам сирийца Абу-л-Фиды (1273–1331), «город средних размеров» Сакджа зависел от Болгарии и Византии, а его жителями были главным образом мусульмане. Небольшой Акджа-Карман (Белгород) населяли турки-мусульмане и неверные болгары (Коновалова, Перхавко, 2000. С. 209–210). Жизнь под контролем ордынцев вела города к упадку (Laurent, 1946. Р. 225–232).

Ближе к середине XIV в. в денежном обращении края наметилась стагнация, хотя Исакча все еще чеканила монеты ордынских традиций (Oberländer-Târnoveanu, 1985. Р. 586). Происходил отрыв от центра – монеты с Волги поступали sporadически, а местные потребности обеспечивали эмиссии Исакчи и Болгарии. Пути городской культуры, похоже, расходились. На Пэкуял луй Соаре преобладали болгарские монеты, в Исакче – локальные выпуски джучидского образца, в Белгороде денежное обращение оказалось на грани пресечения. Рубежную черту в истории городов региона в какой-то мере подвела Черная смерть, пришедшая в Византию «от устьев Дуная» (Гезер, 1867. С. 32).

С середины XIV в. в городской жизни края происходит смена доминант. На место пришедших в совершеннейший упадок городов на Пэкуял луй Соаре и Вичины-Исакчи становятся Силистра и Килия с Ликостомо. В первом случае верх берут болгарские традиции, во втором – господствующего положения добиваются итальянцы. По всей видимости, эти города выходят из-под определяющего воздействия Золотой Орды. Они формируются автономно в соответствии со своими коренными традициями.

Приливом в годы чумного мора значительной массы населения из Поволжья на правобережье Днестра объясняется внезапное появление в малоосвоенной лесостепи новых ордынских центров – городища Старый Орхей и Костешты. Благодаря импульсу с востока был преодолен упадок Белгорода, культурный облик которого приобрел черты, сближающие его с этими городами. Правда, с началом «великой замятни» тесные связи всех трех городов с Нижним Поволжьем сошли на нет. Развал Золотой Орды привел к обособлению района, где потребность в деньгах покрывалась местной монетной продукцией – выпуски типов Шехр ал-Джедид, Янги Шехр и Костешты-Гырля (Янина, 1977. С. 193–213; Полевой, 1969. С. 146–161).

Прерывание товарно-денежных отношений в Золотой Орде оказалось губительным для дунайской Вичины. Условий для ее нормального развития не стало. В 1359 г. Константинополь перенес Вичинскую митрополию в Валахию (DIRB, 1953. Р. 13–14). Еще в 1361 г. здесь находился генуэзский консул, однако после этой даты г. Вичина больше не упоминается в источниках (БСГК, 1981. С. 225).

Предводители отдельных орд еще несколько десятилетий сохраняли влияние в Придунавье, что отчасти сказывалось и на городах. Не случайно в торговле «с купцами господина Деметрия, татарского князя», был заинтересован в 1368 г. подчиненный венгерскому королю Брашов (DRHD, 1977. Р. 90). В 1383 г. в Ликостомо близ устьев Дуная отмечено хождение местных «аспров» (Balbi, Raiteri, 1973. Р. 217), которые отождествляют с «генуэзско-татарскими» монетами, происходящими главным образом с городища Енисала, хотя, возможно, их выпускала Килия (Iliescu, 1974. Р. 451–456; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1989. Р. 122–123, 128). С ордынским влиянием связывается чеканка в Силистре 80-х гг. XIV в. одного из типов медных монет Тертера, сына деспота Добротицы (Йорданов, 1982. С. 119–120). Наконец, можно говорить о предположительно производившихся в Килии во втором десятилетии XV в. редких разменных монетах с молдавским гербом в виде головы тура и тамгообразным знаком (MBR, 1977. Р. 64; Stînga, 1992. Р. 133–136). Эти артефакты отразили последние отблески утраченной ордынцами ведущей роли в истории края и его городов.

Рассмотренные материалы позволяют сделать принципиальные выводы о типологии политического и культурного статуса городов на западных границах степной Евразии XIII–XIV вв. Можно наверняка утверждать, что на Нижнем Дунае собственно ордынских городов не было. Вичина-Сакджа Золотая Орда освоила по политической воле Ногай. Силистра и Ликостомо-Килия временами попадали в зависимость от разного рода джучидских правителей, но ордынское влияние на их жизнь было поверхностным. Более глубокие воздействия на материальную культуру улавливаются на городищах Пэкуял луй Соаре и Нуфэру, но они несравнимы с трансформациями, пережитыми Исакчей, к сожалению, до сих пор слабо изученной археологами.

Иной представляется судьба городов Нижнего Поднестровья. Костешты и Старый Орхей – памятники городской культуры, не просто типичные для Золотой Орды 50–60-х гг. XIV в., но в значительной мере ориентированные на столичные стандарты Джучидов. Что касается Белгорода, то его целесообразно интерпретировать как «гибридное явление» времен Ногай, вероятно, вполне освоенное ордынцами только во времена «замятни». Судя по всему, это произошло не с востока, а с севера – из Шехр ал-Джедид усилиями Мамай, действовавшего от имени хана Абдуллаха (Янина, 1977).

Библиографический список

- Български средновековни градове и крепости. Т. 1: Градове и крепости по Дунав и Черно море. Варна, 1981.
 Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время // Записки РАН. М., 1922. Т. XIII.
 Гезер. История повальных болезней. СПб., 1967. Ч. 1.
 Йорданов И. Монетосечене на българските владетели в Добруджа (втора половина на XIV в.) // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982.
 Йорданов И. Монети и монетно обръщение в средновековна България (1061–1261). София, 1984.
 Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987 г. М., 1989.
 Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
 Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.
 Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). Киев, 1986.
 Павлов Пл., Атанасов Г. Преминаването на татарската армия през България (1241–1242) // Военноисторически сборник. 1994. Год. LXIII, кн. 1.
 Пенчев В. Към историята на Дръстър прев XIII в. (по нумизматични данни) // Нумизматика. 1987. №2.
 Полевой Л.Л. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946–1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969.
 Рубрук. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941.
 Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
 Янина С.А. «Новый город» (=Янги-Шехр=Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Труды Государственного исторического музея. Вып. 49: Нумизматический сборник. М., 1977. Ч. V, вып. 1.
 Balard M. Genes et l'Outre-Mer. T. 1. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. Paris, 1973.
 Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973.
 Brătianu G.I. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatar et du commerce genois sur le littoral roumain de la Mer Noire. București, 1935.
 Decei A. L'invasion de tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami' ot-Tevarikh de Fäzl ol-lah Rāšid od-Din // RRH. 1973. T. XII. Nr. 1.
 Documente privind istoriei României. B. Țara Românească (1247–1500). București, 1953.
 Documenta Romaniae Historica. Vol. I: D. Relații între țările române (1222–1456). București, 1977.
 Iliescu O. Monede din tezaurul descoperit la Oțeleni (raionul Huși, reg. Iași) // AM. 1964. Vol. II–III.

- Iliescu O.* Asperi de Licostomo la 1383 // RI. 1974. Nr. 3.
- Iliescu O.* La monnaie genois dans les pays roumains aux XIII–XV siècles // Colocviul româno-italian «Genovezii la Marea Neagră în secolele XIII–XIV». București, 1977.
- Iliescu O., Simion G.* Le grand trésor de monnaies et lingots des XIII et XIV siècles trouve en Dobroudja septentrionale. Note préliminaire // RESEE. 1964. T. II. Nr. 1–2.
- Laurent V.* Le metropolite de Vicina Macaire et la prise de la ville par les tartares // RHSEE. 1946. T. 23.
- Luchian O., Buzdugan G., Oprescu C.C.* Monede și bancnote românești. București, 1977.
- Oberländer-Târnoveanu E.* Documente numismatice privind relațiile spațiului Est-Carpatic cu zona Gurilor Dunării în secolele XIII – XIV // AIIAX. 1985. T. XXII/2.
- Oberländer-Târnoveanu E.* Numismatical contributions to the history of the South-Eastern Europa at the end of 13th century // RRH. 1987. Nr. 3.
- Oberländer-Târnoveanu E.* Începuturile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă. București, 1997.
- Oberländer-Târnoveanu E., Mănușu-Adameșteanu G.* Monede din secolele XII–XIV descoperite la Nufăru (jud. Tulcea) // Peuce. 1984. Vol. IX.
- Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I.* Contribuții la studiul emisiunilor monetare și al formațiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // SCIVA. 1981. Nr. 1.
- Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I.* Noi descoperiri de monede emise în zona Gurilor Dunării în secolele XIII – XIV // SCN. 1989. Vol. IX.
- Stînga I.* Contribuții privind circulația monedelor moldovenești în Țara Românească // BSNR. Anii LXXX–LXXXV (1986–1991). 1992. Nr. 134–139.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ КЕРАМИКИ БОЛГАРА

Р.Х. Храмченкова

Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Для определения химического состава образцов неполивной керамики Болгара был проведен количественный спектральный анализ. В исследованную выборку вошли 85 фрагментов разнообразных керамических изделий: 70 сосудов и горшков, 10 сфероконусов, 2 котла, 1 водопроводная и 1 дымоходная трубы. Изделия представлены различными керамическими группами в соответствии с классификацией Т.А. Хлебниковой. Несколько образцов относятся к импортному материалу.

Результаты анализа выразительно демонстрируют широкий спектр керамики, исследованные фрагменты имеют сильно различающийся химический состав. Наибольшие вариации характерны для кальция, алюминия, фосфора и железа. Это вполне объясняется технологией производства керамических изделий, при изготовлении которых использовались различные примеси и отощители. Большую информацию для интерпретации можно извлечь при изучении микроэлементного состава. Для выявления элемента, который можно было выделить в качестве маркера, были построены диаграммы концентраций. Яркую картину можно наблюдать по концентрации хрома и ванадия (рис. 1).

Исходя из макро- и микроэлементного состава фрагментов керамики можно выделить девять групп, характеризующихся определенными элементными соотношениями.

1. Фрагменты керамики с низким содержанием титана, хрома и ванадия и высоким содержанием кальция. Широкое разнообразие по микроэлементному составу свидетельствует о различных сырьевых источниках.

2. Содержание кальция 1–3%, содержание хрома 0,007–0,012 (№5–10). Однако образцы данной группы достаточно сильно различаются по микроэлементам.

3. Содержание кальция 6,1–14,5%, содержание ниобия 0,0007–0,0012%. По-видимому, эта керамика с примесью раковины. Некоторые пробы отличаются разнообразием микроэлементного состава, т.е. происходят из различных сырьевых источников.

4. 2 образца (№24 и 25) имеют такое же низкое содержание ниобия, однако кальция в этих пробах мало – около 3%. Для этих образцов характерно высокое содержание ванадия – 0,017%.

5. Содержание кальция около 2%, содержание ванадия 0,011–0,013% (№23, 26–30, 37, 44) – практически все I общеболгарской группы. Почти однородный микроэлементный состав, т.е. возможен один источник сырья.

6. Такое же содержание кальция, как и в третьей группе, однако содержание ванадия 0,016–0,021% (№31, 33–36, 39, 42, 43, 47). Очень близкий микроэлементный состав.

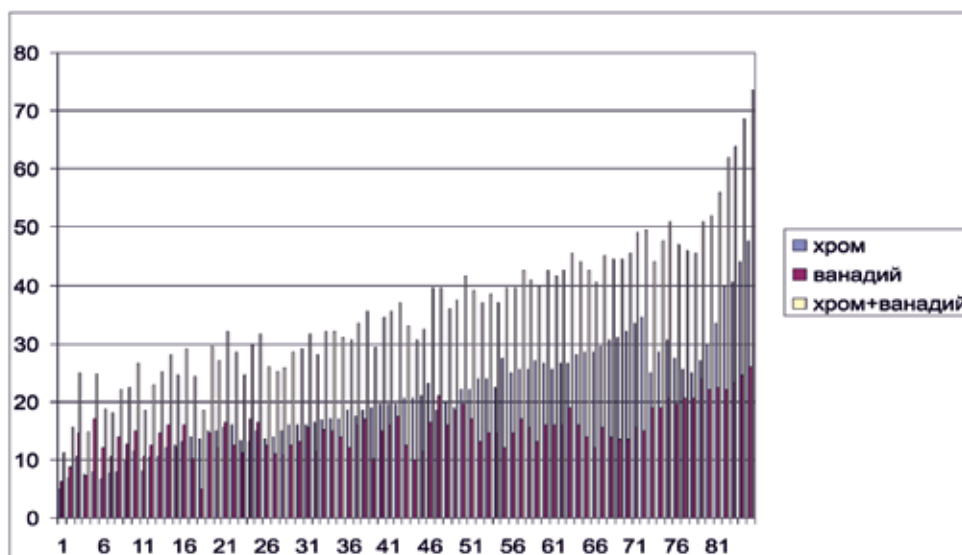

Рис. 1. Диаграмма концентраций хрома, ванадия и их суммы

7. Группа похожа на предыдущую, однако содержание кальция несколько меньше – 2%, содержание хрома несколько больше – 0,019–0,025%, содержание ванадия также больше – 0,015–0,02%, а вот содержание мышьяка меньше. Практически вся группа – сфероконусы.

8. Повышенное содержание хрома – 0,026–0,035%.

9. Повышенное содержание хрома – 0,026–0,048% и ванадия – 0,019–0,026%.

Исходя из анализа первые две группы нельзя назвать объединением по единым характеристическим признакам – слишком большое расхождение как по основному, так и по микроэлементному составу. Это, скорее всего, привозная керамика. Образцы, имеющие какое-либо аномальное содержание одного или нескольких элементов, по-видимому, являются привозными. 3–9 группы можно отнести к характерным, так как состав керамики каждой из них отличается единообразием.

Известно, что глины нефтеносных районов Татарстана имеют повышенное содержание этих двух элементов, так как хром и ванадий присутствуют в нашей нефти. Это позволяет сделать вывод о том, что керамические изделия последней группы были изготовлены именно в нефтеносном районе. Заметим также, что первые четыре образца этой группы отличаются более высоким содержанием олова, что свидетельствует о различных источниках сырья. Необходимо отметить, что для данных образцов наблюдается достаточное различие по алюминию. Это объясняется, скорее всего, спецификой технологии изготовления керамических изделий.

Образцы восьмой группы имеют повышенное содержание хрома, однако содержание ванадия в них меньше, чем в последней группе. Возможно, это также является показателем нефте- или битумоносности района отбора глины.

Интересное наблюдение можно отметить для двух горшков из третьей группы, изготовленных с примесью толченой раковины. Несмотря на то, что оба изделия относятся к «прикамско-приуральской» группе, одно из них изготовлено в районе, воды которого насыщены стронцием и барием. В Татарстане есть водоносные пласты, характеризующиеся повышенным содержанием именно этих двух элементов. К ним относятся некоторые южные районы, район Казани и др.

Выводы:

1. Керамические изделия Болгара отличаются широким разнообразием как в технологическом отношении, так и по сырьевому составу.

2. Выделяется несколько групп, имеющих характерный химический состав.

3. Имеется ряд изделий, химический состав которых отличается от выделенных групп, и, скорее всего, относящихся к импорту.

4. Часть керамических предметов была изготовлена из глины нефтеносных районов Татарстана.

5. Имеется фрагмент сосуда, содержащий обломки раковин из региона, водоносные слои которого содержат стронций и барий.

6. Для идентификации месторождений глин, которые были использованы для изготовления керамики древних болгар, необходим отбор образцов сырья с различных регионов, предполагаемых в качестве источников.

К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ И РЕСУРСНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ОКРУГА БИЛЯРА X–XV вв.

З.Г. Шакиров

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Многолетними исследованиями археологов в Западном Закамье было выявлено и исследовано большое количество болгарских памятников различных эпох. История региона, рассмотренная на основе археологических материалов округа Билярского городища, связана с домонгольско-болгарской и золотоордынской мусульманизированными культурами, прослеживаемыми на многих памятниках Западного Закамья X–XV вв.

Волжская Болгария, возникшая в X в., была одним из крупных раннефеодальных государств средневековья. Во 2-й половине XIII в. она вошла в состав Золотой Орды, а после распада Улуса Джучи на бывших землях Булгарского улуса образовалось Казанское ханство (1438–1445 – 1552 гг.). Во всех этих государствах расцветала городская жизнь, базирующаяся главным образом на достижениях ремесла и торговли, а также сельского хозяйства населения ближайшей округи городов. Средневековый город предполагал наличие округи, необходимой для обеспечения его не только продовольствием, ремесленным сырьем и продукцией, но и рабочей силой.

О перспективности исследований в данном направлении свидетельствуют работы А.Л. Монгайта, Л.В. Алексеева, П.П. Толочко, Г.Е. Афанасьева, А.А. Юшко, Н.А. Макарова и его соавторов, Л.Ф. Недашковского и др., посвященные средневековым регионам различного уровня, в том числе городам с их округами. Близкими к рассматриваемой нами проблеме, как территориально, так и хронологически, являются наработки Р.Г. Фахрутдинова, А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, Н.Г. Набиуллина, С.И. Валиулиной, К.А. Руденко, З.Г. Шакирова, И.Д. Мухаметшина и др.

Ярким, в какой-то степени эталонным объектом, отражающим все многообразие исторических процессов региона в их динамике на протяжении X–XV вв., является Билярская агломерация – компактное скопление средневековых населенных пунктов, объединенных в сложную многокомпонентную систему с интенсивными производственными, торговыми, транспортными и культурными связями.

Округу Биляра важно изучать как необходимый, системообразующий элемент столичного региона домонгольского времени, тесно взаимосвязанный с городом, а в ордынское время – как одного из значительных периферийных центров Улуса Джучи. Билярская агломерация являлась экономическим и политическим центром Волжской Болгарии вплоть до ее разорения монголо-татарами в 1236 г. Наряду с новыми городами Нижнего Поволжья в Золотой Орде монгольской администрацией активно использовались и старые центры на завоеванных территориях, в том числе Биляр золотоордынский, расположенный поблизости от сожженного города.

Рассматриваемая округа включает район в среднем течении р. М. Черемшан радиусом около 20 км от Билярского городища и площадью около 1500 кв. км в пределах лесостепной природной зоны Центрального Закамья. Объектом исследования стали археологические памятники, за которыми в историографии закрепилось название «памятники болгаро-татарского времени» в окрестностях Билярского городища, рассматриваемые в системе «город и его округа».

В основе исследования округа Биляра X–XV вв. лежит комплексное картографирование, которое заключается в многостороннем отображении на географических картах природных и социально-экономических явлений с учетом их взаимосвязей. По широте комплекса на основе динамики поселенческой структуры, топографических особенностей, качественной и количественной оценки ресурсного потенциала, прежде всего сельскохозяйственных земель, картографирование стало базой совокупности характеристик для познания исторических явлений, экономической и политической географии в выделяемом регионе.

В итоге к домонгольскому времени отнесено 141 неукрепленное поселение. Преобладающим типом по топографическому признаку является приречный тип – 41,1%. Мысовые поселения составляют 29%, прибрежно-овражные – 19,1%, у истока – 9,2%, водораздельные – 0,7% и Билярский пригород – 0,7%. Исходя из расчетов по правилу Ципфа и построения графиков распределения рангов выделено шесть типов населенных пунктов: 1) поселения 1–5 рангов площадью от 1978 до 40,12 га; 2) 6–9 рангов (от 26,25 до 22,65 га); 3) 10–14 рангов (20–13,5 га); 4) 15–22 рангов (от 12,5 до 6 га); 5) 23–31 рангов (от 5,6 до 2,5 га); 6) 32–40 рангов (от 2,2 га и менее). Также выделено девять локальных районов, часть которых делится на более мелкие микрорайоны. Для каждого района определены примерные площади

хозяйственной зоны, включающей посевные площади, луга, лесные угодья, а также вычислены объем среднегодового сбора зерновых, количество населения и содержимого скота, которые могли прокормиться на этой земле.

По нашим данным, общая площадь хозяйственных зон всех девяти локальных районов Билярской округи X – 1-й трети XIII в. достигала почти 100300 га, или 66,8% ее территории. Средний сбор зерновых составлял около 38230 т, что позволяло прокормить около 32500 человек и содержать 7400 голов КРС.

К Билярской округе 2-й половины XIII – XV в. относится 53 неукрепленных поселения. По топографическому признаку выделяются всего три типа поселений: приречный – 43,4%, тип мысовых поселений – 32%, прибрежно-овражный – 24,5%. Выделяется шесть типов населенных пунктов: 1) поселения 1–2 рангов – Биляр золотоордынский (Билярские селища-I и II) и Торецкое поселение площадью 149 и 44 га соответственно, которые поочередно выступали доминантами 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. и XV в.; 2) поселения 3–4 рангов (от 25 до 20 га); 3) 5–9 рангов (от 18 до 8 га); 4) 10–14 рангов (от 7,5 до 4,5 га); 5) 15–21 рангов (3,75–1,8 га); 6) 22–24 рангов (от 1,28 га и менее). Выделено десять локальных узловых районов, часть которых, в свою очередь, делится на более мелкие микро-районы. В единовременно существовавших поселениях общая площадь хозяйственных зон – около 41868 га, что составляет 28% территории Билярской округи, т.е. в 2,4 раза меньше, чем в домонгольский период. Средняя производительность зерновых – около 11313 т, что позволяло прокормить около 14800 человек и содержать 3100 голов КРС.

Пространственный анализ позволил реконструировать структуру расселения в виде блоков-микрорегионов, включающих от одного до трех доминирующих поселений, серию более мелких поселений-сателлитов, связанных с освоением ресурсной зоны. Определен статус поселений и их значимость в общем экономическом потенциале рассматриваемого региона.

Представляемая работа – лишь первый шаг в целенаправленном исследовании средневековых поселений X–XV вв. Дальнейшее изучение может развиваться в двух основных направлениях: 1) расширение источниковой базы путем сбора новых и уточнения известных данных по поселениям билярской округи и других регионов Волжской Булгарии и Золотой Орды с перспективой создания проверяемой математической модели расселения в целом; 2) углубленное изучение булгаро-татарских поселенческих памятников как методами естественных наук (почвоведения, карпологии и палинологии, археозоологии и др.), так и в рамках традиционных методик (особенно актуальна в этом плане разработка более четкой хронологической шкалы болгарской керамики и других категорий предметов материальной культуры).

ИССЛЕДОВАНИЕ КРУПНОЙ КИРПИЧНО-КАМЕННОЙ ПОСТРОЙКИ В БОЛГАРЕ В 1994–2011 гг. (предварительные результаты)

Р.Ф. Шарифуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Работами 2011 г. завершено археологическое изучение еще одного памятника монументальной архитектуры – Болгара, возведенного в середине XIII в. Судя по выявленным остаткам, это одно из наиболее ранних зданий, функционировавшее еще до завершения строительства Соборной мечети города. По сравнению с другими постройками Болгара, выявленные остатки имеют лучшую сохранность.

Руины исследуемого сооружения располагаются на северном краю верхней коренной террасы левого берега Волги, над известной по многочисленным публикациям общественной баней XIV в. – «Красная палата».

Вскрытая в 1994–2011 гг. площадь составила 1452 кв. м, что позволило полностью расчистить основание крупного сооружения, возведенного в характерной для булгарских построек технике панцирной кладки. Здесь же выявлены и изучены более 100 других объектов, связанных с разными периодами истории Болгара, в том числе фрагмент оборонительного рва X в.

Объект исследования представляет в плане прямоугольник, слегка вытянутый с севера на юг с круглыми башнями по углам и прямоугольным же пристроем с южной стороны. Основной объем имеет внутренние размеры 29х24 м, что составляет около 700 кв. м. Кладка фундамента выполнена из рваного бута с известковой проливкой. Толщина фундамента наружных стен колеблется в пределах 160–200 см.

Такая разница объясняется тем, что опалубкой при его заливке и забутовке служили стенки котлована, которые неизбежно распирало на участках с рыхлым или потревоженным грунтом. Внешний фасад наружной стены был облицован тесаными блоками, а внутренний – обожженным кирпичом. Суммарная толщина кирпично-каменной стены не превышала 85 см, т.е. была равна толщине внутренних стен-перегородок. Первоначально входной проем был устроен в середине северной стены. Ступенчатый порожек выполнен из бута и оштукатурен. Снаружи, перед проемом, устроена отмостка из обломков кирпича и песка, имеющая прямоугольный план. Толщина отмостки достигает 40 см. Судя по полосам древесного тлена, на отмостке лежал деревянный настил или трап.

Стратиграфические наблюдения и комплекс находок, в том числе и нумизматических, позволяют соотнести время начала строительства кирпично-каменного здания с накоплением IVр. слоя, т.е. с серединой – 2-й половиной XIII столетия.

Полученные при раскопках материалы свидетельствуют о том, что исследуемое сооружение функционально было связано с административным центром города и явно предназначалось для удовлетворения каких-то общественных нужд. Поэтому цель работ 2011 г. – полное вскрытие основного объекта исследования и подготовка руинированных остатков к первичной консервации.

Накопленный раскопками материал позволяет достаточно четко отнести начало возведения постройки к середине XIII столетия, на участке городища, который интенсивно обжился еще задолго до событий 1236 г. В то же время работы последних сезонов показали, что строительство здания велось поэтапно с севера на юг, а южный входной тамбур без фундамента был пристроен и вовсе уже в процессе функционирования постройки в начале XIV в., для чего в середине южной стены был сделан пролом. Одновременно с южным входом внутри здания, вдоль восточной стены, были устроены и два небольших помещения с кирпичными, безфундаментными стенами и автономным отоплением. Вероятнее всего, это было вызвано тем, что рядом завершилось строительство Соборной мечети и функции нашей постройки изменились.

Судить о первоначальном назначении постройки сложно из-за значительной нарушенности конструкций. В то же время практически полная идентичность первоначальному плану Соборной мечети, наличие входа в северной стене и, возможно, михраба на месте позднего пролома в южной – подводят к мысли о культовом характере постройки. К этому можно добавить полное отсутствие следов центрального отопления и водопровода, что было бы свойственно для жилого или утилитарного сооружения. Несколько смущает ориентация постройки. Предполагаемый михраб имел азимут 167°, что представляет заметное отклонение от современных норм для Среднего Поволжья (189–191°). Средневековые мечети Волжской Булгарии, как правило, имели еще более заметное отклонение на запад (мечеть Биляра – 205°). Отклонение на восток могло быть допущено лишь если для строителя, это являлось нормой, плюс время года при закладке здания, что не противоречит историческим сведениям о приходе строителей-камнерезов из Закавказья и Армении с первой волной беженцев в 20-е гг. XIII столетия.

Не исключено, что не совсем правильная ориентация и послужила одной из причин строительства Соборной мечети совсем рядом и приспособления старой мечети под другие нужды.

К ПРОБЛЕМЕ КАРТОГРАФИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЗАПАДНОМ ПРЕДКАМЬЕ

М.Б. Шигапов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Границы региона определяются с запада рекой Волга, с юга – рекой Кама, с востока – рекой Вятка, с севера – бассейном реки Ашит.

Регион Западное Предкамье или Заказанье представляет собой территорию со значительным числом открытых археологических памятников золотоордынского периода. Всего к настоящему времени известно 119 памятников, датированных исследователями с середины XIII до середины XV в. (11 городищ, 46 селищ, 30 могильников, 26 местонахождений и 10 кладов). Кроме того, из 49 памятников, определенных в целом булгарским временем, значительная часть также, вероятно, содержит материалы золотоордынского периода.

Городища (их известно 11) занимают обычно мысы вторых надпойменных террас, а селища располагаются в долинах рек либо непосредственно на их берегах. В 16 случаях рядом с селищами располагаются могильники с булгарскими надгробиями. Пять городищ возникли в домонгольское время: Казанский кремль, Кашанское-I, Кашанское-II, Чаллыньское, Кирменское. Пять – в золотоордынское: Дигитлинское, Омарское, Красногорское, Камаевское, Арское.

Крупной группой археологических памятников являются неукрепленные поселения-селища. Вследствие ряда причин эти памятники изучены хуже прочих. Однако их изучение позволит выяснить ряд важных вопросов: освоение территории булгарским населением, характер хозяйства. К сожалению, до нас не дошли письменные источники, характеризующие сельские поселения Булгарии, поэтому такие вопросы, как характер феодального землевладения, остаются нерешенными.

В настоящее время мы располагаем данными о 46 селищах, датированных со 2-й половины XIII до 1-й половины XV в. Можно выделить две группы селищ. К первой группе относятся памятники, имеющие площадь от менее 1 га, их зафиксировано 21. Ко второй группе относятся средние поселения с площадью от 1 до 7 га, их зафиксировано 26. Наиболее многочисленны средние поселения, имеющие площадь от 1 до 7 га. Они составляют основу поселенческой структуры булгар к северу от Камы. Совершенно очевидно, что селища или, другими словами сельские поселения, были основным местом жизнедеятельности булгарского населения Предкамья, так как их площадь абсолютно доминирует на фоне площади городищ.

Отдельно следует рассматривать неукрепленные поселения, имеющие площадь свыше 7 га. Таких поселений известно восемь – это Русско-Урматское селище (данный памятник имеет площадь 200 га), Лаишевское селище (около 20 га), Читинское селище (9 га), Бужинское селище (10,5 га), Большенырсинское-I (8,075 га), Большенырсинское-II (7 га), Чаллыньское-I селище (45 га), Чаллыньское-II селище (12 га). Следует отметить, что Чаллыньское-II селище непосредственно примыкает к Чаллыньскому городищу и, таким образом, образует с ним единый комплекс.

Рассмотрим вопрос, каким образом распределяются изучаемые нами памятники на карте.

Золотоордынские памятники Западного Предкамья объединены в семь групп:

- 1) Казанская (Казанский Кремль, Кабанское городище и др.);
- 2) северная (Русско-Урматское, Урматское-II, Камаевское, Татарско-Айшинское и др.);
- 3) Кирменская (Кирменское городище и селища, Дигитлинское городище, Омарское городище, селище «Урочище Киреметь», Красногорское городище и др.);
- 4) Кашанская (Лаишевское селище, Рождественский комплекс, Именьковское селище, Большеелгинское селище и др.);
- 5) Чаллыньская (Чаллыньское городище и селище и др.);
- 6) центральная (Тямтинское, Казакларское и др.);
- 7) северо-восточная (Кукмара-I, Мачкара и др.).

Четыре группы поселений формируются вокруг золотоордынских городищ, одно – вокруг неукрепленного селища (Русско-Урматское). Центры прочих двух групп (центральной и северо-восточной) пока не локализованы.

В целях изучения системы золотоордынских поселений в Западном Предкамье важным направлением является моделирование потенциальных экономических зон вокруг городских и в целом крупных поселений. Д.С. Коробовым проводилось изучение системы расселения алан с помощью методики построения полигонов Тиссена. «Полигоны проводят границу между потенциальными экономическими зонами двух близлежащих функциональных центров по прямой линии, соединяющей точки пересечения окружностей, очерченных вокруг центров. При этом используется двумерная модель деления территории, без учета рельефа местности». «Для создания картины использования сельскохозяйственных территорий использовался радиус в 5 км вокруг поселений, поскольку общепризнанным является наиболее рациональное их размещение в пределах именно этой дистанции» (Коробов, 2008. С. 49–50).

Критерием выбора экономического центра выступают «городские» признаки или археологические особенности, предложенными исследователями золотоордынских древностей (Недашковский, 2010. С. 222–223): площадь более 7–10 га, наличие следов торговых связей с соседними регионами, наличие свидетельств массового ремесленного производства, присутствие остатков монументальной архитектуры, нахождение предметов земледелия и промыслов.

В результате нами намечено пять потенциальных экономических центров: городище Казанский Кремль, Русско-Урматское поселение, городище Кашан-I, Кирменское городище, Чаллыньское городище. Два центра пока не локализованы.

Можно сделать некоторые выводы. 1. Экономические центры не всегда совпадали с политическими центрами. 2. Экономические центры возникали и развивались на относительно равном удалении друг от друга.

Причина такого расположения поселений торгово-ремесленного характера объясняется экономической целесообразностью. В Булгарском улусе Золотой Орды основная часть населения была занята в сельском хозяйстве и проживала в сельской местности. Ремесленники же концентрировались в крупных поселениях городского типа. В целях более быстрого обмена товарами необходимо рациональное расположение торговых центров. Для подобной системы торговых поселений необходима была известная самостоятельность в их экономической деятельности, этот факт отличает золотоордынские поселения изучаемого региона от памятников Нижнего Поволжья, где города строились по воле ханов.

Также свою роль сыграли и природные условия региона Западного Предкамья. Рельеф представляет собой равнину, которая подразделяется на три зоны: плоская равнина на юго-западе, холмистая местность на востоке, и северная часть, изобилующая обнажениями террас в бассейнах рек Казанка и Ашит. Судя по почвенным картам, пригодные для земледелия и выпаса скота территории находились только в поймах малых рек, а также Волги и Камы, тогда как основную территорию занимали смешанные и хвойные леса. Данные природные условия отразились и на системе поселенческих памятников, они в абсолютном большинстве не выходят за пределы пойм рек Кама, Волга, Мёша, Казанка и Ашит.

Библиографический список

Коробов Д.С. Изучение системы расселения алан Кисловодской котловины с помощью геоинформационных технологий // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): тез. докл. междунар. конф. М., 2008.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XIII–XIV вв.: ОЧЕРКИ МЯСНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (по археозоологическим материалам)

Л.В. Яворская

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №11-06-00190-а)

Общую бытовую культуру, уровень благоустройства городов выявляют в археологии на основании анализа архитектурных и инженерных сооружений, – исходя как из редких, так и массовых находок на памятниках. Кости животных являются массовым археологическим материалом этих городов. Но традиционно в отечественной научной литературе считалось, что кости животных, как биологические остатки, несут информацию о хозяйстве населения. Это касалось и золотоордынских городов. Г.А. Федоров-Давыдов (2001. С. 229) указывал, что «...кости домашних животных, находимые в культурном слое золотоордынских городищ, характеризуют как состав стада, так и состав мясной пищи жителей».

В работах археозоологов последних 20 лет убедительно звучит мысль о том, что состав стада невозможно выявить на основании простых видовых определений костей домашних животных и их количественных подсчетов. Процедура реконструкции состава стада значительно сложнее, так как учитывает зоотехнические законы и другую археобиологическую информацию (Антипина, 2005. С. 182; Антипина, Лебедева, 2005).

Совершенно справедливо Г.А. Федоров-Давыдов (2001. С. 229–230) указал на то, что кости животных характеризуют состав мясной пищи жителей золотоордынских городов, отметив, что состав костей на каждом городище особый. Простые определения остеологов 60–70-х гг. XX в. выявили основной видовой состав млекопитающих на памятниках золотоордынского времени Нижнего Поволжья, позволили в самом общем виде увидеть некоторые особенности в распределении долей останков разных таксонов. Однако информация о мясной диете не выявляется напрямую из простых количественных подсчетов видовых определений остеологов. Необходимо учитывать целый ряд факторов биологического и исторического характера. Важнейшим фактором является археологический контекст находок. Археозоологические исследования проводились мной на шести золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья по методике, разработанной в лаборатории естественно-научных методов в археологии, которая предполагает, помимо получения и анализа общепринятой биологической информации, получение специфици-

ческой археологической, на основе фиксации новых параметров и характеристик (Антипина, 2005). Для выявления особенностей мясного потребления эти параметры оказываются очень важны.

1. Необходимо убедиться, с какой именно категорией остеологических остатков мы имеем дело: помимо наиболее распространенных «кухонных», на памятниках могут быть выявлены остатки ритуалов, связанных с животными, остатки производства изделий из кости, а также остатки печальных последствий катастроф, в которых погибали животные (Антипина, 2004; Яворская, 2010). То есть особенности мясного потребления могут выясняться лишь на тех материалах, чье «кухонное» происхождение доказано.

2. В средневековых городах домашних животных содержали для различных бытовых нужд, например как транспортных или молочных, а также охранных, да и просто домашних любимцев. Однако разведение животных специально для получения мяса, т.е. содержание их в большом количестве, заготовка кормов и уборка навоза чрезвычайно затруднены в городских условиях. И для золотоордынских городов Нижнего Поволжья этот аспект приобретает особое звучание, поскольку они расположены в кочевой степи. Степные мегаполисы средневековья, как, например, города, располагавшиеся на местах Царевского и Селитренного городищ, требовали колоссального количества мясной продукции, которую, вероятнее всего, поставляло в города степное население.

Таблица 1

Доли категорий определяемых костных фрагментов
в выборках золотоордынских городов Нижнего Поволжья (%)

Памятники и раскопы	Категории остеологических остатков животных						Всего
	Домашние млекопитающие		Дикие млекопитающие	Другие классы			
	Мясные виды	Немясные виды		Птицы	Рыбы	Моллюск	
Селитренное, раскоп 40	85,49	2,28	0,16	1,09	10,98		100,0
Царевское-усадьба, 2007–2010 гг.	96,15	0,78	0,25	1,89	0,89	0,04	100,0
Водянское, 2005	68,97	0,17	0,22	2,43	28,21		100,0
Увекское 2010–2011, раскоп 3	92,60	2,72	0,15	1,16	3,37		100,0
Самосдельское, раскоп II, золотоорд. период	75,06	4,42	0,11	0,36	19,90	0,14	100,0
Багаевское селище, 2008–2010 гг.	87,04	0,59	0,14	3,46	8,19	0,59	100,0
Средние по категориям	84,78	2,45	0,17	1,30	11,20	0,10	100,0

Остатки мясных видов млекопитающих преобладают на всех памятниках Нижнего Поволжья золотоордынского времени (69–96%) (табл. 1). Доля диких млекопитающих, среди которых есть виды, чье мясо употребляется в пищу, столь незначительна (0,11–0,25%), что учитывать их в мясном потреблении горожан не имеет смысла (табл. 1). Это относится и к остаткам моллюсков. Находки костей птиц, мясо большинства из которых употребляемо в пищу, пока не определены до видового уровня и не разделены на диких и домашних. Их доля несколько выше среднего лишь на сельском поселении Багаевское и на небольшом Водянском городище (3,5–2,3%, при среднем 1,3%) (табл. 1). Наибольший интерес представляет доля рыбы, которая колеблется от 1 до 28% и имеет обратную корреляцию с долей домашних мясных млекопитающих: чем выше доля мясных домашних, тем ниже доля рыбы и наоборот. Наивысшие значения доля рыбы принимает на городищах Самосдельское и Водянское (20–28%), наименьшие – на Царевском и Увекском (1–3%).

3. На территории золотоордынских городов Нижнего Поволжья среди «кухонных» остатков зафиксированы кости 6 видов домашних мясных млекопитающих: крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот (овца и коза), свинья, верблюд (табл. 2). Но соотношение долей их остатков отличается на разных памятниках. Потому особое значение для исследования приобретают окружающие ландшафтные условия, возможности содержания определенных видов животных, сравнение видов, возможных для содержания в данной местности и реальных приоритетов мяса тех или иных видов в потреблении горожан.

4. Мясное потребление горожан имеет и религиозно-этнические особенности. Структура домашних и диких видов животных, чье мясо могло употребляться в пищу, оказывается разнообразной и варьирует в различных городах и поселениях золотоордынского Нижнего Поволжья. Столичные центры Нижней Волги были населены полиэтническим и поликонфессиональным населением и вариации видового состава мясных видов могут быть не только между разными населенными пунктами, но и внут-

ри одного города по районам компактного проживания тех или иных религиозно-этнических групп. (Яворская, 2009). Так, на Водянском и Увекском городищах, в районах проживания русского населения, несколько увеличивается доля свиньи в остеологическом спектре, а доля костей рыбы выше, чем на других районах этих же городов.

Таблица 2

Количество костных фрагментов и остеологические спектры основных мясных домашних видов животных с поселений золотоордынского времени Нижнего Поволжья

Таксоны / Памятники	КРС	Лошадь	МРС	Верблюд	Свинья	Всего домашних видов
Селитренное, раскоп 40	1036	365	2754	4	7	4166
%	24,87	8,76	66,11	0,10	0,17	100,0
Царевское-усадьба, 2007–2010	1806	606	4096	0	7	6515
%	27,72	9,30	62,87	0,00	0,11	100,00
Водянское, 2005	369	81	793	3	1	1247
%	29,59	6,50	63,6	0,24	0,08	100,0
Увекское, 2010–2011, раскоп 3	807	33	3530	1	21	4392
%	18,37	0,75	80,37	0,02	0,48	100,0
Самосдельское золотоорд. время, раскоп II	1956	662	4583	49	5	7255
%	26,96	9,12	63,17	0,68	0,07	100,0
Багаевское селище (определения 2008–2010)	957	105	799	0	53	1914
%	50,00	5,49	41,75	0,00	2,77	100,0

На всех памятниках городского типа наиболее многочисленным среди мясных видов в остеологическом спектре оказался мелкий рогатый скот (62–80%). Вторую позицию занимает КРС (18–29%), третью – лошадь (1–9%). Кости свиньи встречены не на всех памятниках и доля их никогда не достигает на городищах даже 1%. При сохранении общих контуров спектров несколько отличается от всех городов Увек. Здесь наименьшая из всех городов доля у КРС (18%), наименьшая – у лошади (0,75%), а значение доли МРС – наивысшее (80%). Что выделяет Увек из остальных городов золотоордынского Нижнего Поволжья? Прежде всего то, что этот город известен с XIII в., тогда как все другие – с XIV. То есть это один из первых городов, основанных ордынцами. Этнический состав его жителей и, соответственно, их возможные предпочтения в белковой диете не очень ясны. Принципиально по всем показателям отличаются лишь остеологические спектры селища Багаевское. Лидирует здесь уже крупный рогатый скот (50%), доля МРС снижается до 41% и именно здесь доля остатков свиньи приобретает какие-то отчетливые значения (2,7%).

6. Структура остеологических спектров обычно отличается от структуры мясного потребления. Отличия эти обусловлены естественными различиями в весе животных: крупные копытные весят в несколько раз больше средних. Для вычисления доли каждого вида в мясном потреблении необходимо умножить соответствующую ему долю в остеологическом спектре на весовой коэффициент. Сам этот коэффициент не является абстракцией, взятой из сельскохозяйственной литературы. Он должен быть рассчитан на основе конкретных данных по возрастной структуре и размерам животных, которых съели на поселении (Антипина, 2004. С. 112). Из археозоологических исследований (Цалкин, 1967; Яворская, 2006–2011) мы имеем представление о средних размерах популяций золотоордынского скота. Анализ возрастной структуры дает основания утверждать, что в подавляющем большинстве случаев животные были забиты на мясо в том возрасте, когда они достигли размера взрослых. Размеры видов, реконструируемых на основании костных остатков из археологического памятника, могут быть соотнесены с современными породами для расчета коэффициента кратности веса внутри единой популяции домашних животных. Золотоордынский скот удобнее всего соотносить с калмыцкими или казахскими степными породами, находящимися так же, как и золотоордынский, на свободном выпасе. За единицу измерения принят вес одной овцы без курдюка. Для средневековья он составляет около 50 кг. Коэффициенты кратности туш получились следующие: КРС весит в 6 раз больше овцы, лошадь – в 5,5. Остатки свиньи столь немногочисленны, что не удалось установить даже приблизительные размерные характеристики. Коэффициент установлен такой же, как для МРС. Для верблюда этот коэффициент равен 8. Доли животных в остеологических спектрах (табл. 3) умножаются на соответствующие коэффициенты, получаются объемы мясных продуктов в условных единицах, от суммы которых вновь вычисляется доля каждого вида, но уже в мясном потреблении (табл. 3).

Таблица 3

Соотношения объемов мясных продуктов на золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья (%)

Памятники	Мясные домашние виды					
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Верблюд	Всего
Селитренное	56,4	18,22	24,99	0,06	0,33	100,0
Царевское	59,29	18,23	22,41	0,04	0,03	100,0
Водянское	63,74	12,83	22,83	0,03	0,57	100,0
Укек	56,42	2,12	41,13	0,25	0,08	100,0
Самосдельское	57,61	17,87	22,5	0,03	2,0	100,0
Багаевское	80,06	8,052	11,14	0,75	0,002	100,0

Картина мясного потребления оказывается более однородной на золотоордынских городских памятниках Нижней Волги, чем остеологические спектры. Решительно «лидирует» говядина (56–63%), на втором месте – баранина (22–41%), доля лошади невелика и составляет от 12 до 18% за исключением Увекского городища, на котором конину в пищу почти не употребляли (2%), ее компенсировали бараниной, доля которой в мясном потреблении наивысшая именно здесь (41%). Отмечу, что взаимно обратны коррелируют доли говядины и баранины. По мясному потреблению из памятников городского облика вновь принципиально отличается город Укек. Его остеологические спектры по мясным видам и малочисленное присутствие остатков рыбы в культурных слоях удивительно созвучны материалам из Каракорума, также выстроенном монголами в XIII в. (Цалкин, 1968). Селище Багаевское вновь демонстрирует принципиальные отличия. Решающую роль в мясном потреблении здесь играет говядина (80%), доли лошади и мелкого рогатого скота приближаются друг к другу (8 и 11%). Пока это единственный пример нижеволжского селища золотоордынского времени со статистически достоверной остеологической коллекцией.

Тем не менее отчетливо видно, что по мясному потреблению отличаются города и селища Нижней Волги, выделяются города, возникшие в XIII в., а крупные города, несмотря на разницу ландшафтно-климатических условий и возможностей содержания скота, демонстрируют единство.

Библиографический список

- Антипина Е.Е. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино-5, 7, 8 в середине I тысячелетия // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004.
- Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественно-научные методы. М., 2005.
- Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. №4.
- Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. М., 1967. Т. LXXII (1).
- Цалкин В.И. Фауна из раскопок Кара-Корума // Краткие сообщения Института археологии. М., 1968. Вып. 114.
- Яворская Л.В. Некоторые аспекты в сравнительном изучении археозоологических материалов из раскопок золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве: мат. V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань, 2011.
- Яворская Л.В. Некоторые особенности этноконфессиональной структуры золотоордынских городов Нижнего Поволжья по данным археозоологии // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1.
- Яворская Л.В. Самосдельское городище в золотоордынский период по данным археозоологии // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Астрахань, 2010.

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

A COMPARATIVE STUDY BETWEEN EAST AND WEST EURASIA ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE BROWN BEAR AND HUMANS – THE CHARACTERISTICS OF THE ALTAI REGION

Amano Tetsuya (Аmano Тэцую)

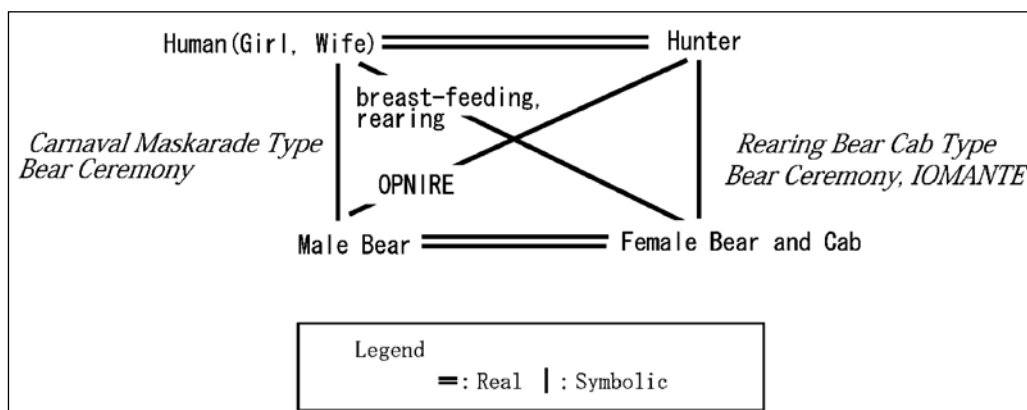
Hokkaido University, Sapporo, Japan (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)

1. Economic uses of the brown bear

The main animal species found in Pleistocene sites in east Europe, the western part of Russia and Siberia are ungulates. Brown bear remains basically do not exceed 10%. In the Holocene, the ratio of brown bear bones in wild animal remains increases from the Middle Stone Age (4%) to the medieval age (8%). It is interesting that the ratio of brown bear in pastoral-agricultural society is three to four times higher than in hunting society. This would indicate that the brown bear was not useful for hunting society. On the other hand, the ratio of brown bear found in ritual and ceremonial sites in hunting-fishing and gathering society is much higher than other carnivorous animals. This indicates that the brown bear was deeply respected.

2. The brown bear as culture

Despite having favorable natural and ecological conditions for brown bear habitat, Western Europe exterminated the brown bear first and attained development. We can still see a relic of the respect for the brown bear by humans in the festival of carnival/masquerade - masquerade?? in Europe. The essence of carnival/masquerade is obtaining the power of the brown bear through a symbolic marriage between a female and a brown bear.

In contrast to Western Europe, many people in Eastern Eurasia, especially in the Far East, such as the Ainu co-existed with the brown bear in the same area. They actively hunted the brown bear but deeply respected it as a god. The ceremony of the brown bear called «Iomante» in Ainu language is able to be understood as a symbolic marriage between a hunter and a female bear.

What was the situation in the Altai region where is rich in many interesting rock arts such as Uzungur (on the right bank of Dzhazator river)?

ДЕКОР МОНГОЛЬСКОГО КОСТЮМА XII–XIV вв.

М.В. Горелик

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Монгольский костюм эпохи Чингис-хана и его потомков (2-я половина XII – XIV в.) – времени создания и существования Великого монгольского государства и империи Чингизидов – уже несколько десятилетий является объектом моего изучения. Сначала исследования базировались на материалах изобразительных и письменных источников и очень редких тогда археологических вещественных памятников.

Уже тогда мною было отмечено, что китайская живопись, гравюра и скульптура X–XIV вв., а также иранская миниатюра и роспись керамики XIV в., совпадая друг с другом и с археологическими артефактами, точно и подробно передают облик монгольского костюма, взаимно подтверждая сведения китайских, монгольских, мусульманских и европейских письменных источников. Второе основное положение, выработанное мной совместно с М.Г. Крамаровским, – мысль о существовании на всей территории империи Чингисидов (от Кореи до Дуная, от Сибири и Руси до Ирана и Месопотамии), единого репрезентативного комплекса культуры, который был выработан монгольской элитой на основе собственных представлений о красоте и роскоши. Этот комплекс был назван «Монгольской имперской культурой» и охватывал такие категории парадной культуры, как одежда, прическа, украшения, аксессуары, оружие, конское снаряжение, интерьер, пиршественная посуда. Предметы всех этих категорий знаменовали принадлежность их обладателя к Монгольской империи вообще и конкретное место в ее социальной структуре. В последние годы в связи с появлением на антикварном рынке в результате раскопок, в основном нелегальных, сравнительно большого числа реальных монгольских, особенно парадных, одеяний интерес к чингисидскому костюму резко возрос, особенно среди специалистов по текстилю.

Здесь мы не будем подробно касаться покроя монгольского костюма, рассматривая только принципы, методы и техники его декора. Отметим лишь основные элементы мужского, девичьего и женского костюма. Верхняя одежда мужчин и девушек, включая прическу, была практически идентичной, за исключением ряда деталей, по которым монгол сразу и издалека отличал мужчину от девушки. Она включала халат/кафтан *дегель* с косым запахом, обычно слева направо, расклешенный, иногда с выкройной талией, с длинными узкими или короткими широкими рукавами. Другой одеждой был кафтан *тэрлэг* с верхней полкой, вырезанной от солнечного сплетения квадратом. Были и безрукавные кафтаны с осевым разрезом. Нередко юбка была отрезной. Основным парадным признаком, выполняемым при кройке и шитье, были сборки разной формы на линии пришивания юбки к верху. Важным признаком парадного имперского платья были горизонтальные полосы на талии, которые выполнялись из нашитых тесемок и шнурков, ткались в купоне или изображались путем выдергивания нитей. Важной деталью мужского костюма был утеплитель поясицы, состоявший часто из очень широкого пояса, к которому спереди пришивались две лопасти, гревшие ляжки, а сзади одна, гревшая крестец. Женский *дегель* отличался длиной до пят, иногда шлейфом, очень широким, расклешенным силуэтом и очень широкими, сужающимися к манжетам рукавами. Особенностью женского монгольского костюма был головной убор *бохтог, боктак*, состоявший из круглой шапочки, увенчанной «колонной с капителью».

Важнейшим видом декора монгольского чингисидского костюма были роскошные ткани, особенно с применением золотных нитей. Чингис-хан одной из главных целей своих завоеваний объявлял снабжение своего клана, приближенных и гвардии златоткаными одеждами. Персидский историк и визирь монгольских правителей Ирана в начале XIV в. сообщал, что в его государстве – Улусе Хулагу – основной расход золота связан именно с производством золотных тканей, так как именно они – признак «монгольскости», элитности. Монголы прекраснейшими считали китайские и иранские ткани. Но ценили не только их в чистом виде. Они создали несколько разновидностей роскошнейших тканей, которые в узоре сочетали китайские мотивы с персидскими. Одним из самых ярких монгольских стилей был текстильный декор тканей, которые выделялись в Восточном Туркестане, в казенных мастерских, учрежденных монгольскими ханами, где вместе с местными уйгурскими мастерами трудились китайские и персидские ткачи и художники. В этих мастерских изготавливались самые дорогие одежды из индивидуально вытканых купонов. Особенностью их были вотканые в плечевую часть полосы с арабскими псевдонадписями. Также в купоне ткали такие монгольские имперские элементы декора парадного платья, как круги («солнце и луна») на плечах, трапециевидные поля под ними, квадраты в середине груди и спины и четырехлопастные фигурные оплечья, которые могли быть как элементом декора халата/кафтана, так и отдельной частью костюма: в эти поля вписывали знаковые монгольские символы – драконов, птиц, копытных и зайцев в зарослях.

Два других способа декорирования монгольской парадной одежды – вышивка и аппликация. Вышивка выполнялась обычно гладью, была монохромной (золотной) или многоцветной. Вышивали как непосредственно по ткани одежды (как правило, монгольские мастера), либо на куске ткани или куске сшитых разных тканей вышивали сразу много элементов вышивки и целые композиции. Потом разрезали и пришивали к соответствующим разным одеяниям. Этот прием практиковали китайские мастера. В особых случаях сплошь вышивались сами ткани, обычно многоцветным узором. Самым богатым декором вышивались утеплители поясиц. Также вышивкой украшались головные уборы и сапоги. Аппликацией выполняли те же элементы декора. Для аппликации выбиралась узорная ткань, из которой

вырезался силуэтный узор, окаймленный по краю выпуклой каймой из шнура или тесьмы, обшитой поперек вперекид нитью. Отметим и такие монгольские приемы декора одежды, как тончайшая вышивка узелками и окантовка фигурным плетением из шнура.

Стилистически можно выделить несколько основных стилей декора. К первому можно отнести чисто китайский стиль изображения животных и птиц, растений, камней и облаков, фантастических созданий и символических знаков. Второй характеризуется смешанными китайско-монгольскими признаками, где сочетаются искусно переданные растения с относительно примитивными изображениями животных. Третий стиль – в двух вариантах – представляет собой сильно стилизованный растительный узор, второй из коих – хорошо известный «роговидный» узор, до наших дней распространенный у тюркских народов от Алтая до Кавказа. Четвертый стиль мы можем назвать чисто монгольским зверино-растительным стилем. Его элементы восходят к глубокой древности. Монголы, пришедшие в степи из Приамурья, заимствовали эти элементы из окружавших их каменных stel эпохи поздней бронзы, с вырезающих из земли хуннских вышивок, с бронзовых предметов костюма, находимых в земле, которые до сих пор висят в монгольских юртах в качестве оберегов.

Последним из методов декорирования костюма является украшение его художественным металлом – изделиями из бронзы, золота и серебра, а также резной костью, камнями, жемчугом и бисером. Так украшались головные уборы и пояса, а также аксессуары, особенно подвесные сумки-кошельки *калта*. Головные уборы также часто украшались перьями и басонными изделиями.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Музеефикация представляет собой направление музейной деятельности и охраны памятников наследия, которое состоит в преобразовании историко-культурных и природных комплексов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности (Каулен, 2005. С. 363). Рядом отечественных специалистов были сформулированы подходы к музеефикации специфического археологического наследия. Н.М. Булатов (1975. С. 78, 86) обозначил несколько важных в этом отношении принципов. Он акцентировал внимание на том, что памятник может быть музеефицирован только по месту своего нахождения. О.Н. Бадер (1978. С. 152–153) представил анализ имеющегося опыта музеефикации различных памятников археологического наследия, обозначив в соответствии с этим критерием несколько методов: 1) музеефикация городов с каменными, сырцовыми или деревянными строениями; 2) музеефикация древних поселений и погребений; 3) музеефикация пещер, скалистых навесов и ниш; 4) музеефикация наскальных рисунков с использованием покрытий павильонного характера.

Н.С. Николаева (1997. С. 205–209) в одной из своих статей предприняла попытку обобщить основные подходы в области музеефикации археологических объектов, указав, что рассмотрение памятника в неразрывной связи с его окружением представляет собой основополагающий принцип сохранения культурного наследия. Отметим, что в имеющихся в литературе публикациях порой возникает некоторая путаница, когда категории «музей под открытым небом» и «археологический музей-заповедник» связываются со способами экспонирования памятников. Следует подчеркнуть, что музей-заповедник – это статус, который присваивается музею под открытым небом правительственным постановлением (Каулен, 2009. С. 13). Что касается наличия реконструкций и различных воспроизведений, образующих тематические экспозиционные зоны в музее под открытым небом, то это скорее может свидетельствовать о функционировании музея по типу исторического парка. Таковой, в свою очередь, по определению «Словаря актуальных музейных терминов» (2009. С. 52), может быть охарактеризован как учреждение музейного типа, в котором под открытым небом собраны различные материальные и нематериальные историко-культурные объекты и их воспроизведения. По принципу исторического парка в Сибири функционируют, например, часть музея-заповедника «Томская писаница» (Мартынова, 2001. С. 54–56), археологический парк «Перекресток миров» (Кирюшин, Кирюшина, 2008. С. 50–55). Иными словами, музей-заповедник – это статусная позиция, а исторический парк следует рассматри-

вать как одну из групп музеев под открытым небом. Хотя, безусловно, проблема классификации этих учреждений музейного типа нуждается в отдельном рассмотрении.

Музеефикация представляет собой длительный процесс, требующий сотрудничества различных специалистов – археологов, музеологов, историков, географов и других исследователей. Только реализуя комплексное изучение и актуализацию археологических объектов, возможен положительный результат, который позволит широко популяризировать регион и археологическое наследие в целом и включить его в сферу туризма. На наш взгляд, в качестве методологической основы музеефикации археологического наследия следует рассматривать теорию культурного ландшафта, предполагающую сохранение и формы музейного использования памятников культурного наследия в естественной природном окружении, в котором они исторически формировались и функционировали (Веденин, 2004. С. 73). Среди различных категорий культурных ландшафтов, выделяемых разработчиками рассматриваемой теории (сотрудники Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева), археологические можно отнести к ископаемым (Кулешова, 2004. С. 146) или палеокультурным (Кулешова, 2009. С. 18–20).

Подобные палеокультурные зоны широко представлены в Сибири, в том числе на территории Алтая. Так, вдоль главной транспортной артерии Республики Алтай – Чуйского тракта – располагается огромное количество археологических комплексов различных периодов времени, позволяющих реконструировать страницы дописьменной истории Центральной Азии и Южной Сибири. Среди наиболее изученных и посещаемых туристами объектов по линии этого тракта следует назвать территорию археологических памятников у с. Тузкта (курганы пазырыкской и тюркской археологических культур, ритуальные выкладки и балбалы), комплекс памятников Кур-Кечу (курганы и тюркские поминальные оградки, каменные изваяния), объекты поздней древности и раннего средневековья в устье р. Большой Яломан, стелы скифского времени в районе с. Иня, святилище Калбак-Таш (комплекс разновременных петроглифов), Чуйский оленный камень и святилище Адыр-Кан с большим количеством древних изображений. Обозначенные памятники наследия нуждаются в пристальном внимании со стороны властей, которые должны действовать в тесном сотрудничестве с учеными (археологами, историками, музеологами), способными разработать адекватные пути изучения, сохранения и популяризации уникальных комплексов.

Особым интересом у «диких» туристов уже не первый год пользуется комплекс памятников, расположенных на Чуйском тракте в месте впадения Большого Яломана в Катунь, представляющий собой уникальный культурный ландшафт, который имеет значительный потенциал для музеефикации. Большое количество объектов на этой территории уже раскопаны (Тишкин, Горбунов, 2003. С. 488–493), следовательно, о них имеется полноценная научная информация, которая может быть отражена в экскурсиях и экспозициях под открытым небом. Значительная часть курганов и поминальных оградок после раскопок восстановлена максимально близко к первоначальному состоянию, пережив, таким образом, первые этапы музеефикации и являя неповторимые объекты экскурсионного показа. Также по материалам данных памятников подготовлены рекламно-информационные материалы на русском и английском языках и выставочная проектная документация.

Для популяризации и презентации памятников в долине Большого Яломана разработано несколько экскурсионных маршрутов под общим наименованием «Сокровища долины Большого Яломана» (Афанасьева, Горбунова, 2009. С. 20–24; Горбунова, Шелепова, 2010. С. 134–137). Первый маршрут проходит по курганам пазырыкской и булан-кобинской археологических культур на памятниках Яломан-II, III (конец VI в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.) и тюркским оградкам на памятниках Яломан-II, VII (2-я половина V – X в. н.э.). Вторая экскурсия связана с посещением Яломанской крепости (вероятнее всего, соотносится с эпохой раннего средневековья). Третий маршрут представляет собой экскурсионный осмотр древних рисунков и объектов письменности на святилище Большой Яломан-III. Объекты показа на обозначенных маршрутах тщательно изучены и представляют собой уникальные архитектурные сооружения, давшие замечательные комплексы находок из бронзы, золота, камня, железа, кости, бересты. На памятнике Яломан-II можно обозначить несколько групп погребений. Первая группа курганов Яломан-II относится ко II в. до н.э. – I в. н.э. и связана с ранним этапом булан-кобинской археологической культуры. Вторая группа курганов Яломан-II может быть датирована 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н.э. и отнесена к позднему этапу булан-кобинской культуры. Данные сооружения представляют собой сложные архитектурные конструкции, курганы в которых пристраивались друг другу по принципу пчелиных сот. Исследованные на обозначенном памятнике поминальные оградки с балбалами относят к тюркской культуре и могут быть датированы V–VII вв. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2003. С. 488–493). На настоящий момент времени они представляют собой примеры восстановленных

после раскопок объектов эпохи средневековья. На их примере исследователями отработана методика воссоздания подобных памятников с элементами реконструкции.

Яломанская крепость располагается на склоне террасы левого берега Большого Яломана. Объект представляет собой значительную по своим размерам и роли крепость тюрок. Памятник представляет собой естественно сложившуюся террасу высотой до 20–25 м. К вершине террасы ведет узкий проход, защищенный искусственным рвом (оборонительное сооружение для защиты поселений) и земляным валом (земляная либо дерево-земляная насыпь, ограждавшая поселение). Территория крепости представляет собой вытянутый мыс, образовавшийся в месте слияния рек. В некоторых местах сохранились остатки стен, которые повторяют абрис мыса. На территории крепости за рвом и валом находятся возвышенности округлой формы, трактуемые как основания жилищ-юрт (более 80 единиц). Наконец, святилище Большой Яломан-III находится у живописной скалы с петроглифами на террасе левого берега Катунь ниже устья Большого Яломана. Отмеченный комплекс представляет исключительный научный интерес и является важным историко-культурным объектом. В левой части композиции писаницы имеются фигуры охотников. Две расположены вертикально (одна над другой), а третья находится немного в стороне от них. Достаточно многочисленны фигуры животных. Имеются также остатки надписи. Специалисты определили, что надпись тюркская и сделана она древнеуйгурским письмом, скорее всего, в VIII–IX вв. Святилище регулярно подвергается негативному антропогенному и природному воздействию. Наскальные изображения, создаваемые на протяжении многих сотен лет, повреждены современными выбивками (Тишкин, 2005. С. 179–189).

Проект «Сокровища долины Большого Яломана» является формой популяризации новейших достижений и сведений по археологии Алтая и может рассматриваться как первый шаг на пути к музеефикации обозначенной археологической территории или как пример частичной музеефикации отдельных памятников. Культурный ландшафт в долине Большого Яломана может выступать источником по истории архитектурно-строительной деятельности, планировки погребальных комплексов поздней древности и раннего средневековья, по истории освоения Алтая кочевниками. Музеефикация археологической территории может быть построена по пути исследования и восстановления объектов в том виде, в котором они сохранились до наших дней с небольшими элементами реконструкции и созданием специализированной инфраструктуры (мобильные выставки, смотровые и экспериментальные площадки, зоны отдыха и т.д.). И это лишь один пример возможности создания музея под открытым небом в Республике Алтай. Таких исследованных территорий с плотной концентрацией разновременных и аттрактивных памятников предостаточно в обозначенном регионе. Объединение специалистов, администрации, туристических фирм, а также наличие грантовой поддержки сможет обеспечить создание уникальных туристических зон с качественными познавательными и экологичными рекреационными ресурсами.

Подводя итоги, обозначим, что сама процедура полной музеефикации археологического памятника предполагает комплекс последовательных и взаимосвязанных мероприятий:

1. Исследование памятника (археологическая разведка, раскопки, мониторинг). При этом уже в процессе раскопок параллельно должен реализовываться план будущей музеефикации.

2. Восстановление памятника после раскопок. В случае если объектами показа выступают земляные курганы или петроглифы, или при оставлении открытыми некоторых элементов памятника (могила, хозяйственная яма, дромос и т.д.) для осмотра, то наиболее эффективным может быть устройство покрытий павильонного характера. Такой способ отвечает целям сохранности археологических комплексов и делает их удобными для демонстрации.

3. Создание инфраструктуры, экспозиционных и неэкспозиционных зон.

4. Разработка маршрутов, экскурсий, культурно-образовательных программ и других мероприятий. Необходима подготовка и издание буклетов, путеводителей для информационного обеспечения туристических маршрутов.

В мировой практике культурное наследие используется достаточно интенсивно. Многие объекты наследия являются символом, своеобразной визитной карточкой ряда регионов, стран, городов. Кроме прочего, музеи под открытым небом, образованные посредством музеефикации памятников наследия, служат пропаганде идеи сохранения и целесообразного использования культурного и природного наследия современным обществом. Широкие возможности в этом отношении имеются и в региональном (Алтай) археологическом материале эпохи поздней древности и средневековья.

Библиографический список

Афанасьева Е.А., Горбунова Т.Г. Памятники Яломанского археологического микрорайона как объекты экскурсионно-туристической практики в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2009. Вып. XVII.

Бадер О.Н. Музеефикация археологических памятников // Советская археология. 1978. №3.

- Булатов Н.М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1975. Вып. III.
- Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М., 2004.
- Горбунова Т.Г., Шелепова Е.В. Актуализация археологического наследия и культурный туризм // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2010. №3 (15).
- Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурных и природных объектов // Музейное дело России. М., 2005.
- Каулен М. Музеи и наследие // Музей. 2009. №5.
- Кирюшин К., Кирюшина Ю. На перекрестке миров // Достояние поколений. 2008. №1 (4).
- Кулешова М.Е. Систематика культурных ландшафтов // Культурный ландшафт как объект наследия. М., 2004.
- Кулешова М. Палеокультурные ландшафты и задачи их сохранения // Достояние поколений. 2009. №2.
- Мартынова Г.С. Музей-заповедник «Томская писаница» – опыт конструктивного использования памятника в создании комплексного музея под открытым небом // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. Кемерово, 2001.
- Николаева Н.С. Особенности музеефикации археологических памятников // Музей в современной культуре. СПб., 1997. Т. 147.
- Словарь актуальных музейных терминов / авт.-сост. М.Е. Каулен и др. // Музей. 2009. №5.
- Тишкин А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО САЯНО-АЛТАЯ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и новации в истории и культуре»

Тюркские ременные украшения характерных форм из цветного металла известны в раннем средневековье по всему степному поясу Евразии и за его пределами. Со 2-й половины VIII в. они декорируются преимущественно растительным орнаментом. Новый стиль так называемого степного орнаментализма присущ декоративно-прикладному искусству во многих регионах, включая и Саяно-Алтай.

В домонгольских культурах российского Дальнего Востока, а именно в Приамурье и Приморье (в меньшей степени), влияние тюркских элементов бесспорно. В первую очередь в число таких элементов входят именно ременные украшения, в основном неорнаментированные, которые известны всюду, где побывали тюркские племена или где распространилась тюркская «мода». Ученые расходятся во мнении, каким именно путем (торговля, инфильтрация отдельных предметов вместе с группами тюркского населения; непосредственно с территории Южной Сибири от уйгуров или кыргызов, из Южной Маньчжурии и Бохая в Приамурье; подробно о взглядах на проблему миграций племен и формирования культур в Приамурье см. Нестеров, 1998, 2001; Васильев, 2005, 2006) эти предметы оказались на Дальнем Востоке, но едины в том, что основной их массив попал сюда после разгрома кыргызами, обитавшими на Среднем Енисее (Минусинская котловина), в 840 г. господствовавшего в Центральной Азии Уйгурского каганата. Победа кыргызов, их военный поход в 847 г. в Маньчжурию сопровождался миграцией части уйгуров, а также племени теле (телэ, тели) на территорию государства Бохай (698–926), включавшего в себя часть современного российского Приморья, Северную Корею и значительную часть Северо-Восточного Китая (Маньчжурию). Полиэтническое государство населяли (помимо тунгусоязычных мохэ, основных жителей) также когурёсцы, тюрки, уйгуры, кидани, шибэры, согдийцы, китайцы (Шавкунов, 1968, 1985, 1988, 1990; История..., 1989; Государство Бохай..., 1994; Никитин, 2005).

Влияние тюркских племен, в том числе в области декоративно-прикладного искусства, на средневековое население Приамурья и Приморья углубленно не исследовалось. В данной статье рассмотрим, фиксируется ли такое влияние в тюркике малых форм Дальнего Востока в конце I тыс., после похода кыргызов в Маньчжурию.

Период «экспансии» Кыргызского каганата 2-й половины IX – начала X в. был временем расцвета «степного орнаментализма» в искусстве. Репертуар мотивов и композиций разнообразен, но отчетливо выделяются «серийные» изделия тюркики малых форм с набором композиций, которые тиражирова-

лись на разном уровне качества и известны на всей территории влияния каганата (Король, 2008). По наличию таких предметов на других территориях, на наш взгляд, можно судить о влиянии или появлении конкретных украшений непосредственно от кыргызов или вместе с ними, а не просто «от уйгуров или кыргызов» или «из Южной Сибири» (Деревянко, 1973; Савинов, 1973; Гусева, Шавкунов, 1976; Медведев и др., 1997). Замечено, что многие детали «тюркских поясов» на Дальнем Востоке «были уже анахронизмом для Сибири, но в Приамурье и Приморье они существовали еще довольно продолжительное время» (Васильев, 2006. С. 117).

В Приморье эпохи государства Бохай ременные украшения тюркских форм с фестончатыми краями и растительной орнаментацией единичны и относятся ко времени не ранее начала X в. Композиция на бляшке из поселения Синие Скалы настолько универсальна (Ермаков, 1990. Табл. 3.-6; Никитин, 2005), что соотносить ее именно с кыргызскими образцами невозможно. Отметим находку из Маньчжурии – накладку с фестончатыми краями и композицией «пальметты в составе крестообразной фигуры» (Деревянко, 2000. Рис. 15.-6). Не идентичные, но близкие аналогии форме предмета и орнаменту есть в Минусинской котловине (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXV.-16–17).

В Приамурье выделены две группы памятников: в Западном Приамурье – троицкая с опорным памятником Троицкий могильник, датированным Е.И. Деревянко VII–IX вв. (1977. С. 143), уточненная дата – 2-я половина VIII – X в. (Нестеров, 1998. С. 71, 72); в Восточном Приамурье – группа памятников «амурских чжурчжэней» (покровская культура) конца I – начала II тыс. с могильниками Корсаковский, Каменушка и др. Их исследователь В.Е. Медведев (1979. С. 98; 1986. С. 189; 1991. С. 28) отмечал, что тюркские компоненты прослеживаются преимущественно до середины X в.

В Троицком могильнике нам известны четыре бляшки тюркских форм с растительным орнаментом: две ажурные с идентичным орнаментом (сложной растительной композицией с незамкнутым построением); два тройника-распределителя ремней с основным орнаментальным мотивом – пальметтой с многолепестковым бутоном, в центре тройника – округлая лепестковая розетка (Деревянко, 1977. Табл. XXII.-1–3; XLII.-22). Заметим, что при господстве в степной Евразии характерного стиля, когда изделия выглядят очень похожими на первый взгляд, для выявления аналогий важны детали орнамента, на что большое внимание обращал Б.И. Маршак (1971). В рассматриваемом примере такие детали – перевязка в виде полосы поперек стебля у начала растительной композиции на ажурных накладках; пальметты с многолепестковыми бутонами и лепестковая розетка на тройниках – действительно указывают на близость изделий известным находкам с территории Саяно-Алтая IX–X вв. (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXI.-28; XXII.-41, 58; XXIII.-1–5). Сложная растительная композиция незамкнутого построения (с дополнительными элементами) используется для орнаментации Т-образных блях (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXIV.-3, поперечная перевязка есть). При этом идентичные композиции выявить не удалось. Несколько упрощенный вариант представлен в орнаменте наконечника из памятника сrostкинской культуры 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. на Алтае (Горбунова, 2003. Рис. 3.-14). Приводимые аналогии троичским бляшкам (Деревянко, 1975. Табл. XXXIX.-32, 33, 54, 55; 1977. С. 125) – это лишь близкие формы предметов, но никак не орнамента. Заметим, что розетка как элемент украшения центра тройника на предметах со Среднего и Верхнего Енисея вообще неизвестна. Розетка именно такого вида, как на находках из Троицкого могильника, характерна для тройников из Семиречья (Агеева, Джусупов, 1963. Рис. 1), хотя особенности их формы и элементов декора иные. Розетки других вариантов украшают тройники с Верхнего Прииртышья (могильники Юпитер, Славянка, Васильевка: Усть-Каменогорский музей) и с Алтая (Могильников, 2002. Рис. 47.-25; 48.-7).

Исследования торевтики малых форм Саяно-Алтая, проведенные автором совместно с Л.В. Коньковой (литературу частично см.: Король, 2008), показали, что говорить о центре «собственного изготовления блях в Сибири» (Деревянко, 1973. С. 86; 1977. С. 143; 1987. С. 76) в конце I тыс. не совсем корректно. Предполагаемая система обеспечения спроса на ременные украшения, возможно, включала в себя несколько центров, которые могли функционировать в колониях ремесленников (согдийцев?), известных вдоль трасс Великого шелкового пути. В.И. Распопова по поводу сходства предметов из удаленных друг от друга мест отмечала: «Ремесленные изделия с территории Карпатской котловины, находящие аналогии в среднеазиатских материалах, могут быть связаны с появлением в этой области какой-то небольшой группы мастеров из Согда. Предприимчивые согдийские ремесленники и купцы селились в весьма отдаленных от их родины областях: Китае, Туве, Монголии» (1970. С. 91). О проживании согдийцев в Бохае сказано выше. На «не до конца пока ясное» влияние согдийцев на культуру амурских чжурчжэней указывает В.Е. Медведев (1986. С. 179, 180).

Исходя из такого видения производства ременных украшений, распространенных в Саяно-Алтае, говоря о появлении подобных украшений «от кыргызов или уйгуров» в Восточном Приамурье, желательно учитывать, что предметы могли попасть на отдаленную территорию не только вместе с их владельцами, но и в результате торговли – через купцов, непосредственно от производителей. Истоки привнесенных в культуру местных племен элементов – «предметы центральноазиатского происхождения» (Нестеров, 1998. С. 95). В Корсаковском могильнике Восточного Приамурья орнаментированных ременных украшений тюркских форм больше, чем в Западном Приамурье. Некоторые из них, в том числе лировидные с фигурными окончаниями в виде трилистника или пальметты (Медведев, 1982. Табл. LXXII.-2; LXXXVIII.-11–13; 1986. Рис. 51.-19; 56.-4; 1991. Табл. XXII.-4–6, 8), сравнимы с предметами культуры алтае-телесских тюрок периода расцвета VIII–IX вв. (Киселев, 1949. Табл. L.-4–5; LII.-2; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 222–228. Рис. 9.-5; 10.-2–3; Кубарев, 2005. Рис. 13.-1). Орнамент лировидной подвески из погребения начала X в. (Медведев, 1991. Табл. LX.-22) подражает танским образцам (Король, 2009. С. 23. Рис. 5.-3; 2010. Рис. 1.-13), как и листовидная подвеска с растительным декором из Дубовского могильника конца X – XI в. (Медведев, 1986. Рис. 49.-18; Медведев и др., 1997. С. 19).

Лировидные подвески совершенно другого типа (примитивные подражания тюркским формам), иногда с геометрическим орнаментом, из Дубовского могильника (Медведев, 1980. Рис. 57; аналогичные известны из Надеждинского могильника того же времени и Покровского «клада»: Медведев, 1977. Табл. LVIII.-9–12; 1986. Рис. 21.-11–14) отнесены «несомненно» к импорту или заимствованиям «от уйгуров или енисейских кыргызов» (Медведев, 1977. С. 147, 148; 1986. С. 111; Медведев и др., 1997. С. 20, 24). При этом дана ссылка на изящные неорнаментированные формы с сердцевидным отверстием из памятников на Верхнем Енисее Уйгурского и Кыргызского каганатов. На Среднем Енисее в конце I тыс., помимо гладких форм, популярны подвески с растительным орнаментом, известные и в Верхнем Прииртышье (Кляшторный, Савинов, 2005. Рис. 12.-4; 19.-4; 21.-5).

Ременные украшения со сложным растительным орнаментом найдены в погребении 5 могильника Каменушка конца X – XI в. (Медведев, 1982. Табл. IV.-1, 5, 6, 19, 23; Медведев и др., 1997. С. 19). Как и в случае с предметами из Троицкого могильника, элементы орнамента характерны для изделий из Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. Но идентичные композиции найти не удалось. Если на сегментовидных ажурных бляшках декор действительно выполнен в «южносибирском» стиле, то сложная композиция на ажурной концевой накладке представляет иной вариант. Такое сплошное заполнение всей поверхности предмета нехарактерно для саяно-алтайских находок, оно присуще ременным украшениям киданей (Горбунова, 2005. Рис. 1, 2; Король, 2008. С. 17; ср. также: Табл. 17.-2 – необычный набор). Декор пряжки из Каменушки сравнивается с пряжкой из кыргызского могильника Шанчиг в Туве (Медведев, 1979. С. 98; ср.: Кызласов, 1969. Рис. 40.-1). Отмеченное «удивительное сходство» – явное преувеличение. Декор пряжки из Шанчига не имеет точных аналогий, хотя основной мотив – расщепленная пальметта с симметрично свисающими гроздьями винограда – популярен в Саяно-Алтае (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXVI.-13–19; Король, 2008. С. 166–169).

Одна из крупных подвесных блях из Корсаковского могильника и по форме, и по оформлению бордюра практически идентична известной, также не имеющей точных аналогий, сбруйной бляхе из Минусинской котловины, но основной декор различен (Медведев, 1982. Табл. LXXIII.-1; Васильев, 2006. Табл. X.-16; ср.: Кызласов, Король, 1990. Рис. 46). Заключение о том, что бляхи с рисунком «львицы в геральдической позе, летящей птички с веткой в клюве и распустившимся цветком имеют явно тюркское происхождение» (Васильев, 2006. С. 121. Табл. VIII.-82–83), слишком поспешно. Изображение животного в подобной позе известно лишь на подвесной бляхе, возможно, с Алтая (Король, 2008. С. 137), характерной для танского искусства формы, а порхающая птичка с веткой в клюве – также танский мотив (Salmony, 1934. Fig. 3; Gyllensvärd, 1958. Fig. 67.-g; 69.-a–b; 98.-g). Стремя из Уйбатского чаатаса в Минусинской котловине, в декоре которого есть порхающие птички, и по форме, и по декору соотносено с изделиями эпохи Тан, 618–907 гг. (Киселев, 1949. С. 326. Табл. LIV.-12). Заметим, что декор сердцевидной бляшки – растительные элементы и мотив «пламенеющая жемчужина» (в оригинальной трактовке), чрезвычайно популярный в Саяно-Алтае, – из Болоньского могильника конца X – XI в. в Восточном Приамурье, видимо, не понят (Медведев, 1977. Табл. LVI.-42; Васильев, 2006. Табл. VIII.-34; прорисовку контактного копирования см. Король, 2009. Рис. 2) и никем не упомянут.

Бронзовые ременные украшения, известные в культуре чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. Приморья, исследователи сравнивают также с материалами из Южной Сибири (Гусева, Шавкунов, 1976; Гусева, 1978; Шавкунов, 1978. С. 88; 1990. С. 155; История..., 1989. С. 296–298), приводя аналогии и выводы происхождения, например, мотива «бесконечный узел» из хозяйственного уклада культуры кочевников. Напомним, что этот мотив – традиционный буддийский символ, а Приморье в предшествующее вре-

мя входило в Бохай, где государственной религией был буддизм. И если этот мотив хорошо известен «енисейским кыргызам», то мотив «маньчжурская астра» совершенно не характерен для их искусства, а представляет типичный образец декора сунского (960–1279) Китая. Некоторые мотивы, получившие распространение на удаленных территориях, вполне могли иметь некий общий исток в культурах с высоким уровнем развития не только искусства, но и ремесленного производства. Такими истоками для запада евразийских степей были Византия, Иран, Согд, для востока – Китай, Иран, Согд.

Заметная роль согдийцев на Великом шелковом пути, зафиксированная археологическими (Распопова, 1970) и письменными источниками (Лубо-Лесниченко, 1994. С. 257–260), позволяет предполагать, что в первую очередь согдийские мастера, а также, возможно, и другие выходцы из крупных городских ремесленных центров имели отношение к производству торовитки малых форм и ее распространению в степной Азии.

Итак, декор ременных украшений тюркских форм с территории Дальнего Востока указывает их центральноазиатские истоки. Предметы наиболее популярных в Саяно-Алтае в конце I – начале II тыс. (и у енисейских кыргызов) «серий» здесь не найдены. В то же время проведенный Л.В. Коньковой факторный анализ химико-металлургических особенностей комплекса бронз (не только ременных украшений тюркских форм) VIII–XI вв. восточной части степной Азии дал интересные результаты. По наиболее диагностичным для геохимической характеристики металла элементам (сурьме и висмуту) наибольшее сходство зафиксировано между Приамурьем и Минусинской котловиной. Отмечено максимальное количество цинка (латунные изделия) в металле находок из Минусинской котловины, Забайкалья и Приамурья, где из латуны изготовлены преимущественно предметы тюркских форм. По наличию тех или иных геохимических групп также выявлено сходство металла Минусинской котловины и Приамурья. Главный вывод, наиболее важный для сопоставления торовитки малых форм Саяно-Алтая и Дальнего Востока, состоит в том, что зафиксированное отсутствие изоляции отдельных территорий позволяет предположить устойчивые связи внутри степной зоны Азии относительно сырьевых ресурсов и распределения готовых предметов. Химизм изделий «свидетельствует о наличии по крайней мере нескольких производственных центров, продукция которых поступала в различные концы Центральной и Восточной Азии» (Конькова, 1996. С. 35).

Система производства и распространения изделий, по-видимому, была еще более сложной и дробной (Король, Конькова, 2007). Анахронизм ряда украшений в Приамурье конца I тыс. и при этом близость по характеристикам металла разных (в том числе «амурского» типа) изделий синхронным орнаментированным предметам со Среднего Енисея свидетельствуют, на наш взгляд, о стабильном существовании центров производства, привязанных к определенным источникам сырья. Миграции племен способствовали консервации некоторых «тюркских» элементов центральноазиатского происхождения.

Библиографический список

- Агеева Е., Джусупов А. Интересная находка // Ученые записки Казахского государственного университета. Сер.: История. Алма-Ата, 1963. Т. LIV, вып. 12.
- Васильев Ю.М. Покровская культура Приамурья (IX–XIII вв. н.э.) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв.). Владивосток, 2006.
- Горбунова Т.Г. Бляхи-накладки конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003 (Известия лаборатории археологии; №10).
- Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.
- Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. Владивосток, 1994.
- Гусева Л.Н. Об истоках некоторых орнаментальных мотивов в искусстве чжурчжэней // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Гусева Л.Н., Шавкунов Э.В. О происхождении одного орнаментального мотива у чжурчжэней // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976.
- Деревянко Е.И. Тюркские компоненты в наборном поясе мохэсцев // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
- Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск, 1977.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987.
- Деревянко Е.И. Бохай и Приамурье // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.
- Ермаков В.Е. Изделия из бронзы на памятниках ольгинской археологической культуры в Приморье: препринт. Владивосток, 1990.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (МИА; №9).
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

- Конькова Л.В. Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008 (Труды САИПИ; Вып. V).
- Король Г.Г. Декор ременных украшений средневековых кочевников востока евразийских степей: синтез культурных традиций // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии: семантика и культурные традиции. Владивосток, 2009.
- Король Г.Г. Декор средневековых ременных украшений из могильников Хойцегор и «На Увале» (Южное Забайкалье): культурные влияния и вопросы датировки // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010 (Труды САИПИ; Вып. VI).
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. №2.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М., 1994.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971.
- Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней, конец X – XI в. Новосибирск, 1977.
- Медведев В.Е. Тунгусоязычное население Приамурья в конце VIII – XI вв. и тюрки // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.
- Медведев В.Е. Могильник у села Дубового – памятник ранних чжурчжэней Среднего Приамурья // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980.
- Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск, 1982.
- Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск, 1986.
- Медведев В.Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск, 1991.
- Медведев В.Е., Малахов В.В., Власов А.А. и др. О химическом составе металлических изделий из памятников чжурчжэньской культуры Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. Новосибирск, 1997. №3.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2002.
- Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1998.
- Нестеров С.П. Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2001.
- Никитин Ю.Г. Тан, Бохай и «восточные варвары» (Восточная периферия Бохая) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Распопова В.И. Согдийский город и кочевая степь // КСИА. 1970. Вып. 122.
- Савинов Д.Г. О границах государства снисейских кыргызов в IX–X вв. // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
- Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
- Шавкунов Э.В. Проявление «звериного стиля» в искусстве чжурчжэней // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
- Шавкунов Э.В. Согдийская колония VIII–X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988.
- Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- Gyllensvärd B. T'ang gold and silver. Göteborg, 1958.
- Salmony A. Ein chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1934. T. IX.

ДВА ВЕКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ XIII–XIV вв.

М.Г. Крамаровский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Изучение начального этапа в развитии культуры Чингисидов затруднено недостатком достоверных источников. Это связано с тем, что «темные века» монгольской истории пришлось на время консолидации монгольских племен в XI–XII вв., в том числе и на период первого монгольского государства *Хамаг монгол улуса* (около середины XII в.)*. Скупые сведения письменных источников о контактах части тата-

* *Хамаг монгол улус* просуществовал недолго и распался в около 1160 г. Но все-таки в годы мирных отношений монголы взамен поставки чжурчжэням табунов скота получали зерновые и шелк (300 000 кусков тонкого и столько же грубого шелка) – см. Кычанов, 2004. С. 285. Сам факт нормальных обменов с чжурчжэнями, как и в свое время с киданями, дает основание

ро-монголов с киданями Ляо (916–1125) и чжурчжэнями Цзинь (1115–1234) все еще мало подкреплены археологически, и мы почти ничего не знаем о материальной культуре монголов времени Хабул-хана и его политических наследников. Отсюда размытость представлений о генезисе и начальной фазе складывания культуры времени монгольского единства 1-й половины XIII в. Лишь материалы торевтики – произведений художественного серебра и золота, обладавших тем преимуществом, что наиболее точно отвечали уровню требований монгольских элит к собственной аутентичности, дают возможность хоть как-то восполнить лауну. В реальной жизни стремление к имперской (чингисовой) самоидентификации находило отражение в выборе ханами, нойонами всех рангов и приравненных к ним представителям местных аристократий соответствующих регалий. Помимо узкого перечня символов ханской власти, включая троны (Крамаровский, 2001. С. 73–79), костюм, унифицированную прическу, головные уборы, в список входили детали конского снаряжения, воинские пояса и парадная утварь. Именно три последние категории предметов с наибольшей выразительностью способны в развитии дать представление о характере всаднической культуры ранних чингисидов, в том числе и представителей раннеджучидских элит.

В этом контексте для нас важны находки из золота и серебра, связанные с первыми поколениями Чингисидов как из районов Центральной Азии, так и Южной Сибири или европейской зоны степей за Уралом. В 2005 г. на юго-востоке Монголии в местности Таван Толгой, аймак Сухэбаатара, профессором Д. Навааном обнаружено неграбленное женское захоронение с конем (Relics Excavation, 2005. Р. 18–27; The Silk Road, 2006. Р. 55–60. Fig. 6, 7). Погребение принадлежало незамужней молодой женщине (до 20 лет), о высоком статусе которой свидетельствуют богатые золотые украшения*. Несомненно, что могила №5 из Таван Толгой относится к первым десятилетиям XIII в. Молодую даму сопровождало в могилу золотое седло с драконами. Это третье из известных мне женских седел раннемонгольской эпохи после находок из Хайлин Геле и близ Мелитополя (Крамаровский, 2001. С. 21, 22). Теперь мы уже знаем серию «золотых» и «серебряных» седел этой эпохи, к которой следует присоединить и золотые обкладки седла из коллекции Нассера Д. Халили (конец XII – начало XIII в.) (Alexander, 1992. Р. 42–46; Крамаровский, 2001. С. 21). Три из них принадлежат женским захоронениям**. Тема дракона на седле из Таван Толгой характерна для *первого ряда* нойонских регалий, включая воинские пояса и поясные чаши. Напомню, что эмблематика великого хана и его «гвардии» с использованием изображения дракона сформировалась в узком промежутке времени между 1204/06 гг. и 1217 г. В 1221 г. ее наблюдал Чжао Хун, прибывший в Яньзин, недавнюю столицу чжурчженей. Возможно, что этот промежуток времени может быть несколько сокращен. К настоящему времени находки воинских («гвардейских») поясов с изображениями драконов известны только в археологических материалах из европейской зоны степей, куда они попадают вместе с первым поколением джучидских всадников уже в период 1220-х – 1240-х гг. География находок очерчивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и степного Предкавказья, Среднего Поволжья (Крамаровский, 2001. С. 35–45. Рис. 14.-1–16, 17–19). Из находок в Нижнем Поволжье выделим поясной набор из разрушенного погребения на городище Красный Яр (Крамаровский, 2001. С. 35–45. Рис. 18). Сохранился фрагмент ремня***. Композиция декора лицевой пластины представлена двумя обращенными друг к другу драконами с рыбьими хвостами. Недавно из могильника близ Красного Яра стала известна другая, к сожалению, грабительская находка с подобными поясными деталями****. К этой группе воинских поясов тесно примыкают наборы с «охотничьей» тематикой – серебряный из могильника Таш-Башат (Киргизия), золотой – из урочища Гашун-Уста на Северном Кавказе, группа из трех золотых пластин из коллекции Халили в Лондоне и три бронзовые пластины с изображениями ланей из музея П.В. Алабина в Самаре (Крамаровский, 2001. С. 45–49. Рис. 20, 21; Археологические памятники, 2005. С. 24–29). Напомню, что в урочище Гашун-Уста на Ставрополье вместе с поясом найден ковш с ручкой в форме протомы дракона. Сосуды этого типа найдены в Сибири, на Волге, близ Воронежа, на Днепре (Сокровища, 2000. С. 56–58, 163. Рис. 13. Кат. №12, 13, 14, 21). Близкая к этой группе сосудов двуручная чаша для вина найдена при раскопках Царевского городища (Сокровища, 2000. С. 59. Кат. №15). Вся группа сосудов датируется в пределах XIII – рубежа XIV в. (Крамаровский, 2001. С. 61–72), и отличается от юаньских сосудов этого типа (Сокровища, 2000. С. 159. Рис. 11).

предположить знакомство монголо-татар с культурными достижениями соседей в самых разных проявлениях повседневности. Уровень и характер контактов с ближайшими соседями остаются невыясненными.

* В составе инвентаря – серьги, золотая филигрань, пектораль и золотая *ваджра*. Украшение из филигранны аналогично находке из женского погребения в мавзолее середины XII в., открытом в 1990 г. китайскими археологами в провинции Хэбэй (Wen-wu, 1992. Р. 37–51; Rawson, 1996. Р. 36; Крамаровский, 2001. С. 171, 172. Рис. 88; 2011. С. 132–137).

** Более яркого свидетельства гендерного равноправия для раннемонгольской среды даже трудно себе представить.

*** Гарнитура – серебро с позолотой – состоит из пряжки, наконечника, скользящей обоймицы, двух сабельных обойм с петлями для подвешивания ножен и 25 лунниц (Сокровища, 2000. С. 69. Кат. №19).

**** Благодарю за информацию о находке Д.В. Васильева.

Обе группы поясов принадлежат старшему поколению командного корпуса Джучидов, пришедшего в европейскую зону степей около середины XIII в. Типы и стилистика этих поясов сложились в Центральной Азии или Северном Китае еще до образования империи Чингисхана. В них и можно видеть ту часть «монгольского наследства», которая попала в Дешт-и-Кыпчак с первым поколением завоевателей. Этот комплекс изделий, включая чжурчэньский поясной набор из кургана №7, принадлежащего могильнику «Олень-Колодезь» в надпойменной террасе левобережья Дона (Ефимов, 1999. С. 93–108), впервые дает возможность обратиться к памятникам до 60-х гг. XIII в., не обнаруживающих себя в археологии метрополии*. Важно отметить, что в обозначенной группе находок еще нет инновационных черт, связанных с западными заимствованиями времени разгрома государства хорезмшаха. Эти черты становятся заметны в формах и декоре группы парадной утвари, насчитывающей около десятка сосудов, из которых пять удивительно схожи между собой по форме**. Едва ли не вся группа находок происходит из Приуралья, тобольского Прииртышья (Крамаровский, 2001. С. 93–108) и сургутского Приобья (Яковлев, 2006. С. 144–147). Сосуды принадлежат одной или нескольким родственным мастерским, работавших в узком промежутке времени XIII – рубежа XIV вв. Недавно коллекция Эрмитажа пополнилась еще одним сосудом этого типа, но его провенанс неизвестен (Инв. №ЗО–831. Акт №11 от 5.02. 2010, п. 1).

География находок свидетельствует, что восточнее Ишима существовал некий локальный центр, обслуживающий северо-восточные районы Улуса Джучи (Крамаровский, 2001. С. 106, 107). Продолжают оставаться актуальными вопросы о месте производства этих сосудов, их оригинальности, генезисе стиля, проблемах хронологии некоторых из них.

Приведем сведения об основных памятниках группы в форме таблицы.

№ п/п	Сведения о месте находки или ее хранения	Материал и размеры, см	Сохранность	Публикация
№1	Вероятно, Приуралье. Частная коллекция в Перми до 1909 г.	Серебро, размеры не известны	Без утрат	Смирнов, 1909, №221
№2	В составе клада на севере Свердловской обл., пос. Понил, Ивдельский р-н	Серебро, диаметр 27,0; высота 12,5	Утрачен ложок	Генинг, Крамаровский 1978; Крамаровский, 2001. Рис. 45. Кат. №54
№3	Из Сургутского Приобья, могильник «Сайгатинский 3», погребение 31	Серебро, диаметр 12; высота 6	Повреждено тулово чаши	Крамаровский, 2001. Рис. 47. Кат. №55
№4	Из Сургутского Приобья, Святылище Сайгатинское 1	Серебро, диаметр 14	Утрачена ножка	Крамаровский, 2001. Рис. 48
№5	Из Сургутского Приобья. Случайная находка на городище Каревское	Серебро, диаметр 19,5; высота 12,1	Без утрат	Яковлев, 2006. С. 144–147
№6	Место находки неизвестно. Эрмитаж	Серебро, диаметр 17,6; высота 8,2	Утраты	Не опубликована

Все вещи объединяют признаки морфологии, техники исполнения и декора. Таким образом, иртышская группа художественного серебра принадлежит одной или нескольким тесно связанным мастерским, работавшим в относительно короткий промежуток времени 1-й трети XIII – начала XIV в. По-видимому, новый ремесленный центр формируется в одно время с юртом (уделом) Джучи в местах перекочевок ставки улусного хана и его жен, на Иртыше, но не в верховьях реки, где располагался центр Угедеевичей. География ремесленного центра косвенно подтверждается ареалом находок, ограниченным на востоке бассейном сургутского Приобья, а на западе – Средним Уралом и Пермским краем. Таким образом, мы получили возможность впервые представить золото и серебро времени монгольского единства. Частично эти материалы были перенесены из районов Иртыша и Западной Сибири в бассейны Посурья, Волго-Камья и степную зону Подонья всадниками сибирских корпусов Бату, основного костяка европейской кампании 1237–1242 гг.

Утрата норм тюрко-монгольской всаднической культуры дает о себе знать в материалах торевтики уже в XIV в. в период активной исламизации Золотой Орды. В Симферопольском кладе, одном из наиболее репрезентативных комплексов 1-й половины XIV в., принадлежавшем ордынскому правителю Крыма (Крамаровский, 2001. С. 114–120), из трех поясных наборов только один – золотоордынский. В облике этого парадного стрелкового пояса полностью отсутствуют черты раннеджучидской традиции, сформированной в период единства империи (Сокровища, 2000. С. 83. Кат. №527–564). Этот поясной набор входит в одну из групп находок, выполненных в 1-й половине XIV в., вероятно, в Крыму. По стилю крымская

* Исключение составляют так называемый серебряный «пояс Джамухи» и золотой поясной набор из частной коллекции, который, вопреки мнению издателей, можно датировать не временем династии Мин (1368–1644), а эпохой Юань (1272–1368) – см.: Altangerel, 2005. P. 170–171.

** По этому же признаку группа сосудов на высокой ножке тесно связана с чашей малоазиатского происхождения из частной коллекции в Лондоне, датированной около середины XIII в. (Крамаровский, 2001. С. 96, 97).

находка родственна золотому поясу из казахского Прииртышья (Сокровища, 2000. С. 85. Кат. №143–155). Кроме Крыма, подобные вещи могли быть изготовлены в городских мастерских Поволжья, включая Булгары (Крамаровский, 2001. С. 130, 140), откуда они получили распространение по территории всего пояса европейской зоны степей. Обе группы наших памятников ранне- и среднеордынского периодов и дают представление о двух векторах в формировании культуры монгольской элиты XIII–XIV вв.

Библиографический список

- Археологические памятники на территории города Самара. Самара, 2005.
Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г. Ивдельская находка. Л., 1978.
Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень Колодезь» // Донская археология. Ростов-на-Дону, 1999. №3–4 (4–5).
Крамаровский М. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.
Крамаровский М.Г. Монгольская филигрань и поясные наборы XIII–XV вв. Новые материалы // Четки, 3 (13). М., 2011.
Кычанов Е.И. Властители Азии. М., 2004.
Смирнов Я.И. Восточное серебро: атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
Сокровища Золотой Орды: каталог выставки. СПб., 2000.
Яковлев Я.А. Новая находка [памятника] золотоордынской торевтики из Сургутского Приобья // Российская археология. М., 2006. №2.
Alexander D. The Arts of War, Arms of the 7th to 19th Centuries. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XXI. London, 1992.
Altangerel Ayurzana. Treasures of Mongolian Art. Collections of Altangerel Ayurzana. Text written by Ts. Naran-tuya. Ulaanbaatar, 2005.
Navaan D. Tavan tolgoi site, Ongon sum, Sukhbaatar imag // Relics Excavation State and Meaning by the Jinghiz Khan Age. Korea and Eastern Asia (III). The 6th International Conference. Korea University, 2005. №44.
Rawson Jessica. Changes in the Representation of Life and the Afterlife as Illustrated by the Contents of Tombs of the T'ang and Sung Periods // Arts of the Sung and Yüan. New York, 1996.
Interview with Senior Archaeologist, Professor Dorjpagma Navaan // The Silk Road. Number 1, Summer 2006. Vol. 4. Wen-wu (Cultural Relics). 1992. №12.

ПРЕДМЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ С ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИИСЕТЬЯ

Д.Н. Маслюженко, Е.Н. Архипова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

В июне 2008 г. на юге Шатровского района Курганской области на территории активного выпаса скота, приведшего к формированию выдувов, и небольших «карьеров», обустроенных жителями соседней д. Юл-дус для выборки песка, были обнаружены многочисленные предметы раннего железного века и средневековья (Маслюженко, Шилов, Рябинина, 2009. С. 120–123). Все они найдены в 91,5 км к северо-западу от Кургана на левом берегу Исети, в 0,7 км к северу от слияния Исети с небольшой речкой Ичкино. В данном междуречье располагается открытая степная слабо задернованная возвышенность с редкими песчаными выдувами. Среди окрестного населения данная местность носит название «Могилевские дюны», которые находятся в 0,66 км к северо-северо-западу от дер. Могилево и в 2,2 км к северо-востоку от с. Кондинское.

Среди обнаруженных предметов значительное место занимал клад, состоявший из нескольких десятков предметов, которые изначально были закреплены на кожаных ремнях и, по всей видимости, входили в состав средневекового поясного набора и/или конской сбруи. Часть предметов была сфотографирована местным краеведом М.Ю. Гаврищуком (д. Могилева), который рассказал о находке руководителю археологической лаборатории Курганского госуниверситета С.Н. Шилову. Изучение истории археологических исследований в регионе позволило определить, что все эти находки были сделаны на так называемых Дюнных стоянках у д. Могилевой, исследования которых в 1911 г. проводилось Ю.П. Аргентовским. При этом сам памятник считался утерянным (Археологическая карта..., 1993. С. 268).

В сентябре 2008 г. на место находки выехала археологическая экспедиция. Было заложено пять раскопов 4x4 м с целью охватить территории наиболее крупных карьеров и выдувов, в том числе в месте обнаружения клада. Во всех была зафиксирована стандартная стратиграфия: до 2 см дерна (в сохранившихся местах), до 20 см серого гумуса, до 60 см песка и материк. Никаких сооружений в раскопах обнаружено не было. Весь полученный материал состоял более чем из 300 мелких неорнаментирован-

ных фрагментов керамики, культурная и хронологическая принадлежность которых не может быть определена, а также из более 20 сильно коррозированных железных предметов. Лишь в одном раскопе были обнаружены 8 ременных накладок различной формы, из них 4 с позолотой, которые, скорее всего, относятся к тому же набору. При этом ни на поверхности, ни в раскопе не было обнаружено остеологических или антропологических останков, что и позволяет нам с большой долей вероятности интерпретировать найденный комплекс как клад.

К сожалению, сам ранее обнаруженный набор на тот момент в деревне отсутствовал (скорее всего, он был продан). Его частичная реконструкция и прорисовка были проведены по имеющимся фотографиям и тем предметам торевтики, которые были обнаружены в раскопке. При всей условности такой реконструкции считаем необходимым ввести в оборот данные артефакты, аналоги которым в лесостепном Притоболье не известны.

Всего в комплект ременной гарнитуры входило 37 предметов, все изделия бронзовые литые со следами золочения (рис. 1). К ним, в частности, относятся 2 фрагмента ножен (наконечники шириной около 4 см) с дополнительными скрепляющими накладками, один украшен стилизованным растительным орнаментом, а второй – волнообразным. Кроме того, было обнаружено бронзовое литое позолоченное изделие полусферической формы диаметром 8 см с отверстием по центру диаметром 5 мм и с одного из краев (последнее было сделано уже в готовом предмете). С лицевой стороны оно полностью покрыто «чешуйчатым» орнаментом. Вокруг центрального отверстия находится рисунок цветка, от которого в четыре стороны отходят изогнутые раздваивающиеся стебли, в ряде случаев с трилистниками на концах. Возможно, это налобная или нагрудная умбоновидная нашивная бляха, входившая в комплект украшений верхового коня. Она была сильно повреждена ударами лопаты и на прорисовке представлена в реконструкции. Кроме того, были обнаружены 13 накладных бронзовых бляшек, в том числе 4 в раскопе, более простых форм.

Все изделия могут быть разделены на несколько видов: бляхи-накладки, пряжки, наконечники ремня, распределители ремня. Внутреннее деление по типам остальных изделий основано на двух принципах – форма и орнамент.

Вид 1 – позолоченные бляшки-накладки – состоит из следующих типов: тип 1 – плоская прорезная бляшка так называемой сердцевидной формы с рельефным орнаментом, с тремя шпеньками на оборотной стороне (10 экз.), бляшка выполнена в виде стилизованного цветка лотоса, хотя боковые силуэты могут быть интерпретированы как фигуры птиц с длинными клювами; тип 2 – плоская бляшка щитовидной формы с двумя шпеньками с рельефным сильно стилизованным и геометризованным растительным орнаментом (4 экз.); тип 3 – плоская бляшка щитовидной формы с тремя шпеньками с рельефным орнаментом в виде «лозы» (1 экз.); тип 4 – плоская листовидная бляшка с растительным орнаментом в виде тюльпана с четырьмя листьями (1 шт.); тип 5 – выпуклая бляшка сердцевидной формы с двумя шпеньками с растительным орнаментом в виде цветка с двумя загибающимися лепестками в двух вариантах (9 экз.); Тип 6 – выпуклая бляшка круглой формы с рельефным орнаментом крестообразной формы (1 экз.). К этому же виду относятся более простые бронзовые бляшки: одна восьмерковидная, две в форме цветка, девять круглых полусферических с ребристым краем, одна прямоугольная.

Вид 2 – щитковые пряжки – включает в себя: тип 1 – пряжка с лировидной рамкой, подвижным язычком, удлиненным плоским прямоугольным щитком, украшенным орнаментом в нижней части, аналогичным на бляшке типа 2, а в верхней – близкому к бляшке типа 3 (1 экз.); тип 2 – пряжки с овальной рамкой (язычок подвижный) и овальным выпуклым щитком, украшенными изображением цветка с двумя изгибающимися лепестками (2 экз.).

Вид 3 – прямоугольные с фигурным подтреугольным носиком наконечники ремней – делятся на: тип 1 – выпуклый наконечник ремня, с идущим по краю рантом и стилизованным растительным орнаментом с элементами «сердца» (1 экз.); тип 2 – небольшой выпуклый наконечник ремня, с рантом, идущим по внешнему краю, орнаментом в виде воллуты, который в верхней части включает изображение цветка с двумя загибающимися лепестками (3 экз.). У всех наконечников орнамент делится на три сегмента посредством Y-образной nervy.

Вид 4 – округлые распределители ремня, стянутые тремя перемычками и украшенные растительным орнаментом, который близок к изображению цветка с загибающимися лепестками, идущему по трем сторонам (2 экз.).

По нашему мнению, обнаруженные изделия с позолотой можно разделить на два комплекта: первый из них с преимущественно плоскими изделиями относится к поясному набору, а второй в основном с выпуклыми изделиями – к сбруйному. Однако сходство ряда изделий этих комплектов по элементам

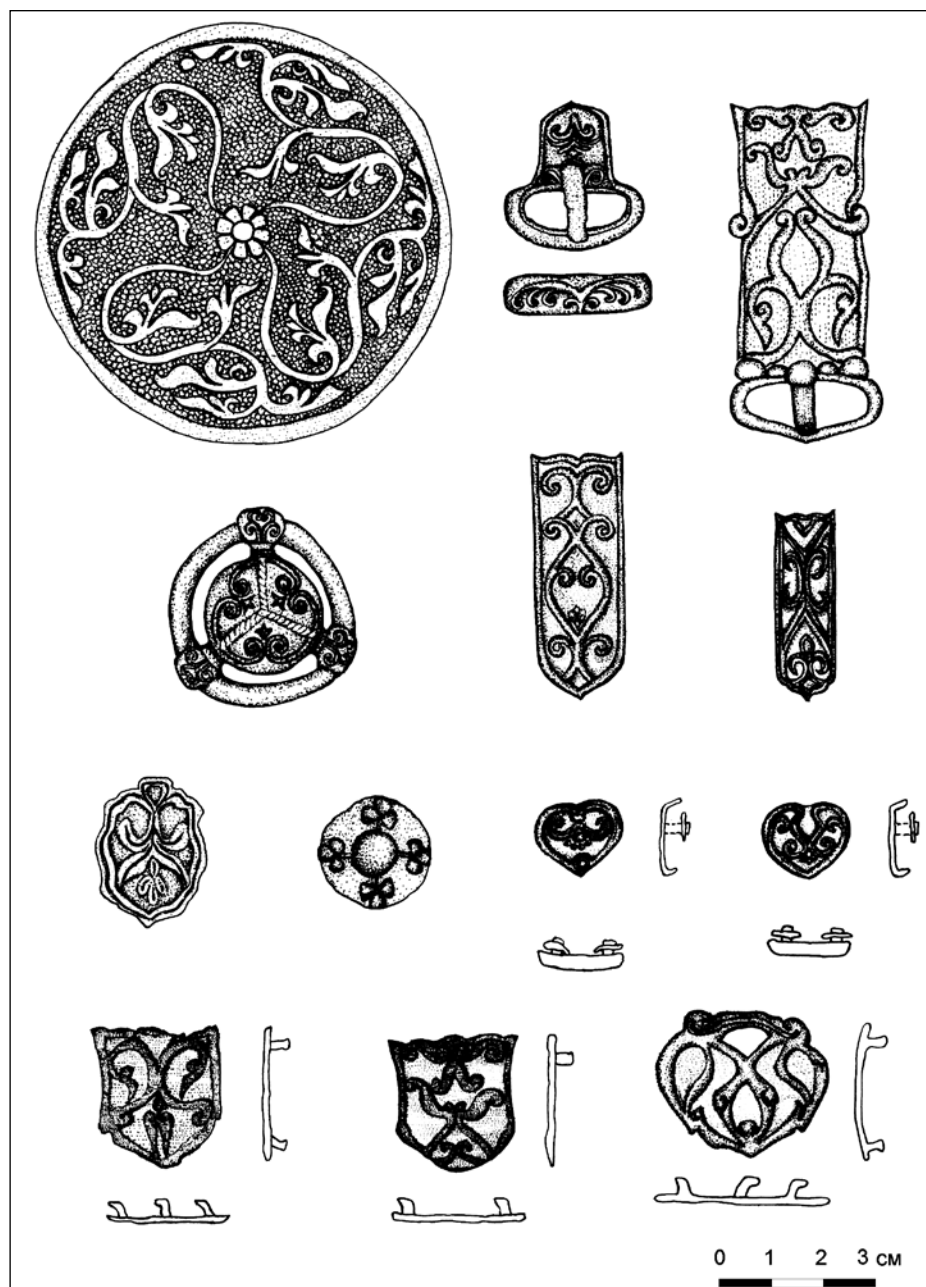

Рис. 1. Предметы средневековой торевтики с территории Верхнего Приисетья (клад с «Дюнных стоянок у д. Могилевой»)

орнамента и позолоте, скорее всего, свидетельствует о том, что их изготовил один мастер, работавший в стиле степного орнаментализма, появившегося в степях в VIII–IX вв. (Федоров-Давыдов, 1976. С. 61–83). При этом чаще всего при использовании общих элементов орнамента их композиция отражала авторский взгляд и, по сути, могла варьироваться при выполнении каждого заказа. В силу этого, а также при наличии общей евразийской степной моды на предметы торевтики, отдельные предметы и элементы орнамента находят чрезвычайно широкие аналоги.

Например, такие элементы орнамента, как лотос и трилистник, часто встречаются в искусстве Хазарии и салтово-маяцкой культуры 2-й половины VIII – начала X в. (Фонякова, 2007. С. 158–173). При этом бляшки в форме лотоса и сердца из нашего набора аналогичны венгерским (A Nonfoglalo..., 1996. Р. 78, 81). Такие элементы, как завивающиеся стебли с трилистниками, «сердце», широко встречаются в торевтике тюхтанской культуры хакасов IX–X вв. (Байпаков, Терновая, Камышев, 2004. С. 121). Ременные пряжки и распределители ремней с похожими орнаментами находят аналоги среди найденных при раскопках столицы западных тюрок города Невакет VIII–X вв. (Байпаков, Терновая, Камышев, 2004. С. 114. Рис. 4. С. 121. Рис. 11.-1). Ряд изделий по форме и орнаменту близок к найденным в памятниках

караякуповской культуры Южного Урала и Нижнего Прикамья (Казаков, 2007. Рис. 21; Археология СССР, 1981. Рис. 55.-17, 22). «Наконечники» ножен, распределители, сердцевидные бляшки близки к подобным вещам из древностей кимачев и карлуков Прииртышья IX–X вв. (Археология СССР, 1981. Рис. 26–36, 56, 57). Аналоги сердцевидным бляшкам также встречаются в памятниках сроскинской культуры (Тишкин, Горбунова, 2004. Рис. 32). Кроме того, аналогичные сердцевидные бляшки, наконечники ремней, ременные пряжки известны в материалах Лядинского могильника мордвы-мокши, где их по аналогам, в том числе из Саркела, датируют концом IX–X вв. (Воронина, 2007. С. 24–30). Хотя в географическом плане типологические аналоги распространены очень широко, в целом общность территории, стилистики и орнаментики изделий позволяет считать предметы из клада близкими к артефактам мадьярского круга из могильников Синеглазово и Уелга в Южном Зауралье (Боталов, Грудочко, Шапиро, 2011. С. 18–21; Шапиро, 2011. С. 257–260).

Таким образом, большинство аналогов позволяют отнести обнаруженные предметы тюркской к концу IX–X вв. Однако вопрос этнокультурной принадлежности комплекта в силу специфики обнаружения остается без ответа. В этот период для лесостепного Приобья его обладатели могут быть в равной степени интерпретированы как возможные представители местного «мадьярского» населения, значительные группы которых к этому времени ушли на запад, так и пришедшие на их место представители кимачево-кыпчакского союза племен. По всей видимости, расположение клада на территории севера лесостепной зоны позволяет нам в большей степени поддержать первую точку зрения.

Библиографический список

- Археологическая карта Курганской области / сост. Н.Б. Виноградов. Курган, 1993.
Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Байпаков К.М., Терновская Г.А., Камышев А.М. Пряжки, распределители и обоймы из коллекции ремной геральдической гарнитуры средневекового города Невакет // Хабарлары известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1(242). Алматы, 2004.
Боталов С.Г., Грудочко И.В., Шапиро А.Д. Могильник Уелги – новые материалы по изучению мадьяр и ранних башкир // Наука ЮУрГУ: мат. 62-й науч. конф. Челябинск, 2011. Т. 1.
Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI в. М., 2007.
Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.
Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Китайское зеркало эпохи Хань из Нижнего Прииртышья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009.
Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железного века и средневековья. Барнаул, 2004.
Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотая Орда. М., 1976.
Фонякова Н. Восточные элементы в прикладном искусстве Хазарии (вторая половина VIII – начало X в.) // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 2007. Т. II.
Шапиро А.Д. Коллекция мадьярских древностей в Челябинском областном краеведческом музее // Гороховские чтения: мат. 2-й регион. конф. Челябинск, 2011.
A Nonfoglalo Magyarasag. Budapest, 1996.

О ТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЯХ, ОБНАРУЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ МАНХАН СОМОНА (Монгольский Алтай)

Ч. Мунхбаяр, Ч. Энхтур, Ц. Мунхбат

Ховдский государственный университет, Ховд; Средняя школа, Манхан;
Монгольский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия

Работа выполнена при финансовой поддержке МинОКН Монголии (проект «Алтай III»)

Территория Ховдского аймака, находящегося в центральной части Монгольского Алтая, богата историко-культурными памятниками. Сомон Манхан до настоящего времени мало подвергнут антропогенному влиянию. На его территории сохранились тысячи археологических памятников, которые могут быть датированы разными периодами истории. К ним относятся известные петроглифы в пещере Гурван Цэнхэр, являющиеся великолепными палеолитическими изображениями, наскальные рисунки Ишгэн толгой у р. Цэнхэр, погребальные сооружения державы Хунну, которая прославилась в Центральной Азии как первое государство кочевников, а также ритуальные комплексы тюркского времени (Батмунх, 2008. С. 15).

Территория сомона Манхан – 51 тыс. кв. км, что составляет одну треть площади Котловины Больших озер, 2/3 части сомона – хребты Монгольского Алтая и возвышенности. На западе и северо-западе расположено высокогорье, на востоке – низменность. Самая высокая точка сомона – гора Жаргалант (4074 м над уровнем моря), самая низкая – озеро Хар ус (1200 м над уровнем моря).

Климат резко континентальный, зимой достигает приблизительно -15–25 °С, летом – в среднем +17–30 °С (Дашзэвэг, 2007. С. 25).

Исследование изваяний как величайших памятников тюркской эпохи началось в конце XIX в. В трудах известного российского путешественника и исследователя Г.Н. Потанина (1835–1920) впервые были отмечены результаты исследований археологических памятников, найденных в Монгольском Алтае. В 1876–1877 гг. по командировке Прицарского географического общества он работал в Западном регионе Монголии и Монгольском Алтае. Его путевые заметки считаются первыми источниками археологического исследования данного региона (Батмунх, 2008. С. 7).

Он первым обнаружил изваяние Торх улаан, которое в настоящее время располагается у средней школы сомона. В археологических трудах, где опубликована его зарисовка и дана подробная характеристика, оно отмечено как изваяние «Дунд ус» (Тишкин, Горбунов, Эрдэнэбаатар и др., 2008. С. 203). Вслед за ним известный тюрковед Н. Сэр-Оджав (1970. С. 32) сделал наброски с одного изваяния, находящегося в сомоне Цэцэг, и обнародовал свои исследования. Археологом Д. Баяром (1994. С. 124–134) было обнаружено 10 изваяний на территории сомонов Ховд и Мунххайрхан Ховдского аймака. В 2004 г. историк Б. Батмунх обнаружил восемь изваяний: около местности Улаангоби сомона Мунххайрхан, Таван толгой на территории сомона Буянт, Дугуй улаан, Шаврын ууд – сомона Мянгад и памятники, которые переданы в музей аймака. В результате данные объекты стали доступны для исследователей и ученых (Батмунх, 2008. С. 7).

В трудах исследователей Ховдского и Алтайского университетов в 2008 г. было отмечено, что на территории сомонов Алтай, Булган, Буянт, Ховд, Эрдэнэбурэн, Чандмань обнаружено 42 изваяния. Материал по данным памятникам был издан (Тишкин, Горбунов, Эрдэнэбаатар и др., 2008. С. 203). Совместно с исследователями Томского государственного университета опубликован материал об изваяниях Цагаан бургас (Ожередов, 2008. С. 159–165), Ацын ар (Ожередов, 2009. С. 307–311), Хатуу хуул (Ожередов, 2010. С. 229–231), Торх улаан (Мунхбаяр, 2008; Ожередов, 2011. С. 111–117). Директор музея Ховдского аймака Х. Бямбасурэн (2011. С. 189–200) написал работу об изваянии Тавтын боолт сомона Эрдэнэбурэн Ховдского аймака.

В последние годы на территории данного аймака, кроме исследований изваяний, были проведены раскопки тюркских оградов, составляющих с изваяниями общий комплекс (Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар и др., 2011; Тишкин, Горбунов, Эрдэнэбаатар и др., 2010; Мунхбаяр, 2008, 2010, 2011). Тщательное знакомство с данными памятниками и тюркскими поминальными сооружениями позволяет провести комплексное исследование тюркской культуры в Западном регионе Монголии. Подготовлен к печати материал об изваяниях, найденных нами в долине р. Буянт в урочище Бугатын узуур, у горы Ямаат улаан, Хох эрэг в сомоне Эрдэнэбурэн и у р. Улиастай.

Мы провели полевые изыскания по устным сообщениям местных жителей и представляем полученные результаты. В настоящей статье речь пойдет о трех изваяниях, которые были обнаружены на перевале Ямаа давдаг на территории сомона Эрдэнэбурэн и в долине р. Хойт (сомон Зэрэг). Согласно сообщению директора школы сомона Манхан, кроме рассматриваемых нами двух изваяний, на территории сомона имеется еще более 10 неисследованных. При осуществлении проекта «Археологические памятники правого склона Монгольского Алтая: аймак Ховд» стало известно, что у р. Улиастай на территории сомона Муст обнаружено 5 каменных изваяний. В 2008 г. официально зарегистрированных памятников на территории данного аймака – 42 единицы. В связи с вновь проведенными исследованиями количество памятников будет изменено.

Характеристика изваяния Баян хошуу, обнаруженного на территории сомона Манхан. Памятник располагается (47°58,998' с.ш., 091°32,430' с.д.) в 3 км на юго-восток от центра бригады Баянгол сомона Манхан, находящегося на западном склоне г. Жаргалант. Выполнен он из серого гранита, его высота 60 см, ширина от 20 до 40 см, толщина – 15 см. На лицевой стороне выбито рельефное изображение человеческого лица: продолговатый большой нос, брови, губы, глаза и рот. На голове изображена шапка (рис. 1). Туловище вырублено ниже плеч (рис. 2).

Фасон шапки на памятнике Баянхошуу сходен с шапкой памятника №5 Сонхол со свисающей вниз частью в виде козырька. По изображению шапка исследованного памятника похожа на головные уборы, хранящиеся в краеведческих музеях Арвайхээр, Буурал, Огзог Убурхангайского аймака, находя-

Рис. 1. Каменная стела и каменное изваяние
Баян хошуу

Рис. 2. Каменное изваяние
Баян хошуу. Прорисовка

щегося в центральной части Монголии, а также встречена на изваяниях, обнаруженных на территории России (Баяр, 1997. С. 40, 42–43, Рис. 2.-3). Общая их форма сходна, однако изображение налобной части напоминает описание шапок тюркских аристократов. Российский ученый В.Д. Кубарев отметил, что шлемообразная шапка широко встречается не только на изваяниях Российского Алтая, но и в историко-культурных памятниках евразийских кочевников, что помогает проведению сравнительного анализа данных памятников (Кубарев, 1984. С. 24; Баяр, 1999. С. 18). Изваяния, имеющие подобные воспроизведения шапок, были найдены во

дворе электростанции Баян-Улгийского аймака (Төрбат, 2009. С. 140. Табл. 28.-8).

Говорят, что шоферы, найдя изваяние, без всякой цели привезли его во двор автобазы и, смеясь, надели ему на голову шапку. После этого они стали попадать в неприятности. Впоследствии изваяние увезли, но не смогли поставить на первоначальное место.

Характеристика изваяния Омнохийн ам. В 3,5 км от центра сомона Манхан на южном побережье оз. Хар ус возвышается великолепная гора Жаргалант Хайрхан, прославленная редкими животными, такими как горный баран, горный козел, антилопа и др. Она имеет много пещер и оврагов. За горой Жаргалант Хайрхан

Рис. 3. Каменное изваяние Омнохийн ам
(лицевая сторона)

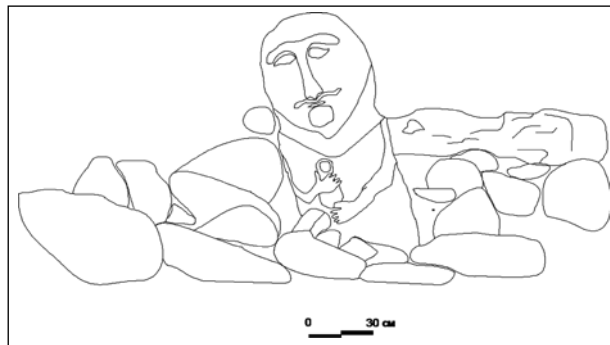

Рис. 4. Омнохийн ам.
Прорисовка каменного изваяния

Рис. 5. Каменное изваяние Омнохийн ам (задняя сторона)

на исследованном изваянии, обнаружилось на каменной бабе Хар ямаат-4 сомона Улаан хус Баян-Улгийского аймака, которая сегодня располагается у здания музея (Баяр, 1999. С. 139, 161, 164. Прил. 3. Рис. 70, 84). На изваянии Торх улаан был изображен такой же сосуд (Ожередов, 2011. С. 11–17. Рис. 1. 3). В тюркских поминальных сооружениях были найдены подобные серебряные сосуды.

Характеристика изваяния Янгуун хурээ. К западу, в 5 км от центра сомона Манхан Ховдского аймака, в местности, называемой Янгуун Хурээ ($46^{\circ}54'39,4''$ с.д., $091^{\circ}56'39,3''$ ю.ш., 1863 м над уровнем моря), располагаются два поминальных сооружения тюркской эпохи (рис. 8). Стела и изваяние возвышаются к югу от двух прямоугольных ограждений размерами 180х165 и 180х170 см. Стела выполнена

располагаются крупные ущелья Улиастай, Дундах (Средний), Омнох (Южный).

Рассматриваемый нами памятник находится на северном склоне горы ($47^{\circ}35,421'$ ю.ш., $92^{\circ}24,250'$ с.д.; 1870 м над уровнем моря). Сделан он из серого гранита и установлен к юго-востоку перед прямоугольной оградкой размерами 160х165 см. Высота памятника – 75 см, ширина от 27 до 25 см, толщина – 15 см. Очень явно выражено изображение головы, рук и груди. На широком круглом лице рельефно выполнены большой длинный нос, брови, губы, узкие глаза, рот, усы (рис. 3).

На памятниках Тогрог-38 сомона Дэлунун, Цонхол гуйлтийн ам-25 сомона Булган Баян-Улгийского аймака обнаружено изображение подобных усов (Баяр, 1999. С. 97).

На изваянии намечены руки: левая рука лежит на животе, правая у груди держит сосуд за горлышко (рис. 4). На плече сзади имелось маленькое отверстие (рис. 5).

Сходное изображение сосуда, выбитое

Рис. 6, 7. Каменное изваяние и стела Янгуун хурээ

без каких-либо изображений, на изваянии присутствует рельеф, где поверхностно изображено лицо человека. Лицевая сторона изваяния сделана из светло-желтого камня, туловище – из сине-серого. Высота каменной бабы – 85 см, ширина – 39 см, толщина – 20 см. Это изваяние относится к раннетюркской эпохе, т.е. к античной древности.

Скульптуры, на которых выполнено аналогичное изображение лица человека, такое как на изваянии Янгуун Хурээ, встречаются в поминальниках Баян Булаг II сомона Ховд, Тавтын боолт сомона Эрдэнэ-бурэн Ховдского аймака.

Рис. 8. Тюркский поминальник Янгуун хурээ (на расстоянии)

Выводы

Вследствие проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. На изваяниях Баян хошуу и Омнохийн ам не изображено туловище человека целиком, а только грудь и часть головы.
2. Археолог Д. Баяр (1997. С. 26; 1999. С. 14–18) изваяния тюркской эпохи разделил на три группы: с общим (обзорным) неполным, полным изображением, памятники Омнохийн ам и Баян хошуу он отнес ко второй группе, Янгуун Хурээ – к первой.
3. Головной убор на изваянии Баянхошуу сходен с шапкой, изображенной на изваяниях, найденных в центральной части Монголии и на территории России.
4. Были обнаружены памятники с подобным изображением на изваянии Янгуун хурээ в поминальниках Баянбулаг-II сомона Ховд, Тавтын боолт сомона Эрдэнэбурэн Ховдского аймака. Они относятся к раннетюркской эпохе.
5. На изваянии Омнохийн ам правая рука намечена так, как будто держит сосуд за горлышко. Подобное изображение широко распространено среди памятников Монголии, принадлежащих ко времени притюркского ханства. Исходя из этого можно сделать вывод, что изученные нами скульптуры относятся к памятникам времени тюркских каганатов, т.е. к 552–745 гг.

Библиографический список

- Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008.
- Батмөнх Б. Хойт Сэнхэрийн голын сав дахь археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2011.
- Баяр Д. Ховд аймгийн нутгаас шинээр олдсон хүн чулуудын тухай // СА. Улаанбаатар, 1994. Т. XV.
- Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь Түрэгийн үеийн хүн чулуун хөшөө. Улаанбаатар, 1997.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуу. Улаанбаатар, 1995.
- Бямбасүрэн Х. 2008 онд Ховд аймгийн Эрдэнэбүрэн сумын нутагт явуулсан түүх соёлын дурсгалт газар, үл хөдлөх дурсгалыг бүртгэх ажлын эхний үр дүнгээс // Түүхийн товчоон. ХИС-ийн НХУС-ийн Түүхийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2010. Т. V, f. 13.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., Мөнхбаяр Ч. Улаан худагийн Түрэгийн үеийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа // Түүхийн товчоон. Улаанбаатар, 2011. Т. 6.
- Даишэвэг Д. Ховд аймгийн нийгэм эдийн засгийн газарзүй. Улаанбаатар, 2000.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Мөнхбат Ц. Манхан сумын нутгаас шинээр илэрсэн зарим хүн чулуудын тухай // УБ эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2011. Т. 6, f. 5.
- Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутгаас Монгол төдийгүй Төв Азид хамгийн томд тооцогдох хүн чулуун хөшөө олджээ // Ховдын мэдээ. 2008. №38 (39).
- Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутаг дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн төрөл, ангилал // Нүүдэлчдийн өв соёл. Улаанбаатар, 2010. Т. X, f. 8.

Мунхбаяр Б.Ч. Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история): мат. VII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г. Барнаул, 2011. Вып. 7.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч. Средневековая тюркская скульптура из местечка Хатуу-Хутыл в Западной Монголии. Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV междунар. Западно-Сибирской арх.-этнограф. конф. Томск, 2010.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч. Тюркские изваяния горы Торх-Улан // ЭШБ. Улаанбаатар, 2011. Т. V, f. 16.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч., Ожередова А.Ю. Тюркское изваяние в долине Цаган Бургас // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. №7.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч., Ожередова А.Ю. Тюркские изваяния в местечке Ацын Ар и «Вал Чингисхана» // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях: сб. науч. тр. Посвящается 125-летию со дня рождения известного российского ученого Сергея Ивановича Руденко. Барнаул, 2009.

Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд. Улаанбаатар, 1970.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Нямдорж Б., Нямсүрэн Л., Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутгаас шинээр илэрсэн хүн чулуун хөшөө // ХИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2008. №13.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Мөнхбаяр Ч. Буянт голын сав дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа. Түүхийн товчоон (ХИС-ийн НХУС-ийн Түүхийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг). Улаанбаатар, 2010. Т. V, f. 9.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I (Баян-Өлгий аймаг). Улаанбаатар, 2009.

АНТРОПОМОРФНЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ У ГОРЫ ХОТЫН-ХОЙТ-УЛАН (к археологической карте Ховдского аймака)

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет, Томск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии
(проект №10-01-00620а/Г «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии»).

В ходе обследования левого берега Буянта у северо-восточной части подножия горы Хотын-Хойт-Улан международной экспедицией Томского и Ховдского университетов в 2008 г. была выявлена большая серия археологических памятников, среди которых выделяются два каменных изваяния: олений камень и древнетюркская круглая скульптура.

Олений камень (рис. 1.-1). Находится в окружении бессистемно набросанных камней, на стыке двух примыкающих друг к другу каменных оградок. (N48° 04' 53»; E91° 40' 38» h 1347 m). Вполне очевидно, что здесь располагаются остатки потревоженного поминальника с двойной оградой из краснокоричневых камней, установленных на ребро. Размеры большей ограды ориентировочно 118x109 см, меньшей – в пределах 50x50 см. В 30 м к западу располагается каменная насыпь диаметром 10 м, при высоте примерно 0,6 м.

Слегка расширяющийся вниз олений камень со скошенной вершиной изготовлен из плиты светло-серой породы и установлен на южной границе поминальника лицевой стороной на юг-юго-запад. Высота камня над поверхностью 130 см, ширина у вершины 35 см, в поясе – 49, у основания – 50 см. В сечении плита имеет форму трапеции, поэтому толщина изваяния варьируется: сверху лицевая сторона – 23, тыльная – 17 см; внизу – соответственно 23 и 12 см.

На трех плоскостях нанесены изображения, характеризующие изваяние в качестве оленного камня общевразийского типа. Под вершиной вкруговую пробита контррельефная полоса, символизирующая диадему шириной 4 см, при глубине 1 см. На лицевой стороне сверху нанесены справа налево три косые линии длиной 9 см, шириной 2 см каждая. На боковых плоскостях под диадемой выбито по кольцу-серьге диаметром 10 см. В средней части фигуры вкруговую пробит пояс шириной 2,5 см, при глубине выбивки в 1 см. На лицевой плоскости от пояса вниз влево «подвешен» кинжал или меч-акинак длиной 15 см, шириной 2 см (перекрестье 6см). На правой плоскости чуть ниже пояса изображен чекан длиной 15 см, шириной 7 см, насаженный на длинную рукоятку-топорище. На пояском ремне слева изображен горит с луком общей длиной 21 см. Корпус горита сужается вниз от 4 до 3 см, но у донца вновь происходит заметное расширение. Видимая часть лука 7 см при ширине 3 см.

Древнетюркское изваяние (рис. 1.-2, 3). Находится в составе трехкамерной ограды поминальника, общей длиной более 7 м, при ширине до 3 м (N48° 06' 11»; E91° 40' 34» h 1330 m). Поминальник ориентирован по сторонам света, долевые его стены протянулись по линии С–Ю. Северная камера

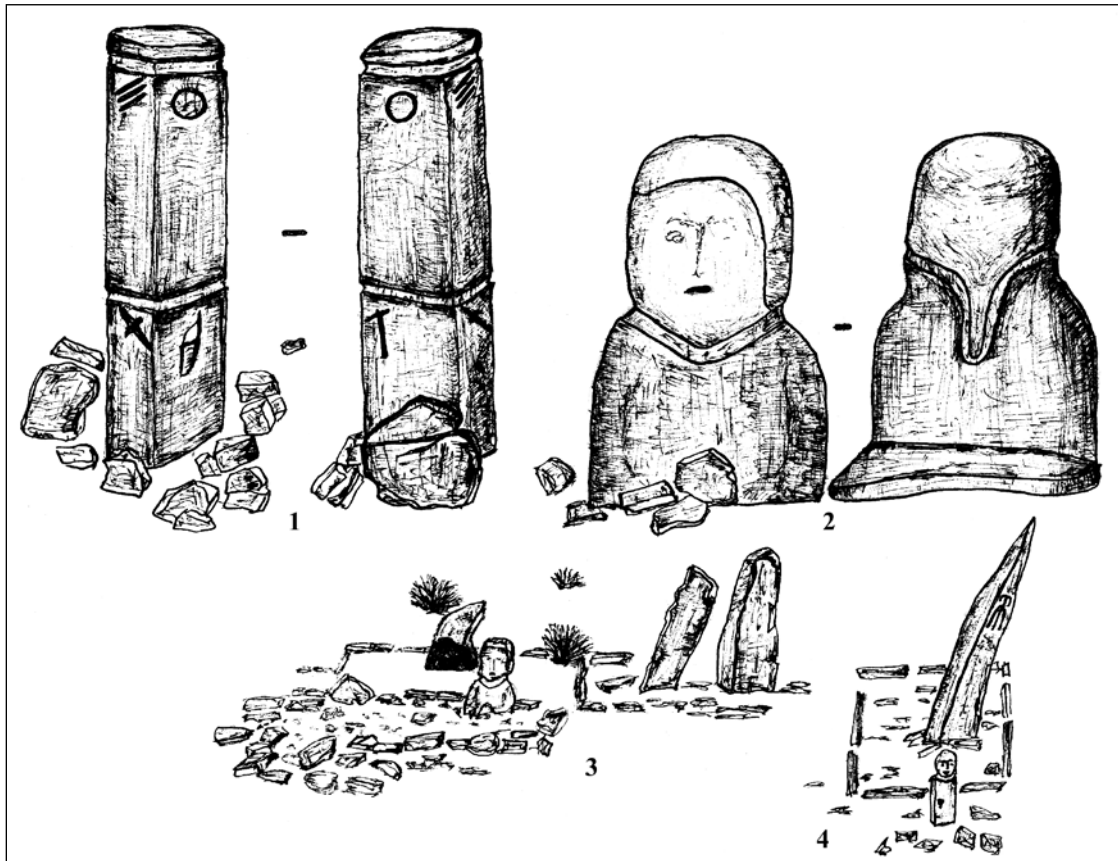

Рис. 1. 1 – «Олений» камень у горы Хотын-Хойт-Улан; 2 – тюркское изваяние у горы Хотын-Хойт-Улан; 3 – общий вид поминальника у горы Хотын-Хойт-Улан; 4 – поминальник на р. Хавцлин

4x3 м, средняя 3x3 м, южная прослеживается по остаткам стен примерно в габаритах 1,5x1 м. В северной камере по центру установлено две стелы из плит, подвергнутых грубой обработке. В результате одна из них приобрела вид оленного камня со скошенным верхом, вторая – ростовой фигуры, стилизованной под антропоморфную форму. В средней оградке на поверхности лежит стела, аналогичная первой из тех, что стоят в северной оградке (со скошенной вершиной).

С внешней стороны у восточной стенки средней оградки установлена древнетюркская круглая скульптура из светло-серой породы, обращенная лицом на восток. Состояние ее поверхности не достаточно хорошее для полномасштабного описания индивидуальных черт, поэтому дается лишь общая характеристика визуально фиксируемых элементов*.

Высота скульптуры 57 см над современной поверхностью. Ширина в плечах и у основания соответственно 40 и 41 см, при толщине плиты 14 см. Голова заметно выделена из очертаний плиты собственными габаритами, покатыми неширокими плечами и контррельефной полосой спереди и по бокам. Высота от уровня плеч – 36 см, ширина – 30 см. Лицевая часть сильно заглажена, поэтому прослежены лишь отдельные штрихи портрета. Вышеуказанная полоса очерчивает контур нижней части подбородка, с мысовидным выступом вниз, вероятно, символизирующим небольшую бородку. Линия выбивки уходит ниже подбородка, создавая контур верхней кромки плечевой одежды.

Помимо общего контура на лице сохранились резная линия рта и барельефный обрез прически на лбу и висках. С левой стороны сбоку видны косые гравированные штрихи, видимо, показывающие волосы, стянутые назад. Детально форма прически видна с тыльной стороне головы. Здесь на протяжении 25 см, сверху вниз, волосы изображены во всю ширину головы, затем их контур резко сужается до мысовидного «языка» длиной 21 см. По аналогии с известными из литературы образцами прическу сзади завершает коса, возможно, в наконечнике (Евтюхова, 1952. С. 104–105. Рис. 62).

Любопытным вариантом расширения сакральной зоны поминальника стала дополнительная линия камней, выложенных дугой вдоль восточной стены средней камеры. Именно в контуре этой дуги

* К моменту находки данного изваяния запас микалента был исчерпан, поэтому не удалось сделать копию, способную выделить слабозаметные детали лица.

располагается древнетюркская скульптура. Контур выложен из мелких и средних (до 30 см) бесформенных обломков серой и красной породы. Не исключено, что это более позднее сооружение, нежели оградки и изваяния. К сожалению, до сих пор не закрыт вопрос культурной и хронологической принадлежности каменных оградок с необработанными или грубо обработанными изваяниями внутри.

Дополнительной почвой для размышления по этому вопросу стали поминальники, в оградах которых установлены каменные плиты или блоки без антропоморфной символики, а с внешней стороны ограды – древнетюркские скульптуры. Помимо памятника, о котором сейчас идет речь, в 2008 г. нами был зафиксирован конструктивно схожий поминальник (рис. 1.-4) на р. Хавцлин, левом притоке Хонго (Ожередов, Мунхбаяр, Ожередова, 2009. С. 143. Рис. 6), а алтайскими исследователями стационарно изучены поминальники Бугатыр узуур-I и II на р. Буянт. Последними высказано предположение, что такие комплексы соотносимы с алтайскими сооружениями, оснащенными деревянным столбом в центре ограды. Столб разрушался при «закрытии» поминальника (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008. С. 102), видимо, подобно тому, как разрушались каменные стелы в монгольских оградах. Следует, правда, добавить, что чаще они стоят и много меньше поваленных, а тем более сломанных. Переломить в основании каменный блок, достигающий иной раз толщины в полметра, задача явно не простая.

В контексте современных знаний однозначная трактовка данного типа памятника не проявляется. Пока можно говорить о двух вариантах, в определенной мере удовлетворяющих стремление к решению проблемы. Во-первых, причисление безликих изваяний к древнетюркской традиции, а во-вторых, вторичное использования древних памятников, что было одним из обычных для тюрков приемов устройства своих жертвенных мест. В последнем случае предполагается, что тюрки знали назначение этих изваяний и, таким образом, не изменяли их сакральный профиль. Так, например, происходило с перебивкой изображений на оленных камнях, о чем в свое время писала М.А. Дэвлет (2004. С. 23). В свое время на р. Цалуу, в Монгольском Алтае, мною обследовалось изображение древнетюркского воина, набитое на широкую плоскость оленного изваяния. Сквозь контуры тюркского рисунка повсеместно «просвечивались» детали прежнего «оленного», подобно тому, как остатки старого чекана видны на перечеканенной монете. При этом на оборотной плоскости, не затронутой тюркским мастером, сохранились родные изображения летящих оленей, буквально проявившиеся на микалентной копии (Ожередов, 2003. С. 147–151. Рис. 2).

Одновременно с этим в полевой практике известны случаи, когда оленные камни попадали в тюркские поминальные ограды в качестве антропоморфных символов. И трудно усомниться в том, что устроители новых жертвенников не знали их прежнего символического значения. Так, например, в сомоне Муст Ховдском аймаке, в 10 км от известнейшего комплекса Баян-Зурх, на р. Бодонч имеется менее известный комплекс Хужирт. И если первый знаменит своими многочисленными оленными камнями, то второй можно выделить как место вторичного использования оленных камней. В самом крупном на этой территории древнетюркском поминальнике установлено четыре изваяния, три из которых являются оленными камнями евразийского типа, а четвертый – коническим балбалом. От трех изваяний отходят цепочки камней, символизирующих убитых врагов. На одном из балбалов в крайней цепочке по сторонам выбиты типичные оленные кольца-серьги. В этом комплексе старое и новое синкретически переплелись и явно не без понимания изначального значения ранних изваяний.

Вопрос о времени происхождения и культурной привязке стел-плит и стел-столбов, как пытаются их разделить алтайские исследователи, весьма актуален, но до сих пор не решен. Д.Г. Савинов (1994. С. 138) на этот счет высказал мнение, согласно которому непосредственными предшественниками оленных камней могли быть «...в первую очередь, вертикально установленные стелы, крупные камни и т.д.». В границы данного достаточно собирательного высказывания, безусловно, попадают стелы-плиты, которые размещаются в хронологическом пространстве, предшествующем периоду появления оленных камней. Серьезным аргументом в сторону сближения многих изваяний-плит с оленными камнями является их косо срезанная вершина, характерная для общевразийского типа, последнего в ряду классификации и в хронологическом ряду. Учитывая мнение Д.Г. Савинова о том, что все оленные камни установлены в I тыс. до н.э., следует предположить, что плиты со скошенными вершинами являются либо перед оленными камнями последнего типа, либо сразу после них, пока еще жива традиция данной формы. В таком случае они, возможно, явились овеществленным в поминальной обрядности следом затухания и деградации скифского мира. К этому следует добавить мнение В.Д. Кубарева и П.И. Шульги, посчитавших объекты из комплекса Аргыл (Русский Алтай), внешне сходные с монгольскими, комплексами скифского времени (2007. С. 54–54, 193–195. Рис. 53, 54.-1, 55.-1–3).

Более радикальная по данному вопросу позиция основана на результатах раскопок комплексов Бугатын узуур-I и II в Западной Монголии. Авторы исследований полагают, что оградки со стелами-столбами

оставлены представителями древнетюркской культуры (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008. С. 102). Действительно на ряде бесформенных стел встречаются гравированные или выбитые знаки – тамги, многие из которых имеют аналоги в древнетюркской среде. Хочется заметить, что меченые тамгами стелы в Западной Монголии не редкость, но и не правило, распространяющееся на все комплексы без исключения. Из опубликованных могу назвать лишь два, которые привлекли внимание совсем по другой причине: тамбуриновидный знак на узком столбе из поминального комплекса близ сомонного центра Умне Говь в Убсугульском аймаке (Ожередов, Ожередова, 2007. С. 19. Рис. 2.-1), а также знак, напоминающий двуглавую птицу с опущенными крылами на коническом столбе в центре ограды выше упомянутого поминальника на р. Хавцлин (рис. 1.-4). Вместе с тем нет гарантии хронологического равенства между знаками и самими стелами. Причина выборочного появления таких знаков на стелах еще не ясна.

Возвращаясь к попытке провести аналоговую линию между монгольскими сложными комплексами, имеющими в составе столб и изваяние с горно-алтайскими образцами, замечу, что поминальник под горой Хотын-Хойт-Улан, помимо круглой скульптуры, имеет поваленную плиту, некогда стоявшую в центре ограды за спиной круглой скульптуры. Ее наличие оставляет весьма узкий выбор в поставленном вопросе: либо эта плита не подтверждает верность методики разделения стел в оградах на столбы и плиты, в качестве разносмысловых, либо опровергает идею сходства монгольских и алтайских памятников по признаку установки столба внутри ограды жертвенника.

По мере открытия новых памятников появляется масса сведений, которые не всегда укладываются в схемы, создаваемые сегодня по материалу наличному. Поэтому на деле далее разновекторных гипотез продвижения еще нет. Видимо, ощущается недостаток серьезных полевых и аналитических усилий со стороны всех участников исследовательского корпуса. В силу разных причин многочисленные поминальные оградки-жертвенники до сих пор системно не изучаются. Их раскопки проводятся редко, источниковая база не пополняется фактами существенно важными для решения проблемы, а анализ статистически низкого показателя источников не приводит к кардинальным переменам. Таким образом, решение данного вопроса остается открытым и ожидает новых исследований.

Библиографический список

- Дэвлет М.А. Об изображениях серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952.
- Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с р. Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.
- Ожередов Ю.И. Предварительные исследования монументальной скульптуры в сомоне Умнэ-Говь Убсунурского аймака Западной Монголии // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю. Новые находки археологических памятников в северных сомонах Ховдского аймака Западной Монголии // Туухийн товчоон. Ховд их сургууль, нийгэм, хумуунлэгийн ухааны сургууль туухийн тэхим. Улаанбаатар, 2009. Т. IV, f. 24.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ XVIII–XX вв.

Ю.Б. Полидович, А.Н. Усачук

Областной краеведческий музей, Донецк, Украина

Одним из ярких проявлений культуры средневековых кочевников являются каменные изваяния – изображения людей, ставившихся с древности до XIII–XIV вв. на возвышенностях и, прежде всего, на курганах от Северного Причерноморья до Нижнего Поволжья и дальше на восток. С проникновением в Степь мировых религий каменные статуи перестали быть фактом живой культуры.

С XVIII в. начинается массовое заселение Степи славянским населением. Поселенцы осваивают новую географическую среду и новые экологические реалии, приспособливают к ним свою культуру, традиции и фольклор. Каменные изваяния, стоявшие на курганах, неизбежно попадали в сферу интересов новых поселенцев. Столь своеобразные изделия прошлой эпохи обратили на себя внимание, заставили о себе говорить. Вокруг этих изваяний сложился свой комплекс представлений, к ним выра-

боталось определенное отношение, которое затем передавалось из поколения в поколение и во многом живо и в настоящее время. Фактически каменные изваяния снова стали реальностью, но теперь уже новой культуры.

Еще в «Книге Большому Чертежу» XVII в. при указании границ и дорог в качестве знаков или примет упоминаются изваяния, названные «*девкой каменной*» или «*каменным человеком*» (Книга Большому чертежу, 1950. С. 64, 65, 68). Позже самым распространенным названием изваяний становится *каменная баба*. Подобное наименование достаточно старое – встречается уже в конце XIV в., – но активно начало использоваться не ранее XVIII в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 166. Прим. 1). Во 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в. использовались названия «*каменный болван*», «*девка каменная*», «*человеки каменные*», «*истуканы*» (О курганах..., 1908. С. 38–40; Спасский, 1844. С. 594; Зайковский, 1909). Термин *каменная баба* лишь постепенно, но довольно успешно вытеснял их. Правда, еще в начале XX в. Н.И. Веселовский (1911. С. 27) призывал отказаться от неудачного, на его взгляд, названия *каменные бабы* и вернуться к наименованию *балбал*. Кроме того, еще в XIX в. среди украинцев бытовало и иное название – *мамай* (Словарь..., 1908. С. 403; Федоровский, 1923. С. 26; Вирган, Пилиньска, 1959. С. 6; Новицкий, 1990. С. 69). Это имя известного татарского военачальника XIV в. стало среди украинцев нарицательным. *Мамаем* называли легендарного казака, образ которого часто воспроизводился в народной живописи (Білецький, 1960; 1969; Жолтовський, 1978. С. 291; Козак Мамай..., 2008). Символ был настолько популярным среди народа, что позиционировался в украинском доме часто наравне с иконами. Одноименность легендарного казака и каменных изваяний, вероятно, не случайна. В обоих случаях эти образы связаны со степью, с воинской доблестью, с защитой и охраной родной земли. И тогда *мамай* – имя собственное, ставшее нарицательным, обозначает просто *степной житель* (Бушак, 2002. С. 77).

Пришлое население первоначально воспринимало каменные изваяния настороженно, пытаясь определить свое отношение к необычным изображениям людей, преимущественно называемых «*каменными бабами*». Были сложены многочисленные легенды, объяснявшие, откуда появились «окаменевшие» люди в степи. Довольно часто их связывали с татарами (Терещенко, 1866. С. 36; Савур-Могила, 1990. С. 22). Довольно распространенными были рассказы об окаменевших людях, наказанных за какой-то неблагоприятный поступок, чаще всего за то, что плевали на солнце (Легенди..., 1985. С. 154; Савур-Могила, 1990. С. 23; Новицкий, 1990. С. 17; Плетнева, 1974. С. 5). Ходило также поверье, что у окаменевших людей есть надежда снова стать живыми людьми, «*как их бог создал*» (Савур-Могила, 1990. С. 22–23). Но возрождение древних людей напрямую связывалось с забвением традиций и концом христианства. Тем самым изваяния воспринимались новым степным населением как часть не своего, нехристианского мира, что во многом и определило дальнейшую судьбу статуй.

Каменные изваяния довольно часто наделяли функцией стражей сокровищ, спрятанных в курганах (Усачук, Полидович, Колесник, 2004. С. 48). Например, в с. Белицком Бердянского у. Таврической губ. в 80-х гг. XIX в. бытовал рассказ о том, что «*крестьянин, некто Андрейченко, вырыл каменную статую из могилы ... под которой, статуей, по рассказам стариков, нашел значительное количество золота и серебра ... Сам же Андрейченко о своей находке упорно молчит...*» (Иванов, 1888. С. 133). По замечанию В.А. Городцова (1907. С. 252), «*каменные бабы служили сигналами для ориентировки преступной деятельности, и многие курганы, где сохранились остатки каменных баб или память о нахождении на них последних, оказались разрытыми*». Существовали также представления, что ценности скрыты в самих изваяниях, из-за чего их разбивали на куски (Городцов, 1907. С. 252).

Однако по мере роста заселения степного края крепло и более прагматичное отношение к каменным изваяниям. Поскольку они были предметами другого народа и другой культуры, то для новых поселенцев не представляли никакой ритуальной, художественной или иной ценности. Большинство крестьян видело в них только источник ценного сырья – массивные каменные глыбы, которые шли на различные строительные и хозяйственные нужды. А.И. Ружицкий (1906. С. 111) писал по этому поводу: «*Не могу не отметить прежде всего равнодушного отношения населения к остаткам старины. Мой приезд в село и поиски каменных баб вызывали забавные толки или снисходительную улыбку к прихотям праздного человека, или же недоумение: «На що здалися ті каміння?»*». Уже в XVIII – 1-й половине XIX в. изваяния начали массово снимать с курганов и по-разному использовать. По всей видимости, их значительная часть в то время ушла на строительные нужды (для фундаментов домов, кладки в хозяйственных помещениях, опоры в заборах).

Н.Е. Бранденбург во время обследования Донской области в 1891 г. отмечал: «*Вообще, повсеместное варварское обращение с этими поныне еще загадочными памятниками просто поразительно, –*

необходимо спешить с их исследованием, изданием и описанием, пока они не исчезли вовсе!» (Дело ИАК..., 1891. Л. 40 об.). Довольно пессимистически был настроен и Б.В. Зайковский (1908. С. 22): «Да и теперь археологу-любителю есть еще над чем поработать; нужно только поторопиться с этим делом, так как близок день, когда от каменных баб останется одно лишь предание». Даже авторы середины XIX в. отмечали, что «любитель древности едва ли найдет теперь статую на своем месте» (Флоренсов, 1850. С. 320), что «теперь почти все истреблено невежеством, предрассудками, и, наконец, употреблением их в дело» (Терещенко, 1866. С. 37).

Изваяния также широко использовали как дорожные знаки-указатели (Плетнева, 1974. С. 5) и как межевые камни на поле (Терещенко, 1866. С. 25; Граб, 2001. С. 109). К примеру, в судебном разбирательстве в конце XIX в. находилось «...дело помещика Сатина со своими соседями, кажется с однодворцами, о том, что Сатин перевез самовольно с общего рубежа к себе в сад каменную бабу и тем расстроил живые признаки границы между соседством» (Макаров, 1838–1840).

Конечно же, каменные изваяния, связанные с языческими верованиями прошлых веков, прежде всего, вызывали отрицательные чувства у христианского населения, а то и «суеверный страх» (Зайковский, 1908. С. 30). Не случайно запорожские казаки, согласно А.В. Терещенко (1866. С. 36), называли изваяния *бесерменскими*, т.е. татарскими, и *погаными*, т.е. языческими. Каменных баб называли «погаными идолами» (Ружицкий, 1906. С. 111). В ряде случаев украинское население напрямую причисляло их к нечистой силе, считая *марами* (Терещенко, 1866. С. 36) или *маняками* (Словарь..., 1908. С. 405), т.е. привидениями. В связи с этим активными противниками изваяний выступали, прежде всего, администрация и духовенство. Поэтому изваяния часто разбивали на куски, им отбивали головы и руки, стирали лицо, сбрасывали с курганов, а иногда оттащивали в овраги или топили в реках.

Правда, наряду с этим бытовал и страх перед мстью «каменных баб», которых сняли с их привычного места. Во всех степных регионах Украины и России, где встречаются каменные изваяния, до сегодняшнего дня бытуют рассказы о болезнях и несчастьях, как индивидуальных, так и массовых, которые «насылают» потревоженные «бабы», перенесенные с курганов в села и частные усадьбы. Возможно, по этой причине люди со временем старались избавиться от каменных изваяний, установленных во дворе.

С другой стороны, «каменные бабы» новым населением были восприняты относительно позитивно. Мистически настроенная его часть считала, что если к статуе относиться уважительно, то она станет их защитницей. С «бабами», в первую очередь, были связаны надежды степного населения на дождь, столь необходимый в условиях засушливого климата. Важным также стало «участие» изваяний в различных лечебных процедурах, ниспослании беременности и всяческого благополучия (Терещенко, 1866. С. 7; Грачев, 1908. С. 10–13; Топорков, 1995. С. 219; Тельпис, 2003; Логвиненко, 2006). «Каменные бабы» стали частью различных обрядов, в частности, купальской обрядности (Зайковский, 1908. С. 30), что, конечно же, вызывало негодование православных священнослужителей и местной администрации. По свидетельству А.В. Терещенко (1866. С. 37), «около 30 лет назад [т.е. в 1820/1830 гг.] снимались бабы с дорог, по распоряжению Начальства, и с тех пор начинается собственно уничтожение их». Аналогично писал и В.А. Городцов (1907. С. 213): «Эта позорная деятельность [т.е. уничтожение изваяний], к стыду старой русской цивилизации, одно время имела даже правительственную санкцию». Не исключено, что оно было вызвано повсеместным поклонением каменным «истуканам», что, например, было зафиксировано в Нижнем Поднепровье: «На земле г-жи Неклюевой есть большой курган, на котором стояла «баба». Так как крестьяне вздумали оказывать ей род поклонения, управляющий приказал ее опрокинуть, но в продолжение голодного 1833–34 года они опять поставили ее на место, утверждая, что она способствует им иметь дождь и урожай, и начали поклоняться ей усерднее прежнего. Тогда управляющий распорядился, чтоб «бабе» этой отсекли голову, которая и до сих пор лежит у ног истукана» (Каменные бабы, 1844. С. 597).

Один из поразительных примеров поклонения каменному изваянию известен в Сагайской степи в Аскизском р-не Хакасии, где стоит местная святыня – трехметровое каменное изваяние окуневской культуры *Хуртуйах тас* (*Улуг Хуртуйах Тас*) (*Великая каменная старуха, Мать-Богородица*) (Кобец, 2003; Колесов, 2003; Рак, 2006; Тарасов, 2003; Мылтыгашева, 2009. С. 203–205). Этому изваянию поклонялись издавна и язычники, и православные, и мусульмане, но особенно – бесплодные женщины. Представления о связи каменных изваяний с благополучной беременностью существовало и у жителей юга Восточной Европы (Плетнева, 1974. С. 6, 73; Граб, 2001. С. 109).

С течением времени местное население все больше воспринимало изваяния как важную составную часть степного мира, ставшего уже своим. «Бабы» вошли в круг «своего» мира, и с «чужих» могил-курганов их теперь свозили в села, украшая изваяниями улицы, заборы и ворота, дворы усадеб. В этих действиях в конце XIX – начале XX в. были единодушны представители различных социальных слоев – и крестьяне, и дворяне, и даже отдельные священнослужители.

В XX в., в советское время, изваяния почти ушли из жизни степного населения. Это было время еще более прагматичное и рациональное, с новыми кумирами и новой историей, в которой древности осталось не так уж много места. «Каменные бабы» почти исчезли из крестьянских усадеб, снова став банальным строительным материалом. Часть изваяний усилиями археологов, краеведов и других энтузиастов, конечно же, была спасена благодаря созданию многочисленных музейных коллекций.

Однако в последние два десятилетия с возрождением интереса к истории значительно возросло внимание и к средневековым изваяниям, которых начали массово именовать «скифскими бабами». Снова появились частные коллекции изваяний, а газеты стали пестреть рассказами о случаях их мистического воздействия на людей как отрицательного, так и положительного.

К началу XXI в. «каменные бабы» прочно вошли в художественную культуру народов Украины и России. Причем, если в конце XIX – начале XX в. отношение к изваяниям в литературе было преимущественно настороженным и негативным (И. Бунин, В. Хлебников, Б. Лавренев, В. Вересаев, Е. Замятин), то через столетие оно сменилось почти полностью позитивным (А. Тарковский, Д. Кедрин, А. Вознесенский, Д. Черемис и многие современные авторы). Изваяния стали, с одной стороны, символами вечности и природной мудрости, а с другой – символами непростой женской доли. Грозные «каменные стражи Степи» теперь сами стали нуждаться в человеческом сочувствии и участии.

Библиографический список

- Білецький О.П.* «Козак Мамай» – українська народна картина. Львів, 1960.
- Білецький О.П.* Український портретний живопис XVII–XVIII ст. Проблеми становлення і розвитку. Київ, 1969.
- Бушак С.М.* Сміхова культура українського народу у творах «Козак Мамай» та «Запорожцях» Іллі Рєпіна // Скарбниця української культури. Чернівці, 2002. Вип. 3.
- Веселовский Н.* Статуи воинов из категории «каменных баб» // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1911. №45.
- Вирган І.О., Пилинська М.М.* Російсько-український словник сталих виразів. Київ, 1959.
- Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 года // Тр. XIII АС в г. Екатеринославе, 1905 г. М., 1907. Т. I.
- Грaб В.І.* Кам'яна баба за описом археолога В. Грінченка // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. №1.
- Грачев В.И.* Иллюстрированный путеводитель по г. Смоленску. Смоленск, 1908.
- Дело ИАК об археологических розысканиях Н.Е. Бранденбурга в Донской области [и в Киевской губ.], 1891 // Архив ИИМК РАН. №17/1891.
- Жолтовський П.М.* Український живопис XVII–XVIII ст. Київ, 1978.
- Зайковский Б.В.* Каменные бабы в Саратовском Поволжье // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1908.
- Зайковский Б.В.* Впечатления из поездки в Елань-Аткарскую. Саратов, 1909.
- Иванов А.* К вопросу о каменных бабах // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1888. №6.
- Каменные бабы // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1.
- Книга Большому чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Кобец Е.* Возвращение Каменной Матери // Красноярский рабочий. 2003. 5 сент.
- Козак Мамай: феномен одного образу та спроба прочитання його культурного «ідентифікаційного» коду. Київ, 2008.
- Колесов А.* Хакасская Богородица вернулась на исконное место // Эксперт-Сибирь. 2003. №9 (www.expert-sibir.ru/journal/read/181)
- Легенди та перекази (Українська народна творчість) / упоряд. А.Л. Іоаніді. Київ, 1985.
- Логвиненко Л.* Ставити ідолів на дачах небезпечно // Слобідський край. 11 лютого. Харків, 2006.
- Макаров М.Н.* Каменная баба в Тамбовской губернии // Русские предания, изданные М.Н. Макаровым: в 3 кн. М., 1838–1840 (по: www.proza.ru/2009/04/16/355).
- Мылытгашева Л.П.* Возрождение старой святыни. Изваяние Улуг Хуртуях Тас // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. №1–2 (13–14).
- Новицкий Я.П.* Народная память о запорожцах. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине: 1875–1905 г. Рига, 1990.

- О курганах. Предварительное разыскание Петра Кеппена (1836 г.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1908. №42.
- Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е 4–2.
- Рак Л.* Сила каменной бабы // Труд. 2006. №142 (5 авг.).
- Ружицкий А.И.* Краткое сообщение о каменных бабах в Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1906. №39.
- Савур-Могила.* Легенды та перекази Нижньої Наддніпрянщини / упоряд. В.А. Чабаненко. Київ, 1990.
- Словарь української мови / упор. Б.Д. Грінченко. Київ, 1908. Т. II (З–Н).
- Спаский Г.И.* Днепровские курганы // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1.
- Тарасов А.* Каменную бабу вернули в хакаские степи // Московские новости. 2003. 17 окт.
- Тельпис Т.* Языческий идол управляет погодой? // Правда. 2003. 6 окт. (www.pravda.ru/society/family/life/38760-1).
- Терещенко А.* О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1866. №4.
- Топорков А.Л.* Камень // Славянская мифология. М., 1995.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В.* Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах. Донецк, 2004. №14.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
- Федоровский А.С.* Инструкции и программы для археологических разведок и сбора археологических материалов // Труды экспедиции для изучения Изюмского края. Изюм, 1923. Вып. I.
- Флоренсов Я.* О каменных бабах // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. II. Отд. 2–3.

РАЗВИТИЕ СТАТУАРНЫХ ИЗВАЯНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИНЬЦЗЯНА

А.И. Соловьев, С.А. Комиссаров, Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН;

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №11-01-00489а)

Традиция изготовления каменных изваяний на территории Сибири и Центральной Азии имеет давнюю историю, восходящую к бронзовому веку. Однако яркие, самобытные, не имеющие аналогов в окружающем пространстве скульптуры того времени (имеются в виду материалы окуневской культуры), по всей видимости, не связаны с каменной пластикой последующих историко-культурных образований ни в пределах Южной Сибири, ни в смежных регионах. Обычай установки стел с характерными изображениями (фигур животных, деталей пояса, предметов вооружения) на боковых и торцевых гранях каменного блока, обеспечивающих узнавание образа и определяющих социальный ранг персонажа, превращает внешне не обработанный монолит в самостоятельный объект пластического искусства, получает развитие уже в скифскую эпоху, в виде так называемых оленных камней. Обращает на себя внимание, что в том и другом случае «физиогномические» характеристики для древнего скульптора и его зрительской аудитории, сравнительно с остальным антуражем, были не столь важны и находились практически за пределами изобразительного канона. Лишь сравнительно недавно специалисты стали воспринимать оленные камни как образы конкретных людей, а не некую стандартизированную совокупность изображений, декорировавших каменные валуны. Еще меньше ясности в положении дел с семантикой предметов пластики окуневской культуры. Отметим лишь, что данные памятники связаны между собой некой общей, исстари (как минимум, на уровне мегалитических культур) существовавшей на территории Евразии идеей, связанной с представлениями о сакрализации ушедших из жизни предков. После обретения ими особой силы в качестве покровителя для оставшихся на земле потомков последние получали возможность через мистического «патрона» получать помощь иных миров. Новый статус и сакральная мощь изменялись в зависимости от той ступеньки в системе общественных отношений, которую занимал при жизни ушедший предок. Данное обстоятельство находило отражение в степени почитания воспроизводимых образов, что подчеркивалось масштабностью фигур и тщательностью воспроизведения экипировки, которая, в конечном итоге, будучи общепонятным для предста-

вителей потестарных обществ знаком различия, «оживляла» и индивидуализировала персонаж, делала его узнаваемым даже без воспроизведения черт лица. В последующие времена у кочевого населения Северной Азии, далеких (и далеко не прямых) потомков скотоводов бронзового и раннего железного века, в системе верований и художественной традиции сохранился примат внешней вещной оболочки – одежды и ее аксессуаров – над портретными характеристиками изображаемого лица (подробнее см.: (Соловьев и др., 2011)).

В каменной скульптуре эпохи раннего средневековья – следующего по хронологической и историко-культурной шкале этапа развития каменной пластики в Сибири и Центральной Азии – проявляется новый феномен, известный ранее лишь в качестве исключений. Отмечается широкое распространение скульптур и стел, на которых особое внимание уделено передаче лиц; их черты нередко выполнялись даже в невысоком рельефе, подчас без всякой сопутствующей атрибутики. Специально подчеркнем, что стелы с личинами могли обходиться без иных подробностей, однако не было «обезличенных» статуй с детальной экипировкой (сказанное не относится к тем случаям, когда уже у готовых скульптур лицо намеренно скалывалось или «забивалось» серией ударов). Данное обстоятельство указывает на смену ориентиров в зрелищных аспектах культуры кочевого населения, занявшего степные коридоры и межгорные котловины Евразийского континента после эпохи Великого переселения народов.

Переход к новым изобразительным канонам можно связать с процессом становления государственности, для которого можно отметить две важные конкретно-исторических особенности. Первое – это пространственная широта древнетюркских государственных военно-политических образований; второе – взаимообмен с соседями, стадияльно уже давно находившимися на уровне развитого государства. Для Центральной Азии наиболее значимыми были страны Дальнего Востока – Китай, Корея (в меньшей степени Япония), а также их сателлиты или, во всяком случае, носители (представители?) этнополитических образований, находившихся под мощным влиянием «восточной» в широком смысле слова и, прежде всего, китайской культуры. Многочисленные предметы вооружения, конского убора и кочевой моды (пояса, серьги), которые можно обнаружить в фондах музеев и императорских сокровищниц, принесенные в дар посольствами «быстроконных» соседей, не оставляют сомнений в факте весьма интенсивных контактов, последствия которых еще предстоит осмыслить. Показательными в этом плане являются материалы VII–VIII вв. из императорской сокровищницы Сёсоин в г. Нара, среди которых находятся великолепные пояса с накладками из лазурита (ляпис-лазури), выполненные явно восточными мастерами по древнетюркским образцам (Сёсоинтэн, 1988. С. 91. Рис. 57). Впрочем, весьма вероятно и их собственно тюркское происхождение. Более чем многочисленные параллели обнаруживаются между древнетюркским комплексом вооружения и экипировкой самураев, воинов Корейского полуострова и Северного Китая. В интересующем нас аспекте отметим, что в эпоху поздней древности и вплоть до развитого средневековья во всех вышеупомянутых странах были широко распространены полноценные скульптуры, изображающие людей, хотя материал для их изготовления по большей части брался иной (не камень). Достаточно вспомнить керамические *ханива* в Японии, терракоты Кореи и Китая. Впрочем, в Корее известны и крупные статуи архаичного облика, использовавшиеся в том числе и в церемониях погребального цикла, воспроизводящие стилизованные фигуры людей, но с акцентированным изображением лиц. Бесспорные параллели прослеживаются между устройством древнетюркских оградок и целым рядом небольших японских храмов как по устройству, так и по структуре организации сакрального пространства, равно как и по типологическому составу атрибутики. Но если массовые контакты с отдаленным архипелагом на бытовом уровне представляются маловероятными (хотя проблемы военных экспедиций вполне обсуждаемы), то широкое взаимодействие с населением Китая не вызывает сомнений. Более того, его основной вектор часто разворачивался в обратную сторону и проходил уже в направлении китаизации соседнего тюркоязычного населения (как в форме осознанной, целенаправленной политики, так и на уровне спонтанных проявлений). Убедительные свидетельства этому дают археологические материалы. Например, скульптурный комплекс мавзолея Кюль-Тегина выполнен по китайским стандартам, не исключено, что и китайскими мастерами. Недавно исследованный в Монголии курган середины VII в. Шороон Дов, в котором был погребен один из крупных местных чиновников, назначенных в управление китайской администрацией (см.: (Данилов, 2010)), содержал каменную плиту с эпитафией на китайском языке и серию терракотовых фигурок людей и животных, традиция помещения которых в погребальные комплексы характерна для памятников Китая уже в эпоху династий Цинь-Хань (последняя четверть III в. до н.э. – 1-я четверть III в. н.э.). Таким образом,

можно говорить о вполне отчетливых культурных импульсах с Востока, со стороны его развитых государственных образований.

На Западе сходную ситуацию можно проследить на примере контактов древних славян и тех же тюрков с Византией (как бы это ни было далеко территориально, хотя и сравнительно близко хронологически). Местные элиты в ходе постоянных мирных, но главным образом немирных контактов проникались могуществом и сакральностью императорской власти, воплощение которой они начинали копировать и воспроизводить в силу доступных им средств, заимствуя престижную атрибутику, формы ее демонстрации, многие элементы обрядовой сферы – вплоть до принятия базовой идеологии. Эти семена пали на благодатную почву и в нужный момент, соединившись с традиционными формами мастерства и ритуала, дали свои всходы. Следы традиционных представлений следует искать преимущественно среди материалов простых каменных stel, вторичная обработка которых велась в направлении придания природному силуэту большей антропоморфности либо просто вертикальных камней, установленных в соответствующих местах (у оградок) и обряжаемых на время совершения ритуала соответствующим образом.

Важное значение для исследования поставленных вопросов имеют материалы по каменным изваяниям Синьцзяна, где в силу географических факторов процессы межкультурного общения и транзита протекали наиболее интенсивно. В так называемых внутренних землях Китая традиция статуарных изображений не имеет непрерывности. По сути, для эпохи древности известны только два ярчайших, но изолированных в своей уникальности очага таких изображений: бронзовые (и композитные) фигуры в культуре *саньсиндуй* (XV–XIII вв. до н.э.) и терракотовые воины мавзолея Первого циньского императора (конец III до н.э.). Мелкая же пластика, хотя и имеет неолитические прототипы, но широко распространяется лишь начиная с эпохи Цинь-Хань. Что же касается Синьцзяна, то там сейчас выявлена достаточно представительная группа скульптур раннего бронзового века, отнесенных к чемурчешской культуре (см.: (Ковалев, 2007)). Последующие этапы представлены многими десятками оленных камней (скифская эпоха) и каменных баб (тюркское время); точное число их не установлено, но еще в 1990-е гг. было известно не менее 200 изваяний различного типа; и их число постоянно растет (основные публикации см.: (Ван Бо, 1995; Ван Бо, Ци Сяошань, 1996; Сюй Юйфан, Ван Бо, 2002; и др.). Также и мелкая погребальная пластика представлена на территории Синьцзяна как на памятниках бронзового века (могильник Сяохэ), так и раннескифского периода (могильник Яньблэк). Поэтому мы считаем возможным придерживаться концепции приоритета народов Западного края в развитии данной категории памятников, в том числе и по отношению к терракотовой армии Цинь Шихуанди. На возможность таких влияний впервые указал М.Ю. Ульянов (2007. С. 28).

Впрочем, исключительное богатство новых археологических находок на территории Китая заставляет постоянно корректировать выдвигаемые теории. Возможно, недавняя находка на территории провинции Хунань заставит существенно уточнить взгляды на линии развития каменных изваяний, поскольку их там найдено сразу более 5 тыс. штук, размерами от 30 до примерно 100 см. По мнению исследователей, памятник в горах Гуйцзай представляет собой мастерскую по изготовлению скульптур, причем самые ранние датируются эпохой бронзы (ок. 5000 л.н.), а самые поздние – правлением монгольской династии Юань (1280–1368 гг.) (Statues..., 2010). Однако детальное изучение этих богатейших находок – дело будущего.

Библиографический список

- Данилов С.В. Шороон Дов – «земляной бугор» // Наука из первых рук. 2010. №6.
Ковалев А.А. Чемурчешский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В.: сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007.
Соловьев А.И., Комиссаров С.А., Соловьева Е.А., Прокофьева И.В. Каменные изваяния Синьцзяна в контексте изучения средневековых скульптурных памятников Северной Азии // Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. Барнаул, 2011.
Ульянов М. Первый император и его армия // Восточная коллекция. 2007. №2.
Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоучжи лу цаюань шижэнь яньцзю (Исследование степных каменных изваяний на Шелковом пути). Урумчи, 1996. (каталог).
Ван Бо. Обзор оленных камней Синьцзяна // Каогусюэ цзикань. 1995. №9.
Сёсоинтэн (Выставка сокровищ Сёсоин). Нара, 1988.
Сюй Юйфан, Ван Бо. Буэрцзиньсянь шижэнь, лушидэ дяоча (Исследование каменных изваяний и оленных камней уезда Бурчум) // Синьцзян вэньу (г. Урумчи). 2002. №1–2.
Statues older, more numerous than terracotta warriors found in Hunan // People's Daily Online. 18 Aug. 2010 // На сайте «Жэньминь ван». URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90782/90873/7108783.html> (дата обращения 25.05.2012).

КАТАФРАКТАРИИ ХАР-ХАДА (Монгольский Алтай)

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.Н. Мухарева

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ–МикОКН Монголии
(проект №10-01-00620а/G «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии»)

Среди серии наскальных рисунков с изображениями тяжеловооруженных всадников, известных к настоящему времени в Центральной Азии, особое место по праву принадлежит памятнику в урочище Хар-Хад (Харганат) на территории сомона Эрдэнэ-Бурэн Ховдского аймака Монголии. Данный комплекс был обследован и скопирован участниками Советско-Монгольской экспедиции в 1973 г., а в дальнейшем введен в научный оборот целой серией публикаций (Новгородова, Горелик, 1980; Nowgorodowa, 1980; Новгородова, 1981, 1984; и др.).

Анализ стилистических особенностей всадников Хар-Хада и аналогии представленному на них вооружению позволили датировать петроглифы VI–VII вв. н.э. и определить их этнокультурную принадлежность как тюркскую (Новгородова, Горелик, 1980. С. 112). М.В. Гореликом были созданы варианты графических реконструкций хар-хадских бронированных воинов и их коней (Новгородова, Горелик, 1980. Рис. 8; Nowgorodowa, 1980. S. 215). Позднее этот же исследователь несколько омолодил дату рисунков до V–VI вв. (Горелик, 1993. С. 155, 158, 160). До сих пор остается актуальным заключение Э.А. Новгородовой (1984. С. 134) о ценности хар-хадской композиции, которая показывает «... тяжеловооруженных тюркских всадников, изображенных самими тюрками» на основной территории формирования их этноса, и демонстрирует серьезные изменения «... в вооружении и военной тактике степных народов Центральной Азии», давшие «... тюркам большие преимущества перед соседями», в том числе перед такими мощными, как Китай и Иран.

В дальнейшем памятник Хар-Хад неоднократно посещался монгольскими и российскими исследователями, а рисунки «катафрактариев» с него не раз привлекались в работах археологического, историографического, оружейведческого или искусствоведческого плана (Худяков, 1986. Рис. 72.-1–2; Дамдинсурэн, 1990; Батмөнх, 2008; и мн. др.). В некоторых из них давались прорисовки всадников, весьма отличающиеся от тех, которые опубликовала Э.А. Новгородова. В российских изданиях не так давно были опубликованы цветные фотографии хар-хадской писаницы (Ожередов, Ожередова, 2009; Тишкин, 2011). Ю.И. Ожередовым рядом с основным местонахождением была зафиксирована и изучена своеобразная подражательная гравированная композиция (Ожередов, Ожередова, 2009; Ожередов, Мунхбаяр, Ожередова, 2011).

В 2011 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция под руководством одного из авторов данной публикации и при участии студентов-практикантов Ховдского университета (руководитель – Ч. Мунхбаяр) обследовала памятник Хар-Хад и прилегающие к нему окрестности. В течение трех дней на плоскости с изображениями вооруженных всадников проводились работы по фотофиксации и копированию петроглифов. Представление лишь некоторых результатов проделанной работы и является целью настоящей публикации.

Плоскость с интересующей нас композицией смотрит на юг с небольшим (примерно около 10°) отклонением к востоку и имеет следующие географические координаты: N – 48°31.684'; E – 091°04.700' (±6 м). Ее размеры такие: высота – 2,89 м, ширина – 2 м (верхняя часть) и 1,45 м (нижняя). Плоскость состоит из двух блоков. Верхняя часть имеет высоту 1,02 м. Нижняя занимает примерно 2/3 всего размера и выступает вперед на 12–15 см. С левой стороны плоскость прикрывает меньший блок. Высота над уровнем моря (согласно показателям GPS-приемника) у подножия горы составляет 1814 м, а у композиции – 1836 м. Открытость плоскости способствует активному разрушению памятника талыми водами, морозами, а также вросшими растениями. В 2008 г. на Хар-Хаде работала группа реставраторов из Центра сохранения наследия Монголии (сообщение Ч. Мунхбаяра). В результате поверхность была обработана специальными закрепляющими материалами.

Из изображенных на плоскости фигур тюркским временем датируются шесть всадников и пеший лучник (рис. 1). Поскольку трещины делят скальную поверхность на отдельные блоки, всю композицию можно условно разделить на три группы (рис. 2–4). Верхняя (первая) группа состоит из двух всадников, едущих в ряд слева направо (рис. 2). Передний катафрактарий имеет следующие размеры: от края морды до окончания хвоста лошади – 37 см; от уха животного до копыт – 24,5 см; от наверхия

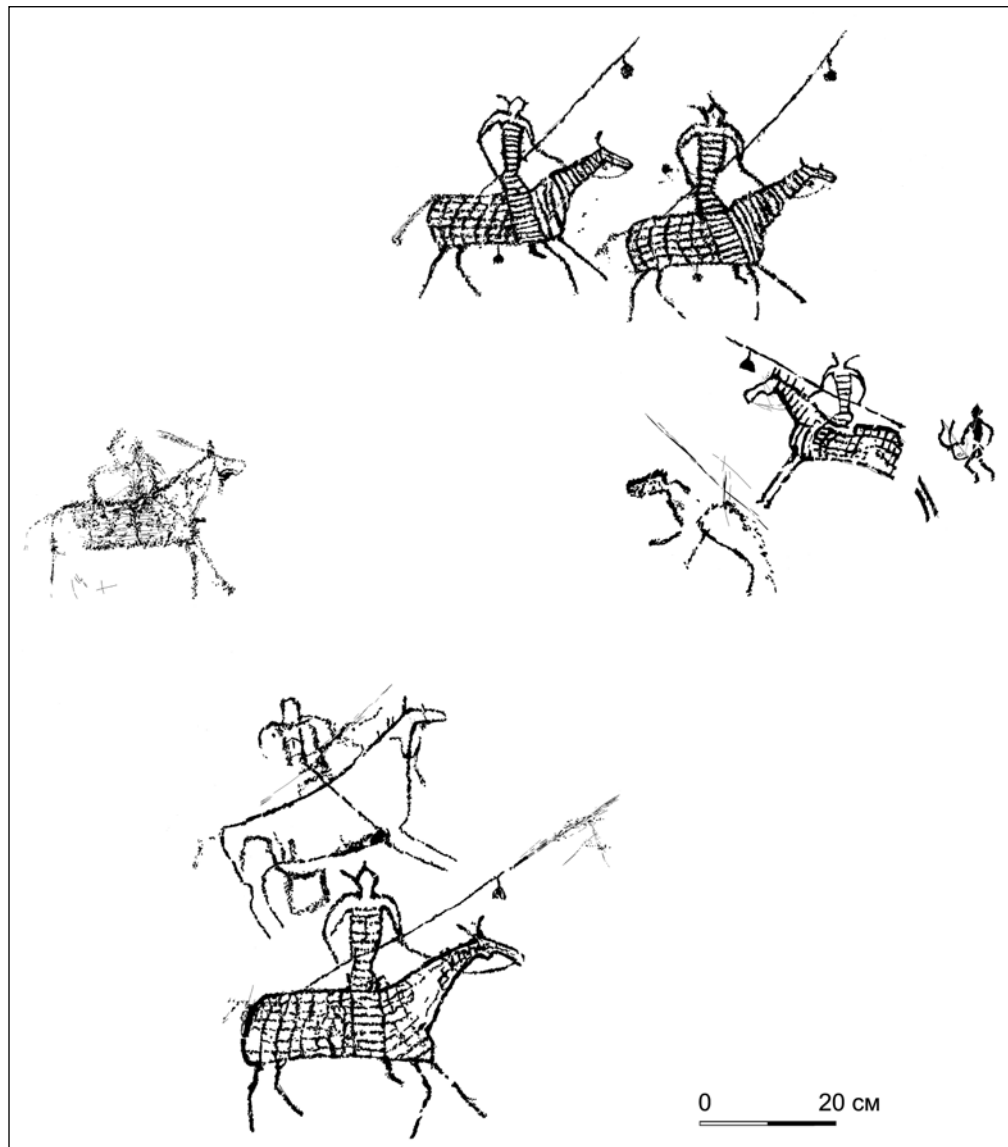

Рис. 1. Хар-Хад. Схема расположения рассматриваемых групп изображений

шлема до ноги воина – 28,5 см; видимая длина копья – 38 см. Параметры второго всадника составляют следующие показатели: от начала морды до завершения хвоста коня – 36,5 см, от уха до копыт животного – 24 см, от наверхия шлема до ноги воина – 24 см, длина копья – 33 см*. Головы и нижние части тела людей изображены в профиле, а торсы с развернутыми плечами – в фас. Руки до локтя показаны объемно, но ниже они выбиты одной линией. Руки согнуты в локтях, правой воины держат копья, а левой опираются на шею лошади, удерживая повод. Ноги всадников почти прямые с опущенными вниз носками, что более характерно для посадки со стремянами. На головах воинов переданы сфероконические шлемы с вытянутыми наверхиями, в которых, вероятно, закреплен плюмаж из пера. У переднего катафрактария перо значительно крупнее. Помимо этого, от нижних краев шлемов отходят линии, видимо также изображающие перья, закрепленные на обручах в специальных втулках (Горелик, 1993. Рис. 9.-26). Тела воинов облачены в длинные панцири, сужающиеся от груди к талии и расширяющиеся к подолу. Внутреннее пространство панцирей заштриховано параллельными линиями от подмышек. Всего эти линии образуют 20 горизонтальных полос у переднего всадника и 21 полосу у второго. Копья подняты вверх и слегка наклонены вперед. Наконечники копий не выделены, что, вероятно, подразумевает наличие у них узкого пера, характерного для пики. Под наконечниками подвешены бунчуки в виде округлых кистей. Корпуса лошадей облачены в попоны и также заштрихованы параллельными линиями. На шее и груди они образуют 13 полос, а на боку и крупе – сетку из шести горизонтальных и семи

* Все приводимые в статье параметры даны по прорисовкам, полученным в поле при копировании изображений фломас-терами на прозрачный целлофан.

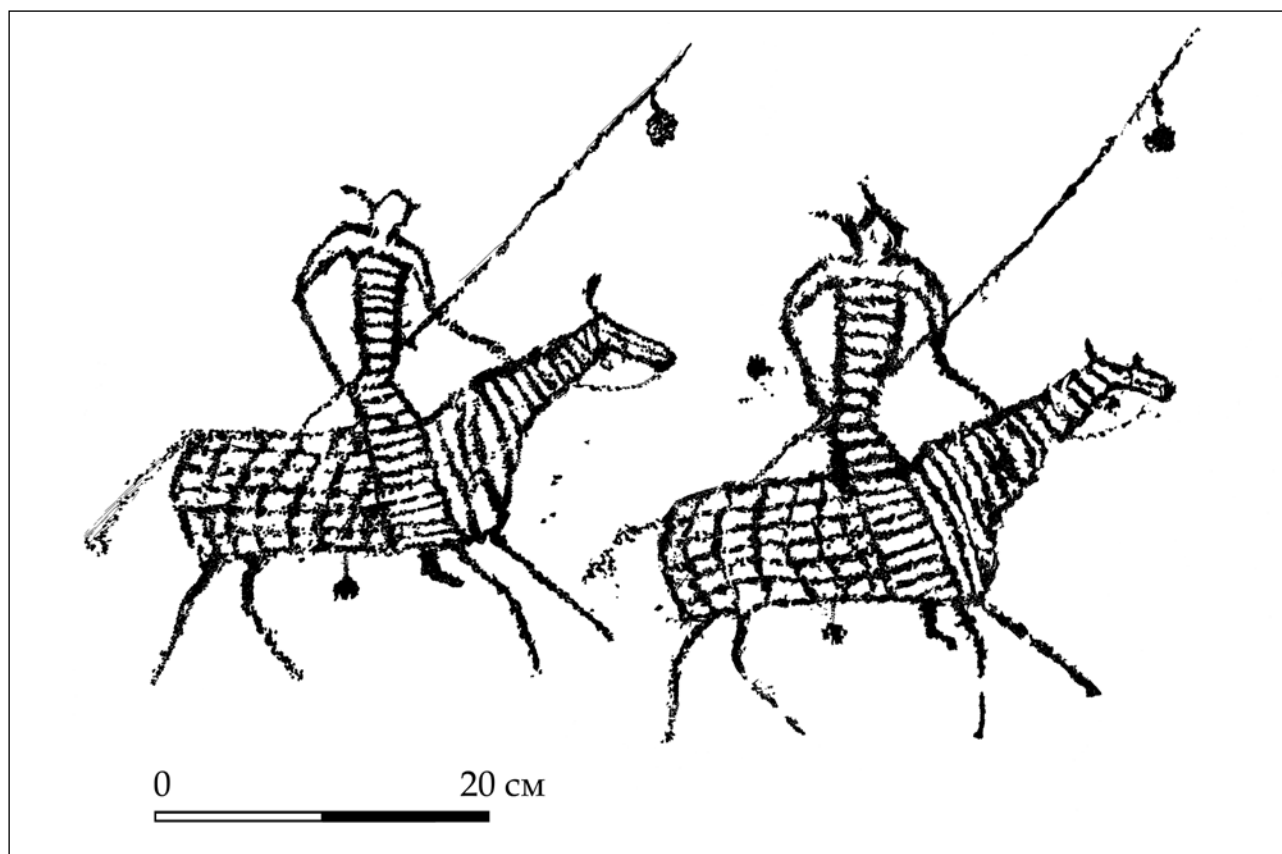

Рис. 2. Хар-Хад. Первая группа изображений

вертикальных полос. На головах лошадей показано по одному уху. Внутреннее пространство головы обеих коней разделяет линия, передающая либо нащечный ремень узды, либо край защитной маски. У передней лошади показан наносный султан. От губы до шеи изображен повод, заканчивающийся на-против левой руки всадника. На шее, под подбородком, подвешены небольшие кисти. Более крупные кисти висят также у нижнего края попоны, под животом лошади. Снизу они оформлены тремя зубцами. Хвосты лошадей выполнены сочетанием техник гравировки и выбивки. Они показаны распущенными, но ровно подстриженными. Ноги коней переданы одной линией, их постановка демонстрирует движение шагом.

Вторая группа, которая находится немного ниже, состоит из всадника, едущего справа налево, и расположенного за ним пешего лучника (рис. 3). Размеры всадника составляют следующие показатели: от начала морды до окончания задних ног лошади 32,5 см, от ушей до копыт животного 19 см, от намеченного шлема воина до нижнего края попоны лошади 16 см, длина копыта 29,5 см. По стилю и технике исполнения катафрактарий аналогичен изображениям верхней группы, но из-за трещин и сколов на плоскости сохранился хуже. Широкая трещина частично уничтожила корпус и задние ноги коня. Не прослеживается верхняя часть шлема всадника, хотя угадывается его сфероконическая форма и частично боковое перо. Панцирь воина различим только от подмышек до пояса (семь полос), далее он сливается со штриховкой попоны коня. Из-за скола не сохранилась и нога всадника. Копье наклонено гораздо ниже, чем у верхних бойцов и имеет бунчук в виде колоколовидной кисти. Лошадь облачена в попону, нашейная и нагрудная часть которой заштрихованы параллельными линиями (девять полос?), а остальная часть сеткой (5–6 горизонтальных и 11–12 вертикальных полос). На голове животного показаны два уха, грива пострижена и показана тремя зубцами. Повод передан едва различимой гравированной линией. Передние и задние ноги лошади параллельны и демонстрируют движение галопом. Размеры пешего воина следующие: от навершия шлема до окончания ног – 11,7 см, от верхнего плеча лука до локтя правой (?) руки – 8 см, длина кибити лука – 6,8 см. Эта фигура выполнена в технике сплошной выбивки, лишь тетива лука показана несколькими гравированными линиями. Изображение также повреждено трещинами. Ноги пехотинца присогнуты в коленях и передают движение вслед за всадником. Одна рука согнута в локте и опирается на пояс. Другая также согнута и держит за середину лук М-образной формы. От этого места вверх отходит линия, которую предположительно можно трак-

товать как приготовленную для стрельбы стрелу. Похожие сюжеты известны среди тюркских гравировок Жалгыс-Тобе из Горного Алтая (Горбунов, 1998. Рис. 2.-1). На голове воина показан контур сфероконического шлема, аналогичного шлемам всадников первой группы. Следует отметить, что ниже данного сюжета есть еще одна фигура (рис. 1). На плоскости прослеживаются голова и часть корпуса животного, четко обозначена длинная линия, возможно, передающая копье (?), по аналогии с вооружением других воинов. Однако достоверно идентифицировать данное изображение с катафрактарием или датировать его тюркским временем не представляется возможным.

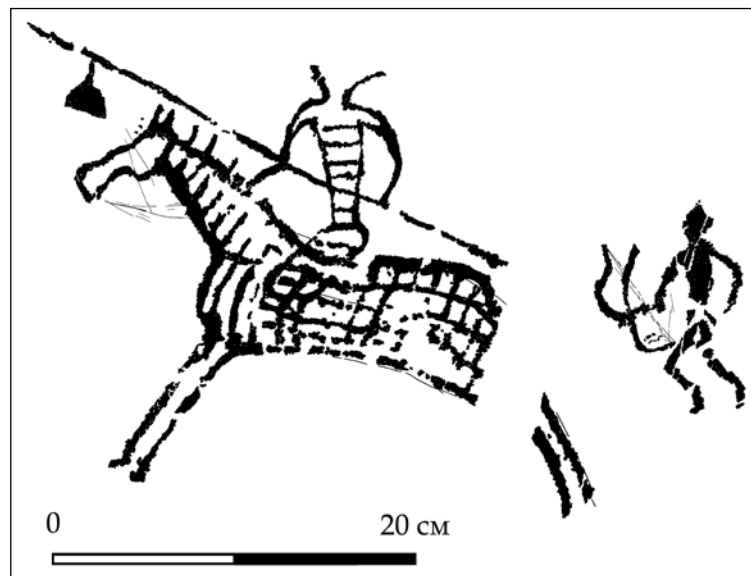

Рис. 3. Хар-Хад. Вторая группа изображений

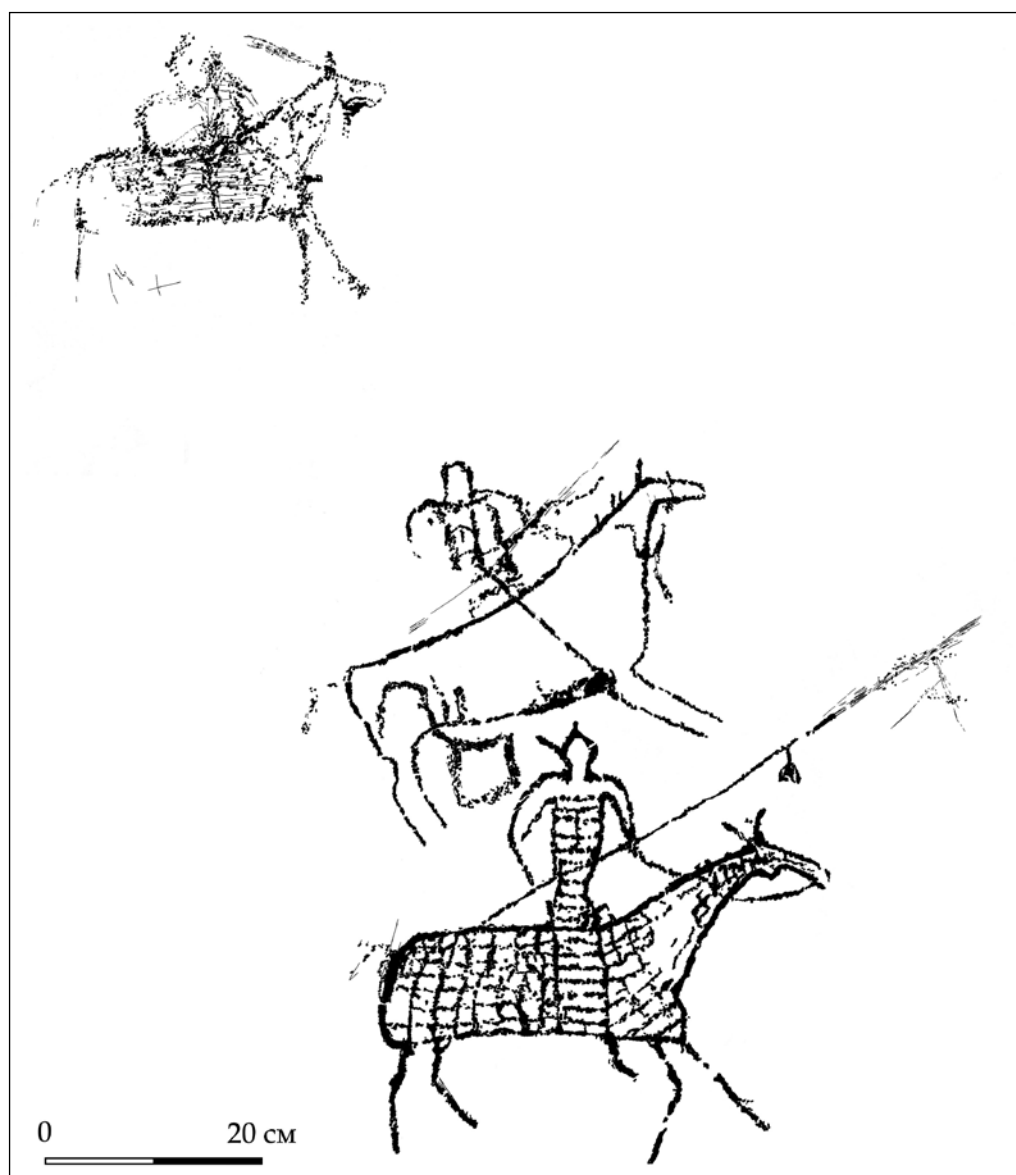

Рис. 4. Хар-Хад. Третья группа изображений

Нижняя (третья) группа петроглифов (рис. 4) включает как бы шеренгу из трех всадников, едущих слева направо и расположенных друг под другом. Самая нижняя фигура этой группы аналогична уже описанным всадникам и имеет следующие размеры: от начала морды до края крупа лошади – 45 см, от ушей до копыт лошади – 37,5 см, от наверхия шлема до ноги воина – 33 см, длина копья (не учитывая подновлений) – 38 см. Этот всадник во многом схож с петроглифами верхней группы. Отличия заключаются в более крупных размерах и ряде деталей. Так, панцирь воина на груди имеет дополнительную вертикальную линию, делящую три горизонтальных полосы (от верха со второй по пятую) на два ряда. Всего в панцире 18 горизонтальных полос. Все части конской попоны заштрихованы сеткой: семь горизонтальных и восемь вертикальных полос на боку и крупе; восемь продольных и три поперечных на груди; три продольных и семь поперечных на шее. Кисть копья куполовидной формы. Примечательно, что копые именно этого всадника позднее при подновлении было «удлинено». На голове лошади изображены два уха. Отсутствуют кисти под животом и на шее, едва прослеживается хвост. Остальные две фигуры несколько отличаются по стилю или технике и, возможно, не были завершены. Центральная из них имеет следующие параметры: от морды до крупа лошади – 37 см (от морды до хвоста – 43 см); от уха до копыт лошади – 26,5 см, от верха шлема до края подола панциря воина – 24,5 см. Верх шлема всадника не прослеживается. Возможно, исполнители целенаправленно не уделили внимание данной детали. Панцирь передан сплошной линией спереди и по подолу, со стороны спины линия доспеха частично нарушена изображением неопределенного животного. Выше пояса на панцире кое-где прослеживаются горизонтальные линии. Левая рука воина изображена почти полностью, правая прослеживается только до локтя, копые лишь намечено. Контур лошади передает надетую попону, но выполнен он менее искусно, чем у других коней. Внутреннее пространство корпуса коня не заштриховано. На голове лошади изображено одно ухо, грива передана тремя выстриженными зубцами. Передние ноги параллельны, как в галопе, а задние подогнуты, как при шаге. Нам представляются неубедительными заключения Ю.И. Ожередова о том, что «...видовая принадлежность данного животного в качестве лошади остается под вопросом» и что «...под сомнение попадает утверждение о наличии пятого всадника» (Ожередов, Ожередова, 2009. С. 149–150). Несмотря на имеющийся полимпсест, фигура всадника, держащего копые, прослеживается отчетливо. Что касается животного, то признаки (менее удлиненная морда и более массивная передняя часть корпуса), отличающие его от других коней, изображенных на данной плоскости, будут являться скорее стилистическими, при этом они не указывают на иную видовую принадлежность. К тому же ни у быков, ни у оленей нет гривы, оформление которой возможно было бы показать в виде трех выстриженных зубцов.

Рис. 5. Хар-Хад. Общий вид композиции

Размеры верхней фигуры данной группы составляют от морды лошади до хвоста 34,5 см, от уха до копыт – 23,4 см, от «наверхия» шлема воина (из-за полимпсеста имеющиеся выбоины сложно с

полной уверенностью называть навершием шлема) до нижнего края попоны лошади – 16,5 см. Данный рисунок стилистически является аналогией другим хар-хадским всадникам. Выполнен он преимущественно гравированными линиями в сочетании с редкими поверхностными выбоинами и напоминает, скорее, эскиз. Вероятнее всего, остальным изображениям всадников на лошадях предшествовали аналогичные гравированные эскизы, о чем свидетельствуют тончайшие резные линии, местами прослеживающиеся на всех без исключения фигурах. Из-за того, что рисунок был виден не так отчетливо, как остальные, в первой публикации (Новгородова, Горелик, 1980. Рис. 7) он воспроизведен не полностью и, соответственно, не включен в число тюркских всадников. Тому, что данное изображение не привлекало должного внимания предшественников, вероятно, способствовало и его положение на плоскости – у самого левого края, частично загораживаемое соседним скальным блоком. Документирование данного всадника значительно облегчило применение цифровой фототехники. Полученные фотографии при дальнейшей работе с ними в компьютере при сильном увеличении позволили не только выявить новые детали у ранее известных фигур, но и «пополнить» широко известную композицию еще одним всадником. Несмотря на технику выполнения рисунка, лошадь и сидящий на ней воин в сфероконическом шлеме прослеживаются отчетливо. Руки человека лишь намечены, тело ниже спины коня практически не различимо, копые отсутствует. Корпус лошади более четкий, передающий абрис попоны, внутри наблюдаются отдельные линии штриховки. На голове лошади показано ухо, есть две передние ноги и одна задняя, намечен хвост. Часть корпуса и одна из задних ног животного уничтожены сколом. Сзади всадника на спине лошади изображен некий вертикальный предмет. К сожалению, не удалось достоверно проследить, является ли он частью другого изображения (козла?), образующего со всадником палимпсест, или же данный элемент относится непосредственно к конной фигуре. В последнем случае его можно трактовать как налучье, исходя из аналогий на тюркских гравировках Горного Алтая (Горбунов, 1998. Рис. 2.-1; 3.-6).

Таким образом, широко известная композиция, введенная в научный оборот, была скопирована Э.А. Новгородовой на высоком для того времени уровне. Тем не менее работа по новому копированию позволила не только уточнить контуры, отразить специфику изобразительной техники и выявить дополнительные детали уже известных петроглифов, но и пополнить сцену еще одной фигурой. Отметим, что совсем неподалеку от плоскости с тюркскими рисунками были обнаружены две оградки и группа курганов. По всей видимости, в урочище Хар-Хад сложился комплекс раннесредневековых памятников.

Библиографический список

- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998.
- Горбунов В.В. Изображения тяжеловооруженных всадников в наскальном искусстве Алтая // *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов*. Томск, 2003.
- Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // *Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1993.
- Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // *Тюркологический сборник*. 1977. М., 1981.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // *Древний Восток и античный мир*. М., 1980.
- Ожередов Ю.И., Ожередова А.Ю. Воины Черной скалы // *Известия лаборатории древних технологий*. Иркутск, 2009. Вып. 7.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю. Граффити с воинами комплекса Хар-Хад // *Эрдэм шинжилгээний бичиг*. Улаанбаатар, 2011. №4 (16).
- Тишкин А.А. Индэры Монгольского Алтая как отражение мировоззренческих представлений современных кочевников // *Древние и современные культовые места Алтая*. Барнаул, 2011. (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып 2).
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008.
- Дамдинсүрэн А. Монголын зэвсгийн тову туух. Улаанбаатар, 1990.
- Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980.

ОСОБЕННОСТИ СТЕПНЫХ СОЦИУМОВ: АНТРОПОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ТЯНЬ-ШАНЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И.Р. Газимзянов, С.С. Тур

*Институт истории АН РТ, Казань;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

В совместном докладе* анализируются и вводятся в научный оборот палеоантропологические материалы по средневековому населению Тянь-Шаня, полученные в ходе археологических раскопок курганных могильников на территории Кыргызстана в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого столетия (рук. – Табалдиев Куват). Материал (более 50 черепов хорошей сохранности) хронологически распределяется на три группы, которые антропологически характеризуют население Тянь-Шаня эпохи раннего средневековья (13 мужских и 10 женских черепов) и монгольского времени (17 мужских, 8 женских черепов). Небольшая серия датируется 2-й половиной II тыс. н.э. и в какой-то мере ее можно связать с киргизским этносом. Широкий временной отрезок и достаточная представительность краниологических выборок позволяют проследить вектор развития расо- и этногенетических процессов на Тянь-Шане и сопредельных территориях в эпоху средневековья.

Серия черепов из раннесредневековых курганных могильников в целом описывается как брахи-кранные с низким сводом и умеренно развитым рельефом в области лба и затылка (см. табл. 1). Мужские и женские черепа, как правило, обладали широким, высоким и уплощенным лицом. При этом отмечается более ослабленная горизонтальная профилировка лица на женских черепах. Половой диморфизм в серии наблюдается также и в степени выступания носовых костей и форме грушевидного отверстия. Если у мужчин угол носа средний и в строении нижнего края носа преобладали антропические формы, то у женщин угол носа небольшой, а в строении нижнего края грушевидного отверстия чаще прослеживаются предносовые ямки.

Таким образом, раннесредневековые черепа характеризуются монголоидными особенностями: высоким, широким и уплощенным лицом в сочетании с небольшим выступанием носа. При этом в женской группе они более выражены. Индивидуальный анализ показал, что в мужской части серии представлены (пусть и в небольшом количестве) черепа чисто европеоидного типа (например, могильник Беш-Таш-короо-III, курган №5) и с признаками (большой угол носа, резкая профилировка лица и т.д.), характерными для европеоидных групп (могильник Беш-Таш-короо-I, курганы №4, 13, 36), что может говорить о существенном европеоидном компоненте в антропологическом составе раннесредневекового населения Тянь-Шаня. Женская группа морфологически более гомогенна.

Таблица 1

Некоторые краниологические параметры черепов
из раннесредневековых курганных захоронений Тянь-Шаня (сборная)

Признаки	Мужские		Женские	
	N	x	N	x
1. Продольный диаметр	13	178.4	10	172.9
8. Поперечный диаметр	13	146.4	10	142.1
17. Высотный диаметр	13	131.2	10	127.7
5. Длина основания черепа	12	101.5	10	97.6
9. Наименьшая ширина лба	13	93.5	10	92.4
11. Ширина основания черепа	13	133.5	10	127.9
45. Скуловой диаметр	13	140.9	10	130.6

* С.С. Тур проведены измерения черепов, а И.Р. Газимзяновым сделана статистическая обработка краниологических данных и проведен антропологический анализ.

Продолжение таблицы 1

Признаки	Мужские		Женские	
	N	x	N	x
40. Длина основания лица	11	97.7	9	95.8
48. Верхняя высота лица	12	74.4	10	70.3
43. Верхняя ширина лица	13	107.7	10	104.2
46. Средняя ширина лица	13	101.6	10	97.8
55. Высота носа	13	54.7	10	51.3
54. Ширина носа	13	26.8	10	26.5
51. Ширина орбиты	13	42.5	10	41.1
52. Высота орбиты	13	34.9	10	33.4
20. Ушная высота	13	112.3	10	110.4
77. Назомаллярный угол	13	144.6	10	147.1
Zm. Зигомаксиллярный угол	12	133.5	9	140.9
32. Угол профиля лба	13	79.5	10	83.1
72. Общий лицевой угол	12	87.3	9	85.8
74. Угол альвеолярной части лица	10	79.2	6	73.8
75(1). Угол носа	11	26.7	9	19.1
8:1. Черепной	13	82.2	10	82.2
9:8. Лобно-поперечный	13	63.9	10	65.0
48:45. Верхнелицевой	12	52.7	10	53.9
54:55. Носовой	13	48.9	10	51.7
52:51. Орбитный	13	82.6	10	81.2
SS:SC. Симотический	13	49.3	10	38.1
DS:DC. Дакриальный	13	47.5	10	45.4
Глубина клыковой ямки	13	4.49	9	3.43
Надпереносье (1–6)	13	3.92	10	2.30
Антропинная форма нижнего края грушевидного отверстия (%)	13	69.2%(9)	9	22.2%(2)
Переденосовая кость (1–5)	12	2.75	9	1.78

Вторая серия черепов происходит из курганных захоронений Тянь-Шаня 1-й половины II тыс. н.э., которые в основном датируются монгольским временем (XIII–XIV вв.). Черепа этой хронологической группы, независимо от половой принадлежности, также морфологически характеризуются монголоидным комплексом признаков (см. табл. 2). Резкая брахикрания сочетается с низким сводом черепной коробки; лицевой скелет очень широкий и высокий, сильно уплощен в горизонтальной плоскости; выступание носовых костей несильное, в форме нижнего края грушевидного отверстия преобладают либо предносовые ямки, либо инфантильное строение. Внутригрупповой анализ показал, что серия в целом морфологически однородна. Тем не менее отмечается небольшая европеоидная примесь, которая выявляется по отдельным признакам (большой угол носа, узкое и невысокое лицо и т.д.) и редко в комплексе.

Таблица 2

Некоторые краниологические параметры черепов
из подкурганных могил Тянь-Шаня 1-й половины II тыс. н.э. (сборная)

Признаки	Мужские		Женские	
	N	x	N	x
1. Продольный диаметр	17	177.8	7	172.0
8. Поперечный диаметр	17	153.5	7	149.3
17. Высотный диаметр	17	130.2	7	120.4
5. Длина основания черепа	17	98.8	7	93.6
9. Наименьшая ширина лба	17	93.9	8	93.7
11. Ширина основания черепа	17	137.9	7	133.4
45. Скуловой диаметр	17	142.0	8	134.8
40. Длина основания лица	17	98.0	6	95.5
48. Верхняя высота лица	17	76.5	7	73.1

Продолжение таблицы 2

Признаки	Мужские		Женские	
	N	x	N	x
43. Верхняя ширина лица	17	107.6	8	105.6
46. Средняя ширина лица	17	103.8	8	100.6
55. Высота носа	17	55.3	8	52.2
54. Ширина носа	17	26.2	8	25.9
51. Ширина орбиты	17	41.9	8	40.8
52. Высота орбиты	17	34.7	8	34.1
20. Ушная высота	17	113.3	7	110.0
77. Назомалярный угол	17	146.6	8	149.6
Zm. Зигомаксиллярный угол	17	136.7	7	138.8
32. Угол профиля лба	17	80.1	7	81.6
72. Общий лицевой угол	17	87.2	6	86.8
74. Угол авльвеолярной части лица	16	76.9	5	75.2
75(1). Угол носа	17	22.6	5	17.6
8:1. Черепной	16	86.0	7	86.8
9:8. Лобно-поперечный	17	61.2	7	63.1
48:45. Верхнелицевой	17	53.8	7	54.7
54:55. Носовой	17	47.5	8	49.6
52:51. Орбитный	17	82.8	8	83.6
SS:SC. Симотический	16	42.7	8	32.9
DS:DC. Дакриальный	17	43.9	8	38.2
Глубина клыковой ямки	17	3.87	8	2.94
Надпереносье (1–6)	17	3.24	–	–
Антропинная форма нижнего края грушевидного отверстия (%)	17	29%(5)	–	–
Передненосовая кость (1–5)	17	2.12	–	–

Небольшая серия черепов (4 мужских и 4 женских) происходит из подкурганных мусульманских захоронений Тянь-Шаня 2-й половины II тыс. н.э. и, возможно, характеризует физический облик позднесредневековой группы населения, впоследствии вошедшей в состав киргизского народа. Данная серия также в целом описывается антропологическими признаками монголоидного типа. Мужские и женские черепа этого времени резкобрахикранные, широколицые и высоколицые (см. табл. 3). Сильно уплощенное лицо сочетается с ослабленным выступанием носовых костей. Европеоидная примесь практически отсутствует, что позволяет говорить о морфологической однородности населения Тянь-Шаня этого времени.

Таблица 3

Некоторые краниологические параметры черепов из подкурганных мусульманских могил Тянь-Шаня 2-й половины II тыс. н.э. (сборная)

Признаки	Мужские		Женские	
	N	x	N	x
1. Продольный диаметр	4	181.0	4	168.0
8. Поперечный диаметр	4	154.0	4	144.0
17. Высотный диаметр	4	130.8	4	123.8
5. Длина основания черепа	4	101.3	4	95.5
9. Наименьшая ширина лба	4	95.2	4	89.6
11. Ширина основания черепа	4	137.5	4	128.8
45. Скуловой диаметр	4	143.3	4	132.0
40. Длина основания лица	4	100.0	4	92.5
48. Верхняя высота лица	4	75.3	4	68.0
43. Верхняя ширина лица	4	109.8	4	101.5
46. Средняя ширина лица	4	107.0	4	99.5
55. Высота носа	4	55.0	4	50.6
54. Ширина носа	4	28.0	4	25.3

Продолжение таблицы 3

Признаки	Мужские		Женские	
	N	x	N	x
51. Ширина орбиты	4	42.7	4	40.9
52. Высота орбиты	4	43.3	4	32.9
20. Ушная высота	4	116.0	4	110.3
77. Назомалярный угол	4	148.1	4	149.5
Zm. Зигомаксиллярный угол	4	138.9	4	144.7
32. Угол профиля лба	4	82.0	4	82.8
72. Общий лицевой угол	4	88.3	4	88.5
74. Угол альвеолярной части лица	3	71.3	2	75.5
75(1). Угол носа	4	19.5	4	20.0
8:1. Черепной	4	85.2	4	85.8
9:8. Лобно-поперечный	4	61.9	4	62.4
48:45. Верхнелицевой	4	52.6	4	51.6
54:55. Носовой	4	51.1	4	49.9
52:51. Орбитный	4	80.3	4	80.6
SS:SC. Симогический	4	44.9	4	43.2
DS:DC. Дакриальный	4	43.7	4	40.8
Глубина клыковой ямки	4	3.48	4	3.30
Надпереносье (1–6)	4	3.25	4	2.00
Антропная форма нижнего края грушевидного отверстия (%)	4	50%(2)	4	50%(2)
Переденосовая кость (1–5)	4	2.0	4	2.00

Сравнительный морфологический анализ разных хронологических групп средневекового населения Тянь-Шаня показывает, что расогенез на данной территории шел по линии усиления монголоидного компонента в его составе. Если в раннесредневековое время население по физическому облику было не совсем однородным за счет включения в его состав носителей европеоидных комплексов признаков, то в последующие эпохи европеоидный компонент практически исчезает и прослеживается лишь в виде небольшой примеси. В этногенетическом плане усиление монголоидных черт в морфологическом типе средневекового населения Тянь-Шаня, вероятно, можно связывать с общей тюркизацией края и притока населения монголоидного облика. Впоследствии тюркские племена включали в свой состав местное население, которое, по данным Н.Н. Миклашевской, В.В. Гинзбурга, Т.А. Трофимовой и В.П. Алексеева, в сако-усуньское и гунно-сарматское время было в большинстве случаев европеоидным. Вероятно, этим объясняется наличие в антропологической структуре раннесредневекового населения данного региона европеоидного компонента. В монгольское время, по археологическим данным, вновь обозначается приток новых групп населения, которое, судя по нашим данным, было резко монголоидного облика. В дальнейшем антропологическая структура населения Тянь-Шаня стабилизируется и прослеживается у современного киргизского населения.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОГРЕБЕНИЙ С КОНЕМ И КОНСКИМ СНАРЯЖЕНИЕМ В ПАМЯТНИКАХ ПРАБОЛГАР СРЕДНЕЙ ВОЛГИ (конец VII – VIII в. н.э.)

С.Э. Зубов, П.В. Новаленко

*Самарский государственный технический университет;
Самарская академия государственного и муниципального управления, Самара, Россия*

Издание в 1998 г. монографии Г.И. Матвеевой (1997), посвященной исследованию могильников ранних болгар на Самарской Луке, и коллективного труда по истории изучения раннесредневекового населения в Самарском и Ульяновском Поволжье (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998) не позволило в силу объективных причин в должной мере осветить все вопросы, связанные с погребальной обрядностью и динамикой этнокультурных процессов, происходивших в регионе накануне образования государства волжских болгар.

Один из таких моментов, оставшихся за рамками указанных исследований, – проблема культа коня и его роль в погребальной практике.

На сегодняшний день на территории Самарского и Ульяновского Поволжья из более чем 200 погребальных комплексов новинковского типа (с каменной наброской) и 19 погребений из курганов уреньского типа (с земляными насыпями) исследовано 15 погребений (6,8%) с останками коня из курганных могильников Брусяны-II, III и IV, Березовка-I, Малая Рязань-I, Новинки-II, Осиновка-III, Шиловка и курганно-грунтового могильника Шелехметь-II.

Эти сопогребения человека с останками коня можно разделить на три блока: погребения с целой тушей коня, частью туши, с черепом и костями конечностей (в научной литературе принято связывать подобные останки со шкурой животного). Детальное описание этих комплексов было представлено А.В. Богачевым и С.Э. Зубовым (2003. С. 33–45) в работе, посвященной проблемам культа коня в хронологическом аспекте.

В погребальном обряде раннесредневекового населения Поволжья коню отводилась весьма заметная роль (Казаков, 1984). Об участии лошади в погребальной практике раннесредневекового населения Самарского и Ульяновского Поволжья свидетельствуют находки полного скелета, отдельных костей, преимущественно черепа и конечностей (шкуры) или остатков сбруи.

В некоторых научных работах присутствие в могиле лошади объясняется чисто практическими соображениями – она является частью погребального инвентаря (Анучин, 1890, С. 195–226; Липец, 1982. С. 214–215). Другие исследователи отводят коню значительную ритуальную роль в религиозных культах средневековых кочевников (Потапов, 1977. С. 166; Галданова, 1987. С. 40–41; Нестеров, 1990. С. 118–120). Здесь имеется в виду не только утилитарное значение, но и чисто обрядовые моменты, в число которых входят роль коня на разных этапах погребального обряда, внутримогильная топография (ориентировка головой, занимаемый сектор могилы, положение по отношению к человеку и др.) и ее значение в религиозных представлениях (Нестеров, 1990. С. 12).

Разработка этих вопросов может способствовать решению более широких задач при изучении средневековых погребений с конем (в широком смысле, включая сюда погребения с целой тушей лошади, со шкурой или комплектом конского снаряжения), уделяя внимание хронологическим, этническим, религиозным (духовным), социальным и другим аспектам.

Хронологический аспект в свое время был затронут А.В. Богачевым и С.Э. Зубовым (2003. С. 33–45), где были рассмотрены сопогребения с конем праболгарских памятников Средней Волги с хронологических позиций. Авторами были выделены четыре хронологические группы, из которых первые две маркируют ранние праболгарские комплексы 2-й половины VII в., а 3 и 4 группы датируются не ранее середины VIII в. (Богачев, Зубов, 2003. С. 36).

В рамках этнической интерпретации следует отметить сложность и синкретичность погребального обряда могильников новинковского и уреньского типов, в котором переплетаются черты, характерные для различных в этническом отношении групп населения. При этом сооружение курганных насыпей из камней или выкладок над могилами весьма типично для тюрок Алтая VI–VII вв. Для тюркских племен характерно наличие ступеньки в одной из продольных стенок могилы и положение на нее коня или его частей, а также северо-восточная ориентировка погребенных.

Интересные подборки таковых опубликованы А.И. Айбабиным (1985), и А.И. Семеновым (1988), М.В. Власкиным и Л.С. Ильюковым (1990), Е.В. Кругловым (1992). Тюркское (хазарское?) захоронение 2-й половины VII в. близ с. Портовое по многим признакам погребального обряда коррелируется с погребениями Осинковского-III (курган №7, погр. 1) и Брусянского-IV (курган №2, погр. 1) могильников. Погребения «хазарской знати» Дона и Волги (Дорофеевский, курган №13, Пятибратный, курган №2, Соколовский, курган №11, Хут. Веселый, курган №6) по многим признакам близки погребениям из Шиловки (курган №1, погр. 2), Уреньского-II (курган №4, погр. 2), Брусянского-III (курган №1, погр. 1). Однако основная масса раскопанных сопогребений с конем происходит из Южной Сибири. В частности, алтайские погребения катандинского типа из Узунтальской долины типологически и хронологически (VII–VIII вв.) наиболее близки вышеуказанным погребениям могильников Самарской Луки. Погребальный обряд из кургана №5 Катандинского-II могильника практически идентичен Осинковскому (Богачев, Мышкин, 1995. С. 69). А.А. Гаврилова (1965. С. 61) считает погребение из кургана №5 Катандинского-II могильника наиболее ранней могилой катандинского типа с элементами, близкими кудыргинским. В то же время яркий вещевой инвентарь (гончарные амфоры и кувшины «салтовского» типа, лощеные миски аланского облика, византийские солиды, некоторые виды вооружения, в частности – кистени, поясная гарнитура, и др.) указывает на юго-западное направление происхождения этих вещей.

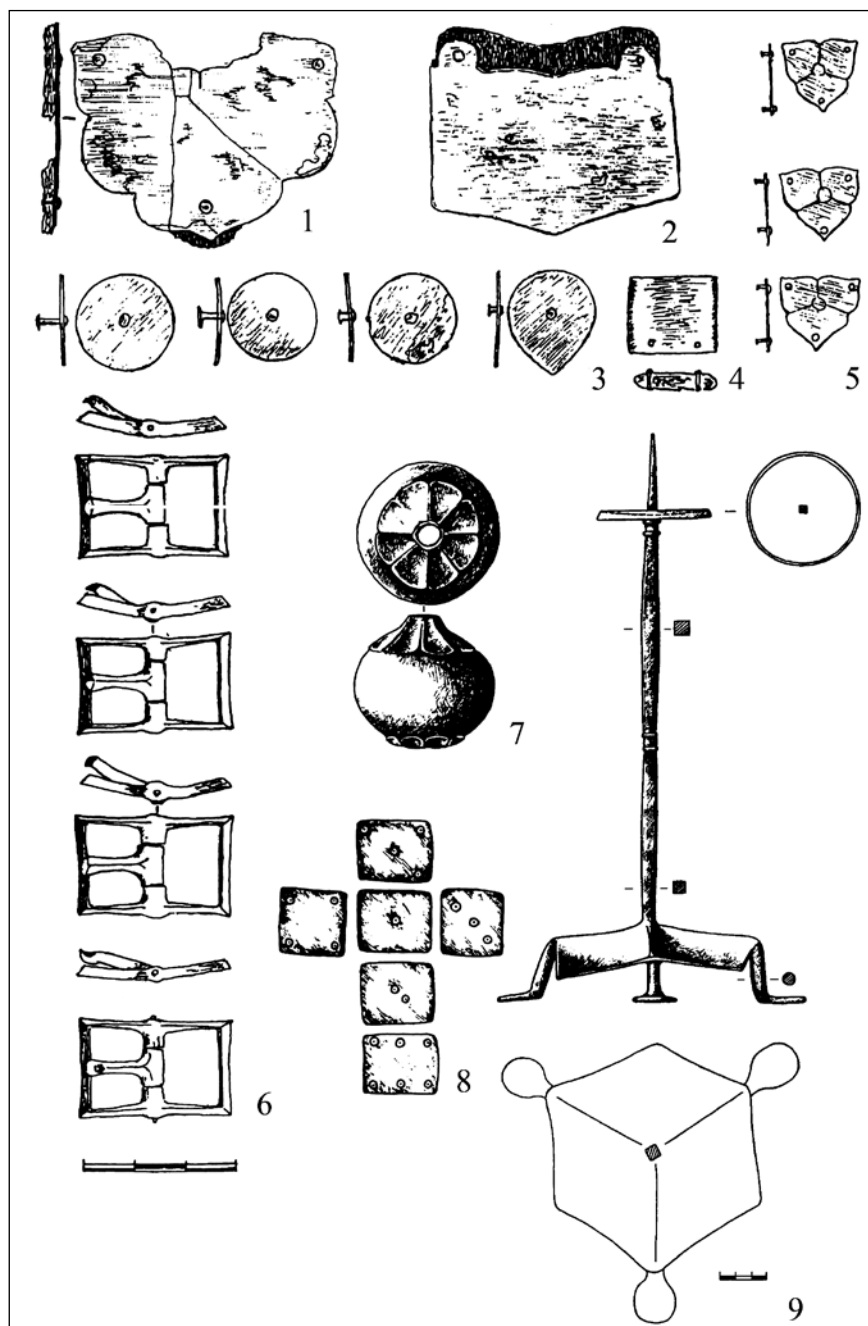

Рис. 1. Материалы погребения №1 Брусянского-III могильника: 1–2 – бляхи узды; 3–5 – украшения конской узды; 6 – серебряные пряжки конской узды; 7 – бронзовый кистень; 8 – костяная игральная кость; 9 – подсвечник-шандал (1–2 – бронза, золото; 3–6 – серебро; 7 – бронза; 8 – кость; 9 – железо)

В духовной сфере (идеологический аспект), при сопогребении с конем, последний чаще всего рассматривается исследователями как транспортное средство для доставки умершего в «мир иной» и служении ему там так же, как при жизни на земле. Для этого лошадь была полностью экипирована. Этнографические данные свидетельствуют о том, что, по верованиям шаманистов, человек после смерти становится «сунезин» и путешествует по земле на лошади, если она была с ним препровождена в течение 40 дней или одного года, после чего покидает земной мир и переселяется в мир мертвых (Нестеров, 1990. С. 72).

Значение коня в сфере социальных отношений в археологическом материале выражено достаточно ярко, и потому конское захоронение в качестве признака «социального престижа», принадлежности захороненного с конем к военно-потестарной верхушке не вызывает у исследователей особых сомнений (Зубов, 1995; Нестеров, 1990). В этом же плане интерпретируется и конское снаряжение, богатство и пышность которого должны служить целям социального престижа владельца. Как пример можно

привести конскую сбрую из Бруснянского-III (курган №1, погр. 1) могильника (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 190–192. Табл. XVI–XIX). Ремни уздечки с четырьмя серебряными пряжками были украшены серебряными бляшками, бронзовыми бляхами, обтянутыми золотым листом. К этому набору относится бляха-решма на железной основе с лицевой пластиной из золота, относящаяся, по нашему мнению, к украшению подперся, – ремня, охватывающего грудь лошади и удерживающего седло от сползания назад. Учитывая большие размеры курганной насыпи (диаметр кургана составлял 32 м при современной высоте 2 м) и объем могильной камеры (в плане она представляла собой правильной формы круг диаметром 5,4 м и была углублена в материк на 1,5 м) в сочетании с «престижными» вещами из погребального комплекса (амфора, шандал, кистень, сабля, палаш и пр.), можно говорить о значительном социальном статусе погребенного. В этом плане очень интересно отметить недавно выявленный авторами данной работы новый курганный могильник на территории Самарской Луки. Центральное место в нем занимает курган высотой более 3 м при диаметре около 80 м. На его поверхности зафиксированы известняковые камни внушительных размеров (2х1,5; 1,5х1 м). На сегодняшний день это самый крупный курган, по характерным признакам который можно отнести к памятникам новинковского типа VII–VIII вв. Таким образом, можно надеяться на выявление новых, более ярких и статусных групп при дальнейшем изучении средневековых памятников в Среднем Поволжье.

Возвращаясь к погребальным комплексам сопогребений с конем, следует отметить, что практически в каждом из них представлены предметы вооружения и конского снаряжения. Очевидно, что это погребения дружинников довольно высокого ранга.

Наличие коня и конского снаряжения в могиле свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного. В погребении 1 кургана №1 Брусняны-III, п. 2 к. 1 Шиловка, п. 2 к. 2 Шилловка, п. 4 к. 11 Шелехметь-II, п. 4 к. 14 Новинки-II наличие «престижных» вещей (золотые и серебряные изделия, солид, подсвечник, костяные накладки и т.п.) свидетельствует о довольно высоком социальном статусе воинов-дружинников. Интересно отметить наличие в погребении 1 кургана №2 Бруснянского-IV курганного могильника костей двух полных скелетов жеребцов в возрасте 10–12 лет, среднего роста в холке (128–136 см), полутолстоногими по массивности скелета (определение проведено П.А. Косинцевым, Екатеринбург). Необходимо учесть, что именно этот возраст лошади считается наиболее оптимальным в военной практике, учитывая довольно долгую воинскую подготовку лошади. Помещение в могилу боевого (иногда и заводного) коня может свидетельствовать не только об этнорелигиозных традициях, но и о высоком социальном статусе самого погребенного.

Есть все основания полагать, что погребальные комплексы сопогребения с конем VII–VIII вв. в Среднем Поволжье отражают процесс дифференциации войска и становления слоя профессиональных конных воинов-дружинников, ставшего основой раннеболгарской военной организации.

Библиографический список

- Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. №3. М., 1985.
- Анучин Д.Н.* Лук и стрелы: археолого-этнографический очерк. М., 1887.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н.* Раннеболгарский курган у с. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Богачев А.В., Зубов С.Э.* Конь в погребальной практике праболгар Среднего Поволжья // Краеведческие записки. Самара, 2003. Вып. XI.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. №1. М., 1990.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.
- Зубов С.Э.* Комплекс вооружения болгарских воинов Самарской Луки конца VII – VIII в. н.э. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: мат. I Междунар. науч. археол. конф. Самара, 1995.
- Казаков Е.П.* О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.
- Круглов Е.В.* Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. №4. М., 1992.
- Липец Р.С.* Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
- Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
- Потапов Л.П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л., 1977.
- Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Л., 1988. Вып. 29.

ОПЫТ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕПОВ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ

А.В. Прынь, В.В. Маврич

*Луганский государственный университет внутренних дел;
Луганский государственный медицинский университет, Луганск, Украина*

Данные антропологии – важный источник информации, которая дает возможность реконструировать этнополитические процессы, происходившие в средневековье, весомая составляющая в решении проблем этногенеза, путей сложения отдельных групп населения, входивших в Хазарский каганат. В этой работе анализируются черепа, полученные в полевой сезон 1996–1997 гг. из грунтовых захоронений средневекового могильника VIII–IX вв. – участки Черниково Озеро (1996) и Серебрянское (1997), что в среднем Подонцовье (Украина, Луганская область, Кременской район).

Степные просторы Подонцовья являлись составной частью Хазарского каганата и были той контактной зоной, где происходило взаимное сосуществование и взаимопроникновение двух укладов хозяйствования – кочевнического и земледельческого. Этнический состав населения данной территории Хазарского каганата по своей природе был неоднородным и состоял, прежде всего, из различных этнических групп: алан, древних болгар и славянских племен. Вопрос о неоднородности населения среднего Подонцовья неоднократно поднимался в научной литературе (Ляпушкин, 1958; Плетнева, 1981; Кrasilьников, 2001; Прынь, 2003; Кравченко, 2005; и др.).

Праболгарские грунтовые могильники – участки Черниково Озеро и Серебрянское, изученные в 1996 и 1997 гг., два участка одного родового могильника, который находился в пойме р. Северский Донец на территории Кременского района Луганской области, были исследованы археологической экспедицией научно-исследовательской лаборатории «Спадщина» Восточноукраинского национального университета под руководством профессора, д-ра ист. наук С.Н. Санжарова (1996, 1997).

Первичная интерпретация полученных материалов о средневековых захоронениях проведена в 1999 г. (Прынь, 1999, 2000; Санжаров, Швецов, Прынь, 2001). Исследования 1996 г. выявили комплекс из 11 погребений, который датирован IX в., а исследования 1997 г. – комплекс из 15 погребений, датированных VIII–IX в. Состояние сохранности антропологического материала из грунтового могильника плохое. Это связано с небольшой глубиной захоронения и современной корчевкой леса на участке средневекового могильника.

На двух участках могильника исследовано 26 погребений и найдено 28 скелетов: взрослых – 17, что составило 60,7%, и детских – 11, соответственно составивших 39,2% от общего количества. Данные об уровне детской смертности у средневекового населения Восточной Европы в научной литературе колеблются от 16 до 46%, а некоторые исследователи приводят данные об уровне смертности, который достигал и 50% (Литвинова, 2005, С. 84). Краниологическая серия праболгарского могильника состоит из 7 целых черепов. При анализе учитывался и обряд захоронения. Позиция скелетов, скорченных и лежащих на боку, типична для женских праболгарских захоронений, а вытянутых и лежащих на спине – для мужских.

Цель настоящей работы – провести краниометрическое исследование, определить расовую и половую принадлежность погребенных по черепам, полученным в результате раскопок грунтовых погребений в 1996 и 1997 гг., в рамках комплексных междисциплинарных исследований, которые дадут возможность получить новые для этнической карты региона данные, сопоставить их с ранее полученными. Это исследование позволит также получить новые сведения об антропологическом составе средневековой этнической группы праболгарского населения среднего Подонцовья.

Работа проведена на краниологической серии праболгарского могильника, состоящей из 7 черепов (табл. 1). При экспертизе пола каждого объекта мы пользовались стандартными методами краниометрии (Пашкова, 1963).

На основании полученных данных вычислялись: *черепной указатель* (процентное соотношение между поперечным и продольным размерами свода черепа вычисляется по формуле: $V \times 100 / A$, где V – поперечный диаметр черепа, A – продольный диаметр), *высотно-продольный указатель* (соотношение между высотным и продольным диаметрами вычисляется по формуле: $V \times 100 / A$, где V – высотный диаметр черепа, A – продольный диаметр) и *высотно-поперечный указатель* (соотношение между высотным и поперечным диаметрами вычисляется по формуле: $V \times 100 / B$, где V – высотный диаметр черепа, B – поперечный диаметр) (Алексеев, Дебеч, 1964).

Таблица 1

Состав погребенных в грунтовом могильнике

Объект/ погребение	Положение, ориентация и глубина погребения (м)	Пол		Возраст	Расо- вый тип	Инвентарь
		археологи- ческий	краниоме- трический			
участок Черниково Озеро						
П. 1	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,45	муж.	—	взрослый	—	—
№5 П. 2	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,67	муж.	муж.	взрослый	европ.	нож, кост. изделие
№6 П. 3	скорченно, на правом боку, на ЮЗ; 0,95	жен.	жен.	взрослый	европ.	нож, 2 сосуда
П. 4	вытянуто, головой на З; 0,47	муж.	—	взрослый	—	—
П. 5	вытянуто, головой на Ю, 0,35	—	—	ребенок	—	—
П. 6	скорченно, на левом боку, на ССВ; 0,46	жен.	—	ребенок	—	железн. браслет
П. 7	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,37	—	—	ребенок	—	—
№7 П. 8	скорченно, на правом боку, на Ю; 0,8	жен.	жен.	взрослый	европ.	бронз. перстень
П. 9	вытянуто, головой на СВ; 0,32	муж.	—	взрослый	—	—
П. 10	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,37	муж.	—	взрослый	—	—
П. 11	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,37	—	—	ребенок	—	—
участок Серебрянское						
П. 1	вытянуто головой на ЮЗ; 0,56	муж.	—	взрослый	—	сосуд
№1 П. 2	вытянуто головой на ЮЗ; 0,67	муж.	муж.	взрослый	европ.	нож
П. 3	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,43	муж.	—	подросток	—	—
П. 4	вытянуто, головой на З; 0,54	муж.	—	ребенок	—	сосуд, амулеты
№3 П. 5	вытянуто, головой на ЮЗ; 0,67	муж.	муж.	взрослый	монг.	сосуд, нож, пинцет, кресало, кост. изделия
№2 П. 6	вытянуто на животе, головой на ЮЗЗ; 0,79	жен.	жен.	взрослый	европ.	сосуд, серьги
П. 7	вытянуто, головой на З; 0,57	муж.	—	взрослый	—	—
П. 8	вытянуто головой на ССВ; 0,75	муж.	—	взрослый	—	2 сосуда
П. 9	разрушено; 0,78	—	—	—	—	2 сосуда, нож
№4 П. 10	ничком на животе на СВ; 1,3	муж.	муж.	взрослый	европ.	сосуд, железн. издел.
П. 11	вытянуто, головой на ЮЗЗ; 0,78	муж.	—	взрослый	—	—
П. 12	вытянуто, головой на З; 0,54	муж.	—	подросток	—	—
П. 13	вытянуто, головой на С; 0,43	муж.	—	ребенок	—	—
П. 14	вытянуто, головой на Ю; 0,46	муж.	—	взрослый	—	—
П. 15	вытянуто, головой на С; 0,42	—	—	3 скелета (коллектив- ное) летское	—	—

Примечание: жирным шрифтом – результаты, полученные при исследовании.

Для археолога большое значение в определении пола имеет помощь антрополога или анатома. Общеизвестно, что более или менее точное определение пола может быть произведено только на основании костей таза, но они в погребениях обычно плохо сохраняются. Таким образом, антропологу в практической работе чаще всего приходится иметь дело с черепом.

Не следует забывать и о том, что половые различия в этом случае имеют относительный характер. Например, женский череп эпохи позднего палеолита (когда физический тип человека отличался массивностью строения скелета) сходен с мужскими черепами более поздних эпох. Поэтому, помня об относительном характере половых различий, при определении половой принадлежности мы рассматривали изучаемую серию в целом. Обычно половая принадлежность черепа устанавливается по большему числу вероятных признаков, характерных для данного пола. При наличии хотя бы одного достоверного признака исследуемый череп будет относиться к тому полу, к которому относится этот достоверный признак. Наблюдения В.И. Пашковой (на 503 черепах) позволяют утверждать, что определение пола по одним лишь измерительным признакам черепа оказывается возможным в 75–80% случаев, а при учете описательных признаков (особенностей строения) процент достоверности установления пола повышается до 90–93%.

После проведения краниометрических исследований (табл. 2) полученные данные мы анализировали с помощью стандартных в судебно-медицинской практике таблиц (Пашкова, 1963) и пришли к заключению, что размеры всех черепов относятся к мужскому полу, что заведомо неверно. Характер захоронения, состав погребального инвентаря и другие признаки захоронения позволяли точно отнести образцы №6 и 7 к черепам лиц женского пола. Учитывая, что таблицы были составлены на основании

краниометрического исследования 682 черепов (509 черепов измерены Пашковой и 173 черепа – Алексеевым), мы предположили, что со времени захоронения (VIII–IX вв.) произошла некоторая редукция размеров черепа, примерно на 2%. Предполагая, что характер распределения количественных и качественных признаков черепов различных полов не изменился, мы ввели коэффициент 0,98 и пересчитали полученные данные (табл. 2) с тем, чтобы иметь возможность использовать краниометрические определительные таблицы.

Таблица 2

Краниометрические показатели изучаемых объектов,
наличие вероятных и достоверных половых отличий

Показатель / № черепа		№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7
1. Продольный диаметр	= мм х 0,98	170 166 ж	175 171 ж	177 173 ж	175 171 ж	180 176	175 171 ж	170 166 ж
2. Поперечный диаметр	= мм х 0,98	150 147 м	145 142	140 137	150 147 м	155 151 м	145 142	150 147 м
3. Высотный диаметр	= мм х 0,98	130 127 ж	135 132 ж	130 127 ж	140 137 м	140 137 м	140 137 м	140 137 м
4. Длина основания черепа	= мм х 0,98	105 102	110 107	100 98	100 98	110 107	105 102	100 98
5. Наименьшая ширина лба	= мм х 0,98	98 96	93 91 ж	101 99	96 94 ж	99 97	96 94	93 91
6. Ширина основания черепа	= мм х 0,98	120 117	115 112 ж	130 127 м	135 132 м	135 132 м	125 122 ж	135 132 м
7. Ширина затылка	= мм х 0,98	125 122-М	110 107	118 115 м	111 108	120 117 м	110 107	117 114 м
8. Сосцевидная ширина	= мм х 0,98	110 107 м	100 98	108 105	107 104	114 111 м	104 101	109 106 м
9. Окружность черепа	= мм х 0,98	525 514	505 494 ж	530 519 м	520 509	555 543-М	515 504	510 499 ж
10. Сагиттальная хорда	= мм х 0,98	140 137 м	130 127 ж	140 137 м	150 147-М	150 147-М	145 142 м	*
11. Лобная хорда	= мм х 0,98	105 102 ж	113 110	121 118 м	117 114 м	123 120 м	118 115 м	117 114 м
12. Теменная часть сагиттальной хорды	= мм х 0,98	115 112 м	110 107	115 112 м	120 117 м	125 122 м	120 117 м	115 112 м
13. Длина большого затылочного отверстия	= мм х 0,98	35 34	33 32 ж	37 36	37 36	43 42-М	39 38 м	*
14. Ширина большого затылочного отверстия	= мм х 0,98	31 30	30 29	34 33 м	34 33 м	39 38-М	28 27	*
15. Скуловой диаметр	= мм х 0,98	135 132	128 125	137 134 м	14 137 м	138 135 м	135 132	135 132
16. Длина основания лица	= мм х 0,98	100 98 м	85 83 ж	95 93	95 93	100 98 м	100 98 м	95 93
17. Верхняя высота лица	= мм х 0,98	75 73 м	67 65	70 68	*	78 76 м	74 72	69 67
18. Полная высота лица	= мм х 0,98	123 120 м	110 107	111 108	124 121	130 127	126 123	118 115
19. Верхняя ширина лица	= мм х 0,98	111 108 м	105 102	105 102	109 106	113 110 м	105 102	108 105
20. Средняя ширина лица	= мм х 0,98	95 93	93 91	99 97 м	100 98 м	101 99 м	*	92 90
21. Высота носа	= мм х 0,98	57 55 м	49 48	53 51	*	57 55 м	55 53 ж	49 48
22. Ширина орбиты (левой)	= мм х 0,98	45 44	40 39 ж	45 44	48 47 м	44 43	45 44	41 40
23. Мыщелковая ширина	= мм х 0,98	115 112	120 117	131 128-М	125 122	135 132-М	115 112	127 124
24. Бигонимальная ширина	= мм х 0,98	96 94	92 90 ж	99 97	97 95	95 93	105 102	102 100
25. Высота тела нижней челюсти	= мм х 0,98	29 28	30 29	31 30	36 35 м	36 35 м	35 34 м	33 32

Расовую принадлежность черепов мы определяли на основании следующих признаков: европеоидная раса – значительно выступающий в горизонтальной плоскости скелет лицевого черепа, резко выступающий, с узким, глубоким корнем нос, несколько направленные назад скулы, средние или сильно развитые клыковые ямки; монголоидная раса – черепа с плоским, широким и высоким лицом, высокие орбиты, слабовыступающий, с неглубоким корнем нос, хорошо развитые, выступающие скулы, клыковые ямки не углублены или углублены незначительно.

Форма черепа в вертикальной норме во многом определяется соотношением горизонтальных диаметров черепной коробки и зависит от черепного указателя. Категории черепного указателя носят специальные названия: долихокрания (черепной указатель меньше 75%), мезокрания (от 75 до 79,9%), брахикрания (указатель выше 80%). Долихокрании соответствуют обычно эллипсоидный, пентагоноидный и овоидный варианты формы черепа. Брахикрания – сфеноидный, эурипентагоноидный и сфероидный варианты. Кроме того, выделяются ромбоидная и бирзоидная формы, характеризующиеся особенностями, не сводимыми к величине черепного указателя. Для черепов №1, 2, 4–7 черепной указатель был равен 88, 82, 86, 86, 83 и 88% соответственно (брахикрания). Для объекта №3 черепной указатель был равен 79% (мезокрания).

Следует отметить, что форма черепной коробки варьируется так же, как и измерительные признаки, – переходит от одного варианта к другому. Этим обусловлено наличие большого количества промежуточных типов и в некоторых случаях трудность отнесения черепа к тому или иному классическому варианту. Черепа – объекты №2 и 4 – мы отнесли к сфероидному варианту.

Характерным признаком для данных объектов является то, что наибольшая ширина черепной коробки приходится на середину, а ее передняя и задняя половины почти или полностью симметричны. Поперечный диаметр чаще всего значительно больше, чем в эллипсоидном варианте, а продольный – значительно меньше, вследствие чего черепная коробка при взгляде сверху по форме приближается к кругу.

Череп – объект №3 мы отнесли к сфероидному варианту, поскольку данный вариант характеризуется расширением задней половины черепной коробки по сравнению с передней. При этом максимальная ширина приходится на заднюю треть. Черепная коробка имеет сглаженные очертания.

Для черепа объект №6 мы определили бирзоидный вариант формы черепной коробки. Наибольшая ширина черепа в данном случае приходится приблизительно на его середину. Черепная коробка имеет удлиненную форму, лобные и теменные бугры сглажены, в височной области отмечается резкое сужение контуров. Черепа – объекты №1, 5 и 7 мы отнесли к промежуточным вариантам, сочетающим в себе признаки нескольких классических форм: бирзоид-сфероид, овоид-сфероид и сфероид-бирзоид соответственно.

Для установления относительной высоты черепа в антропологии пользуются двумя высотными указателями: высотно-продольный и высотно-поперечный. Согласно данным наших измерений, высотно-продольный указатель для черепа №3 составляет 73, что соответствует ортокрании. Для остальных объектов он варьируется в пределах 76–82, что соответствует гипсикрании.

Высотно-поперечный указатель для черепов №1 и 5 составляет 87 и 90 соответственно (тапейнокрания). Для остальных объектов он колеблется в пределах 93–96 (метриокрания). Исходя из этого черепа №1, 3 и 5 мы характеризуем как средневысокие, №2, 4, 6 и 7 – как высокие.

Таким образом, нами установлено, что все черепа представленной серии относятся к европеоидной расе, брахикранам, за исключением черепа №3, который близок к монголоидной и является мезокраном. Полученные данные уточняют предыдущие исследования, согласно которым все похороненные в катакомбах относятся к брахикранам-европеоидам, а в грунтовых ямных могильниках – к мезокранам, т.е. покойникам смешанного антропологического типа. Все объекты данной серии получены из грунтовых могильников, но большинство из них относится к брахикранам-европеоидам. Наши исследования подтверждают, что в данном могильнике преобладает «зливкинский» антропологический тип черепов, характерный для ранних болгар Восточной Европы (брахикранный, с некоторой монголоидной примесью).

Среди данных черепов объекты №1, 3–5 принадлежат лицам мужского пола, а черепа №2, 6 и 7, – женского. Кроме того, на основании краниологических признаков можно утверждать, что ряд лиц, судя по объектам №1, 2 и 7, находился в родственных связях.

Таким образом, проведенный палеоантропологический анализ полученных материалов из праболгарского грунтового могильника дал новые данные, которые характеризуют антропологический состав средневекового кочевого населения VIII–IX вв. и дополняют сведения о народах, живших на степных просторах Восточной Украины в эпоху средневековья.

Библиографический список

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002. №3–4 (16–17).
- Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4.
- Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – нач. X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2.
- Литвинова Л. Антропологічний склад населення Центральної України доби середньовіччя (за матеріалами ґрунтового могильника Торговиця) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005.
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. №62.
- Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии: определение пола, возраста и роста по костям скелета человека. М., 1963.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Прынь А.В. Праболгарский могильник Черниково Озеро-1 на Северском Донце // Проблемы истории и археологии Украины: тез. науч. конф. Харьков, 1999.
- Прынь А.В. К вопросу о многообразии погребального обряда прабогар Подонцовья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: тез. науч. конф. Саратов, 2000.
- Прынь А.В. Исследования новых памятников раннего средневековья в степном Подонцовье // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. Вып. 1.
- Санжаров С.Н. Отчет об исследованиях археологической лаборатории «Спадщина» ВУГУ в 1996 г. / Научный архив Института археологии НАН Украины. №1996/68.
- Санжаров С.Н. Отчет об исследованиях археологической лаборатории «Спадщина» ВУГУ в 1997 г. / Научный архив Института археологии НАН Украины. №1997/45.
- Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ (2-я половина V – XI в.)

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта
«Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрок Центральной Азии
(по археологическим и письменным источникам)» (проект №12-31-01245а2)

Изучение социальной истории кочевников Евразии остается актуальным направлением исследований. На сегодняшний день довольно подробно обоснованы различные аспекты общественного устройства объединений скотоводов раннего железного века (Социальная структура..., 2005). Гораздо менее представлен опыт реконструкции особенностей развития социумов кочевников эпохи средневековья. Так, характеристика социальной истории раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона чаще всего ограничивается апелляцией к фрагментарным сведениям письменных источников. При очевидной значимости информации, приведенной в китайских династийных хрониках, тюркских рунических текстах и других документах, большое значение имеет исследование материалов раскопок археологических памятников, главным образом, погребальных комплексов.

Основная масса захоронений тюркской культуры исследована на территории Саяно-Алтая. Памятники, раскопанные в этом регионе, наиболее полно отражают культуру данной общности, и именно они составили источниковую базу настоящего исследования. Для сравнения привлекались синхронные комплексы Монголии, Кыргызстана и Казахстана. При осуществлении общего анализа погребального обряда кочевников нами учитывались материалы раскопок более 300 объектов (Серегин, 2011в). Для интерпретации результатов этой работы с точки зрения реконструкции социальной структуры населения была сформирована специальная выборка, насчитывающая 204 погребения, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основным фактором при отборе памятников из общего количества исследованных на сегодняшний день могил стала возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценной социальной интерпретации погребений. Количество антропологических определений материалов захоронений тюркской культуры Саяно-Алтая

весьма незначительно, поэтому формирование выборки для дальнейшего анализа происходило следующим образом. На первом этапе было осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов тюркской культуры Саяно-Алтая были обозначены погребения, материалы которых содержат такие устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. При этом учитывались только неограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранилась информация, достаточная для полноценного анализа. В итоге выделены 133 мужских могилы, 40 женских захоронений и 31 погребение детей и подростков (Серегин, 2011а. С. 238).

Изучение вариативности погребальной обрядности населения тюркской культуры, обусловленной половозрастной дифференциацией в обществе, позволило обозначить наличие устойчивых гендерных стереотипов. В значительной степени они определялись спецификой разделения труда и выглядят весьма типично: для мужских захоронений характерны вооружение и отдельные орудия труда, для женщин – главным образом, украшения и предметы быта (Серегин, 2011а. Табл. 3). Рассмотрение возрастной дифференциации среди взрослых мужчин и женщин затруднительно в связи с отсутствием в большинстве случаев антропологических определений. Судя по всему, положение людей определялось не возрастом, а имеющимися заслугами и происхождением. Известны погребения юношей, включающие разнообразный и многочисленный сопроводительный инвентарь. В то же время очевидно и то, что основное значение в обществе имели возмужалые и зрелые мужчины. В ряде случаев отмечается сохранение статуса лиц, находящихся в преклонном возрасте. Последние утверждения справедливы и по отношению к особенностям прижизненного положения женщин.

Важным этапом работы по реконструкции социальной структуры населения тюркской культуры стало выделение «социальных маркеров» – элементов обряда, представляющих собой более или менее объективные показатели прижизненного статуса и положения человека (Серегин, 2011б). Проведенное изучение погребальных памятников раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая позволяет утверждать, что вариативность типов наземных и внутримогильных конструкций, а также ориентировки и положения умерших не являются социально обусловленными признаками. Определенное значение, особенно для наиболее «элитных» объектов, имели такие характеристики, как параметры погребальных сооружений и количество захороненных лошадей. В целом наблюдается высокая степень унификации черт, которые традиционно рассматриваются как социальные маркеры. В такой ситуации основным критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря.

В рамках вещевого комплекса из исследуемых погребений были выделены «комплекс власти», включающий показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекс богатства», объединяющий признаки высокого имущественного положения, материального достатка. «Комплекс власти» в обществе кочевников тюркской культуры был представлен в основном предметами вооружения (меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех) и в меньшей степени – плетью и стеками. «Комплекс богатства» включал предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду. «Социальные маркеры» для лиц обоих полов были различными.

Корреляция полученных результатов позволила перейти к моделированию структуры и отдельных элементов организации общества раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая. Теоретические и практические аспекты данного подхода достаточно подробно представлены в ряде исследований (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 106–108; Кондрашов, 2004. С. 22; и др.), что избавляет от необходимости их рассмотрения в настоящей работе. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, связанные с его реализацией на имеющемся в нашем распоряжении материале. Основой для выделения социально-типологических моделей, представляющих собой группы погребений, являлся многоступенчатый анализ объектов, предполагавший последовательную корреляцию всех показателей обряда, но главным образом тех, которые были определены ранее как социально значимые. Каждая из выделенных моделей характеризуется определенным набором маркирующих ее признаков. Мужские, женские и детские погребения рассматривались отдельно, что обусловлено наличием выявленной половозрастной дифференциации в обрядности населения тюркской культуры Саяно-Алтая. Для объектов, объединенных в рамках выделенных социально-типологических групп, отмечена высокая степень унификации показателей. Вариативность признаков в целом незначительна. В связи с ограниченным объемом публикации отметим лишь наиболее показательные признаки, характерные для каждой из выделенных моделей.

Наиболее полная картина дифференциации общества кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая фиксируется по материалам мужских захоронений. Основным показателем, различающим модели погребений, являлось соотношение предметов сопроводительного инвентаря, включенных в «комплекс власти» (редкое вооружение, плетень, котел и др.) и «комплекс богатства» (торевтика, импорт); менее важными были такие показатели обряда, как количество лошадей и размеры наземных и внутримогильных сооружений. Всего выделено 9 социально-типологических моделей мужских погребений. **I модель** (3 объекта – 2,25%) представлена захоронениями, которые отличаются максимальным по количеству и разнообразию составом сопроводительного инвентаря, включающим предметы из «комплекса власти» и «комплекса богатства». Умершего человека сопровождали две–четыре лошади, показательны выдающиеся размеры курганной насыпи и могильной ямы. В погребениях **II модели** (7 объектов – 5,25%) также зафиксированы предметы, включенные в «комплекс власти» и «комплекс богатства», однако отмечено меньшее количество категорий находок и редкость изделий из драгоценных металлов. В могиле присутствовали 1–2 лошади. По размерам наземных и подкурганных конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Для погребений **III модели** (8 объектов – 6,01%) характерен минимальный набор вооружения (лук и стрелы или даже один из подобных элементов оружия дистанционного боя) и в то же время весьма показательный состав предметов торевтики, в том числе изготовленных с применением драгоценных металлов. **IV модель** (5 объектов – 3,75%) также включает захоронения с минимальным составом вооружения или даже его отсутствием, в сочетании с предметами торевтики, качественно-количественный состав которых заметно уступает находкам, обнаруженным в ходе раскопок объектов третьей группы. В трех могилах отмечено отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а в остальных объектах находилось только одно животное. Объекты, объединенные в рамках **V модели** (12 объектов – 9,02%), сходны по разнообразному составу вооружения с погребениями второй группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. К **VI модели** (7 объектов – 5,25%) относятся погребения, основной отличительной характеристикой которых является разнообразный состав вооружения, предполагавший почти во всех случаях наличие клинкового оружия ближнего боя и значительно реже копья и защитного доспеха, в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Стандартным показателем погребений, отнесенных к **VII модели** (32 объекта – 24,06%), является минимальный набор вооружения, а также наборный пояс, изготовленный в большинстве случаев из бронзы. В отдельных могилах зафиксированы немногочисленные украшения конской амуниции. **VIII модель** (51 объекта – 38,34%) объединяет погребения, для которых характерно отсутствие предметов, включенных как в «комплекс власти», так и в «комплекс богатства». В захоронениях зафиксирован минимальный набор вооружения, из предметов торевтики только в четырех могилах встречены бронзовые серьги. К **IX модели** (8 объектов – 6,01%) отнесены погребения, показателем которых является полное отсутствие вооружения и предметов торевтики. Наиболее распространены орудия труда (нож, тесло), а также конское снаряжение.

Меньшая степень дифференциации характерна для погребений женщин. В ходе анализа таких объектов выделено четыре модели. Основным показателем, отличающим социальные группы памятников, являлся качественно-количественный состав предметов торевтики, остальные признаки имели меньшее значение. Для погребений **I модели** (8 объектов – 20%) характерен наиболее разнообразный набор сопроводительного инвентаря, включающий не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов. Захоронения **II модели** (12 объектов – 30%) отличаются большей редкостью фиксации предметов торевтики из драгоценных металлов, а также меньшим количеством социально значимых находок в одной могиле (не более двух). Для погребений **III модели** (8 объектов – 20%) характерно отсутствие вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех объектах присутствовала одна, реже две категории предметов торевтики из бронзы. Стандартным показателем объектов **IV модели** (12 объектов – 30%) является полное отсутствие предметов торевтики. Наиболее распространенными находками были нож и конское снаряжение.

Количество детских погребений тюркской культуры весьма незначительно. Судя по всему, захоронения представителей этой возрастной группы совершались не только в отдельных курганах, но также в сложно фиксируемых могилах в межкурганном пространстве (Шульга, Горбунов, 2002. С. 117). Вполне вероятным является большее распространение детских скальных погребений. Вместе с тем даже

имеющиеся немногочисленные материалы демонстрируют некоторую дифференциацию умерших (Серегин, 2011. С. 152). Анализ известных памятников позволил выделить три социальные модели. К **I модели** (3 объекта – 9,67%) отнесены захоронения детей, в составе сопроводительного инвентаря которых находились «престижные» предметы торевтики из бронзы. Погребения, объединенные в рамках **II модели** (6 объектов – 19,35%), характеризуются фрагментарным присутствием вещей, распространенных для захоронений взрослых (наконечников стрел, серег и др.). В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Для погребений **III модели** (22 объекта – 70,96%) характерен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие.

Выделенные модели демонстрируют вертикальную структуру общества тюркской культуры Саяно-Алтая. Не представляя развернутой интерпретации всех обозначенных групп погребений, обратим внимание на сложность социума кочевников, в частности, неоднородность элиты кочевников, наличие слоя профессиональных воинов, а также лиц высокого статуса, не связанных с военным делом. Дальнейшее изучение материалов раскопок погребальных комплексов с привлечением письменных источников, а также данных этнографии позволит более детально рассматривать вопросы, связанные с динамикой социальной истории кочевников раннего средневековья.

Библиографический список

- Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сургутской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII – XII в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
- Серегин Н.Н. Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Вып. 7: Археология и этнография. 2011а. Т. 10.
- Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011б. №4/2 (72/1).
- Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI в. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011в.
- Серегин Н.Н. Специфика детской погребальной обрядности населения тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI в.) // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011.
- Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск, 2005.
- Тишкин А.А., Дашиковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В XVI–XX вв.: ДЖУНГАРСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия

Включение Горного Алтая в состав Российской империи в 1756 г. не прервало протекавшие в аборигенном обществе этнокультурные процессы, не разрушило функционирующие социальные институты, не повлияло на дальнейшее моделирование социально-административной структуры, которая была легко переориентирована на требования новой власти. Религиозные представления, несмотря на массовое крещение, как условие получения российского подданства, а также политические установки продолжали сохраняться, невзирая на уничтоженное Цинским Китаем Джунгарское ханство, в состав которого Горный Алтай вошел в конце XVI в. Тогда завоеванное тюркоязычное население стало частью чоросского улуса, т.е. находилось в непосредственном ведении правящего дома.

Особенностью положения зависимых этнических групп, согласно центральноазиатской политической традиции, было минимальное вмешательство в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу. Это приводило к накоплению ими опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных семей и т.д.) складывалась в Центральной Азии еще в гунно-сарматское время. В условиях подвижных скотоводческих обществ, сменяющих друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло бази-

роваться на привязанности к конкретной территории или единой экономики. Объединяющим началом были названия различных этнических образований, которые осмысливались как признак общности происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в развитых генеалогиях «степных» народов.

Гибель очередной «кочевой державы», уничтожение правящей элиты могли приводить к временному «всплыванию» архаических социальных институтов, т.е. к внешней архаизации общества, что создавало ложное представление об уровне развития народов Центральной Азии и Южной Сибири. Но накопленные традиции государственности быстро возрождались, когда вследствие разных причин та или иная общность, оказавшись в результате «стягивания» своих одноплеменников достаточно многочисленной, «возвышалась». Она брала инициативу создания «нового» государства, в состав которого входили бывшие подданные прежнего.

Таким образом, возможны были два варианта реализации центральноазиатской политической традиции. Стремительные процессы государствообразования, так как имелись уже готовые социально-политические единицы, часто выступавшие в этнической форме, с одной стороны. С другой – быстрая архаизация кочевого общества в случае утраты господствующим этносом своего положения и, как следствие, распад государства. В любом случае народы, находившиеся в сфере влияния уже существовавших политических образований, непроизвольно накапливали и сохраняли элементы государственности. И этот политический опыт, закрепленный в их социально-фискальных институтах, позволял в благоприятных условиях его реанимировать, продолжая собственное моделирование отдельных элементов государственности даже после вхождения в состав новых, как правило, иноэтничных государств.

Поэтому, находясь в составе Российской империи, тюркоязычное население Горного Алтая продолжало воспроизводить такую политическую модель, которая прочно опиралась на центральноазиатскую политическую традицию. Это проявилось не только в бытовании названий административно-фискальных единиц – дючин и сохранявшейся джунгарской титулатуры правящей верхушки – зайсанов, демичи, шуленг, но и в дальнейшем структурировании собственного социума, что проявилось в механизмах выделения шестой и седьмой дючин в начале XIX в. «Стягивание» телесов и майманов, до этого входивших в состав соответственно второй и пятой дючин, неизбежно привело к увеличению их численности и стремлению обособиться в рамках собственных административно-фискальных образований.

Важным условием устойчивости аборигенного общества было сохранение родовых и семейных родословных и, соответственно, преемственности в наследовании зайсанских должностей. В новой седьмой дючине власть демичи пятой дючины Юдеки Таингашева – бывшего инициатором этого процесса – наследовал его сын – Кускулек Юдекин. Генеалогии зайсанов пяти старых дючин уходили в джунгарское время, когда возглавившие их люди – Кутук, Пуктуш, Куккуш, Пюдюке – выступили сторонниками перехода тюркоязычного населения Горного Алтая в российское подданство. Древность генеалогий, предания о героических делах зайсанов, демичи, богатырей джунгарского времени являлись важнейшим фактором легитимности власти и народного уважения их потомков.

Вплоть до 1880 г. алтайские дючины управлялись наследственными зайсанами. Попытки сократить срок их пребывания в этих должностях российскими властями до трех лет, а также именование их должностей в официальных документах «родовыми старостами» вызвали возмущения в алтайском обществе. И хотя с этого времени управлявших дючинами выбирали, но обычно это превращалось в перевыборы одних и тех же лиц, а сами они по-прежнему именовались в соответствии с джунгарской титулатурой.

В неменьшей степени джунгарское этнокультурное наследие проявилось на завершающей стадии этнической консолидации алтай-кижи, основу которых составило население семи южноалтайских дючин, бывшее потомками подданных чоросского улуса. Формирующееся этническое сознание алтай-кижи приняло религиозный облик, специфику которого во многом определила историческая память, питаемая событиями, именами, переживаниями, связанными с периодом расцвета и гибели Джунгарского ханства. В молитвах «ожили» деяния Калдан-хана (Галдан-Церена), превратности судьбы Амырсанаа (Амурсаны), поступки Шуну. Эти образы слились в облике Ойрот-хана – алтайского мессии, прихода которого ожидало население Горного Алтая. Образ Ойрот-хана, в имени которого отразилась этническая принадлежность ойратов – западных монголов, олицетворял собой идеализированное прошлое – могучее Джунгарское ханство, история которого осмысливалась как собственная. Ожидание прихода Ойрот-хана воспринималось как возвращение «великого прошлого».

В период резкого этнокультурного размежевания с родственным этническим окружением именно идеализированная джунгарская история и адаптированные элементы западномонгольской культуры жестко выделили и обозначили ввне сформировавшийся этнос, что проявилось в бурханистской

идеологии и бурханистском движении 1904 г. Оказалось, что, несмотря на 150-летний период пребывания в составе Российского государства, память о джунгарском прошлом не только сохранилась, но оказалась востребованной на новом этапе исторического и этнического развития. Бывшие подданные Джунгарии, тюркоязычное население Западного и Центрального Алтая, переосмыслили свой прежний статус, мифологизировав время своего пребывания в составе ханства. Более того, уничтоженное государство западных монголов стало восприниматься как поворотный момент собственной истории.

Безусловно, в результате джунгаро-китайской войны, приняв российское подданство, часть ойратов вернулась в горы Алтая вместе с бежавшими туда местными тюркоязычными группами. Этнические осколки западных монголов, в соответствии с центральноазиатской традицией, оформившись в виде сеоков (родов), заняли свое место в социальной структуре будущих алтай-кижи (меркиты, дербеты, чоросы). К началу XX в. эти западномонгольские группы были полностью тюркизированы, но их включение в состав нового этноса усилило его тяготение к исторической и культурной традиции Джунгарского ханства.

Развернувшаяся с конца XIX в. русская крестьянская колонизация «сжимала» территорию обитания аборигенов Горного Алтая и невольно ускоряла его этническую консолидацию. Результативная проповедническая деятельность Алтайской духовной миссии размывала его шаманистские воззрения и оживляла в памяти аналогичные христианству сюжеты, которые в XVII – 1-й половине XVIII в. были внедрены в нее насаждавшими ламаизм джунгарами.

Идея единого бога, представление о накоплении людьми грехов и, как следствие этого, приближение «конца света», отрицательное отношение к кровавым жертвоприношениям и шаманам, мессианские мотивы – все это внедрялось в сознание тюркоязычных подданных Джунгарского ханства в период насильственного распространения у них буддизма (ламаизма). Но эти же сюжеты были наиболее востребованы и миссионерской практикой. Не желая того, православные миссионеры «оживили» некогда внедренный в религиозное сознание своей языческой паствы ламаистский пласт. И он «всплыл», придав этнокультурную специфику религиозным представлениям алтай-кижи как по отношению к тем, кто сохранял шаманские верования и практики, так и принявшим православие.

Как религиозная система, бурханизм представлял собой соединение дошаманских верований и ритуалов с элементами джунгарского ламаизма при отрицании собственно шаманских представлений и действий, особенно в период становления. Буддийские мотивы и атрибуты, проникшие на Алтай в XVII–XVIII вв., растворившись в местных культах, не только не исчезли, но закрепились в сознании алтай-кижи как важнейший компонент их новой религии.

Этнические трансформации, ломка прежних социальных связей в контексте общероссийской модернизации рубежа XIX–XX вв. сопровождалась ростом психологической напряженности. Присущая традиционному мировоззрению цикличность мироздания, усиленная буддийским учением о смене кальп, диктует, что каждому этносу свойственны его время и пространство, а этносоциальные изменения влекут за собой всемирную катастрофу. Этнос, общество, религия меняются, значит, должен измениться и природный мир. Такие ощущения неизбежно порождали эсхатологические настроения. При этом особое внимание уделялось всевозможным приметам, якобы предвещающим «конец света». Ожидание вселенской катастрофы, которая уничтожит прежнее пространство и «добурханистское» состояние, предполагало бытие нового этноса с новой религией в обновленном мире. Ускорить этот процесс, по мнению бурханистов, должны были всеобщие моления-мюргюли всех веривших в Бурхана и Ойрот-хана. Какая-либо иная активность не имела смысла. Отсюда сугубо мирный характер бурханистского движения, что также вписывалось в центральноазиатскую ламаистскую традицию.

Восприняв элементы джунгарского этнокультурного комплекса, алтай-кижи не только сохраняли, но и воспроизводили их в своих социальных, культурных, религиозных практиках на протяжении длительного периода, творчески развивая их и приспособлявая к меняющимся запросам своего социума. Джунгарское этнокультурное наследие проявилось как в виде непрерывно функционирующей традиции, что сказалось на социально-административном устройстве алтайского общества, так и приняло форму «взрывоподобного» «возвращения» к прошлому, что отразилось в бурханистских представлениях и практиках. В любом случае эти процессы отражали глубинные связи населения Горного Алтая с центральноазиатским этнокультурным ареалом тюрко-монгольских народов, одним из воплощений которого было Джунгарское ханство.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДВО – Дальневосточное отделение.
ДТС – Древнетюркский словарь.
ИРГО – Императорское Русское географическое общество.
К. – карточка.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии народов Сибири Томского государственного университета.
П. – папка.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СЭ – Советская этнография.
АПАХ – Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A.D. Xenopol». Iași.
AM – Arheologia Moldovei. Iași.
BSNR – Buletinul societății numismatice române. București.
RESEE – Revue des Etudes Sud-Est Europeennes. București.
RI – Revistă de istorie. București.
RRH – Revue roumaine d'histoire. București.
SCN – Studii și cercetări de numismatică. București.
SCIVA – Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București.

СОДЕРЖАНИЕ

СТЕПНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Борисов Б.Д. Поздние номады на территории Болгарии	3
Васютин С.А. Влияние спадов и подъемов китайской цивилизации на политическое развитие кочевого мира Центральной Азии периода раннего средневековья	7
Ганиев Р.Т. Восточнотюркский каганат и Китай в 620–630 гг.	10
Калинина Т.М. Хазарский каганат: признаки кочевничества и оседлости по данным арабо-персидских источников	13
Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Вклад археологов Алтайского университета в изучение эпохи средневековья Южной и Западной Сибири	16
Крадин Н.Н. Древние и средневековые кочевые империи Центральной Азии: особенности исторической динамики	21
Мажитов Н.А. Средневековый Башкортостан – страна городов	24
Флеров В.С. О раннесредневековых кочевьях в Приазовье и на Нижнем Дону. К методике полевых исследований	25
Фодор И. Государство хазарского типа у венгров в раннем средневековье	28
Чжан Цзяньлинь. Характеристика и время сооружения крепости Пор-Бажын в Туве	29
Шелепова Е.В. Результаты исследований средневековых памятников Западной Монголии во 2-й половине XIX – начале XX в.	33
Ярков А.П. К вопросу о золотоордынской цивилизации в Сибири	38

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ПРЕДТЮРКСКОЕ И ТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ

Ковычев Е.В. Хуннуско-сяньбийские памятники на территории Восточного Забайкалья	41
Константинов Н.А. Источники по изучению охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н.э.	45
Масумото Тэцу. К вопросу о китайских зеркалах из Сибири периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.)	49
Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае	55
Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «Великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I)	59
Харинский А.В., Кожевников Н.О., Снопков С.В. Металлургические центры западного побережья озера Байкал I тыс. н.э.	65

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Руденко К.А. Проблемы этнокультурной истории Среднего Поволжья 2-й половины I тыс. н.э.	69
Боталов С.Г. Культурогенез населения урало-казахстанских степей периода Западнотюркского каганата	71
Георгиев П.П. Древнетюркское наследие в культуре Дунайской Болгарии (VII–X вв.)	75
Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западные границы Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья)	78
Зубов С.Э., Архипова А.А. Керамические импорты в погребальных комплексах праболгар Среднего Поволжья (VII–VIII вв. н.э.)	79

Корусенко М.А. Способы оформления могильной ямы у аборигенного населения низовий р. Тара (XVII–XXI вв.): возможности исследования генезиса	82
Лавыш К.А. Элементы материальной культуры Золотой Орды в средневековых городах Беларуси	85
Матвеева Н.П. Новые данные о средневековых культурах лесостепного Зауралья	88
Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в VIII–XIV вв.: проблемы этнокультурных контактов на основе археологических материалов	91
Ситдигов А.Г. Археология Среднего Поволжья эпохи Казанского ханства	94
Чикунова И.Ю. Этнокультурное взаимодействие в южнотаежном Притоболье в средневековье	96

ВОЕННОЕ ДЕЛО В СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ В РАННЕМ И РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Баркова Л.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые панцирные пластины с территории Алтая из коллекции П.К. Фролова	99
Бобров Л.А. Казахские копейные значки эпохи позднего средневековья и раннего нового времени	103
Бобров Л.А., Белоусова Н.Е. Воинские плюмажи казахов XVII – середины XIX в.	107
Бочаров С.Г. Солхатская война и ее отражение в фортификации Каффы	113
Василев В.Йотов. Стремена степей и стремени Византии (VII–XII вв.)	116
Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы	119
Горелик М.В. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв.	124
Губайдуллин А.М. Традиции средневекового военного зодчества на территории Волго-Камья	128
Измайлов И.Л. Монгольский поход 1223 г. и проблема хронологии древностей Восточной Европы начала XIII в.	129
Илюшин А.М. Культурная динамика вооружения средневекового населения Кузнецкой котловины	133
Красильников П.В., Измайлов И.Л. Раннебулгарские стремени: типология и историческая интерпретация	136
Кунгуров А.Л. Особенности древних и средневековых фортификационных сооружений Лесостепного Алтая	137
Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу об оборонительных сооружениях населения Сибирского ханства	140
Соёнов В.И., Трифанова С.В. Хронология и историко-культурная интерпретация каменных шибэ Алтая	143
Худяков Ю.С. Развитие военного дела кочевников Центральной Азии на рубеже эпох раннего и развитого средневековья	147
Шмониевский Б.Ш., Воина В.М. Погребение тюркского кочевника в пещере Баба в северной Добрудже: свидетельство присутствия печенегов в регионе	150

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА, ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ В X–XIII вв.

Бахматова В.Н. Об использовании естественно-научных методов в исследовании неполивной керамики Болгарского городища	153
Валиев Р.Р., Ситдигов А.Г. Застройка береговой линии «Больничного бугра» Селитренного городища	154
Васютин С.А. Урбанизация в кочевых империях как фактор социально-политической трансформации	157
Ковалев А.А. Северная граница тангутского государства Си Ся по данным археологических и письменных источников	160
Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Саранцева С.Е., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. Результаты исследований городища Хэрмэн-дэнж в Монголии в 2010–2011 гг.	168

Масловский А.Н. Золотоордынский Азак и кочевники. Пути интеграции в городскую жизнь и влияние на судьбу города	171
Недашковский Л.Ф. Земледелие, скотоводство и промыслы в Золотой Орде	174
Руссев Н.Д. Городская культура в западном пограничье степной Евразии XIII–XIV вв. (особенности развития)	177
Храмченкова Р.Х. Химический состав керамики Болгара	181
Шакиров З.Г. К вопросу о поселенческой структуре и ресурсном потенциале округи Биляра X–XV вв.	183
Шарифуллин Р.Ф. Исследование крупной кирпично-каменной постройки в Болгаре в 1994–2011 гг. (предварительные результаты)	184
Шигапов М.Б. К проблеме картографии золотоордынских поселений в Западном Предкамье	185
Яворская Л.В. Золотоордынские города Нижнего Поволжья XIII–XIV вв.: очерки мясного потребления (по археозоологическим материалам)	187

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Amano Tetsuya (Аmano Тэцую). A comparative study between East and West Eurasia on the relationship between the brown bear and humans – the characteristics of the Altai region	191
Горелик М.В. Декор монгольского костюма XII–XIV вв.	191
Гребенникова Т.Г. Проблемы и пути музеефикации археологических памятников эпохи средневековья	193
Король Г.Г. Средневековое искусство Саяно-Алтая и Дальнего Востока	196
Крамаровский М.Г. Два вектора в формировании культуры монгольской элиты XIII–XIV вв.	200
Маслюженко Д.Н., Архипова Е.Н. Предметы средневековой тюревтики с территории Верхнего Приисетья	203
Мунхбаяр Ч., Энхтур Ч., Мунхбат Ц. О тюркских изваяниях, обнаруженных на территории Манхан сомона (Монгольский Алтай)	206
Ожередов Ю.И. Антропоморфные каменные изваяния у подножия горы Хотын-Хойт-Улан (к археологической карте Ховдского аймака)	211
Полидович Ю.Б., Усачук А.Н. Каменная скульптура восточноевропейских средневековых кочевников в этнографической действительности XVIII–XX вв.	214
Соловьев А.И., Комиссаров С.А., Соловьева Е.А. Развитие статуарных изваяний на территории Синьцзяна	218
Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н. Катафрактарии Хар-Хада (Монгольский Алтай)	221

ОСОБЕННОСТИ СТЕПНЫХ СОЦИУМОВ: АНТРОПОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Газимзянов И.Р., Тур С.С. Новые данные по палеоантропологии населения Тянь-Шаня эпохи средневековья	227
Зубов С.Э., Новаленко П.В. Социальный аспект погребений с конем и конским снаряжением в памятниках праболгар Средней Волги (конец VII – VIII в. н.э.)	230
Прынь А.В., Маврич В.В. Опыт краниологического исследования черепов из средневековых могильников среднего Подонцовья	234
Серегин Н.Н. Социальная структура населения тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI в.)	238
Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие	241
Список сокращений	244

Научное издание

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ**

*Материалы II Международного конгресса
средневековой археологии Евразийских степей*

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

*Для оформления обложки использованы фотографии А.А. Тишкина,
на которых изображены северо-западные предгорья Алтая
и часть урочища Хар-Хад в Монголии*

Подписано в печать 06.08.2012. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 29,1.
Тираж 500 экз. Заказ 474.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru